

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

А.Н. Баранов

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА
ТЕКСТА**

**Теоретические основания
и практика**

Учебное пособие

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2012

УДК 81 33
ББК 81я75
Б24

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Рецензенты:

Беликов В.И., д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН;
Крысин Л.П., д-р филол. наук, профессор, зам. директора
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН;
Паршин П.Б., канд. филол. наук, доцент, ведущий научный
сотрудник МГИМО (У) МИД России

Баранов А.Н.

Б24 Лингвистическая экспертиза текста : теория и
практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов. 4-е изд., стер. —
М. : Флинта : Наука, 2012. — 592 с.

ISBN 978-5-9765-0083-9 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034561-4 (Наука)

Пособие посвящено новому направлению в прикладной лингвистике, в котором разрабатываются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также представлять его в явной (эксплицитной) форме. Разбираются примеры анализа феноменов языка и речи, становящихся предметом спора в судах и тем самым важных для экспертизы текстов СМИ. Анализируются и обсуждаются часто используемые приемы манипулирования сознанием. Книга иллюстрирована языковым материалом, основанным на картотеке экспертиз по делам о защите чести и достоинства, разжигании межнациональной розни, оскорблениях, по делам в сфере товарных марок и патентоведения. Подробно разбираются экспертизы, вызвавшие широкий общественный резонанс (дело Баяна Ширянова и дело «Ароян против Киркорова»).

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических факультетов вузов, филологов, работающих в области лингвистических экспертиз, юристов, занимающихся правовым обеспечением деятельности СМИ и публичной политики, а также для журналистов.

УДК 81 33

ББК 81я75

ISBN 978-5-9765-0083-9 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034561-4 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2012

Предисловие юриста

Профессор А.Н. Баранов — признанный авторитет в области языкознания — создал капитальный труд, итожащий его собственный 15-летний опыт проведения лингвистических экспертиз. Разумеется, книга будет востребована в первую очередь филологами, работающими или собирающимися работать в сфере прикладной лингвистики. Несомненна и ее польза для специалистов в сфере информационного права и журналистской аудитории. Но я решился написать несколько вступительных строк к книге, поскольку ознакомление с ней убедило меня в том значении, какое она может иметь для профессионального роста практикующих юристов: судей, следователей, адвокатов.

Лингвистическая экспертиза была массово затребована отечественной юстицией в начале 90-х годов XX в., когда на гражданское правосудие обрушилась (и с тех пор не спадает) лавина исков, преимущественно к СМИ, о защите чести, достоинства и деловой репутации. Журналистская продукция представлена текстами разного профессионального жанра и уровня. Смысловое содержание одних просто и ясно, можно сказать, лежит на поверхности. Но смысл других постигается тщательной аналитической работой, извлекается из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изощренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов. К аргументированной и компетентной оценке таких текстов суды оказались не готовы и запросили помощи. Она пришла со стороны лингвистики. Спорные тексты стали предметом консультирования либо экспертных заключений. А затем и... бесспорные.

Ситуация, когда суды и стороны начали едва ли не по каждому диффамационному делу обращаться за разъяснениями к филологам, сложилась довольно быстро. Сработала судебная психология, в принципе настроенная на привлечение специалистов: это облегчает работу и создает эффект большей обоснованности решения. Но не только. «Лингвистической наркотизации» способствовал состав участников диффамационных процессов: обидчиками или обиженными в значительной их части выступают государственные мужи (губернаторы,

меры, депутаты, прокуроры etc.). Политический окрас также повышает нужду в научном прикрытии судебного решения.

Вскоре на «лингвистическую иглу» подсело уголовное правосудие. Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах — клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует: «Значительная часть лингвистических экспертиз как раз посвящена доказательству очевидного». Думается, наши юристы не в лучшем виде предстают перед лингвистами, требуя научного исследования значения известного слова из трех букв в отношении известно какой национальности, или глагола *бей* (неважно кого), либо, например, разъяснения смысла слова *значит*, *некий*, *похитил*, или выражений *держат в подвешенном состоянии*, *нетрадиционная ориентация в плане секса*, *админхактив*, *да*, *Вы знаете, это совершенно так* и т.п.¹ Необходим срочный языковой ликбез для юристов либо краткие курсы профессиональной этики. Скорее всего, и то и другое.

Пример осознания профессиональной чести и приверженности истине демонстрирует сам автор. Научные авторитеты, в отличие от политиков и звезд шоу-бизнеса, обычно «широко известны в нешироких кругах». Но ситуация меняется, когда предмет их изысканий приобретает общественное звучание, становится информационным поводом для политических игр и пиаровских акций.

Имя проф. Баранова стало широко известно в связи с экспертизами, проведенными им по двум делам — Баяна Ширянова (Кирилла Воробьева) о порнографии и Филиппа Киркорова об оскорблении. Вокруг обоих кипели подогреваемые соперничающими политическими силами нешуточные страсти, шло публичное побивание камнями, и на голову автора лингвистических экспертиз со стороны тех, кого не устроили их выво-

¹ См., в частности: *Цена слова*. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2003.

ды, сыпались едва ли не проклятья. Поэтому то, что А.Н. Баранов в качестве примеров лингвистической экспертизы текстов представил свои заключения именно по этим делам, — дорогого стоит.

Юристы на этих примерах смогут не только по достоинству оценить высокий уровень работы эксперта-лингвиста, не только убедиться в исключительной сложности правовой квалификации написанных или произнесенных слов, но и еще отнюдь нелишний раз задуматься над уместностью криминализации порнографии и оскорбления, в силу присутствия высокой порции субъективизма и оценочности. Значительно эффективнее тут будут гражданско-правовые санкции. Совсем вывести эти действия из правовой сферы не получается, да и вряд ли будет правильным в нынешней ситуации нравственной деградации общества и почти полной утраты такой моральной ценности, как репутация.

Но жизнь продолжается, может, опять вернется к нам «нерукопожатность», которая, конечно же, более эффективна, чем судебный приговор.

«Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и общественной коммуникации», — это заключение весомо, когда к нему приходит в итоге своих исследований настоящий ученый.

Президент Адвокатской палаты г. Москвы
Заслуженный юрист РФ
Г.М. Резник

От автора

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой итог многолетней работы автора в сфере лингвистических экспертиз. Она была задумана еще в середине 90-х годов прошлого века — страшно подумать. Нет ничего проще, чем задумать и даже начать писать книгу. И действительно, эта книга начиналась много раз. Однако затем работа даже не прекращалась, а медленно затухала. То появлялись новые важные установочные документы, менявшие взгляд на суть экспертных проблем², то давали о себе знать всякие сложности бытия, отодвигавшие проект книги о лингвистических экспертизах в неопределенное, но всегда замечательное будущее.

Окончательная решимость довести дело до конца образовалась сама собой в 2005 г. в период пребывания автора в университете Чжэнчжи. Воздух свободы и независимости о. Формоза способствовал продвижению проекта: отложив в сторону и изучение китайского языка, и тщательное знакомство с культурой и обычаями аборигенов, автор несколько редуцировал исходный замысел и довел-таки текст до окончательного вида. Пришлось отказаться от сулящей множественные перспективы темы автороведческих экспертиз. Дело в том, что по жанру и методам экспертизы по установлению авторства существенно отличаются от лингвистической экспертизы текста, основанной прежде всего на семантическом анализе плана содержания и использовании соответствующих метаязыков. Экспертизы по установлению авторства предполагают широкое использование аппарата математической статистики — лингво-статистического анализа. Тем самым, раздел автороведческой экспертизы в этой книге выглядел бы чужеродно. Кроме того, по предполагаемому объему он мало в чем уступает оставшемуся тексту. Иными словами, работа об автороведческих экспертизах уже по привычке отодвинута в светлое будущее, которое, однако, непременно должно состояться.

² Последний документ — очередное Постановление пленума Верховного суда РФ — появился аккурат под завершение книги в начале 2005 года.

Наконец, изначально не планировалось обсуждение экспертиз звучащей речи. Эта проблематика, будучи важной частью экспертной деятельности лингвистов, находится за пределами интересов автора и его компетенции. О письменном тексте говорит и название книги, хотя в расширительном понимании к тексту, разумеется, относится и звучащая речь.

Исходным материалом для книги послужил архив, насчитывающий около 200 экспертных заключений, составленных автором по искам о защите чести и достоинства, по делам о порнографии, разжигании межнациональной розни, оскорблениях, клевете, а также по судебным спорам в сфере патентования, товарных знаков, рекламы. Значительная часть экспертных заключений составлялась по обращениям граждан в Институт русского языка РАН. По большей части это проблемы интерпретации семантики текста — анализ многозначности фраз, выявление возможностей того или иного понимания слов и синтаксических конструкций, а также попытки хоть какой-то смысловой интерпретации языковых форм, отражающих поток бюрократического сознания породивших их чиновников.

Тексты экспертных заключений, как правило, модифицировались (это касается и имен вовлеченных лиц, а также названий компаний и организаций). Это объясняется многими причинами. Во-первых, жанровые особенности текстов заключений существенно отличаются от жанра научной монографии. Во-вторых, многие экспертизы требуют для лингвиста, впервые сталкивающегося с экспертной деятельностью, комментария. Последний, впрочем, часто необходим и специалистам. В-третьих, экспертизы выполнялись автором в течение почти пятнадцати лет. За это время существенно изменились методологические основания экспертной деятельности лингвистов, появились новые методики работы, инициированные развитием лингвистической теории. Очень важные результаты были получены в изучении дискурса, развивалась теория текста и лингвистическая прагматика. Были обобщены и уточнены многие положения теории речевых актов, существенно модифицирован концептуальный аппарат теории аргументации и начались исследования в области языка рекламы и отечественной политической лингвистики. В-четвертых, изложение материалов в книге предполагает направление — от поня-

тийных категорий, от инструментария экспертной деятельности к разбору конкретных примеров из практики. Полные тексты экспертиз никак не вписываются в такую стратегию изложения материала. Наконец, в-пятых, точное воспроизведение некоторых экспертиз невозможно из-за соображений конфиденциальности, хотя зачастую они представляют значительный интерес с чисто научной точки зрения. В этих случаях обойтись без изменения текста экспертизы вообще невозможно. Кроме того, опыт публикации текстов экспертиз уже есть, хотя и не во всем удачный³. Исключение сделано лишь для двух экспертиз по судебным делам, вызвавшим широкий общественный резонанс (см. главу 8).

Считаю приятным долгом поблагодарить своих коллег-собратьев по экспертной деятельности в Институте русского языка РАН. Л.П. Крысин своим разумным взглядом и трезвостью оценок способствовал эволюции взглядов автора в нужном направлении и ненавязчиво, но решительно поддерживал его в процессе написания книги. О.М. Грунченко обратила внимание автора на отсутствие методологических оснований некоторых видов экспертных работ, ее организаторская деятельность и управленческие таланты вне конкуренции; И.Б. Левонтина споспешествовала автору в ряде прагматических коллизий лингвистических экспертиз; ее профессиональная солидарность вызывает искреннюю благодарность автора, а искусство аргументирования восхищает своей эффективностью.

Экспертная деятельность во многих случаях оказывается коллективным предприятием. Автор искренне благодарен своим соавторам по экспертизам — Ю.А. Сафоновой, стоявшей у истоков экспертной работы в ИРЯ РАН, П.Б. Паршину, отличающемуся широкой эрудицией, нетривиальным подходом к объекту экспертного исследования, сотруженику и по другим научным предприятиям, Ю.К. Пироговой, обладающей ис-

³ См.: Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. Первое издание книги после существенного расширения авторского состава и тематических разделов превратилось в разношерстный сборник работ *Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*. М., 2003.

ключительной дотошностью и умением обнаруживать главное в деталях, О.М. Грунченко, стоящей на страже истины, духа и буквы экспертного заключения.

Наконец, желаю выразить всяческую признательность человеку, приобщившему автора к лингвистическим экспертизам, — открывателю нетривиального в языке и жизни В.И. Беликову.

С окончательным вариантом книги познакомился Г.М. Резник, которому я очень благодарен за неформальное предисловие и важные соображения о статусе и характере лингвистической экспертизы в современной российской судебной практике.

Многие сюжеты экспертной деятельности, обсуждаемые в книге, обязаны своим возникновением моему многолетнему сотрудничеству с адвокатской коллегией «Львова и Партнеры». Я искренне признателен Е.Ю. Львовой и А.Л. Макарову за нетривиальные судебные дела и проницательные юридические комментарии.

Данная книга не состоялась бы и сейчас, если бы не сочувственное и доброе отношение ко мне китайских коллег университета Чжэнчжи и его администрации.

Кажется, все...

декабрь 2005 г.
Автор

ВВЕДЕНИЕ

Демократизация общества (как бы она ни понималась и ни оценивалась) и формирование сферы публичной политики с начала 90-х годов XX в. привели к появлению новых дисциплин прикладной лингвистики. К ним можно отнести возникновение на отечественной почве политической лингвистики, изучение языка рекламы, развитие прикладных методик лингвистического мониторинга языка средств массовой информации — как для целей лингвистической теории и культуры речи, так и для выявления изменений в структуре общественного сознания по данным языка и т.д. К таким успешно развивающимся направлениям прикладного языкознания относится и **лингвистическое консультирование** — использование знаний о структуре и функционировании языка для оптимизации использования языка в СМИ, публичной политике, в преподавании, в законодательной деятельности, в юридической сфере, в обеспечении эффективного документооборота и т.д. Аналогом данного направления в области политологии можно считать **политическое консультирование**, целью которого является применение знаний о способах взаимодействия с общественностью, инструментах исследования общественного сознания, о практике проведения избирательных кампаний для организации деятельности политических субъектов различного уровня⁴.

В отличие от политического консультирования, в область лингвистического консультирования непосредственно входит обеспечение проведения лингвистических экспертиз различной целевой направленности — и прежде всего для судебной сферы, области патентования и товарных знаков. Лингвистические экспертизы в судебной сфере иногда называются в литературе **юрислингвистикой**⁵. В Германии близкие направления имеют наименования — *forensische Linguistik* букв. ‘судеб-

⁴ См. по этому поводу, напр.: *Политическое консультирование* / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1999.

⁵ См., в частности: *Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы*. Барнаул, 2002.

ная лингвистика', Rechtslinguistik букв. 'правовая лингвистика'⁶. При этом forensische Linguistik чаще всего понимается как использование знаний о функционировании языка в проведении следствия, а Rechtslinguistik охватывает область функционирования языка в суде, языковую форму юридической аргументации, языковые требования к оформлению юридических документов, интерпретацию семантики текстов документов и т.д.

Очевидно, что сфера лингвистических экспертиз, связанных с использованием знаний о функционировании языка, не совпадает ни с «юрислингвистикой», ни с «правовой лингвистикой». Например, лингвистическая экспертиза товарного знака необязательно связана с юриспруденцией, хотя и может использоваться для регулирования правовых отношений. Аналогично автороведческая экспертиза — экспертиза по установлению авторства текста — не всегда предусматривает судебное разбирательство. Ср. в этой связи многочисленные исследования авторства «Тихого Дона», произведений У. Шекспира, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.В. Маяковского и др., имеющие скорее общественный резонанс, чем судебную перспективу. Сам термин «экспертиза» понимается в этом случае несколько расширительно — как зафиксированное в той или иной форме (в письменном документе, устной консультации) мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах. При этом существенно, что выводы лингвиста, отражающие его мнение, используются за пределами лингвистики — в литературоведении, истории, юриспруденции и т.д. В этом, кстати, важнейшая особенность лингвистических дисциплин, входящих в широкое направление прикладной лингвистики, занимающейся оптимизацией функций языка и приложением знаний о языке в других науках и сферах практической деятельности человека⁷. Иными словами, лингвистическую экспертизу текста также следует рассматривать в ряду дисциплин прикладной лингвистики.

⁶ *Untersuchungen zur Rechtslinguistik*. Interdisziplinäre Studien zu praktischer Semantik und Strukturierender Rechtslehre in Grundlagen der juristischen Methodik / Müller, Friedrich (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1989.

⁷ О прикладной лингвистике и ее задачах см.: *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2000 (2-е изд. — 2003).

В том же самом расширительном смысле используется термин «экспертиза» и в данной книге. В дальнейшем речь пойдет о лингвистической экспертизе текста, при этом текст также понимается довольно широко: это продукт речевой способности человека, используемый в коммуникации между людьми и в общественной коммуникации между политическими субъектами. Общественная коммуникация отличается от обычной тремя важнейшими характеристиками. Во-первых, в качестве участников этой коммуникации выступают и отдельные люди, и политические субъекты. Говорящие в последнем случае, скорее, представляют этих политических субъектов. Если реальных политических субъектов нет, а конкретные люди на самом деле являются представителями одного политического субъекта (например, одной политической партии, организации или движения), то и коммуникация оказывается ритуализованной, неполноценной⁸. Во-вторых, общественная коммуникация чаще всего оказывается не непосредственной, а отложенной, т.е. реакция на речевое сообщение следует не сразу, а через какое-то время. Зато и количество реакций неограниченно — в отличие от обычного диалога между двумя людьми. Наконец, в-третьих, общественная коммуникация усложнена за счет множества семиотических кодов. Кроме собственно языка, в ней используются коммуникативные акты-события, язык искусства, ритуал и другие феномены коммуникативного взаимодействия между людьми.

Одной из сфер общественной коммуникации являются, разумеется, средства массовой информации. В определенном смысле коммуникацией можно считать и сферу рекламы, конкуренцию брендов, товарных марок и товарных знаков. Все это также в той или иной мере обсуждается в книге под общим термином «текст». Особый интерес представляет экспертный анализ неоднородных текстов — текстов, включающих как вербальные, так и невербальные составляющие. Об этом тоже идет речь в книге.

Как назвать эту, по необходимости грубо очерченную, сферу использования знаний о языке, сферу лингвистического консультирования? Естественно выбрать расширитель-

⁸ См. по этому поводу: *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.

ный термин, например «лингвистическое экспертоведение», «лингвистическая экспертология» или «теория лингвистических экспертиз». Первые два термина содержат неологизмы, степень приемлемости которых неочевидна. В дальнейшем в качестве рабочего термина в указанном значении используется выражение **теория лингвистических экспертиз**, или **теория лингвистической экспертизы текста**.

Классификация лингвистических экспертиз может проводиться по различным параметрам⁹. Формальные критерии не представляют существенного интереса с точки зрения собственно теории лингвистических экспертиз, хотя и влияют на процедуру выполнения экспертизы и способ представления результата. По формальному параметру лингвистические экспертизы (и не только собственно лингвистические) разделяются на две большие группы: официальные и инициативные. **Официальные** экспертизы выполняются по постановлению суда или органов дознания и имеют статус доказательств. **Инициативные** экспертизы выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (в том числе ответчиков и истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и т.д.). Инициативные экспертизы могут признаваться правомерным доказательством только по решению суда или органов дознания. Инициативные (неофициальные) экспертизы чаще называются **заключением специалиста**. По количеству экспертов различаются комиссионные и неkomиссионные экспертизы. **Комиссионные** экспертизы выполняются несколькими экспертами, а **некомиссионные** — только одним. Чаще всего комиссионные экспертизы назначаются в трех типах ситуаций. Во-первых, когда случай сложен и требует привлечения знаний нескольких специалистов. Во-вторых, когда предмет исследования экспертизы носит междисциплинарный характер и его правильная оценка невозможна в рамках одной научной или практической дисциплины. Так, экспертизы товарных знаков обычно предполагают участие лингвиста, специалиста по товарным знакам и/или специалиста из сферы рекламы. Текстологичес-

⁹ Параметры классификации судебных экспертиз различных типов подробно разбираются в пособии: *Аверьянова Т.В.* Судебные экспертизы: Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

кие экспертизы по делам о порнографии, как правило, также являются комиссионными и включают кроме лингвиста еще и специалиста по социальной психологии и/или культурологии. Довольно сложными обычно являются дела о разжигании межнациональной розни, которые также часто требуют комиссионных экспертиз с участием лингвиста, социального психолога/социолога, а часто и политолога. Наконец, третий случай — общественная значимость дела. В такой ситуации комиссионная экспертиза призвана сформировать научную базу для выводов прокуратуры или решения суда.

По объекту лингвистических экспертиз выделяются экспертизы звучащей речи, экспертизы письменного текста и вербально-визуальные экспертизы. В **экспертизах звучащей речи** исследуются акустические характеристики речевых высказываний, в частности для определения автора речевого сообщения. Если в экспертизах звучащей речи используется специальный инструментарий акустики, фонетики и фонологии, то **экспертизы письменного текста** разнообразны по своей направленности и используемым методикам. В экспертизах такого рода может использоваться и морфологический анализ (например, при исследовании сходства и различий товарных знаков), и синтаксический анализ (например, для определения синтаксической сложности текстов при установлении авторства), и семантический анализ (например, семантическое исследование инвектив в экспертизах по делам о защите чести и достоинства), и анализ текста (например, в экспертизах по определению семантического подобия текстов), и лингвостатистический анализ (например, в экспертизах по установлению авторства).

Вербально-визуальные экспертизы в качестве объекта для исследования имеют сложно организованный феномен — сочетание вербальной и невербальной информации, т.е. комбинация текста и изображения. Это оказывается необходимым, например, при оценке степени близости товарных знаков, когда по набору символов, графем или «буквоподобных» элементов товарные знаки близки, но изобразительно поданы по-разному (ср. дело по товарным знакам AIGLE и ЭGLE¹⁰).

¹⁰ Экспертиза, проведенная автором совместно с Ю.К. Пироговой и Э.И. Почтарь.

Анализ изображения и текста в единстве требуется и в тех случаях, когда семантика текста или его фрагментов, иллюстрирующих изображение, не вполне ясна. Так, выражение *Знай наших!* может использоваться и как фразеологизм в значении ‘выражение говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет’, и как свободное словосочетание — императив-рекомендация, коммуникативная цель которого заключается в том, чтобы рекомендовать адресату пополнить свои знания о конкретной группе лиц, с которыми говорящий себя отождествляет. В одном из экспертных дел предметом исследования оказалась фраза *Знай наших!*, помещенная на банке напитка «Fruttola»¹¹. Претензия заключалась в том, что эта фраза была ранее закреплена как слоган в составе товарного знака другого производителя, причем именно в функции фразеологизма. Анализ фрагментов текста и изображения на банке «Fruttola» позволил сделать вывод о том, что в рассматриваемом случае фраза *Знай наших!* использована в прямом значении и, следовательно, не может рассматриваться как заимствование слогана из товарного знака другого производителя (см. подробнее обсуждение этой экспертизы в третьем параграфе главы 5).

В ряде случаев вербально-визуальная экспертиза требует анализа целого видеоряда в его сочетании с вербальными элементами. Так, исследование видеоряда, его текстовых составляющих и текста «за кадром» позволило показать, что мини-сюжет о производстве парфюмерной продукции фирмы «МИРРА» и иллюстрирующий ее «закадровый» текст, с одной стороны, и фраза о распространении фальшивой парфюмерии и косметики из мини-сюжета о проверке вьетнамского рынка — с другой, связаны отношением экземплификации, т.е. фирма «МИРРА» связывается в телевизионной передаче с производством нелегальной продукции (см. подробнее главу 3).

Уже упоминавшиеся **автороведческие экспертизы**, задачей которых является установление авторства текста, существенно отличаются по методологии и используемому исследовательскому аппарату от экспертиз других типов. В силу этого они в данной книге не рассматриваются.

¹¹ Экспертиза проводилась автором совместно с О.М. Грунченко.

По области применения следует как минимум различать **юридическую/правовую экспертизу** и **патентоведческую экспертизу**. Юридическая/правовая экспертиза разделяется по институциональным основаниям на экспертизу по делам о защите чести и достоинства; экспертизу по делам о клевете; экспертизу по делам о разжигании межнациональной розни; экспертизу по делам о порнографии. Все эти типы экспертиз так или иначе обсуждаются в последующих главах книги.

По объему анализа выделяются **холистические («цельно-текстовые»)** экспертизы и **частные экспертизы**. В последних толкуются значения слов, словосочетаний и высказываний в рамках текстов законов и подзаконных актов; выявляются омонимия, полисемия и синонимия слов и синтаксических конструкций и т.д.

По уровням анализа языка выделяются **почерковедческие экспертизы** (анализ почерка); **фонетические** (в том числе фонологические и интонологические); **морфологические** (чаще всего при анализе товарных знаков); **текстологические**, в том числе **лингвостилистические** (фразовый и сверхфразовый уровень); **дискурсивные экспертизы**. В последних осуществляется исследование вербальных и невербальных компонентов реальной коммуникативной ситуации: анализируется и печатный/расшифрованный устный текст, и аудиовизуальный ряд, что предполагает учет жестикуляции, мимики и координация между визуальным рядом и вербальными комментариями и т.д. Дискурсивные экспертизы позволяют, кроме всего прочего, выявлять коммуникативные намерения участников ситуации общения, что важно, например, при определении намерения дать взятку, при выявлении и квалификации угроз, призывов и т.д.

С методической точки зрения проведение экспертизы предполагает выполнение по крайней мере следующих этапов:

- Определение непосредственного объекта анализа (выделение лингвистического аспекта поставленных эксперту вопросов).
- Определение глубины анализа, круга привлекаемых источников информации по самому делу (часто глубина исследования ограничивается внешними факторами, например объемом материалов, которые предоставляет эксперту суд;

формально расширение материала требует особого судебного решения).

- Определение круга источников лингвистической информации: словари и справочники, теоретические работы. Особенно важными оказываются существующие нормативные словари и грамматики.
- Определение возможностей использования репрезентативных корпусов текстов и других инструментов компьютерной обработки языковых данных (см. по этому поводу главу 8).
- Определение необходимости использования правовых документов — текстов законов, подзаконных актов, комментариев к законам.

Лингвистическая экспертиза текста — это не только изложение полученных результатов, но и их специальное оформление. Формальные требования к организации экспертиз уже довольно подробно излагались в существующей литературе, в силу чего они здесь не рассматриваются¹².

Цель данной книги заключается в том, чтобы познакомить читателя — прежде всего лингвиста — с теоретическими основаниями лингвистической экспертизы текста, а также с практикой лингвистических исследований в экспертной области. Теоретические основания подробно рассматриваются в последующих главах. Изложение построено таким образом, что вначале речь идет о некоторых важных понятийных категориях, используемых в языке права, но не получающих определения в рамках юриспруденции, содержание которых раскрывается в рамках лингвистики, точнее, лингвистической семантики и прагматики, а также теории текста. Наиболее существенными оказываются понятия информации, сведений, утверждения, предположения и мнения. Важную роль играет разграничение явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) информации, а также имплицитные способы введения в текст и дискурс утверждений и предположений.

Затем рассматриваются языковые феномены, часто встречающиеся в лингвистических экспертизах различных типов: фразеологизмы, метафора, референция, номинализация, дискурс и речевой жанр. В теоретическом и практическом плане

¹² См., напр.: *Галяшина Е.И. и др.* Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. М., 2004.

разбираются приемы речевого воздействия, анализ которых существен для целого ряда экспертных исследований. Отдельная глава посвящена семантическому анализу значения слова — проблематике, занимающей одно из центральных мест в практике лингвистических экспертиз.

Текст представляет собой единство вербальных и невербальных компонентов. Многие экспертные задачи требуют анализа взаимодействия между вербальным и невербальным, между собственно текстом и изображением. В главе 5 обсуждаются теоретические основания экспертиз такого типа и приводятся конкретные примеры.

Отдельная глава посвящена экспертизам по разжиганию межнациональной розни. Здесь особое внимание уделяется понятию призыва как особому типу речевого акта. Рассматриваются виды призывов, предлагаются правила исследования языкового материала в экспертизах данного типа, которые позволяют в той или иной степени алгоритмизировать процесс лингвистического исследования и соответственно получать более объективные результаты.

Особое внимание уделяется компьютерным методам обработки данных — и прежде всего использованию корпусов текстов в лингвистической экспертизе текста.

В целом можно сказать, что в экспертизе текста так или иначе затребованы практически все разделы теории языка. Упомянем кратко те теоретические направления, которые используются в экспертной деятельности чаще всего. Во-первых, это **лексическая и лингвистическая семантика**. Исследование и описание плана содержания слов, словосочетаний, предложений и фрагментов текстов невозможны без семантических метаязыков. По целому ряду причин прагматического характера особое положение в лингвистической экспертизе текста занимает исследование семантики слов и словосочетаний с использованием словарных толкований. В сложных случаях используются и более развитые семантические метаязыки, которые, однако, требуют последующей оптимизации и адаптации к конкретной проблемной ситуации — к участникам процесса, к их образованию, степени компетентности в науке о языке, способности воспринимать логику проведенного исследования и т.д.

Не менее существенна для экспертизы текста **лингвистическая прагматика**. В особенности **теория речевых актов**, опре-

деляющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв.

Кроме того, важна также и **теория речевого воздействия**, основные положения которой обсуждаются в главе 3. Механизмы вариативной интерпретации действительности, языковое варьирование оказываются основой приемов речевого воздействия и управления сознанием адресата, процессами понимания речевых сообщений. Последние широко используются в СМИ, в сфере публичной политики и как следствие становятся предметом судебного разбирательства.

Наконец, **теория аргументации** дает возможность выявлять тезисы и аргументы спорных текстов, эксплицируя неявные компоненты процесса аргументирования. Анализ аргументации спорного текста оказывается важным способом обоснования позиции стороны в судебном споре.

Перейдем к обсуждению некоторых центральных понятий, лежащих в основе дел по защите чести и достоинства и так или иначе затрагиваемых и в других судебных делах.

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

§ 1. Постановка проблемы

Язык области права (в широком понимании) включает термины двух основных типов: термины (слова или словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного судов РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют. В этом случае для определения значений этих слов или словосочетаний привлекается информация о том, какие значения эти слова имеют в современном русском литературном языке или в одном из его подъязыков. Назовем первые **юридически определяемыми терминами**, а вторые — **лингвистически определяемыми терминами**. Например, в Федеральном законе «Об авторском и смежных правах» (в ред. от 19.07.95 № 110-ФЗ) дается определение понятий автора («физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»), фонограммы («любая исключительно звуковая запись исполнений или иных звуков»), экземпляра произведения («копия произведения, изготовленная в любой материальной форме»). При этом отсутствует определение таких понятий, как оригинальное произведение, самостоятельное произведение, переработка произведения, а понятие производного произведения дается только в виде перечисления («переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие переработки произведений науки, литературы и искусства» п. 3. ст. 7). Понятно, что в спорах об авторстве понятия «оригинального произведения», «самостоятельного произведения» и «переработки произведения» весьма существенны и требуют не только определения в рамках лингвистической теории и литературоведения, но и разработки формализованных критериев оценки сопоставляемых текстов.

Аналогично юридически определяемым следует рассматривать, например, термин «убытки», которому в п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ дается следующая дефиниция: «Под *убытками* понимаются расходы, которые лицо, чье право на-

рушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». Между тем близкое по значению слово *потери*, используемое, например, в инструкции ЦБ России «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» (№ 62а от 30 июня 1997 г.) в текстах нормативных актов не определяется. Следовательно, при необходимости его определение должно основываться на значении слова *потери* в современном русском языке или в его подъязыках (например, подъязыке экономики)¹³.

Соотношение между юридически и лингвистически определяемыми терминами непостоянно и может меняться при появлении новых законов, а также решений Верховного или Конституционного судов. Следует подчеркнуть, что тот или иной способ лингвистического определения слова, словосочетания или предложения в тексте нормативного акта не является истолкованием содержания нормативного акта. Это только информация для выработки позиций сторон, участвующих в процессе, а также для суда при принятии решения, которая может приниматься или не приниматься во внимание. В этом смысле юридическое определение существенно отличается от лингвистического: юридическое определение термина обязательно учитывается в судебной практике. Иными словами, лингвистическое определение прежде всего необходимый компонент состязательности судебного процесса, источник специальной (экспертной) информации для принятия решений.

К сожалению, юридически определяемые термины, взятые как единый метаязык законодательных актов, не образуют непротиворечивой системы, что часто приводит к правовым конфликтам. Особенно сложны случаи, когда в синонимическом ряде слов одни оказываются юридически определяемыми, а другие — лингвистически. При этом в текстах законов используются с равным правом и те и другие. Некоторые примеры такого рода будут рассмотрены ниже (см. § 7 главы 4 настоящей книги).

¹³ См. подробнее § 7 главы 4.

Среди лингвистически определяемых терминов особую сложность для лингвистической экспертизы текста представляют термины законодательства, внешне похожие на соответствующие термины лингвистической теории. Рассмотрим важнейшие случаи такого рода.

§ 2. Лингвистические определяемые термины: «сведения», «информация», «утверждение»

В экспертизах по делам о защите чести и достоинства существенную часть работы составляет выявление в тексте утверждений, содержащих ту или иную негативную информацию о физическом или юридическом лице. В постановлении пленума Верховного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 11¹⁴ содержится следующий комментарий к статье 152 первой части ГК РФ:

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

Аналогичный комментарий содержится и в постановлении пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3:

Порочащими, в частности¹⁵, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом

¹⁴ В ред. от 21 декабря 1993 г. № 11 и с изм. и от 25 апреля 1995 г.

¹⁵ Интересно, что в определении используется вводный оборот *в частности*, который указывает на то, что допускается существование и других типов порочащих сведений, однако пока реальная судебная практика такова, что никакие другие возможные типы порочащих сведений во внимание не принимаются и не рассматриваются.

действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

В рассматриваемом фрагменте выделяются два существенных термина — «сведения» и «утверждение». Ни первому, ни второму не дается юридического определения. В лингвистике утверждение интерпретируется как термин — как предложение определенной коммуникативной направленности, а в теории речевых актов — как особый речевой акт с соответствующим набором условий успешности. Слово *сведения* менее терминологично и должно, видимо, рассматриваться как обычное слово современного русского языка.

В одной из первых монографий, посвященных лингвистическим аспектам дел о защите чести и достоинства, отмечалось, что понятие «сведения» в текстах законодательства употребляется синонимично понятию «информация»:

Понятие «сведения» в текстах права синонимично понятию «информация». Иначе говоря, сюда входят переписка, телефонные переговоры, почтовые и телеграфные сообщения, сообщения, переданные по факсу, телексу, радио, через космическую связь, с использованием других каналов связи¹⁶.

Определения, устанавливающего соотношение между понятиями сведения и информация, в законодательных актах нет. Действительно, даже предварительный анализ контекстов употребления показывает, что они используются в подъязыке права в близких значениях. Однако имеются случаи, когда различия очевидны. В первую очередь это касается текстов законов, относящихся к сфере компьютерных технологий. Ср., например, два фрагмента из текста УПК РФ и

¹⁶ *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. С. 36.

текста ФЗ «Об авторском и смежных правах» (в ред. от 19.07.95 № 110-ФЗ):

8. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия. *Ст. 166 УПК.*

2. <...> информация, полученная в результате декомпилирования, может использоваться лишь для достижения способности к взаимодействию независимо разработанной программы для ЭВМ с другими программами <...>. *Ст. 25 ФЗ «Об авторском и смежных правах».*

Замена слова *информация* на *сведения* в приведенных контекстах дает не вполне удовлетворительные результаты, ср. **носители компьютерных сведений*¹⁷ и ??*сведения, полученные в результате декомпилирования [программы ЭВМ]*. Кроме всего прочего, существительное *информация* имеет прилагательное *информационный* с весьма широкой семантикой — *информационный источник, информационный характер, информационные цели* и т.д. Слово *сведения* соответствующего прилагательного не имеет.

Все это указывает на то, что слово *информация* имеет более широкую семантику, чем слово *сведения*. Очевидно, что одно из семантических различий между этими словами — это «обезличенность» информации и «очеловеченность» сведений. Грубо говоря, сведения — это информация, которая введена в модель мира человека и согласована с уже имеющейся там другой информацией. Об этой особенности слова *сведения* говорят и другие факты сочетаемости, ср. нормальные словосочетания *биографические сведения, сведения из биографии* и явно не вполне удачные, хотя и вряд ли абсолютно запрещенные выражения *биографическая информация, информация из биографии*. И действительно, в Корпусе текстов по современной публицистике обнаруживаются примеры первого, но не второго типа:

¹⁷ Здесь и далее знаки *, ??, ? указывают на различные степени неправильности языковой формы (от очевидного запрета к слабой, но ощущаемой стилистической некорректности).

Впрочем, **биографические сведения** — лишь приложение к Судьбе. *Московский комсомолец*.

Это пятнадцатитомное издание содержит краткие **биографические сведения** о погибших, сведения из биографии. *Московский комсомолец*.

<...> на издание этой книги-альбома, которая будет называться «Помяни нас, Россия...», выделено 115 миллионов рублей. В ней будут собраны фотографии и наиболее характерные **сведения из биографии** всех жителей Подмосковья, погибших при исполнении интернационального долга в Афганистане. *Московский комсомолец*.

Указанное различие в семантике между терминами *сведения* и *информация* в полной мере присуще и языку права, другое дело, что оно довольно часто нейтрализуется, если сам контекст не требует этого, как, например, в случае описания компьютерных технологий. Применительно к рассматриваемому случаю — фрагментам постановлений пленума Верховного суда РФ о «сведениях, содержащих утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов» — речь идет именно о той информации, которая усвоена, понята человеком из СМИ, письма, разговора по телефону и т.д.

Таким образом, термины *информация* и *сведения* представляют собой квазисинонимы, причем термин *информация* более «техничен», формализован, абстрактен и обезличен, а термином *сведения* называется такая информация, которая понята и усвоена, введена в модель мира конкретного человека — носителя языка.

Следующий существенный термин, употребленный в тексте постановления, — «утверждение». Очевидно, что речь идет о форме выражения сведений, т.е. той информации, которая понимается, осознается адресатом. Это очень существенная категория, необходимая для анализа текстов с точки зрения наличия в них сведений, порочащих честь и деловую репутацию физического и юридического лица. Термин «утверждение» и соответствующую терминологическую категорию следует рассмотреть в рамках двух противопоставлений:

- утверждение в ряду других типов коммуникативного намерения (прежде всего в сопоставлении с предположением и выражением мнения);

- утверждение с точки зрения способа его коммуникативной «упаковки», т.е. явное (эксплицитное) утверждение в противоположность скрытому (имплицитному) утверждению.

§ 3. Утверждение как особый тип коммуникативного намерения

Исследование коммуникативного намерения в лингвистике и смежных дисциплинах связывается в первую очередь с традиционной теорией коммуникативных типов предложения (утверждение, повеление/требование, вопрос), теорией Ш. Балли о разграничении между модусом и диктумом, с идеей модальной рамки предложения по А. Вежбицкой и, наконец, с теорией речевых актов.

Последняя, пожалуй, обеспечивает наиболее операциональный подход к выявлению и описанию коммуникативного намерения и коммуникативной направленности высказывания (в терминах теории РА — его «иллокутивной силы»). В рамках данной работы нет возможности для обсуждения всех проблем, которые возникают при исследовании сущности коммуникативного намерения говорящего, воплощенного в речевых актах. Рассмотрим наиболее существенные моменты, важные для области лингвистической экспертизы текста.

С точки зрения здравого смысла коммуникативное намерение утверждения отличается от коммуникативного намерения предположения степенью уверенности говорящего в пропозиции, т.е. той части смысла высказывания, которая представляет собой «объективное содержание», информацию, не зависимую от коммуникативных целей говорящего. Так, речевые акты *Мне кажется, что Петр виноват*, *Петр виноват*, *Петр виноват?* имеют одну и ту же пропозицию ‘Петр виноват’, но различные коммуникативные намерения: предположение, утверждение и вопрос (требование информации). Когда речь идет об утверждении или предположении, то под степенью уверенности в пропозиции имеется в виду вероятность ее истинности. Если говорящий не уверен в истинности «объективного содержания» своего сообщения, т.е. истинности пропозиции, то он использует специальный комплекс синтаксических и лексических средств для выражения этого.

При проведении лингвистических экспертиз сложилась практика, что к утверждениям относятся такие предложения (точнее, речевые акты), которые не имеют специальных лексических и/или синтаксических показателей предположения или мнения, а с грамматической точки зрения выражены сказуемыми в форме индикатива (изъявительного наклонения) и описывают некоторую ситуацию как часть реального мира (действительности). Между тем термин «утверждение» является логическим и представляет собой специальный тип суждения. В свою очередь, «суждение» определяется как «форма мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь»¹⁸.

Суждение в логике часто изображается формулой « S есть (не есть) P », где S — предмет или явление, а P — свойства предметов или явлений. Разумеется, имеются и более сложные суждения, в частности состоящие из нескольких объектов/явлений и включающие более сложные предикаты. Логическая классификация суждений учитывает целый ряд особенностей структуры и семантики суждения. Так, по объему охватываемых предметов/событий выделяются единичные, частные и общие суждения. По степени важности, существенности свойства для предмета/события выделяются соответственно проблематические (свойство или признак предмета/события возможны или невозможны), аподиктические (свойство или признак предмета/события необходимы) и т.д. «Утверждение» как термин практики лингвистических экспертиз непосредственно соотносится с так называемыми **«ассерторическими суждениями»**, в которых сказанное оценивается только по истинностному значению — «истина», «ложь». В этом смысле утверждение синонимично еще одному логическому термину — высказыванию. Последнее понимается как «повествовательное предложение, рассматриваемое вместе с его содержанием (смыслом) как истинное или ложное»¹⁹.

¹⁸ Статья «суждение» в справочном издании: *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 574.

¹⁹ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983, статья «высказывание». С. 98.

Повествовательное предложение в русистике входит в классификацию предложений по цели высказывания. В Академической грамматике оно отнесено к группе невопросительных предложений: «это предложения собственно информирующие»²⁰. При этом подчеркивается, что характер, способ информирования может быть различным.

В теории речевых актов утверждение относится Дж. Остиным к констативам, которые в целом противопоставляются перформативам²¹. К перформативам относятся такие речевые акты, произнесение которых эквивалентно совершению действия и которые не могут оцениваться с точки зрения истинности и ложности (ср. *Я обещаю прийти вовремя, Курить запрещено, Вы назначаетесь ответственным за противопожарную безопасность*). Констативы в противоположность перформативам оцениваются с точки зрения истинности-ложности и их произнесение не связано с реализацией действий. Как пишет Дж. Остин, утверждения, или констативные высказывания, «сами по себе, в отличие от перформативов, являются истинными или ложными»²². В перформативах преобладает иллокутивный аспект семантики, а в констативах и утверждениях, образующих ядро класса констативов, — локутивный, формируемый смыслом и референцией²³:

В случае констативного высказывания мы отвлекаемся от иллокутивного аспекта речевого акта <...> и сосредотачиваемся на локутивном аспекте <...>; более того, мы пользуемся чрезмерно упрощенным понятием соответствия фактам — чрезмерно упрощенным потому, что, по сути, соответствие фактам включает локутивный аспект. <...> В случае перформативного высказывания мы уделяем наибольшее внимание иллокутивной силе и отвлекаемся от того измерения, которое касается соответствия фактам.²⁴

Фактор истинности-ложности упоминается как критерий выделения утверждений и в постановлении пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3:

²⁰ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. § 1899.

²¹ См.: *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986.

²² Указ. соч. С. 52.

²³ Указ. соч. С. 116, 117.

²⁴ Указ. соч. С. 116.

В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Фактически под «проверкой соответствия действительности» имеется в виду истинностная оценка. Понятно, что констативы по Дж. Остину, по крайней мере теоретически, могут быть проверены на истинность-ложность, на соответствие действительности. Очевидно, однако, что многие перформативы вводят негативную информацию, которую естественно рассмотреть как предмет судебного разбирательства в рамках ст. 152 ГК РФ:

Я участвовал в приватизации и утверждаю, что вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности.

В приведенном фрагменте фраза *Я <...> утверждаю, что вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности* представляет собой эксплицитную перформативную формулу, которая, согласно Дж. Остину, не может верифицироваться и тем самым не может быть проверена на соответствие действительности. Очевидно, что под критерий верификации подпадает лишь придаточное предложение, вводимое эксплицитной перформативной формулой, т.е. фраза *вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности*

ти. Именно она и должна рассматриваться как утверждение при проведении лингвистической экспертизы текста при выявлении негативной информации и оценке формы ее выражения.

Из замечаний Дж. Остина, разбросанных по всей работе «Слово как действие», видно, что утверждение (как типичный пример констатива) очень похоже на пропозицию, которая описывает некоторое положение дел в мире и обеспечивает возможность оценки этого описания как истинного и ложного. Но пропозиция в логическом понимании, в отличие от утверждения, лишена иллюкутивной силы. Между тем констатив и утверждение как его типичный представитель иллюкутивную силу имеют. Возникающее противоречие связано с тем, что иллюкутивная сила утверждения ингерентна семантическим свойствам пропозиции. Судя по всему, иллюкутивная сила утверждения, будучи близкой по своей семантике пропозиции, практически сливается с ней. Отсюда и возникает ощущение чистой «локутивности» утверждения, о чем и пишет Дж. Остин: «В случае констативного высказывания мы отвлекаемся от иллюкутивного аспекта речевого акта <...> и сосредотачиваемся на локутивном аспекте»²⁵. Что же может «сливаться» с идеей описания положения дел и обеспечивать проверку соответствия действительности? По-видимому, это должна быть иллюкуция типа ‘Говорить кому-л., что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна’. Возможностей может быть всего две — позитивная и негативная альтернатива (*P* или не *P*). Компонент ‘из нескольких возможностей’ позволяет передать некоторую конфликтность глагола *утверждать* и существительного *утверждение* по сравнению с простым описанием/дескрипцией.

Следует отметить в связи с анализом категории утверждения как речевого акта, что Дж. Остин в заключительной части своего исследования приходит к выводу, что между констативами и перформативами нет непроходимой грани. Констативам свойственны многие особенности перформативов, хотя и в ослабленной форме, а некоторые аспекты семантики перформативов могут верифицироваться.

²⁵ Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 116.

В классификации речевых актов Дж. Серля утверждение наиболее близко «репрезентативам». Основная коммуникативная функция репрезентативов состоит в том, чтобы «зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения»²⁶. Действительно, элемент «контрастивности» утверждения, передаваемый семантическим компонентом ‘Говорить кому-л., что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна’, хорошо согласуется с идеей ответственности за сказанное, за сделанный выбор. Этот аспект семантики утверждения должен быть отражен в определении категории утверждения как речевого акта.

Сопоставление различных источников, в которых интерпретируются понятия суждения, утверждения, высказывания и повествовательного предложения, позволяет выделить существенные характеристики категории утверждения. Во-первых, грамматическая форма выражения утверждения — это повествовательное предложение с присущими ему грамматическими характеристиками (прежде всего — сказуемым в форме индикатива при отсутствии показателей мнения и предположения). Во-вторых, утверждение верифицируемо, т.е. может быть оценено как истинное или ложное. Этот признак утверждения, как было отмечено выше, Дж. Остин подверг критике, однако не с той точки зрения, что это неверно в принципе, а с той, что среди речевых актов, традиционно относимых к утверждениям, имеются перформативы, которые оценить как истинные или ложные невозможно²⁷. В-третьих, утверждениями могут быть части высказываний (речевых актов). В частности, при использовании эксплицитной перформативной формулы с глаголами типа *утверждать*, *констатировать*, *заклю-*

²⁶ Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 181.

²⁷ «Вначале возникло мнение, зачастую формулировавшееся слишком догматически, что утверждение (факта) должно быть «верифицируемым», а из этого следовало, что многие «утверждения» на проверку оказываются не более чем псевдоутверждениями». Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 24.

чать к утверждению относится не весь эксплицитный перформатив, а только придаточное предложение, вводимое соответствующим глаголом.

Таким образом, категория утверждения получает следующее определение:

Утверждение — это вербально передаваемая кому-л. информация²⁸ о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности.

Требует особого комментария компонент ‘не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности’. Дело в том, что утверждение в тексте постановления пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. противопоставляется предположениям, мнениям, убеждениям и оценочным суждениям, которые не являются предметом судебной защиты по ст. 152 ГК РФ. Указание на отношение сообщаемой информации к своей модели мира как раз и оказывается способом включить пропозицию в систему убеждений, предположений, оценок и т.д. говорящего. Действительно, говоря *По моему мнению/как мне кажется/представляется/по-видимому, вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной соб-*

²⁸ Здесь термин «информация» скорее должен пониматься в значении ‘семантика, содержание’, т.е. то, что относится к плану содержания. Термин «информация» использован из-за того, что он широко используется в законодательстве и в практике лингвистической экспертизы текста, — см. выше обсуждение данного термина в главе 1.

ственности, мы ссылаемся на свою систему представлений о действительности.

Тем самым языковое выражение предположений, мнений, убеждений и подобных феноменов связано с указанием на принадлежность информации, выражаемой в пропозиции, к соответствующей когнитивной сфере говорящего. Предположение может вводиться специальными синтаксическими и лексическими средствами. К ним относятся, в частности, следующие способы.

1. Синтаксические конструкции с глаголами типа *казаться, думать*, а также разнообразными вводными словами и конструкциями, связанными с оценкой степени достоверности высказывания, — *наверное, вероятно, пожалуй, видимо, по-видимому, по всей вероятности, может быть, как кажется, судя по всему, возможно*²⁹. Ср. примеры из экспертных заключений:

Второго июня благотворительный марафон завершился помпезным концертом в Колонном зале бывшего Дома союзов. Очевидцы отметили много свободных мест в первых рядах: большинство высокопоставленных свадебных генералов не явились. Не было даже постоянного участника церковных мероприятий московского мэра Ю. Лужкова. Из первых лиц забрел только коммунист Г. Зюганов, *наверное*, по ошибке. *Судя по всему*, это стало следствием ставших достоянием обществу фактов финансовых злоупотреблений Фонда примирения и согласия и связанных с ним коммерческих структур. Председателем попечительского совета фонда является патриарх Алексей. Однако всю реальную работу ведет его президент Гюльназ Ивановна Сотникова. Белых В., Комарова Е. «Фаворитка из Чистого переулка» Новые Известия, 13.07.1999

По-видимому, тем же самым — поиском справедливости — был озабочен и сам г-н Дерипаска, отсылая свое заявление в Комиссию по коррупции. Возможно, впрочем, что олигарху кто-то подсказал: дескать, мы вполне готовы прикрыть дело, нужно только немного подтолкнуть. Организовать «общественное мнение». И самому написать, не погнушаться. М. Дейч, «Как украсть миллиард», *Московский комсомолец*, 7.07.2003.

²⁹ Ср. группу вводных слов, выражающих «оценку сообщаемого с точки зрения достоверности» в Академической грамматике: Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. § 2220.

2. Явное, эксплицитное указание на модальность высказывания выражениями типа *по мнению X-а, по предположению X-а, по оценке X-а*, а также глаголами (*пред*)*полагать, подозревать*:

В последнем случае дело передается, как правило, в ФСБ. Там-то, судя по всему, все Гулины дела и заглохли. Например, самое раннее дело, из тех, что находится сегодня в поле зрения надзорных инстанций, имеет номер 112/93. Оно было передано в Управление Министерства безопасности (теперь ФСБ) по Москве и прекращено, **по мнению прокуратуры**, совершенно необоснованно, с невероятными нарушениями. *Белых В., Комарова Е. «Фаворитка из Чистого переулка», Новые Известия, 13.07.1999.*

В Челябинской области в Кыштыме один из лучших в России медеелектролитный завод. <...> Александр Вольхин — легендарный директор медеелектролитного завода решил, **как предполагают журналисты** «Момента истины», срочно купить через фальшивые банкротства этот завод у самого себя, а затем, купив завод в личное пользование, тут же, возможно, продать его, продать в чужие руки. *Передача «Момент истины», 21.04.2002.*

Это сегодняшней вечер, у проходной (их здесь несколько) и вдоль забора вокруг всей заводской территории автоматчики-омоновцы. Невзирая на двадцати семи градусный мороз, они стоят кольцами вдоль забора, вокруг всей заводской территории — это около несколько десятков гектаров. В понедельник, т.е. завтра, омовцев, я **подозреваю**, станет больше, скорее всего они расползутся с автоматами по крышам близлежащих домов. *Передача «Момент истины», 21.04.2002.*

Поэтому мне кажутся риторическими вопросы о том, знал ли г-н Дерипаска, кто такой Гамзаев. Или о том, как «убедили» г-жу Раевскую поставить подпись под Соглашением. И о том, сколько в действительности стоит «законно приобретаемый» холдинг. **Полагаю**, г-н Дерипаска был в курсе. *М. Дейч, «Как украсть миллиард», Московский комсомолец, 7.07.2003.*

3. Предположение может вводиться и косвенно, без специальных лексических показателей, в частности, с использованием косвенных способов введения предположения и мнения. Исчерпывающее перечисление таких способов в лингвистической литературе отсутствует. Приведем в качестве примера косвенное введение предположения с помощью вопроса *[А] не Р ли?*

Возникает вопрос: **а не на руку ли** решение Министерства образования тем, кто уже давно стремится приватизировать государственные университеты и научно-производственные центры?

По своим семантическим характеристикам данный вопрос близок риторическим, т.е. таким вопросам, которые не требуют ответа в точном смысле, а представляют собой утверждения, выражение предположения, мнения и пр.³⁰ Значение фразеологизма *на руку (кому-л.)* в словарях описывается как 'устраивает кого-л., совпадает с желаниями кого-л.'³¹. Следовательно, в вопросе приведенного фрагмента публикации представлена информация 'решение Министерства образования устраивает тех, кто уже давно стремится приватизировать государственные университеты и научно-производственные центры, совпадает с их желаниями'. Хотя риторический вопрос в обычном случае подразумевает утверждение, в данном случае риторический вопрос вводит выделенную информацию как тезис дальнейшего обсуждения и доказательства. Это не риторический вопрос в точном смысле. Поскольку тезис 'решение Министерства образования устраивает тех, кто уже давно стремится приватизировать государственные университеты и научно-производственные центры, совпадает с их желаниями' в данном фрагменте текста еще не доказан — аргументация следует позже, его следует квалифицировать как правдоподобное предположение. На обоснованность данного заключения указывают и формальные характеристики вопроса рассматриваемого структурного типа: введение вопроса конструкцией *[А] не Р ли?* в обычном случае связано с выражением предположения³².

³⁰ Риторический вопрос — «фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию риторической формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т.п.». *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

³¹ См.: *Фразеологической словарь русского языка* / Под ред. А.И. Молоткова. СПб: Вариант, 1994.

³² См. подробнее: *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 3.

Данная вопросительная конструкция, вводящая предположение, может модифицироваться. Например, аналогичная форма с частицей *уж* также вводит предположение. Ср. фразу *Уж не Шатров ли предупредил мэра о проводимом расследовании* с предположением ‘Шатров предупредил мэра о проводимом расследовании’.

§ 4. Утверждение как модальность, проблема наследования модальности в тексте

В рамках противопоставления между модусом и диктумом утверждение оказывается особым типом модальности, выражающем отношение говорящего к описываемому положению дел — пропозиции. Модальность высказывания — это то же коммуникативное намерение, иллокутивная сила, но обращенная вовне — в сторону текста.

Одна из попыток формального описания модальной составляющей речевого высказывания — перформативный анализ, исходящий из предположения, что каждое предложение вводится в дискурс перформативной приставкой (или глубинным перформативным глаголом), фиксирующей модальность высказывания³³. Иногда эта перформативная приставка выражается в поверхностной форме предложения и соответствует эксплицитной перформативной формуле по Дж. Остину. Ср., фразы типа *Я считаю, что этого делать не следует, Я требую, чтобы вы объяснились, Я спрашиваю тебя в последний раз: ты идешь или нет?*, в которых главные предложения *Я считаю, Я требую, Я спрашиваю тебя в последний раз* в явной форме вводят модальность высказывания.

Проблема в том, что отсутствие перформативной приставки в поверхностной форме высказывания в целом ряде случаев приводит к появлению многозначности в интерпретации модального компонента высказывания. Например, фраза *К началу перестройки он стал негласным хозяином колхозного*

³³ Основные положения этого подхода содержатся в известной работе Росса: *Ross J.R. On declarative sentences // R. Jacobs, P. Rosenbaum eds. Readings in English transformational grammar. Waltham (Mass.) etc., 1970. P. 222–272.*

рынка на северной окраине Москвы с точки зрения перформативного анализа может быть и утверждением, и предположением. Действительно, в логико-семантическом представлении эта фраза может иметь и приставку 'Я утверждаю' и 'Я предполагаю/думаю'. Существующая судебная и экспертная практика такова, что в текстах СМИ высказывания с отсутствующими лексическими и лексико-синтаксическими показателями выражения предположения относятся к утверждениям. То есть отсутствие эксплицитной перформативной приставки, указывающей на предположение, интерпретируется как присутствие у речевого высказывания модальности утверждения. Иными словами, приведенная выше фраза *К началу перестройки он стал негласным хозяином колхозного рынка на северной окраине Москвы* будет рассматриваться как утверждение. В этом есть своя логика, поскольку так чаще всего и бывает. Однако в ряде случаев высказывания без эксплицитного показателя выражения мнения должны тем не менее интерпретироваться как предположения.

Дело в том, что модальность высказывания сложным образом взаимодействует с модальностью отдельных предложений и модальностью всего текста в целом. То есть существуют **правила наследования модальностей** в тексте. Правила взаимодействия модальностей предложений и влияния модальности текста (фрагмента текста) на модальность входящих в него речевых высказываний (правила наследования модальностей) изучены в лингвистике еще недостаточно³⁴. Тем не менее в ряде случаев высказывание при отсутствии эксплицитной перформативной приставки с очевидностью наследует модальный статус более крупного фрагмента текста — например, тогда, когда в заголовке фрагмента в явном виде указывается на общую модальность. Ср. следующий пример:

³⁴ См., впрочем, категорию «иллокутивного вынуждения», отражающую иллокутивную связь двух речевых актов, которая вводится в: Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // Вопросы языкознания. 1992. № 2; Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3.

Вторая легенда про любовь

Купив на первые заработанные деньги видак, Абдурахман посмотрел фильмы о жизни и деятельности выдающегося мафиози Аль Капоне. Светлый образ руководителя организованного преступного сообщества глубоко запал в душу начинающего предпринимателя.

Хотя высказывания *Купив на первые заработанные деньги видак, Абдурахман посмотрел фильмы о жизни и деятельности выдающегося мафиози Аль Капоне и Светлый образ руководителя организованного преступного сообщества глубоко запал в душу начинающего предпринимателя* не содержат эксплицитных перформативных приставок и должны были бы интерпретироваться как утверждения, слово *легенда*, представленное в заголовке фрагмента, указывает на то, что далее идет текст, представляющий не утверждения, а предположения автора. Действительно, слово *легенда* в современном русском языке имеет значение ‘вымышленный, приукрашенный рассказ о ком-, чем-л.’³⁵. Таким образом, называя повествование *легендой*, журналист снимает с себя ответственность за ее достоверность, соответствие текста действительности.

Это правило наследования модальности действует в первую очередь применительно к небольшим фрагментам текста. Вряд ли можно, например, считать обоснованным наследование модальности предположения всеми речевым высказываниям, содержащемся в большом по объему тексте, даже если его название содержит слова типа *гипотеза, предположение, версия* и т.д. Каждый подобный случай требует особого обсуждения³⁶.

Как уже отмечалось выше, взаимодействие модальностей предложения может быть связано не только с модальностью более крупных фрагментов текста, но и с окружением высказывания — с его контекстом. Известно, например, что многие речевые акты, будучи по своей грамматической форме вопросами, интерпретируются в конкретной ситуации как просьбы. Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?*, будучи по

³⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

³⁶ См. ниже проблему установления дискурсивного статуса текста — речевого жанра — в § 6 главы 2.

форме вопросом, реально используется за столом как выражение просьбы. Простой ответ *Да, могу* без соответствующей реакции — передачи сыра — интерпретировался бы как некооперативность, недружественность участника диалога.

Утверждение обычно выражается повествовательными предложениями. Повествовательные предложения, соотносящиеся с коммуникативной функцией утверждения, допускают косвенное выражение других коммуникативных функций. Например, повествовательное предложение с базовой функцией утверждения *Что-то стало холодно* в ситуации, когда в комнате открыто окно, будет понято как выражение просьбы. Повествовательное предложение, обычно соотносимое с утверждением, в определенной ситуации может выражать и предположение. Рассмотрим, например, следующий текст:

Наверное, если банк захочет нанять охранника, то вряд ли он станет пытаться искать бывшего грабителя для защиты собственной системы! Он не будет нанимать людей с сомнительным прошлым.

Очевидно, что вложенное высказывание *Если банк захочет нанять охранника, то вряд ли он станет пытаться искать бывшего грабителя для защиты собственной системы!* представляет предположение. На это указывает вводное слово *наверное*. Последующее предложение *Он не будет нанимать людей с сомнительным прошлым* по смыслу является перефразированием предшествующей фразы. Странно было бы считать, что тот же смысл, ранее переданный как предположение, в непосредственно следующем за ним высказывании подается как утверждение. Отсюда следует, что грамматическая форма повествовательного предложения в общем случае может быть выражением самых различных модальностей — описаний, оценок, просьб и, разумеется, выражением предположения. В этом смысле перформативный анализ, постулирующий многозначность коммуникативного намерения речевых актов без эксплицитной перформативной приставки, оказывается прав: в каждом конкретном случае контекст употребления речевых актов в грамматической форме повествовательного предложения специфицирует, уточняет его коммуникативную направленность.

§ 5. ИмPLICITНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ, АНАЛОГИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Согласно современной семантической теории содержание предложения и текста представляет собой сложный феномен, напоминающий по структуре строение слоеного пирога (часто в этой связи и говорят о гипотезе «Слоеного пирога»). Мир смысла многомерен, однако высказывание, речевой акт упорядочены по временной оси. Иными словами, произнося высказывание, говорящий вынужден определенным образом «упаковывать» многомерное содержание в линейную структуру речевого акта. Это приводит к тому, что некоторые «слои» плана содержания, семантики оказываются более эксплицитными и явными (т.е. очевидными для адресата), а какие-то «слои» погружаются ниже. Самой эксплицитной частью семантики высказывания считается пропозиция (ассерция), а имплицитных слоев довольно много. К ним относятся, например, пресуппозиции, импликации, следствия и пр. Распределение семантической информации по «слоям» плана содержания определяется отчасти грамматикой и лексикой языка, а отчасти речевым искусством говорящего. Собственно, «слоистая» структура плана содержания является одной из важнейших предпосылок речевого воздействия (см. ниже главу 3).

Можно предложить такую аналогию: собираясь в дорогу, мы упаковываем множество вещей в сумку или чемодан. При этом опытный путешественник положит то, что ему может понадобиться в первую очередь, в самую верхнюю часть багажа — поближе к верхней крышке чемодана, а то и в боковые отделения. Что не нужно в дороге, вообще можно положить на дно. Так и в семантике высказывания: пропозиция отвечает за соответствие действительности и тем самым относится к наиболее важной части коммуникации. Эта часть передаваемого содержания и должна быть наиболее эксплицитной, ясной и легко определяться адресатом.

Информация (план содержания языковых выражений) может быть представлена в тексте в виде утверждений, предположений и мнений. Поскольку план содержания высказывания состоит из нескольких различных слоев, различающихся по степени эксплицитности, то утверждение может быть как явным (эксплицитным), так и скрытым, неявным (имплицит-

ным). Приведенное выше определение утверждения применимо по отношению к явным, эксплицитным утверждениям. К ним относятся такие утверждения, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, не проводя дополнительных смысловых преобразований, которые могут основываться как на значении слов, входящих в это высказывание, так и на значении контекста. К скрытым утверждениям относятся такие утверждения, которые выявляются на основе дополнительного анализа значения выражений, входящих в высказывание, и на значении контекста употребления этого высказывания. Несколько перифразируя, можно также сказать, что явные (эксплицитные) утверждения прямо отражаются в лексико-синтаксической структуре предложения, а скрытые (имплицитные) — нет³⁷. Иллокутивная составляющая скрытых утверждений практически исчезает. То есть, поскольку передаваемая информация содержится в пропозиции, компонент ‘вербально передаваемая кому-л. информация’, по сути дела, элиминируется, преобразуясь в компонент ‘подразумеваемая информация’ или ‘информация, разделяемая и говорящим и адресатом’. Опять-таки такое преобразование позволяет использовать имплицитные утверждения как эффективный прием речевого воздействия (см. подробнее ниже).

Имплицитная информация текста может быть и обязательной, и факультативной. Так, различные коннотации, культурно обусловленные ассоциации слов, устойчивых словосочетаний относятся к факультативной части содержания текста: они могут восстанавливаться адресатом, а могут и оставаться нераскрытыми.

Разграничение эксплицитной и имплицитной части семантики высказывания и текста, а в последней — обязательной и факультативной информации существенно важно для лингвистической экспертизы текста. В уже приводившемся постановлении пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 в определении порочащих сведений говорится об утверждениях, но вид утверждений — явные (эксплицитные) или скрытые (имплицитные) — никак не оговаривается:

³⁷ См. по этому поводу, напр.: *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 214 и далее.

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Между тем существенная часть смысла высказывания и текста приходится именно на имплицитные слои плана содержания. Имплицитная семантика имеет долгую историю изучения, восходящую к герменевтической традиции истолкования сакральных текстов. В общелингвистической традиции — прежде всего в литературоведении — имплицитная часть текста и речевого поведения часто называется «подтекстом»³⁸. Так, В.А. Кухаренко интерпретирует подтекст как составную часть художественного метода автора: «Подтекст — это сознательно избираемая автором манера художественного представления явлений, которая имеет объективное выражение в языке произведений»³⁹. В языкознании эта категория также обсуждается довольно широко, получая весьма разнообразные осмысления — вплоть до одного из уровней системы языка. Так, в концепции В. Скалички язык состоит из текста, контекста и подтекста⁴⁰.

³⁸ Е.А. Шипова в дипломной работе, посвященной семантике намека (Классификация, семантические и прагматические функции намека в дискурсе российской публицистики. М., 2006), отмечает, что к проблеме подтекста обращались и известные деятели театра. Так, Е.В. Вахтангов следующим образом объяснял смысл феномена «подтекст» своим студентам: «Если кто-нибудь спрашивает у вас, который час, он этот вопрос может задавать при различных обстоятельствах с различными интонациями. Тот, который спрашивает, может быть, не хочет... знать, который час, но он хочет, например, дать вам понять, что вы слишком засиделись и уже поздно. Или, напротив, вы ждете доктора, и каждая минута... дорога... необходимо искать подтекст каждой фразы». Беседы о Вахтангове. М.; Л., 1940. С. 140.

³⁹ *Кухаренко В.А.* Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э. Хемингуэя) // *Филологические науки*, 1974, № 1. С. 79.

⁴⁰ *Skalička V.* Text, Kontext, Subtext. «Slavia pragensia», III — *Philologica*, 3, 1961.

Хотя никто этого специально не считал, но очевидно, что имплицитная составляющая семантики языкового выражения существенно больше, чем эксплицитная, поскольку последняя чаще всего ограничена только пропозицией⁴¹, а к имплицитной составляющей относится множество разнообразных категорий — см. ниже. Иными словами, если исключить имплицитную часть плана содержания, то из сферы анализа выпадает бóльшая часть семантики высказывания и текста, что вряд ли имелось в виду в Постановлении. Рассмотрим следующий пример:

Данное обстоятельство [получение Международного сертификата системы качества. — А.Б.] вызвало у нас непонимание: как может заранее несостоятельная строительная компания, зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, получить право на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов?

К эксплицитной части семантики приведенной фразы можно отнести только следующие части смысла: 1) 'Получение строительной компанией Международного сертификата системы качества вызвало у автора фрагмента непонимание'; 2) 'автор фрагмента спрашивает, каким образом заранее несостоятельная строительная компания, зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, может получить право на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов'.

В приведенном примере имеются, однако, и другие компоненты смысла, которые прекрасно осознаются носителями языка, но которые формально нельзя признать эксплицитной информацией. К ним относятся, в частности, следующие смысловые блоки, которые можно сформулировать в виде утверждений: 3) 'автор фрагмента не согласен с присвоением обсуждаемой строительной компании Международного сертификата системы качества'; 4) 'автор фрагмента относится отрицательно к присво-

⁴¹ Как следует из сказанного выше, в ряде случаев эксплицитно выражается, например, и иллюкутивная сила высказывания. Это происходит, например, во фразах, содержащих эксплицитную перформативную формулу: *Я утверждаю, что никакого отношения к провокационным заявлениям некоторых СМИ не имею.*

ению обсуждаемой строительной компании Международного сертификата системы качества»; 5) 'обсуждаемая строительная компания является заранее несостоятельной'; 6) 'обсуждаемая строительная компания зарекомендовала себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны'; 7) 'очевидно, несостоятельная строительная компания (об этом было известно «заранее»), зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, не имеет права на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов'.

Компоненты смысла 3 и 4 выводятся как следствие из семантики анализируемой фразы, прежде всего из фрагмента *Данное обстоятельство (получение Международного сертификата системы качества — специалист) вызвало у нас непонимание*. Компонент 5 «упакован» в определении к существительному *компания — заранее несостоятельная строительная компания*, а компонент 6 в свернутом виде представлен в причастном обороте *зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны*. Компонент 7 представляет собой скрытое утверждение, которое вводит риторический вопрос *как может заранее несостоятельная строительная компания...* Из проведенного весьма поверхностного семантического анализа видно, что наиболее существенные для лингвистической экспертизы части семантики сосредоточены в рассматриваемом случае в имплицитной, скрытой части плана содержания языковых форм.

Тем не менее понятно, что далеко не вся имплицитная часть семантики языковых выражений может реально соотноситься с категорией утверждения, а именно эта категория упоминается в постановлении. Иными словами, утверждение может быть явным (эксплицитным), а может быть и неявным, скрытым (имплицитным). Возникает вопрос, как выражаются скрытые, имплицитные утверждения в тексте?

Имплицитная информация, как было отмечено выше, может быть обязательной и факультативной, но, кроме этого важного противопоставления, есть еще одно: имплицитная информация может быть вербализуемой и невербализуемой. Под вербализацией имеется в виду возможность достаточно правдоподобного воспроизведения скрытого смысла в виде высказывания, содержащего пропозицию, которая передает

скрытое содержание. В рассмотренном выше примере была приведена именно вербализуемая информация. Однако вполне возможна ситуация, когда нечто в имплицитной части семантики языкового выражения есть, но вербализовать это в явной форме невозможно. Типичный случай — использование некоторых приемов речевого воздействия, например, приема «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» (см. подробнее § 1 главы 3). Вариант этого приема — постановка в негативно окрашенный ассоциативный ряд — широко представлен в политической рекламе. Так, известный лозунг *Голосуй или проиграешь!* предвыборной кампании Б. Ельцина сопровождался изображением наручников или арестантской куртки в непосредственной близости от слова *проиграешь*. Очевидно, что *проигрешь* в этом рекламном слогане интерпретировался как что-то явно отрицательное, но необязательно имелось в виду реальное тюремное заключение. Это можно было интерпретировать и как ограничения гражданских свобод, и как полицейское государство, и как обобщенно (даже символически) передаваемую идею опасности. Иными словами, негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть невозможно. Аналогичными свойствами обладает метафора: метафорические номинации могут влечь негативную оценку, но и в этом случае часто (впрочем, не всегда — см. подробнее § 2 главы 2) точная вербализация негативной составляющей затруднена, ср. кличку *Паши-мерседес* одного из бывших министров обороны РФ или номинацию Линдона Джонсона как антигероя игры в дартс (т.е. представление его в виде мишени, в которую бросают нечто вроде маленьких дротиков). К числу феноменов, вводящих невербализуемую скрытую информацию, относится также истинный намек, или намек в точном смысле (см. подробнее § 7 главы 3).

Практически невербализуемы многие культурные ассоциации⁴². Несколько больше повезло в этом смысле культурным и социальным стереотипам⁴³.

⁴² См. по этому поводу: Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. М., 1999. С. 43–57.

⁴³ Вдохновляющие примеры разбора культурных стереотипов, в том числе языковых, представленных в СМИ и массовой культуре, собраны в заметках Р. Барта «Мифологии» (*Барт Р. Мифологии*. М. 1996).

Сочетание указанных двух параметров — обязательность vs. факультативность, вербализуемость vs. невербализуемость — задает следующие возможные комбинации, характеризующие скрытую информацию:

Таблица 1. Характеристики скрытой информации

Имплицитная информация	Вербализуемость	Невербализуемость
Обязательность	(i) Обязательная и вербализуемая информация	(ii) Обязательная и невербализуемая информация
Факультативность	(iii) Факультативная и вербализуемая информация	(iv) Факультативная и невербализуемая информация

Очевидно, что факультативная информация не может рассматриваться в экспертизах по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Действительно, факультативные части плана содержания индивидуальны в том смысле, что разные носители языка по-разному восстанавливают для себя эту область семантики языковых выражений. Следовательно, и сам факт наличия порочащих сведений в таких случаях достоверно доказать невозможно. Некоторую полезную информацию могут дать социологические опросы, однако этот инструментарий находится за пределами собственно лингвистического исследования. Впрочем, лингвопсихологическая и лингвосоциологическая экспертиза в подобных ситуациях вполне уместна.

Проблематично опираться в делах о защите чести и достоинства на обязательную, но точно не вербализуемую информацию⁴⁴. Причины те же, что рассмотренные выше: невозможность точной вербализации скрытого смысла затрудняет или вообще делает невозможным доказательство наличия в тексте порочащих сведений. Опять-таки опросы здесь вполне допустимы, но они должны проводиться в рамках лингвопсихологических или лингво-социологических исследований.

⁴⁴ Впрочем, в экспертизах о товарных знаках анализ обязательной, но плохо вербализуемой информации может оказаться довольно важным.

Таким образом, **скрытые, или имплицитные, утверждения должны быть обязательной и вербализуемой частью имплицитной части плана содержания языкового выражения.**

Укажем некоторые типичные способы выражения скрытых, или имплицитных, утверждений.

Степень эксплицитности-имплицитности компонента содержания языкового выражения, очевидно, не бинарна, а градуальна. Естественно начать с наиболее эксплицитных феноменов. К таковым в первую очередь относятся **эллиптические предложения**, а также **утверждения, содержащие анафорические местоимения**. Такие формы восстанавливаются из контекста или ситуации общения. Так, предложение *Потом лично отвечал за то, чтобы не вернули кредит государству* представляет собой эллипсис фразы *Потом Дикой лично отвечал за то, чтобы не вернули кредит государству*. Это легко выявляется из ближайшего контекста, в котором говорится о деятельности Дикого.

Фактически такие формы можно относить к эксплицитным способам выражения утверждения.

Далеко не все случаи эллипсиса сопоставимы с эксплицитными способами представления информации. Так, к случаям эллипсиса близок способ указания на пропозицию, основывающийся на использовании макроструктуры текста. Например, помещение текста, описывающего некоторое событие, в тематической рубрике «Мошенничество» указывает на утверждение вида ‘В следующем ниже тексте описывается мошенничество’. Аналогично рубрика «Скандал» отсылает к утверждению вида ‘В следующем ниже тексте описывается скандал’. Это обязательный компонент смысла текста, однако степень его вариативности выше, чем в случае обычного эллипсиса (ср. ‘Здесь говорится о мошенничестве/скандале’, ‘Тема следующего текста — мошенничество/скандал’ и т.п.). В этих случаях можно говорить о скрытом утверждении.

Актуальное значение фразеологизма также формирует такой слой плана содержания, который фактически идентичен эксплицитному слою — пропозиции. Действительно, фраза *Петров вышел сухим из воды* понимается как ‘Петров избежал заслуженного наказания за какой-то проступок’.⁴⁵ Именно это

⁴⁵ Ср. толкование идиомы *выйти сухим из воды* как ‘избегнуть заслуженного наказания’ в издании: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994.

и оказывается пропозицией рассматриваемой фразы. Единственная проблема в том, что пропозициональная составляющая, в которой реализуется актуальное значение, реализуется не автономно, а на фоне внутренней формы, которая хорошо осознается носителем языка. Именно поэтому актуальное значение — это фактически эксплицитный слой, а не просто эксплицитный слой. Более корректно квалифицировать актуальное значение фразеологизма как скрытое (имплицитное) утверждение.

Несколько иная ситуация с идиомами, внутренняя форма которых не осознается как живая современным носителем русского языка. Актуальные значения идиом *не видно ни зги* (≈ ‘ничего не видно’), *испокон веков/веку/века* (≈ ‘всегда’), *не хухры-мухры* (≈ ‘что-то, что нельзя рассматривать как неважное’) более эксплицитны, поскольку не «подавляются» семантикой легко осмысляемой внутренней формы. В таких идиомах актуальное значение можно квалифицировать как эксплицитный способ передачи информации. См. подробнее об анализе фразеологизмов в лингвистической экспертизе текста в § 1 главы 2.

Пресуппозиции образуют такой компонент плана содержания высказывания, который предполагается известным участникам ситуации общения или является основой осмысленности высказывания — оценки его как истинного или ложного (см. подробнее § 4 главы 3). На шкале степени имплицитности разные типы пресуппозиций занимают различное положение. Впрочем, степень эксплицитности-имплицитности пресуппозиций различных типов изучена в лингвистической семантике явно недостаточно⁴⁶. Типичный пример использования пресуп-

⁴⁶ По-видимому, это оказалось причиной противоречивой квалификации данного феномена и как эксплицитной, и как имплицитной информации авторами монографии об имплицитности в языке (Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. М., 1999). Так, на с. 33 указанной работы отмечается, что «неотрицаемая информация [т.е. пресуппозиция. — А.Б.] никак не может быть признана имплицитной». В то же время на стр. 83 пресуппозиции существования отнесены к «пропозитивным имплицитным смыслам»: *Сашин магнитофон сломался* — имплицитный смысл ‘У Саши есть магнитофон’. Отметим, что отнесение пресуппозиций существования к имплицитной части плана содержания противоречит принятому в обсуждаемой монографии пониманию имплицитного в языке. Согласно данному там определению основным

позиции для введения скрытого утверждения обнаруживается в следующей фразе:

Компания ООО «Рациональная логистика» с пониманием относится к тяжелому финансовому положению ОАО «Питательный завтрак», хотя и считает незаконным уклонение от предоставления информации акционеру.

Один из типов пресуппозиций формирует условия для оценки высказывания как истинного или ложного. Например, утверждение вида *Суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание* содержит условие осмысленности 'Петров совершил правонарушение'. Если Петров не совершал правонарушения, то приведенное утверждение становится семантически аномальным: его нельзя считать ни истинным, ни ложным⁴⁷. Часто в качестве критерия

признаком имплицитной информации является «необязательность ее получения при понимании, несто процентность ее восстановления слушающим» (с. 32). Понятно, что пресуппозиция существования является обязательной частью смысла языкового выражения. В противном случае высказывание становится семантически аномальным. Однако такое определение имплицитной информации приводит к тому, что понятие коммуникативной организации знания, лингвистической «упаковки» содержания в речевом сообщении теряет смысл. Получается, что и утверждение, и пресуппозиции, и обязательные следствия оказываются эксплицитными. Иными словами, эффект навязывания пресуппозиций и использование других феноменов из инструментария приемов скрытого речевого воздействия, основанный на имплицитном, неявном введении некоторой информации в дискурс как общеизвестного, очевидного для участников ситуации общения (см. ниже в главе 3 обсуждение феномена приватизации знания), должен объясняться с каких-то иных позиций. Принятая авторами указанной монографии трактовка имплицитного имеет и другие неприятные теоретические последствия: возникают дополнительные сложности в разграничении центральной и периферийной части толкования слова, требуют существенного переосмысления категории коммуникативной организации смысла высказывания и т.д. Впрочем, как было показано выше, при интерпретации конкретных примеров авторы уходят от теоретических построений, ориентируясь на здравый смысл.

⁴⁷ О понятии пресуппозиции см., в частности: *Падучева Е.В.* Пресуппозиции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 48–82.

выделения пресуппозиции используется постановка предложения в контекст общего отрицания, при этом отрицается только утверждение (самая явная, эксплицитная часть семантики), а пресуппозиция не попадает в сферу общего отрицания (см. подробнее § 4 главы 3). Так, введение общего отрицания в приводившийся выше пример дает следующий результат: *Неверно, что суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание*, т.е. компоненты смысла ‘суд не посчитал правонарушение незначительным’ и ‘суд не назначил условное наказание’ относятся к утверждению данного высказывания. А компонент смысла ‘Петров совершил правонарушение’ не отрицается, образуя пресуппозицию рассматриваемой фразы.

Используем тест на общее отрицание для выделения пресуппозиции в спорной фразе. Поскольку вопрос непосредственно касается первой части обсуждаемого предложения, уступительное придаточное предложение *хотя и считает незаконным уклонение от предоставления информации акционеру* в тесте можно опустить. Получаем следующее:

‘НЕВЕРНО, что компания ООО «Рациональная логистика» с пониманием относится к тяжелому финансовому положению ОАО «Питательный завтрак»’ → ‘Компания ООО «Рациональная логистика» без понимания относится (или «не относится с пониманием») к тяжелому финансовому положению ОАО «Питательный завтрак»’.

Иными словами, при общем отрицании спорной фразы компонент смысла «ОАО «Питательный завтрак» находится в тяжелом финансовом положении» не отрицается и следовательно образует пресуппозицию. Выявленный компонент обязателен, поскольку является условием осмысленности анализируемой фразы. Поскольку пресуппозиция предполагается истинной, то по модальности это утверждение, но скрытое, имплицитное.

Введение пресуппозиций (и тем самым скрытых утверждений) может осуществляться различными языковыми формами. В частности, вопросами. Так, вопрос *Почему наш банк входит в десятку лучших банков России?* включает пресуппозицию ‘Банк (о котором идет речь) входит в десятку лучших банков России’. Риторический вопрос *Да неужели я буду унижаться перед ним?* содержит пресуппозицию ‘Я не буду уни-

жаться перед ним').⁴⁸ Альтернативный вопрос *Итак, убил Петров или Иванов?* обнаруживает пресуппозицию 'Убил Петров или Иванов'.⁴⁹

Пресуппозиции, по крайней мере семантические, образуют обязательную часть плана содержания. Это следует из определения семантической пресуппозиции как условия осмысленности высказывания. Иными словами, в рамках лингвистической экспертизы текста они должны квалифицироваться как скрытые (имплицитные) утверждения.

Следствия, как и пресуппозиции, относятся к имплицитной части плана содержания высказывания и текста. В отличие от пресуппозиций, следствия далеко не всегда являются обязательными. Так, из фразы *Белинский писал об авторе «Евгения Онегина», что он любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества* выводится следствие 'Белинский писал об А.С. Пушкине, что тот любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества'. Это следствие обязательно, поскольку оно должно рассматриваться как условие правильного понимания текста. Если данное следствие не выводится читателем, то нельзя говорить о правильном понимании приведенной фразы.

Степень имплицитности следствий, как и различных типов пресуппозиций, неодинакова. Следствия, которые выводятся из семантики на одном или двух шагах рассуждения находятся ближе к поверхностной, эксплицитной части семантики (см. пример выше), а следствия, требующие длинной цепочки вывода, будут располагаться на самых глубинных слоях плана содержания, причем даже не высказывания, а

⁴⁸ Риторический вопрос — «фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию риторической формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т.п.». *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

⁴⁹ Альтернативный вопрос — «вопрос, предлагающий слушателю подтвердить одну из допускаемых возможностей; подсказывающий один из двух возможных ответов». *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969. См. подробнее по этому поводу: *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1983. № 3.

текста в целом. Довольно высока вероятность, что такие следствия окажутся факультативными⁵⁰. Показателен в этом смысле следующий пример. В интервью с предпринимателем И. Поплавским обсуждалась деятельность известного финансиста С. Прибыткова, который предположительно использовал незаконные методы для присвоения акций предприятий. На это указывал целый ряд реплик И. Поплавского:

Поплавский. Мы начали вводить западные методы, докупали контрольные пакеты, должны были переходить на единую акцию. Но потом вышел кризис. И господин Прибытков списал с реестра завода акции. Акции перепродали два раза — получился добросовестный приобретатель. По закону, если ты украл и кому-то перепродал, он честно отдал деньги — он собственник.

<...>

Журналист. Так вы столкнулись с методами конкурентной борьбы?

Поплавский. Не было никакой конкурентной борьбы. Конкурент — это тот, с которым ты конкурируешь. Вот Siemens — это конкуренты. А если у тебя воруют — ты с кем конкурируешь?

<...>

Журналист. В результате вы потеряли контроль над предприятиями?

Поплавский. При чем здесь потеряли? Потеряли — это если бы я шел и потерял. А у нас украли.

После обсуждения некоторых других проблем в интервью возникла тема перспектив бизнеса И. Поплавского:

Журналист. А не боитесь, что опять кто-нибудь отнимет?

Поплавский. Ну, опыт уже какой-то есть. Мы же не глупее всех.

В приведенной последовательности реплик представлена фраза *опять кто-нибудь отнимет*. Это означает, что ранее шла

⁵⁰ Аналогичное соображение содержится в уже упоминавшейся монографии об имплицитности: «<...> регулярные выводы из лексического значения, <...> включаясь в цепочку, становятся существенно менее вероятными». Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. М., 1999. С. 37.

речь о том, что у интервьюируемого (И. Поплавского) что-то ранее отняли. Глагол *отнять* имеет здесь значение ‘взять у кого-л. силой, вопреки его желанию, отобрать’⁵¹. Из приведенного толкования следует, что и здесь речь идет о ситуации воровства (*воровать* — ‘похищать, принадлежащее другим, красть’⁵²). Использование глагола *отнимать* в рассматриваемом значении актуализует ситуацию воровства акций, ответственность за которую ранее уже была возложена на С. Прибыткова. Иными словами, семантический анализ приведенного фрагмента в контексте всего интервью позволяет получить следствие вида ‘Ранее С. Прибытков уже отнял/украл акции завода’. Данное следствие выводится, однако, не прямо, а в несколько этапов, с помощью достаточно сложных рассуждений: *опять кто-нибудь отнимет* → ‘ранее уже отнимали’ → глагол *отнять* в данном контексте по смыслу близок глаголу *украсть* → ‘ранее речь шла о краже акций завода’ → ‘С. Прибытков несет ответственность за эту кражу’ → ‘С. Прибытков ранее уже отнял/украл акции’. Сложность цепочки вывода ставит под сомнение его обязательность. Дело в том, что далеко не всякий читатель будет в состоянии провести такое рассуждение. Тем самым следствие вида ‘Ранее С. Прибытков уже отнял/украл акции завода’ из данного фрагмента можно считать факультативным.

Факультативное следствие, т.е. необязательная, но вербализуемая имплицитная информация, хотя и имеет форму утверждения, не может рассматриваться в делах о защите чести и достоинства именно в силу своей факультативности. В определенном смысле за факультативное следствие несет ответственность сам адресат — читатель, слушатель и зритель. Факультативные следствия непредсказуемо разнообразны, поскольку не в последнюю очередь определяются моделью мира адресата, его ожиданиями и коммуникативными намерениями в данный конкретный момент времени. Они порождаются в силу испорченности или, наоборот, благонаравия адресата.

Факультативные компоненты плана содержания высказывания не мешают пониманию текста: если читатель не восста-

⁵¹ См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁵² Указ. соч. Т. I. М., 1985.

новит факультативную часть семантики предложения, то это не должно вести к семантической аномальности текста или его фрагмента. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент статьи «Исчезнувший налог»:

Именно тогда П. Семакин и предпринял поход во власть. Сначала он, как мы уже говорили, стал депутатом местной думы — и получил искомую неприкосновенность. После чего стремительно начал искать союзников в структуре, от которой зависело очень многое, — в налоговой полиции. Были простимулированы соответствующие чины — и в октябре 1998 года якобы по инициативе ФСНП появляется Ассоциация производителей и дистрибьюторов натурального спирта. Президентом Ассоциации становится Петр Семакин.

Глагол *стимулировать* в данном контексте означает ‘дать стимул к чему-н.; заинтересовать в чем-н.’⁵³. В начале данного фрагмента речь идет о том, что П. Семакин стал искать союзников в налоговой полиции. Непосредственно после этого использована пассивная конструкция с глаголом *простимулировать*, причем субъект действия при глаголе *простимулировать* опущен: *Были простимулированы соответствующие чины <...>*. Поскольку из содержания приведенного фрагмента следует, что в инициативе со стороны налоговой полиции для организации «Ассоциации производителей и дистрибьюторов натурального спирта» был заинтересован П. Семакин, а также поскольку субъектом действия сказуемого предшествующего предложения является Семакин (<...> *стал искать союзников <...>*), то высоковероятно, что субъектом действия, описываемого предложением *Были простимулированы соответствующие чины <...>*, является сам П. Семакин. Иными словами, в рассматриваемой фразе содержится информация ‘Семакин чем-то, что не названо, заинтересовал чиновников ФСНП в том, чтобы они выступили инициаторами создания указанного Союза’. Выбор довольно странного для данного контекста глагола *стимулировать* с широкой семантикой склоняет читателя к предположению, что это эвфемизм для выражения *дать взятку* или какого-то другого выражения, аналогичному

⁵³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1992.

ему по смыслу. Во всяком случае, под глаголом *стимулировать* в данном контексте имеется в виду не вполне законный способ воздействия на чиновников (*чинов*). Информация о не вполне законном способе воздействия на чиновников при организации «Ассоциации производителей и дистрибьюторов натурального спирта» характеризует П. Семакина отрицательно. Но возникает вопрос, является ли этот имплицитный компонент смысла обязательным? Очевидно, что нет, поскольку не удастся однозначно восстановить, кто «стимулировал» чиновников: это может быть П. Семакин, а могут быть и связанные с ним лица либо кто-то еще. В силу этого данное следствие не является обязательным, хотя и высоковероятным в общем контексте рассматриваемой статьи. Если читатель не восстановит информацию ‘Семакин чем-то, что не названо, заинтересовал чиновников ФСНП в том, чтобы они выступили инициаторами создания указанного Союза’, то текст не потеряет связности и не станет аномальным.

Факультативные следствия, в которых представлена факультативная, но вербализуемая информация, близки по своим свойствам предположениям, поскольку они, как и предположения, вероятностны, хотя и в несколько разных смыслах: предположения описывают положения дел, которые с определенной долей вероятности имеют (имели, будут иметь) место, а факультативные следствия соответствуют той части плана содержания высказывания и текста, которая с определенной долей вероятности (своей для каждого случая, но не «стопроцентной») будет реконструирована («понята») адресатом. Именно в этом смысле факультативные следствия (и соответственно импликации — см. подробнее § 5 главы 3) следует рассматривать как аналоги выражения предположения.

Глава 2. ФЕНОМЕНЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

С лингвистической точки зрения каждая лингвистическая экспертиза текста представляет собой лингвистическую задачу, часто головоломную, требующую одновременного использования инструментария самых разнообразных лингвистических дисциплин — от фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса и т.д. до лингвистической прагматики. Эти задачи иногда рутинны, а иногда увлекательны и выливаются в мини-этюды, вносящие вклад и в лингвистическую теорию. Примеры таких этюдов (не только «мини») будут рассмотрены в главах 4, 5 и 7. Задача же данной главы ровно противоположная: разложить гармонию единой экспертизы на отдельные ноты — лингвистические категории. Каждой из этих категорий посвящен отдельный параграф. Разумеется, здесь представлены далеко не все релевантные лингвистические категории. В частности, важнейшее для лингвистических экспертиз понятие — лексическое значение — обсуждается отдельно в главе — главе 4.

§ 1. Фразеологизмы

Фразеологизмы довольно часто становятся объектом исследования в лингвистической экспертизе текста. В имеющейся лингвистической литературе они определяются по-разному. Чаще всего определения указывают на неоднословность фразеологизмов, их устойчивость и идиоматичность:

Фразеологизмами называются словосочетания (иногда законченные предложения), устойчиво воспроизводящиеся в речи и обладающие той или иной степенью идиоматичности значения.

Фразеологизмы рассматриваются как часть словаря, хотя они и образованы словосочетаниями и, реже, предложениями. К классу фразеологизмов обычно относят идиомы, коллокации, пословицы и поговорки. В лингвистических экспертизах чаще всего приходится иметь дело с идиомами.

Проблема внутренней формы фразеологизма. Одна из частых проблемных ситуаций лингвистических экспертиз в связи с использованием фразеологизмов — это интерпретация их внутренней формы как актуального значения. Известно, что на формирование актуального значения фразеологизмов оказывает существенное влияние внутренняя форма⁵⁴. Однако часто встречающиеся в исках утверждения о том, что сама внутренняя форма является источником унижения чести и достоинства или оскорблением, обоснованны, пожалуй, только по отношению к обценным, неприличным и бранным фразеологизмам (да и то не всегда — см. § 2 главы 8). В остальных же случаях это вряд ли правомерно. Так, в одном из исков выражение *плод безумного/больного/болезненного воображения* было сочтено как унижение чести и достоинства на том основании, что высказавший мнение, названное *плодом больного воображения*, тем самым отнесен к сумасшедшим. Очевидно, однако, что это не так.

Выражение *плод безумного/больного/болезненного воображения* представляет собой устойчивую метафору, ставшую в современном русском языке фразеологизмом. Внутренняя форма метафоры, фиксированная во фразеологизме, не обязательно связана с его актуальным значением, во всяком случае, это прослеживается в семантике фразеологизма далеко не прямым образом. В Корпусе текстов по современной публицистике Института русского языка РАН (порядка 25 млн словоупотреблений) представлено 17 примеров употребления этого выражения, причем ни в одном из них не подразумевается психическое заболевание⁵⁵. Ср. характерные контексты:

Некоторые части внутренних войск передавались в оперативное подчинение Вооруженным силам, у нас находились в подчинении части и подразделения Российской армии, к которым мы относились, как к своим. Проблем между офицерами, генералами армии и МВД не существует, это *плод больного воображения*. *Независимая газета*.

⁵⁴ См. по этому поводу, в частности: *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН. СЛЯ. Т. 57. № 1. 1998.

⁵⁵ Подробнее об использовании корпусов текстов в лингвистической экспертизе текста см. главу 7.

И этот кто-то блокирует разрешение кризиса, цена которому, повторюсь, один звонок президентов друг другу или полет на два часа в Минск министра иностранных дел России или вице-премьера РФ по делам СНГ, а то и чиновников рангом ниже. Может быть, все это — плод **моего болезненного воображения**? Но тогда опять и опять: чем же объяснить поразительную, шокирующую, ничем не мотивированную пассивность Москвы, никак не менее Минска заинтересованную в союзнических отношениях двух стран? *Независимая газета*.

Вообще, женщина модерна — мистификация, **плод болезненного воображения художников**. *Независимая газета*.

Очевидно, что в первом примере оценка утверждений каких-то неназванных лиц о проблемах между офицерами как плода больного воображения вовсе не означает, что эти лица отнесены говорящим к сумасшедшим. Аналогично представление о бездействии каких-то официальных лиц в кризисной ситуации, представление о женщине модерна как о *плоде больного воображения* также ничего не говорит о психическом здоровье носителя таких представлений. Отсюда следует, что содержащиеся в иске утверждения, что фразеологизм *плод безумного/больного/болезненного воображения* унижает честь и достоинство истца не имеют под собой никаких оснований.

Обсценные (нецензурные) идиомы часто фигурируют в исках об оскорблении (ст. 130 УК РФ). Обычно сам факт присутствия во внутренней форме идиомы обсценных слов и служит основанием для иска. Между тем ст. 130 УК РФ предполагает, что при оскорблении (в рамках рассматриваемой статьи) должна присутствовать оценка личности потерпевшего. Так, в известном деле «Арьян против Киркорова» (см. подробнее главу 8) Ф.Б. Киркоров, обращаясь к Арьян, использует идиому *по х... (кто-л./что-л. кому-л.)*⁵⁶ в следующем контексте: *А? Да мне... да мне по х..., как Вы напишете... Так же, как и Вы...* Идиома *по х... (кто-л./что-л. кому-л.)* употреблена здесь в значении 'кто-либо/что-либо совершенно не затрагивает субъекта,

⁵⁶ Здесь и далее Издательство, имея в виду учебно-научный характер книги, использует отточия для передачи нецензурных слов. В исходных текстах соответствующие формы имеют полный вид. — *Прим. изд.*

потому что он волевым усилием исключает это из своей личной сферы⁵⁷. Иными словами, говорящий дает понять адресату, что он 'исключает то, что напишет адресат, из своей личной сферы', т.е. Ф.Б. Киркорову безразлично, что о нем напишет журналистка. Продолжение фразы *Так же, как и Вы...* указывает на то, что говорящему безразлична и сама журналистка. Отсюда следует, что фразу *А? Да мне... да мне по х..., как Вы напишете... Так же, как и Вы...* нельзя рассматривать как оскорбление. Действительно, в ней непосредственно адресату не приписывается никаких отрицательно оцениваемых характеристик, то есть нет оценки личности⁵⁸.

Отметим, что ошибочное отождествление российскими судами внутренней формы фразеологизма *Ни стыда, ни совести!* с его актуальным значением явилось причиной удовлетворения Европейским судом по правам человека жалобы в деле «Гринберг против России»⁵⁹.

Проблема экспликации актуального значения фразеологизма. Еще чаще встречаются ситуации, когда в спорном тексте используется фразеологизм, передающий негативную семантику об истце. Поскольку внутренняя форма фразеологизмов предстает читателю как «внешняя» (см. пример, разобранный выше), то требуются дополнительные усилия, чтобы эксплицитировать семантику идиомы с помощью толкования. В практике лингвистических экспертиз принято относить актуальное значение идиомы к скрытой (имплицитной) части плана содержания текста, хотя по сути это, конечно, весьма поверхностный слой семантики, может быть, за счет образности «упрятанный» глубже обычной пропозиции, но все равно весьма и весьма явный. Характерный пример из экспертной практики представлен в следующем фрагменте:

Он занимался операциями по купле-продаже нефтепродуктов, а в 96-м году фигурировал в качестве одного из подозревае-

⁵⁷ См.: *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика. М., 1995. С. 46.

⁵⁸ Более подробно разбор этого случая см. во втором разделе главы 8.

⁵⁹ См. перевод решения Европейского суда по правам человека по этому делу в: *Резник Г.М., Скловский К.И.* Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006. С. 129 и далее.

мых по факту убийства предпринимателя Петровского. Тогда бизнесмен вышел «сухим из воды», но в постановлении прокуратуры остались слова: дескать, что Золотарев передал для исполнения «заказа» автомат АК-47, снаряженный боевыми патронами.

Согласно толковым словарям, фразеологизм *выйти сухим из воды* в современном русском языке имеет значение 'избегнуть заслуженного наказания'⁶⁰. Тем самым фраза *бизнесмен [Золотарев] вышел сухим из воды* означает, что 'действия Золотарева в какой-то момент в прошлом не соответствовали нормам закона'. Из предшествующего предложения данного фрагмента следует, что этим преступлением является убийство предпринимателя Петровского. Следовательно, в обсуждаемом фрагменте говорится, что Золотарев причастен к убийству предпринимателя Петровского. Эта информация характеризует И.И. Золотарева отрицательно. Поскольку выявленная информация 'действия Золотарева в какой-то момент в прошлом не соответствовали нормам закона' выводится как следствие (импликация) из актуального значения обсуждаемого фразеологизма и одновременно является обязательной для понимания обсуждаемого фрагмента, то она квалифицируется как скрытое утверждение.

Фразеологизм *выйти сухим из воды* близок по семантике идиоме *сойти с рук*. Ср. пример из авторской программы известного журналиста:

Виктор Быков, вице-президент ОАО «Быстрый Бутерброд». До сегодняшнего момента этим людям такие действия *сходили с рук*. Такая же ситуация была на Петровском майонезном комбинате, такая ситуация была на Старомосковском жировом заводе. Такие же захваты, таким же способом. Группа «Евро-стол» под командованием господина Брунского.

Ведущий. Он с Благоднавым — это одно целое...

Виктор Быков, вице-президент ОАО «Быстрый Бутерброд». Они признали, что они являются партнерами в этом бизнесе.

Во фразе *До сегодняшнего момента этим людям такие действия сходили с рук* использована идиома *сойти с рук*, которая

⁶⁰ См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994.

толкуется в словарях современного русского языка как ‘пройти безнаказанно’⁶¹. Отсюда следует, что эти люди, т.е. неназванная группа лиц, действующая в интересах Благодеева, и сам Благодеев, делали что-то предосудительное, что предполагает наказание.

Разумеется, фразеологизмы *выйти сухим из воды* и *сойти с рук* не идентичны по семантике. Как это довольно часто бывает в сфере фразеологии, внутренняя форма этих выражений указывает на предположительные различия. Во-первых, метафора нахождения в воде порождает смысловое следствие, в соответствии с которым человек уже находится в некоторой сложной ситуации, в которой оказался благодаря своей предосудительной деятельности. В противоположность этому использование идиомы *сойти с рук* не исключает возможности, что предосудительная деятельность уже имеет место, но проблемная ситуация не возникла. Ср. *Семен постоянно ездит без билета, но ему все сходит с рук*, при явной нежелательности использования в этом случае идиомы *выйти сухим из воды*: *Семен постоянно ездит без билета, но ??выходит сухим из воды*. Во-вторых, указанная проблемная ситуация в случае идиомы *выйти сухим из воды* так или иначе обнаружена, известна довольно широкому кругу лиц. А использование идиомы *сойти с рук* возможно и тогда, когда факт предосудительной деятельности не раскрыт, он остался тайной. С учетом сказанного, рассматриваемым идиомам можно сопоставить следующие толкования:

Выйти сухим из воды = ‘оказавшись в опасной ситуации, во многом (а то и полностью) обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила, что становится известным, избежать наказания за сделанное в результате собственных усилий или действия посторонних факторов, уподобившись человеку, способному сделать невозможное и противоречащее известным физическим законам’;

Сойти с рук = ‘делать что-л., нарушающее те или иные общественные нормы и правила, но не получать за это наказания, уподобившись человеку, умеющему хорошо действовать руками’.

⁶¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985.

Для рассматриваемого случая существенно, что компоненты толкования 'обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила' и 'делать что-л., нарушающее те или иные общественные нормы и правила' указывают на нарушение принятых в обществе норм, что может использоваться для введения в текст имплицитной негативной оценки деятельности человека. Отметим, что приведенные компоненты смысла фразеологизмов образуют их пресуппозиции (о понятии пресуппозиции см. ниже § 4 главы 3).

Схожий случай обнаруживается в следующем примере:

В. Дикой в результате дальнейшей деятельности по «оптимизации бизнеса» сократил несколько тысяч рабочих мест. То есть повесил на шею городу еще и безработных.

Фразеологизм *повесить на шею (кого-л. кому-л.)* в современном русском языке означает 'перевести кого-л. на чье-л. содержание, обременяя его этим'. Следовательно, в рассматриваемом фрагменте содержится информация о том, что Дикой, уволив рабочих, перевел их на содержание города, создав при этом для города серьезные проблемы. В данном случае отрицательная информация о Диком касается моральной оценки последствий увольнения рабочих. Событие увольнения описано так, как если бы Дикой сознательно преследовал цель создать проблемы для города. Это отрицательно характеризует деятельность В. Дикого и его самого.

Еще один типичный случай экспликации актуального значения фразеологизма в лингвистическом заключении представлен идиомой *запустить руки в (чьей-л.) карман*:

Недавно промелькнуло в печати, что глава Церкви нового пришествия просил правительство подарить церкви нефть для продажи на Запад. Торопится г-н Патриарх присоединиться к тем, кто запустил обе руки в наш карман!

В первом приближении фразеологизм *запустить руки в (чьей-л.) карман* означает 'тайно использовать чей-л. материальный ресурс, не имея на то разрешения от соответствующе-

го лица⁶². Иными словами, тот, кто запускает руки в чей-либо карман занимается незаконным использованием средств другого лица. Из значения использованного фразеологизма следует, что патриарх занимается незаконной деятельностью, что характеризует его отрицательно. В определенной степени данная отрицательная характеристика близка по значению словам *вор*, *жулик*, *мошенник* и т.п.

Довольно часто несколько идиом используются одновременно, что создает дополнительный воздействующий эффект. В этих случаях каждая из идиом должна исследоваться отдельно:

Действия Петухова вполне понятны: создавая громкий скандал, новый гендиректор надеется под шумок тем или иным способом получить хотя бы маленький пакет акций. Тем более что вода, в которой пытается поймать рыбку Петухов, весьма и весьма мутная. <...> когда номер не вышел и в деле стала разбираться прокуратура, он [Петухов] решил выйти сухим из воды.

Кроме эксплицитного утверждения о том, что Петухов создает скандал, т.е. несет ответственность за возникновение ситуации, 'позорящей ее участников'⁶³, в рассматриваемом фрагменте содержится информация о том, что Петухов хочет обманом получить часть акций завода. На это указывает фразеологическое выражение *под шумок*, которое значит 'тайком, неприметно для других, втихомолку'⁶⁴. Кроме того, согласно толковым словарям русского языка, фразеологизм *ловить рыбку в мутной воде* означает 'извлекать выгоду из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками'⁶⁵, что также может рассматриваться как деятельность, противоречащая нормам морали.

⁶² Ср. близкое толкование данного фразеологизма в: Яранцев Р.И. Русская фразеология, М., 1997: 'Незаконно, обманными путями пользоваться чужим добром; обманывать кого-л. в корыстных целях', с. 684; см. также *Lubensky S.* Random House Russian-English dictionary of idioms. Random House, N.Y., 1995. P. 284.

⁶³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁶⁴ См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

⁶⁵ См.: Указ. соч.

Как было показано выше, фразеологизм *выйти сухим из воды* имеет в современном русском языке следующее значение: ‘оказавшись в опасной ситуации, во многом (а то и полностью) обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила, что становится известным, избежать наказания за сделанное в результате собственных усилий или действия посторонних факторов, уподобившись человеку, способному сделать невозможное и противоречащее известным физическим законам’. Использование данного фразеологизма по отношению к Петухову в обсуждаемом контексте означает, что Петухов участвовал в чем-то предосудительном, поскольку он пытается ‘избежать наказания за сделанное’.

Выявленные и эксплицированные актуальные значения фразеологизмов передают негативную информацию о Петухове, поскольку указывают на то, что Петухов нарушает принятое в обществе нормы морали и даже совершает преступления.

Задача, поставленная в экспертизе, кажется решенной, однако в данном виде семантический анализ неполон. Дело в том, что план содержания фразеологизмов, как и других лексических единиц, неоднороден по степени эксплицитности его составляющих. Мало того, что актуальное значение фразеологизма «конкурирует» с внутренней формой за внимание адресата, многие компоненты актуального значения по своей сути имплицитны. Для выявления этой неоднородности частей актуального значения идиомы словарных дефиниций оказывается недостаточно. Например, негативная информация о Петухове, вводимая в рассмотренном выше фрагменте идиомой *выйти сухим из воды*, относится к пресуппозиции высказывания. Пресуппозиция обсуждаемой идиомы выглядит следующим образом: ‘<оказавшись в ситуации> обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила’. Как известно, пресуппозиция не затрагивается общим отрицанием предложения с соответствующим предикатом в качестве главного. Поскольку семантически и синтаксически во фразе *он [Петухов] решил выйти сухим из воды* фразеологизм подчинен глаголу *решил*, то тест оказывается усложненным: отрицание приходится «навешивать» на главный предикат *решил*. Получаем нечто вроде ‘НЕВЕРНО, что он [Петухов] решил выйти сухим из воды’ →

‘он [Петухов] НЕ решил выйти сухим из воды’, т.е. ‘он [Петухов] не стал пытаться избежать заслуженного наказания’. Таким образом, компонент ‘<оказавшись в ситуации> обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила’ не отрицается и действительно образует пресуппозицию. Как было показано выше в главе 1 (см. также параграф 4 главы 3), пресуппозиции представляют собой скрытые, или имплицитные, утверждения. Другое дело, что в чисто практическом плане, в рамках лингвистической экспертизы текста различие по степени эксплицитности утверждения, вводимого фразеологизмом (в данном случае выраженного компонентом толкования ‘избегнуть наказания за сделанное в результате собственных усилий или действия посторонних факторов,’) и его пресуппозицией (в данном случае — ‘<оказавшись в ситуации> обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила’), часто оказывается несущественным.

Еще один пример введения негативной информации в пресуппозиции идиомы обнаруживается в следующем фрагменте:

Начальник цеха по подготовке древесины Леонид Гончаров вывозит толстомерную древесину под видом брака, не стесняясь грузить в машину 18 кубометров вместо 10, записанных в накладной. Однажды пойманный за руку, был благополучно «отмазан» самим директором завода.

Выражение *поймать/схватить за руку* употреблено в анализируемом фрагменте в функции идиомы со значением ‘уличить, поймать на месте преступления’⁶⁶, ‘поймать с поличным’⁶⁷. Из приведенных толкований следует, что семантика данной идиомы такова, что тот, кого *ловят/хватают за руку* совершает какой-то неблагоприятный поступок. Иными словами, в исследуемом фрагменте представлена информация о том, что ‘Леонид Гончаров, по крайней мере один раз, был уличен в совершении неблагоприятного поступка’. На то, что

⁶⁶ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992, словарная статья существительного *рука*.

⁶⁷ См.: Указ. соч., словарная статья глагола *хватать*.

это произошло как минимум один раз, указывает словосочетание *однажды пойманный за руку*. О потенциальной возможности неоднократного совершения неблагоприятных поступков говорит фраза *Леонид Гончаров вывозит толстомерную древесину под видом брака*, в которой сказуемое *вывозит* в форме настоящего времени использовано для описания постоянно повторяющегося действия⁶⁸. Использование глагольной формы *не стесняясь* косвенно поддерживает негативную составляющую смысла всего высказывания в целом. Тем самым в анализируемом фрагменте выявляется информация вида ‘Начальник цеха по подготовке древесины Леонид Гончаров вывозит толстомерную древесину под видом брака, сознательно превышая объем древесины, указанный в накладной’, которая также характеризует отрицательно производственную деятельность указанного лица.

Информация о предосудительной деятельности Л. Гончарова представлена в пресуппозиции идиомы *поймать за руку*. Действительно, общее отрицание фразы *Однажды пойманный за руку, был благополучно «отмазан» самим директором завода* относится к предикату *быть отмазанным* (т.е. ‘Однажды пойманный за руку, не был благополучно «отмазан»...’), однако и отрицание самой идиомы в автономном употреблении также не затрагивает самого факта совершения неблагоприятного поступка, ср. ‘НЕВЕРНО, что Л. Гончарова поймали за руку’ → ‘Л. Гончарова не поймали за руку’, т.е., нечто предосудительное совершено Л. Гончаровым, но он не уличен в этом. Соответственно более полное толкование анализируемой идиомы в рассматриваемом контексте выглядит следующим образом: *поймать/схватить за руку кого-л.* = ‘показать, что некоторое лицо совершает неблагоприятный поступок, обнаружив это лицо в момент совершения неблагоприятного поступка, что осмысливается как действие по предотвращению карманной кражи в момент ее совершения’.

Степень эксплицитности актуального значения фразеологизмов различных типов. Существенно, что в идиомах с живой внутренней формой, мотивирующей актуальное значение (вы-

⁶⁸ В Академической грамматике такой способ использования грамматического настоящего времени назван «настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное)». Русская грамматика. М., 1982. Т. 1. § 1501.

ражений типа *ловить рыбку в мутной воде, выйти сухим из воды, вести двойную игру*), информация, вводимая актуальным значением фразеологизма, является не явной, а скрытой, хотя близость к эксплицитному способу передачи информации в этом случае очень велика. Явной частью оказывается именно внутренняя форма — именно поэтому неслучайно, что внутренняя форма часто — и совершенно ошибочно — становится предметом иска (см. выше). Совершенно по-другому обстоит дело с идиомами, внутренняя форма которых не осознается современным носителем русского языка. Значения идиом *не видно ни зги* (≈ ‘ничего не видно’), *испокон веков/веку/века* (≈ ‘всегда’), *не хухры-мухры* (≈ ‘что-то, что нельзя рассматривать как неважное’) более эксплицитны, поскольку не «подавляются» семантикой легко осмысливаемой внутренней формы. В таких идиомах актуальное значение вполне может квалифицироваться как эксплицитный способ передачи информации.

Разумеется, имеются и промежуточные случаи, когда внутренняя форма довольно прозрачна, но мотивация актуального значения идиомы неочевидна. Такова, например, идиома *оставить с носом*.

Роман Паратов стал известен широкой публике сравнительно недавно, а именно после того, как обанкротил Новый муниципальный банк в 2002 году, оставив с носом сотни вкладчиков. Вместе с Паратовым бесследно растаяли 40 миллионов долларов.

В приведенном фрагменте текста представлена информация о том, что ‘Р. Паратов обанкротил Новый муниципальный банк’. Сама по себе информация о том, что кто-то обанкротил какое-то финансовое учреждение не является однозначно негативной или позитивной. Однако если учесть, что в статье речь идет о проблемах вкладчиков этого банка, потерявших свои вклады, то приписывание Р. Паратову роли инициатора банкротства банка характеризует его отрицательно. Кроме того, в этом же фрагменте говорится, что ‘Р. Паратов одурачил сотни вкладчиков’. Действительно, *оставить с носом* толкуется в словарях современного русского языка как ‘обмануть ожидания, одурачить’⁶⁹. В рассматриваемом контексте это

⁶⁹ См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

значение реализуется в варианте ‘одурачить’⁷⁰, поскольку именно он поддерживается контекстом: *Вместе с Паратовым бесследно растаяли 40 миллионов долларов*. Обман, одурачивание людей нарушают моральные нормы, а в ряде случаев и действующее законодательство. Следовательно, выявленная информация, образующая актуальное значение идиомы *оставить с носом*, представляет Р. Паратова с отрицательной стороны. Выражена указанная информация в скрытой форме, поскольку хотя мотивация актуального значения и затруднена, но сама внутренняя форма — образ и в данной идиоме осознается носителем языка. Отсюда возможность наивной мотивации актуального значения данной идиомы через жест «показывать нос».

Реконструкция семантики пословиц. К фразеологизмам в широком смысле относятся и пословицы. В отличие от идиом, в семантике пословиц всегда присутствует идея обобщения и рекомендательная сила — рекомендация, совет вести себя, действовать определенным образом⁷¹. Так, пословица *цыплят по осени считают* используется как реакция на поспешную оценку относится ко всем или к большинству случаев оценки чего-л. и рекомендует не производить оценку слишком рано, не учтя всех возможностей развития проблемной ситуации. Пословицы синтаксически и коммуникативно более автономны по сравнению с идиомами и могут употребляться в виде отдельного предложения. Из-за этого их семантический анализ требует обязательного соотнесения с контекстом употребления, а цепочка семантических преобразований, приводящих к реконструкции смысла и его экспликации, оказывается более длинной, чем для многих идиом. В приводимом ниже фрагменте использована пословица *что охраняешь — то имеешь*, в несколько модифицированной форме:

Российская пословица «Что охраняю, то и имею» не утратит своей актуальности в ближайшие лет сто. Тем более, если охраняют государственное. Правда, в последнее время охочие до наживы российские чиновники стали действовать умнее... Теперь

⁷⁰ Заметим, что в семантику глагола *одурачить* так или иначе входит смысловой компонент ‘обмануть ожидания’.

⁷¹ См. подробнее: *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5.

казнокрады научились договариваться с ревизорами из грозных правоохранительных органов.

Фразеологизм *что охраняю, то и имею* указывает на ситуацию, в которой некоторое лицо, имеющее по должности в своем распоряжении некоторое имущество, злоупотребляет своим служебным положением, используя это имущество для получения собственной выгоды. Таким образом, указывается, что *российские чиновники*, призванные охранять государственное имущество и государственные интересы, на деле оказываются *казнокрадами*, т.е. совершают противоправные действия. В статье, из которой взят приведенный фрагмент, речь идет о таможенниках. Поскольку таможенники относятся к государственным служащим, т.е. являются чиновниками, то негативная информация, представленная в значении пословицы, распространяется и на сотрудников таможни. Эта информация представлена в виде следствия (точнее, импликации).

В той же статье по отношению к деятельности чиновников различных организаций использована пословица *ворон ворону глаз не выклюет*:

Сложно сказать, что заставило чиновников столь высокого ранга закрыть глаза на некоторые нарушения законодательства, допущенные при участии дочернего предприятия ГТК⁷². Возможно, цеховая солидарность. Как говорится, «ворон ворону глаз не выклюет»...

В данном фрагменте речь идет о наличии некоторых нарушений законодательства, допущенных при участии дочернего предприятия ГТК, причем чиновники ГТК высокого ранга сделали вид, что никаких нарушений нет (на это указывает значение фразеологизма *закрывать глаза на что-л.*). Информация о нарушении законодательства отрицательно характеризует ГТК и его дочернее предприятие как юридические лица. Кроме того, пословица *ворон ворону глаз не выклюет* в современном русском языке характеризует ситуации, когда какое-то лицо, обнаружив неблагоприятную деятельность другого лица, не предпринимает усилий для ее обнародования или

⁷² Государственный таможенный комитет.

пресечения, поскольку и сам занимается подобными делами. Тем самым читатель сделает вывод из приведенного фрагмента, что и чиновники ГТК, и чиновники его дочернего предприятия занимаются неблагоприятной, противозаконной деятельностью.

Фразеологизм versus свободное словосочетание. Еще один случай, довольно часто встречающийся в практике лингвистических экспертиз, связан с возможностью понимания словосочетания и как фразеологизма, и как свободной комбинации слов. Это, например, существенно, когда фразеологизм входит в состав зарегистрированного сложного товарного знака или является слоганом, а свободное словосочетание — нет. Ниже в главе 5 рассматривается пример анализа выражения *знай наших*, которое может функционировать в языке и как свободное глагольное словосочетание, и как фразеологизм. В первом случае значение словосочетания выводится из прямых значений слов, которые его образуют, во втором — все выражение приобретает целостное идиоматическое значение, т.е. значение, которое не выводится из простой суммы прямых значений составляющих его слов. В обсуждаемом примере претензии истца справедливы лишь в том случае, если выражение *знай наших* употреблено как фразеологизм — идиома, поскольку именно оно защищено как часть сложного товарного знака.

Фразеологизмы в языковой игре. Языковая игра часто встречается в текстах СМИ и оказывается предметом спора в делах о защите чести и достоинства. В главе 3 языковая игра рассматривается как один из способов речевого воздействия, который позволяет ввести негативную информацию в текст и при этом избежать возможного судебного преследования. В разделе 2.1. данной главы приводится пример анализа в экспертизе игрового контекста употребления идиомы *без пяти минут (кто-л.)*. Однако в некоторых случаях и контекст языковой игры не спасает, поскольку средствами семантического анализа удастся реконструировать негативную информацию, поданную в имплицитной, неявной форме, причем степень определенности реконструкции очень велика. Это возможно, если прием языковой игры с фразеологизмом основывается на замене или опущении части фразеологизма. В разделе 6.5. главы 7 рассматривается пример с опущением слова *преступ-*

ная из устойчивого словосочетания *организованная преступная группировка*, использованном в заголовке к публикации: *В Рязани появилась новая организованная группировка: ПОЛСИНАУ-ТОВСКИЕ*. Семантический анализ показывает, что в процессе понимания читатель восстановит прилагательное *преступный* (см. подробнее раздел 6.5. главы 7). Однако такое опущение компонента устойчивого словосочетания нельзя считать примером языковой игры, да и само выражение *организованная преступная группировка* хотя и устойчиво, но слабоидиоматично.

В одной из статей о промышленной компании был использован заголовок *Добытчики с большой дороги*. Эффект языковой игры создается здесь за счет замены компонента *разбойники/грабители* идиомы *разбойники (грабители) с большой дороги* на слово *добытчики*. Сохраняющийся компонент *с большой дороги* однозначно указывает на довольно употребительную в русском языке идиому и тем самым позволяет автору текста соотнести представителей некоторой корпорации, названных *добытчиками*, с идеей противоправной деятельности. Аналогичный эффект возникает и в других случаях замены компонента *разбойники/грабители*: *Инвесторы с большой дороги*; *Строители с большой дороги*; *Банкиры с большой дороги*; *Академики с большой дороги*. Приведенные примеры не выдуманы, что говорит о большой популярности обсуждаемого приема языковой игры.

§ 2. Метафоры

Метафора относится к числу наиболее распространенных средств стилистического оформления речи. В самом общем смысле метафору можно определить следующим образом:

Метафора — это когнитивный феномен, представленный на уровне языковых форм словом, словосочетанием, фрагментом текста, а иногда и целым текстом, семантика которого сформировалась как результат осмысления сущности одной понятийной области через другую понятийную область: в ее категориях и свойственной ей понятиях.

Этому феномену, не только лингвистическому, но и когнитивному, посвящена бесчисленная литература⁷³.

Использование метафор в языке юриспруденции и особенно в сфере законодательской деятельности, в официальном языке судебной документации вполне осознается⁷⁴ и отнюдь не приветствуется. Так, в «Методических правилах по организации законопроектной работы Федеральных органов исполнительной власти» указывается, что «использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается»⁷⁵. Действительно, появление метафор в законодательных актах или в документах судопроизводства может привести (и, заметим, приводит) к большим сложностям в понимании и применении законов и решений судов. Между тем в судебном заседании в дискуссии между сторонами метафоры, как и другие способы речевого воздействия (см. параграф 6 главы 3), оказываются совершенно нормальной практикой. Часто приводят пример судебной аргументации с использованием метафоры из выступлений Ф.Н. Плевако. Последний однажды защищал старушку, укравшую чайник, стоивший 30 копеек. Прокурор построил свою речь на идее частной собственности как фундамента государства, обвиняя старушку в угрозе самому существованию государственной системы. Ф.Н. Плевако, обратив внимание на метафору прокурора, развил ее дальше, заметив, что набегги печенегов и наполеоновское нашествие не поколебало фундамента госу-

⁷³ См. по этому поводу сборник переводов: *Теория метафоры* (М., 1990), обобщающий герменевтический, филологический, философский подходы к метафоре; основы когнитивной теории метафоры излагаются в: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. Deskрипторная теория метафоры представлена в: *Баранов А.Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94; *Баранов А.Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка, 2004. Т. 63. № 1. С. 33–43.

⁷⁴ См., напр.: *Решенкин А., Павлов Н.* О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник ВАС РФ. 2001. № 7.

⁷⁵ Утверждены приказом Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ 10 января 2001 г. № 3/51.

дарства, а украденный чайник грозит обрушить устои государства российского⁷⁶.

Разумеется, никто не может запретить использование метафор и в объекте лингвистических экспертиз — в естественном языковом тексте. Между тем экспертное лингвистическое исследование текста, содержащего метафоры, часто оказывается отнюдь не тривиальной задачей. В центр его внимания попадают различные свойства, аспекты этого сложного феномена. Рассмотрим некоторые существенные характеристики метафоры, которые важны при семантическом анализе текста в лингвистических экспертизах.

2.1. Следствия из метафоры и профилирование (коммуникативное высвечивание) смысла

Согласно когнитивной теории метафоры, в результате метафорического переноса происходит проецирование понятийной области источника на область цели. В результате такого проецирования коммуникативно высвечиваются, или профилируются, те или иные свойства области цели. Профилирование приводит к появлению следствий из метафоры, которые часто становятся предметом исследования в экспертизах.

В различных контекстах одна и та же метафора профилирует различные следствия. Другими словами, контекст «высвечивает» то или иное следствие, потенциально выводимое из метафоры⁷⁷. Например, при использовании метафоры Россия — это медведь в российской публицистике часто высвечиваются (т.е. оказываются в центре внимания) семантические следствия ‘неповоротливость’ (пример 1), ‘большая величина’ (пример 2), ‘опасность, исходящая от медведя’ (пример 3):

- (1) Это ржавое колесо огромного механизма российского. *Это такой медведь*. Ему только надо придать инерцию, а дальше он пойдет уже сам. Вот для того, чтобы придать такую инерцию, я и хочу работать. *Б. Ельцин, Независимая Газета, 19.11.91.*

⁷⁶ См.: Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993. С. 8–9.

⁷⁷ Чем более стерта, конвенционализована метафора, тем меньше варьирование, широта профилируемых следствий — см. ниже.

- (2) Если даже под Россией понимать только Великороссию в виде РСФСР, то и тогда *медведь* не может быть равен суслику. С. Волков, *Независимая Газета*, 19.11.91.
- (3) Нет, нельзя оставлять таких больших рядом с маленькими без присмотра. Никто сегодня не может чувствовать себя безопасным рядом со *страной-медведем*, которая не отеклась от величия, основанного на расстояниях и площадях. Г. Павловский, *Независимая Газета*, 19.11.91.

Сложности выявления следствий из метафоры многообразны. Сразу укажем две. Во-первых, следствия из метафоры, как правило, не формулируются в явном виде. Иными словами, по большей части это не эксплицитная, явная информация, а информация скрытая, неявная. Правда, в ряде случаев профилирование свойств метафорой поддерживается контекстом, т.е. судить о следствиях метафоры можно на основе контекста.

Вторая сложность заключается в том, что область источника в процессе метафорической проекции переносится на область цели не полностью, а частично, т.е. метафорический перенос, как правило, не имеет глобального характера — переносятся не все, а лишь некоторые существенные характеристики источниковой области (того, с чем происходит сравнение). Эта особенность метафоры получила название **«фрагментарности метафорического структурирования»**⁷⁸. Например, при использовании метафоры общество — это стадо далеко не все свойства стада переносятся на общество. Чаще всего осмысление народа как стада коммуникативно высвечивает такие свойства, общие, с точки зрения говорящего, для стада и народа, как пассивность, несамостоятельность, подвластность руководителю (пастуху). Так, прилагательное *бессловесный* во фразе типа *Наш народ — это только бессловесное стадо* с очевидностью указывает на профилирование свойств пассивности, несамостоятельности, подвластности (следствия 'Народ пассивен', 'Народ несамостоятелен', 'Народ подчиняется власти'), но не очевидно, что при этом профилируются свойства ухода (за стадом), исполь-

⁷⁸ См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 89 и далее.

зование (стада) в хозяйственной деятельности (получение молока, мяса и т.д.)⁷⁹.

Ответ на вопросы о том, профилируется то или иное свойство метафорой и имеется ли соответствующее метафорическое следствие в данной ситуации использования метафоры, можно получить только в результате анализа контекста. При этом далеко не всегда такой ответ бывает определенным. Фрагментарность метафорического структурирования дополнительно осложняет ситуацию.

Рассмотрим несколько примеров выявления метафорических следствий. Чаще всего выявляемые следствия из метафоры содержат негативную информацию о физическом или юридическом лице, которую необходимо выявить в процессе семантического анализа спорного текста. Начнем с так называемых **новых**, или **творческих**, метафор, не фиксированных еще в языковой системе как переносные значения соответствующих слов или не воспроизводимых регулярно в обсуждаемом дискурсе — в данном случае в языке современной публицистики.

Довольно оригинальная метафора была использована известным публицистом по отношению к одному из подразделений МВД — Следственному комитету:

За три с лишним года правления Д. Неподкупного Следственный комитет превратился в этакий «стол заказов», где с одинаковой легкостью можно организовать совершенно пустое дело и прекратить — самое серьезное, в любом уголке страны.

В приведенном фрагменте публикации для описания ситуации в Следственном комитете автор использует метафору стола заказов. В основном значении словосочетание *стол заказов* обозначает место, где покупатель может купить тот или иной набор продуктов по своему желанию («отдел в магазине, где покупатели делают предварительные заказы»⁸⁰). Контекст

⁷⁹ Профилирование таких свойств могло бы выражаться фразами типа *Народ надо регулярно кормить из корыта — тогда он будет доволен, а во время кормежки нелишне и шерсть состричь*. Понятно, что контексты такого рода нетипичны для рассматриваемой метафорической проекции.

⁸⁰ См.: *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

употребления данной метафоры показывает, что здесь имеется в виду следствие из метафоры, в соответствии с которым в качестве продуктов выступают уголовные дела, которые можно купить (создать или, наоборот, прекратить) за определенную плату. Кроме того, в следствии из метафоры стола заказов присутствует идея предсказуемости результата (человек получает то, что заказал). Тем самым в метафоре содержится информация о том, что, 'дав взятку в Следственном комитете, можно открыть или закрыть уголовное дело по своему желанию'. Обсуждаемое следствие из метафоры является обязательным, поскольку на него указывают слова *с одинаковой легкостью можно организовать совершенно пустое дело и прекратить — самое серьезное, в любом уголке страны*. Временная конструкция *за три с лишним года правления Д. Неподкупного* устанавливает причинную связь между началом работы в Следственном комитете Д. Неподкупного и тем, что там стали брать взятки. Данная информация, разумеется, негативно характеризует Д. Неподкупного, поскольку начало и прекращение уголовных дел за взятки осуждается в обществе по моральным соображениям и нарушает действующее законодательство.

Чаще всего, однако, в лингвистической экспертизе текста приходится иметь дело с так называемыми «**конвенциональными**», или «**стертыми**», метафорами, которые типичны для дискурса и часто отражаются в словарях как примеры переносных значений слов. К числу конвенциональных метафор относятся, например, метафора учитель как образца для подражания, бедствия как человека, деятельность которого представляет опасность для окружающих. Метафоры такого рода и рассматриваются ниже.

В значительной части экспертиз о защите чести и достоинства конца 1990-х гг. основная коллизия разворачивается между крупным предпринимателем, в силу своей экономического влияния ставшим политическим субъектом, и его противниками — другими предпринимателями или политическими субъектами. Часто такая полемика имеет вид «слива» компрометирующих сведений в прессу или электронные СМИ. Источником рассматриваемых ниже примеров послужили заключения по публикациям в Интернете на сайтах, специализирующихся на распространении соответствующего компромата.

Но методы, позволившие им [Тушинским племянникам. — А.Б.] выиграть ту самую нефтяную войну, по-прежнему используются их младшими партнерами Абдуллой и Романом Паратовым, который, похоже, задался целью превзойти своих учителей. [Главный список].

Из предшествующего контекста публикации следует, что Тушинские племянники действовали в бизнесе незаконными методами. В приведенном фрагменте говорится о том, что Роман Паратов использует те же методы, т.е. незаконные, в бизнесе. Более того, Р. Паратов имеет намерение «превзойти своих учителей», что в данном контексте следует рассматривать как сообщение о том, что Р. Паратов хочет использовать еще более незаконные методы. Действительно, метафора Паратов — это ученик Тушинских племянников (в сфере бизнеса) имеет в рассматриваемом контексте следующее метафорическое следствие: ‘Паратов использует те же методы в сфере бизнеса, что и Тушинские племянники’. Это следствие актуализовано фразой *Романом Паратовым, который, похоже, задался целью превзойти своих учителей*. Действительно, *превзойти учителей* означает действовать теми же методами, так же, как и учителя, но еще более эффективно. Поскольку действия учителей — Тушинских племянников — носили незаконный характер, то и Р. Паратов действует незаконно и даже намеревается действовать еще более незаконно. Данное следствие из метафоры актуализовано, иначе фраза *Романом Паратовым, который, похоже, задался целью превзойти своих учителей* становится непонятной и нарушает связность текста.

О том, что указанное следствие из метафоры Паратов — это ученик Тушинских племянников часто актуализируется в тексте, говорит и тот факт, что она фиксируется в словарях в виде переносного значения слова *учитель*:

УЧИТЕЛЬ 3. Человек, к-рый учит кого-н., обычно важному, большому⁸¹.

УЧИТЕЛЬ 2. Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей⁸².

⁸¹ См.: Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

⁸² См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

Выявленное следствие из метафоры содержит негативную информацию о Р. Паратове. Кроме того, поскольку было показано, что следствие актуализовано, то его следует квалифицировать как скрытое (имплицитное) утверждения.

Еще один пример:

Тем временем пиарщики нашего олигарха не теряют времени даром. Роман Паратов из нефтяного «барона-разбойника» оказывается вдруг ярким государственным. Человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России, берется решать за президента, что лучше для страны — когда и как вступить в ВТО, каким экономическим курсом идти правительству. Более того, амбиции Паратова, судя по его заявлениям и шепоткам вокруг, простираются уже до того, что бы самому стать государством. В статусе премьер-министра, а то и президента... Западное общество пытаются ублажать сказкой о «чистом» Паратове и «нечистых» Тушинских племянниках. И это понятно — криминальные финансы отмываются за рубежом. Легализация имиджа закономерно следует за легализацией бизнеса и кровавых денег. Однако эти люди надевают белые перчатки лишь для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. [Главный список].

В данном фрагменте представлено несколько метафор, содержащих в виде метафорических следствий отрицательную информацию о Р. Паратове. Во-первых, по отношению к Паратову использована метафора *барон-разбойник*. Суть свойства, профилируемого метафорой *Паратов* — это *барон-разбойник* в рассматриваемом контексте, при кажущейся простоте случая совсем не очевидна. Действительно, *разбойник* — человек, занимающийся противоправной деятельностью («тот, кто промышляет разбоем, грабежом»⁸³). Перенос характеристик, типичный для метафоры, осуществляется здесь не в направлении от одной концептуальной области в другую, а в направлении сопоставления лиц, занимавшихся противоправной деятельностью в разные исторические эпохи. Разбойник — это не современный ворюга, бандит и тем более взяточник. Более того, слово *барон* вносит в общую картину метафорического преоб-

⁸³ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

разования идею непонятого (или неправильно понятого) благородства и «робингудства». Разумеется, коммуникативно высвечивается вовсе не смысл «благородства разбойника-барона» Паратова. Здесь мы сталкиваемся тоже со своеобразным концептуальным переносом, профилирующим идею нарушения закона в эпоху несовершенного или почти отсутствующего законодательства, а точнее, закона силы — прав тот, кто сильнее. Иными словами, данная метафора коммуникативно высвечивает нечто вроде: ‘Р. Паратов действовал противоправно с позиции силы в период несовершенного законодательства, как действовали противоправно с позиции силы бароны-разбойники в прошлом, в эпоху почти отсутствовавших законов’.

Насколько данное следствие обязательно — совершенно другой вопрос. Очевидно, что лишь часть сформулированного следствия будет реконструирована при понимании данного текста — та, которая связана с идеей противоправности действий. Дело в том, что именно эта часть семантики поддерживается контекстом публикации: в ней в целом идет речь о противоправной деятельности Р. Паратова, на противоправность указывает и лексическое значение слова *разбойник*. Остальная часть семантики рассматриваемого следствия — несовершенство законодательства, силовые действия — судя по всему, факультативна.

Метафора Р. ПАРАТОВ — это бедствие, представленная во фразе *человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России*, профилирует идею причинения ущерба. Это следует из значения слова *бедствие*: ‘Большое несчастье с тяжелыми, часто гибельными последствиями’⁸⁴. Дополнительно можно было бы говорить о том, что это несчастье рассматривается почти как стихия, которой невозможно управлять, однако этот смысл, скорее всего, должен рассматриваться как факультативное следствие, поскольку он не поддерживается контекстом. Иными словами, в актуализованном следствии из метафоры Р. ПАРАТОВ — это бедствие Р. Паратову приписывается негативная информация следующего вида: ‘Р. Паратов причинил тяжелый ущерб нескольким регионам России, который осмысливается как несчастье’.

⁸⁴ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

Кроме того, в рассматриваемом фрагменте содержится еще и намек, сущность которого как средства воздействия разбирается в параграфе 7 главы 3.

Фиксация метафоры в переносном значении не всегда помогает установить профилируемые следствия при оживлении этой метафоры. Так, слово *фокусник* в переносном значении описывает ловкого человека. В приводимом ниже фрагменте стертая метафора фокусника «оживлена»: она актуализуется в дискурсе косвенно с помощью введения в рассмотрение типичных атрибутов ситуации показывания фокусов («кролик», «шляпа фокусника»)⁸⁵.

Законы природы отрицают возможность самозарождения. Однако Александр Семихватов нашел способ извлекать фирмы, как кроликов из пустой шляпы фокусника⁸⁶.

По внутренней форме метафорического выражения *А. Семихватов извлекает фирмы, как кроликов из пустой шляпы фокусника*. Иными словами, А. Семихватов сопоставляется с фокусником. Как известно, сущность фокуса заключается в том, что демонстрируется нечто, воспринимаемое как противоречащее представлениям о действительности, законам природы. Как следует из текста статьи, под законами природы, нормами действительности имеется в виду действующее законодательство. Тем самым А. Семихватов, уподобляясь фокуснику, обходит законы природы-законодательства, т.е. действует, по сути, вопреки закону. Выявленное следствие из метафоры не соответствует тому значению слова *фокусник*, которое фиксируется как переносное значение, полученное по регулярным тропеическим преобразованиям. Так, согласно толковым словарям, слово *фокусник* в обсуждаемом значении толкуется как «Ловкий человек, способный на неблагоприятные проделки; ловкач»⁸⁶. Отсюда следует, что словарное толкование переносного значения слова, полученное в результате метафорического переноса

⁸⁵ О понятии «оживления метафоры» см.: *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Воскрешение метафоры // А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

⁸⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

са, не всегда позволяет установить те свойства, которые профилируются в контексте с метафорой, выраженной этим словом.

Метафоры, предусматривающие следствия с негативной информацией, могут использоваться не только по отношению к физическим, но и по отношению к юридическим лицам. Например, фраза *Права собственности на эту компанию — это темная история с дурным запахом, — говорит Нестеров из «Тройки»* включает двойную метафору ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА КОМПАНИЮ *X* — ЭТО ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ И ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА КОМПАНИЮ *X* — ЭТО ИСТОРИЯ С ДУРНЫМ ЗАПАХОМ. В обоих случаях профилируется следствие ‘с точки зрения закона имеется неясность прав собственности на компанию *X*’.

Семантика метафоры сочетается со значением предложения, в которое метафора входит. Часто выделение негативной информации из соответствующих фрагментов текста требует, например, учета взаимодействия семантики метафоры и значения идиомы. Рассмотрим пример такого типа. В одной из газет была помещена следующая изящная подпись под фотографией милицейского чиновника:

Без пяти минут «оборотень», начальник Тютюкинского УВД Василий Удалой.

В современной публицистике слово *оборотень* в словосочетании *оборотень в погонах* стало конвенциональной (т.е. устойчивой, повторяющейся) метафорой, используемой по отношению к бывшим сотрудникам правоохранительных органов, уличенным в преступлениях различного рода (ср. контексты типа *Вслед за столицей борьба с «оборотнями в погонах» разворачивается и в провинции*. Известия). Идиома *без пяти минут кто-л.* в современном русском языке имеет значение кто-л. ‘очень скоро станет кем-н.’⁸⁷. Иными словами, в приведенной фразе представлена негативная информация о В. Удалой следующего типа ‘В. Удалой очень скоро станет бывшим сотрудником правоохранительных органов, уличенным в преступлениях’.

⁸⁷ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Отметим, что использование идиомы *без пяти минут кто-л.* в контексте негативной оценки порождает еще и эффект языковой игры. Дело в том, что данная идиома используется преимущественно по отношению к позитивно оцениваемым изменениям статуса человека. Так, можно сказать *Без пяти минут генерал, доктор наук, академик, инженер, чемпион* и пр., но стилистически и семантически плохо выглядят фразы *Без пяти минут бандит, сволочь, подлец, идиот, осужденный*. В рассматриваемом примере использование идиомы *без пяти минут кто-л.* позволяет привнести семантику ожидания позитивного события: того, что В. Удалого таки посадят, уличат в чем-то. Понятно, что этот игровой компонент смысла не поддается собственно юридической оценке, поскольку его, конечно, не удастся реконструировать как утверждение или обязательное следствие⁸⁸.

В приводимом ниже фрагменте используется конвенциональная метафора темный след. Однако ее анализ требует привлечения контекста не только в смысле определения метафорического следствия, но и для восстановления анафорических связей:

Именно он создатель и куратор службы безопасности компании, за которой тянется темный след сразу к нескольким уголовным историям.

Под местоимением *он* в исследуемом фрагменте имеется в виду Великанов, поскольку в непосредственно предшествующем контексте речь идет именно об этом предпринимателе: *Дело в том, что господином Великановым давно и плотно интересуются правоохранительные органы. Помимо политических интриг, вечный заместитель Возжеватова всегда занимался в МОК-Се вопросами безопасности бизнеса.* В приведенном фрагменте

⁸⁸ Пожалуй, стоит отметить и еще один эффект обсуждаемого игрового примера. Дело в том, что комичность подписи мотивируется еще и тем, что номинация *оборотень в погонах* в принципе относится не только к разоблаченным сотрудникам правоохранительных органов, но и к тем, которые совершили (совершают) преступления, но еще не разоблачены. Тогда выражение *без пяти минут оборотень в погонах* может означать еще и то, что если данное лицо не совершило преступление, то обязательно совершит.

говорится о том, что *Великанов создал и курировал службу безопасности компании* и что *за службой безопасности тянется темный след сразу к нескольким уголовным делам*. Метафора *тянется темный след к уголовным делам* в рассматриваемом контексте профилирует следствие вида ‘служба безопасности МОКСа связана с уголовными преступлениями’. Однако характер этой связи в следствии из метафоры не раскрывается.

Поскольку, как утверждается в приведенном фрагменте, Великанов создал и курировал службу безопасности МОКСа, а служба безопасности как-то связана с уголовными преступлениями, то с из этого следует, что ‘Великанов по крайней мере осведомлен об уголовных преступлениях службы безопасности’. Действительно, причастность к созданию службы безопасности и курирование ее работы предполагает осведомленность о ее работе. Ср. толкование глагола *курировать* — ‘оказывая помощь, осуществлять контроль над какой-л. работой’⁸⁹. Если кто-то курирует какую-то работу, но не знает ее содержания, то его нельзя назвать *куратором*. Осведомленность (если не причастность) Великанова к уголовным преступлениям следует рассматривать как информацию, негативно характеризующую этого предпринимателя.

Таким образом, выявление приведенного следствия потребовало не только анализа самой метафоры, но и восстановления анафорических связей местоимения *он*, а также исследования семантики глагола *курировать*.

Рассмотрим еще один пример, содержащий конвенциональную (т.е. стертую, общепринятую) метафору в сочетании с неконвенциональной, творческой метафорой:

Очевидный триумф господина Вожеватого построен на переплетении ряда трюков с акциями и попыток размывания капитала, которые оставили трем иностранным банкам — держателям 30,54 процентов акций МОКСа — почти пустой буфет.

В обсуждаемом фрагменте деятельность Вожеватого характеризуется словом *трюк*, использованном в переносном значе-

⁸⁹ См.: Музрукова Т.Г., Нечаева И.В. Популярный словарь иностранных слов: около 5000 слов / Под ред. И.В. Нечаевой. М.: Азбуковник (в печати). Информация с сайта www.slovari.ru.

нии, основанном на метафорических преобразованиях. В толковых словарях это значение определяется как ‘ловкая, неожиданная проделка, ухищрение’⁹⁰. Отождествление триумфа Вожеватого с серией трюков — ‘ловких, неожиданных проделок, ухищрений’ — принижает идею успеха, содержащуюся в слове *триумф*. Снижение значимости успеха при помощи конвенциональной (стертой) метафоры (триумф → трюк), конечно, косвенно привносит негативную оценку, однако это нельзя рассматривать как негативную информацию в точном смысле, поскольку ни слово *трюк*, ни слово *проделка* не содержат в своей семантике явных негативных компонентов значения. В этом смысле оказывается более существенной метафора пустого буфета, оставленного иностранным держателям акций МОКСа. В приведенном фрагменте она содержит следствие ‘Иностранные держатели акций МОКСа не получили ничего или не получили того, что должны были получить’. Сама по себе эта информация не является ни негативной, ни позитивной. В контексте статьи ее статус может быть уточнен. В частности, если действия, приведшие к ситуации описанной данной метафорой, осуществлялись с нарушением законодательства, моральных норм и т.д., то данное следствие из метафоры может рассматриваться как негативная информация о деятельности Вожеватого.

2.2. Метафора в заголовке

Часто метафора используется в заголовках. В этих случаях она задает ракурс обсуждения проблемы, причем часто такой, который навязывается автором текста. Для одной из публикаций, комментировавшей деятельность «хозяйствующего субъекта» — сети магазинов «Драг-Центр-Торг» — был использован следующий заголовок ««Драг-Центр-Торг» отходит на окраины». В статье говорилось о том, что эта сеть магазинов якобы продает свои магазины в центре Москвы и перемещается на окраины города. Понятно, что если это соответствует действительности, то речь идет о смене формата деятельности сети, об изменении маркетинговой политики: драгоценности

⁹⁰ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

для покупателей в спальнях районах должны быть совершенно иные, чем для богатых покупателей, совершающих покупки в престижных районах Москвы.

Заголовок не просто сообщает об уходе сети «Драг-Центр-Торг» из центральной части города (тогда был бы использован глагол *уходить*), но еще и подает эту информацию на языке военных действий. Действительно, слово *отход* в рассматриваемом случае представляет собой отглагольное существительное, образованное от глагола *отойти* в значении 'Покинуть свои позиции; отступить'⁹¹. Таким образом, «Драг-Центр-Торг» в данной метафоре интерпретируется как участник торговой войны, проигравший сражение или, как минимум, потесненный своими врагами — конкурентами⁹². Иными словами, можно говорить о присутствии в заголовке (в контексте всей статьи) метафорического следствия '«Драг-Центр-Торг» проиграл в конкуренции с другими ювелирными фирмами/сетями магазинов'. Подчеркнем еще раз, что доказательство обязательности данного метафорического следствия возможно только в рамках всего текста в целом. Значит, следует найти другие контексты, в которых говорится о коммерческих неудачах этой сети магазинов. И действительно, такие примеры легко обнаруживаются:

Так, аналитик консалтинговой компании InterFinanceAudit Валентин Шапкин полагает, что из-за высокой конкуренции в премиум-сегменте продажи «Драг-Центр-Торга» были слишком низкими. «Поэтому руководство компании и решило закрыть магазины в центре раньше, чем они начнут приносить убытки», — предполагает Шапкин. И добавляет, что закрытые магазины будут перенесены за Садовое кольцо — «в густонаселенные спальные районы».

По расчетам агентства недвижимости Knight Frank, арендные ставки для торговых коридоров за последние три года выросли

⁹¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁹² Описание метафоры войны и профилируемых ею следствий см. в: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004 (английский оригинал — 1980 г.); *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации (русский политический язык; от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991; *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор, М., 1994.

на 16% (например, стоимость аренды одного квадратного метра торговых площадей на Тверской улице достигла \$3,5 тыс. в год), и именно высокую арендную плату генеральный директор Московской службы помощи ювелирам Семен Говорливый считает главной причиной, заставившей «Драг-Центр-Торг» менять формат торговли.

Это позволяет сделать окончательный вывод о том, что метафорическое следствие «Драг-Центр-Торг» проиграл в конкуренции с другими ювелирными фирмами/сетями магазинов порождается при прочтении обсуждаемого заголовка в контексте всей статьи: оно тесно связано с ее содержанием и поддерживается им.

Название текста, заголовок публикации — это коммуникативно выделенная, сильная позиция. Метафора в заголовке может иметь и характер нерегулярного, нестандартного намека⁹³, т.е. быть той частью смысла текста, которая необязательна, факультативна и, как следствие, не может быть оспорена в иске. В одной из публикаций, посвященной описанию сбора доказательств в рамках следствия по делу задержанных полковников МУРа, которым инкриминировалось незаконное хранение оружия, вымогательство и превышение служебных полномочий, в названии была использована метафора охоты: *Следы полковников МУРа привели в банк «Армагеддон»*. Метафора охоты (*следы привели*) используется обычно с указанием на виновную сторону, т.е. охотник, преследующий зверя, находит его в берлоге, логове, норе. В анализируемом заголовке такой норой преступников — местом их пребывания — оказывается банк «Армагеддон». Однако контекст статьи, поддерживает другое следствие из данной метафоры — идею поиска доказательств преступления. На это указывает использованная в публикации лексика: *проверка, обыски, выемки документов, проверили, нашли, изъяли, обнаружили, проанализировать*. Следствие же «банк «Армагеддон» — это место пребывания преступников» остается на уровне необязательного намека.

⁹³ От типах намеков см. подробнее § 7 главы 3.

2.3. «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» — метафора и выявление пропозиционального содержания призыва

Исследование призыва в лингвистических экспертизах (прежде всего в связи со ст. 290 (п. 1, 2) УК РФ «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ», а также ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности») предусматривает выявление пропозициональной составляющей призыва как речевого акта⁹⁴. Часто исследуемый призыв оказывается осложнен метафорой. В этом случае выявление пропозиции призыва предполагает и анализ использованной в призыве метафоры.

В конце 1990-х гг. генерал А.М. Макашов вместе со своими соратниками провел серию митингов, вызвавших широкий общественный резонанс. В одном из выступлений А.М. Макашова был представлен следующий фрагмент:

Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обопрись на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия. *Митинг 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади.*

Слово *ружье* использовано в рассматриваемом контексте метонимически и обобщенно указывает на любое оружие. Соответственно, выражение *обопрись на него* [ружье] означает 'используй оружие'. Тем самым пропозиция данного призыва имеет следующий вид: 'армия и флот использует оружие для защиты народа'. На митинге речь идет о действии в конкретный актуальный момент времени в рамках внутривнутриполитической ситуации, а не о деятельности армии и флота вообще по защите страны от внешней военной угрозы. Кроме того, данная пропозиция описывает будущую деятельность адресата (армии и флота) в рамках имевшейся общественно-политической ситуации. Более полный анализ с учетом выступления А.М. Макашова в целом позволяет выделить и объект действий армии и флота — существующее правительство/власть⁹⁵.

⁹⁴ См. подробнее главу 6.

⁹⁵ См. подробнее главу 6.

2.4. «Пистолет в руках маньяка» — проблема определения того, что характеризует метафора

В рассмотренных ранее примерах использования метафор не возникало проблемы с определением того, кому приписываются негативные характеристики, коммуникативно высвечиваемые метафорой в соответствующем контексте. Нередко такая проблема возникает, что отражает многообразие семантических связей между текстом и метафорой: метафора может отдаляться от пропозициональной структуры текста и функционировать как намек, доступный пониманию посвященных.

При обсуждении данной проблемы удобно использовать некоторые термины дескрипторной теории метафоры⁹⁶. Выше уже говорилось, что метафора традиционно определяется как результат осмысления сущности одной понятийной области на языке другой. Например, метафора война законов представляет собой результат осмысления законотворческой деятельности как военных действий. Понятийная область военных действий является «источником», а законодательная деятельность — «целью». В дескрипторной теории метафоры метафора описывается набором специальных семантических маркеров — дескрипторов, отражающих область источника и область цели метафорической проекции. Так, выражение *война законов* представляется в дескрипторной теории метафоры в виде пары дескрипторов {<война>, <законодательская деятельность>}. Первый дескриптор — «война» — является **сигнификативным**, а второй — «законодательская деятельность» — **денотативным**. Так вот оказывается, что далеко не всегда в конкретном контексте использования метафоры удастся четко определить денотативный дескриптор, т.е. то, что собственно описывается, осмысляется метафорой.

В январе 2001 г. в газете «Московский комсомолец» появилась статья А. Минкина «Голосуй — не голосуй...» о деятельности ЦИК — Центральной Избирательной Комиссии («Москов-

⁹⁶ О дескрипторной теории метафоры см. подробнее: *Баранов А.Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2; *Баранов А.Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1.

ский комсомолец», 19.01.2001). Целый рад фраз этого текста был воспринят руководством ЦИК как распространение порочащих сведений о деятельности этого органа. Одна из этих фраз содержала целый комплекс метафор:

Процедура как пистолет — зависит от того, в чьих она руках. В руках убийцы или в руках человека, защищающего себя и своих детей от маньяка. В чьих руках сейчас выборы? Разве в честных?

Понятно, что в случае отнесения метафор убийцы и маньяка к ЦИКу, т.е. если объектом осмысления метафоры является ЦИК, то следствия из данной метафоры крайне негативны для ЦИКа и при этом являются обязательными при понимании данного фрагмента. Метафорическое уподобление ЦИКа убийце и маньяку влечет в рассматриваемом контексте такие следствия, как ‘незаконность действия ЦИКа’, ‘опасность ЦИКа для людей’, ‘намерение ЦИКа причинить ущерб, зло обществу’, ‘непонимание ЦИКом того, что он делает’ и т.д. Если иск правомерен, то с точки зрения дескрипторной теории метафоры контекст *В руках убийцы или в руках человека, защищающего себя и своих детей от маньяка. В чьих руках сейчас выборы? Разве в честных?* должен был бы описываться следующим образом: {<убийца>, <ЦИК>} или {<маньяк>, <ЦИК>}.

Каково же содержание фрагмента на самом деле? По форме обсуждаемый фрагмент представляет собой сложную совокупность нескольких метафор с различными объектами (денотатами) метафорического осмысления. Здесь обнаруживается метафора процедура выборов — это пистолет (метафора оружия и шире — метафора войны), в которой денотативным дескриптором является «выборы/процедура выборов». В этом же контексте выявляется метафора выборы — это объект, находящийся в руках (метафора объекта-предмета), в которой денотативный дескриптор тот же — «выборы/процедура выборов». Фактически, в рассматриваемом примере одна метафора вложена в другую. Поскольку пистолет относится к числу объектов-предметов, то фраза *В чьих руках сейчас выборы?* актуализует более абстрактный слой семантики метафоры процедура выборов — это пистолет.

Пока с денотативными дескрипторами рассматриваемых метафор все было ясно. Однако четко определить, к какому

лицу относятся выражения *убийца* и *маньяк* во фразах *В руках убийцы или в руках человека, защищающего себя и своих детей от маньяка. В чьих руках сейчас выборы? Разве в честных?* уже не представляется возможным. Спорный фрагмент начинается третий абзац последней главки статьи. Первый абзац главки таков:

Выборы — инструмент.

Что вы молитесь на процедуру выборов? Эта процедура пропустила к власти Гитлера. Причем без всякого мухлежа.

Можно предположить, что под защитой от маньяка имеется в виду защита от политика, напоминающего по программе и деятельности Гитлера. Однако вряд ли это относится к убийце, поскольку убийца — это уже другой актант описываемой ситуации. То есть если маньяк — это политик типа Гитлера, то под убийцей не может иметься в виду тот же самый участник ситуации. Не проясняют содержание метафор убийцы и маньяка и фразы, следующие непосредственно после анализируемого фрагмента:

Если нет, то зачем подыгрывать? Зачем соучаствовать?
Классический эпизод советского кино. <...>

В таких случаях естественно обратиться к содержанию статьи в целом и перейти в осмыслении денотатов метафор на более высокий уровень абстракции. Действительно, публикация отражает представление автора статьи о том, что участники политического процесса и государственные институты — политические партии и организации, правительство, дума, ЦИК и т.д. — не обеспечивают адекватной, справедливой процедуры голосования, а процесс голосования контролируется структурами, не заботящимися о благе народа. Иными словами, в качестве денотативного дескриптора следует использовать выражение «политический субъект/государственный институт», т.е. спорная метафора имеет вид **ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ/ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ** — это убийца (метафора преступного мира). В дескрипторной теории ей соответствует форма {<убийца>, <политический субъект/государственный институт>}.

Метафора маньяка относится либо к политику, напоминающему Гитлера, либо она должна интерпретироваться как метафора убийцы, т.е. относиться к политическим субъектам и государственным институтам.

Таким образом, объектом (денотатом) спорной метафоры выступает вся политическая система российского общества, исполнительная и законодательная ветви государственной власти. Выражение *Разве в честных?* представляет собой риторический вопрос, являющийся по сути утверждением: 'Выборы находятся в нечестных руках'. Однако поскольку спорная метафора обсуждаемого фрагмента относится к широкому кругу политических субъектов и к российской политической системе в целом, то и риторический вопрос не относится непосредственно к ЦИК, хотя и связан с ЦИК как с частью всей российской политической системы. Рассматривать ее как обвинение только и именно ЦИК неправомерно.

В рассматриваемом примере отнесенность метафоры к конкретному лицу или политическому субъекту установить не представляется возможным. Для обсуждения случаев такого рода и доказательства неопределенности понимания контекста полезно использовать в экспертизах и лингвистических заключениях достаточно точный и формализованный аппарат описания, поскольку точный инструмент репрезентации сразу показывает возможности неоднозначного понимания. Традиционное филологическое описание в этих случаях часто оказывается недостаточно эксплицитным.

2.5. «Дуновение свежего ветра...» — возможности использования метафоры в рекламном тексте

Исследование следствий из метафоры не ограничивается делами о защите чести и достоинства. Весьма часто метафора как элемент стиля и мощное средство речевого воздействия присутствует в рекламе. Между тем реклама как особый тип дискурса регламентируется специальными законами и, в частности, Федеральным законом «О рекламе»⁹⁷. Пункт 1 ст. 16 этого закона — «Особенности рекламы отдельных видов товаров» — сформулирован следующим образом:

1. Реклама алкогольных напитков, табака и табачных изделий, распространяемая любыми способами, не должна:

⁹⁷ Федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» (с изм. от 18 июня, 14 декабря, 30 декабря 2001 г.).

содержать демонстрацию процессов курения и потребления алкогольных напитков, а также не должна создавать впечатление, что употребление алкоголя или курение имеет важное значение для достижения общественного, спортивного или личного успеха либо для улучшения физического или психического состояния; <...>.

Аналогичная формулировка обнаруживается и в существенной измененной последней версии данного закона от 13 марта 2006 г. (п. 1 статьи 21 «Реклама алкогольной продукции», п. 1 статьи 22 «Реклама пива и напитков, изготавливаемых на его основе»):

Статья 21.

1. Реклама алкогольной продукции не должна:

1) содержать утверждение о том, что употребление алкогольной продукции имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха либо способствует улучшению физического или эмоционального состояния;

<...>

Статья 22.

1. Реклама пива и напитков, изготавливаемых на его основе, не должна:

1) содержать утверждение о том, что употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха либо способствует улучшению физического или эмоционального состояния; <...>.

Очевидно, что это существенное ограничение, поскольку и курение, и употребление алкоголя в подавляющем количестве случаев преследует цель улучшения физического и/или психического состояния. Вспоминается еще «дозаконный» очень удачный рекламный ролик водки: два сухопарых почтенных джентльмена сидят рядом и читают что-то очень солидное — типа *New York Times*. Вдруг они в унисон срываются с места и проходят лихой присядкой по гостиной, не выпуская газет. Затем камера показывает крупным планом соответствующую бутылку спиртного и переводит план на тех же господ, опять мирно сидящих в креслах.

Понятно, что ограничение прямой демонстрации позитивных последствий употребления спиртного заставляет создателей рекламы искать обходные пути, часто весьма удачно. В рекламном ролике «Парусник», обсуждаемом в разделе 2.5. главы 2 по несколько иному поводу — в связи с понятием образа, герои, находясь на корабле (сами герои, впрочем, невидны), обсуждают жаркую погоду и появление нового пива «Наш выбор, светлое». При этом «за кадром» голос диктора произносит следующую фразу: *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня.*

Одно из официальных ведомств, призванных следить за исполнением Закона «О рекламе», заинтересовали реплики героев и прежде всего приведенная выше фраза в связи с тем, что реплики (и указанная фраза в особенности) могут содержать информацию о том, что употребление рекламируемого пива имеет «важное значение для <...> улучшения физического или психического состояния» человека. Если такая информация в тексте ролика имеется, то он нарушает Федеральный закон «О рекламе».

Начнем с того, что приведенный фрагмент Федерального закона «О рекламе» (ст. 16, п. 1) содержит типичную стилистическую ошибку, последовательно повторенную и в последней версии закона от 13 марта 2006 г. В литературном русском языке принято говорить, что *нечто имеет большое значение для чего-л.*, но *что-либо (очень) важно для чего-л.* В силу этого будем считать, что под выражением *иметь важное значение* в тексте закона имеется в виду *иметь большое значение*. То есть в дальнейшем будем использовать стилистически корректное выражение *иметь большое значение*.

Выражение *иметь большое значение (для чего-л.)* представляет собой коллокацию, т.е. устойчивое сочетание слов, обладающее определенной идиоматичностью значения. В словаре синонимов этому выражению приводится как синоним словосочетание *много значить*⁹⁸. В толковых словарях русского языка выражение *иметь большое значение для чего-л.* используется для толкования таких слов, как *значительный*⁹⁹, *многозначитель-*

⁹⁸ См.: *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.

⁹⁹ 'Имеющий особенно большое значение', *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

ный¹⁰⁰, важный¹⁰¹, важность¹⁰², дорожить¹⁰³, драгоценный¹⁰⁴, немалый¹⁰⁵, цены нет¹⁰⁶, эпопея¹⁰⁷. Иными словами, в рассматриваемом выражении, как минимум, представлены смысл ‘высокая степень важности чего-л. для чего-л.’.

Анализ сочетаемости коллокации *иметь большое значение (для чего-л.)* показывает, что она может использоваться только по отношению к позитивно оцениваемым событиям. Так, нельзя сказать **Недостаточно теплая одежда имеет большое значение для заболевания гриппом*. Если событие оценивается положительно, то использование данного выражение оказывается совершенно нормальным, ср. *Теплая одежда имеет большое значение для профилактики гриппа/простудных заболеваний*. Иными словами, в значении данного выражения представлен также смысл ‘что-л. [для чего нечто имеет большое значение] оценивается положительно’.

Обратимся теперь к объекту исследования данного вопроса — предложению *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*. Оно представляет собой сложную метафору, объединяющую два более простых метафорических выражения: *пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет* и *дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*. Глагол *принести* использован в первой метафоре в значении ‘сделает так, что нечто будет иметь место’. Понятно, что пшеничный вкус пива (даже марки «Наш выбор, светлое») сам по себе ничего сделать не может. Следо-

¹⁰⁰ ‘Имеющий большое значение’. Указ. соч.

¹⁰¹ ‘Имеющий особенно большое значение’, Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.

¹⁰² ‘Особая значительность, большое значение’. Указ. соч.

¹⁰³ ‘Высоко ценить, придавать большое значение’, Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.

¹⁰⁴ ‘Имеющий большое значение, очень нужный, важный’. Указ. соч.

¹⁰⁵ ‘Имеющий довольно большое значение; значительный, важный’. Указ. соч.

¹⁰⁶ ‘О ком-л. имеющем большое значение’ — в словарной статье слова *цена*. Указ. соч.

¹⁰⁷ ‘Историческое событие, ряд событий, имеющие большое значение в жизни народа, связанные с героическими подвигами’. Указ. соч.

вательно, имеется в виду ситуация, когда 'некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое»' и это событие приводит к тому, что имеет место другое событие, закодированное в метафоре *дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*. В общем случае это событие можно описать как 'погода становится прохладнее'. В языкознании смысловой перенос первого типа 'пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое»' → 'некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое»' называется метонимией, т.е. переносом значения по смежности явлений, и одновременно представляет собой смысловую свертку — номинализацию. Второе метафорическое выражение на выявленном уровне понимания также кодирует смысл по смежности на основе идеи того, что 'свежий ветер приносит более прохладную погоду'.

Заметим, что в понимании анализируемого предложения можно пойти еще дальше: человек может ощущать вкус пива «Наш выбор, светлое» в ситуации, когда он его пьет. Иными словами, здесь можно увидеть еще одну метонимию: 'некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое»' → 'некто пьет пиво «Наш выбор, светлое»'. С другой стороны, погода может использоваться для передачи физического и физиологического состояния человека: прохладная погода → человеку становится прохладнее (смысловой перенос из одной понятийной области в другую, т.е. метафора в точном смысле).

Проделанный анализ позволяет выявить две возможности понимания фразы *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*: 1) 'некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое», что вызывает представление о прохладной погоде/ассоциируется с прохладной погодой'; 2) 'некто пьет пиво «Наш выбор, светлое», что приводит к тому, что ему становится прохладнее'. Схематично их можно изобразить следующим образом:

Схема 1

['пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое»' →¹⁰⁸] **некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое», что вызывает представление о прохладной погоде/ассоциируется с прохладной погодой** [← 'дуновение свежего ветра в разгар летнего дня']

¹⁰⁸ Знак → указывает на направление семантической деривации.

Схема 2

‘[[‘пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» →] некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое» →] некто **пьет пиво «Наш выбор, светлое», что приводит к тому, что ему становится прохладнее** [← погода становится прохладнее [← ‘дуновение свежего ветра в разгар летнего дня’]]’

Очевидно, что первое понимание менее вероятно, поскольку причинные связи в нем мотивированы относительно слабо, что проявляется в самой неопределенности интерпретации: ‘вызывает представление о прохладной погоде/ассоциируется с прохладной погодой’. Это понимание, однако, нельзя исключать, поскольку оно более абстрактно, а это соответствует достаточно абстрактной изобразительной форме рекламного ролика, построенного на стилистике намека.

Вернемся к смыслу поставленного вопроса: есть ли в предложении *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» приносит дуновение свежего ветра в разгар летнего дня* информация о том, что употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния? Как было показано выше, устойчивое выражение *иметь большое значение для чего-л.* содержит смыслы ‘высокая степень важности чего-л. для чего-л.’ и ‘что-л. [для чего нечто имеет большое значение] оценивается положительно’. Иными словами, исследованная фраза должна содержать указание на высокую степень важности и на позитивную оценку. Легко видеть, что понимание 2 ‘некто пьет пиво «Наш выбор, светлое», что приводит к тому, что ему становится прохладнее’ не включает указание на высокую степень важности употребления пива для достижения прохлады в смысле улучшения физического или психического состояния. Позитивная оценка прохлады также в явном виде в исследуемой фразе не представлена, но может быть выведена из сопоставления видеоряда и текста.

Понимание 1 ‘некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое», что вызывает представление о прохладной погоде/ассоциируется с прохладной погодой’ вообще четко не указывает на характер физического и/или психического состояния человека, косвенно соотнося его с погодой. Следовательно, и для этого понимания ответ — отрицательный.

Заметим, что «усилительные» смыслы, передаваемые семантикой таких слов, как *значительно/значительный, очень, существенно/существенный, важно/важный, исключительно/исключительный* и представленные в значении выражения *иметь большое значение для чего-л.*, довольно редко выражаются подтекстом, намеками, семантическими следствиями. Подтекст чужд откровенному «педалированию» семантики — на то он и «подтекст», скрытое, имплицитное содержание. Эффективность воздействия достигается за счет других факторов (особенностей усвоения — онтологизации — скрытого знания и пр. — см. подробнее главу 3). Несколько чаще «усилительная» семантика обнаруживается при использовании такого способа речевого воздействия, как навязывание пресуппозиции, ср. фразы типа *Почему наш банк входит в число лучших банков России?* В разобранный случае данный прием, однако, не используется.

Еще один аспект сравнения фразы *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня* и сформулированной в вопросе идеи «употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния» касается коммуникативного намерения говорящего. Произнося речевой акт *Употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния*, говорящий имеет в виду рекомендацию: «выпей пива, и это непременно улучшит твое физическое и/или психическое состояние». Фраза *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*, содержащая сложный комплекс метафор, **не может рассматриваться как явная рекомендация к употреблению пива**. Разумеется, данный смысл может быть получен адресатом как результат интерпретации одного из намеков, реализованных в данной фразе¹⁰⁹, однако намек (точнее, истинный намек), как известно, представляет собой необязательную, факультативную часть плана содержания высказывания и, следовательно, его

¹⁰⁹ В терминах теории речевых актов более точно следовало бы сказать, что данная фраза содержит рекомендацию в числе так называемых «перлокутивных эффектов» этого выражения, порождаемых намеком.

нельзя рассматривать как часть семантики в точном смысле¹¹⁰.

Рассмотрим другие фразы героев рекламного ролика:

(1) Герой 1: Господа, слышали про новое пиво «Наш выбор, светлое»?

(2) Герой 2: Как не слышать!

(3) Герой 3: Самое время отведать.

(4) Комментарий за кадром: Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня.

(5) Герой 1: Петр Андреевич, Павел Николаевич, что у вас на палубе?

(6) Герой X: Хорошо-то как!

(7) Комментарий за кадром: «Наш выбор, светлое» — Там, где живет прохлада.

Реплика (4) была обсуждена выше. Реплики (1), (2), (3) и (5) очевидно не содержат информации «о том, что употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния», поскольку реплика (1) является вопросом о том, знают ли собеседники о новой марке пиве, реплика (2) представляет собой утвердительный ответ с усилением (*Как не слышать!*), реплика (3) является одновременно положительным ответом и предложением выпить пива, а реплика (5) имеет форму вопроса о том, что происходит на палубе. Иными словами, реплики (1)–(3) и (5) — это речевая часть ситуации употребления пива на паруснике в жаркую погоду.

Сложнее обстоит дело с репликой (6). Дело в том, что видеоряд в совокупности с репликами (1)–(3) и (5) подводит зрителя к мысли о том, что акт дегустации пива состоялся. На

¹¹⁰ «Суть намека заключается в том, что слушающий должен *подозревать* (не более того) наличие определенного намерения, например, намерения вызвать или раскрыть определенное убеждение. Намерение, которое имеет человек, говорящий намеками, по сути, своему не предназначено к открытому узнаванию (*nonavowable*)», *Стросон П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 144. См. подробнее § 7 главы 3.

это с определенностью указывают такие части видеоряда, как открываемая бутылка и наполняемый пивом бокал с соответствующей атрибутикой (логотипом пива «Наш выбор»). Таким образом, реплика (6), произносимая кем-то из участников ситуации, может пониматься двояко. В первом случае речь идет о состоянии погоды — это понимание поддерживается интерпретацией (1) фразы *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня*, т.е. ‘некто ощущает вкус пива «Наш выбор, светлое», что приводит к тому, что погода становится прохладнее’. Во втором случае указывается на результат употребления пива — физическое и/или психическое состояние человека существенно улучшается. О существенном улучшении состояния говорит форма восклицания с использованием частицы *то*: *Хорошо-то как!*

Отметим, что и во втором понимании фраза (6) не может рассматриваться как прямая рекомендация употребления пива, как это имеет место при произнесении фразы *Употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния*. Действительно, выражение и описание своего психического и/или физического состояния нельзя рассматривать как прямую рекомендацию использования тех средств, которые использовались для его достижения.

Комментарий «за кадром» *«Наш выбор, светлое» — Там, где живет прохлада* (реплика 7) представляет собой дальнейшее метафорическое сопоставления пива с благоприятными погодными условиями — прохладой. Иными словами, это продолжение метафорического ряда, начатого во фразе (4), однако в еще более абстрактном виде — в виде выражения, напоминающего слоган. В силу сказанного реплика (7) не содержит информации о том, что употребление пива имеет большое значение для улучшения физического и/или психического состояния.

Таким образом, фраза *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, белое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня* ни в одном из проанализированных пониманий не содержит указания на высокую степень важности употребления пива для достижения прохлады в смысле улучшения физического или психического состояния. Кроме того, речевой акт *Употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния* представляет собой рекомендацию

к употреблению пива. Фраза *Пшеничный вкус пива «Наш выбор, белое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня* не может рассматриваться как явная, прямая рекомендация к употреблению пива.

Реплика (6) *Хорошо-то как!* в ситуации, представленной в рекламном ролике, имеет два понимания. В первом случае речь идет о состоянии погоды, а во втором — о существенном улучшении физического и/или психического состояния говорящего после употребления пива. Однако и в этом понимании реплика (6) не является явной рекомендацией к употреблению пива.

Наконец, другие реплики рекламного ролика не содержат информации о том, что употребление пива имеет большое значение для улучшения физического или психического состояния человека.

2.6. «Цепной ПЕС ДЕМОКРАТИИ» в интертекстуальном измерении: прецедентные и дискурсивные метафоры

Согласно широко распространенному пониманию интертекстуальность — это семантическое отношение, связывающее между собой несколько текстов, при этом категория текста распространяется на широкий круг явлений — от естественно-языкового текста до кино, архитектуры, изобразительного искусства, театра и т.д. Наличие таких связей формирует единое культурное пространство для определенного социума. Актуализация в таком социуме одного текста автоматически приводит к актуализации и других текстов, связанных с ним отношением интертекстуальности. Ср. широко известные и постоянно воспроизводимые фразы: *Шел в комнату — попал в другую*, («Горе от ума») *Дистанция огромного размера!* («Горе от ума»), *Павлины, говоришь!* («Белое солнце пустыни»), *У него гранаты не той системы* («Белое солнце пустыни»).

Метафора, будучи и текстом и частью текста, также может вступать в отношения интертекстуальности, порождая сложную семантическую структуру вложенных друг в друга смыслов. Часто это используется как прием языковой игры. Ср., например, лозунг времен перестройки *Не пора ли как в Европе врезать призрак по ж..е!* Упоминание метафоры ПРИЗРАКА отсылает участников политического действия к первой

строке «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса *Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма*. Анализ интертекстуальных метафор представляет собой весьма сложную задачу, поскольку попытка выявления профилируемых свойств сразу наталкивается на факт существования других текстов, в которых исследуемая метафора могла коммуникативно высвечивать совсем не те свойства, которые профилируются в рассматриваемом тексте. В такой ситуации следует попытаться отграничить свойства, профилируемые в данном тексте, от свойств, высвечиваемых в других текстах, с которыми связана данная метафора.

Чаще всего интертекстуальные метафоры связаны с конкретным текстом. Такие метафоры можно назвать **прецедентными**. Рассмотренные выше в качестве примеров интертекстуальные метафоры относятся именно к этому типу. В этом случае обращение к первоисточнику позволяет выявить предполагаемые свойства, коммуникативно высвечиваемые метафорой, и далее проверить, профилируются ли эти свойства в конкретном тексте. В 2001 г. в прессе появилась серия статей о деятельности А. Семихватова как акционера Газпрома. В одной из этих публикаций была использована прецедентная метафора мертвых душ из поэмы Н.В. Гоголя:

Александр Семихватов выдвинут в совет директоров «Газпрома», в частности благодаря голосам именно этих подставных структур. Однако «мертвые души» не могут голосовать. Следовательно, и статус Александра Семихватова в «Газпроме» также неясен.

Согласно тексту-источнику мертвые души — это крестьяне, которые еще живы по официальным документам, но реально умерли. Иными словами, метафора мертвых душ профилирует свойство нереальности, несуществования чего-л., при наличии формальных признаков существования этой сущности. Как показывает анализ данного фрагмента и текста статьи в целом, именно это свойство профилируется и в данном случае, т.е. рассматриваемый фрагмент содержит семантическое следствие вида 'А. Семихватов выдвинут в состав директоров Газпрома благодаря голосам структур, которые существуют только по документам, а реально не существуют'. Это след-

ствие является обязательным, поскольку оно поддержано в данном фрагменте словосочетанием *подставные структуры* и предшествующим текстом, в котором объясняется, почему эти организации называются *подставными*. Кроме сформулированного следствия, рассматриваемый фрагмент предусматривает также сопоставление А. Семихватова с героем «Мертвых душ» — Чичиковым, однако обязательность этого следствия из-за фрагментарности метафорического структурирования (см. об этом выше) требует более подробного обоснования и привлечения содержания всей спорной статьи.

Много прецедентных метафор дают библейские тексты. Довольно часто в СМИ и политическом дискурсе используется метафора Иуды:

Творческим руководителем ОФГ является не кто иной, как бывший вице-премьер Правительства России и бывший министр по налогам и сборам Александр Семихватов. Воистину, неисповедимы пути Господни. Кто бы мог подумать, что человек, занимавший столь высокие посты, начнет играть на стороне зарубежных спекулянтов, способствуя развалу крупнейшего российского налогоплательщика, на котором, в общем-то, и держится экономика России.

Собственно, в любой другой стране этого просто не могло бы быть. Там государственный чиновник такого уровня во всех случаях, обладает государственным менталитетом. У нас же, как всегда, появляются Иваны, не помнящие родства, готовые помогать иностранцам в любом, даже самом сомнительном, деле, лишь бы им заплатили кровные тридцать сребреников.

Как известно из евангельского сюжета, Иуда получил тридцать сребреников за предательство Христа. Хотя в грамматической форме фразы *У нас же, как всегда, появляются Иваны, не помнящие родства, готовые помогать иностранцам в любом, даже самом сомнительном, деле, лишь бы им заплатили кровные тридцать сребреников* использовано третье лицо множественного числа, фактически речь идет именно о А. Семихватове, поскольку из текста статьи следует, что именно он является государственным чиновником, готовым помогать иностранцам: *Кто бы мог подумать, что человек, занимавший столь высокие посты, начнет играть на стороне зарубежных спекулянтов,*

способствуя развалу крупнейшего российского налогоплательщика, на котором, в общем-то, и держится экономика России.

Сопоставление А. Семихватова с Иудой является следствием из фразы *лишь бы им заплатили кровные тридцать сребреников*, причем следствие обязательное, поддержанное в рассматриваемом контексте и идиомой *Иван, не помнящий родства*. Эта идиома употребляется в современном русском языке преимущественно по отношению к предателям или людям, деятельность которых приносит вред их родине. Реконструированное следствие А. Семихватов — это Иуда само по себе тоже является метафорой, причем метафорой конвенциональной. Она фиксируется в словарях как переносное значение слова *Иуда*. Согласно «Словарю русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, слово *Иуда* имеет стилистическую помету *бранное* и употребляется по отношению к предателю, изменнику¹¹¹. Аналогичную помету это слово имеет в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова¹¹². Тем самым анализируемый контекст можно рассматривать как оскорбление, хотя и косвенное, поскольку метафора А. Семихватов — это Иуда представляет собой семантическую реконструкцию из метафорического выражения *лишь бы им заплатили кровные тридцать сребреников*.

Далеко не всегда прецедентная метафора позволяет использовать исходный текст для определения круга предполагаемых профилируемых свойств. Например, если известен только сам факт авторства метафоры, но не известен конкретный текст. Такие прецедентные метафоры близки по свойствам к **дискурсивным** метафорам (см. ниже). Для таких случаев можно попытаться определить типичные свойства, которые профилирует метафора в соответствующем дискурсе. Рассмотрим пример, в котором используется интертекстуальная метафора указанного типа. В августе 2004 г. в журнале «Огонек» (№ 33) появилась статья Ю. Богомолова «Телеперсона non grata», посвященная телепрограмме А. Караулова «Момент истины» и самому ведущему этой программы. Кроме всего прочего, там содержалась следующая фраза:

¹¹¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

¹¹² См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.

Довольно скоро Караулов стал, можно сказать, «цепным псом демократии» и с «генералом Димой» пустился в увлекательную погоню за швейцарскими счетами коммуниста Руцкого.

Метафора цепной ПЕС демократии была одной из причин инициирования иска к автору и редакции журнала со стороны А. Караулова. Оценка правомерности иска должна основываться на выявлении следствий, профилируемых этой метафорой в тексте упомянутой статьи. Известно, что метафора цепной ПЕС демократии представляет собой заимствование из англоязычного политического дискурса (по разным источникам возводится и к Уинстону Черчиллю, и Джозефу Пулитцеру), в котором она имеет совершенно иную внутреннюю форму — *watchdog of democracy*, т.е. буквально ‘наблюдающая/следающая собака демократии’. При использовании англоязычной метафоры в первую очередь профилируются смыслы ‘внимательного слежения за нарушениями демократического процесса’, ‘охраны демократии’, ср. характерные цитаты из англоязычной прессы:

When the media fails to perform its role as a watchdog, the democracy is threatened. Depending upon the bias of the media, the democracy can fall from the democratic center down into the anti-democratic extremism of the left or the right. <http://www.netmagic.net/~franklin/frankly.html>

A European media freedom watchdog has said democracy is at risk in Italy, following the election victory of media magnate Silvio Berlusconi. *BBC-News*, 2002.

We had a free media — **the watchdog of Democracy** We could criticize the Government from any platform. We could write any thing against the Government. *Asian Tribune*, 19.11.2005.

В русском эквиваленте этой метафоры появляются совершенно иные смыслы, мотивированные как идиомами [как] *с цепи сорвался, держать... на цепи (кого-л.); посадить... на цепь (кого-л.)*, так и достаточно устойчивой в русском дискурсе метафорой цепной ПЕС (ср. *Тут же на трибуну выскочил парторг, назначенный ЦК, знаменитый злодей, цепной пес Союза писателей, Алексей Сурков. Огонек*). Иными словами, перенесенная в русскоязычный дискурс эта метафора становится оксюморо-

ном, т.е. фразой, основанной на нарочитом (специально сконструированном) противоречии. Ср. «Смотри, ей *весело грустить* / Такой *нарядно-обнаженной*» Ахматова¹¹³, «С *широко закрытыми* глазами» (Eyes Wide Shut)¹¹⁴. В языке публицистики и в политической речи оксюморон преимущественно используется в тех случаях, когда называемый социально-политический или концептуальный феномен, с точки зрения говорящего, противоречив, воспринимается им неоднозначно. Так, название книги А. Зиновьева «Зияющие высоты», в которой речь идет о системе социализма, построенной в СССР, отражает политическую концепцию самого автора, который отрицательно относится к «реальному социализму СССР», но не к идеологии социализма как таковой.

В рассматриваемом случае выражение *цепной пес демократии* также отражает когнитивное противоречие — то ли противоречивое понимание феномена демократии, то ли двойственную оценку роли журналистов и журналистики. Как уже было отмечено выше, калька из англоязычного дискурса частично совпала с довольно устойчивой метафорой цепной пес, часто используемой в российской публицистике по отношению к тому, что (или кто) осуждается, например: *цепной пес Союза писателей* (см. выше), *цепной пес холодной войны*, *цепной пес партократии*; *цепной пес Березовского*; *цепной пес красно-коричневого реванша* и под. В этом случае коммуникативно высвечиваются свойства ‘злобности/агрессивности’, ‘бездумности’, ‘преданности хозяину’, ‘последовательности и настойчивости в достижении цели’, ‘силы нападения/воздействия’. В результате наложения заимствованной метафоры цепной пес демократии (WATCHDOG OF DEMOCRACY) и исконной цепной пес возникает оксюморон (см. выше), поскольку демократия скорее рассматривается как позитивная сущность, а русская метафора цепной пес используется по отношению к негативно оцениваемым сущностям. При этом сама исходная метафора WATCHDOG OF DEMOCRACY в англоязычном политическом дискурсе сугубо положительна. Такой конфликт, инициированный интертекстуальными связями метафоры цепной пес демократии—WATCHDOG OF DEMOCRACY, в каждом конкретном тексте разрешается по-своему. Как правило

¹¹³ См.: Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939.

¹¹⁴ Название последнего фильма С. Кубрика.

(но совсем не всегда!), контекст «перетягивает» либо в сторону позитивной, либо в сторону негативной интерпретации.

Анализ текста статьи показывает из набора потенциальных следствий метафор ЦЕПНОЙ ПЕС ДЕМОКРАТИИ (WATCHDOG OF DEMOCRACY) и ЦЕПНОЙ ПЕС КОММУНИКАТИВНО ВЫСВЕЧИВАЮТСЯ следующие следствия:

а) ‘последовательность и настойчивость в достижении цели’ — *Только Андрей Караулов и его программа «Момент истины» не дает себе передышки; По-своему, «Момент истины» — программа внутренне цельная и гармоничная; Теперь он работает с делом ЮКОСа. Уже который выпуск программы-свалки венчает лицо Ходорковского; ...с «генералом Димой» пустился в увлекательную погоню за швейцарскими счетами коммуниста Руцкого;*

б) ‘агрессивность передачи’ — *Текстом является информационный наезд; Собственно, так он отстреливал Чубайса, Смелянского, Швыдкого, Кириенко;*

в) ‘значительная сила воздействия’ — *Первый порыв после того, как отмотришь программу: надо бы застрелиться, где тут лежал мой именной револьвер...; «Нет, так жить нельзя! Куда же запропастился этот револьвер?»*

Очевидно, что следствия из метафоры, реконструируемые на основании профилирования выявленных свойств (‘А. Караулов последователен и настойчив в достижении цели’, ‘Передачи А. Караулова агрессивны’, ‘Передачи А. Караулова обладают значительной силой воздействия’), вряд ли могут рассматриваться как серьезное обоснование исковых требований, хотя истца понять можно — в разобранном случае оксюморон, сформировавшийся на основании совмещения двух метафор, имеющих совершенно разные интертекстуальные следствия, далеко не с положительной стороны характеризует ведущего передачи «Момент истины».

Типичные **дискурсивные метафоры** — это такие интертекстуальные метафоры, которые приписываются не конкретному автору или прецедентному тексту, а дискурсу в целом. Например, типичные советские метафоры передовой отряд рабочего класса, гидра империализма, железный занавес не имеют авторства в традиционном понимании и связываются непосредственно с советским политическим языком. Интертекстуальные связи дискурсивной метафоры часто облегчают выяв-

ление следствий из метафоры в спорном тексте. Например, некоторые дискурсивные метафоры модифицируются в новом дискурсе, при этом отсылка к исходной форме метафоры легко воспроизводится в сознании человека, знакомого с дискурсивными практиками ушедшей эпохи. Рассматриваемый ниже пример взят из публикации о связи коммунистов с олигархическими структурами. В частности, упоминалось имя известного бизнесмена Романа Паратова:

И здесь совершенно не важно, какие стратегические задачи решает каждая из сторон: Паратову ли стало тесно в рамках своей промышленно-финансовой империи или Убытков пытается пополнить партийную кассу, не забывая при этом и себя. Главное, что господа-товарищи удачно дополняют друг друга, а имеющие к ним отношение структуры спокойно перешагивают через интересы тысяч людей. И если происхождение акульей хватки одного укладывается в классические каноны (именно таким и должен быть настоящий олигарх), то поведение другого никак не вяжется с моральным обликом строителя коммунизма.

Метафора акуля хватка интертекстуально и семантически связана с типичной для политического языка советского периода метафорой акулы империализма/капитализма. В советском политическом языке метафора акулы империализма/капитализма стандартным образом коммуникативно высвечивала свойства жестокости и беспринципности предпринимателей, готовых на все ради личного обогащения. Эти семантические следствия из метафоры отнесены в данном фрагменте к Р. Паратову и поддерживаются его семантикой. На эти следствия указывает, например, противопоставление поведения Убыткова (члена КПРФ), *которое никак не вяжется с моральным обликом строителя коммунизма* и поведения Р. Паратова в интерпретации автора статьи как укладывающегося в классические каноны: *происхождение акульей хватки одного укладывается в классические каноны (именно таким и должен быть настоящий олигарх)*. Классический канон представления о капиталисте в советской идеологии, несомненно, включает беспринципность и жестокость капиталиста по отношению к простым людям.

Идея жестокости и беспринципности профессиональной деятельности Р. Паратова поддерживается информацией о деятельности связанных с ним структур, которые *спокойно пере-*

шагивают через интересы тысяч людей. Таким образом, рассматриваемый фрагмент содержит следствие из метафоры акулья хватка, использованной по отношению к Р. Паратову, приблизительно следующего вида: 'Р. Паратов в своей профессиональной деятельности жесток и беспринципен, преследует цель личного обогащения'. Таким образом, в рассматриваемом случае интертекстуальные связи облегчают реконструкцию семантических следствий из использованной метафоры.

2.7. «Образы физических лиц в возрасте до 35 лет» — законодательные ограничения рекламного дискурса

Категория образа близка феномену метафоры. Действительно, в результате использования метафоры возникает образ — концептуальное представление, обладающее относительной цельностью и некоей «внутренней» визуализацией. Именно по этой причине обсуждение категории образа в связи с лингвистическими экспертизами помещено в данный раздел. Вообще и метафора, и образ, будучи чисто теоретическими понятиями филологии и литературоведения, оказываются вовлеченными в совершенно конкретные «разборки» судебного исследования текста. И как всегда обнаруживается, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Категория образа всплывает в лингвистических экспертизах в связи с деятельностью законотворцев: оно используется в Федеральном законе «О рекламе» и существенно ограничивает возможности использования людей и животных в рекламе спиртных напитков и сигарет. В п. 1 ст. 16 Закона «О рекламе» это формулируется следующим образом:

1. Реклама алкогольных напитков, табака и табачных изделий, распространяемая любыми способами, не должна:

<...>

обращаться непосредственно к несовершеннолетним, а также использовать **образы** физических лиц в возрасте до 35 лет, высказывания или участие лиц, пользующихся популярностью у несовершеннолетних и лиц в возрасте до 21 года <...>.

Возникает естественный вопрос о том, что следует считать «образом физического лица в возрасте до 35 лет»? Чтобы пред-

ставить себе образ «физического лица», да еще и «в возрасте до 35 лет», надо обладать незаурядным воображением. Упростим себе задачу и будем говорить об образе человека. Для некоторых ситуаций такое упрощение совершенно правомерно. Действительно, если в рекламе нет образа человека, а физическое лицо возрасте до 35 тоже человек вне зависимости от образа, то, как следует из немудреного силлогизма, там нет и образа физического лица указанного возраста. Теперь рассмотрим поставленный вопрос на конкретном примере.

В рекламном ролике «Парусник», рекламирующем пиво «Наш выбор, светлое», по ослепительной глади какого-то теплого моря-океана скользит белоснежный парусник. На палубе газета с новостями — известное дело, единственная новость новое пиво! Камера показывает покинутую гитару, раскрытую книгу и кресло. Жарко, барометр указывает на «сушь» (в версии ролика — видимо, для полной ясности — на «жару»). Самораскупоривается бутылка пива, чудесным образом наполняется стакан. Парусник продолжает ненавязчиво рассекать воду. На фоне этого голоса неизвестных героев за кадром:

(1) Герой 1: Господа, слышали про новое пиво «Наш выбор, светлое»?

(2) Герой 2: Как не слышать!

(3) Герой 3: Самое время отведать.

(4) Комментарий за кадром: Пшеничный вкус пива «Наш выбор, светлое» принесет дуновение свежего ветра в разгар летнего дня.

(5) Герой 1: Петр Андреевич, Павел Николаевич, что у вас на палубе?

(6) Герой X: Хорошо-то как!

(7) Комментарий за кадром: «Наш выбор, светлое» — Там, где живет прохлада.

Есть ли в данном ролике образы людей? Ответ на этот вопрос требует семантического анализа двух слов: слова *образ* (*кого-л./чего-л.*) в контекстах типа *образ человека* и слова *представление* (*о ком-л./чем-л.*) в контекстах типа *представление о человеке*. В существующих словарях русского языка слово *образ* для контекстов указанного типа интерпретируется следующим образом:

ОБРАЗ 3. Живое, наглядное представление о ком-чём-н. *Светлый образ матери.* **4.** В искусстве: обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления. *Поэт мыслит образами*¹¹⁵.

ОБРАЗ 1. Внешний вид, облик. *Принять чей-л. образ.* **2.** То, что рисуется, представляется внутреннему взору, воображению кого-л. **4.** Обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления¹¹⁶.

ОБРАЗ 1. *Облик, вид* **2.** *Изображение, портрет.* (5). В молчаньи смотрит ли она На **образ** нежный Форнарины **3.** *Рисующееся в сознании, воображении живое, наглядное представление с ком-, чём-н.* Любовь и тайная мечта Русланов **образ** ей приносят, **4.** *Изображение какого-н. лица в литературном произведении*¹¹⁷.

Существенной частью представленных толкований слова *образ* является идея ‘наглядности’, проявляющаяся в мысленной визуализации объекта, являющегося источником образа (‘живое, наглядное представление’, ‘рисуется, представляется внутреннему взору’, ‘облик’, ‘вид’). Вторая существенная черта семантики данного слова в сочетаниях типа *образ человека, образ дома, образ любимой* — это цельность мысленной визуализации, мотивированной цельностью объекта — источника образа. Действительно, сочетания *образ руки, образ кожи, образ головы* звучат несколько странно в силу того, что обычно источником образа оказывается человек в целом. Третья существенная черта семантики слова *образ* связана с тем, что образ представляет собой результат восприятия внешних характеристик объекта. В силу этого слово *образ* не может использоваться по отношению к абстрактным сущностям. Например, можно иметь представление о математике, но не образ математики, можно говорить, что некто имеет представление о теории групп, но странно говорить о том, что некто имеет образ теории групп. Аналогично в области эмоций: человек может иметь

¹¹⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

¹¹⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.

¹¹⁷ См.: Словарь языка Пушкина. М., 2000.

представление о страданиях, но странно иметь образ страданий, естественно иметь представление о радости, но не образ радости.

В приведенных выше толкованиях слова *образ* часто используется существительное *представление* и глагол *представлять*: ‘Живое, наглядное представление о ком-чём-н.’, ‘То, что рисуется, представляется внутреннему зору, воображению кого-л.’. Это не случайно. Семантически существительное *представление* проще, чем *образ*. Можно сказать, что образ — это вид представления. В толковых словарях интересующие нас значения слова *представление* толкуются следующим образом:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ 4. Воспроизведение в сознании ранее пережитых восприятий (спец.). **5.** Знание, понимание чего-н. *Не иметь никакого представления о чём-н. Составить себе п. о чём-н. Книга даёт хорошее п. о предмете*¹¹⁸.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ 4. Филос., психол. Чувственно-наглядный обобщенный образ предметов и явлений внешнего мира, восстанавливаемый в мозгу при их отсутствии, а также образ, созданный усилиями продуктивного воображения. *Зрительные представления. Слуховые представления.* **5.** Понимание, знание кого-, чего-л. *Иметь самое общее представление о чем-л. Дать представление о чем-л. Получить представление о чем-л.*¹¹⁹

С одной стороны, в приведенных толкованиях слово *представление* связывается с фундаментальными категориями знания и понимания: ‘Знание, понимание чего-н.’; ‘Понимание, знание кого-, чего-л.’. С другой стороны, оно вполне приложимо и к случаям образного и визуализованного знания: ‘Воспроизведение в сознании ранее пережитых восприятий’, ‘Чувственно-наглядный обобщенный образ предметов и явлений внешнего мира, восстанавливаемый в мозгу при их отсутствии, а также образ, созданный усилиями продуктивного воображения’. Ср. приводимые в качестве иллюстрации последнего случая примеры типа *зрительные представления, слуховые представления*.

¹¹⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

¹¹⁹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

Отсюда следует, что слово *представление* является более общим по семантике, чем слово *образ*. И действительно, слово *представление* встречается как в тех контекстах, когда использование слова *образ* невозможно: иметь представление о руке, о коже, о голове, о математике, о теории групп, о страданиях, о радости и т.д., так и в тех ситуациях, когда слово *образ* вполне уместно (*образ человека — представление о человеке, образ собаки — представление о собаке*). Разумеется, при замене такого рода часто происходит существенная модификация значения. Так, образ любимой — это цельная наглядная/внутренне визуализованная сущность, а представление о любимой — это знание о том, что такое любимая женщина как представитель соответствующего класса женщин, как понятие.

Тем самым для рассматриваемого случая толкование слова *образ* можно сформулировать следующим образом:

Образ — это ‘наглядное, т.е. внутренне визуализованное, цельное представление о едином объекте, полученное в результате восприятия его внешних свойств и способное возникать в сознании человека вне непосредственного контакта с объектом-источником’.

Проведенный семантический анализ позволяет, в свою очередь, провести анализ рекламного ролика с точки зрения наличия в нем образов людей. Исследование текста и визуального ряда показывает, что в рекламном ролике в явном виде действующие лица отсутствуют. Однако на наличие людей указывает целый ряд вербальных (языковых) и невербальных признаков (см. выше краткое изложение сюжета ролика и реплики героев). К ним можно отнести следующее:

- (i) газета на палубе (?) под названием «Свежие новости»;
- (ii) голоса и — шире — разговор действующих лиц «за кадром»;
- (iii) гитара, прислоненная к техническому возвышению на палубе;
- (iv) раскрытая книга на столике, стоящем на палубе;
- (v) кресло дачного типа, стоящее на палубе;
- (vi) открывающаяся бутылка;
- (vii) вращающийся штурвал парусника;
- (viii) наполняющийся бокал с пивом.

На присутствие людей указывает и сама ситуация: парусник движется в море и, очевидно, кем-то управляется.

Как легко видеть, признаков присутствия людей в исследуемом ролике довольно много и они формируют представление о том, что на шхуне имеется экипаж, имеются люди. Важнейшим признаком присутствия человека являются и голоса. В ряде случаев они обладают способностью формировать и визуальное представление о носителе голоса. Так называемые характерные актерские голоса — ср. голоса В.Б. Ливанова (игравшего роль Шерлока Холмса и озвучивавшего известных персонажей мультфильмов), Е.П. Леонова (озвучивавшего Винни-Пуха), А. Джигарханяна — непосредственно соотносятся с визуальным представлением об актере или его персонаже¹²⁰. Однако в рассматриваемом случае это не так, голоса людей не порождают цельного визуального представления.

Иными словами, признаки присутствия людей разрознены и не формируют цельного образа ни одного из персонажей. Действительно, мы не знаем, кто управляет шхуной, мы не знаем возраст этих людей, мы не знаем, во что они одеты. Иными словами, **мы не знаем их внешнего вида, что является решающим фактором для формирования образа**, поскольку, как было показано выше, образ является наглядным цельным представлением об объекте, полученным в результате восприятия его внешних свойств. Если внешний облик людей был недоступен для визуального восприятия, то говорить об их образе (их образах) не представляется возможным.

Таким образом, в современном русском языке слово *образ* в контекстах типа *образ человека*, *образ дома* и т.п. используется для обозначения наглядного, т.е. внутренне визуализованного, цельного представления об объекте, полученного в результате восприятия его внешних свойств и способного возникать в сознании человека вне непосредственного контакта с объектом-источником. Тем самым важнейшей предпосылкой формирования образа является визуальное восприятие объекта-источника. В исследованном ролике довольно много признаков присутствия людей, однако эти признаки фрагментарны и не формируют цельного образа ни одного из персонажей, хотя и

¹²⁰ См. об образной составляющей голоса в: *Сомова Е.Г.* «Я увидел это по радио» (звуковая метафора в радиоречи). Краснодар, 2002.

дают представление о том, что на шхуне есть экипаж. Иными словами, на поставленный вопрос следует ответить отрицательно: в рекламном ролике «Парусник» образы людей не используются.

2.8. Невербальные метафоры

Сопоставление и наложение двух различных концептуальных областей, лежащее в основе феномена метафоры, относится не только к языку, но и к другим знаковым системам. В невербальных семиотических системах метафора функционирует столь же успешно, как и в естественном языке. К числу невербальных метафор относится, например, соединение советской и фашистской символики, представленной в средствах наглядной агитации национал-большевиков. Ср. модификацию серпа и молота в постере, напоминающем фашистскую свастику:

Если в предшествующем плакате предпринята попытка совмещения символики, предполагающая некоторую художественную модификацию символов-источников, то плакате, приводимом ниже, серп и молот механически заменяет свастику в фашистской эмблеме орла с распростертыми крыльями, держащего окружность со свастикой:

Порождение и использование такой противоречивой метафоры преследует различные цели. Одна из них чисто маркетин-

говая (прагматическая и метакоммуникативная): привлечь внимание к партии, вызвав в адресате культурный шок, почти неизбежный для россиян старшего и среднего возраста. Такой способ рекламного позиционирования нового политического субъекта вполне продуман с рекламной и политтехнологической точки зрения, поскольку национал-большевики ориентируются на молодежь, для которой как коммунизм в его советском варианте, так и фашизм скорее абстракции, чем конкретная реальность.

Метафора в невербальной семиотической системе — точно так же, как и в естественном языке — коммуникативно высвечивает (профилирует) некоторые свойства, важные с точки зрения создателя соответствующей метафоры. Однако поскольку метафора сконструирована в невербальной семиотической системе, то и вербализация соответствующих следствий не может рассматриваться как задача чисто лингвистической экспертизы. Так, в случае с символикой национал-большевистской партии можно с большой долей вероятности предполагать, что профилируются идеи ‘решительности действия’, ‘физического насилия над политическими противниками’, ‘радикальности’, ‘бескомпромиссности’, ‘авторитарности/диктатуры’, ‘приоритета национального’, при этом доказательство коммуникативного высвечивания этих свойств и соответствующих им следствий возможно только за рамками собственно лингвистического исследования — например, в сфере социальной психологии, культурологи, политологии.

Отметим, что привлечение собственно текстового материала могло бы обосновать и чисто лингвистический подход. Например, рассмотрение символики национал-большевиков в контексте лозунгов *Завершим реформы так — Сталин, Берия, ГУЛАГ!, Слава нации — смерть врагам!*¹²¹, *Кастет — лучше для мужчины нет* (надпись на плакате), *Берия придет за тобой!* (надпись на плакате), *Бей богатых!* (надпись на плакате), *Дави Америку как говно!* (надпись на плакате), *Буржуев — к стенке!* (надпись на плакате)¹²² позволяет предположить, что в результа-

¹²¹ Речевка сторонников национал-большевиков на демонстрации 7 ноября 2005 г.

¹²² Использованы плакаты и надписи на плакатах, размещенных на официальном сайте национал-большевиков www.nbp-info.ru/new/partia/listovki.

те взаимодействия вербальной и невербальной семиотической систем профилируются смыслы ‘использование физического насилия по отношению к политическим противникам’ ‘решительность действия’, ‘радикальность’. Семантика лозунга *Слава нации — смерть врагам!* указывает также на профилирование символикой национал-большевиков и идеи ‘приоритета национального’.

Довольно редко приходится иметь дело с невербальными, изобразительными метафорами в экспертизах по делам о защите чести и достоинства. Пример такого рода рассматривается в главе 5, посвященной таким объектам лингвистических экспертиз, в которых вербальная и невербальная составляющая тесно связаны друг с другом. Подчеркнем еще раз, что для экспертной лингвистической оценки невербальных метафор языковая составляющая необходима.

§ 3. Референция: установление референта по неполной и альтернативной номинации

Коммуникация в средствах массовой информации в отношении свободы использования языка, по-видимому, практически не имеет ограничений. Разные печатные издания, радиостанции, телевизионные программы демонстрируют такую свободу в выборе формы выражения, что это может конкурировать, пожалуй, только с русскоязычным Интернетом и практикой устного речевого общения. Это имеет свои положительные и отрицательные стороны. Для рассматриваемой проблемы существенно то, что в публикациях персонажи часто называются косвенно — не по фамилиям — или по неполным именам собственным (например, с использованием только фамилии или имени).

Замечание. Это может быть сознательной стратегией, преследующей цель избежать в дальнейшем возможных судебных преследований, а может быть и просто требованием стиля. Для русского письменного текста представление о «хорошем стиле» ассоциируется с широким использованием альтернативных номинаций в форме определенных дескрипций. Это особенно характерно для газетного стиля. Известно, что хороший стилист избегает повторения одной и той же номинации, варьируя ее в рамках одного текста. Например,

М. Горбачев в публикации может быть назван и стандартным образом (по имени и фамилии), а может и именоваться *творцом перестройки, первым (последним, первым и последним) Президентом СССР, главой «Горбачев-фонда», Горбачевым, Михаилом Сергеевичем и последним генеральным секретарем*. Аналогично В. Путин может быть назван *Президент России, Главное лицо государства, Главнокомандующий* (если речь идет об участии В. Путина в военных мероприятиях), *гарант Конституции* и т.д. Возможно, это причина появления странных, часто архаичных, журнализмов — номинаций типа *каре́та скорой помощи* — вместо нормальной формы *скорая помощь*, *бойцы с пожарами* — вместо *пожарники*, *блус-тителы порядка* — вместо *милиционеры* и т.д. Для английского или немецкого языков такой параметр никак не влияет на оценку качества стиля.

Такое варьирование номинаций или их неполнота может приводить к тому, что негативная информация атрибутируется в спорной статье лицу, названному неполной или альтернативной номинацией. Ответчики часто используют это, апеллируя к тому, что подразумевалось совсем не то лицо, которое имеет в виду истец. В этом случае встает задача установления по тексту референта альтернативной или неполной номинации. Рассмотрим здесь два примера: в первом исследуется проблема определения референта неполной номинации, а во втором — референта альтернативной номинации.

3.1. Пример 1. «Потанин» — неполная номинация олигарха

Суть проблемы заключалась в следующем. В статье «Назад в будущее», опубликованной в газете «Солидарность» (№ 5 за 2005 г., 9–16 февраля), В.О. Потанин был назван неполной номинацией — только по фамилии, при этом других стандартных номинаций в публикации не было. Возник естественный вопрос: насколько однозначно устанавливается референт неполной стандартной номинации? Насколько будут обоснованы возможные возражения ответчика при обсуждении этой публикации в суде, если он будет утверждать, что в тексте имеется в виду совершенно другой Потанин?

Как известно, проблема отождествления носителей (т.е. референтов) имен собственных имеет собственно лингвистичес-

кий и экстралингвистический аспекты. Имеет смысл рассмотреть их последовательно.

А. Лингвистический аспект

В анализируемой статье «Назад в будущее», фамилия *Потанин* встречается один раз в следующем контексте:

Владельцы «фабрик и заводов» могут «переквалифицироваться» в управляющих активами. «Скажем, «Интеррос» можно сделать управляющим «Норникеля», — заявил Бунич. — Не исключаю, что сам *Потанин* и объявит об этом, ему невыгодно ходить с ворованными акциями. Мне известно, что идея таким образом переоформить взаимоотношения власти и бизнеса обсуждается в правительстве». Это, мол, позволит поставить управление крупной собственностью на качественно новую основу, крупный бизнес начнет зарабатывать деньги для России и не мешать делать то же самое малому бизнесу.

Фамилия *Потанин* относится к именам собственным. Основная функция имен собственных заключается в указании на их носителей. По большей части имена собственные используются в ситуации таким образом, чтобы это указание было однозначным, т.е., чтобы имя собственное однозначно соотносилось с его носителем¹²³. В обсуждаемом случае имя собственное оказывается неполным, поскольку имеется только фамилия, а имя и отчество (патроним) отсутствуют. Возникает вопрос, допускает ли неполное имя собственное в рассматриваемом контексте различные понимания, т.е., может ли оно соотноситься с различными носителями фамилии *Потанин*? Для утвердительного или отрицательного ответа на этот вопрос следует обратиться к некоторым понятиям теории референции, в которой, в частности, обсуждаются проблемы установления носителей имен собственных и других языковых выражений, связанных со способами номинации (называния) лиц, объектов, предметов реального и возможных миров¹²⁴.

¹²³ В теории референции в этих случаях говорят о «конкретной» или «определенной» референции имени.

¹²⁴ Основные положения теории референции и теории определенных дескрипций Б. Рассела излагаются, в частности, в работе: *Лебедев М.В., Черняк А.З.* Онтологические проблемы референции. М.: Практис, 2001.

Частью теории референции является теория определенных дескрипций Б. Рассела¹²⁵. Согласно этой теории, типичный способ языкового указания на лицо или объект — это использование более или менее развернутого (сложного) описания, или дескрипции, где упоминаются те или иные свойства описываемого объекта. Например, дескрипции *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* указывают на один и тот же объект действительности — планету Венера, но по различным свойствам — появление на небосклоне утром и появление на небосклоне вечером. Имена собственные представляют собой вид определенных дескрипций, в которых свойство объекта, на который указывает дескрипция, редуцировано до минимума. Действительно, фамилия *Петров* в теории Б. Рассела — это определенная дескрипция вида *человек, носящий фамилию Петров*. Существенно, что и определенные дескрипции, и имена собственные способны однозначно указывать на то лицо, которое они называют (т.е. им свойственна определенная референция). Следовательно, если в тексте не упоминается имя собственное В. Путин, но говорится о *действующем Президенте России* (данное выражение является определенной дескрипцией), то соотносимость с обозначаемым лицом однозначна и не предполагает альтернативных пониманий.

Возвращаясь к рассматриваемому случаю, мы должны определить, имеются ли в тексте спорной публикации «Назад в будущее» какие-то языковые способы указания, которые позволяют однозначно определить лицо, на которое указывает неполное имя собственное — фамилия *Потанин*. Такими способами указания следует считать **определенные дескрипции или свойства указанного лица, которые могут быть использованы в определенной дескрипции для однозначного выделения человека из множества носителей фамилии Потанин.**

Анализ текста статьи показывает, что в ней упоминается ряд существенных признаков, использование которых в определенных дескрипциях, точнее, в совокупности определенных дескрипций, позволяет однозначно выявить лицо, имеющееся в виду под фамилией «Потанин». Такие признаки представлены в уже приводившемся фрагменте спорной публикации:

¹²⁵ *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. № 14. P. 479–493.

Владельцы «фабрик и заводов» могут «переквалифицироваться» в управляющих активами. «Скажем, «Интеррос» можно сделать управляющим «Норникеля», — заявил Бунич. — Не исключаю, что сам Потанин и объявит об этом, ему невыгодно ходить с ворованными акциями. Мне известно, что идея таким образом переоформить взаимоотношения власти и бизнеса обсуждается в правительстве». Это, мол, позволит поставить управление крупной собственностью на качественно новую основу, крупный бизнес начнет зарабатывать деньги для России и не мешать делать то же самое малому бизнесу.

Из данного фрагмента следует, что (1) 'лицо, названное *Потанин*, принадлежит к числу владельцев «фабрик и заводов» и (2) 'является представителем крупного бизнеса'. Первая характеристика следует из тезиса *Владельцы «фабрик и заводов» могут «переквалифицироваться» в управляющих активами*, который подкрепляется следующим далее примером *скажем, «Интеррос» можно сделать управляющим «Норникеля», — заявил Бунич. — Не исключаю, что сам Потанин и объявит об этом, ему невыгодно ходить с ворованными акциями...* Вторая характеристика выводится из аргумента в пользу реприватизации, который следует после упоминания фамилии *Потанин*: *Это, мол, позволит поставить управление крупной собственностью на качественно новую основу, крупный бизнес начнет зарабатывать деньги для России <...>*.

Кроме того, из этого же фрагмента следует характеристика (3) 'лицо, названное *Потанин*, связано с компаниями «Интеррос» и «Норникель» отношением доминации — собственности, управления и т.п.'. Действительно, если это было бы не так, то неясно, почему данное лицо, названное по фамилии *Потанин*, вообще вправе делать какие-то заявления от имени компаний «Интеррос» и «Норникель» или, как сказано в исследуемом фрагменте, *само объявлять об этом*, т.е. об управлении «Интерроса» «Норникелем».

В исследуемой публикации человеку, названному по фамилии *Потанин*, приписывается еще одно свойство: (4) 'лицо, названное *Потанин*, относится к числу олигархов'. Действительно, после фрагмента 1 почти сразу следует фраза *Но Бунич надеется не на «покаянное» настроение «олигархов» или рвение думцев, которым в марте предстоит выслушать отчет*

Счетной палаты об итогах приватизации. Действительно, если ‘человек, названный по фамилии *Потанин* украл акции и владеет ими’ или если ‘кто-то украл акции (не Потанин), но сейчас ими владеет человек по фамилии *Потанин*, который знал/знает, что акции ворованные’, то в принципе ему есть в чем каяться. Но, как следует из приведенной фразы, «покаянное» настроение обсуждается в связи с олигархами, следовательно, и человек, названный по фамилии *Потанин*, также относится к олигархам.

В теории определенных дескрипций отмечается, что дескриптивный способ указания не гарантирует во всех случаях выделение единственного носителя свойств, описываемых в дескрипции. Например, дескрипция *житель Древнего Рима* применима ко многим лицам, жившим в соответствующую эпоху и в соответствующем месте. Однако введение дополнительной дескрипции *великий оратор* позволяет, по крайней мере на уровне наших сегодняшних знаний, однозначно выделить Цицерона. Иными словами, совокупность дескрипций позволяет при всех сложностях установить то лицо, о котором идет речь.

Как было установлено в процессе исследования, в рассматриваемом случае по отношению к лицу, названному по фамилии *Потанин*, в публикации упоминаются следующие признаки, которые могут быть использованы в определенных дескрипциях для выделения нужного лица:

- (1) ‘лицо, названное *Потанин*, принадлежит к числу владельцев «фабрик и заводов»’;
- (2) ‘является представителем крупного бизнеса’;
- (3) ‘лицо, названное *Потанин*, связано с компаниями «Интеррос» и «Норникель» отношением доминанции — собственности, управления и т.п.’;
- (4) ‘лицо, названное *Потанин*, относится к числу олигархов’.

Выделенные признаки не противоречат друг другу, образуя взаимодополняющую систему характеристик, свойственную конкретному лицу и определяющую его положение в социальной, экономической и политической организации общества.

Кроме того, выделенные признаки, будучи вместе использованы в определенных дескрипциях, однозначно выделяют одно лицо — В.О. Потанина, владельца ряда крупных пред-

приятий и организаций (признаки 1 и 2); Президента закрытого акционерного общества «Холдинговая компания ИНТЕР-РОС», одним из активов которой является компания «Норильский никель» (признак 3); человека, часто относимого в современных СМИ к числу т.н. «олигархов» (признак 4).

Б. Экстралингвистический аспект

Понимание текста основывается на исходных предпосылках, одной из которых является предположение об осмысленности текста, в частности о том, что адресат текста — читатель, слушатель или зритель — в состоянии понять текст¹²⁶. Для этого автор текста должен специально ввести в обсуждение тех лиц, персонажей сюжета или те объекты действительности, те понятия, которые используются в повествовании, но адресату неизвестны. Данное правило не касается тех лиц или тем, которые широко обсуждаются в прессе. Так, нет необходимости для российского читателя объяснять, кто такой В. Путин, Б. Абрамович, Б. Березовский, Б. Немцов, А. Чубайс и т.д. Весьма часто в СМИ имена собственные таких людей даются только в виде фамилии (ср., например, *Вот, например, Путин вам обещал, что не станет заключать мирных соглашений? Огонек; Черномырдин, Чубайс и Кох предпочли «Инкомбанку» связку ОНЭКСИМ — МФК. Итоги*). Таких людей, находящихся в центре внимания СМИ и общественности, называют «**нюсмейкерами**»¹²⁷.

¹²⁶ См.: *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

¹²⁷ От англ. newsmaker: «Ньюсмейкер — человек, личность и поступки которого вызывают повышенный интерес широкой публики и средств массовой информации», см.: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001; «человек, по тем или иным причинам вызывающий интерес публики, средств массовой информации», см.: *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М., 2003. Заметим, что принадлежность лица к числу «нюсмейкеров» порождает языковые игры с его фамилией. Фамилии «нюсмейкеров» часто используются для привлечения внимания читателя в названиях заметок типа «Пугачева выпала из окна», «Березовский обнаружен в клетке гиппопотама» — разумеется, речь идет об однофамильцах, однако это оказывается действенным способом привлечения внимания читателя.

В.О. Потанин, будучи крупным бизнесменом и руководителем высокого звена, с несомненностью относится к числу «ньюсмейкеров», находясь в центре внимания СМИ и общественности, о чем косвенно свидетельствует и сама спорная публикация.

Таким образом, проведенное исследование показало, что под лицом, названным в статье «Назад в будущее», опубликованной в газете «Солидарность» (№ 5 за 2005 г., 9–16 февраля), «Потанин», имеется в виду В.О. Потанин. На это указывают собственно лингвистические и экстралингвистические факторы. С лингвистической точки зрения по отношению к лицу, названному в спорной публикации по фамилии *Потанин*, упоминается целый ряд признаков, которые могут быть использованы в определенных дескрипциях для однозначного выделения нужного лица. С экстралингвистической точки зрения В.О. Потанин относится к числу лиц-«ньюсмейкеров», т.е. персон, находящихся в центре внимания СМИ и общественности. В силу этого неполная номинация В.О. Потанина в текстах СМИ по одной фамилии *Потанин* в первую очередь должна относиться к нему, если обратное специально не оговорено автором публикации.

Экстралингвистические основания определения референта неполной номинации очень часто играют решающую роль. Так, в деле о рекламе компьютерной базы данных «Юридический лоцман» конкурентами этого продукта был поднят вопрос о том, могут ли читатели рекламных текстов отнести негативную информацию о неназванной аналогичной базе данных к конкретной базе данных-конкуренту. Причем известно, что конкурирующий продукт основан на стратегии «составления набора *жизненных ситуаций*». Такое отождествление могло бы привести к нарушению ст. 6 Федерального закона «О рекламе», в которой к недобросовестной рекламе отнесена, в частности, реклама, которая «содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с товаром (товарами) других юридических или физических лиц».

Семантический анализ спорного рекламного текста показал, что его непротиворечивое понимание предполагает существование близкого по тематике «Юридическому лоцману» другого программного продукта — программы *X*, основанного на технологии «набора жизненных ситуаций». При этом пря-

мой номинации этого продукта в исследуемом тексте нет. В качестве неполной номинации обсуждаемого продукта функционирует словосочетание *подход, когда составляется набор «жизненных ситуаций»*. К косвенной, неполной номинации программы *X* относятся также приводимые в тексте отрицательные характеристики неназванной прямо конкурирующей базы данных: *составляется по совершенно непонятным для пользователя правилам; будет крайне субъективным; никогда не будет полным; в нем неизбежны несуррицицы*.

Как было показано выше, однозначность любой номинации определяется совокупностью существенных признаков, которые могут быть положены в основу определенной дескрипции. Существенными являются такие признаки, которые позволяют отождествить объект среди множества других (в том числе подобных ему) объектов. Очевидно, что в общем случае ни словосочетание *подход, когда составляется набор «жизненных ситуаций»*, ни указанные выше отрицательные характеристики программы *X* нельзя считать существенными в указанном выше понимании. Однако если дескрипция *набор «жизненных ситуаций»* терминологична (а на это может указывать, например, использование кавычек) и знакома потенциальному пользователю и читателю по рекламным материалам другого программного продукта (программы *X*), то оно может рассматриваться как содержащее существенный признак, позволяющий соотнести неполную номинацию с конкретным программным продуктом, т.е. отождествить его.

Дополнительным фактором в пользу достаточности анализируемой косвенной номинации для отождествления программы *X* может служить ограниченность рынка компьютерных программ данной тематики. Например, если речь идет о двух-пяти программах такого типа, то характеристик, которые несет неполная номинация может отказаться вполне достаточно для отождествления.

3.2. Пример 2. «Тушинская четверка» как альтернативная номинация олигархов

Альтернативная номинация отличается от неполной только тем, что в ней называется некоторый признак референта, его свойство. Иными словами, в качестве альтернативной но-

минации часто выступает определенная дескрипция. Как было показано выше, совокупность определенных дескрипций часто позволяет однозначно определить референта соответствующих выражений. Однако ситуация осложняется, если определенная дескрипция относится к множеству референтов и соответственно предикация относится к множеству референтов. Такие определенные дескрипции можно назвать **обобщенными**. В этом случае встает проблема доказательства того, что данное лицо — названное выше или ниже в тексте по полной номинации — имеется в виду среди множества лиц, охватываемых альтернативной номинацией.

Источником второго примера послужили статьи «Главный список», «Будущее Тушинской четверки» и «Паратов» об одном из крупных бизнесменов постперестроечной России, которых в современной прессе принято называть «олигархами»¹²⁸.

Фрагмент 1

Если бы неуступчивый лидер профсоюзов ограничился организацией митингов и пикетов, вероятно, он до сих пор был бы жив. Но Виктор Арбатский покусился на самое святое для Романа Паратова лично — деньги. При этом он выигрывал суды, т.е. стал достаточно серьезным неудобством для бизнесменов, воспитанных на кровавых «нефтяных» разборках 90-х. А значит, устранение неугодного вряд ли бы стало для них серьезной проблемой. *«Главный список».*

В приведенном фрагменте содержится информация о том, что к гибели В. Арбатского могли быть причастны бизнесмены, *воспитанные на кровавых «нефтяных» разборках 90-х*, поскольку Арбатский выигрывал суды против них. Об этом говорит следующая фраза: *При этом он выигрывал суды, т.е. стал достаточно серьезным неудобством для бизнесменов, воспитанных на кровавых «нефтяных» разборках 90-х*. Из фрагмента 1 видно, что Р. Паратов относится автором статьи к числу этих бизнесменов. На это указывает тот факт, что Р. Паратов упо-

¹²⁸ Имена участников и названия статей изменены. Статьи были опубликованы на одном из сайтов в Интернете, организованном, по-видимому, конкурентами и/или врагами предпринимателя.

минается во фразе, непосредственно предшествующей предложению со словом *бизнесмены*, а также утверждение, что В. Арбатский «покусился на самое святое для Романа Паратова лично — деньги». Из текста статьи становится понятным, что В. Арбатский выиграл несколько судебных процессов, по которым руководство нефтеперерабатывающего завода должно было выплатить 120 миллионов рублей. Отсюда следует, что Р. Паратов включается автором статьи в состав множества — *бизнесмены, воспитанные на кровавых «нефтяных» разборках 90-х*. Таким образом, в данном фрагменте представлена следующая негативная информация о Романа Паратове: 1) ‘Р. Паратов воспитан на кровавых «нефтяных» разборках 90-х, т.е. занимался противоправной деятельностью в 90-х гг.’; 2) ‘Р. Паратов (вместе с другими бизнесменами) может быть связан с гибелью В. Арбатского’.

Фрагмент 2

На протяжении нескольких лет Лева Крымский был доверенным лицом объединенного клана Тушинских племянников, Абдуллы и Р. Паратова в Европе. <...> Дальнейшая раскрутка дела Левы Крымского американским правосудием грозит обернуться катастрофой для всей «Тушинской четверки», главный источник которой «грязные» деньги от своего теневого бизнеса на нефти, в автомобилестроении и т.д. Под вопросом не просто респектабельность, например, того же Паратова или Абдуллы, но и само их дальнейшее выживание. Если Лева Крымский заговорит в США, то неподалеку от него окажутся и его «подельники», давно превратившиеся в одну из наиболее опасных группировок в иерархии международных криминальных кланов. По мнению органов правосудия США, клан Тушинские племянники — Паратов — Абдулла в совокупности с братвой и юркими эмиссарами вроде Левы Крымского являются мировыми криминальными «тяжеловесами» и их деятельность является, по сути, финансово-экономической разновидностью терроризма. *Будущее Тушинской четверки.*

Здесь представлено несколько развернутых определенных дескрипций, одним из референтов которых является и Р. Паратов: *объединенный клан Тушинских племянников, Абдуллы и Р. Паратова; «Тушинская четверка»; одна из наиболее опасных группировок в иерархии международных криминальных кланов.*

В рассматриваемом фрагменте говорится, что главный источник доходов «Тушинской четверки» — «грязные» деньги от теневого бизнеса. Как следует из первого предложения анализируемого фрагмента, Р. Паратов входит в *объединенный клан Тушинских племянников, Абдуллы и Паратова*. Поскольку этот клан состоит из четырех человек, то можно с полным правом предположить, что упоминаемая дальше «Тушинская четверка» представляет собой альтернативную номинацию упомянутого клана. Поскольку других альтернатив в тексте статьи не содержится и читатель вправе исходить из презумпции осмысленности текста, то дескрипции *Тушинская четверка* и *объединенный клан Тушинских племянников, Абдуллы и Паратова* следует считать альтернативными номинациями. Так как в рассматриваемом фрагменте содержится информация о том, что главный источник доходов «Тушинской четверки» — «грязные» деньги от теневого бизнеса (фраза *Дальнейшая раскрутка дела Левы Крымского американским правосудием грозит обернуться катастрофой для всей «Тушинской четверки», главный источник которой «грязные» деньги от своего теневого бизнеса на нефти, в автомобилестроении и т.д.*), а в состав «Тушинской четверки» входит и Р. Паратов, то из обсуждаемого фрагмента следует, что Р. Паратов занимается теневым бизнесом. Это характеризует Р. Паратова в общественном мнении резко отрицательно, кроме того, это противоречит и нормам ведения бизнеса.

Далее, из фразы *Если Лева Крымский заговорит в США, то неподалеку от него окажутся и его «подельники», давно превратившиеся в одну из наиболее опасных группировок в иерархии международных криминальных кланов* следует, что Р. Паратов принадлежит к одной из наиболее опасных криминальных группировок. Действительно, поскольку в тексте ранее речь шла о Леве Крымском и «Тушинской четверке», то читатель однозначно установит, что под «подельниками» имеются в виду Тушинские племянники, Абдулла и Р. Паратов. Никакие другие лица, которые могли бы претендовать на данную роль, в тексте не упоминаются.

Наконец, из последнего предложения обсуждаемого фрагмента (*По мнению органов правосудия США, клан Тушинские племянники — Паратов — Абдулла в совокупности с братвой и юркими эмиссарами вроде Левы Крымского являются мировыми криминальными «тяжеловесами» и их деятельность является, по сути, финансово-экономической разновидностью терроризма*)

следует, что Р. Паратов — мировой криминальный «тяжеловес» и его деятельность представляет собой финансово-экономическую разновидность терроризма. Все это следует считать крайне негативной информацией о Р. Паратове.

Таким образом, сообщение негативной информации о референтах обобщенных дескрипций *объединенный клан Тушинских племянников, Абдуллы и Р. Паратова; «Тушинская четверка»; одна из наиболее опасных группировок в иерархии международных криминальных кланов* следует рассматривать как сообщение негативной информации о каждом из этих референтов.

Заметим, что сделанный вывод не является универсальным правилом. Так, утверждение о том, что государственный аппарат бюрократизирован необязательно означает, что каждый государственный институт бюрократизирован. Например, какой-то из институтов (Министерство по чрезвычайным ситуациям, другой государственный орган) может не включаться автором утверждения в число таких организаций. Все определяется конкретным текстом, количеством референтов, с которыми соотносится определенная дескрипция (чем больше референтов, тем меньше вероятность отнесения негативной информации к каждому из референтов), характером использованной определенной дескрипции, ее распространенностью, стандартностью обозначения и рядом других факторов, в частности, очевидной гиперболизацией семантики естественного языка, отражающей наивную логику человека, его обыденное сознание. Последнее широко обсуждалось в работах по семантике ограничительных частиц и слов интенсификаторов типа *весь, все, совершенно, абсолютно*. Так, из высказывания *Он пьет только молоко* вовсе не следует, что он не пьет обыкновенную воду, а фраза *Из-за головной боли я не спал всю ночь* допускает, что говорящий мог уснуть на какой-то ограниченный период времени. В этом случае, по-видимому, следует выделять различные слои значения — собственно лингвистический и прагматический. Впрочем, это довольно сложная и не решенная в полной мере теоретическая проблема.

Фрагмент 3

Тем временем пиарщики нашего олигарха не теряют времени даром. Роман Паратов из нефтяного «барона-разбойника» оказывается вдруг ярким государственным человеком. Человек, ставший эконо-

мическим бедствием для нескольких регионов России, берется решать за президента, что лучше для страны — когда и как вступать в ВТО, каким экономическим курсом идти правительству. [Главный список].

В данном фрагменте представлено две альтернативных номинации Романа Паратова — *нефтяной «барон-разбойник»* и более развернутая номинация *человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России*. Первая номинация с очевидностью относится к нему, поскольку она вместе с почти полной личной номинацией *Роман Паратов* заполняет валентности предиката *оказывается* (*X из Y-а оказывается Z-ом*), причем *X* — *Роман Паратов*, а *Y* — *нефтяной «барон-разбойник»*. Действительно, глагол *оказывается* использован здесь семантически и стилистически не вполне корректно. Правильнее было бы сказать *становится Z-ом* или *из Y-а превращается в Z-а*, а в анализируемом тексте валентностные и семантические свойства этих глаголов совмещены в глаголе *оказывается*. Выражение *X из Y-а оказывается Z-ом* означает: 1) до некоторого момента *X* был *Y-ом*; 2) после некоторого момента времени *X* стал *Z-ом*. Поскольку *Y* было свойством *X-а*, т.е. для рассматриваемого случая Р. Паратов был *нефтяным «бароном-разбойником»*, то это свойство может использоваться в определенной дескрипции, относящейся к Р. Паратову.

Несколько сложнее с распространенной дескрипцией *человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России*. Из текста статьи следует, что Р. Паратов нанес существенный ущерб экономике России. Поскольку других кандидатов на данную дескрипцию в тексте не обнаруживается, то, если исходить из презумпции осмысленности текста, данную дескрипцию можно приписать только ему. На правильность такого вывода указывает также то, что темой предшествующего высказывания также является Р. Паратов. Иными словами, начало приведенного фрагмента соответствует одной из стандартных схем развертывания актуального членения текста: сообщение нескольких «порций» новой информации об одной теме, т.е. $\text{Тема}_1 \rightarrow \text{Рема}_1$; $\text{Тема}_1 \rightarrow \text{Рема}_2$.¹²⁹

¹²⁹ См. подробнее о видах коммуникативного развертывания текста в работе: Daneš F. Semantyczna i tematiczna struktura zdania i tekstu // Tekst i język problemy semantyczne. Wrocław: Ossolineum, 1974.

§ 4. Референция: установление актантов номинализации

Номинализациями в лингвистике называют отглагольные существительные, возникшие как сокращенное название какой-то развернутой ситуации, ранее обсуждавшейся в тексте. Имеются в виду преобразования следующего типа *Полиция, применив специальную технику, разогнала демонстрацию, при этом четверо демонстрантов получили тяжелые ранения и были увезены в ближайшие больницы* → **Разгон демонстрации**. Очевидно, что первая фраза намного полнее описывает ситуацию, чем вторая. Действительно, если в первом случае читателю сообщается о демонстрантах, о том, кто разогнал демонстрацию, — полиция, о пострадавших, о применении полицией специальной техники, то во втором — упоминается только сам факт разгона демонстрации. Ответственные за факт разгона никак не упоминаются и тем самым выводятся из сферы возможной критики. Номинализация позволяет не упоминать в тексте важные аспекты описываемой ситуации — актантов ситуации, последствия действия, причины событий и т.д. В этом смысле номинализации представляют собой важнейшее средство воздействия (см. главу 3)¹³⁰.

Лингвистическая экспертиза текста — и особенно публицистического текста — в ряде случаев предполагает выявление актантов ситуации, которые скрыты в номинализации. Это имплицитная часть плана содержания (смысла) текста, однако если ситуация была эксплицитно описана в публикации полностью или частично хотя бы один раз, то есть все основания считать, что она обязательно будет реконструирована читателем по номинализации, поскольку это, как правило, оказывается условием осмысленности понимания текста. Рассмотрим пример использования указанной категории в лингвистической экспертизе.

В приводимом ниже примере используется ряд номинализаций без указания субъектов (актантов) описываемой ситуации (номинализации выделены полужирным шрифтом):

¹³⁰ См. также: *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2000. С. 223; *Серю П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999.

<...> интенсивная **скупка** за наличные деньги акций <...> — под прикрытием криминальных структур, **банкротства** ряда предприятий и банков, **размывание** активов юридических лиц, **выведение** этих самых активов во владение офшорными компаниями. При этом **подавление** независимых СМИ и журналистов. «**Приватизация**» структур власти.

В данном фрагменте текста представлены номинализации *скупка, банкротство, размывание, выведение, подавление, приватизация*, которые позволяют не упоминать в явной форме субъекта действия. Понятно, что все они содержат негативную информацию, однако экспертиза требует, чтобы негативная информация была четко атрибутирована конкретному лицу. Для восстановления субъекта-деятели, ответственного за действия, описываемые в номинализациях, необходимо исследовать предшествующий и/или последующий контекст. В рассматриваемом случае в предложении, непосредственно предшествующем данному фрагменту, обнаруживается фраза *Технология внедрения Паратова в Эвенкию тоже достаточно хорошо описана в прессе, в том числе и на нашем сайте*. Иными словами, перечисленные в приведенном отрывке номинации и являются «технологией внедрения Паратова». Следовательно, речь в номинациях идет именно о Паратове.

Такая смысловая реконструкция семантики текста позволяет выделить следующие семантические следствия, содержащие негативную информацию о Паратове: (i) 'Паратов в своей деятельности пользуется услугами криминальных структур', (ii) 'Паратов выводит активы в офшорные компании', (iii) 'Паратов подавляет независимые СМИ', (iv) 'Паратов подкупает структуры власти'. Эти следствия являются обязательными, т.е. читатель должен их обязательно сделать, иначе текст потеряет семантическую связность. Действительно, если речь идет о другом лице, то как предложение *Технология внедрения Паратова в Эвенкию тоже достаточно хорошо описана в прессе, в том числе и на нашем сайте* связано по смыслу с последующим фрагментом? Поскольку ответа на этот вопрос дать не удастся, то остается считать следствия (i)–(iv) обязательными и тем самым скрытыми утверждениями.

Необходимость установления актантов ситуации возникает не только в случае классических номинализаций, но в случае

использования существительных, не имеющих очевидных глагольных аналогов, в которых участники ситуации упоминаются в явном виде. Ср. существительные типа *остракизм, бандитизм, браконьерство, контрабанда*. Соответствующие им глагольные аналоги имеют форму коллокаций, а не глаголов в точном смысле, ср. *подвергать остракизму, заниматься бандитизмом, заниматься браконьерством, заниматься контрабандой*. Такие существительные можно назвать **скрытыми номинализациями**, поскольку, как и настоящие номинализации, они позволяют избежать явного упоминания участников описываемой ситуации. Выявление актантов, как и в случае истинных номинализаций, требует анализа предшествующего и последующего контекста. Рассмотрим пример выявления негативной информации из фрагмента телепередачи, в котором используется одна из скрытых номинализаций — слово *бандитизм*.

Семен Смельчаков, депутат Госдумы РФ от о. Итуруп: Давайте вещи называть своими именами. Можно назвать это корпоративными войнами, можно недружественным захватом, я просто вещи называю — это бандитизм. Бандитизм в сфере промышленности. Они пытались на Астраханский, на Волгоградский, на Урюпинский комбинаты, очень громкая война, сейчас они идут на Костромской комбинат, попытка «Оки», на Черниговский комбинат.

Слово *бандитизм*, несколько раз использованное в приведенном фрагменте, толкуется в словарях современного русского языка, как ‘Преступная деятельность бандитов, разбой, грабёж’¹³¹, ‘Преступление против общественной безопасности — разбой, грабёж, совершённый вооружённой группой, бандой’¹³², ‘Вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооружённых банд, участии в них и в организуемых ими нападениях с целью грабежа, насилия, убийств, разрушения чего-л. и т.п.’¹³³. Субъект деятельности, названной *банди-*

¹³¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 1992.

¹³² См.: *Русский семантический словарь / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой.* М., 1998.

¹³³ См.: *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой.* Т. I. М., 1985.

тизмом, в рассматриваемом фрагменте в явном виде не упомянут, однако из предшествующего и последующего контекста ясно, что речь идет о компании «Сахарный передел» и В. Диком. В контексте, непосредственно предшествующем приведенному фрагменту, ведущий телепередачи, обсуждая деятельность В. Дикого, говорит: *Перечень предприятий, подвергшихся захватам, велик, не будем утомлять вас этим списком. Объясним одно. Деньги, сколоченные на сахаре, а Вениамин Дикой контролирует более 60% производства сахара в нашей стране, входя по русской версии журнала «Форбс» в группу самых богатых людей России, надо двинуть в бой, чтобы они — деньги — работали на владельца, причем прибыль нужна в одночасье.* Военная метафора, использованная ведущим — *надо двинуть в бой*, — согласуется по смыслу со словом *бандитизм*, поскольку последний предполагает деятельность, близкую по семантике к вооруженным — военным — действиям.

Кроме того, в приведенном фрагменте и непосредственном контексте этого фрагмента нет других физических или юридических лиц, которые могли претендовать на субъектную позицию в деятельности, названной *бандитизмом*.

Из сказанного следует, что в рассматриваемом фрагменте телепередачи деятельность, названная *бандитизмом*, приписывается компании «Сладкий передел» и В. Дикому. Понятно, что, хотя С. Смелычаков и говорит, что он *называет вещи своими именами*, реально имеется в виду переносное значение слова *бандитизм*, поскольку он оговаривается: *Бандитизм в сфере промышленности.* Тем не менее идеи «незаконности» и «использования силовых методов», представленные в семантике слова *бандитизм*, остаются. Они поддерживаются и использованным словосочетанием *недружественный захват*. Это словосочетание представляет собой перефразирование терминологического словосочетания *недружественное поглощение* (англ. *unfriendly takeover*) и используется в экономической литературе и публицистике как термин, указывающий на достаточно агрессивную и активную политику ведения бизнеса, направленную на достижение контроля над предприятием. В рассматриваемом случае вместо слова *поглощение*, использовано слово *захват*, в семантике которого есть прямое указание на насильственность действия, использование силы: *захват* =

‘взятие силой’¹³⁴. Следовательно, деятельность компании «Сладкий передел» и В. Дикого квалифицируется как использование различных форм принуждения с целью получения контроля над некими организациями или предприятиями¹³⁵. В любом случае захват как использование силы в решении производственных споров в рассматриваемом контексте противопоставлен правовым способам урегулирования проблем.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследованном фрагменте телепередачи представлена информация следующего вида: ‘компания «Сладкий передел» и В. Дикой осуществляют в сфере промышленности незаконную деятельность с использованием силовых методов, напоминающую бандитизм’. Незаконная деятельность, использование силовых методов оценивается в обществе отрицательно, а в ряде случаев и нарушает действующее законодательство. Следовательно, выявленная информация отрицательно характеризует компанию «Сладкий передел» и В. Дикого.

§ 5. О стратегии отождествления альтернативных описаний ситуации

Рассматриваемая проблема в точном виде в лингвистической семантике и в лингвистике текста не ставилась, поскольку семантический анализ с использованием семантических метаязыков в современных теориях так или иначе связан с процедурами представления (переписывания) содержания слова, предложения и текста в более явной, эксплицитной форме. Здесь же мы сталкиваемся с ситуацией, когда имеется несколько текстов, описывающих какие-то ситуации, и требуется определить, об одной ли ситуации идет речь. Данная задача относится к задачам анализа, однако в идеальном случае ее следовало бы решать с использованием процедур анализа

¹³⁴ Как отглагольное существительное, образованное от глагола *захватить* в значении ‘взять силой, овладеть’. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

¹³⁵ Сила — ‘физическое насилие или моральное, экономическое и т.п. давление’. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

через синтез. То есть определить возможность порождения исследуемых альтернативных текстов при каких-то исходных данных об одной ситуации действительности. К сожалению, на настоящем этапе развития компьютерных методов моделирования семантики текста это не представляется возможным. Излагаемая ниже стратегия основана на идеях грамматики сюжетов — относительно новом направлении в изучении семантики текста, возникшем в середине 70-х годов XX в.

Отождествление альтернативных описаний ситуации. Проблема отождествления ситуации по различным описаниям возникает в лингвистической экспертизе текста чаще всего в тех случаях, когда очевидно или высоковероятно, что фрагменты текстов, помещенные в различных изданиях, описывают одну и ту же ситуацию, но ответчик это отрицает. Иными словами, задача заключается в том, чтобы в судебном заседании в явном виде показать высокую степень сходства в номинации компонентов ситуации и предикатов, обозначающих действия или состояния участников, что и указывает на то, что имеется в виду одна и та же ситуация. Если же описания завуалированы, то приводимая ниже методика сама по себе недостаточна и требует исследования средств речевого воздействия (см. ниже главу 3). Квалификация фрагментов текста как разных описаний одной и той же ситуации оказывается необходимой, если требуется, например, показать, что против истца развернута кампания «черного» пиара.

Рассмотрим пример из практики лингвистических экспертиз. Для анализа были предоставлены два следующих фрагмента статей из различных изданий.

Следы полковников МУРа привели в банк «Плацдарм»

В рамках нашумевшего дела полковников МУРа проведены очередные обыски и выемки документов. В четверг вечером сотрудники прокуратуры и ГУСБ МВД проверили ячейки задержанных муровцев в офисе банка «Плацдарм». Наличных денег не нашли, однако изъяли финансовые документы, которые, по мнению оперативников, свидетельствуют о том, что высокопоставленные офицеры МУРа перевели на свои зарубежные счета по меньшей мере 100 млн рублей.

Обыск начался около четырех в воскресенье. Для сотрудников банка «Плацдарм» он оказался полной неожиданностью. Во всяком случае охрана этого кредитного учреждения поначалу отказалась пускать внутрь здания оперативников. Впрочем, проблема была быстро решена при помощи бойцов спецгруппы ФСБ, обеспечивавших силовую поддержку операции.

Целью визита правоохранительных органов была проверка личных ячеек уже арестованных сотрудников МУРа. Денег в них не нашли, однако обнаружили массу документов, которые, по мнению оперативников, свидетельствуют о том, что сотрудники Московского уголовного розыска переводили на свои зарубежные счета огромные суммы. Пока сыщики успели проанализировать счета на 100 млн рублей. Но, по их словам, это только часть бумаг, которые изъяли.

Напомним, что так называемое «дело полковников МУРа» началось с того, что 24 июня одновременно были задержаны несколько сотрудников 5-го (антикоррупционного) отдела Московского уголовного розыска, а также начальник службы безопасности МЧС Владимир Ганеев. Пока им инкриминируют незаконное хранение оружия, вымогательство и превышение служебных полномочий. На практике это означает, что милиционеры практически открыто «крышевали» находящиеся на их территории коммерческие структуры, а с теми, кто отказывался платить, разбирались «подчиненные» милиционерам преступные группировки. Заместитель начальника МЧС пока проходит по делу как посредник в переговорах между милиционерами и коммерсантами.

Фрагмент 2

Пока следователи не успели подвести итоги обысков и выемок в некоторых банках и коммерческих структурах, через которые, по предварительным данным, муровцы переводили на личные счета деньги за рубеж.

Так, в банке «Плацдарм» оперативники из индивидуальных ячеек (имеющих отношение к фигурантам расследования «дела оборотней») изъяли финансовую документацию на сумму около 100 млн рублей. От каких-либо комментариев по этому поводу представители «Плацдарма» отказались.

Лингвистическая экспертиза должна была ответить на вопрос, идет ли речь в первом и втором фрагментах об одних и

тех же событиях? В современных исследованиях по теории текста и по формальному моделированию сюжета повествования к числу важнейших компонентов описываемой в повествовании ситуации (шире — последовательности ситуаций, событий) относятся, во-первых, актанты ситуации, т.е. сами участники ситуации (событий), объекты ситуации и их функции¹³⁶, во-вторых, количество/состав событий (если описываемых ситуаций-событий несколько) и их последовательность¹³⁷. Отождествление читателем текста как описания некоторой конкретной ситуации, естественно, опирается на эти две важнейших составляющих. Иными словами, процедура отождествления событий, представленных в разных текстах (фрагментов текстов), предполагает:

- анализ участников ситуаций, объектов ситуации и их функций;
- анализ состава событий и их последовательности;
- соотнесение событий с участниками и объектами.

В первом и втором фрагментах упоминаются одни и те же участники, хотя способы их названия (номинации) могут различаться. Способы номинации отражены в табл. 1.

¹³⁶ Особое внимание этому аспекту повествования уделяется в традиции, берущей свое начало в работах Проппа (см. прежде всего: *Пропп В.* Морфология сказки. Л., 1928).

¹³⁷ Состав событий и последовательность их появления в сюжете широко обсуждались в рамках формальных «грамматик сюжетов», в которых использовался формальный механизм порождения сюжета на основе формализмов контекстно-зависимых грамматик типа трансформационной порождающей грамматики Хомского. См. по этому поводу, напр.: *Олкер Х.Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987; *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // *Проблемы языковой вариативности.* М., 1990.

Таблица 2. Способы номинации участников и объектов ситуации в обсуждаемых фрагментах

Фрагмент 1	Фрагмент 2
<i>сотрудники прокуратуры и ГУСБ МВД; оперативники; правоохранительные органы; сыщики</i>	<i>следователи; оперативники</i>
<i>задержанные муровцы, высокопоставленные офицеры МУРа; арестованные сотрудники МУРа; сотрудники Московского уголовного розыска; милиционеры</i>	<i>муровцы; фигуранты расследования</i>
<i>сотрудники банка «Плацдарм»</i>	<i>представители «Плацдарма»</i>
<i>личные ячейки</i>	<i>индивидуальные ячейки</i>
<i>финансовые документы</i>	<i>финансовая документация</i>
<i>банк «Плацдарм»</i>	<i>банк «Плацдарм»</i>

Из табл. 2 видно, что участники описываемой ситуации и объекты одни и те же. В первом фрагменте упоминаются также некоторые лица, отсутствующие во фрагменте 2. К ним относится, например, *начальник службы безопасности МЧС Владимир Ганеев*. Это связано со степенью подробности описания ситуации.

Сходен и состав событий. В первом фрагменте речь идет о следственных действиях — обысках и выемках документов, более подробно описываются следственные действия в банке «Плацдарм». Во втором — также обсуждаются следственные действия в целом и отдельно, в качестве примера следственных действий, приводится информация об обыске в банке «Плацдарм».

Соотнесение событий и их последовательности с участниками во фрагменте 1 и во фрагменте 2 оказывается почти идентичным — с точностью до синонимичных номинаций участников и объектов описываемых ситуаций. Единственное различие состоит в том, что во фрагменте 1 обсуждаемые события описаны более подробно.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что и в первом, и во втором фрагментах речь идет об одних и тех же событиях.

Возможность установления пересказа содержания текста.

В практике экспертной деятельности встречается и несколько иной вариант сформулированной выше задачи отождествления ситуации, описываемой различными текстами. В, так сказать, «слабом» варианте речь может идти о воспроизведении текста и соответственно содержания одной статьи в тексте другой статьи. В одной из проводившихся экспертиз данную задачу следовало решить по отношению к следующим двум текстовым фрагментам — фрагменту 3 (сайт pered_prochtenijem_szhech.ru) и фрагменту 4 (газета «Неделя новостей»):

Фрагмент 3¹³⁸

23 мая с.г. в прямом эфире «Эха Москвы» председатель Комитета Государственной Думы РФ Роман Осовцов предоставил журналистам информацию о том, что бывший заместитель министра пропаганды, а ныне генеральный директор федерального казенного предприятия (ФКП) «Союз импорта и экспорта» Жуков Л.П., мог быть заказчиком убийства своего бывшего партнера по бизнесу С. Гремыхина.

А сейчас в нашем распоряжении оказались копии нескольких страниц из двухтомного Дела оперативной разработки (ДОР) на Жукова. Материалы дела содержат сведения о причастности Жукова к торговле оружием и о его связях с международным терроризмом.

Агентурное сообщение

Источник сообщает, что недавно встретил в центре Москвы Жукова Леонида Петровича <...> вместе с гражданином Египта Бобраком Дималем Нахером <...>. Ранее источник работал у Бобрака.

Вышеназванные лица сотрудничают негласно с начала 90-х годов в основном в криминальном бизнесе. Как-то: было организовано отмывание денег Жукова Л.П. Бобраком через фирму «Soda» и арабские банки в 90–99 гг. Позже через подставные фирмы Жукова в России отмывались арабские деньги, поставляемые Джамалем в Россию. «Крышей» всех сделок Жукова и Бобра-

¹³⁸ Текст публикации дается с сокращениями, несущественными для обсуждаемого случая.

ка являлась чеченская криминальная структура (Ибрагим и др.). За крышу Бобрак и Жуков поставляли продукты питания в Чечню.

Два самолёта, перевозивших продукты в Грозный и Ереван, были задержаны после погрузки на аэродроме ГОСНИИ ГА в Шереметьево ОМОНОм. В мешках с сахаром и ящиках с маслом были обнаружены боеприпасы (патроны и снаряды). Поставщиком продуктов была фирма «Марципан» Жукова, а получателем в Чечне фирма «Soda» Бобрака. Почему-то дело было замято без последствий. Но материалы дела должны были сохраниться.

Также Бобраком и Жуковым были организованы поставки противогазов в Кувейт (авиарейсы на военных самолётах АН-12), продажа самолёта Ан-32 в Судан для использования его как бомбардировщика (продажа через Украину), поставка танковых траков из Словакии в Сирию.

Источнику Бобрак сказал, что Жуков через подставные фирмы до сих пор занимается поставками продуктов питания на Кавказ и Чечню, а также «отмывает» деньги через него и другие арабские банки, что не исключает возможность финансирования террористических организаций и поставки вооружения в Чеченскую республику.

<...> [Справка о Жукове].

Фрагмент 4

Впрочем, эта частная компания не брезгует и другой деятельностью, далекой от торговли алкоголем и продуктами питания. В прессе были опубликованы данные из двухтомного дела оперативной разработки на бывшего заместителя министра пропаганды Л. Жукова, согласно которым фирма «Марципан», сотрудничая с египетским бизнесменом Нахером Бобраком, якобы занималась поставками противогазов и иных спецсредств на Ближний Восток. Если верить оперативным справкам, то снаряженный Жуковым и его партнерами по бизнесу грузовой самолет был задержан сотрудниками МВД. Под видом продуктов питания на борту обнаружили запрещенные к перевозке грузы — патроны и снаряды, которые готовились к отправке в Грозный.

Если двухтомное дело на Леонида Жукова все же имеется в правоохранительных органах и подобные данные действительно верны, то, спрашивается, почему им до сих пор не дан ход?

Как и в предшествующем случае, для выполнения поставленной задачи естественно использовать положения грамматики сюжетов и — шире — теории текста. Сюжет представляет

собой важнейший компонент содержания повествования, в котором описывается некоторая ситуация или последовательность ситуаций, событий. Как уже было показано выше, содержание повествования (и его важнейшая часть — сюжет) включает, во-первых, самих участников ситуации (событий), объекты ситуации и их функции, во-вторых, количество/состав событий (если описываемых ситуаций-событий несколько) и, в-третьих, их последовательность. Оценка некоторого текста T_2 как воспроизведения или пересказа другого текста T_1 предполагает сходство (в частном случае тождество) участников ситуаций T_1 и T_2 , сходство объектов этих ситуаций и сходство событий этих ситуаций, если событий несколько.

В обсуждаемых публикациях упоминаются одни и те же участники, хотя способы их названия (номинации) могут различаться. Способы номинации отражены в табл. 3.

Таблица 3. Способы номинации участников и объектов ситуации в рассматриваемых публикациях

Публикация газеты «Неделя новостей»	Публикация сайта pered_prochtenijem_szhech.ru
<i>фирма «Марципан»</i>	<i>фирма «Марципан»</i>
<i>бывший заместитель министра пропаганды Л. Жуков</i>	<i>бывший заместитель министра пропаганды, а ныне генеральный директор федерального казенного предприятия (ФКП) «Союз импорта и экспорта» Жуков Л.П.; Жуков</i>
<i>египетский бизнесмен Нахер Бобрак</i>	<i>гражданин Египта Бобрак Дималь Нахер; Бобрак</i>
<i>грузовой самолет</i>	<i>два самолёта</i>
<i>сотрудники МВД</i>	<i>ОМОН</i>
<i>патроны и снаряды, которые готовились к отправке в Грозный</i>	<i>боеприпасы; патроны и снаряды</i>
<i>противогазы и иные спецсредства</i>	<i>противогазы; танковые траки; самолет АН-32</i>
<i>продукты питания</i>	<i>продукты питания; продукты; мешки с сахаром; ящики с маслом</i>
-	<i>подставные фирмы Жукова в России</i>
-	<i>«Крыша»; чеченская криминальная структура (Ибрагим и др.)</i>
-	<i>Фирма «Soda»</i>
-	<i>арабские банки</i>
-	<i>отмывание денег</i>

Сравнение показывает, что участники ситуаций, описываемых во фрагменте публикации сайта pered_prochtenijem_szhech.ru, а также объекты этих ситуаций представлены сходными или идентичными номинациями в статье газеты «Неделя новостей». Кроме того, в последней статье упоминаются и другие участники и объекты тех же и иных ситуаций. Это может объясняться тем, что во фрагменте статьи газеты «Неделя новостей» излагается лишь часть информации, представленной в публикации сайта pered_prochtenijem_szhech.ru. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы обратимся к событиям/ситуациям, описываемым в анализируемых текстах, ср. табл. 4.

Таблица 4. Состав ситуаций/событий, описываемых в рассматриваемых публикациях

Ситуация/событие	Публикация газеты «Неделя новостей»	Публикация сайта pered_prochtenijem_szhech.ru
Выступление Р. Осовцова на «Эхе Москвы»	—	+
Встреча «источника» с Л. Жуковым и Б. Нахером	—	+
Отмывание денег Жукова Л.П. Бобраком через фирму «Soda» и арабские банки в 90–99 гг.	—	+
Поставка за «крышу» Бобраком и Жуковым продуктов питания в Чечню	—	+
Задержание двух самолётов, перевозивших продукты в Грозный и Ереван на аэродроме ГОСНИИ ГА в Шереметьево ОМОНОм	+ [с изменениями]	+

В мешках с сахаром и ящиках с маслом были обнаружены боеприпасы (патроны и снаряды)	+ [в более сжатой форме]	+
Дело было замято без последствий	+ [в виде вопроса]	+
Бобрак и Жуков организуют поставки противогазов в Кувейт (авиарейсы на военных самолётах АН-12), продажу самолёта Ан-32 в Судан для использования его как бомбардировщика (продажа через Украину), поставку танковых траков из Словакии в Сирию	+ [в более сжатой форме]	+
Жуков через подставные фирмы до сих пор занимается поставками продуктов питания на Кавказ и Чечню, а также «отмывает» деньги через него и другие арабские банки	–	+
Подробная справка о Жукове В.Г. 1	–	+
Подробная справка о Жукове В.Г. 2	–	+

Из табл. 4 видно, во-первых, что события, представленные во фрагменте статьи газеты «Неделя новостей», имеются и в интернетовской публикации сайта pered_prochtnijem_szhech.ru. Во-вторых, эти же события во фрагменте статьи «Недели новостей» описаны либо менее подробно, чем в интернетовской публикации, либо с некоторыми изменениями. Наиболее существенные модификации в представлении событий касаются субъекта действия «поставки противогазов и иных спецсредств на Ближний Восток»: если во фрагменте

статьи «Недели новостей» — это фирма «Марципан» (<...> *фирма «Марципан», сотрудничая с египетским бизнесменом Нахером Бобраком, якобы занималась поставками противогазов и иных спецсредств на Ближний Восток.*), то в публикации сайта pered_prochtenijem_szhech.ru — Бобрак и Жуков. (*Также Бобраком и Жуковым были организованы поставки противогазов в Кувейт (авиарейсы на военных самолётах АН-12), продажа самолёта Ан-32 в Судан для использования его как бомбардировщика (продажа через Украину), поставка танковых траков из Словакии в Сирию.*) Изменено и количество самолетов, задержанных в Шереметьево: в статье «Недели новостей» — один самолет, а в публикации сайта pered_prochtenijem_szhech.ru — два самолета.

В-третьих, из табл. 3 видно, что количество событий, связанных с деятельностью Жукова и Бобрака и описываемых в публикации сайта pered_prochtenijem_szhech.ru, существенно больше, чем в анализируемом фрагменте статьи газеты «Неделя новостей».

Несмотря на некоторые различия в описании событий в исследуемых текстах, выявленные факты позволяют предположить, что в качестве источника для написания приведенного фрагмента статьи газеты «Неделя новостей» могла послужить публикация на сайте pered_prochtenijem_szhech.ru. Имеются, однако, и другие факты, более определенно говорящие о заимствовании информации с указанного сайта.

При установлении смысловой связи между фрагментом статьи из газеты «Неделя новостей» и публикацией сайта pered_prochtenijem_szhech.ru следует учитывать также фразу *В прессе были опубликованы данные из двухтомного дела оперативной разработки на бывшего заместителя министра пропаганды Л. Жукова* из фрагмента статьи «Неделя новостей». Явное указание на заимствование информации из другого источника и совпадение количества томов дела оперативной разработки с тем, которое сообщается в интернетовской публикации (*А сейчас в нашем распоряжении оказались копии нескольких страниц из двухтомного Дела оперативной разработки (ДОР) на Жукова.*) позволяет существенно подкрепить высказанную ранее гипотезу, сделав вывод о том, что с высокой вероятностью информация из интернетовской публикации с сайта pered_prochtenijem_szhech.ru была использована при написании фрагмента статьи газеты «Неделя новостей».

§ 6. Дискурс, речевой жанр

Термин «дискурс», несмотря на его широкое употребление в современной лингвистике (а может быть, и благодаря этому), не имеет общепринятого определения и интерпретируется по-разному — в зависимости от научной школы и личных пристрастий исследователя. Чаще всего дискурс понимается как текст, взятый в его динамическом развитии, т.е. с учетом последовательности появления его фрагментов (речевых высказываний). При этом принимаются во внимание и различные социальные факторы, влияющие на формирование текста, коммуникативные цели участников, роль третьих лиц и т.д. Такое понимание дискурса во многом близко категории «речевой деятельности» (langage), введенной Ф. де Соссюром¹³⁹. В наиболее очевидной форме такая интерпретация дискурса представлена в работах Э. Бенвениста.

Второе наиболее часто используемое понимание дискурса связано с традицией постструктурализма и прежде всего с именем М. Фуко [Foucault 1971]. Оно также основывается на представлении о динамическом аспекте функционирования языка/текста, однако существенно большее внимание обращается на то, что образует дискурс как таковой — на принятые способы рассуждения о чем-л., т.е. на дискурсивные практики. Объектом исследования в этом случае оказываются как наборы дискурсивных практик, так и типы дискурсов, определяемые этими практиками.

Заметим, что М. Фуко понимал под дискурсивной практикой именно освященный соответствующей традицией и принятый в данном сообществе способ рассуждения о чем-л. и исследования чего-л. Иными словами, в работах М. Фуко речь идет преимущественно о когнитивной стороне дискурса, а отнюдь не языковой. Понятно, что у дискурсивных практик имеется и собственно языковая сторона. С языковой точки зрения **дискурсивные практики** предстают как тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла (вариативных интерпрета-

¹³⁹ Часто упускается из виду, что Ф. де Соссюр ввел не бинарное противопоставление «язык — речь», а тернарное: «язык — речь — речевая деятельность».

ций действительности¹⁴⁰). Характерный пример дискурсивной практики лексического уровня в политических языках бывшей ГДР и ФРГ — лексические замены типа *DDR* → *Zone* → *Sovietzone*. Иными словами, практика использования в политической коммуникации слова *DDR* или, наоборот, слов *Zone*, *Sovietzone* формировала соответствующий дискурс, превращала его в реальный феномен речи.

К числу дискурсивных практик относятся, например, принятые в данной социальной группе, формирующей свой дискурс, способы номинации участников коммуникации и третьих лиц. Так, дискурс Митьков характеризуется подчеркнутой дружеской симпатией ко всем людям. Соответственно, участники беседы и другие лица называются *братушками*, *сестренками*, а малознакомые или совсем незнакомые люди — исключительно уменьшительными именами. При столкновении в беседе различных дискурсивных практик — стандартной и митьковской — возникают коммуникативные неудачи, которые, впрочем, часто специально порождаются с игровыми и другими целями¹⁴¹.

¹⁴⁰ См. подробнее: *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемике // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989; *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2000. С. 213 и далее.

¹⁴¹ Ср. пример диалога Митька (Д. Шагин) и не-Митька (А. Флоренский), в котором реализуются различные дискурсивные практики, что приводит к коммуникативной неудаче (специфические митьковские дискурсивные практики номинации выделены полужирным шрифтом): «ФЛОРЕНСКИЙ (снимая трубку): Слушаю. ШАГИН (после долгой паузы и нечленораздельного хрипа, горестно и неуверенно): ...**Шурка?**.. **Шурочек**... ФЛОРЕНСКИЙ: Здравствуй! Митя. ШАГИН (ласково): **Шуреночек**... **Шурка**... А-а-а... (после паузы, с тревогой) Как ты? Ну, как ты там?!! ФЛОРЕНСКИЙ: Ничего, вот Кузя ко мне зашел. ШАГИН (с неизъяснимой нежностью к малознакомому ему Кузе): Кузя!.. **Кузюньчик**... **Кузярушка** у тебя там сидит... (пауза) С **Кузенькой** сидите? ФЛОРЕНСКИЙ (с раздражением): Да. ШАГИН: А-а-а... Оттягиваетесь, значит, значит, с **Кузенькой**, да? (Пауза. Неожиданно с надрывом) А **сестренка**? **Сестренка-то** где моя?! ФЛОРЕНСКИЙ (с некоторой неприязнью, догадываясь, что имеется в виду его жена, Ольга Флоренская): Какая сестренка? ШАГИН: Одна у меня **сестренка** — Оленька... ФЛОРЕНСКИЙ: Оля на работе. <...> Митя, ты чего звонишь-то? ШАГИН: Дык! Елы-палы...

Дискурсивные практики, естественно, находят отражение в частоте употребления соответствующих явлений фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня. Таким образом, **дискурс** с собственно языковой точки зрения можно определить как совокупность дискурсивных практик, принятых или официально разрешенных в коммуникации между говорящими в конкретной практической сфере деятельности или при обсуждении какой-то темы¹⁴².

Близкие дискурсу собственно лингвистические категории — это понятия идиостиля и речевого жанра. **Идиостиль** — это совокупность дискурсивных практик, присущих конкретному автору текста. Понятно, что идиостиль является одним из важнейших объектов исследования языка художественной литературы, структурной поэтики и т.д. **Речевой жанр** с точки зрения дискурса в рассматриваемом понимании — это сценарий (алгоритм) использования дискурсивных практик при выражении соответствующего содержания, т.е. в жанре дискурсивные практики предстают не как неструктурированное множество, а как структура, фиксированная последовательность и связываются с конкретным коммуникативным намерением. В рамках стилистики речевые жанры формируют функциональные стили. К речевым жанрам научного стиля относятся, например, лекция/доклад, обзор, реферат. Речевыми жанрами официально-делового стиля являются постановление, резолюция, протокол допроса, заявление, объяснительная записка. Специфическим речевым жанром разговорного языка можно считать анекдот.

В некоторых типах дискурса речевые практики ограничены и закреплены институционально — в виде законов, постановлений или жестко действующих неформальных соглашений

Дык! Елы-палы... Дык! Елы-палы... ФЛОРЕНСКИЙ (с раздражением): Митя, ну хватит тебе. ШАГИН (ласково, укоризненно): **Шуренок**, елки-палки... **Дурилка** ты... ФЛОРЕНСКИЙ (с нескрываемым раздражением): Хватит! ШАГИН (с надрывом): **Шурка! Браток!** Ведь ты мне **браток, братушка!** Как же ты так?.. С **братком** своим?! (Флоренский в сердцах бросает трубку. Дмитрий Шагин глубоко удовлетворен разговором)». *Шинкарев В.Н.* Митьки. М., 1990. С. 15–18.

¹⁴² Такое понимание дискурсивной практики и дискурса представлено, напр., в: *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2000. С. 246.

между участниками. Институциональный аспект дискурса — как формальный, так и существующий в виде неформальных соглашений — оказывается существенным для многих экспертов текста. Например, ст. 5 Федерального закона «О рекламе»¹⁴³ определяет общую форму рекламного дискурса — реклама должна быть распознаваема как таковая без привлечения специальных знаний, рекламные сообщения формулируются на русском языке (или других языках РФ). Налагаются ограничения на спектр коммуникативных намерений рекламного сообщения: реклама не должна побуждать к насилию, агрессии и т.д. Статьи 6, 7, 8, 9 и 10 запрещают соответственно недобросовестную, недостоверную, неэтичную, заведомо ложную и скрытую рекламу. Это типичный пример законодательного ограничения практик дискурса — в данном случае рекламного.

Статья 30 Федерального закона «О рекламе» определяет ответственность рекламодателя, производителя и распространителя рекламы. Согласно этой статье, «реklamодатель несет ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе в части содержания информации, предоставляемой для создания рекламы». Эта статья часто используется средствами массовой информации для того, чтобы избежать исков при публикации конфликтных материалов. В этом случае потенциально опасная статья помещается под рубрикой «На правах рекламы». Действительно, такая формула предусмотрена статьей п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»:

Использование в радио-, теле-, видео-, аудио— и кинопродукции, а также в печатной продукции нерекламного характера целенаправленного обращения внимания потребителей рекламы на конкретную марку (модель, артикул) товара либо на изготовителя, исполнителя, продавца для формирования и поддержания интереса к ним без надлежащего предварительного сообщения об этом (в частности, путем пометки «на правах рекламы») не допускается.

Очевидно, однако, что в приведенном фрагменте закона речь идет о скрытой рекламе, т.е. о случаях, когда в печатном издании появляется так называемая «джинса»: например, ге-

¹⁴³ Федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» (с изменениями от 18 июня, 14 декабря, 30 декабря 2001 г.).

рои рассказа постоянно кушают «Актимель», смотрят телевизор «Рубин» или пьют водку «Гжелка»¹⁴⁴. Публикация под рубрикой «На правах рекламы» проблемных статей противоречит закону, поскольку такие тексты нельзя отнести к рекламе по институциональным, коммуникативным и языковым основаниям. Рассмотрим пример такого рода.

6.1. Пример: определение дискурсивного статуса текста¹⁴⁵

Суть дела такова. В газете «Время новостей» от № 152 от 25 августа 2004 г. появилась публикация под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!», представляющая собой обращение коллектива рабочих ОАО «Волга» к Президенту РФ с просьбой разобраться в конфликтной ситуации, сложившейся на этом предприятии. Это письмо помещено под рубрикой «ПОЗИЦИЯ», а в конце газеты сделано примечание, что все материалы под рубрикой «ПОЗИЦИЯ» публикуются на правах рекламы. Лица, упоминаемые в этом письме, обратились в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. В качестве ответчика привлекалась редакция газеты «Время новостей» и издательский дом «Время». Понятно, однако, что если спорная публикация является рекламой, то ни редакция, ни издательский дом в силу ст. 30 ФЗ «О рекламе» не несут ответственности за содержание текста письма. Тем самым возникает вопрос: может ли рассматриваться как реклама спорная статья? Именно он и был поставлен в ходе лингвистической исследования текста и положен в основу заключения специалистов¹⁴⁶.

¹⁴⁴ В классическом варианте «джинса», или product placement, появилась в начале XX в. В американском сериале 30-х годов про моряка Папайя последний в огромных количествах — к месту и не к месту — поедает шпинат. После сериала продажи консервированного шпината выросли в несколько раз.

¹⁴⁵ В примере использованы материалы лингвистического заключения, написанного автором совместно с Ю.К. Пироговой.

¹⁴⁶ Заметим, что здесь имеется еще одна важная проблема — текст спорной публикации помещен под рубрикой «ПОЗИЦИЯ», что предполагает выражение мнения. Означает ли это, что все речевые высказывания данной публикации следует квалифицировать как мнение? См. по этому поводу § 4 главы 1.

Реклама представляет собой особый тип дискурса, определяемый с коммуникативной точки зрения специфическими коммуникативными намерениями отправителя рекламного сообщения: побуждением адресата купить некоторый товар или некоторую услугу (коммерческая реклама), проголосовать за некоторого политического лидера или политическую организацию (политическая реклама), изменить свое поведение или привычки (социальная реклама), сформировать или сохранить позитивное отношение к некоторому лицу, политическому или хозяйствующему субъекту (имиджевая или политическая реклама). С языковой точки зрения рекламе как особому дискурсу свойствен набор стандартных средств выражения определенных смыслов (дискурсивных практик), а также жанровых средств. Наконец, с институциональной точки зрения, реклама как вид практической деятельности человека ограничена законодательством о рекламе, основу которого составляет федеральный закон «О рекламе». Рассмотрим с указанных точек зрения — институциональной, коммуникативной и языковой — текст публикации под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!» («Время новостей», № 152 от 25 августа 2004)¹⁴⁷.

Институциональный аспект. В статье 2 Федерального закона «О рекламе» реклама определяется как «распространяемая в любой форме, с помощью любых средств информация о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях (рекламная информация), которая предназначена для неопределенного круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствовать реализации товаров, идей и начинаний». Анализ представленной публикации показывает, что прямой адресат этого текста — Президент Российской Федерации В. Путин. На это указывают следующие фрагменты статьи:

1. адресация письма — *Президенту Российской Федерации В. Путину*
2. обращение в начале письма — *УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ!*

¹⁴⁷ Полностью текст спорной статьи приведен в Приложении 1.

3. обращение в конце письма — *Мы обращаемся к Вам, Владимир Владимирович, как к гаранту стабильности в обществе, с целью привлечь Ваше внимание <...>*
4. обращение в просьбе — *Мы просим Вас разобраться в ситуации и защитить права простых тружеников — граждан России.*

Таким образом, исследуемый текст по характеру обращения и его языкового оформления представляет собой письмо-жалобу, адресованное одному человеку — Президенту РФ. Между тем из определения, данного в ст. 2 ФЗ «О рекламе», следует, что реклама предназначена для неопределенного круга лиц¹⁴⁸.

Для формального исследования соответствия текста спорной статьи представляет интерес также уже приводившийся фрагмент п. 1 ст. 5 ФЗ «О рекламе»:

Использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции, а также в печатной продукции нерекламного характера целенаправленного обращения внимания потребителей рекламы на конкретную марку (модель, артикул) товара либо на изготовителя, исполнителя, продавца для формирования и поддержания интереса к ним без надлежащего предварительного сообщения об этом (в частности, путем пометки «на правах рекламы») не допускается.

Перед нами противоположный случай в том смысле, что исследуемый текст помещается под рубрикой «ПОЗИЦИЯ»,

¹⁴⁸ «Неперсонифицированность» рекламы, обращение рекламного текста к неопределенному кругу лиц (хотя иногда и ограниченному референтной группой — домохозяйки, пенсионеры, состоятельные люди) отмечается как важнейшее свойство рекламы в большинстве изданий по теории и практике рекламы и маркетингу. Ср. характерные цитаты: «Реклама представляет собой неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации, с четко указанным источником финансирования». *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М., 1996. С. 473; «Реклама — это любая платная форма неличного представления и продвижения идей, товаров и услуг определенным рекламодателем среди целевой аудитории, осуществляемая преимущественно через средства массовой информации». *Бернет Дж, Моррарти С.* Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход». СПб., 2001. С. 359.

при этом в газете отмечено, что статьи под этой рубрикой «публикуются на правах рекламы». Иными словами, читатель должен ожидать, что хотя публикуется текст, отличающийся по форме от стандартного рекламного текста, тем не менее его цель состоит в том, чтобы в рамках жанра очерка, интервью, заметки, статьи, обозрения и т.д. (т.е., преимущественно, «нерекламных жанровых форм») обратить внимание адресата на товар или услугу, на изготовителя и/или продавца товара или для того, чтобы соответствующая услуга была востребована, а товар куплен. Очевидно, однако, что в тексте исследуемой статьи такая цель отсутствует. Если и обращается внимание на трудовой коллектив, то в связи с заявляемыми просьбами Президенту РФ. Таким образом, данный текст нельзя рассматривать и как пример использования необычного для рекламы жанра в функции рекламы.

Закон «О рекламе» определяет не только адресата рекламы, но и содержание рекламного текста. Конституционный суд РФ в своем постановлении толкует содержание упоминавшейся ст. 2 следующим образом: «...Реклама рассматривается законодателем как средство продвижения товаров, работ и услуг на общий рынок Российской Федерации и, следовательно, призвана содействовать формированию единого экономического пространства»¹⁴⁹. Исследование текста спорной публикации показывает, что в ней не продвигаются ни товары, ни работы, ни услуги на общий рынок РФ.

Институциональный аспект рекламной коммуникации определяет также и особенности восприятия рекламы: п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе» говорит о том, что «Реклама должна быть распознаваема без специальных знаний или без применения технических средств именно как реклама непосредственно в момент ее представления независимо от формы или от используемого средства распространения». Очевидно, что это условие в рассматриваемом случае не выполняется. Текст под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!» не воспринимается как реклама, поскольку имеет все характерные особенности жанра «открытого письма» — см. ниже.

¹⁴⁹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 4 марта 1997 г. № 4-п «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 г. “О рекламе”».

Таким образом, анализ текста статьи под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!» («Время новостей», № 152 от 25 августа 2004 г.) по институциональным основаниям показывает, что данная публикация не является рекламой по следующим причинам. Во-первых, она не может рассматриваться как пример использования необычного для рекламы жанра в функции рекламы, поскольку в ней не ставится задача обратить внимание на марку товара, изготовителя и/или продавца «для формирования и поддержания интереса к ним» (п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»). Во-вторых, в ней не продвигаются ни товары, ни работы, ни услуги на общий рынок РФ. В-третьих, текст исследуемой статьи не распознается непосредственно именно как реклама (п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»). Наконец, в-четвертых, статья адресована конкретному человеку — В.В. Путину — а не неопределенному кругу лиц, как этого требует ФЗ «О рекламе».

Коммуникативный аспект. С точки зрения рекламы как формы общественной коммуникации все множество рекламных текстов может быть разделено на несколько типов, каждый из которых имеет свои особенности построения и набор коммуникативных целей. Основные разграничения — это реклама товаров и услуг, имиджевая (или корпоративная) реклама, социальная реклама, политическая реклама¹⁵⁰.

Анализ семантики текста спорной статьи показывает, что в ней отсутствуют так или иначе выраженные побуждения купить какой-либо товар или воспользоваться какой-либо услугой.

Имиджевая реклама ставит своей целью сформировать в общественном мнении позитивный образ продавца (реального или потенциального) или же поддержать интерес к продавцу. На статус продавца в исследуемом тексте может претендовать только ОАО «Волга». И действительно, один из фрагментов публикации в некотором смысле может претендовать включение в имиджевую рекламу:

¹⁵⁰ См. по этому поводу, напр.: *Бове К., Арнс У.* Современная реклама. Тольятти, 1995; *Картер Г.* Эффективная реклама. М., 1991; *Цвик Л.В.* Реклама как вид журналистики: Учебное пособие. М., 2001; *Музыкант В.Л.* Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике: Учебное пособие. М., 2001.

На сегодняшний день ОАО «Волга» принадлежит около 30% российского производства газетной бумаги. ОАО «Волга» расположено на берегу реки Волги в Балахнинском районе, в 30 км от Нижнего Новгорода. Предприятие имеет почти 80-летнюю историю и является одним из флагманов отрасли.

Однако в последующем изложении позитивный образ ОАО «Волга», сформированный в данном абзаце, разрушается. Ср. последующий текст:

Ситуация резко изменилась с приходом на ОАО «Волга» в феврале этого года нового хозяина. <...> Градус напряженности на ОАО «Волга» в данный момент достиг предела, и возникновение волнений на предприятии может крайне неблагоприятно сказаться на социальной обстановке в целом районе. ОАО «Волга» исторически является градообразующим предприятием, поэтому нестабильная обстановка здесь несет угрозу масштабного социального кризиса, а также опасность падения доверия к социальной политике государства. <...> Мы обращаемся к Вам, Владимир Владимирович, как к гаранту стабильности в обществе, с целью привлечь Ваше внимание к кризисной ситуации, сложившейся на некогда благополучном и перспективном предприятии по вине недобросовестного отношения руководства ОАО «Волга» к таким понятиям, как нормы Трудового кодекса РФ, конституционные права по отношению к трудовому коллективу.

Разрушение положительного образа ОАО «Волга» исследуемом тексте показывает, что он не может рассматриваться и как имиджевая реклама.

Согласно п. 1 ст. 18. Федерального закона «О рекламе» социальная реклама «представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей». Исследование спорной публикации показывает, что в ней идет речь не о благотворительности, а о конфликте какой-то части сотрудников ОАО «Волга» с руководством этого предприятия, причем основная коммуникативная направленность текста — обращение к Президенту РФ с просьбой разрешить этот конфликт. Таким образом, исследуемая публикация не является социальной рекламой.

Анализ спорного текста позволяет утверждать, что данное письмо не может быть отнесено и к политической рекламе. Дело в том, что ни само предприятие ОАО «Волга», ни его руководство, ни его трудовой коллектив, определенный имидж которых создается в данном письме, не идентифицируются как уже сформировавшиеся политические субъекты (политики, политические партии, политические блоки) или как политические субъекты, заявляющие о себе как об участниках политического процесса. Не идет речь в исследуемой публикации и о предвыборной конкуренции в политической борьбе. Между тем политическая реклама невозможна без политических субъектов и вне ситуаций выборов, референдумов и иных форм политической конкуренции, проявляющихся в коммуникативной цели политической рекламы: побудить адресата (общество или его часть) **выступить (в частном случае голосовать) за или против определенного политического субъекта, действий, осуществляемых политическим субъектом, его политической программы и т.д.** Эти признаки политической рекламы упоминаются в большинстве определений этого феномена: «Политики используют рекламу для побуждения людей голосовать только за них, поэтому она представляет собой важную часть политического процесса в Соединенных Штатах и других демократических странах, где допускается реклама кандидатов на выборные посты»¹⁵¹.

Основное коммуникативное намерение авторов данного письма — просьба, адресованная лично Президенту РФ, что, как было показано выше, не может быть расценено как реклама. Размещение данного письма в газете, т.е. средстве массовой информации, означает, что его авторы стремятся информировать о нем читателей газеты. Однако очевидно, что читатели газеты не рассматриваются авторами письма как те, кто

¹⁵¹ Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 2003. С. 36. Ср. также характерное утверждение: «Политическая реклама представляет собой коммуникацию, осуществляемую через различные каналы ССМК (системы средств массовой коммуникации) с целью влияния на установку людей в отношении политических субъектов (политиков, партий, блоков) и объектов (программ, политических событий и резолюций)». Музыкант В.Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике: Учебное пособие. М., 2001. С. 310.

выполняют их просьбу, не их побуждают к действию. Действительно, в письме отсутствует какое-либо обращение к читателям, им не предлагается ответным письмом или каким-либо действием выразить свою реакцию на поднятую проблему и способствовать ее разрешению (просьба о таком действии адресована непосредственно В.В. Путину, а не читателям газеты). Более того, в газетной публикации отсутствует какая-либо информация, необходимая для поддержания обратной связи читателей газеты с авторами данного письма или ОАО «Волга».

Разумеется, косвенное послание читателям газеты есть: они рассматриваются как представители общественности. В этом смысле публикация письма является актом политическим, но не актом политической рекламы¹⁵².

Тем самым читатели газетной публикации не рассматриваются как субъекты описанной в письме проблемной ситуации, однако сама проблемная ситуация рассматривается авторами как заслуживающая общественного внимания (например, наряду с новостями о развитии промышленности из разных регионов России). Заметим, что в норме (за исключением, пожалуй, имиджевой и отчасти социальной рекламы) адресаты рекламы рассматриваются как активно действующие субъекты и одна из основных задач рекламы — побудить их к нужному действию (покупке товара или услуги, голосованию на выборах, изменению поведения или привычек).

Таким образом, ни трудовой коллектив ОАО «Волга», ни упоминающиеся в публикации лица, кроме Президента РФ, не являются политическими субъектами, а в самой статье не обнаруживается коммуникативное намерение политической рекламы: побудить адресата голосовать за или против какого-то политического субъекта или его действий, программ и т.д. Отметим еще раз, что Президент РФ выступает здесь как адресат открытого письма, но не может рассматриваться как адресат рекламы, поскольку является конкретным лицом.

Из сказанного следует, что текст спорной статьи не может быть отнесен ни к одному из основных типов рекламы — ни к

¹⁵² Роль третьих лиц в естественно-языковой коммуникации требует серьезного изучения. Некоторые соображения по этому поводу можно обнаружить в статье *Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

рекламе товаров и услуг, ни к имиджевой рекламе, ни к социальной рекламе, ни к политической рекламе.

Языковой аспект. Реклама с языковой точки зрения характеризуется устойчивыми наборами дискурсивных практик — принятых способов называния товаров и услуг. Однако это не простая совокупность дискурсивных практик, а определенным образом упорядоченная совокупность. Иными словами, это жанр (включающий в себя несколько частных жанров), который задает правила построения рекламы и рекламного текста, признаваемые в данном языковом сообществе. Тем самым жанр, с одной стороны, определяет порядок изложения содержания, а с другой — те языковые формы, в которых описывается это содержание. Жанр — это одновременно и концептуальная, и композиционная структура. Как отмечается в исследованиях по рекламе, «главная задача всех рекламных жанров — довести до совершенства процесс имиджирования, выгодного предложения достоинств продукта или человека»¹⁵³. Очевидно, что в анализируемом открытом письме не создается позитивный имидж ни одного из обсуждаемых субъектов или объектов: ни предприятия ОАО «Волга», ни его продукции, ни действующего руководства.

Создание негативного образа возможно в негативной политической рекламе и в социальной рекламе. Однако, как уже было показано выше, рассматриваемая публикация не включена в процесс политической борьбы и в ней отсутствует коммуникативное намерение повлиять на электоральное поведение и электоральные предпочтения. Проще говоря, в ней нет призыва не голосовать за определенного политика или осудить его действия, а лица, деятельность которых оценивается отрицательно, не являются политиками. Создание негативного образа может использоваться как способ предостережения в социальной рекламе, преследующей благотворительные цели (ср., например, использование образного ряда заболевших СПИДОМ в рекламе, направленной против этой болезни), однако в рассматриваемой публикации благотворительных целей не обнаруживается.

Существенно также то, что реклама как жанр требует специфической композиции: печатное рекламное сообщение тра-

¹⁵³ *Музыкант В.Л.* Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике: Учебное пособие. М., 2001. С. 207.

диционно включает справочные данные (нередко они называются рекламными реквизитами): адрес, телефон, факс, электронную почту, сайт и т.п. В данном сообщении они полностью отсутствуют. Тем самым с коммуникативной точки зрения отсутствуют важнейшие информационные элементы (рекламные реквизиты), призванные идентифицировать рекламодателя и помочь адресатам совершить ответное действие.

С другой стороны, с жанровой точки зрения анализируемый текст представляет собой типичный пример жанра открытого письма, характерного приема социально ориентированной коммуникации и журналистики. Для открытого письма характерны следующие черты:

- 1) публичность письма — его распространение через средства массовой информации;
- 2) в качестве адресата письма выступает политический субъект — политик, политическая организация, обобщенный политический субъект или просто общественно значимое лицо;
- 3) в качестве автора письма выступает политический субъект — политик, политическая организация, обобщенный социальный субъект или просто общественно значимое лицо;
- 4) коммуникативная цель — призыв автора письма к адресату;
- 5) письмо рассматривается как общественно значимый акт.

Очевидно, что все указанные свойства в рассматриваемом случае выполняются: 1) текст под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!» опубликован в газете «Время новостей»; 2) адресат письма — Президент РФ; 3) автор текста — обобщенный социальный субъект (трудовой коллектив ОАО «Волга»); 4) коммуникативная цель письма — призыв вмешаться в конфликт; 5) письмо рассматривается как общественно значимый акт, способствующий сохранению социальной стабильности (*это единственный способ сохранить оказавшуюся под угрозой социальную и экономическую стабильность в Балахнинском районе Нижегородской области*).

Анализ показал, что по жанровым характеристикам исследуемый текст должен быть отнесен к известному в журналист-

тике типу открытого письма. При этом в нем отсутствует целый ряд содержательных характеристик, типичных для рекламных жанров: а) не создается положительный имидж обсуждаемых субъектов и объектов; б) создание негативного имиджа если и происходит, то не в контексте политической электоральной ситуации или как средства предостережения в социальной рекламе; в) с точки зрения формальных требований к композиции отсутствуют рекламные реквизиты, призванные точно идентифицировать рекламодателя и помочь адресатам совершить ответное действие, прямое или косвенное побуждение к которому содержится в рекламе.

Таким образом, статья под заголовком «Уважаемый Владимир Владимирович!», опубликованная в газете «Время новостей» от № 152 от 25 августа 2004 г., **не может рассматриваться как реклама по институциональным, коммуникативным и языковым основаниям.**

Резюмируя, можно сказать следующее. С **институциональной** точки зрения данная публикация не является рекламой по следующим причинам. Во-первых, она адресована не неопределенному кругу лиц (ст. 2 Федерального закона «О рекламе»), а конкретному лицу — Президенту РФ. Во-вторых, она не может рассматриваться как пример использования необычного для рекламы жанра в функции рекламы, поскольку в ней не ставится задача обратить внимание на марку товара, изготовителя и/или продавца «для формирования и поддержания интереса к ним» (п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»). В-третьих, в ней не продвигаются ни товары, ни работы, ни услуги на общий рынок РФ. И наконец, в-четвертых, текст исследуемой статьи не распознается непосредственно именно как реклама (п. 1 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»).

С **коммуникативной** точки зрения текст спорной статьи не может быть отнесен ни к одному из основных типов рекламы — ни к рекламе товаров и услуг, ни к имиджевой рекламе, ни к социальной рекламе, ни к политической рекламе.

С **языковой** точки зрения по жанровым характеристикам исследуемый текст должен быть отнесен к известному в журналистике типу открытого письма. При этом в нем отсутствует целый ряд содержательных характеристик, типичных для рекламных жанров: а) не создается положительный имидж обсуждаемых субъектов и объектов; б) создание негативного

имиджа если и происходит, то не в контексте политической электоральной ситуации или как средства предостережения в социальной рекламе; в) с точки зрения формальных требований к композиции отсутствуют рекламные реквизиты, призванные точно идентифицировать рекламодателя и помочь адресатам совершить ответное действие, прямое или косвенное побуждение к которому содержится в рекламе.

6.2. Речевой жанр жалобы в делах о защите чести и достоинства

Речевой жанр жалобы регламентирован в законодательстве совершенно в ином смысле, чем в только что рассмотренном примере. В п. 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указывается, что нельзя использовать в качестве основания для привлечения к ответственности по ст. 152 ГК РФ обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления, если даже в этих обращениях содержатся негативные сведения, не получившие в дальнейшем подтверждения:

Статьей 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан направлять личные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны рассматривать эти обращения, принимать по ним решения и давать мотивированный ответ в установленный законом срок.

Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда гражданин обращается в названные органы с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в указанном случае имела место реализация

гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений.

С лингвистической точки зрения в приведенном фрагменте Постановления описывается несколько речевых жанров, тексты которых не подпадают под ст. 152 ГК РФ. В явном виде в постановлении сказано, что к числу обращений такого рода относятся предупреждения о совершенных или готовящихся преступлениях. Очевидно, что жанр доноса в значительной мере попадает в эту группу обращений, ср. словарное толкование доноса как 'тайного сообщения властям, начальству, содержащее обвинение кого-л. в чем-л.'¹⁵⁴. Впрочем, в постановлении форма обращения — явное или тайное — не оговорена. Менее очевидно отнесение к обращениям указанного типа жалоб.

Семантика жалобы может описываться с трех сторон — как значение слова *жалоба*, как речевой акт и как речевой жанр. Нас интересует преимущественно второй и третий аспекты жалобы. Тем не менее очевидно, что частично словарная ипостась жалобы повторяется в ее свойствах как речевого акта и речевого жанра. В словарях слово *жалоба* толкуется следующим образом:

ЖАЛОБА 1. Выражение неудовольствия по поводу чего-н. неприятного, страдания, боли. *Горькая ж. Жалобы на одиночество.* **2.** Официальное заявление с просьбой об устранении какого-н. беспорядка, несправедливости. *Подать жалобу на кого-н. Кассационная ж. Книга жалоб*¹⁵⁵.

ЖАЛОБА 1. Выражение неудовольствия, печали, сетование по поводу неприятностей, боли и т.п. *Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие.* Лермонтов, Бэла. *Разговор обыкновенно начинался жалобой Глафиры Львовны на свое здоровье и*

¹⁵⁴ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

¹⁵⁵ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

на бессонницу. Герцен, Кто виноват? 2. Официальное заявление о незаконном или неправильном действии какого-л. лица, учреждения, организации. *Кассационная жалоба. Рассмотреть жалобу. Кузьма Васильевич подал жалобу по форме; началось дело. Тургенев, История лейтенанта Ергунова*¹⁵⁶.

По толкованиям и приводимым примерам хорошо видно, что первое значение — это описание речевого акта жалобы, связанного с ‘вербальным выражением отрицательных эмоций, мотивированных какими-то негативными факторами, целью которого является, по большей части, снижение силы воздействия этих факторов на эмоциональную сферу с помощью вербализации эмоции и поиск сочувствия у собеседника’. Действительно, жалобы на судьбу, на старость, на плохую погоду, на плохое самочувствие вовсе не предполагают обязательной ответной реакции в виде помощи со стороны адресата, да и омолодить человека, изменить ему судьбу, отменить холода и сделать лето из дождливой осени не представляется возможным. Ср. характерные контексты: *Ведь мы любим пожаловаться на боль — она вроде даже слабеет от жалоб.* В. Конецкий. Вчерашние заботы; <...> *среди левых насмешек и брюзжания, и жалоб на объём книги <...> встретил немало и понимания.* А. Солженицын. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов; *Это жалкое существо, покрытое язвами, как Иов, полуразжившееся, мучимое всеми известными и неизвестными болезнями <...> вывалилось в коридор, огласило институт серией нечленораздельных жалоб и издохло.* А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу. Дальнейшее развитие обсуждаемого значения слова *жалоба* прослеживается в контекстах, в которых вербальная, языковая часть жалобы исчезает, остается только выражение голой эмоции: *«У-а, у-а!» — говорила собака. Жалоба переходила в тихий визг, и все окончательно затихало.* О. Куваев. Территория

Невозможность реальной помощи жалобщику вовсе не означает, что ответная речевая реакция, например, в форме сочувствия исключена. Другое дело, что и жалобщик, и сочувствующий понимают, что радикально изменить ситуацию не-

¹⁵⁶ См.: *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.*

возможно: *Был терпелив. Всегда выслушивал долгие жалобы и стенания Ольги, но ничего не отвечал, только сочувственно кивал, наливая ей чашку кофею или предлагая рюмку коньяку.* Корпус публицистики.

Такое употребление слова *жалоба* во многом схоже с семантикой слова *стенания*. Оно часто передается речевыми формулами типа *Старость не радость!* Назовем это значение обсуждаемого слова *жалобой*₁. Поскольку *жалоба*₁ не является обращением куда бы то ни было, тем более в официальные органы, и более того — необязательно требует реальной помощи, то не эта жалоба имеется в виду в обсуждаемом фрагменте текста постановления.

Второе значение слова *жалоба*, как это ни удивительно, в толковых словарях адекватно не отражено. Это нечто среднее между официальной жалобой и жалобой₁. М.Я. Гловинская предлагает следующее толкование для контекстов этого типа: жаловаться = ‘сообщать какому-то лицу, наделённому ответственностью, о нежелательных поступках третьего лица или ненормальных ситуациях, чтобы адресат наказал это лицо или исправил положение’¹⁵⁷. Соответственно, существительное *жалоба*, образованное из глагола *жаловаться* в данном значении, будет толковаться как ‘сообщение какому-то лицу, наделённому ответственностью, и т.д.’. Назовем это значение *жалоба*₂. Ср. контексты следующего типа:

Оставшиеся вещи он просто стянул ремнем. И тогда Катя снова побежала звонить — теперь уже своей матери. Зинаида Ивановна терпеть не могла ее **жалоб**, всегда становилась на сторону Башмакова и, в отличие от Людмилы Константиновны, считала, что мужа лучше переласкать, чем недоласкать. Поэтому Катя обычно жаловалась отцу. *Ю. Поляков. Замыслил я побег...*

Молодая семья стала разваливаться, кто прав, кто виноват — не разберешься, Иван бросал смутные намеки о неверности супруги, гораздо больше основания имела для **жалоб** Жозефина, обладавшая отдельным каналом связи и нытьем досаждавшая своим московским товарищам по борьбе. А они уже поговаривали

¹⁵⁷ Словарная статья глагола *жаловаться*₂ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. первый. М., 1997. С. 102.

о том, что не пора ли на парткоме обсудить нездоровую обстановку в семье сослуживца. *А. Азольский. Монахи.*

Боря. <...> Вовочка, есть какие жалобы? **Вова.** Нет... на здоровье **жалоб** никаких... Только я домой очень хочу... Там сейчас медуницы цветут... конец апреля... *Вен. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора.*

В отличие от первого значения, *жалоба*₂ предполагает какую-то реакцию адресата, более того, жалующийся предполагает, что собеседник в состоянии ему так или иначе помочь.

Наконец, выделяется и официальная жалоба, точнее, жалоба в официальную инстанцию — *жалоба*₃, — именно она толкуется как второе значение в Малом академическом словаре и словаре Ожегова и Шведовой: ‘Официальное заявление с просьбой об устранении какого-н. беспорядка, несправедливости’.¹⁵⁸ Ср. следующие контексты:

Софья Александровна поднималась, становилась к прилавку. Она пыталась как-то уговаривать клиентов, но те и слышать не хотели, скандалили еще яростнее, ругались, в книге **жалоб** писали не только о плохом качестве, но и о грубости и невнимательности персонала. *А. Рыбаков. Страх.*

Лучшие адвокаты обычно обладают хорошими литературными навыками (это сказывается на уровне составленных ими исковых заявлений, ходатайств, **жалоб**), сильны в логике, в психологии, в ораторском искусстве... *Корпус публицистики.*

В **жалобе** защиты в Верховный суд РФ, в частности, указывалось на то, что 6 апреля 2004 г суд, в нарушение закона, определил Лебедеву П.Л. меру пресечения в виде заключения по стражу. *Корпус публицистики.*

В толковании опущен адресат жалобы, что для жалобы в официальную инстанцию очень существенно. В скрытой форме адресат представлен в прилагательном *официальный* — ‘официальное заявление’. Кроме того, *жалоба* в рассматриваемом понимании часто указывает на вред, нанесенный жалобщику, и часто предусматривает наказание виновного и компенсацию

¹⁵⁸ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

нанесенного вреда. Следовательно, жалобу в третьем значении можно определить следующим образом:

*Жалоба*₃ — ‘официальное заявление о нарушениях тех или иных норм законодательства или правил жизни общества, относящихся к сфере общественного договора, нанесших вред жалобщику, с указанием лица (физического или юридического), несущего ответственность за нарушения (если таковое имеется), которое адресовано государственной инстанции (чиновнику, государственному учреждению, органам местного самоуправления) и содержит просьбу к этой инстанции устранить нарушения и/или наказать виновных (если таковые имеются) и/или компенсировать нанесенный вред’.

В принципе, толкование, предложенное М.Я. Гловинской для второго значения обсуждаемого слова, сформулировано в достаточно общей форме и охватывает *жалобу*₃, однако интуитивно кажется, что *жалоба*₃ описывает четко выделяющийся класс ситуаций и должна толковаться отдельно. Неслучайно, что в толковых словарях это значение выделено как особое.

Возвращаясь к постановлению, отметим, что в нем говорится об обращениях в государственные органы с заявлениями, содержащими те или иные сведения. Из приведенного толкования слова *жалоба*₃ следует, что это тоже заявление в государственные органы — государственные инстанции. Тем самым **п. 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. относится и к официальным жалобам (*жалоба*₃)**. Иными словами, определение жанра спорного текста для дел о защите чести и достоинства часто оказывается решающим фактором при принятии судебного решения.

При определении жанра текста как жалобы требуется учитывать не только семантику слова *жалоба* (*жалоба*₃), но и то, что жалоба представляет собой речевой акт, имеющий свои условия успешности. По своей семантике официальная жалоба (*жалоба*₃) представляет собой вид речевого акта побуждения, который обладает, однако, целым рядом особенностей. Сформулируем на основе проведенного выше анализа основные ус-

ловия успешности речевого акта жалобы в ее официальном варианте:

- **Условие пропозиционального содержания:** описание нарушения тех или иных норм законодательства и/или правил жизни общества, нанесших вред (в широком понимании) жалобщику, и/или описание будущих действий адресата, устраняющих нанесенный вред и/или наказывающего ответственного за этот вред — физическое или юридическое лицо.
- **Подготовительные условия:** 1) имеет место нарушение тех или иных норм законодательства и/или правил жизни общества, относящихся к сфере общественного договора; 2) этими нарушениями жалобщику нанесен вред, ответственность за который может нести физическое или юридическое лицо; 3) адресат институционально уполномочен совершить действия, о которых идет речь; 4) действия, о которых идет речь, не выполнены и желаемое положение дел отсутствует; 5) ни жалобщик, ни адресат жалобы не считают очевидным, что адресат совершит действия без соответствующего речевого акта жалобщика.
- **Условие искренности:** жалобщик действительно хочет, чтобы действия были выполнены, вред компенсирован и/или лицо, несущее ответственность за причинение вреда, наказано.
- **Существенное условие:** производя высказывание, говорящий выражает желание, чтобы адресат совершил в будущем некоторые действия, направленные на возмощную компенсацию причиненного вреда и прекращение нарушения норм законодательства и/или правил жизни общества, относящихся к сфере общественного договора.

Как речевой жанр жалоба характеризуется некоторым набором достаточно устойчивых дискурсивных практик. Если говорить о письменных жалобах, то дискурсивные практики проявляются прежде всего в макроструктуре текста жалобы — в структурных компонентах жалобы. Феномен жалобы с интересующей нас точки зрения исследовался в рамках «истории

повседневности» — прежде всего при изучении быта и нравов советской эпохи¹⁵⁹. Е. Богданова, отмечая исключительную важность этого типа дискурса для общественной коммуникации в советскую эпоху, выделяет следующие структурные компоненты жалобы: обращение, самопрезентация, презентация проблемы, поиск эквивалентов оправдания, презентация виновного¹⁶⁰. Отметим, что нет оснований полагать, что сегодняшние жалобы в официальные инстанции с точки зрения макроструктуры существенно отличаются от советских.

Обращение к адресату нельзя рассматривать как уникальный структурный элемент жалобы. Оно присуще и множеству других документов. Впрочем, формы обращения различны и определяются типом адресата. Ср.: *Глубокоуважаемый Семен Владимирович! Обращаюсь к вам с большой обидой на представителей налоговой инспекции, которые заставляют меня платить налоги за реализацию бензина марки 93; Тов. Косыгин, я обращаюсь к Вам как к руководителю и старшему товарищу, которого уважают более 200 миллионов человек и все трудящиеся мира!* Некоторые типы официальных жалоб вообще не предусматривают обращение как таковое. В них предусматривается простая **адресация** в соответствующую инстанцию: *В Останкинский межмуниципальный районный народный суд ВАО г. Москвы; В Налоговую инспекцию Центрального округа; В Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.*

Самопредставление жалобщика чрезвычайно существенно, поскольку сама жалоба отнюдь не предопределяет положительного решения — это же не военный приказ. Статус жалобщика определял в советскую эпоху и степень внимательности рассмотрения вопроса, и сам результат. Во многом это утверждение справедливо и в нынешнее время. Поэтому стандартные формулы типа *от гражданки СССР, служащей, члена КПСС с 1950 года, проживающей по адресу...* часто заменялись на более развернутые и менее стандартные — *обращаюсь к*

¹⁵⁹ См.: *Богданова Е.* Практика советской жалобы в постсоветской действительности: трансформация и преемственность / Фонд Либеральная миссия // liberal.ru/article_print.asp?Num=333; *Утехин И.* Из наблюдений за поэтикой жалобы // *Studia Ethologica*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004.

¹⁶⁰ *Богданова Е.* Указ. соч.

Вам как старейший сотрудник завода, как персональный пенсионер, как инвалид первой группы, как ветеран ВОВ, как Лауреат государственной премии, как Герой Социалистического Труда. В литературе по данной проблеме представлены и еще менее тривиальные самопредставления, в которых указывается на существование особых отношений между жалобщиком и адресатом жалобы: *К Вам, Алексей Николаевич, я обращаюсь потому, что много лет назад Вы, будучи на строительстве стадиона им. С.М. Кирова в Ленинграде, своими глазами видели выполняемую мною в то время работу. Работал я тогда главным инженером строительства и обходил с Вами стройку*¹⁶¹.

В презентации проблемы жалобщик представляет адресату суть обсуждаемой ситуации — нарушение тех или иных норм, а также нанесенный жалобщику вред. В советский период, характеризовавшийся давлением идеологических установок, дискурсивные практики презентации непосредственно были связаны с идеологическими догмами. В частности, дискурсивная практика генерализации ставила конкретную проблему в контекст общих задач, стоявших перед обществом: *Сервис — служба быта — большое дело. И оно не терпит равнодушных. Сегодня, когда одной из главнейших задач Коммунистической партии является качественное обслуживание советских граждан, равнодушию нет места в службе быта; Борьба за качество продукции — дело большой государственной важности, дело чести коллектива каждого предприятия*¹⁶².

Компонент поиск эквивалентов оправдания характерен, пожалуй, в первую очередь для жалоб советского периода. Дело в том, что жалоба, хотя и была важна для советского руководства как один из немногих видов «обратной связи» с обществом, идеологически рассматривалась как маргинальный, полуполюгальный феномен, поскольку она должна была исчезнуть с исчезновением недостатков в совершенном коммунистическом обществе. Мотивация этого противоречия, оправдание жалобы и составляли суть обсуждаемого компонента. Для оправдания часто использовалась дискурсивная практика апел-

¹⁶¹ Цит. по: *Утехин И.* Указ. соч.

¹⁶² Примеры из: *Богданова Е.* Практика советской жалобы в постсоветской действительности: трансформация и преемственность / Фонд Либеральная миссия // liberal.ru/article_print.asp?Num=333.

ляции к патернализму советского государства: *Пусть государство позаботится о ветеранах труда; Почему государство бросает мать троих детей?*

Наконец, **презентация виновного** в жалобе по большей части сводится к приписыванию ему различных негативных характеристик: халатность, грубость, безответственность и т.д.

При проведении экспертизы текста по его жанру следует определить его характеристики как с точки зрения семантики слова *жалоба* (*жалоба*₃), так и со стороны его прагматических характеристик — наличие речевых актов жалобы, особенности устройства макроструктуры текста как реализации жалобы как речевого жанра. Рассмотрим пример из практики лингвистических экспертиз.

Депутат местного городского собрания обратился с иском в суд о защите чести и достоинства. Предметом иска стало письмо, направленное ответчиком — «Итурупским центром распространения Учения свободных каменщиков» — в ряд официальных инстанций, в котором описывались некорректные, с точки зрения ответчика, действия депутата по отношению к указанному центру. Суть дела состояла в том, что истец будто бы пытался выселить центр из занимаемого помещения, апеллируя к тому, что в России нет места сектам, а религия только одна — православие¹⁶³. Лингвистический анализ показал, что действительно в тексте письма содержатся утверждения, негативно оценивающие деятельность истца, которые могут рассматриваться как порочащие честь и достоинство при условии их несоответствия действительности.

Между тем случай оказался сложнее, поскольку само письмо в целом представляет собой жалобу в официальные инстанции, т.е. *жалобу*₃. Само письмо названо автором «Доклад-уведомление». Такого жанра делового письма не существует. Однако по сути дела перед нами именно жалоба. Как было показано выше, жалоба в официальные инстанции предполагает наличие следующих смысловых компонентов:

1. 'Заявление о нарушении тех или иных норм законодательства или правил жизни общества, относящихся к сфере общественного договора, с указанием лица, несущего ответственность за нарушения';

¹⁶³ Текст письма приведен в Приложении 2.

2. 'Нанесение вреда жалобщику';
3. 'Адресация заявления в государственные инстанции';
4. 'Просьба к государственной инстанции устранить нарушения и/или наказать виновных, если таковые имеются, и/или компенсировать нанесенный вред'.

Легко показать, что все эти части семантики *жалобы*₃ обнаруживаются в тексте «Доклада-уведомления». Во-первых, в ряде фрагментов заявления содержится перечисление действий, якобы совершенных депутатом, которые нарушают те или иные нормы законодательства:

В его сообщении содержалась следующая угроза, что он хочет, чтобы мы выехали из этого помещения, он не хочет, чтобы в его округе и в здании были спорные секты и спорная религия, чтобы мы или тихо отсюда выезжаем или нас закроют. Есть люди в Москве бизнесмены, которые хотят купить здание, им не нужны сомнительные организации на их территории, что он уже выгнал одну фирму с пятого этажа и нас выгонит.

Он говорил, что Россия — это православие, все остальное сомнительное.

На мой вопрос: «А если бы это были католики, вы бы их выгнали?» Депутат Мамалыга Вольдемар ответил, что да, что он защищает права большинства, а большинство населения города — православие — 80%, а все остальное...

Депутат В. Мамалыга заявил, что он может хоть завтра собрать митинг 500 человек под лозунгом «Закройте секту», повесить табличку у себя на кабинете «Борец с сектами», и это сыграет ему на имидж. Может пойти на ТВ <...>, и к следующим выборам ему не надо будет ничего делать, чтобы его выбрали. <...>

Депутат Мамалыга В. заявил, что нас очень просто выгнать, чтобы мы выезжали из его округа, ехали на улицу Свободы, где сидят сомнительные организации.

Эти слова депутата, как я считаю, выглядят как нарушение Конституции России в статье 19. «2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола расы, национальности, языка, ...отношения к религии, убеждений...»; в статье 28 «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь

и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними»; <...>.

Во-вторых, в спорном тексте указывается на нанесение вреда жалобщику: депутат якобы хочет выгнать «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков», он считает центр *сомнительной организацией*. Кроме того, ответчик указывает, что депутат нарушил его конституционные права: *Депутат городской Думы Мамалыга Вольдемар нарушил мои конституционные права*.

В-третьих, «Доклад-уведомление» адресован официальным лицам, представляющим государственные инстанции: зам. председателя городской Думы, председателю областной Думы, председателю городской Думы, прокурору.

Наконец, в-четвертых, автор «Доклада-уведомления» просит наказать виновного в форме «этических мер»: *Я надеюсь, что этот досадный инцидент будет урегулирован, и к депутату будут приняты этические меры, и мое заявление не останется без внимания*.

В целом все письмо может рассматриваться как сложный речевой акт жалобы (макротип речевого акта¹⁶⁴), поскольку выполняются все приведенные выше условия успешности речевых актов данного типа:

- **Условие пропозиционального содержания:** описываются нарушения норм Конституции и норм международного права, якобы допущенных депутатом и нанесших вред жалобщику; описываются действия официальных инстанций — городской Думы в лице заместителя председателя Думы, применяющего по отношению к депутату «этические меры».
- **Подготовительные условия:** по мнению автора «Доклада-уведомления» 1) имеются нарушения норм Консти-

¹⁶⁴ О понятии макротипа речевого акта см., в частности: *Баранов А.Н., Сергеев В.М.* Естественнo-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988; *Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра филол. наук. М., 1990.

туции и норм международного права; 2) этими нарушениями жалобщику нанесен вред, ответственность за который несет депутат В. Мамалыга; 3) руководство городской Думы имеет право этически воздействовать на депутата; 4) меры этического воздействия на депутата не приняты; 5) не очевидно, что без «Доклада-уведомления» руководство Думы предпримет меры этического воздействия на депутата.

- **Условие искренности:** автор «Доклада-уведомления» действительно хочет, чтобы на депутата были оказаны меры этического воздействия.
- **Существенное условие:** текстом «Доклада-уведомления» жалобщик, говорящий выражает желание, чтобы руководство городской Думы в лице заместителя председателя Думы предприняло в будущем меры этического воздействия на депутата.

Третья ипостась жалобы — ее существование как речевого жанра. В рассматриваемом случае «Доклад-уведомление» почти полностью соответствует стандартной структуре писем-жалоб. В нем есть и **обращение к адресату** — *Уважаемый Модест Родмонгович* — и **адресация** — *зампредседателя городской Думы, председателю областной Думы, председателю городской Думы, прокурору*. **Самопредставление** ограничено указанием на организацию в самом бланке (*Некоммерческое партнерство «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков»*), а также ссылкой на центр при описании самой проблемной ситуации. Компонент **презентация проблемы** представлен изложением действий депутата и оценкой его действий с точки зрения нарушения тех или иных норм. Компонент **поиск эквивалентов оправдания**, как уже отмечалось выше, характеризует жалобы советского периода и в рассматриваемом тексте отсутствует. **Презентация виновного** в «Докладе-уведомлении» реализована прежде всего в форме передачи высказываний депутата в интерпретации автора документа, а также указанием на то, что якобы сказанное депутатом противоречит Конституции и международным актам, подписанным Россией.

Проведенное исследование позволяет квалифицировать текст спорного письма как пример жалобы в официальные инстанции, т.е. *жалобы*₃. Тем самым содержащиеся в «Докладе-

уведомлении» утверждения о нарушении депутатом положений Конституции не могут служить основанием для привлечения ответчика к ответственности по ст. 152 ГК РФ, поскольку, как отмечается в постановлении, «в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений». Разумеется, если суд установит, что жалоба вообще не имела никаких оснований (например, никакого ущерба нанесено не было или депутат вообще не посещал «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков») и цель жалобщика состояла исключительно в нанесении вреда другому лицу (ср. понятие «злоупотребление правом»), то соответствующие негативные сведения подпадают под ст. 152 ГК РФ.

Глава 3. ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

Строго говоря, приемы речевого воздействия в существенной степени относятся к феноменам языка и речи, однако когнитивная составляющая речевого воздействия столь существенна, а история изучения речевого воздействия настолько разнообразна и совершенно не сводима к лингвистической традиции, что эту проблематику следует рассматривать отдельно. Поскольку речевое воздействие чаще всего (хотя и не всегда!) связано с управлением пониманием, то ниже эти термины используются синонимично.

Теория речевого воздействия возникла в современном виде в середине XX в. Однако ее предыстория началась существенно раньше, поскольку многие теоретические положения, а отчасти и методы обсуждались уже в трудах известных богословов, обращавших внимание и на проблемы интерпретации священных текстов, и на сложности донесения до верующих «благой вести». Так, бл. Августин в «Исповеди» отмечал, что «Широковещательная речь прикрывает обычно нищету человеческого ума»¹⁶⁵. Многие аспекты речевого воздействия рассматривались в традиционной и новой риторике. В практическом плане методы выявления скрытых слоев содержания текста разрабатывались в герменевтике, использовавшей многие достижения экзегетики. В 30-е годы XX в. данная проблематика была существенно переработана в рамках позитивистской и неопозитивистской традиций в школе «общей семантики» А. Кожибского, С. Чейза и С.И. Хаякавы. В послевоенные годы речевое воздействие на адресата и методы специальной «упаковки» содержания для целей воздействия были предметом исследования в теории коммуникации и теории рекламы.

¹⁶⁵ Бл. Августин. Исповедь. Кн. 12, I. 1. Цитируется по интернетовой Библиотеке «Вехи» www.vehi.net/avgustin/ispoved/12.html. В другом переводе данное место выглядит несколько иначе: «<...> у человека бывает меньше мыслей, чем слов; он истощается в словах, чтобы отыскать истину <...>» Бл. Августин. Исповедь. Часть 1. Кн. 12. Издание 2. Киев, 1901. С. 370.

Значительное внимание этой области было уделено и в рамках психотерапевтических концепций, в частности в нейролингвистическом программировании. Не будем здесь останавливаться подробно на истории теории речевого воздействия, поскольку это уведит нас в сторону от проблематики данной книги¹⁶⁶. Рассмотрим кратко предпосылки речевого воздействия, поскольку они лежат в основе приемов речевого воздействия, примеры которых обсуждаются ниже.

Когнитивные основания речевого воздействия. В 70-х гг. XX в. на стыке нескольких научных дисциплин возникла когнитивная наука, занимающаяся изучением общих принципов мышления человека, его интеллектуальной деятельности. Согласно положениям когнитивной науки важнейшей частью когнитивной системы человека является **модель мира**, т.е. совокупность представлений об устройстве действительности, которые могут иметь форму фактов, конкретных знаний о мире (например, «Волга впадает в Каспийское море», «Москва — столица Российской Федерации»), а могут формулироваться в виде правил различной степени обобщенности («Если прохожие тепло одеты, вероятно, на улице холодно», «Если болит голова, надо выпить болеутоляющее», «Целенаправленная деятельность приводит к результату»). В процессе коммуникации происходит **онтологизация** знания, т.е. введение знания в модель мира человека и его усвоение — согласование с уже имеющимися знаниями.

Онтологизация знания имеет свои специфические особенности. Дело в том, что в процессе коммуникации различные типы знаний по-разному онтологизируются когнитивной системой. Оказывается, например, что эффективность онтологизации далеко не прямо связана с эксплицитностью, очевидностью знания. Более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное знание, а такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать

¹⁶⁶ Более подробно об истории речевого воздействия и об основных положениях этой теории см.: *Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986; Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2000. С. 208 и далее.*

определенные усилия, тратить ресурсы. Наличие усилий для получения знания субъективно повышает его ценность для когнитивной системы — проще говоря, для человека. Приложение усилий для получения знания называется **приватизацией знания**¹⁶⁷. Принцип приватизации знания используется практически во всех приемах речевого воздействия, связанных с неявной, скрытой формой подачи информации. Например, прием «навязывания пресуппозиции» предполагает, что адресат после ряда смысловых преобразований выделит из вопроса *Почему наш банк входит в десятку лучших банков России?* идею того, что обсуждаемый банк входит в десятку лучших банков России. Эта минимальная когнитивная деятельность делает получаемое знание более ценным для человека. Навязывание пресуппозиции позволяет, кроме того, и оптимизировать для говорящего сам процесс коммуникации, избегнув обсуждения того, на что он не хотел бы обращать внимание (см. подробнее ниже).

Языковые основания речевого воздействия. К языковым основаниям речевого воздействия относится возможность различных способов описания одной и той же ситуации с помощью языковых форм. Это явление получило название вариативной интерпретации действительности (ВИД)¹⁶⁸. Не следует смешивать возможность вариативной интерпретации действительности с синонимическими преобразованиями, лежащими в основе многих методов семантического анализа¹⁶⁹. Дело в том, что понятие языковых механизмов ВИД существенно шире: оно охватывает, кроме синонимов и квазисинонимов, такие языковые и коммуникативные феномены, как конверсия (*покупать — продавать, врач — пациент*), точка зрения (*победитель при Иене — побежденный при Ватерлоо*), некоторые виды антонимии (ср. *полный и пустой* во фразах *бутылка наполовину полна — бутылка наполовину пуста*), номинализация

¹⁶⁷ См. подробнее об особенностях приватизации знания в политическом дискурсе: *Баранов А.Н.* Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание.) М., 1990.

¹⁶⁸ Это понятие было впервые введено статье: *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

¹⁶⁹ См.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.

(Полиция жестоко расправилась с демонстрантами — Расправа с демонстрантами) и многое другое.

Существование языковых механизмов ВИД приводит к тому, что «нейтральное», или объективное, описание ситуации средствами языка вряд ли достижимо. Говорящий не только **имеет возможность** выбирать различные варианты выражения некоторого содержания, но и в любом случае **вынужден** осуществлять этот выбор. Близкую аналогию можно увидеть в сфере грамматики: язык навязывает говорящему обязательный выбор той или иной граммы грамматической категории (единственное или множественное число, вид, время) — часто вне зависимости от того, нужно ли это реально с точки зрения коммуникативного намерения говорящего. Но поскольку не очень ясно, какую позицию занимает говорящий — вынужденную, т.е. под давлением неизбежной вариативности языковых форм, или, наоборот, намеренно выбирает ту форму, которая способствует более эффективной передаче содержания, то языковые механизмы ВИД оказываются важнейшей собственно языковой предпосылкой речевого воздействия.

Само существование языковых механизмов ВИД в конечном счете основывается на **принципиальном несоответствии между структурой языка как дискретной системы и недискретной реальностью**. Преобразование недискретного в дискретное в любом случае приводит к искажениям, причем эти искажения нерегулярны — в зависимости от использования тех или иных языковых средств меняется и дискретная интерпретация (т.е. категоризация — как грамматическими категориями, так на уровне лексики и синтаксиса) одного и того же фрагмента реальности и тем самым взгляд на него. Некоторые феномены языка — например, диффузность значения слова, метафора — в определенной степени моделируют недискретность реальности, однако это не меняет сущности языковой системы как преимущественно дискретного способа отображения окружающего мира.

Коммуникативные основания речевого воздействия. Коммуникативные предпосылки приемов речевого воздействия обусловлены самой природой общения на естественном языке. Начиная общение, участники вынуждены основываться на многочисленных предпосылках, имплицитных договоренностях о

структуре диалога. Сюда относятся роли участников (активный участник vs. пассивный участник; спрашивающий vs. отвечающий; лектор vs. слушатель и пр.); максимы Грайса; условия успешности речевых актов; социально и культурно обусловленные условия смены коммуникативного хода и пр. Носители языка не имеют возможности каждый раз обсуждать базовые условия общения (хотя в некоторых социальных и государственных институтах предусмотрены процедуры такого рода — ср., например, акт установления «надлежащего истца и надлежащего ответчика» в гражданском процессе). Очень точно об этом сказал Г. Фреге в работе «Sinn und Bedeutung»: «Если попытаться ничего не опускать в речи, она станет невыносимо многословной»¹⁷⁰. Действительно, если каждый раз мы будем выяснять, кто говорит первый, а кто — второй, можно ли повторять сказанное ранее, достаточная ли степень уважения оказана собеседнику и требует ли обычный вопрос ответа, то общение будет состоять из последовательности метаактов, воспринимаемых как цепочка коммуникативных неудач. Относя нужную информацию к исходным условиям коммуникации, говорящий имеет возможность имплицитно навязывать ее слушающему. Отсюда различные виды «статусного» давления на адресата, злоупотребление коммуникативной ролью активного или пассивного участника ситуации, сознательное использование преимуществ «слабой стороны» в переговорах и пр.

Способы речевого воздействия, будучи важнейшей частью естественно-языковой коммуникации, довольно часто оказываются предметом рассмотрения в суде, однако, как правило, они обсуждаются не сами по себе, а в связи с общей характеристикой текстов, становящихся предметом судебного спора. В частности, в тех случаях, когда необходимо установить коммуникативные цели автора текста, общую направленность статьи или серии публикаций. Рассмотрим некоторые типичные приемы речевого воздействия, часто использующиеся в СМИ и представляющие собой неотъемлемую часть политического дискурса и языка современной рекламы.

¹⁷⁰ Цит. по: *Сергио П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 365.

§ 1. «Замазывание», или Введение в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд

Сущность данного приема речевого воздействия заключается в том, что объект *X* упоминается в контексте отрицательно оцениваемого действия или события. Например, фраза *Друг Романа Паратова попался на спекуляциях ворованными акциями* переносит отрицательную оценку и на Романа Паратова, хотя этот эффект значения нельзя описать в виде утверждения, предположения или выражения мнения. Более того, это даже не оценочное высказывание. Аналогичный эффект возникает, когда объект *X* ставится в один ряд с объектами *Y*, ..., *Z*, при этом известно, что объекты *Y*, ..., *Z* оцениваются отрицательно. В этом случае читатель (шире — адресат речевого сообщения) переносит отрицательную оценку и на *X*, даже если об *X* ничего отрицательного открыто не говорится.

Данный прием воздействия представляет собой вариант более общего приема речевого воздействия, широко используемого не только в текстах СМИ, но и в рекламе. В общем случае контекст и ассоциативный ряд могут иметь не только отрицательную, но и положительную оценку. Тогда на объект *X* переносятся не отрицательные, а положительные характеристики, ср. текстовую часть рекламы видеокамеры фирмы Sony (перевод с итальянского):

Феллини, Эйзенштейн, С.Б. Де Милль, Sony

Благодаря производству качественных видеокамер, японская компания Sony имеет такой же вес в мировом кинематографе, как итальянский режиссер Феллини, советский режиссер Эйзенштейн и американский Де Милль. Если вы хотите почувствовать себя такими же профессионалами и гениями, какими являются перечисленные режиссеры, покупайте видеокамеру Sony!

В приведенном рекламном тексте имплицитная составляющая первого абзаца, в котором, собственно, и использован прием воздействия, эксплицируется во втором абзаце рекламного текста, что должно исключить непонимание у тех потребителей, которые не имеют представления о кино, но купить камеру все-таки хотят. Весьма вероятно, что второй абзац по-

явился по требованию заказчика рекламы, посчитавшего первый абзац слишком эзотеричным для рядового покупателя, а прием воздействия — недостаточно эффективным и как следствие не оправдывающим потраченного рекламного бюджета.

В более общей формулировке следовало бы говорить о приеме «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд»:

Прием речевого воздействия «введение в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» основывается на включении объекта X в описание положительно/отрицательно оцениваемого действия (события) или на включении объекта X во множество объектов Y, \dots, Z , оцениваемых положительно/отрицательно.

По форме рассматриваемый прием речевого воздействия разделяется на два подтипа — (i) постановка в отрицательно оцениваемый контекст и (ii) постановка в отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд.

Приводимый ниже пример относится к первому варианту обсуждаемого приема речевого воздействия. Вкратце суть дела такова. Рязанский журналист М.В. Комаров в статье «В Рязани появилась новая организованная группировка: ПОЛСИНАУТОВСКИЕ»¹⁷¹ описывает полукриминальную ситуацию, в которой принимают участие лица, являющиеся одновременно сотрудниками фирмы ПОЛСИНАУТ. Последнюю возглавляет С.Н. Кузнецов. Сведений о том, что С.Н. Кузнецов приказал указанным лицам выполнить противоправные действия в качестве производственного задания в статье нет, однако на протяжении всего текста публикации используются номинации участников с прямой отсылкой либо к С.Н. Кузнецову, либо к названию фирмы:

Наконец Савин сел в служебную машину, принадлежащую СТО «Восточный», завел ее и стал прогревать. Руководствовался при этом пьяный сотрудник СБ «Полсинаута» Сергея Кузнецова,

¹⁷¹ См.: «Новая газета» (рязанский еженедельный выпуск) от 21–27 мая 2002 г. (№ 19 Р).

наверное, следующим соображением: «Раз не готова наша машина, поедим на вашей». Похоже, для людей Сергея Кузнецова такая логика — в порядке вещей.

В приведенном фрагменте, как, впрочем, и в тексте статьи в целом, регулярно повторяется, что Савин является сотрудником СБ¹⁷² «Полсинаут» и сотрудником С.Н. Кузнецова. Это не нужно ни по стилистическим соображениям, ни с точки зрения содержания: как следует из самого текста статьи, в описываемых событиях С.Н. Кузнецов лично участия не принимал. Постоянные повторы СБ «Полсинаут» и имени С.Н. Кузнецова преследуют цель постоянно обращать внимание читателя на Кузнецова и связать его с отрицательно оцениваемыми действиями Савина. С.Н. Кузнецов тем самым косвенно связывается в публикации М.В. Комарова с преступной деятельностью.

Прием постановки в отрицательно оцениваемый контекст усиливает свою эффективность, когда он используется в заголовке или подзаголовке. В обсуждаемой публикации имеется подзаголовок следующего вида: *Как сотрудники СБ Сергея Кузнецова ставили на счетчик автосервис «Восточный»*. С.Н. Кузнецов упоминается по имени и фамилии, притом что его сотрудники в заголовке по фамилиям не упомянуты. В приведенном выше фрагменте один из участников описываемых событий — Савин — также назван косвенно: *пьяный сотрудник СБ «Полсинаута» Сергея Кузнецова*. Следует подчеркнуть, что ни стилистическими, ни содержательными причинами это объяснить невозможно. Постоянное упоминание С.Н. Кузнецова в контексте описываемых отрицательных событий (всего десять раз, включая субстантивированное прилагательное *кузнецовские*) создает у адресата впечатление, что Кузнецов причастен к инциденту, произошедшему на СТО «Восточный» между персоналом СТО и сотрудниками службы безопасности ООО «Полсинаут». Использованный журналистом прием речевого воздействия направлен на то, чтобы связать С.Н. Кузнецова с описываемыми в статье событиями и вызвать к нему отрицательное отношение у читателя.

¹⁷² Служба безопасности.

Обсуждаемый прием речевого воздействия часто используется в так называемом «черном пиаре» при использовании СМИ для создания отрицательного имиджа человека в общественном сознании с помощью технологий манипулятивного речевого воздействия¹⁷³. Термин «манипулятивное речевое воздействие» может быть употреблен по отношению к описанным приемам в том случае, если автор статьи не располагал в момент публикации реальными доказательствами причастности С.Н. Кузнецова к описываемым событиям — например, соответствующим решением суда.

Имеются примеры и более искусного, тонкого использования приема постановки в контекст отрицательно оцениваемых действий или событий. В одной из экспертиз был поставлен вопрос об использовании приемов речевого воздействия в отношении банка «Плацдарм» в следующем фрагменте:

В четверг вечером сотрудники прокуратуры и ГУСБ МВД проверили ячейки задержанных муровцев в офисе банка «Плацдарм». Наличных денег не нашли, однако изъяли финансовые документы, которые, по мнению оперативников, свидетельствуют о том, что высокопоставленные офицеры МУРа перевели на свои зарубежные счета по меньшей мере 100 млн рублей.

Пока следователи не успели подвести итоги обысков и выемок в некоторых банках и коммерческих структурах, через которые, по предварительным данным, муровцы переводили на личные счета деньги за рубеж.

Так, в банке «Плацдарм» оперативники из индивидуальных ячеек (имеющих отношение к фигурантам расследования «дела оборотней») изъяли финансовую документацию на сумму около 100 млн рублей. От каких-либо комментариев по этому поводу представители банка «Плацдарм» отказались.

В приведенном фрагменте текста представлена информация о том, что подозреваемые переводили за рубеж крупные суммы денег. Перевод крупных сумм денег, возможно, полученных в результате противоправной деятельности, тоже может рассматриваться как незаконная операция. Поскольку во всех случаях при обсуждении перевода денег упоминается банк

¹⁷³ Близкое понимание можно обнаружить, например, в: *Борисов Б.Л.* Технологии рекламы и PR. М., 2001.

«Плацдарм», то у читателя может создаться представление, что соответствующие незаконные операции по переводу денег также осуществлял банк «Плацдарм».

На данный вывод читателя дополнительно наталкивает информация о том, что представители банка «Плацдарм» отказались комментировать происшедшее. Последнее может быть проинтерпретировано читателем в том смысле, что представители банка «Плацдарм» что-то скрывают. Хотя такой вывод, вообще говоря, не является обязательным¹⁷⁴, но в данном контексте он весьма вероятен.

Информация о причастности банка «Плацдарм» к переводу значительных сумм денег фигурантами «дела оборотней» за рубеж не дана в рассматриваемых фрагментах в виде явного (эксплицитного) утверждения (или ряда эксплицитных утверждений). Использование приема речевого воздействия «постановка в контекст отрицательно оцениваемого события или действия» позволяет связать банк «Плацдарм» с противоправными действиями. В этом случае негативная информация имеет вид необязательных (факультативных) импликаций. Иными словами, информация о том, что банк «Плацдарм» осуществлял незаконные операции по переводу денег, является факультативной (необязательной) импликацией, умозаключением, которое читатель может сделать, а может и не сделать.

Таким образом, обсуждаемый способ речевого воздействия позволяет «навести» на объект отрицательную оценку, не используя скрытое или явное утверждение.

¹⁷⁴ Можно привести большое количество примеров использования фразы *отказаться от комментариев/комментировать*, не предполагающих никакой сокрытой негативной информации об описываемых событиях: *В Центре управления полетами отказались комментировать возможность посещения съёмочной группой орбитальной станции «Мир».* Аргументы и факты; *В компании «Росвооружение» сообщение из индонезийской столицы комментировать отказались, сославшись на заключенное двумя сторонами «джентльменское соглашение» не разглашать детали готовящейся сделки.* Известия. Из приведенных контекстов видно, что не имелось в виду, что у Центра управления полетами есть какие-то плохие мысли относительно возможности посещения съёмочной группой станции «Мир». Аналогично в компании «Росвооружение» не хотят давать оценку соглашения не из-за его «постыдности», а из-за соглашения не разглашать детали предстоящей сделки.

Типичный случай второго варианта рассматриваемого приема речевого воздействия — постановки в отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд — обнаруживается в следующем фрагменте:

Покойный соратник Тушинских племянников, Абдуллы и Паратова, лидер Восточной ОПГ Семен Левковский становится главным спонсором соревнований по художественно гимнастике, в честь которого ответственные лица городского уровня устраивают торжественный прием. «*Фигурант*».

В приведенном контексте известный предприниматель Р. Паратов включен в один ряд с Тушинскими племянниками, Абдуллой и лидером Восточной ОПГ С. Левковским. Поскольку Тушинские племянники, Абдулла и лидер Восточной ОПГ оцениваются в статье крайне негативно, упоминание вместе с ними Р. Паратова переносит на него отрицательные характеристики этих лиц, хотя опять-таки не в форме пропозиции — явной или скрытой. Весьма условно эту часть смысла данного фрагмента можно передать как нечто вроде ‘Р. Паратов такой же, как Тушинские племянники, Абдулла и лидер Восточной ОПГ С. Левковский’. Неясность способа вербализации не дает возможности установить, конкретную форму выражения соответствующего смысла. Очевидно, однако, что рассматриваемая негативная информация о Р. Паратове не является утверждением в точном смысле — даже утверждением скрытым, имплицитным.

1.1. «Argumentum ad hominem», или Переход на личности

Постановка в отрицательно оцениваемый контекст или ассоциативный ряд часто соседствует с таким способом аргументации, которые называется «аргументацией, относящейся не к сути проблемы, а к недостаткам оппонента как человека», или короче — «переходом на личности»¹⁷⁵. Цель такой аргументации заключается в дискредитации оппонента по раз-

¹⁷⁵ Этот прием речевого воздействия подробно исследовался в имеющейся литературе. См., напр.: Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002 (на языке оригинала книга вышла в 1998 г.).

личным основаниям и различными способами. Характерный пример сочетания «замазывания» и *argumentum ad hominem* представлен в авторских программах на ОРТ С. Доренко (14.11.1999, 21.11.1999, 28.11.1999 и 05.12.1999). В этих передачах обсуждалось, в частности, судебное дело, возбужденное Ю. Лужковым о защите чести и достоинства. Стремясь поставить под сомнение аргументацию истца, и все судебное дело в целом, С. Доренко постарался связать Г. Крылову (адвоката Ю. Лужкова) с деятельностью различных религиозных сект. Идея связи адвоката с сектами повторялась в передачах очень часто, концентрированно (см. прием «концентрированного повторения информации»), причем в ряде случаев с минимальными синонимическими преобразованиями:

Сегодня адвокат Юрия Лужкова — **активный член секты сайентологов Галина Крылова.**

Как говорит Александр Дворкин, **Галину Крылову сайентологи использовали в качестве троянского коня**, чтобы получить в распоряжение 12-миллионную столицу России.

Юрия Лужкова на процессе против нашего канала и против меня по иску о защите чести и достоинства защищает **член секты сайентологов Галина Крылова** <...> Секта, которая не отрицает своего права на убийство противников.

Первый канал и меня от имени и вместе с Лужковым **обвиняет сайентолог и бывшая защитница Аум Синрике госпожа Крылова.**

Я хотел бы напомнить Вам о том, что мэра Москвы **защищает член организации сайентологов.**

Я уже сообщал, что до мэра Москвы **его адвокат защищала секту Аум Синрике.**

Как мы уже сообщали, **она — член руководства сайентологической организации...** Вот вы видите Галину Крылову на снимке, **среди руководителей одной из сайентологических организаций.** А вот справка Интерпола, где **она фигурирует среди видных сайентологов и в качестве такового. Вот это указание — Галина Крылова. Адвокат.**

Мне вдвойне приятно, что мы будем состязаться в суде не только с Юрием Лужковым — человеком с весьма спорной репутацией, но и **с его доверенным лицом, за которым стоит тоталитарная секта сайентологов.**

Понятно, что реальная или воображаемая связь адвоката Г. Крыловой с сектами не имела никакого отношения к претензиям Ю. Лужкова к С. Доренко, обсуждавшимся в судебных заседаниях.

1.2. «Тень на плетень», или Недоказанность как виновность

Введение в отрицательно оцениваемый контекст может происходить и по другой схеме, когда делается утверждение о том, что связь *X-a* с отрицательно оцениваемым событием еще не установлена:

«Творческим руководителем» ОФГ является не кто иной, как бывший вице-премьер Правительства России и бывший министр по налогам и сборам Александр Семихватов. Воистину, неисповедимы пути Господни. Кто бы мог подумать, что человек, занимавший столь высокие посты, начнет играть на стороне зарубежных спекулянтов, способствуя развалу крупнейшего российского налогоплательщика, на котором, в общем-то, и держится экономика России. <...>

Нельзя сказать, что тем самым Александр Семихватов кого-то сильно удивил. Для него это нормальный бизнес. Точно так же, как нормальным бизнесом для ОФГ явилось управление в 1997–1998 годах банком «Юг — Север». В результате этого управления кредиторы банка потеряли более 24,5 млн долларов, а ОФГ разжилась неплохими помещениями в центре Москвы, ранее принадлежавшими банку. Да и роль г-на Семихватова в нефтяной афере, связанной с компанией «Недолив», тоже до конца не ясна.

Последняя фраза приведенного фрагмента текста — *Да и роль г-на Семихватова в нефтяной афере, связанной с компанией «Недолив», тоже до конца не ясна* — позволяет автору, не затрудняя себя доказательствами, связать А. Семихватова с очевидно отрицательно оцениваемым событием — аферой. Формально предъявить претензии автору практически невозможно, однако по сути — это прием речевого воздействия, навязывающий читателю ту интерпретацию событий, которая желательна автору текста, вне зависимости от того, прав он или ошибается в своих оценках.

Замечание. Семантически установление связи А. Семихватова с компанией «Недолив» обеспечивается пресуппозицией фразы <...> *роль г-на Семихватова в нефтяной афере, связанной с компанией «Недолив», тоже до конца не ясна.* Действительно, как приведенная фраза, так и ее общее отрицание *Неверно, что <...> роль г-на Семихватова в нефтяной афере, связанной с компанией «Недолив», тоже до конца не ясна* сохраняет смысл ‘Какая-то связь А. Семихватова с компанией «Недолив» имеется’. См. ниже о приеме навязывания пресуппозиции в § 4 данной главы.

Похожий эффект возникает в тех случаях, когда пропозиция, описывающая участие некоторого лица в негативно оцениваемых событиях, помещается в сферу действия модальности предположения, причем маркеры модальности предположения — *возможно, по нашим оценкам, вероятно, как кажется* и т.д. — ставятся нарочито и не всегда мотивированы стилистически. Ср. пример из авторской передачи А. Караулова «Момент истины» (от 21.04.2002, канал ТВЦ):

В Челябинской области в Кыштыме один из лучших в России медеэлектролитный завод. <...> Александр Вольхин — легендарный директор медеэлектролитного завода решил, как предполагают журналисты «Момента истины», срочно купить через фальшивые банкротства этот завод у самого себя, а затем, купив завод в личное пользование, тут же, возможно, продать его, продать в чужие руки.

Негативная информация об А. Вольхине в данном фрагменте сводится к пропозициям о том, что ‘А. Вольхин решил купить медеэлектролитный завод, используя процедуру фальшивого банкротства’ и что ‘сразу после этого А. Вольхин собирается продать завод в чужие руки’. Первая пропозиция подается как предположение неназванных журналистов «Момента истины», а второе — как предположение ведущего (вводное слово *возможно*). Однако со стилистической точки зрения использование вводного слова *возможно* в рассматриваемом контексте не вполне удачно. Нарочитость его появления с определенностью указывает на попытку подать информацию в такой форме, чтобы избежать ответственности за сказанное.

§ 2. «Ad Нос'овый негатив»: установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью

Если постановка в отрицательно оцениваемый контекст или ассоциативный ряд относится к скрытым приемам речевого воздействия, то близкая по семантике процедура — установление сходства с отрицательно оцениваемой сущностью — по своей сути не может быть имплицитной. Действительно, спрятать непохожий объект среди множества похожих еще можно — например, спрятать человека в лесу можно, но спрятать один объект в другом или за другим, если они равновеликие сущности, вряд ли получится. В этом случае часто используются дополнительные приемы: привлекается, например, синтаксис предложения, и странная по смыслу фраза прячется в синтаксические обороты, вводящие дополнительную, второстепенную информацию, как это делается в следующем примере:

Наиболее показателен здесь пример крупнейшего российского промышленного предприятия — Газпрома. Совершенно естественно, что у спекулянтов не вызывает большой радости нынешний порядок обращения его акций. Сегодня этот рынок регулируется особым образом — Указ Президента РФ от 28 мая 1997 года разделил его на две непересекающиеся части: внутреннюю, где идет купля-продажа реальных акций, и внешнюю, где обращаются не акции, а депозитарные расписки на акции, или АДР. <...>

...Значит, нужно придумать механизм, который позволил бы в обход законодательства прикупить существенное количество тех газпромовских акций, которые обращаются только в России.

И процесс действительно пошел. Закрытое акционерное общество «Объединенная финансовая группа» (или сокращенно ОФГ — не правда ли, забавное сокращение. По стилю чем-то напоминающее рекламный слоган «Мы обуем всю страну») регистрирует, естественно, в офшорной зоне, две компании — «Парбури Трейдинг» и «Арролл Инвестментс».

Автор статьи устанавливает ассоциативную связь между названием «Объединенная финансовая группа» и слоганом «Мы обуем всю страну». Причины установления такой ассоциативной связи совершенно не ясны. Фонетически название акционерного общества совершенно не похоже на слоган. Стиле-

вое сходство также установить невозможно, поскольку «Объединенная финансовая группа» — название (выражено существительным с зависимыми от него прилагательными), а слоган «Мы обуем всю страну» — высказывание. Ни о каком сходном стиле здесь не может быть и речи. Единственная цель установления такой совершенно произвольной связи заключается в том, чтобы связать «Объединенную финансовую группу» с идеей воровства, поскольку глагол *обуть* в современном жаргоне имеет смысл ‘обманным путем получить от кого-л. деньги или какой-нибудь другой ресурс, т.е. обмануть, обворовать’ (ср. контексты типа *Я как-то армян на восемьсот долларов обул, и то ничего. Огонек; В другой раз он «обул» Днепронетровский агрегатный завод — на 200 пылесосов «Ракета». На этой афере он получил пять тысяч долларов. Известия*). В глазах неискрушенного читателя «Объединенная финансовая группа» оказывается средоточием обмана и лжи. Чтобы не акцентировать внимание читателя на столь странном сравнении, оно скрывается в вводную скобочную конструкцию, по своему синтаксическому статусу вводящую дополнительную информацию.

Использование данного приема в чистом виде, без каких бы то ни было попыток отвлечения внимания адресата выглядит довольно беспомощно, ср. следующий пример:

Сейчас в стране установился настоящий культ Коротича... Невольно вспоминается Берия, в свое время вставший даже над партией. Что же, теперь, выходит, Коротич? *Молодая гвардия, № 3, 1989.*

«Невольное» отождествление Берии и Коротича в приведенном фрагменте, основанное на немотивированных впечатлениях автора, с логической точки зрения откровенно неубедительно, хотя и выполняет необходимую автору воздействующую функцию.

§ 3. «Ящик водки» — выбор единицы измерения как инструмент речевого воздействия

В известной шутке утверждается, что если грипп лечить, то он проходит за неделю, а если не лечить — то за семь дней. Понятно, что семь дней и неделя — это одно и то же, а цена футболки 300 рублей и 299 рублей — это почти одно и то же,

тем не менее одна неделя воспринимается как нечто, что меньше семи дней (один же меньше семи), а цена 299 рублей интерпретируется как двести рублей с чем-то, а не триста рублей. Парадоксы восприятия цифр и чисел используются как средство воздействия не только в торговле и не только в языковых играх. Однако с процессом счета связан и другой прием управления пониманием. Выбор единицы измерения также создает эффект воздействия, особенно если эта единица нетривиальна и сразу бросается в глаза.

В статье «Исчезнувший налог», опубликованной в газете «Российский обозреватель», обсуждалась деятельность депутата Думы П. Семакина, владельца компании «АЛКО-ДОН», занимающейся производством алкогольной продукции. Основная мысль публикации заключалась в том, что П. Семакин как депутат проявляет активность только тогда, когда Дума рассматривает суммы акцизов, взимаемых с ликероводочной продукции. В одном из фрагментов деятельность П. Семакина измеряется в довольно специфических единицах:

О личном пиаре Семакин не забывал никогда. В том же 2000 году он осчастливил ногинскую организацию Всероссийского общества слепых — выделил ей от щедрот 21 000 рублей (20 ящиков водки) да по тысяче рублей с небольшим вручил 86 жителям Борисоглебска (еще 4 раза по 20 ящиков водки).

В приведенном фрагменте в скобках указывается, сколько бутылок водки можно купить на суммы пожертвований П. Семакина. Указание количества бутылок водки в данном контексте не несет информационной функции как таковой, поскольку водка не является ни универсальным, ни обычным платежным средством в Российской Федерации. Использование «водочного» эквивалента денежных сумм преследует в рассматриваемом случае стилистические цели и цели скрытого речевого воздействия на читателя. Автор статьи хочет показать, во-первых, что П. Семакин все меряет на водку (водка является для Пекарева универсальной ценностью) и, во-вторых, что пожертвованные суммы очень невелики. Последнее подтверждается и формой подачи числительных: из двух альтернатив описания — *80 ящиков водки* и *4 раза по 20 ящиков водки* — автор текста выбирает вариант с меньшим числитель-

ным. Логически оба варианта эквивалентны, но с точки зрения психологии воздействия *4 раза по 20* меньше, чем *80*.

Смысл водки как платежного средства прослеживается в тексте анализируемой статьи и в следующей фразе: *Благо денег и водки на ведение обеих кампаний было не занимать*.

Семантика «скупости Семакина» поддерживается в рассматриваемом контексте употреблением глагола *осчастливить*, используемом для выражения сарказма: *<...> он осчастливил борисоглебскую организацию Всероссийского общества слепых <...>*.

Приписываемые П. Семакину свойства скупости и приверженности водке как универсальной ценности характеризуют его отрицательно и как человека, и как депутата Думы. Заметим, что, как и во многих других случаях речевого воздействия, вербализовать «наводимый» приемом смысл довольно трудно, тем более трудно оценить способ подачи такой информации — утверждение, предположение и пр.

Рассмотренный прием можно описать следующим образом:

Выбор единицы измерения позволяет актуализовать в сознании адресата представления, связанные с выбранной единицей, в частности связать их с системой ценностей того, кто производит измерение, то есть воздействовать на восприятие и оценку этого человека третьими лицами.

§ 4. Навязывание пресуппозиции

Значительная часть приемов речевого воздействия предназначена для скрытого манипулирования сознанием адресата. Технология воздействия в случае манипулирования сознанием заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознается им как нечто требующее обсуждения.

Один из приемов такого типа — «навязывание пресуппозиции». Под пресуппозицией в широком смысле в литературе по лингвистической семантике понимают такую часть смысла высказывания, которая, с точки зрения говорящего, является общеизвестной или как минимум известна слушающему (адрес-

сату). Еще одна сторона понятия пресуппозиции — это связь пресуппозиции с осмысленностью высказывания. Пресуппозиция формирует условия для оценки высказывания как истинного или ложного, т.е. условия его осмысленности. Например, утверждение вида *Суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание* содержит условие осмысленности ‘Петров совершил правонарушение’. Если Петров не совершал правонарушения, то приведенное утверждение становится семантически аномальным: его нельзя считать ни истинным, ни ложным¹⁷⁶. Пресуппозиция противопоставляется утверждению, которое относится к эксплицитной, явной части плана содержания высказывания. Часто в качестве критерия выделения утверждения и пресуппозиции используется постанова предложения в контекст общего отрицания, при этом отрицается только утверждение, а пресуппозиция не попадает в сферу общего отрицания. Так, введение общего отрицания в приводившийся выше пример дает следующий результат: *Неверно, что суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание*, т.е. компоненты смысла ‘суд не посчитал правонарушение незначительным’ и ‘суд не назначил условное наказание’ относятся к утверждению данного высказывания (или можно считать, что они формируют два различных утверждения). А компонент смысла ‘Петров совершил правонарушение’ не отрицается, образуя пресуппозицию рассматриваемой фразы. Критерий постанова в контекст общего отрицания не действует для вопросительных предложений.

На основании сказанного понятие пресуппозиции можно определить следующим образом:

Пресуппозиция — это часть плана содержания высказывания, которая, по мнению говорящего, известна слушающему и/или является условием его осмысленности, то есть условием возможности его оценки как истинного или ложного.

¹⁷⁶ О понятии пресуппозиции см., в частности: *Падучева Е.В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 48–82.

Свойство пресуппозиции не попадать в сферу действия общего отрицания относится в первую очередь к пресуппозиции как условию осмысленности высказывания.

В связи с проведением лингвистической экспертизы текста следует иметь в виду, что, в отличие от других типов управления пониманием (в частности, от «введения в отрицательно оцениваемый контекст или ассоциативный ряд» и от «установления немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью»), навязываемая пресуппозиция представляет собой вполне вербализуемый смысл, который соответствует скрытому (имплицитному) утверждению (см. выше § 5 главы 1). Действительно, навязываемая пресуппозиция, будучи условием осмысленности высказывания, обязательна для понимания текста и определена по семантике.

Итак, прием навязывания пресуппозиции можно определить следующим образом:

Прием речевого воздействия и управления пониманием «навязывание пресуппозиции» заключается в том, что семантическая информация, важная для говорящего, подается им не как новое знание, которое требует рационального и осознанного анализа, а как нечто само собой разумеющееся, известное или как условие осмысленности сказанного.

При навязывании пресуппозиции адресат (читатель, слушатель) воспринимает информацию, помещенную в пресуппозициональную часть плана содержания высказывания, некритически. Так, во фразе *Сложно сказать, что заставило чиновников столь высокого ранга закрыть глаза на некоторые нарушения законодательства, допущенные при участии дочернего предприятия ГТК* фокус внимания сосредоточен на идее ‘сложно сказать’, т.е. на том, что неясны причины того, почему ‘закрывались глаза на некоторые нарушения законодательства’, между тем ‘нарушения законодательства, допущенные при участии дочернего предприятия ГТК имеют место’, подается как очевидное, известное. Тест на отрицание подтверждает это, ср. при общем отрицании — *Не сложно сказать, что заставило чиновников столь высокого ранга закрыть глаза на некоторые нарушения законодательства, допущенные при участии*

дочернего предприятия ГТК — идея ‘нарушения законодательства при участии и т.д.’ не попадает в сферу отрицания.

Рассмотрим примеры навязывания пресуппозиции в более развернутом виде.

В авторской передаче от 26.12.1999 на ОРТ С. Доренко передает информацию о предполагаемой собственности Ю. Лужкова следующим образом:

Доренко. Итак, если Лужков или его представитель не явятся в суд в Аризоне, то его, Лужкова, станут ловить и ***изымать всю его собственность за рубежом***, а возможно, и в России.

Выделенный фрагмент фразы Доренко содержит в своем значении пресуппозицию ‘существования собственности Лужкова за рубежом’. Классический тест на выделение пресуппозиции для невопросительных предложений — введение в контекст общего отрицания. Будучи условием осмысленности предложения, пресуппозиция не подвергается действию общего отрицания. Действительно, из фразы *Неверно, что если Лужков или его представитель не явятся в суд в Аризоне, то его, Лужкова, станут ловить и изымать всю его собственность за рубежом, а возможно, и в России* не следует отрицание информации о наличии у Ю. Лужкова собственности за рубежом.

Иными словами, если у Ю. Лужкова собственности за рубежом нет, то высказывание С. Доренко становится не просто ложным, а бессмысленным. Как уже говорилось выше, именно в этом суть рассматриваемого способа речевого воздействия: неочевидная информация ‘о наличии собственности у Лужкова за рубежом’ подается во фразе С. Доренко как очевидное, всем известное знание, поскольку слушатель (зритель) в обычном случае предполагает, что любое высказывание в коммуникации (и, соответственно, в СМИ) осмысленно.

Навязывание пресуппозиции — популярный прием управления пониманием. Его используют и другие телевизионные журналисты. Так, в авторской передаче А. Караулова «Момент истины», вышедшей на канале ТВЦ 2 ноября 2003 г. и посвященной деятельности бывшего министра атомной энергетики Е. Адамова, содержался следующий фрагмент:

Караулов. Но один суд мы все-таки проиграли... бывшему министру атомной энергетики Евгению Адамову. Это было год назад. Я не смог доказать, что Владимир Путин уволил Евгения Адамова с поста министра атомной промышленности Российской Федерации только лишь по одному подозрению в коррупции.

В данном фрагменте в виде пресуппозиции представлена информация о том, что 'В. Путин уволил Е. Адамова с поста министра атомной промышленности по подозрению в коррупции'. Действительно, конструкция *Я не смог доказать, что нечто произошло только из-за чего-либо* содержит информацию 'нечто произошло из-за чего-либо'. Например, фраза *Петров не смог доказать, что он провалил экзамен только из-за болезни* подразумевает, что 'Петров провалил экзамен из-за болезни'. Тем самым анализируемый фрагмент передачи включает информацию о том, что 'В. Путин уволил Е. Адамова с поста министра атомной промышленности из-за подозрения в коррупции'.

Уже использовавшийся тест на отрицание позволяет утверждать, что выявленная информация должна квалифицироваться именно как пресуппозиция. Действительно, общее отрицание рассматриваемой фразы выглядит следующим образом: *Неверно, что я не смог доказать, что Владимир Путин уволил Евгения Адамова с поста министра атомной промышленности Российской Федерации только лишь по одному подозрению в коррупции*, т.е. 'я смог доказать, что Владимир Путин уволил Евгения Адамова с поста министра атомной промышленности Российской Федерации только лишь по одному подозрению в коррупции'. Компонент смысла 'Владимир Путин уволил Евгения Адамова с поста министра атомной промышленности Российской Федерации по подозрению в коррупции' сохраняется и при постановке фразы в контекст общего отрицания. Понятно, что выявленная пресуппозиция характеризует Е. Адамова негативно. С точки зрения формы выражения пресуппозиция вводит скрытое утверждение.

Пресуппозиция может помещаться и в придаточное временное предложение, вводимое союзом *когда*, ср. пример из той же передачи А. Караулова:

Ковалев. Материалы страшны, я бы сказал, цинизмом. Когда руководитель коммерческой структуры «Омека Лтд», зарегистри-

рованной в Америке, Адамов оказывает консультационные услуги министру Адамову...

Караулов. Самому себе.

Ковалев. И за это перечисляется ежемесячно семь тысяч долларов, конечно, это производит впечатление.

В приведенном фрагменте содержится информация о том, что 'Адамов Е.О. как министр перечислял ежемесячно семь тысяч долларов за услуги самому себе через фирму «Омека Лтд»'. Эта информация выявляется из сложноподчиненного предложения *Когда руководитель коммерческой структуры «Омека Лтд», зарегистрированной в Америке, Адамов оказывает консультационные услуги министру Адамову и за это перечисляется ежемесячно семь тысяч долларов, конечно, это производит впечатление*, которое разрывается репликой Караулова А.В. *Самому себе*. В принципе придаточное предложение с союзом *когда* может вводить различные типы информации, в том числе и информацию о событиях, относящихся к будущему (например, *Когда вечером придешь домой, позвони родителям*), однако в рассматриваемом случае речь идет о событиях в прошлом. Глагол *оказывать* употреблен в рассматриваемом придаточном в форме настоящего времени, однако он обозначает повторяющиеся действия, относящиеся в том числе и к прошлому (например, *Петр ходит в школу*). Функционально анализируемое предложение аналогично фразам типа *Когда он приходит в офис, все сотрудники встают*. В контекстах такого типа придаточное предложение с союзным словом *когда* вводит информацию о событиях, которые уже произошли, имели место.

В рассматриваемом случае также можно провести тест на введение в контекст общего отрицания, который показывает, что информация 'Адамов Е.О. как министр перечислял ежемесячно семь тысяч долларов за услуги самому себе через фирму «Омека Лтд»' в сферу действия общего отрицания не попадает. Действительно, из фразы *Неверно, что производит впечатление, когда руководитель коммерческой структуры «Омека Лтд», зарегистрированной в Америке, Адамов оказывает консультационные услуги Министру Адамову и за это перечисляется ежемесячно семь тысяч долларов* следует истинность пресуппозиции 'Адамов Е.О. как министр перечислял ежемесячно семь тысяч долларов за услуги самому себе через фирму «Омека Лтд»'. Эту

часть смысла исследуемого фрагмента следует квалифицировать как скрытое утверждение.

Пресуппозиция может вводиться и с помощью вопроса. Кроме пресуппозиций у вопросов выделяется также исходное предположение (или установка) вопроса¹⁷⁷. Исходное предположение представляет собой ту часть плана содержания вопроса, которая повторяется во всех ответах на этот вопрос и может быть передана как следствие и из вопроса, и из ответов. Прием управления пониманием с помощью исходного предположения вопроса широко используется не только в СМИ, но и в рекламном дискурсе. Так, рекламный текст *Почему наш банк входит в число лучших банков России?* содержит исходное предположение 'наш банк входит в число лучших банков России'. Любой разумный ответ на этот вопрос — *Благодаря давним традициям; Из-за высокой профессиональности персонала; Из-за правильной стратегии работы с клиентами; Благодаря гениальности совета директоров* — сохраняет указанное исходное предположение. Ответ, отвергающий исходное предположение, вида *С чего это вы взяли, что ваш банк входит в число лучших?* с определенностью указывает на сбой в общении, коммуникативную неудачу. Иными словами, ответ, отвергающий исходную установку вопроса, переводит общение на метауровень, в сферу автономных употреблений языка, на уровень обсуждения самих оснований общения и функционально подобен вопросу Паниковского из бессмертного творения И. Ильфа и Е. Петрова — *А ты кто такой?*, завершающем вербальную фазу коммуникации и начинающем брутальную¹⁷⁸. Аналогия здесь, конечно, не в брутальности, а в переходе к

¹⁷⁷ Иногда исходное предположение, или установка, рассматривается как особая категория. См.: Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1983, № 3; Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers. SMIL, 1977, № 3.

¹⁷⁸ «— Зачем же вы послали нас? — спросил Балаганов, остывая. — Мы старались... — Иными словами, вы хотите спросить, известно ли достопочтенному командору, с какой целью он предпринял последнюю операцию? На это отвечу — да, известно. Дело в том... В эту минуту в углу потух золотой зуб. Паниковский развернулся, опустил голову и с криком: «А ты кто такой?» — вне себя бросился на Остапа». И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.

выяснению исходных установок общения: социального статуса участников, ролей в коммуникации, общих целей общения, особенностей устройства модели мира и т.д.

В приводимом ниже фрагменте текста используется прием введения негативной информации с помощью исходного предположения вопроса:

Итак, полсинаутовские или кузнецовские? Осмелится ли кто из правоохранительных органов вступить на стороне закона в противоборство с рязанским олигархом и дать ответ на этот вопрос?

Данный фрагмент из уже упоминавшейся выше статьи рязанского журналиста М.В. Комарова¹⁷⁹ состоит из двух вопросов. Первый вопрос *Итак, полсинаутовские или кузнецовские?* подводит итог всего текста статьи. На завершающий характер этого вопроса указывает союз *итак*, который в данном контексте имеет значение вывода, основанного на содержании предшествующего текста¹⁸⁰. Исходное предположение этого вопроса предполагает сопоставление лиц, относящихся к «полсинаутовским» или «кузнецовским». Смысл этого противопоставления не вполне ясен, поскольку в обсуждаемой статье люди, работающие в «Полсинауте», одновременно подаются и как сотрудники Кузнецова. Исходное предположение анализируемого альтернативного вопроса имеет вид ‘Либо полсинаутовские, либо кузнецовские’, т.е. исходное предположение (установка) предполагает обязательный выбор одного из вариантов — нельзя не выбрать ничего. Но поскольку «Полсинаут» возглавляется Кузнецовым, то при любом из вариантов, предполагаемых альтернативным вопросом, Кузнецов связывается с противоправной деятельностью.

Еще одна воздействующая функция анализируемого вопроса заключается в том, чтобы ввести номинации *полсинау-*

¹⁷⁹ См.: *Комаров М.В.* В Рязани появилась новая организованная группировка: ПОЛСИНАУТОВСКИЕ // «Новая газета» (рязанский еженедельный выпуск) от 21–27 мая 2002 г. (№ 19 Р).

¹⁸⁰ ‘Употребляется в начале предложения, содержащего вывод из предыдущего’, *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.*

товские и *кузнецовские*. По способу словообразования данные формы напоминают названия *солнцевские*, *кунцевские*, *одинцовские*, используемые по отношению к организованным преступным группировкам. Прочтя в контексте статьи названия *полсинаутовские*, *кузнецовские* человек, владеющий русским языком и живущий в современной России, придет к выводу, что и здесь идет речь о преступных группах. Поскольку и *полсинаутовские* и *кузнецовские* связываются в Рязани с именем Кузнецова, то в рассматриваемой фразе также содержится в косвенной форме отрицательная информация о Кузнецове. Здесь мы опять сталкиваемся с «приемом постановки в отрицательно оцениваемый контекст или отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд» (см. выше).

Исходное предположение второго вопроса из приведенного фрагмента *Осмелится ли кто из правоохранительных органов вступить на стороне закона в противоборство с рязанским олигархом и дать ответ на этот вопрос?* предполагает, что *рязанский олигарх*, то есть С.Н. Кузнецов нарушает закон. Форма анализируемого вопроса не подвергает сомнению сам факт наличия каких-то противоправных действий со стороны С.Н. Кузнецова — это установка вопроса, его исходное предположение. Сам вопрос (его рема) относится к тому, хватит ли смелости у правоохранительных органов противодействовать этим нарушениям закона со стороны Кузнецова. Тем самым информация о том, что Кузнецов совершал какие-то противоправные действия, помещается в ту часть семантики высказывания, которая в обычном случае не подвергается критическому анализу адресата, рассматриваясь им как данное, как условие осмысленной коммуникации. Иными словами, эта информация как бы «навязывается» читателю — отсюда, собственно, и название приема «навязывание пресуппозиции». Имплицитность (неявная, скрытая форма) подачи негативной информации связана в рассматриваемом случае с тем, что в явной форме в вопросе спрашивается о другом: о том, кто из правоохранительных органов начнет расследование противоправной деятельности «олигарха» Кузнецова, а сама противоправная деятельность рассматривается при этом как общеизвестная информация.

Осмысленность вопроса, его уместность предполагают, что Кузнецов совершал противоправные действия. Адресат же ис-

ходя из общей предпосылки осмысленности коммуникации и вопроса — в частности получает в качестве «смыслового довеска» негативную информацию, которую говорящий по тем или иным причинам не хочет обсуждать в явном виде.

§ 5. Семантическая импликация как инструмент управления пониманием

Отношение семантического следования между предложениями определяется довольно широко и связывает, например, два предложения P и S , если предположение говорящего об истинности S влечет одновременно предположение об истинности P ¹⁸¹. Разумеется, предложение S может иметь несколько следствий. В рассматриваемом понимании пресуппозиция также связана с предложением P отношением семантического следования. В более узком смысле для разграничения пресуппозиции и других видов семантического следования вводится понятие импликации¹⁸²: предложение P есть импликация предложения S , если из S следует P , а из отрицания S следует отрицание P ¹⁸³.

За приведенным формальным определением импликации стоит некоторое языковое содержание. С семантической точки зрения импликация из некоторого предложения может выводиться на основании семантики самого предложения, а также на основании семантики предложения и знаний о мире (в частном случае — ситуации). Например, из предложения *Роман опоздал на работу из-за дорожных пробок* следуют импликации ‘Роман прибыл на работу позже, чем это требуется’, ‘Причина опоздания Романа на работу — дорожные пробки’. Эти импликации получены на основании семантики исходного предложения. Такие импликации можно назвать **узкими импликациями**, или **сентенциальными импликациями**. Если у адресата фразы

¹⁸¹ См.: *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 210, 211.

¹⁸² В текстах экспертных заключений следствия, пресуппозиции и импликации чаще всего не разделяются и просто квалифицируются как «следствия».

¹⁸³ См.: *Падучева Е.В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981.

Роман опоздал на работу из-за дорожных пробок есть знание о том, что Роман ездит на работу на автомобиле, то он сможет вывести импликацию ‘Роман опоздал на работу из-за того, что его автомобиль стоял в пробке’. Импликации, полученные на основании и семантики предложения и знаний из модели мира человека, можно назвать **широкими импликациями** или **модельными импликациями**. Модельные импликации могут быть выведены и на основании семантики нескольких предложений, на основании содержания текста или его фрагментов.

Прием использования сентенциальных и модельных импликаций, как и разобранный выше случай навязывания пресуппозиции, относится к числу скрытых приемов речевого воздействия и управления пониманием. Он также основывается на эффекте приватизации знания, поскольку импликации представляют собой имплицитную информацию, выявление которой требует от человека определенных усилий.

При проведении лингвистической экспертизы текста исследование семантических импликаций позволяет выявить скрытые утверждения, содержащие негативную информацию. Чаще всего в сферу анализа попадают широкие или модельные импликации. В приводимом ниже фрагменте текста авторской передачи А. Караулова «Момент истины» (канал ТВЦ, 2 ноября 2003 г.), посвященной деятельности бывшего министра атомной энергетики Е. Адамова, представляют интерес именно модельные импликации:

Караулов. Я в самом деле не могу понять одну вещь. Если генерал армии, бывший руководитель ФСБ страны, открыто говорит сегодня о господине Евгении Адамове то, что он говорит — Адамов опаснейший человек, со всех точек зрения опасен, способен, как я подозреваю, на все. Это не Зюганов с его перманентной истерикой. Зюганов, который настолько связан с олигархами, что Зюганов вместе с Чубайсом и Явлинским открыто поддерживает сегодня Ходорковского и «Юкос». Зюганов, Явлинский и Чубайс стоят бок о бок. Так вот, если... если одни господа на свободе, а другие в тюрьме, то почему кто-то на свободе, а кто-то в тюрьме? Ведь если закон в стране действует выборочно, то это уже не закон.

В данном фрагменте в виде импликации содержится информация о том, что ‘Е. Адамов должен сидеть в тюрьме’. Эта

импликация выводится из последовательности фраз, характеризующих процесс рассуждений Караулова: *Так вот, если... если одни господа на свободе, а другие в тюрьме, то почему кто-то на свободе, а кто-то в тюрьме? Ведь если закон в стране действует выборочно, то это уже не закон.* Действительно, под номинацией *господа* в рассматриваемой последовательности среди прочих лиц имеется в виду и Е. Адамов. Если это не так, то приведенный фрагмент оказывается семантически аномальным, поскольку он, с одной стороны, не начинает новой темы передачи, а с другой — не завершает эпизода с обсуждением деятельности Е. Адамова. М. Ходорковский к тому времени уже находился в заключении — именно он и имеется в виду под выражением *другие в тюрьме*. Фраза *почему кто-то на свободе, а кто-то в тюрьме?* является риторическим вопросом, за которым стоит утверждение ‘те, кто на свободе, должны быть в тюрьме’. На это указывает высказывание *Ведь если закон в стране действует выборочно, то это уже не закон.* То есть в рассуждениях А. Караулова обнаруживается приблизительно такая цепочка вывода: ‘(i) Использование закона привело к тому, что одни господа, совершившие преступление, сидят в тюрьме (в частности, М. Ходорковский) → (ii) Следует применить тот же закон, чтобы Е. Адамов, совершивший преступление, оказался в тюрьме’. Из (ii) как импликация непосредственно выводится информация ‘Е. Адамов должен сидеть в тюрьме’.

Эта импликация является обязательной, поскольку в противном случае последовательность фраз, характеризующих процесс рассуждения А. Караулова *Так вот, если... если одни господа на свободе, а другие в тюрьме, то почему кто-то на свободе, а кто-то в тюрьме? Ведь если закон в стране действует выборочно, то это уже не закон*», выпадает из общего содержания приведенного фрагмента, текст теряет связность. Обязательная импликация квалифицируется как скрытое утверждение.

§ 6. «Янычары семьи» — метафора и речевое воздействие

Метафора обсуждалась выше в § 2 главы 2 как один из феноменов языка, используемый для коммуникативного высказывания (профилирования) тех или иных характеристик, свойств человека, политического субъекта, юридического лица

и т.д. Одновременно метафора является могущественным средством воздействия, поскольку правомочность профилирования свойств в метафорической проекции почти никогда не обсуждается в явном виде. Только очень опытным коммуникаторам удастся оспорить правомочность использования метафоры, действующей подобно казни без суда и следствия. Посмертная реабилитация казненного по большей части выглядит жалко и никого не убеждает. Ср., впрочем, разбиравшийся выше в § 2 главы 2 пример из судебных речей известного адвоката Ф.Н. Плевако.

Метафора может сочетаться с другими приемами воздействия, образуя весьма эффективный комплекс речевых средств, способных управлять пониманием и мышлением человека. Приводимый ниже пример заимствован из речевой практики С. Доренко: в одной из его авторских передач обсуждалось убийство П. Тейтума (передача от 8.07.2001 на канале ОРТ), в котором, как следует из слов С. Доренко, оказалось замешано много высокопоставленных лиц.

Доренко. <...> Но можно ли толковать этот намек как досаду, что человек все еще жив, как удивление, что человек все еще жив? Могут ли верные лужковские люди, янычары семьи сделать так, чтобы хозяин больше не задавал недоуменных вопросов? Или чтобы, как только он спросит: «Этот человек еще жив?», ответить: «Нет, он уже мертв». <...>

В данном фрагменте метафора люди Лужкова — это янычары включена в вопрос *Могут ли верные лужковские люди, янычары семьи сделать так, чтобы хозяин больше не задавал недоуменных вопросов?* Вопрос построен таким образом, что при любом ответе на него — «да» или «нет» — адресату навязывается идея о том, что ‘у Лужкова есть верные люди’ и метафора люди Лужкова — это янычары. Адресат должен сделать дополнительное усилие, чтобы вместо положительного или отрицательного ответа задать встречный вопрос, а почему, собственно, люди Лужкова — янычары? (Подробнее о приеме «навязывания пресуппозиции» — см. выше § 4 главы 3.)

Теперь перейдем к самой метафоре. Возникает вопрос, какие следствия профилирует метафора люди Лужкова — это янычары в приведенном контексте? Очевидно, что ответ на

него прямо связан с семантикой слова *янычар*. В толковых словарях современного русского языка оно толкуется следующим образом: 'В султанской Турции: пехотинцы привилегированных войск, использовавшихся обычно в качестве карательных частей'¹⁸⁴. Известно, что янычары отличались особой жестокостью в карательных операциях. Сопоставление в метафоре людей Лужкова с янычарами профилирует два очевидных свойства (следствия) (i) 'Люди Лужкова выполняют нечто аналогичное карательным операциям по его поручениям' и (ii) 'Люди Лужкова проявляют жестокость при выполнении таких действий'.

Кроме того, как следует из толкования слова *янычар*, янычары, будучи солдатами, подчинялись приказам, причем как военнослужащие они не могли обсуждать полученные приказы и обязаны их были беспрекословно выполнять. Следовательно, есть все основания говорить и о профилировании еще одного свойства (iii) 'Люди Лужкова беспрекословно выполняют его приказания'.

Какова степень обязательности «вывода» рассмотренных свойств адресатом — зрителем передачи? Контекст передачи поддерживает коммуникативное выделение следствий (i) и (ii), поскольку все связанные с Ю. Лужковым люди характеризуются крайне отрицательно и действуют в его интересах. Ср., например, следующую фразу, в которой Н. Ковалев совершает явно подсудные действия, якобы, пытаясь выгородить Ю. Лужкова: *Факты говорят о том, что, возможно, совершенно не случайно Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Тейтума. Вот версия, опирающаяся на факты. Итак, Николай Ковалев пытается отвлечь внимание следствия от Лужкова. В роли предполагаемого убийцы обществу был предложен Джабраилов, которого позже должно было убрать спецподразделение ФСБ. <...> верный Лужкову директор ФСБ Ковалев вначале задумывает выкрасть Джабраилова. Он планирует преступление.* Что касается следствия (iii), то тут ничего определенного сказать нельзя, поскольку ни С. Доренко, ни другие участники передачи не говорят о безусловной готовности окружения Ю. Лужкова выполнять его указания. Иными словами, это, скорее всего, факультативная, необязательная информация.

¹⁸⁴ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

§ 7. Намек

Намек относится к числу способов имплицитного речевого воздействия. В толковых словарях слово *намек* толкуется как ‘слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке’¹⁸⁵, ‘слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята только по догадке’¹⁸⁶.

В статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер «Об одном способе косвенного информирования» предлагается определение категории намека и дается типология контекстов «намекания»¹⁸⁷. Несмотря на подробное рассмотрение феномена намека в указанной работе, остается целый ряд проблем, решение которых необходимо как для прояснения сущности этой категории, так и для использования понятия намека как инструмента анализа семантики и прагматики в лингвистической экспертизе текста.

Одна из таких проблем касается того, чем выражается намек — языковыми формами или коммуникативно значимыми действиями, т.е. вербально или невербально. В приведенном выше определении слова *намек* по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в качестве носителя намека могут выступать как слова, так и жесты, и поступки — т.е. невербальные сущности. В дефиниции МАСа намек может передаваться только вербальными формами — словами и выражениями. В упоминавшейся работе И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер носитель намека также ограничен только «речевыми действиями» (термин авторов). В качестве примера в статье указывается на явную неудачность использования деепричастия *намекая* во фразе с коммуникативно значимым действием: *Иван Иванович встал из-за стола, давая понять (?намекая), что разговор окончен*¹⁸⁸.

¹⁸⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

¹⁸⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

¹⁸⁷ См.: Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5.

¹⁸⁸ См.: указ. соч. С. 463.

Анализ показывает, однако, что в контекстах аутореферентного употребления глагола *намекать*, процент примеров с невербальным носителем намека довольно велик. Так, в Корпусе «Русская проза (60–90 гг.)» (порядка 25 млн словоупотреблений)¹⁸⁹ всего было обнаружено 86 контекстов употребления деепричастия *намекая*, при этом 26 из них (более 22%) приходилось на невербальный носитель намека:

а. Той порой собаки, подобравшие всю бросовую рыбу с приплесков, незаметно вползали под стол и, по сапогам, по запаху ли отыскав своего малого хозяина и друга, тыкались мокрыми носами в колени, *намекая насчет себя*. В. Астафьев. *Царь-рыба*.
б. Нищий посмотрел на мятую шляпу, наполовину наполненную медными деньгами, *намекая*. Старик торопливо достал портмоне. А. Шендарев. *Дом для пилигримов*.
в. Цокая каблуками, проходили мухусские модницы, и дядя Сандро, встречаясь с ними глазами, подкручивал ус, *намекая на веселые помыслы*. Ф. Искандер. *Сандро из Чегема*.

Приведенные контексты воспринимаются как совершенно нормальные¹⁹⁰. Следовательно, намек может передаваться не только вербально, но и невербально. Заметим, однако, что невербальное действие всегда оказывается коммуникативно значимым: так или иначе ему приписывается какая-то семантика. Для намека с невербальным носителем существенно, чтобы соответствующая семантика не была регулярной для этого носителя, т.е. жесты с фиксированным значением не могут быть носителями намека. Ср. *Он, пожал Роману руку, ?намекая на прощание/приветствие*; *При виде входящего начальства капитан вскочил и приложил руку к фуражке, ?намекая на приветствие*.

¹⁸⁹ Корпус создан в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. Об использовании корпусов текстов в лингвистической экспертизе текста см. главу 7.

¹⁹⁰ Следует отметить, что некоторые авторы склонны к такому употреблению глагола *намекать* в большей степени, чем другие, — в частности Ф. Искандер. Иными словами, иногда в этом проявляется авторский стиль. В законченном и совсем уже гипертрофированном виде «невербальный» намек обнаруживается в поэзии: *Еще дитя, еще намек, / еще в походке ошибаясь, / приходит в мир, как в свой чертог, / погоде странной улыбаясь*. Б. Ахмадулина.

По тем же причинам неудачна фраза *Иван Иванович встал из-за стола, ²²намекая, что разговор окончен* при норме *Иван Иванович углубился в бумаги, намекая, что разговор окончен*. «Углубление в бумаги» нельзя рассматривать как общепринятый невербальный знак конца разговора, в то время как пожатие руки и «отдание чести» — стандартные формы невербального приветствия.

Вторая проблема связана с «нетривиальностью» намека. В упоминавшихся словарных определениях слова *намеки* ключевое слово в понимании феномена намека — это догадка. Догадка предполагает, что читатель должен сам прийти к каким-то выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека. Эксплицитный комментарий автора текста превратил бы намек в обычное речевое высказывание, не несущее скрытого содержания, реализующего скрытую же интенцию автора. В статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер говорится в этой связи о «нетривиальности» намека. Там же отмечается, что противопоставление по тривиальности-нетривиальности не бинарно, а градуально. Действительно, догадка в намеке может основываться и на решении простой задачи, и на разгадывании сложной головоломки.

Центр категории намека — его прототипическую часть — образуют намеки, требующие решения сложной задачи. Такой намек можно назвать **истинным намеком** или **сложным намеком**. На существование такой категории намека косвенно указывает («намекает») сочетаемость слова *намеки*: *тонкий намек, туманный намек, хитрый намек, искусный намек, смутный намек, отдаленный намек*.

Важная особенность истинного намека заключается в том, что он необязателен в том смысле, что непонимание намека не приводит к явной коммуникативной неудаче — текст не теряет осмысленность и семантическую связанность. Истинный намек формирует альтернативное семантическое пространство текста, доступное только посвященным и закрытое от профанов, при этом поверхностное прочтение текста остается открытым для любого адресата. Сложные намеки — это истинные намеки, намеки в точном смысле. Они не обязательно прочитываются и не позволяют однозначно реконструировать свое содержание. Как отмечает Стросон, «суть намека заключается в том, что слушающий должен *подозревать* (не

более того) наличие определенного намерения, например, намерения вызвать или раскрыть определенное убеждение». И далее продолжает: «Намерение, которое имеет человек, говорящий намеками, по существу своему не предназначено к открытому узнаванию (попавowable)»¹⁹¹. Стросон, конечно, имеет в виду сложные намеки, образующие центр этой категории. Можно выделить следующие основные свойства центральной части феномена намека — истинного намека:

- содержание намека представлено в поверхностной форме высказывания редуцированно, в виде следов;
- содержание намека должно быть угадано адресатом;
- открытие содержания намека предполагает привлечение «экспертных» знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте;
- воздействие намека как приема управления пониманием основывается на эффекте приватизации знания;
- непонимание истинного намека не должно вести к коммуникативной неудаче в том смысле, что текст, содержащий такой намек, не должен терять связность и осмысленность, если намек не понят;
- содержание намека образует альтернативный — и более глубокий — уровень понимания текста.

Из сказанного следует, что истинный, или сложный, намек в определенном смысле факультативен, а реконструкция его содержания допускает значительную вариативность — особенно в отношении коммуникативной направленности намека, иллокуции, которая должна была бы сопровождать содержание намека.

Истинные намеки нередки в лингвистической экспертизе текста. Разберем один пример такого типа. В мае 2005 г. в журнале «Новый бизнес» появилась статья под названием «Вожеватов подался в сенаторы», в которой обсуждалась профессиональная деятельность В.А. Вожеватова, строились предположения о причинах его ухода во власть (в Совет Федерации), а также анализировалась работа компании «Рациональная логис-

¹⁹¹ Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 144.

тика», которую В.А. Вожеватов ранее возглавлял. Публикации вызвали неудовольствие со стороны В.А. Вожеватова, и был подан иск, основное содержание которого сводилось к тому, что в публикациях распространяются сведения, наносящие урон чести и достоинству истца, о том, что «Вожеватов подался в сенаторы (пошел во власть), чтобы скрыть неблагоприятные поступки в период работы в качестве президента компании «Рациональная логистика»».

Одна из основных претензий была связана с врезкой к статье, воспроизводящей (по-видимому, не вполне точно) фразу Марка Твена «Если вы украдете буханку хлеба, вас посадят в тюрьму, а если железную дорогу — сделают сенатором». В исковом заявлении была предпринята попытка связать по смыслу врезку с текстом статьи следующим образом:

В контексте всей публикации эта цитата {врезка с фразой Марка Твена. — А.Б.} несет самостоятельную смысловую нагрузку, а с учетом степени важности содержащейся в ней информации — является ключом к предыдущему абзацу.

В исковом заявлении имелся в виду абзац, графически расположенный ниже цитаты или после цитаты-врезки:

Впрочем, выступая перед депутатами думы о. Шибомаи, Вожеватов заявил, что намерен «помогать сельскому хозяйству Хабомайско-Итурупского округа через федеральные инвестиционные программы».

По смыслу слово *предыдущий* должно было указывать на другой абзац, который графически расположен выше цитаты. Вот он:

«Я уже давно не являюсь акционером компании «Рациональная логистика» и не имею к ней никакого отношения», — заявил Вожеватов.

В любом случае, к чему бы ни относилось слово *предыдущий* в обсуждаемом фрагменте искового заявления, цитата-врезка не может быть «ключом к предыдущему абзацу» по чисто формальным основаниям. Это показывает элементар-

ный эксперимент по подстановке цитаты-врезки в текст спорной статьи. Если ввести обсуждаемую цитату в текст публикации «Вожеватов подался в сенаторы» в том месте, где она визуально «разрывает» текст, т.е. между абзацем, начинающимся словами *Я уже давно не являюсь...* и абзацем, начинающимся со слов *Впрочем, выступая...*, то получается следующее:

«Я уже давно не являюсь акционером компании «Рациональная логистика» и не имею к ней никакого отношения», — заявил Вожеватов. «Если вы украдете буханку хлеба, вас посадят в тюрьму, а если железную дорогу — сделают сенатором». Марк Твен. Впрочем, выступая перед депутатами думы о. Хабомаи, Вожеватов заявил, что намерен «помогать сельскому хозяйству Хабомайско-Итурупского округа через федеральные инвестиционные программы».

Легко видеть, что при таком преобразовании результирующий текст теряет связность и осмысленность. Но этого мало: можно проделать целую серию мысленных экспериментов, помещая цитату-врезку в те или иные места текста статьи «Вожеватов подался в сенаторы» с тем же результатом: трансформированный текст будет непонятен и бессвязен. Таким образом, утверждение искового заявления о том, что «цитата из Марка Твена <...> является связкой между двумя частями текста (в первой говорится о том, что Вожеватов, создавший компанию, занимающуюся недружественными поглощениями, стал сенатором (а им становится тот, кто украл железную дорогу), а во второй — что он «подался в сенаторы» для защиты от преследования за недружественные поглощения», не отражает реальной семантики текста спорной публикации.

Иными словами, цитата-врезка не связана по смыслу с абзацем, вводящимся оборотом *Впрочем, выступая...*, как это утверждалось в исковом заявлении. Тем не менее смысловая связь цитаты-врезки с текстом статьи в целом существует, иначе ее появление в спорной статье нарушало бы общую установку на осмысленность текста: если текст порожден, то автор вкладывал в него определенный смысл, который и следует реконструировать читателю.

В тексте статьи цитата-врезка никак не комментируется (на это, кстати говоря, совершенно справедливо указывается в исковом заявлении). Такой способ организации текста представляет собой один из приемов введения намека: указание на намек выведено за рамки основного текста, чтобы содержание основного текста прочитывалось и в том случае, если намек не будет понят. Таким образом, цитата-врезка и основной текст связаны отношением намека, т.е. цитата — это намек читателю, который может быть понят, а может и остаться нераскрытым, причем в рассматриваемом случае речь идет не о регулярном, а о сложном намеке.

Действительно, правило вида ‘указание на закономерность «если Р, то Q» в ситуации раздельного описания Р', напоминающего Р, и Q', напоминающего Q, эквивалентно указанию на закономерность «если Р', то Q'» можно считать относительно регулярным способом формирования намека. Ср., сконструированный пример с той же цитатой из Марка Твена: *Огромная империя Романа Паратова возникла после череды скандалов, недружественных поглощений и странных смертей. А совсем недавно наш олигарх стал членом Совета Федерации. Воистину, «Если вы украдете буханку хлеба, вас посадят в тюрьму, а если железную дорогу — сделают сенатором»*. Нельзя не признать, что сконструированный намек абсолютно прозрачен и прочитывается очень легко. Но дело в том, что в спорной публикации очень ясно опознается Q', т.е. то, что В.А. Вожеватов стал членом Совета Федерации. Что касается Р', то его реконструкция в классическом виде (как неблагоприятная деятельность) весьма проблематична, поскольку содержательно публикация «Вожеватов подался в сенаторы» включает как негативную, так и позитивную оценку деятельности В.А. Вожеватова и компании «Рациональная логистика». В частности, в статье отмечалось, что компания *занимается девелопментом и развитием производства на приобретенных фабриках, трудоустраивает оставшихся не у дел рабочих*, что характеризует компанию «Рациональная логистика» с положительной стороны.

Следовательно, в обсуждаемом случае мы сталкиваемся с редуцированным вариантом только что сформулированной схемы намека:

‘указание на закономерность «если P , то Q » в ситуации описания Q' , напоминающего Q , эквивалентно указанию на закономерность «если P' , то Q' »¹⁹².

Понятно, что в редуцированном варианте намек оказывается куда менее прозрачным, его вряд ли можно считать продуктивным и регулярным. Но и это еще не все. Смысл ‘Вожеватов подался в сенаторы (пошел во власть), чтобы скрыть неблагоприятные поступки в период работы в качестве президента компании «Рациональная логистика»’, реконструированный в исковом заявлении, никак не может порождаться по правилу, представленному в цитате из Марка Твена. Действительно, в парадоксальном высказывании Марка Твена «Если вы украдете буханку хлеба, вас посадят в тюрьму, а если железную дорогу — сделают сенатором» имеется в виду то, что крупная кража сделает человека очень влиятельным и обеспечит ему возможность стать политиком высокого уровня. Об использовании политического прикрытия — статуса политика, государственного чиновника и пр. — для защиты от кражи и других неблагоприятных поступков в цитате речи нет. Если ориентироваться на правило, сформулированное в цитате из Марка Твена, то содержание намека имело бы следующий вид: ‘Вожеватов подался в сенаторы (пошел во власть), поскольку получил влияние за счет неблагоприятных поступков в период работы в качестве президента компании «Рациональная логистика»’. Иными словами, в исковом заявлении используется какое-то другое, совершенно нестандартное правило вывода намека. А это означает, что намек, представленный в спорных публикациях, факультативен. Не очевидно, что читатель определит именно то содержание намека, которое реконструируется в исковом заявлении.

Скорее всего, в обсуждаемом примере действует достаточно общее правило «намекания» следующего вида: ‘указание на P , мотивированное чем-то плохим Q , в ситуации указания на P' , напоминающее P , эквивалентно указанию

¹⁹² Очевидно, что возможен вариант редуцирования указанного правила «намекания» и по другому компоненту, т.е. нечто вроде ‘указание на закономерность «если P , то Q » в ситуации описания P' , напоминающего P , эквивалентно указанию на закономерность «если P' , то Q' »’.

на что-то плохое *Q'*, напоминающее *Q*. Иными словами, содержание намека в рассматриваемом случае можно сформулировать как 'что-то нечисто с уходом В.А. Вожеватова во власть'.

Для принятия решения о наличии сведений, порочащих гражданина, необходимо определить форму выражения негативной информации. Согласно закону, порочащими признаются такие сведения, которые содержат «утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в общественной или политической жизни <...>»¹⁹³.

Действительно, в спорной статье попытка интерпретации цитаты-врезки в сопоставлении с основным текстом требует угадывания сущности намека, который включает негативную информацию общего характера об В.А. Вожеватове, однако восстановить форму выражения этой негативной информации в обсуждаемом случае не представляется возможным. Это может быть и утверждение, и предположение, и выражение мнения: 'Вожеватов ушел во власть — что-то там с этим нечисто!', 'Вожеватов ушел во власть — возможно, что-то там с этим нечисто!', 'Вожеватов ушел во власть — кажется, что-то там с этим нечисто!', 'Вожеватов ушел во власть — не исключено, что что-то там нечисто!'. Однозначный вывод о форме выражения негативной информации в сложном намеке как утверждении нельзя считать правильным. Каждый из приведенных вариантов может быть восстановлен в процессе угадывания намека, но ни выражение мнения, ни выражение предположения не могут рассматриваться как сообщение порочащей информации.

В силу сказанного нельзя утверждать, что в тексте спорной статьи «Вожеватов подался в сенаторы» представлены сведения, порочащие честь и достоинство В.А. Вожеватова. Иными словами, претензии, сформулированные в иске, нельзя считать обоснованными.

Разобранный пример сложного намека отнюдь не единичен, более того, он может рассматриваться как дискурсивная

¹⁹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3.

практика современной политической публицистики. Совершенно аналогичный случай с использованием фрагмента, напоминающего врезку, и цитатой из писателя-классика, никак не упоминаемой в основном тексте публикации, обнаруживается, например, в сетевом издании www.gpni.ru в статье «Госдума отложила рассмотрение закона об НКО¹⁹⁴» (05.12.2005). Статья посвящена реакции В. Путина на критику закона об НКО, который в ответ на критические замечания поручил главе своей администрации в пятидневный срок подготовить пакет возможных поправок от имени президента в этот законопроект. Статья сопровождается рекламным баннером и текстовым фрагментом, напоминающим врезку, который расположен под рекламой и содержит следующие строки из поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: *Днем с полюбовницей тешился, / Ночью набеги творил, / Вдруг у разбойника лютого / Совесть Господь пробудил.* Такой намек можно и не понять, поскольку формально статья и текстовый фрагмент не образуют единого текста: цитата из Н. Некрасова не оформлена как врезка к статье, а скорее воспринимается как автономное образование. Более того, на нее можно просто не обратить внимания, однако если читатель обращает внимание и «взыскует» смысла, то предположение о неидиотизме отправителя текста (не всегда, впрочем, оправдывающееся) позволяет реконструировать такие формы, как ‘Путин напоминает разбойника’, ‘Путин как разбойник’, ‘Некоторые действия Путина напоминают действия разбойника’ и т.д. Иными словами, перед нами типичный пример использования намека как средства имплицитного речевого воздействия, затрудняющий точную реконструкцию вербальной формы передаваемого смысла.

На основании сказанного можно дать следующее определение категории истинного (сложного) намека:

¹⁹⁴ «Закон о некоммерческих неправительственных организациях».

Истинный, или сложный, намек — это такой способ косвенной передачи информации, который с формальной точки зрения основан на усложнении описания информации языковыми формами (реже — на использовании многозначных действий или действий с нестандартной семантикой), а с содержательной — допускает вариативность реконструкции своего содержания в процессе угадывания, в основе которого лежат преимущественно нерегулярные правила вычисления смысла и использование знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует альтернативный уровень содержания текста, непонимание которого не ведет к коммуникативной неудаче в понимании основной части текста.

В приведенной формулировке сложный намек весьма близок категории аллюзии в ее традиционном понимании¹⁹⁵, что неслучайно, если учесть, что фр. слово *allusion* и переводится по-русски как «намек». Традиция понимания аллюзии в литературоведении заставляет, однако, различать эти категории. Аллюзия отличается от намека не только еще большей степенью вариативности реконструкции содержания и сложностью его вербализации, но и тем, что аллюзия изначально не имеет какого-то прототипического полного языкового представления. Иными словами, аллюзия — это не результат редукции формы, а скорее результат ее наращивания или модификации за счет компонентов с символьным или ассоциативным содержанием. Кроме того, аллюзия — в отличие от намека — всегда интертекстуальна: она отсылает к некоторому другому тексту или другому дискурсу. Прием установления аллюзии лежит в функционировании так называемых «крылатых слов»: *авгиевы конюшни, пиррова победа, демьянова уха*.

Если исходная полная форма, с помощью которой описывается содержание, не вполне ясна, то дифференциальные признаки сложной аллюзии и намека фактически редуцируют-

¹⁹⁵ «Художественный приём, путём намёка и ассоциаций соотносящий художественный образ с образом, мотивом другого произведения или каким-н. общеизвестным фактом», см.: Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М., 2003.

ся. Примером такой нейтрализации является начальный комментарий к пьесе-шутке А. Вампилова «Свидание»: *Сценка из нерыцарских времен*. Сюжет пьесы анекдотичен. Юноша и девушка, будучи знакомы только по телефону, спешат на первое свидание друг к другу. Юноша вдруг обнаруживает, что его ботинок просит каши, и он договаривается с сапожником о быстром ремонте. У девушки, проходящей мимо, ломается каблук, и она просит юношу уступить ей место, но тот не соглашается, происходит ссора. В конце концов герои, страшно обиженные друг на друга, узнают, что спешили на свидание друг к другу. Комментарий к пьесе представляет собой намек-аллюзию на «Сцены из рыцарских времен» А.С. Пушкина, причем содержание намека-аллюзии весьма неопределенно. Это может быть установление аналогии по объему (оба произведения сравнительно невелики), указание на сходство в поведении персонажей (главные герои ведут себя совсем не по-рыцарски), указание на сходство в развитии событий — успех главного героя и т.д. Сложный намек-аллюзия построен таким образом, что недогадливость читателя никак не мешает пониманию текста в целом, поскольку прилагательное *нерыцарский* во фразе *Сценка из нерыцарских времен* само по себе семантически самодостаточно и не требует обязательной интертекстуальной отсылки к тексту А.С. Пушкина. Оно воспринимается как языковая игра: это одновременно и ‘современный’ и ‘лишенный моральных норм, приписываемых в обыденном сознании рыцарям’. Намек-аллюзия в данном случае формирует альтернативный план понимания текста, который, конечно, обогащает его содержание, но не приводит к очевидной коммуникативной неудаче, если не будет понят адресатом.

На другом полюсе параметра нетривиальности находятся легковычисляемые, реконструируемые намеки — *прозрачный намек, прямой намек, обычный намек, открытый намек, явный намек, несомненный намек, недвусмысленный намек, грубый намек*. **Регулярные**, или **продуктивные**, намеки стоятся по регулярным правилам реконструкции содержания и основываются на знаниях о мире, присущих подавляющему большинству членов языкового социума. Их аналогом в сфере лексической семантики можно считать типы регулярной многозначности слов. Продуктивные намеки образуют периферию феномена

намека. К числу продуктивных относятся намеки, построенные, например, по следующей схеме:

‘напоминание кому-л. того, что этот некто имеет *X*, эквивалентно указанию этому лицу на необходимость использования *X-а*’.

Так, фраза *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье*¹⁹⁶ представляет собой регулярный намек указанного типа, в котором содержится призыв к армии использовать оружие против правительства/власти.

Еще один пример регулярного намека реализуется во фразе *Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи»*¹⁹⁷. Его сущность можно проиллюстрировать следующей схемой:

‘здравицы в честь людей, следующих некоторому призыву-лозунгу, эквивалентны призыву следовать этому призыву-лозунгу’.

Пример регулярного намека обнаруживается и в следующем фрагменте:

Тем временем пиарщики нашего олигарха не теряют времени даром. Роман Паратов из нефтяного «барона-разбойника» оказывается вдруг ярым государственным. Человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России, берется решать за президента, что лучше для страны — когда и как вступить в ВТО, каким экономическим курсом идти правительству. Более того, амбиции Паратова, судя по его заявлениям и шепоткам вокруг, простираются уже до того, что бы самому стать государством. В статусе премьер-министра, а то и президента... Западное общество пытаются убаюкать сказкой о «чистом» Паратове и «нечистых» Тушинских племянниках. И это понятно — криминальные финансы отмываются за рубежом. Легализация имиджа закономерно следует за легализацией бизнеса и кровавых денег.

¹⁹⁶ Выступление А.М. Макашова на митинге 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади. Более подробно анализ призывов выступавших на этом митинге см. в разделе 2.3. главы 2 и в главе 6.

¹⁹⁷ Выступление В.М. Гунько на митинге 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади. Более подробно см. раздел 4.1. главы 6.

Однако эти люди надевают белые перчатки лишь для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. [Главный список].

Во фразе <...> *эти люди надевают белые перчатки лишь для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев* представлен совершенно прозрачный намек, основанный на следующей схеме:

‘указание на действие, совершаемое человеком, которое типично для участника, выступающего в роли X в некоторой типизированной ситуации, эквивалентно называнию этого участника по его роли в этой ситуации’.

В предшествующем тексте статьи упоминались Тушинские племянники и Р. Паратов (эта публикация обсуждалась выше в разделе 2.1. главы 2), т.е. словосочетание *эти люди* относится и к Паратову, и к Тушинским племянникам. Известно, что использование перчаток для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, типичное действие преступников во время совершения преступления. Следовательно, содержание намека в том, что и Р. Паратов причисляется автором текста к преступникам.

Из приведенных примеров становится ясно, что регулярный намек «вписан» в содержание текста и его понимание необходимо для сохранения связности в понимании. Регулярные или продуктивные намеки можно определить следующим образом:

Регулярный, или продуктивный, намек — это такой способ косвенной передачи информации, который с формальной точки зрения основан на усложнении описания информации языковыми формами (реже — на использовании многозначных действий или действий с нестандартной семантикой), а с содержательной предполагает обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным, т.е. угадывание, в основе которого лежат относительно регулярные правила вычисления смысла и знания адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует не альтернативный уровень содержания текста, а его имплицитную составляющую, непонимание которой может привести к коммуникативной неудаче.

Регулярные, или продуктивные, намеки во многом близки другим косвенным способам передачи смысла, основанным на регулярных преобразованиях. В частности, очевидно сходство намеков и косвенных речевых актов, т.е. случаев использования высказываний, грамматическая форма которых обычно используется для выражения иллокуции X , для выражения иллокуции Y , не равной иллокуции X ¹⁹⁸. Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* грамматически является вопросом, но реально в коммуникации чаще всего используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как истинного вопроса, вопроса в первичной функции возможно, но в практическом плане часто оказывается бессмысленным: действительно, простой ответ «да», удовлетворяющий любопытство спрашивающего, ничего не меняет в смысле удовлетворения его желания.

Таким образом, как и намеки, косвенные речевые акты относятся к непрямым способам передачи содержания. Как и регулярные намеки, они исходно основываются на некотором более или менее стандартном способе переинтерпретации речевой формы¹⁹⁹. Однако различия между этими феноменами существуют. Во-первых, косвенные речевые акты лишь по происхождению являются результатом переосмысления соответствующих грамматических форм. Фактически косвенная передача другой иллокуции уже закреплена за соответствующей фразой при ее произнесении в некоторой ситуации. Речевой акт *Не*

¹⁹⁸ См.: *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

¹⁹⁹ Приводимый в тезисах И.Б. Шатуновского вопрос *Не хотите ли вы вынести мусор?* в значении побуждения как пример нестандартного косвенного речевого акта трудно считать абсолютно нормальным (*Шатуновский И.Б.* 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004». М., 2004.). Дело в том, что он построен по аналогии с вежливыми предложениями сделать адресату что-то приятное, оказать какую-то услугу. Ср.: *Не хотите ли еще чайку?*; *Не хотите ли сигаретку?* Использование аналогичной конструкции для предложения заняться каким-то малоприятным делом смотрится странно и может интерпретироваться как форма скрытого издевательства. Так что дело здесь не в нестандартности — как раз способ косвенного выражения иллокутивной силы вполне стандартен.

могли бы вы мне передать сыр? за обедом, завтраком, ужином и т.п. стандартно понимается как просьба. Аналогично вопрос *Ну что мне с тобой делать?* по отношению к шалящему ребенку обычно понимается как выражение неудовольствия, а не как желание получить информацию. По сути, актуального переосмысления не происходит или оно существенно упрощено по сравнению с намеками. Соответствующие формы косвенных речевых актов настолько конвенциональны, что часто фиксируются в грамматиках (см., например, выделение коммуникативных функций просьбы и совета у предложений, имеющих грамматическую форму вопросов в «Русской грамматике»²⁰⁰).

Во-вторых, когда мы говорим о передаче информации (содержания) и ее представлении в языковых формах, следует разграничивать категорий «прямой — косвенный» и «эксплицитный — имплицитный». Действительно, прямой способ передачи информации чаще всего соответствует ее эксплицитному представлению в языковой форме, а косвенный — имплицитному. Однако это совершенно не обязательно. Косвенная передача смысла может быть совершенно эксплицитной. Действительно, произнося фразу *Молока не продашь ли, хозяйюшка?*, говорящий вовсе не пытается что-то скрыть, представив иллокутивную силу просьбы в имплицитном виде. Косвенная форма передачи коммуникативного намерения преследует здесь цель достижения вежливости, поскольку *не-ли*-вопрос содержит установку на негативный ответ, который и фиксируется в поверхностной форме вопроса²⁰¹. Вполне эксплицитны и другие косвенные речевые акты. В отличие от косвенных речевых актов, регулярный намек является **косвенной формой передачи содержания, приводящей к имплицитной форме выражения** этого содержания. Разумеется, истинный намек ведет к имплицитности передаваемого содержания в еще большей степени. В этом отношении намеки отличаются и от двусмысленных высказываний, в которых смысловые планы равноправны²⁰².

²⁰⁰ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. § 2591.

²⁰¹ Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1983. № 3.

²⁰² См. аналогичные наблюдения в: Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004». М., 2004.

Как показывает опыт лингвистических экспертиз, весьма часто регулярный намек используется именно для того, чтобы избежать обвинений в обнародовании нежелательной информации — ср. разобранные выше примеры, в частности, призывы *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье* и *Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи»*. Однако регулярный намек является обязательной частью плана содержания высказывания и текста и, в отличие от истинного/сложного намека, может быть реконструирован.

В-третьих, непонимание косвенного речевого акта ведет к коммуникативной неудаче. Аналогичный эффект возникает и при непонимании регулярного намека. Истинный намек в этом отношении противопоставлен и косвенным речевым актам, и регулярным намекам: его непонимание не приводит к полному краху коммуникации, поскольку содержание истинного намека образует альтернативный смысловой план.

В-четвертых, если пытаться распространить на рассматриваемые феномены понятие внутренней формы, то последняя, несомненно, есть у косвенных речевых актов: ее образует речевой акт в коммуникативной функции, типичной для соответствующей грамматической формы предложения. Иными словами, для вопросов в функции просьбы внутренней формой будет речевой акт вопроса. Намеки — как регулярные, так и истинные — в этом смысле внутренней формы лишены. Для истинных намеков внешний, эксплицитный смысловой план не менее важен, чем само содержание намека, а в регулярных намеках имплицитная часть оказывается продолжением его эксплицитной части.

Наконец, в-пятых, многие регулярные намеки с формальной точки зрения представляют собой результат усечения, редукации формы: ср. *Кое-кто не хочет заниматься* вместо *Павел не хочет заниматься*. Косвенные речевые акты, напротив, являются не редукацией формы, а ее переинтерпретацией.

Таким образом, сущность намека заключается в том, чтобы косвенно передать некоторое содержание, используя модель мира адресата — его знания о ситуации и устройстве действительности, причем это содержание оказывается в им-

плицитных слоях семантики высказывания и текста. В общем случае намек основывается на упоминании некоторого компонента типизированной ситуации (фрагмента фрейма или части алгоритма сценария), по которому адресат может реконструировать всю ситуацию в целом или те ее компоненты, которые составляют содержание намека. Если адресат не имеет необходимого фонового знания (нужной когнитивной структуры), то намек не будет прочитан, понят.

Воздействующий эффект намека, как и при использовании других скрытых способов управления пониманием, основывается на эффекте приватизации знания. Когнитивная ценность намека в том, что, угадав, вычислив содержание намека по его неполным следам в языковой форме, т.е., приложив дополнительные усилия для получения знания, человек не откажется от него и отнологизирует, иными словами, введет в модель мира, и будет склонен к его использованию.

Лингвистическая экспертиза текста по делам о защите чести и достоинства предполагает выявление способов подачи негативного содержания, т.е. выражается ли оно как утверждение, предположение, мнение и т.д. Так вот, если для продуктивных намеков это сделать можно, то сложные намеки часто не дают возможности реконструировать форму подачи содержания в указанном выше понимании.

§ 8. «Неутомимый Долдон, или Рассказни запросто»: прием концентрированного повторения информации

Ранее обсуждались приемы воздействия, основанные на косвенном, скрытом введении информации и на технологии «приватизации» знания (см. выше § 1–7). Однако речевое воздействие не обязательно имплицитно, оно может быть и совершенно явным, если у субъекта воздействия много ресурса — времени, денег, возможностей мобилизовать внимание аудитории (адресата). Постоянное — концентрированное — повторение одной и той же информации часто оказывается довольно эффективным, хотя и противоречит известному принципу: «Ты сказал один раз — я тебе поверил, ты повторил — я стал сомневаться, ты сказал в третий раз — я решил, что ты лжешь». При условии доверия (или как мини-

мум интереса) к автору, особенно если этот автор — популярный ведущий телепередачи, постоянное повторение действительно способствует успешной онтологизации знания. Специалисты по анализу дискурса отмечают эффективность этого приема — особенно в сочетании с другими речевыми стратегиями²⁰³.

Повторение оказывается эффективным способом воздействия и в том случае, если рациональных аргументов мало, их невозможно обнаружить или они отсутствуют вовсе.

8.1. «Он еще жив?», или Как вопрос становится ответом

Повторение информации как способ управления пониманием широко используется в практике телевизионных ведущих. С. Доренко в ряде антилужковских передач осенью 2001 г. использовал прием повторения вопроса (и ответа на него), приписываемого одним из участников передачи Ю. Лужкову. Речь шла об убийстве П. Тейтума — предпринимателя, одного из совладельцев крупной московской недвижимости. В СМИ того времени появлялись публикации, в которых высказывались предположения о связи убийства П. Тейтума с окружением мэра Москвы.

Доренко. <...> Свидетель говорит о словах Лужкова, о вопросе Лужкова, жив ли еще этот человек? Мне кажется, мы не можем не остановиться подробнее на этом пассаже. Как вы думаете, если от политика и руководителя такого ранга, как Лужков, другой руководитель, практикующий, например, убийства для достижения своих целей, слышит вопрос: «Он что, еще жив?» Как вы думаете, эти слова можно толковать как приказ убить, в косвенной форме? Пусть это даже не приказ, а намек. Но можно ли толковать этот намек как досаду, что человек все еще жив, как удивление, что человек все еще жив? Могут ли верные лужковские люди, янычары семьи сделать так, чтобы хозяин больше не задавал недоуменных вопросов? Или чтобы, как только он спросит: «Этот человек еще жив?», ответить: «Нет, он уже мертв». Совер-

²⁰³ См. выделение речевой стратегии «повтора» в: *Дейк Т.А. ван.* Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // *Язык. Познание. Коммуникация.* М., 1989.

шенно мертв, достаточно мертв, чтобы нравиться хозяевам, хозяину. Я хотел бы получить от Лужкова ясный и понятный ответ, совсем без экивоков. Отдавал ли он, Юрий Лужков, в какой бы то ни было форме приказ убить Пола Тейтума. Знал ли он, Юрий Лужков, о том, что кто-то еще отдал такой приказ. <...>

С формальной точки зрения весь абзац построен в модальности предположения: на это ясно указывает условная конструкция, начинающаяся словами <...> **если от политика и руководителя такого ранга, как Лужков, другой руководитель, <...> слышит вопрос <...>**. Однако затем эта тема развивается так, как будто бы уже доказано, что вопрос имел место. Причем один и тот же смысловой компонент внутри этого фрагмента текста, введенного в модальности предположения, актуализуется несколько раз. Так, отсылку к смыслу 'Вопрос «Он что, еще жив?» свидетельствует о желании убить' можно обнаружить и в риторическом вопросе *Как вы думаете, эти слова можно толковать как приказ убить, в косвенной форме?* и в последующем высказывании *Пусть это даже не приказ, а намек, а также в риторическом вопросе Но можно ли толковать этот намек как досаду, что человек все еще жив, как удивление, что человек все еще жив?*

Зрителю с помощью повторений навязывается и другая идея, что 'Тейтум убит людьми Лужкова'. Доренко целенаправленно повторяет несколько раз: *Или чтобы, как только он спросит: «Этот человек еще жив?», ответить: «Нет, он уже мертв».* **Совершенно мертв, достаточно мертв, чтобы нравиться хозяевам, хозяину.** Затем в заключении передачи Доренко опять-таки в виде вопросов повторяет несколько раз свои обвинения в адрес Лужкова: *Я хотел бы получить от Лужкова ясный и понятный ответ, совсем без экивоков. Отдавал ли он, Юрий Лужков, в какой бы то ни было форме приказ убить Пола Тейтума. Знал ли он, Юрий Лужков, о том, что кто-то еще отдал такой приказ* и т.д.

«Прием концентрированного повторения» обвинения позволяет ввести негативное знание о Лужкове и некоторых других чиновниках московского правительства в модель мира адресата, в его представления о действительности, не верифицируя это знание. Фактически перед нами «приговор суда без доказательства».

Заметим, что использование модальности предположения при введении негативной информации существенно затрудняет возможности судебного преследования говорящего.

Следует также отметить, что рассматриваемый прием более типичен для телевизионных передач, чем, например, для радио. Дело в том, что видеоряд отвлекает внимание зрителя от навязчивого повторения негативной информации. В радиопередаче при отсутствии видеоряда адресат в существенно большей степени обращает внимание на вербальную составляющую коммуникации. Тем самым навязчивое повторение одного и того же становится слишком очевидным. В этом смысле, когда С. Доренко, выступая по «Эху Москвы», использует такой прием воздействия, степень его эффективности оказывается ниже по сравнению с телевизионными передачами. Впрочем, С. Доренко старается компенсировать отсутствие видеоряда использованием разнообразных синонимических преобразований. Этим он владеет в совершенстве. Ср. одно из выступлений этого журналиста по радиостанции «Эхо Москвы» в ноябре 2005 г.:

Доренко. Я с текстом знаком, как он выступил, просто не видел физически. <...> Но, конечно, читал то, что он сказал. Медведев пытается, в общем, навести тень на плетень. Мы очень хорошо помним, я думаю, слушатели и зрители тоже очень хорошо помнят, что Зурабов, говоря о медицинской реформе, на которую теперь поставлен Медведев, сказал очень твердо: надо будет, по **50 тысяч** заплатим. Мы запомнили каждое из этих слов. Понятно, всё. Теперь я объясню, Медведев начинает нам толкать чего-то, вместо того чтобы выйти и сказать, что он заплатит врачам...

Гулько. Он сказал вчера.

Доренко. По **50 тысяч**...

Гулько. По 50 тысяч не помню, но сказал, что это первая задача — заплатить.

Доренко. Первая задача заплатить **50 тысяч**. Если Зурабов обещал, Медведева послали выполнить. Вот он должен заплатить по **50 тысяч**. Не заплатит по **50 тысяч**, «карте — место». Слово сказано. Слово не воробей. Мы очень много знаем народных мудростей на этот счет. Карте место. Сказали ребята, по **50 тысяч** заплатим. Зурабов сказал. Медведев пусть платит. Потому что он теперь в этом правительстве и это правительство в

лице Зурабова нам пообещало. Он с думской трибуны кричал: по **50 тысяч** заплатим. Прошу всю врачебную общественность запомнить это твердо.

Гулько. Хорошо. Телефонные звонки.

Доренко. И не заплатят, точно украдут.

Гулько. Посмотрим. Как раз разговор шел о том, украдут, не украдут и как надо проконтролировать, чтобы не украли.

Доренко. Заплатят 15 тысяч, значит, у вас украли 35. Все знают, что вычесть надо из **50**.

Сумма предполагаемых выплат в 50 тыс. рублей повторяется С. Доренко в очень короткое время, на очень небольшом отрезке текста интервью восемь раз! Однако контексты умело варьируются: *надо будет, по 50 тысяч заплатим; Первая задача заплатить 50 тысяч; он должен заплатить по 50 тысяч; Не заплатит по 50 тысяч; Сказали ребята, по 50 тысяч заплатим; Он с думской трибуны кричал: по 50 тысяч заплатим; вычесть надо из 50*. Интересно, что С. Доренко намеренно не говорит о том, что обещание *Надо будет — по 50 тыс. заплатим* не является безусловным, оно оговорено условием ‘если будет надо’. Если обещание было дано в такой форме, то это тоже очевидный риторический прием, позволяющий при необходимости отказаться от обещания — поди докажи, что надо!

Отметим, что в данном случае цель постоянного повторения не скрывается, а наоборот, поясняется самим журналистом: *Мы запомнили каждое из этих слов. Понятно, всё. <...> Прошу всю врачебную общественность запомнить это твердо*. Здесь прием вполне отвечает поставленной цели — обеспечивает успешность тезиса политической аргументации, согласно которому власти обманывают народ, а обещание повысить зарплату — один из примеров такого обмана (более подробно об аргументации в связи с лингвистическими экспертизами см. ниже § 12).

8.2. «Версия, опирающаяся на факты», или Как предположение сделать фактом, — дезориентация адресата повторяющейся сменой противоположных модальностей

Другой способ речевого воздействия, который позволяет сохранить формальную объективность в изложении событий и

в описании ситуации, — использование множественных показателей модальности предположения и модальности факта. В этом случае описание ситуации может вводиться показателем предположения, а затем в большом количестве используются показатели, позволяющие описать ситуацию как факт. Рассмотрим в этой связи еще один пример из речевой практики С. Доренко в уже обсуждавшейся серии телевизионных передач об убийстве П. Тейтума.

Доренко. Но, **возможно**, схема еще сложнее. Все знают, что бывший директор ФСБ Николай Ковалев работает сейчас у Лужкова и даже баллотируется в Думу от «Отечества». Это не случайно. Ковалев и в те времена, когда возглавлял ФСБ, был близок к Лужкову. **Факты говорят о том**, что, **возможно**, совершенно не случайно Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Тейтума. **Вот версия, опирающаяся на факты.** Итак, Николай Ковалев пытается отвлечь внимание следствия от Лужкова. В роли предполагаемого убийцы обществу был предложен Джабраилов, которого позже должно было убрать спецподразделение ФСБ. <...> верный Лужкову директор ФСБ Ковалев вначале задумывает выкрасть Джабраилова. Он планирует похищение.

Зритель после прослушивания последовательности *возможно... факты говорят о том, что, возможно... вот версия, опирающаяся на факты* будет совершенно сбит с толку и дезориентирован — что же действительно является фактом, а что не более чем предположение ведущего. Сфера действия модальностей предположения и факта в рассматриваемом фрагменте выступления С. Доренко переплетена. С одной стороны, весь фрагмент вводится модальностью предположения: *Но, возможно, схема еще сложнее.* Но далее появляется модальность факта: **Факты говорят о том, что...** И сразу в сфере действия модальности факта оказывается модальность предположения: **возможно, совершенно не случайно Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Тейтума.** Одновременно адресату навязывается пресуппозиция (см. выше) ‘Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Тейтума’. Далее, прием сочетания модальностей предполо-

жения-факта опять повторяется: *Вот версия* {предположение}, *опирающаяся на факты* {факт}.

Бесконечное сочетание противоречивых модальностей преследует очевидную цель: сделать так, чтобы адресат (зритель) перестал понимать, где предположение, а где — факт. Хотя изначально приведенный фрагмент вводится модальностью предположения: <...> *возможно, схема еще сложнее*. Однако затем, в самом конце фрагмента, высказывания даются уже без маркеров модальности как знание, полученное в результате обсуждения, чуть ли не как результат логического вывода. На это указывает частица *итак*, обобщающая сказанное ранее:

Итак, Николай Ковалев пытается отвлечь внимание следствия от Лужкова. В роли предполагаемого убийцы обществу был предложен Джабраилов, которого позже должно было убрать спецподразделение ФСБ. <...> верный Лужкову директор ФСБ Ковалев вначале задумывает выкрасть Джабраилова. Он планирует похищение.

Речевое воздействие проведено рукой (языком?) мастера. Лишь очень искушенный зритель вспомнит о том, что это лишь одна из версий ведущего, которая позиционировалась изначально как гипотеза, требующая проверки.

§ 9. Языковая игра как средство воздействия

В основе игрового употребления языковых выражений лежит прием осложнения понимания и остранения формы, присущий, по Шкловскому²⁰⁴, любой форме искусства. В отличие от феномена юмора, языковая игра непосредственно связана с формальной стороной употребления языковых выражений — с грамматикой, синтаксисом, прагматическими характеристиками общения. В общем плане языковую игру можно определить следующим образом:

²⁰⁴ См.: Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 3. СПб., 1919.

Языковая игра — это нестандартное, отклоняющееся от нормы использование языковых выражений, целью которого является не передача информации, а затруднение понимания, приводящее — среди прочего — к концентрации внимания участников ситуации общения на самом языковом выражении, на границах и возможностях языкового воплощения смысла.

Процесс игрового осложнения формы в результате отклонения от стандарта, как правило, приводит к возникновению нескольких смысловых планов в содержании высказывания, которые сложным образом взаимодействуют между собой²⁰⁵.

В имеющейся литературе обсуждались различные аспекты феномена игры: поведенческий (Э. Берн²⁰⁶), культурный (Й. Хейзинга²⁰⁷), языковой (Ю.К. Щеглов²⁰⁸); рассматривались специфические особенности языковой игры в обценном дискурсе и типология контекстов игрового употребления (Василий Буй²⁰⁹). Игровые контексты часто называют «несерьезными». Так, Дж. Остин, обсуждая нестандартные способы употребления языка, отмечает: «Например, существует намек (и другие *переносные* употребления языка), шутка (и другие *несерьезные* употребления языка), существуют ругань и бахвальство (это, по-видимому, экспрессивное использование языка)».²¹⁰ «Несерьезность» языковой игры с лихвой компенсируется ее эффективностью как средства воздействия, практически не подпадающего ни под какие юридические ограничения. Дей-

²⁰⁵ О таком понимании феномена языковой игры см.: *Василий Буй. Обценная идиоматика как объект лингвистического описания // Василий Буй. Русская заветная идиоматика. М., 1995.*

²⁰⁶ См.: *Берн Э. Игры, в которые играют люди. М., 1988.*

²⁰⁷ См.: *Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992.*

²⁰⁸ См.: *Щеглов Ю.К. Семиотический анализ одного типа юмора // Семиотика и информатика. Вып. 6. Грамматические и семантические проблемы. М., 1975.*

²⁰⁹ См.: *Василий Буй. Обценная идиоматика как объект лингвистического описания // Василий Буй. Русская заветная идиоматика. М., 1995.*

²¹⁰ *Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 100.*

ствительно, тот смысловой план, который порождается языковой игрой, неуловим, трудновербализуем, вариативен, а часто и вовсе факультативен.

Между тем в делах о защите чести и достоинства контексты игрового употребления языка часто анализируются среди других средств речевого воздействия. Один из примеров такого рода уже упоминался выше (см. раздел 2.1. главы 2). В подписи к фотографии *Без пяти минут «оборотень», начальник Тюлькинского УВД Василий Удалой* использован прием языковой игры, основанный на семантике идиомы *без пяти минут кто-л.* Дело в том, что данная идиома используется преимущественно по отношению к позитивно оцениваемым изменениям статуса человека. Так, можно сказать *Без пяти минут генерал, доктор наук, академик, инженер, чемпион* и пр., но стилистически и семантики плохо выглядят фразы *Без пяти минут бандит, покойник, подлец, идиот, осужденный.* В рассматриваемом примере использование идиомы *без пяти минут кто-л.* позволяет привнести семантику ожидания позитивного события: того, что В. Удалого таки посадят, уличат в чем-то. Понятно, что этот игровой компонент смысла не поддается собственно юридической оценке, поскольку его, конечно, не удастся реконструировать как утверждение или обязательное следствие.

Еще один пример из уже упоминавшейся публикации о деятельности А. Семихватова:

Такое исключительное положение ОФГ по отношению к другим акционерам позволит стоящим за Семихватовым международным спекулянтам манипулировать рынком акций Газпрома. То есть начать атаку. Даже если «ОфиГисты» и не получают никакой внутренней (так называемой инсайдерской) информации от «Делойт энд Туш», всегда можно сделать вид, что информация существует. И тогда, управляя пакетом акций Газпрома, можно (в логике Семихватова — даже нужно) организовать классическую спекулятивную операцию.

В приведенном фрагменте в номинации «ОфиГисты» используется языковая игра, основанная на аббревиатуре названия акционерного общества «Объединенная финансовая группа» — ОФГ. Корректная номинация выглядела бы как

«Оэфгисты». Выбор некорректной номинации преследует цель вызвать в сознании читателя две аллюзии — ассоциацию с семантикой глагола *офигеть* (например, офигеть от деятельности А. Семихватова и ОФГ) и ассоциацию с известным анекдотом о «пофигистах», которые представляются в нем как совершенно безнравственные люди, озабоченные только своим материальным благополучием. Очевидно, что выбранный прием игры позволяет имплицитно отождествить с людьми сомнительных моральных качеств и акционеров ОФГ, и самого А. Семихватова, при этом вербализовать конкретный вид такого отождествления затруднительно. Иными словами, установить форму выражения смысла, оценить эту форму как утверждение, предположение, мнений и т.д. не представляется возможным.

Языковая игра в ряде случаев позволяет фиксировать в сознании адресата нужную говорящему языковую форму и при этом избежать ответственности за необоснованные обвинения. В деле, связанном с выборами регионального уровня, ведущая телевизионной передачи следующим образом оформляет свои суждения о деятельности исполняющего обязанности мэра:

Ведущая. Да, действительно, небольшие выводы за эти полгода, которые Петр Березкин исполняет обязанности мэра, действительно можно сделать. Конечно, не юридические, а моральные. Например, выводы о патологическом не скажу вранье, но скажу лукавстве ИО.

В рассматриваемом фрагменте использовано прилагательное *патологический* в значении ‘отклоняющийся от нормы, болезненно-ненормальный, уродливый’²¹¹. Журналистка в явной форме отказывается от использования слова *вранье*, заменяя его на *лукавство*, однако слово *патологический* не отвергается. Использованная риторическая фигура имеет в данном случае два важных следствия. Во-первых, слово *патологический* остается, что придает слову *лукавство* очевидный негативный стилистический оттенок. Впрочем, в современном русском языке значение слова *лукавство* также скорее негативно, чем позитивно: ‘хитрость, коварство’²¹². Во-вторых, словосочетание

²¹¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

²¹² См.: Указ. соч.

патологическое лукавство в современном русском языке отсутствует. Это звучит не по-русски. Иными словами, у зрителя, являющегося носителем русского языка, фиксируется в сознании стандартное словосочетание *патологическое вранье*. Использование языковой игры позволяет ведущей передать негативную информацию о том, что П. Березкин имеет обыкновение говорить неправду гражданам. В отличие от предшествующих способов языковой игры, в разобранным примере имеются основания для квалификации формы передаваемой негативной информации как скрытого утверждения в силу того, что выражение *патологическое вранье* является в современном русском языке коллокацией — устойчивым выражением, характеризующимся минимальной степенью идиоматичности.

Похожий прием используется журналисткой и дальше:

Ведущая. Так что я не скажу лжет, но как-то очень мелко и склизко лукавит господин Березкин, когда говорит, что не занимается политикой, не готовится к выборам, да и вообще еще не решил, будет ли он участвовать в этих выборах или нет.

В приведенной фразе присутствуют слова *мелочно* и *склизко*, которые в русском языке в данном контексте имеют значения, соответственно, ‘основываясь на мелочах, на несущественном’ и ‘таящий в себе что-л. опасное, затруднительное или сомнительное, двусмысленное’²¹³. Анализируемые прилагательные также привносят отчетливую негативную составляющую в значение глагола *лукавить*: ‘хитрить, притворяться, имея какой-л. умысел’²¹⁴, что ‘таит в себе что-л. опасное, затруднительное или сомнительное’. Тем самым и в данном фрагменте П. Березкин характеризуется как человек, который говорит неправду гражданам.

Как уже отмечалось выше, языковая игра часто предполагает формирование множественных смысловых уровней —

²¹³ См.: Указ. соч. Т. 2. М., 1986. Т. 4. М., 1988. Слово *склизкий* относится к просторечным формам. В литературном языке ему соответствует наречие *скользко*, толкование которого и воспроизводится в тексте заключения.

²¹⁴ См.: Указ. соч. Т. 2. М., 1986.

возможностей понимания и интерпретации текста. Естественный и органичный способ создания нескольких смысловых планов — использование многозначности слов или эксплуатация омонимов. В уже упоминавшейся серии авторских программ С. Доренко на ОРТ (14.11.1999, 21.11.1999, 28.11.1999 и 05.12.1999) среди прочего обсуждалось судебное дело, возбужденное Ю. Лужковым о защите чести и достоинства. Как известно, слово *достоинство* кроме автономного употребления в значении ‘совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе’²¹⁵ используется еще и в устойчивом словосочетании *мужское достоинство*, обозначающем мужской половой орган. С. Доренко пытался играть на этом, говоря, что его обвиняют в том, что он *ущемил ему (Лужкову) достоинство*. Когда Г. Крылова — адвокат Ю. Лужкова — обратила на это внимание, С. Доренко заявил, что Г. Крылова видит непристойность там, где ее нет. Причем фраза *ущемить достоинство Ю. Лужкова* дополнительно обыгрывалась кадрами процесса, когда Г. Крылова во время выступления, по-видимому, волнуясь, сдавливала кожу на своей руке. С. Доренко комментирует это следующим образом:

Со стороны это выглядит ужасно, но, возможно, это какой-то сайентологический прием. Ущемления плоти. Того самого ущемления плоти, которое, как она думала, мы сделали ее доверителю.

Непристойный смысл, вкладываемый С. Доренко в слова Г. Крыловой, в комментариях ведущего развивается и обрастает невероятными подробностями:

Так, например, адвокат Лужкова настаивала не менее двух раз, что слово *достоинство*, в применении к мэру Москвы не может означать моральные качества. <...>.

Больше того, по ущемлению достоинства вообще вопросов на этой неделе не было. <...> Из чего я делаю вывод о том, что мэрская сторона смирилась с ущемлением его достоинства не только в том смысле, который имел в виду я, но и в непристойном смысле, на котором настаивала адвокат <...>.

²¹⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

В применении к мэру слово достоинство, по-видимому, означает такую разновидность какого-то непотребства, о котором адвокат мэра знает, видела даже, но никому не скажет.

Г. Крыловой приписывается такое понимание слова *достоинство*, которое она не имела в виду, причем говорится, что Г. Крылова настаивала на этом понимании: *мэрская сторона смирилась с ущемлением его достоинства не только в том смысле, который имел в виду я, но и в непристойном смысле, на котором настаивала адвокат.*

С. Доренко конструирует совершенно немыслимые ситуации, не забывая, впрочем, эксплицитно указать на их гипотетичность:

Доверитель Лужков, несомненно, мог показать адвокату то, что они между собой называют его достоинством. Или, по крайней мере, описать это что-то. И очень может быть, что у Крыловой есть основания оценивать это что-то у мэра как вполне пошлую вещицу.

Слова и словосочетания *мог, может быть, по крайней мере* переводят обсуждение в сферу предполагаемого, не вполне реального (см. понятие лексем-ограничителей в § 14 главы 3). Более того, ведущий демонстративно отрешивается от каких бы то ни было подозрений в свой адрес, при этом идея того, что Г. Крылова обсуждала со своим доверителем что-то непристойное, сохраняется: *Но я категорически против того, чтобы мне приписывали осведомленность в их секретах подобного рода.* И тут же С. Доренко опять повторяет то же самое, но с лексическим показателем предположения: *Впрочем, возможно, между этими двумя женщинами и мэром есть секреты, и я не хотел бы вторгаться в сферу их внеслужебных отношений.* Налицо совмещение нескольких приемов воздействия — концентрированное повторение негативной информации, «замазывание», «Ad Нос'овый негатив» и, наконец, языковая игра, основанная на многозначности.

Возникает вопрос, можно ли что-то предпринять против такой речевой агрессии, продуманно подготовленной и профессионально исполненной? Практика лингвистических экспертиз показывает, что можно, хотя это и не вполне триви-

альная задача. В рассматриваемом случае С. Доренко, будучи очень талантливым коммуникатором, тем не менее допустил ошибку, которая выявляется средствами семантического анализа. Изначальное предположение С. Доренко о возможности понимания выражения *ущемить достоинство кому-л.* в значении ‘нанести урон общественному лицу кого-л., его представлениям о собственных высоких моральных качествах’ некорректно. Дело в том, что *ущемить достоинство* имеет нужное С. Доренко значение только при управлении родительным падежом — *ущемить достоинство кого-л.* (ср. *выражения нанести урон имиджу кого-л., задеть честь кого-л., эксплуатировать самолюбие кого-л.*). Дательный падеж однозначно указывает на «непристойное» понимание — ср. *прищепил руку Роману, порезал себе палец*. Тем самым выражение *ущемить достоинство кому-л.* понимается только в «непристойном» значении, но такое управление (с дат. падежом) появляется именно в словах С. Доренко, а не в выступлении Г. Крыловой. Иными словами, иск Г. Крыловой о защите чести и достоинства по отношению к С. Доренко в данном случае совершенно оправдан и лингвистически обоснован²¹⁶.

Формирование второго смыслового плана в содержании языкового выражения, дающего игровой эффект, может достигаться и за счет использования метаграфематического оформления текста, т.е. варьирования гарнитур, кегля, замены строчных букв на прописные, привлечения «внутригарнитурных» выделений — курсива, разрядки, полужирного шрифта и т.д. Это область взаимодействия вербальной и невербальной составляющей текста (см. подробнее главу 5). В одной из спорных публикаций об известном бизнесмене С. Великанове был использован подзаголовок «*Новый ИУДАизм*». Поскольку и вся статья была посвящена С. Великанову, и в рассматриваемой главке шла речь об С. Великанове, то выделенный фрагмент названия *ИУДА* отождествляется с ним же. Согласно МАСу слово *Иуда* имеет стилистическую помету *бранное* и употребляется по отношению к предателю, изменнику²¹⁷. Аналогичную

²¹⁶ См. также комментарии по поводу данного дела в: *Левонтина И.Б.* Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2.

²¹⁷ См.: *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.*

помету это слово имеет в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова²¹⁸. Тем самым анализируемый пример языковой игры используется для передачи негативной информации об С. Великанове. Более того, можно ставить вопрос и о наличии признаков оскорбления, поскольку использование слова *Иуда* в указанном значении, т.е. как бранного слова, в СМИ можно квалифицировать как унижение чести и достоинства в неприличной форме. Языковая игра в данном случае не снижает негативность номинации, однако она позволяет скрыть или по крайней мере завуалировать то, к кому непосредственно относится номинация, т.е. акт установления референции номинации. Следовательно, в лингвистическом заключении потребуются уделить значительное место доказательству того, что под Иудой имеется в виду именно С. Великанов.

§ 10. «По слухам» — ссылка на неизвестный источник

Автор текста далеко не всегда хочет нести ответственность за негативную информацию, которую по разным причинам передает адресату. В этом случае часто используется прием ссылки на неизвестный источник, который по большей части невозможно проверить, — *по слухам, по непроверенной информации, по сообщениям прессы, по информации из осведомленных кругов*. Понятно, что ссылка на неизвестный источник совершенно не предполагает наличия этого источника.

Концентрированный пример использования такого приема обнаруживается в следующем текстовом фрагменте, типичном для публикаций современных информационных войн:

Между тем ***среди русских сотрудников техперсонала комплекса ходит упорный слух*** о том, что скоро уволят всех и сразу: просто не пустят на работу, где уже поменяли и усилили охрану. Масло в огонь подлила ***прошедшая где-то информация*** о том, что из торгового дома «Удачная покупка», хозяином которого также является Али Мухамеддинов, подобным образом было уволено 1500 русских сотрудников, вместо которых были наняты работавшие на Манежном рынке таджикки. <...> У работаю-

²¹⁸ См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.

щих в торговом комплексе арендаторов *свои слухи*. **Согласно одному из них**, половину, сдаваемых в аренду торговых площадей новые владельцы займут своей собственной торговлей.

Фразы *среди русских сотрудников техперсонала комплекса ходит упорный слух; работающих в торговом комплексе арендаторов свои слухи; прошедшая где-то информация* позволяют автору публикации, по крайней мере частично, снять с себя ответственность за негативную информацию об Али Мухамединове.

§ 11. Введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста

Различные жанры, или дискурсивные типы, текстов кроме тематики и специфических дискурсивных практик (см. подробнее § 6 главы 2) различаются еще и коммуникативными установками, ожиданиями, которые обычно возникают у участников. Так, приходя на лекцию, студент университета готов к восприятию новой информации, круг коммуникативных ожиданий верующего на проповеди связан с оценкой тех или иных событий в рамках постулатов веры соответствующей конфессии, коммуникативные установки покупателя на рынке определяются активизацией стратегий торга — способов спора по поводу цены товара, скидок и пр. Понятно, что человек с коммуникативными установками покупателя на рынке будет дезориентирован на проповеди и может нарваться на конфликт с верующими, а студент, воспринимающий слова торговца как лекцию профессора в университете, рискует существенно переплатить за товар. Эксплуатация установок, характеризующих жанр и дискурсивный типа текста, представляет собой весьма действенное средство управления пониманием. Его можно определить следующим образом:

Введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста основывается на порождении коммуникативных ожиданий относительно некоторой обсуждаемой сущности, типичных для жанра X, позволяющих автору текста онтологизировать эту сущность в сознании адресата нужным ему образом, т.е. навязать относительно этой сущности выгодные ему представления.

Характерные примеры введения в заблуждение жанром текста легко обнаруживаются в публикациях из области маркетинговых войн. В уже упоминавшейся статье ««Драг-Центр-Торг» отходит на окраины» (см. раздел 2.2. главы 2) речь идет о том, что сеть магазинов «Драг-Центр-Торг» якобы продает свои магазины в центре Москвы и перемещается на окраины города. Для того чтобы ввести «Драг-Центр-Торг» в контекст якобы существующих у этой сети финансовых и маркетинговых трудностей, статья оформляется в жанре «Проблема в мнениях аналитиков и экспертов». Интересно, что количество аналитиков при крайне небольшом объеме публикации (порядка трех с половиной тысяч знаков) и отнюдь не глобальной проблеме превосходит все ожидания — целых шесть человек, при этом авторов — три человека. Понятно, что при такой подаче вопроса деятельность ОАО «Драг-Центр-Торг» становится в один ряд с эсхатологическими проблемами современной России.

Некоторые жанры текстов и даже типы дискурсов вызывают обоснованное подозрение участников коммуникативной ситуации. В первую очередь это относится к рекламе. Как известно, скрытая реклама («джинса») запрещена федеральным законодательством. Например, ст. 5 Федерального закона «О рекламе»²¹⁹ определяет общую форму рекламного дискурса — реклама должна быть распознаваема как таковая без привлечения специальных знаний, рекламные сообщения формулируются на русском языке (или других языках РФ). В коммуникативной ситуации восприятия рекламы адресат готов к преувеличениям и искажениям в характеристиках рекламируемого продукта или услуги, если не в виде прямого обмана (что опять-таки запрещено законодательно), то в виде умолчаний, неточностей и т.п. Понятно, что сокрытие рекламного характера текста существенно снижает «критичность» ожиданий адресата и позволяет воздействовать на него в нужном направлении — побудить купить товар или воспользоваться предлагаемой услугой. Сокрытие характеристик рекламного дискурса представляет собой вариант приема введения в заблуждения жанром текста, который можно назвать приемом сокрытия жанра текста:

²¹⁹ Федеральный закон от 18 июля 1995 г. § 108-ФЗ «О рекламе» (с изм. от 18 июня, 14 декабря, 30 декабря 2001 г.).

Соккрытие жанра (дискурсивного типа) текста как средство воздействия и прием управления пониманием заключается в том, что текст, реально относящийся к одному жанру X, который порождает коммуникативные ожидания Int-X, подается как представитель жанра Y, порождающего коммуникативные ожидания Int-Y, причем коммуникативные ожидания Int-Y позволяют автору текста скрыть от рационального и/или критического рассмотрения адресатом некоторые особенности семантики этого текста.

Обсуждаемый прием речевого воздействия оказался в центре иска к страховой компании — «Национальной страховой лиге». Суть дела заключалась в следующем. Страхователю при заключении договора страхования от угона транспортного средства была предложена брошюра, состоящая из трех частей. В каждой из частей с различной степенью подробности рассматривались страховые случаи. Первая часть брошюры, по сути, была рекламной, хотя какие бы то ни было указания на рекламный характер текста отсутствовали. В этой части условия страхования от угона были даны в редуцированной форме. Поскольку клиент компании не был предупрежден в явной форме о рекламном характере указанных условий страхования и о том, что на самом деле документов требуется существенно больше, то когда произошел страховой случай, у страхователя возник конфликт с компанией, который решался в суде.

По логике, сначала **(i)** требовалось показать, что три части брошюры представляют собой единый текст, а не три автономных текста, в которых обсуждаются различные сферы страхования. В противном случае страховая компания могла бы указать, что даже если первая часть носит скрытый рекламный характер, это не освобождает клиента от знакомства с другими текстами. Далее, **(ii)** необходимо было установить, описывают ли фрагменты трех частей брошюры, относящиеся к угону, один и тот же страховой случай. И наконец, **(iii)** следовало объяснить, в чем причина различного описания одного и того же страхового случая в различных разделах брошюры. Иными словами, сделать окончательный вывод о жанре первого раздела брошюры, его дискурсивном типе.

Рассмотрим первую задачу лингвистической экспертизы в обсуждаемом случае — проблему единства текста.

(i) В лингвистике текста и семиотике текст рассматривается как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность»²²⁰. Из приведенного определения можно выделить следующие признаки текста:

- Последовательность знаков (в том числе слов, предложений).
- Связность.
- Цельность.

Если говорить о письменном тексте, то последний характеризуется еще и характеристиками топографематического оформления, т.е. способами представления текста в графической форме как единого целого на полосе газеты, книги, журнала и т.д.²²¹ Здесь оказываются существенными такие свойства письменного текста, как наличие сквозной нумерации, существование единой системы оформления заголовков разделов и пр.

Анализ информационной брошюры о полисе автострахования в «Национальной страховой лиге» показывает, что это последовательность предложений и абзацев, характеризующаяся семантической связностью. Под семантической связностью в лингвистике текста понимается существование семантических связей между предложениями и более крупными компонентами текста — сверхфразовыми единствами, абзацами²²². Эти связи проявляются на уровне синтаксиса предложения в использовании анафорических местоимений, на уровне фраз и последовательностей предложений — в актуальном членении (в такой смене тем и рем, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего), в существова-

²²⁰ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 507.

²²¹ См.: *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990.

²²² См. по этому поводу ряд исследований в сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

нии высказываний, связанных по коммуникативной функции²²³ (вопрос — ответ, требование — реакция на требование, удивление — реакция на удивление и т.п.).

Все эти типы связности представлены в брошюре о полисе автострахования. Например, обнаруживается семантическая связь двух предложений, которая отражается в использовании анафорических местоимений:

Самое распространенное — это Дорожно-Транспортное Происшествие, или ДТП. Его определение содержится в Правилах Дорожного Движения. [с. 4 брошюры]

Здесь словосочетание *Дорожно-Транспортное Происшествие* и аббревиатура *ДТП* обозначены в первом предложении в полной форме, а во втором — с помощью личного местоимения *оно* (в род. падеже).

Обнаруживается связь и на уровне актуального членения:

[Противоправные действия третьих лиц]_{Тема1} — [это любой ущерб, который может быть нанесен Вашему автомобилю этими самыми лицами]_{Рема1}. [Чаще всего это]_{Тема2} [разбитые стекла и фары <...>]_{Рема2} [с. 4 брошюры]

В приведенном примере Рема₁ стала Темой₂ последующего предложения. Кроме связи по актуальному членению, предложения в рассматриваемом примере связаны и использованием указательного местоимения *это*. Как показывает анализ, это типичный для исследуемого текста способ организации межфрагментных связей.

Связь фрагментов текста по коммуникативной функции широко представлена в рассматриваемой брошюре на стр. 4–6. Там связь такого типа используется как прием текстообразования: фрагменты текста сформированы по принципу «вопрос — ответ». Например, *Какие случаи считаются страховыми?* — далее следует развернутый ответ (с. 1), или *Что такое Страховая Сумма?* — далее опять следует ответ (с. 5).

Обсуждаемые типы семантических связей между предложениями типичны для рассматриваемой брошюры.

²²³ Иллокутивная связь высказываний в тексте, см. подробнее: *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // Вопросы языкознания. 1992. № 2.*

Свойство семантической цельности текста проявляется в том, что он должен соответствовать одной или нескольким темам. Если тем несколько, то они, в свою очередь, должны быть связаны между собой с семантической точки зрения. Очевидно, что в обсуждаемом случае содержание брошюры также является цельным, поскольку она в целом посвящена описанию условий автострахования в Национальной страховой лиге. На это указывает и обращение генерального директора этой страховой компании, помещенное на обороте обложки. В различных разделах брошюры дается информация о страховщике (с. 2), перечисляются программы страхования (с. 3); обсуждаются наиболее типичные вопросы, возникающие в связи с автострахованием (с. 4–6), дается информация о том, что следует делать в экстренном случае (с. 7), приводятся бланки заявлений к полису (с. 9–12); излагаются Правила страхования в данной страховой фирме (с. 13 и далее).

Оформление брошюры (ее топографематические характеристики) также указывает на то, что перед нами единый текст. Страницы брошюры имеют единую сквозную нумерацию. На стр. 1 помещен раздел «Содержание», в котором отражены все структурные компоненты брошюры. В рамках отдельных частей брошюры (разделов) выдержаны единые принципы оформления (верстки). В частности, для каждого из разделов использованы свои гарнитуры или варианты одной гарнитуры, различающиеся кеглем графем, расстоянием между графемами («конденсированный» vs. «неконденсированный» шрифт), высотой графем, межстрочным интервалом (в первом разделе, помещенном на с. 4–6 он довольно значителен).

Существенно, что все части (разделы) брошюры, различающиеся с точки зрения внешнего оформления, объединяет свойство цельности текста — связь с единой глобальной темой, а именно информацией о автостраховании в Национальной страховой лиге.

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что исследованная брошюра представляет собой единый текст. На это указывают следующие свойства: 1) свойство цельности брошюры, в которой излагается информация об условиях автострахования в Национальной страховой лиге; 2) свойство связности предложений и групп предложений в брошюре

(связь по анафорическим местоимениям, по актуальному членению, а также по коммуникативной функции высказываний); 3) некоторые топографематические характеристики — особенности оформления брошюры как единого печатного издания.

В каждой из трех частей брошюры обнаруживаются следующие фрагменты:

Фрагмент 1

Угон²²⁴. Если Вы застраховали свой автомобиль от Угона, то получите выплату, если его украдут или с угрозой применения насилия выдворят Вас из машины. <...> Вообще, для законного признания случая страховым нашей страховой компании достаточно справки о возбуждении уголовного дела по одной из статей УК РФ: «Кража» № 158, «Грабеж» № 161, или «Разбой» № 162 [Часть 1, с. 4].

Фрагмент 2

НАПОМИНАЕМ: какие документы нужны в первую очередь для оформления страховой выплаты:

Заявление о страховом случае в письменной форме в срок, установленный Правилами страхования.

Следующие документы, по требованию эксперта Страхового общества:

<...>

При угоне: Справка из милиции о возбуждении уголовного дела.

<...>

Фрагмент 3

1.1. На основании настоящих Правил и действующего законодательства Российской Федерации ООО «Национальная Страховая Лига» (далее Страховщик) заключает договоры добровольного страхования средств автотранспорта с юридическими и физическими лицами (далее Страхователи).

6.1. Договор страхования является соглашением между Страхователем и Страховщиком, в силу которого Страховщик обязуется при страховом случае произвести страховую выплату Страхователю <...>

²²⁴ Здесь и далее выделение повторяет выделение в тексте оригинала.

7.5.8. Для принятия решения о выплате страхового возмещения предоставить:

<...>

в) при угоне:

— справку из ОВД (форма № 1) о возбуждении уголовного дела;

— оригинал паспорта транспортного средства;

— оригинал свидетельства о регистрации транспортного средства;

— заводские комплекты ключей (согласно штатной комплектации);

— в случае приобщения указанных документов или ключей к материалам уголовного дела — справку о приобщении из ОВД <...>;

— оригинал договора или иного документа, подтверждающего принятие автотранспортного средства на хранение (при угоне с охраняемых автостоянок, гаражей и других специальных площадках, предназначенных для хранения автомобиля);

<...>.

По логике рассмотрения данного текста на следующем этапе исследования следует выяснить, описывают ли три приведенных фрагмента одну и ту же ситуацию — один и тот же страховой случай.

(ii) Анализ приведенных фрагментов показывает, что они относятся к одной и той же ситуации угона автотранспортного средства. На это в явном виде указывают номинации этой ситуации в приведенных фрагментах:

Угон. Если Вы застраховали свой автомобиль от Угона, то получите выплату, если его украдут или с угрозой применения насилия выдворят Вас из машины. (Фрагмент 1)

При **угоне**: Справка из милиции о возбуждении уголовного дела. (Фрагмент 2)

в) при угоне: (Фрагмент 3)

Слово *угон*, обнаруживающееся во всех трех фрагментах, однозначно говорит об одной и той же ситуации — страховом случае.

В лингвистике текста как сходство, так и различие в текстовом представлении ситуации прослеживается на двух уров-

нях — на уровне выбора и описания участников ситуации и выбора и описания действий этих участников. В качестве участников в данном случае выступают страховая компания (страховщик) и страхователь, а в качестве событий — условия признания страхового случая. Рассмотрим способы называния (номинации) участников и событий, представленные в приведенных фрагментах. Представим результаты анализа в виде двух таблиц, в столбцах которых указывается способ номинации страховщика и страхователя в выбранных фрагментах текста брошюры (табл. 5), и упомянутые в указанных фрагментах условия признания страхового случая (табл. 6).

Таблица 5. Способы номинации страховщика и страхователя в обсуждаемых фрагментах текста брошюры

	Фрагмент 1	Фрагмент 3	Фрагмент 3"
страховщик	<i>наша страховая компания</i>	Страховое общество	<i>Страховщик, ООО «Национальная Страховая Лига»</i>
страхователь	Вы	[в явном виде не упомянут]	<i>юридические и физические лица, страхователи, страхователь</i>

Анализ показывает, что во всех случаях под страховщиком имеется в виду одна и та же страховая компания, а под страхователем любой человек, который заключает с компанией договор о страховании транспортного средства. То есть страховщик соотносится в рассматриваемых фрагментах с конкретным субъектом (референтом), а страхователь — с обобщенным. На первое указывает то, что на обложке брошюры в качестве заголовка присутствует номинация «Национальная страховая лига». Эта же номинация обнаруживается во фрагменте 3, причем ей сопоставлена также номинация «Страховщик». Поскольку в тексте брошюры не говорится о других страховых компаниях, то очевидно, что во всех рассмотренных случаях имеется в виду ООО «Национальная страховая лига». Об этом же говорит и обращение генерального

директора данной страховой фирмы, помещенное на обороте обложки брошюры.

На обобщенный референтный статус страхователя указывают следующие факты: 1) обращение в форме личного местоимения *Вы* во фрагменте 1 относится к любому читателю текста, рассматриваемому как потенциальный или реальный страхователь; 2) во фрагменте 2 явное упоминание страхователя отсутствует, однако обращение *НАПОМИНАЕМ: какие документы нужны в первую очередь для оформления страховой выплаты* относится к любому реальному страхователю; 3) номинации *юридические и физические лица, страхователи, страхователь* относятся к любому реальному страхователю. Множество адресатов местоимения *Вы* во фрагменте 1 шире, чем обсуждаемых номинаций во фрагментах 2 и 3: во фрагменте 1 — это любой читатель, рассматриваемый как реальный или потенциальный страхователь, а во фрагментах 2 и 3 имеются в виду только реальные страхователи. Однако обобщенный референтный статус страхователя в этом случае не меняется. Расширение адресатов местоимения *Вы* во фрагменте 1 связано с тем, что он, кроме информационной, выполняет еще и рекламную функцию (см. по этому поводу ниже).

Таким образом, состав участников ситуации угона, описываемой во фрагментах 1, 2 и 3 фактически идентичен: это страховщик (ООО «Национальная страховая лига») и реальный или потенциальный страхователь.

Таблица 6. Состав условий страхового случая и способы их номинации

	Фрагмент 1	Фрагмент 3	Фрагмент 3"
страховщик	признает случай страховым/ выплачивает деньги	<i>оформляет страховую выплату</i>	принимает решение о выплате страхового возмещения
страхователь	1) страхует автомобиль; предоставляет:	1) [страхует автомобиль]; предоставляет:	1) [страхует автомобиль]; предоставляет:

	Фрагмент 1	Фрагмент 3	Фрагмент 3"
	<p>2) справку о возбуждении уголовного дела по одной из статей УК РФ: «Кража» № 158, «Грабеж» № 161 или «Разбой» № 162</p>	<p>2) заявление о страховом случае в письменной форме в срок, установленный Правилами страхования; 3) справку из милиции о возбуждении уголовного дела</p>	<p>2) справку из ОВД (форма № 1) о возбуждении уголовного дела; 3) оригинал паспорта транспортного средства; 4) оригинал свидетельства о регистрации транспортного средства; 5) заводские комплекты ключей (согласно штатной комплектации); 6) в случае приобщения указанных документов или ключей к материалам уголовного дела — справку о приобщении из ОВД; 7) оригинал договора или иного документа, подтверждающего принятие автотранспортного средства на хранение (при угоне с охраняемых автостоянок, гаражей и других специальных площадках, предназначенных для хранения автомобиля)</p>

Из табл. 6 видно, что действия страховщика во всех данных фрагментах описываются сходным образом, причем речь идет о признании наступления страхового случая и принятии решения о выплате денег. Действия страхователя в одной и той же ситуации описаны с различной степенью подробности (детализации): если во фрагменте 1 при общем условии страхования автомобиля упоминается только справка о возбуждении уголовного дела, то во фрагменте 2 речь идет еще и о заявлении о страховом случае, а во фрагменте 3 перечисляются еще пять дополнительных условий.

Все три фрагмента текста описывают одну и ту же ситуацию угона автотранспортного средства и связанные с ней действия страхователя и страховщика. Во всех фрагментах имеются в виду под различными номинациями два участника ситуации страхователь и страховщик. В качестве страховщика выступает ООО «Национальная страховая лига», а в качестве страхователя — юридическое или физическое лицо.

На последнем этапе проведения лингвистической экспертизы текста по данному делу требуется определить реальный коммуникативный статус первой части спорного текста брошюры, т.е. выявить, идет ли речь о скрытой рекламе, использован ли прием сокрытия жанра текста.

(iii) Анализ табл. 6 показывает, что различные описания ситуации угона автотранспортного средства и связанные с ней действия страхователя и страховщика во фрагментах 1, 2 и 3 различаются степенью подробности изложения условий, при которых страховщик признает страховой случай угона и принимает решение о выплате страхового возмещения. Фрагмент 1 оказывается наименее подробным: в нем, кроме самого страхования автомобиля, упоминается только справка о возбуждении уголовного дела по факту угона. Во фрагменте 2 условия описаны несколько более подробно, здесь содержится еще упоминание о заявлении о страховом случае. Самым подробным оказывается третий фрагмент, в котором перечисляются еще пять дополнительных условий.

Такое различие в степени подробности описания действий страхователя для признания случая страховым и принятия решения о выплате денег связано с коммуникативной функцией разделов текста брошюры, в которых содержатся соответствующие фрагменты. Фрагмент 1 помещен в самое начало раздела, в котором речь идет о наиболее типичных вопросах страхователей (с. 4). Эта часть брошюры преследует две коммуникативные цели: информирование потенциального клиента (страхователя) и реклама. Информационная функция очевидна: в этой части брошюры помещены действительно самые частые вопросы: *Какие случаи считаются Страховыми?*; *Что такое Страховая Сумма?*; *Что такое Франшиза?* и т.д. Рекламная цель данной части текста проявляется, например, в том, что авторы пытаются показать потенциальному клиенту, что страхование у данного страховщика удобно (<...> *наша стра-*

ховая компания не требует от Вас справок из милиции по каждой царапине <...>; (пункт 7.5.8.б) Правил Автострахования позволяет Вам не утруждать себя походами в местное отделение милиции <...>), выгодно (Что такое Франшиза? Это возможность заплатить за полис на 10–25% меньше.) и т.п. Коммуникативная функция той части текста, в которой помещен фрагмент 2, иная — это напоминание страхователю о документах, которые нужны в первую очередь для начала оформления страхового случая. Наконец, раздел «Правила страхования» имеет как информационный, так и чисто юридический характер, определяя все условия оформления страхового случая.

Если учесть указанные коммуникативные функции частей текста, в которых представлены анализируемые фрагменты, то причины различия в степени подробности описания становятся очевидны. Наименее подробное описание во фрагменте 1 связано с тем, что, преследуя рекламные цели, авторы брошюры хотели показать, насколько легко происходит оформление страхового случая по угону. Для читателя текста такого типа основная проблема заключается в том, что текст со скрытой рекламной функцией часто не воспринимается как рекламный. Рекламная функция такого текста с определенностью устанавливается лишь специалистом по рекламе и теории воздействия или лингвистом, работающим в области лингвистики текста. Тем самым без специальных указаний о наличии более подробного списка условий признания случая страховым фрагмент 1 может пониматься как единственное условие признания страховщиком случая угона.

Рассмотренный случай отнюдь не единичен. Соккрытие рекламной функции текста приводит в заблуждение потребителя не только в сфере страховых услуг, но далеко не всегда это становится предметом рассмотрения в суде. Как способ речевого воздействия, данный прием действует только в рамках достаточно большого по объему текста.

§ 12. Аргументация

С формальной точки зрения аргументация представляет собой последовательность тезисов и аргументов в пользу соответствующих тезисов: тезис *T* и один или несколько аргумен-

тов A_1, \dots, A_n в пользу тезиса T . Группы тезисов и аргументов часто имеют сложную иерархическую структуру, в которой тезисы предшествуют аргументам или, наоборот, аргументы предшествуют тезисам. По формальной структуре аргументация может быть простой и сложной. **Простая** аргументация состоит из одноуровневых пар тезис-аргумент вида $\langle T; A_1, \dots, A_n \rangle$, а **сложная** аргументация является многоуровневой и включает аргументы и тезисы более высокого и более низкого уровня, связанные с одним общим тезисом. Кроме того, по формальной структуре аргументация может быть **прямая** (порядок следования — в начале тезис, а потом аргумент/аргументы) и **обратная** (порядок следования — вначале аргумент/аргументы, потом тезис к этим аргументам). Встречаются случаи, когда тезис обрамляет аргументы, будучи разбит на две части²²⁵.

С содержательной стороны аргументацию можно определить следующим образом:

Аргументация — это способ речевого воздействия на адресата с помощью тезисов и аргументов, в результате которого в модель мира адресата вводятся новые знания с целью непосредственного или опосредованного влияния на процесс принятия им тех или иных решений.

Таким образом, сущность воздействия с помощью аргументирования, как и во многих других типах речевого воздействия, сводится к онтологизации нового знания.

Речевое воздействие в рамках аргументирования осуществляется не имплицитно, а явно — через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата. В этом случае речь идет о ценностно-ориентированной естественной языковой аргументации. Характерный пример использования ценностно-ориентированной аргументации в российском политическом дискурсе — использование аргу-

²²⁵ Формальная структура аргументации, типология аргументирования и языковые особенности аргументирования различных рассматриваются в: *Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. докт. дисс. М., 1990.

ментов, связанных с идеями справедливости/несправедливости и равенства/неравенства: *А когда люди знают о вопиющем социальном **неравенстве** и видят, что лидер ничего не делает, чтобы исправить эту бесстыдную экспроприацию благ высшей партийной верхушкой, испаряются последние капельки веры.* Корпус политических текстов.

Ценностно-ориентированная аргументация может быть **логической** (аргументативный диалог протекает при использовании одной и той же ценности), **эмоциональной** (в качестве ценности выступает структура эмоций), **порождающей** (в процессе аргументирования происходит уничтожение и/или порождение новой ценности) и **диалектической** (изменение порядка следования ценностей в ценностных иерархиях)²²⁶. В аргументативных диалогах могут использоваться и языковые механизмы вариативной интерпретации действительности в сочетании с соответствующей коммуникативной интенцией актов аргументирования.

В лингвистической экспертизе текста исследование аргументации по большей части преследует цель выявления тезисов и/или аргументов, поданных в скрытой форме и содержащих негативную информацию о физическом или юридическом лице. Например, в приводимом ниже фрагменте из публикации (интервью) в журнале «Управленец» выявление шагов процедуры аргументирования позволяет восстановить негативную информацию об известном бизнесмене С. Прибыткове, которая подана в неявной, имплицитной форме:

Мы начали вводить западные методы, докупали контрольные пакеты, должны были переходить на единую акцию. Но потом вышел кризис. И господин Прибытков списал с реестра завода акции. Акции перепродали два раза — получился добросовестный приобретатель. По закону, если ты украл и кому-то перепродал, он честно отдал деньги — он собственник.

²²⁶ О типологии ценностно-ориентированной аргументации см.: *Баранов А.Н., Сергеев В.М.* Естественно-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988; *Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. докт. дисс. М., 1990.

Анализируемый фрагмент содержит несколько сообщений. Первое: ‘С. Прибытков списал с реестра завода акции’; второе: ‘Акции перепродали два раза’; третье: ‘Получился добросовестный приобретатель’. Приведенный фрагмент заключается комментирующей фразой, которая проясняет смысл первых трех сообщений: ‘По закону, если ты украл и кому-то перепродал, он честно отдал деньги — он собственник’. Местоимение *ты* использовано в обобщенно-личном значении, т.е. относится не к собеседнику, а к любому человеку. С точки зрения функций в аргументации комментирующая фраза представляет собой некоторое общее правило (основание для формирования следствия из нескольких посылок), которое можно применить к предшествующим сообщениям. Применение этого общего правила к предшествующим сообщениям (посылкам) дает следующий результат:

шаг 1: ‘если ты украл’ [первая посылка общего правила] — ‘С. Прибытков списал с реестра завода акции’; применение посылки правила: ‘С. Прибытков украл акции’;

шаг 2: ‘и кому-то перепродал’ [вторая посылка общего правила] — ‘Акции перепродали два раза’; применение посылки правила: ‘Акции кому-то перепродали два раза’;

шаг 3: ‘он честно отдал деньги — он собственник’ [заключение общего правила] — ‘Получился добросовестный приобретатель’; применение заключения: ‘Последний приобретший собственность — добросовестный приобретатель’.

На первом шаге в результате применения общего правила С. Прибыткову приписывается то, что он украл акции. Поскольку воровство и кражи являются противоправными действиями и осуждаются в обществе, то содержащаяся в рассматриваемом фрагменте информация негативно характеризует С. Прибыткова. В последующих фрагментах речь также идет о воровстве, которое приписывается С. Прибыткову. То, что речь идет именно о той ситуации, которая обсуждается в приведенном фрагменте, следует из того, что все последующие фрагменты расположены в тексте недалеко друг от друга и в тексте нет других похожих ситуаций, которые могли бы конкурировать с данной.

Информация ‘С. Прибытков украл акции’ представляет собой тезис аргументации, который выводится как следствие

из посылок ‘С. Прибытков списал с реестра завода акции’ и ‘Акции перепродали два раза’, по обобщенному правилу ‘По закону, если ты украл и кому-то перепродал, он честно отдал деньги — он собственник’. Данное следствие является имплицитным (скрытым), т.е. оно не содержится явно в поверхностной структуре высказывания. Однако оно является обязательным, иначе коммуникативная функция обобщенного правила, формулируемого в тексте, остается неясной, а сам фрагмент теряет семантическую связность. Имплицитное (скрытое) обязательное следствие имеет статус скрытого утверждения.

Нередко предъявляемая аргументация оказывается довольно громоздкой по набору аргументов, при этом случаи многоуровневой аргументации (когда аргумент оказывается тезисом «более низкого уровня» и подкрепляется, в свою очередь, аргументами более низкого уровня) в реальном политическом дискурсе встречаются весьма редко. Громоздкость аргументирования — количество аргументов — в равной мере свойственна как устному дискурсу (радио, телевидение), так и письменному. Разберем случай аргументирования со значительным количеством аргументов из практики выборных кампаний.

На одном из региональных российских телевизионных каналов прошла передача об использовании слежки за мэром города, организованной его конкурентом на предстоящих выборах — исполняющим обязанности мэра:

Ведущая. Видимо, слежка за мэром предполагает обеспечение всех уровней безопасности. Вот только кто инициатор? Очевидно, что не лично Семен Козлов. Можно предположить, что никогда никакой директор гостиницы, пусть даже с милицейским опытом работы, не пойдет устанавливать аппаратуру тайного слежения по своей единоличной инициативе.

Голос «за кадром». <...> полный контроль в больничной палате нужен только для большой политики. Потому что единственным безоговорочным конкурентом на будущих выборах может быть либо сам Безымянный, либо человек, которого он поддерживает, либо люди, которые имеют тесные отношения с Валентином Олеговичем Безымянным. А если каждый день наблюдать за жизнью в больничной палате, то можно вполне четко очертить

круг этих людей, знать их интересы и знать все их планы. О том, что выборы состоятся, не сомневается никто. И произойдет это либо в марте 2004 года по Уставу, либо раньше этого времени. Кстати говоря, наблюдая за ходом лечения можно получить ответ и на этот вопрос. Когда именно состоятся выборы. И если исходить из такой политической подоплеки слежки, то можно точно сказать, что политические амбиции Семена Козлова, если они и есть, то очень невелики, потому что он всегда был в тени. В частности, сейчас он находится в тени исполняющего обязанности мэра Петра Березкина. <...>

Ведущая: Исполняющий обязанности мэра в палате у большого мэра никогда не был. Но это не криминал. А вот установка скрытой аппаратуры, работа которой помимо всего прочего еще и опасна для жизни пациентов больницы, вот это криминал. И расследованием его должны заниматься правоохранительные органы.

В исследуемом фрагменте представлены рассуждения ведущей, образующие следующую логическую цепочку из аргументов, которые завершаются тезисом:

- (1) **[аргумент]** в палате Безымянного поставлена записывающая аппаратура;
- (2) **[аргумент]** с помощью этой аппаратуры можно установить когда начнутся выборы и кто возможный претендент (*единственным безоговорочным конкурентом на будущих выборах может быть либо сам Безымянный, либо человек, которого он поддержит <...> А если каждый день наблюдать за жизнью в больничной палате, то можно вполне четко очертить круг этих людей, знать их интересы и знать все их планы. О том, что выборы состоятся не сомневается никто. И произойдет это либо в марте 2004 года по Уставу, либо раньше этого времени. Кстати говоря, наблюдая за ходом лечения можно получить ответ и на этот вопрос. Когда именно состоятся выборы.*);
- (3) **[аргумент]** аппаратуру поставил Козлов, но не по своей личной инициативе (*никогда никакой директор больницы пусть даже с милицейским опытом работы не пойдет устанавливать аппаратуру тайного слежения по своей единоличной инициативе*);

- (4) [аргумент] Козлов — доверенное лицо Березкина;
- (5) [аргумент] Козлов не имеет серьезных политических амбиций (*политические амбиции Семена Козлова, если они и есть, то очень невелики*);
- (6) [тезис] следовательно, Березкин несет ответственность за установку записывающей аппаратуры.

На то, что зрителю предлагается сделать именно такой вывод, указывают следующие особенности построения текста.

Во-первых, после введения аргумента (5) появляется следующая фраза:

Исполняющий обязанности мэра в палате у больного мэра никогда не был. Но это не криминал. А вот установка скрытой аппаратуры, работа которой помимо всего прочего еще и опасна для жизни пациентов больницы, вот это криминал.

Упоминание журналисткой Березкина (*исполняющий обязанности мэра*) после аргумента (5) обращает внимание зрителя на то лицо, от которого непосредственно зависит Козлов, которое имеет политические амбиции и которое тем самым имеет отношение к установке записывающей аппаратуры.

Во-вторых, в построении фразы использована конструкция: 'То, что *X* делал нечто, — это не криминал, а вот то, что делалось нечто другое, — это криминал'. Легко видеть, что в первой части фразы субъект действия есть — это Березкин. Во второй части использовано отглагольное имя с зависимыми словами *установка скрытой аппаратуры*, т.е. номинализация, в которой субъект в явном виде отсутствует. Между тем данная фраза будет понятна только в том случае, если субъектом и во второй части является Березкин. Иначе смысл сопоставления («криминал — не криминал») теряется, а зритель вправе исходить из осмысленности того, что ему говорится. Последующая апелляция журналистки к правоохранительным органам (*И расследованием его должны заниматься правоохранительные органы*) воспринимается в этом случае как призыв подтвердить причастность Березкина к постановке записывающей аппаратуры.

В-третьих, такое понимание приведенного фрагмента подтверждается контекстом, а именно словами ведущей в конце программы:

Ведущая. Все, о чем мы рассказывали сегодня, за исключением установки аппаратуры слежения, все остальное не является юридическим нарушением со стороны исполняющего обязанности мэра и его команды. Это какая-то моральная убогость молчанием отречься от человека, который привел тебя во власть и научил в этой власти работать. Безнравственно и просто не по-человечески устанавливать камеру и микрофоны в палате тяжелобольного человека.

В первом предложении данной фразы говорится, что приведенные в телевизионной передаче сведения не являются юридическим нарушением со стороны исполняющего обязанности мэра и его команды, за исключением установки аппаратуры слежения. Следовательно, ответственность за постановку аппаратуры слежения приписывается Березкину и его сторонникам («команде»). Кроме того, это рассматривается журналисткой как нарушение норм законодательства.

В последнем предложении фразы — *Безнравственно и просто не по-человечески устанавливать камеру и микрофоны в палате тяжелобольного человека* — представлена та же мысль: по приказу Березкина в палате поставлена аппаратура слежения. На это указывает повторение идеи нарушения моральных принципов: ранее о нарушении моральных принципов говорилось применительно к Березкину (*Это какая-то моральная убогость молчанием отречься от человека, который привел тебя во власть и научил в этой власти работать.*). Если в последнем предложении имеется в виду не Березкин, а кто-то еще, то смысловое единство текста (его связность) нарушается.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в исследованном фрагменте содержится в скрытом (имплицитном) виде утверждение вида ‘Березкин несет ответственность за установку записывающей аппаратуры’, что, естественно, характеризует Березкина крайне негативно.

Еще один пример анализа аргументации имеет форму доказательства «от противного», когда говорящий демонстрирует адресату абсурдность рассуждения, построенного на взаимоисключающих аргументах. В качестве решения противоречия вводится тезис, который формально может вводиться в условной или гипотетической модальности. Данный пример взят из экспертного исследования статьи, в которой обсуждаются

связи коммунистической партии с олигархами, в частности с известным бизнесменом Романом Паратовым:

Да и сами коммунисты не отрицают, что их «финансировали крупные коммерсанты и банкиры». Правда, в прошлом. Сейчас, мол, партия живет исключительно на пожертвования простых людей. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: откуда у простых людей столько денег, что их хватает на содержание самой многочисленной российской партии и оплату ее предвыборной кампании? Впрочем, если считать «простыми людьми» товарища Убыткова и господина Паратова, тогда за финансовое будущее КПРФ можно быть спокойным.

В данном фрагменте содержится тезис о том, что «Р. Паратов финансирует КПРФ». Этот тезис выводится из следующих посылок:

Посылка 1: «КПРФ живет на пожертвования простых людей» (выводится как обязательное следствие из фразы *Сейчас, мол, партия живет исключительно на пожертвования простых людей.*)

Посылка 2: «У простых людей нет денег на содержание самой многочисленной российской партии» (выводится из исходного предположения риторического вопроса *В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: откуда у простых людей столько денег, что их хватает на содержание самой многочисленной российской партии и оплату ее предвыборкой кампании?*)

Вывод-противоречие: «КПРФ не может жить на пожертвования простых людей» (на основе посылки 2)

Вывод-решение противоречия: «Это возможно, если Убытков и Паратов являются «простыми людьми»» (выводится как обязательное следствие из фразы *Впрочем, если считать «простыми людьми» товарища Убыткова и господина Паратова, тогда за финансовое будущее КПРФ можно быть спокойным.*)

Следствие — тезис аргументации: «Р. Паратов (вместе с Убытковым) финансирует КПРФ» (следует из «вывода-решения противоречия»).

Очевидно, что следствие-тезис аргументации является обязательным, в противном случае фраза *Впрочем, если считать «простыми людьми» товарища Убыткова и господина Паратова, тогда за финансовое будущее КПРФ можно быть спо-*

койным семантически аномальна. Действительно, выражение *быть спокойным за финансовое будущее КПРФ* означает, что КПРФ либо уже финансируется и финансирование будет продолжено Паратовым и иными лицами, либо партия сейчас не финансируется, но финансирование со стороны Паратова и иных лиц обязательно будет иметь место в будущем. Из приведенного фрагмента следует, что финансирование и сейчас имеет место (*Сейчас, мол, партия живет исключительно на пожертвования простых людей*) и будет финансироваться в будущем. Если Убытков и Паратов, будучи «простыми людьми», не финансируют КПРФ, то выражение уверенности автора за финансовое будущее КПРФ никак не обосновано с содержательной точки зрения — просто абсурдно.

Заметим, что формально тезис аргументации вводится условной конструкцией — *Впрочем, если считать «простыми людьми» товарища Убыткова и господина Паратова...*, однако семантически эта конструкция передает тезис аргументирования, полученный на основании обсуждения ряда посылок (аргументов).

Информация о том, что Р. Паратов, будучи крупным бизнесменом, не без оснований называемым в прессе «олигархом», финансирует КПРФ, характеризует его негативно в любом случае — оформлено ли это в установленном законом порядке или нет. Если не оформлено, то это нарушение закона и одновременно нарушение моральных норм, поскольку предприниматель финансирует своих идеологических противников, что указывает как минимум на его беспринципность. Во втором случае — если оформлено — то это все равно противоречит нормам морали и этики.

12.1. Post hoc est propter hoc — после, значит, вследствие

Логическое правило *post hoc non est propter hoc* говорит о том, что временная последовательность событий или их соположение во времени необязательно указывают на существование причинных отношений между ними. Нарушение этого логического постулата лежит в основе весьма распространенного приема речевого воздействия.

В ноябре 2003 г. по курскому телевидению прошел ряд передач с критикой бывшего губернатора области А. Руцкого.

В передаче «Тема для сюжета» от 11 ноября 2003 г. содержится следующий фрагмент:

В период старой администрации реформы отрицательно сказались на сельском хозяйстве. Во-первых, те материально-технические ресурсы, которые давались через «Продовольственную корпорацию», через «Курскнефтехим», эти ресурсы были гораздо завышены в цене. Ну, а сельхозтоваропроизводители отдавали свою продукцию: зерно, мясо по бросовым ценам, т.е. в результате этого был нанесен колоссальный экономический убыток сельскому хозяйству. В результате таких действий прекратили свое полное²²⁷ существование сельхозкооператив «Ново-Першенский». Также полностью был разрушен Дмитриевский сахарный завод, который на сегодняшний день тоже прекратил свое существование. На сегодня идет процедура банкротства. Также процедура банкротства нависла и над другими семью сельскохозяйственными кооперативами.

Семантическая структура приведенного фрагмента — это аргументация, включающая тезис и несколько аргументов. В качестве тезиса выступает фраза *В период старой администрации реформы отрицательно сказались на сельском хозяйстве*. В качестве аргументов последующие фразы данного фрагмента, в которых описываются различные негативно оцениваемые события в хозяйственном развитии Курской области.

В тезисе во временной конструкции *в период старой администрации* указывается на субъект, который несет ответственность за описываемые далее негативно оцениваемые события. Как известно, *post hoc non est propter hoc*, т.е. временная последовательность событий или их соположение во времени не обязательно указывают на причинные отношения между ними. Однако в рассматриваемом случае общий контекст передачи, заключающийся в том, чтобы связать А. Руцкого с негативными событиями, с определенностью указывает на такое понимание фразы *В период старой администрации реформы отрицательно сказались на сельском хозяйстве*, при котором старая администрация несет ответственность за отрицательно оцениваемые события в сельском хозяйстве. Другое понимание в рамках исследуемой стенограммы едва ли возможно.

²²⁷ Так в стенограмме передачи.

Поскольку Руцкой А.В. был в обсуждаемый период времени губернатором области, то он нес ответственность за деятельность администрации и тем самым и за отрицательные события в сельском хозяйстве области. То есть, указание на А. Руцкого является в обсуждаемом фрагменте косвенным. Однако рассматриваемое следствие является обязательным, так как в противном случае приведенный фрагмент выпадает из сюжетной канвы передачи и не соответствует смысловой направленности ее эпизодов. Иными словами, обязательное следствие ‘А. Руцкой несет ответственность за отрицательно оцениваемые события в сельском хозяйстве области’, описанные в приведенном фрагменте, представляет собой скрытое утверждение.

12.2. Экземплификация в аргументации

Частью процесса аргументирования является приведение примеров — экземплификация²²⁸.

Экземплификация представляет собой вид аргумента в пользу доказываемого тезиса, иллюстрирующий применимость тезиса к конкретному случаю из имеющегося множества таких случаев.

С семантической точки зрения экземплификация предполагает наличие тезиса, экземплификационного множества (множества примеров) и процесс выбора одного или нескольких примеров из множества примеров. По семантике экземплификация близка перечислению, с которым ее сближает существование множества, из которого производится выбор, и возможность эксплицитного упоминания его элементов. Процесс экземплификации часто маркируется специальными лексическими показателями — **экземплификаторами**. Для класси-

²²⁸ Иногда экземплификация рассматривается в более широком контексте как речевая стратегия. Так, Т.А. Ван Дейк обсуждает в этой связи стратегию «приведения примера». См.: *Дейк Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.*

фикации экземпляфикаторов оказывается существенным (i) характер структуры множества примеров; (ii) способ выбора примера; (iii) семантическое отношение между примером и тезисом.

По двум первым параметрам выделяются **нейтральные экземпляфикаторы**, не налагающие на Э-множество никаких ограничений, ср., например, **уравнивающие** экземпляфикаторы (вид нейтральных), указывающие на неструктурированность множества примеров и на отсутствие предпочтения в выборе примера — *так, например, к примеру, ну* (в одном из значений), *хоть, вот*, ср.: *А теперь уже все равно. Хоть направо иди, хоть налево* (семантика уравнивающих экземпляфикаторов часто совмещается с идеей легкости выбора примера — *Необходимо стараться победить в себе лень. Взять хоть меня.../Взять вот меня...*). По тем же причинам как особый тип естественно рассматривать экземпляфикаторы **выделения**, обращающие внимание на особый статус выбранного примера и тем самым наводящие структуру на множество примеров (примеры хорошие vs. плохие), ср. *прежде всего, в первую очередь*. Экземпляфикаторы **умолчания** дают понять адресату о том, что примеры есть, но они не актуализованы в данном акте аргументации, ср. *и т.д. (и так далее), и др. (и другие), и пр. (и прочие, и прочее)* и др. Понятно, что любой тип экземпляфикаторов может использоваться для управления пониманием: существование множества примеров при использовании акта экземпляфикации только предполагается, и вовсе не обязательно, что у говорящего в принципе имеются другие примеры.

Вторая сторона классификации экземпляфикаторов определяется семантическим отношением между примером и тезисом. В экземпляфикации превалируют отношения «целое vs. часть» и «абстрактное vs. конкретное». Иными словами, часто тезис касается целого, а иллюстрируется в аргументе частью, или тезис представляет собой утверждение общего характера, а пример приводится более конкретный. Для введения более конкретных аргументов могут использоваться экземпляфикаторы типа *а именно, точнее, в частности, ср.* (сравните). Отношение между тезисом и аргументом первого типа («часть vs. целое») распадается на целый ряд оппозиций, среди которых следует упомянуть следующие: «целое vs. выделенный элемент целого» — *прежде всего, в первую очередь*; «целое vs. произволь-

ный элемент целого» (ср. уравнивающие экземплификаторы — *например, ну, хоть, вот*); «целое vs. часть или все элементы целого» (*как-то, а именно*).

Тезисы и аргументы аргументативных актов могут быть представлены в тексте в явной или скрытой форме. В лингвистической экспертизе анализ аргументации (и экземплификации как ее составной части), как правило, преследует цель выявления не выраженных в явном виде аргументов и тезисов, содержащих негативную информацию о каком-то физическом или юридическом лице.

«Торговые войны» между производителями — одна из самых частых причин появления в СМИ публикаций, в которых распространяется негативная информация о том или ином юридическом лице. Часто эта информация подается в форме аргументации с пропущенными или скрытыми фрагментами — тезисами и аргументами. В рассматриваемом ниже примере аргументативного дискурса из статьи «Здоровью россиян угрожают некачественные презервативы»²²⁹ требовалось выявить негативную информацию о презервативах Contex и компании-изготовителе этих изделий фирме AVK Polyphram INV Co Ltd и оценить форму ее выражения.

Тема исследуемой статьи — рынок презервативов и проблемы, связанные с распространением некоторых марок презервативов на территории России. Жанр — журналистское расследование. На жанр расследования указывает двойная подпись, авторство — «Отдел расследований» и журналист (Иван Трегубов). Тема и жанр статьи предполагают появление и обсуждение негативной информации, скрываемой от общественности. И действительно, в целом ряде фрагментов анализируемой публикации содержится негативная информация о презервативах Contex. Рассмотрим первый фрагмент:

Устаревшие ГОСТы и слабость российского законодательства в сфере контроля за продающейся в рознице медицинской продукцией привели к тому, что многие производители презервативов нередко фактически вводят потребителей в заблуждение, предлагая им под видом дорогой европейской продукции сделан-

²²⁹ Статья была опубликована в интернет-издании «RBCdaily» на сайте <http://www.rbcdaily.ru> 17 июня 2003 г.

ные в Азии «резиновые изделия». К примеру, упаковка презервативов Contex, лидера рынка, по сути, наглядно демонстрирует, что они сделаны в Великобритании. Об этом свидетельствует написанное крупным шрифтом название компании-изготовителя — AVK Polypharm INV Co Ltd Бэмптон, Девон, Великобритания. Действительно, по данным британского агентства Companies House, отвечающего за регистрацию компаний на территории страны, AVK Polypharm была зарегистрирована 16 сентября 1997 года двумя российскими гражданами. Уставной капитал компании составил всего 2 фунта стерлингов. Но, самое главное, согласно принятой в Великобритании классификации промышленных предприятий (Standard Industrial Classification), AVK Polypharm зарегистрирована под кодом 7487 — «другие виды предпринимательства» (other business activities), т.е. к производству презервативов она никакого отношения не имеет.

В компании «Медком-М» RBC daily честно признались, что действительно их продукция выпускается не в Великобритании, а в Таиланде и Корее. Но, по утверждению представителей «Медком-М», в этом нет ничего противозаконного — это нормальная международная практика, когда западная компания под жестким контролем со своей стороны размещает заказы в Азии.

Приведенный фрагмент содержит тезис и аргументы в пользу выдвигаемого тезиса. Тезис состоит в том, что «многие производители презервативов нередко фактически вводят потребителей в заблуждение, предлагая им под видом дорогой европейской продукции сделанные в Азии «резиновые изделия». Идея обмана повторена в подзаголовке к статье: *Продажа презервативов в России зачастую сопровождается обманом потребителей*, что указывает на ее значимость для автора текста и соответствует жанру публикации — журналистское расследование. Далее приводится пример к тезису о введении в заблуждение потребителей. На коммуникативную функцию примера (экземплификацию) указывает вводное словосочетание *к примеру*, вводящее содержание примера (см. выше класс уравнивающих экземплификаторов). Функция примера — подтвердить истинность выдвигаемого тезиса.

Цель приводимого примера заключается в том, чтобы показать, что презервативы Contex и фирма AVK Polypharm INV

Co Ltd и являются одним из случаев обмана потребителей. Рассматриваемый пример имеет форму доказательства от противного: «упаковка презервативов Contex <...> наглядно демонстрирует, что они сделаны в Великобритании», поскольку «Об этом свидетельствует написанное крупным шрифтом название компании-изготовителя — AVK Polypharm INV Co Ltd Бэмптон, Девон, Великобритания». Однако, во-первых, «к производству презервативов эта компания отношения не имеет», во-вторых «В компании «Медком-М» RBC daily честно признались, что действительно их продукция выпускается не в Великобритании, а в Таиланде и Корее». На сокрытие некоторой неблагоприятной информации фирмой «Медком-М» указывает выражение *честно признались* во фразе *в компании «Медком-М» RBC daily честно признались, что <...> их продукция выпускается не в Великобритании, а в Таиланде и Корее*. Иными словами, из приведенного предложения следует, что фирма «Медком-М» в той или иной степени скрывала тот факт, что презервативы выпускаются в Таиланде и Корее. Действительно, глагол *признаться* значит ‘открыто объявить о чем-л., сознаться в чем-л.’²³⁰. Следовательно, если некто честно признается в чем-л., то это означает, что это что-л. ранее скрывалось, не было известно.

Наконец, еще один контраргумент к тому, что презервативы сделаны в Великобритании, состоит в том, что «на упаковках презервативов Contex не указано место производства товара». Эта информация следует из следующего фрагмента текста:

Правда, необходимо учитывать, что по российскому ГОСТу на упаковке все же надо указывать место производства товара, а на имеющихся в распоряжении RBC daily «образцах» этого сделано не было.

Структуру исследуемой аргументации в графическом виде можно представить так:

²³⁰ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

Тезис: <...> многие производители презервативов нередко фактически вводят потребителей в заблуждение, предлагая им под видом дорогой европейской продукции сделанные в Азии «резиновые изделия».

↑
Экземплификация (приведение примера введения в заблуждение)

Пример введения в заблуждение потребителей

Тезис примера: «упаковка презервативов Contex <...> наглядно демонстрирует, что они сделаны в Великобритании»

Аргумент к тезису примера:

«Об этом свидетельствует написанное крупным шрифтом название компании-изготовителя — AVK Polypharm INV Co Ltd Бэмптон, Девон, Великобритания».

Контраргументы к тезису примера:

- (1) «к производству презервативов эта компания [AVK Polypharm INV Co Ltd Бэмптон, Девон, Великобритания. — А.Б.] отношения не имеет»
- (2) «В компании “Медком-М” RBC daily честно признались, что, действительно, их продукция выпускается не в Великобритании, а в Таиланде и Корее».
- (3) «на упаковках презервативов Contex не указано место производства товара».

Иными словами, примером, экземплификацией подтверждается тезис статьи о введении в заблуждении, об обмане: говорится одно («сделано в Великобритании»), а на самом деле — другое («сделано в Таиланде и Корее», «фирма не британская»).

Анализ приведенной аргументации показывал, что в качестве примера на тезис о введении в заблуждении потребителей приводятся презервативы Contex: поскольку производители Contex вводят в заблуждение потребителей, это означает, что какие-то свойства позиционируемых презервативов либо скрываются, либо описаны неправильно. Это, разумеется, является негативной информацией о презервативах Contex.

Негативная информация о презервативах Contex сочетается в анализируемой публикации и с негативной информацией о фирме-производителе. В центре внимания автора статьи находятся недобросовестные производители и распространители презервативов. Как было уже показано выше, основной тезис статьи имеет следующий вид: *Многие производители презервативов нередко фактически вводят потребителей в заблуждение, предлагая им под видом дорогой европейской продукции сделанные в Азии «резиновые изделия».* В данном тезисе речь идет об обмане, поскольку *введение в заблуждение* — это несколько более слабый вариант обмана. Тезис об обмане семантически поддерживается подзаголовком публикации *Продажа презервативов в России зачастую сопровождается обманом потребителей.* Далее во Фрагменте 1 следует пример обмана потребителей, на что указывает словосочетание *к примеру.*

Обман, как было показано выше, состоит в том, что компания AVK Polypharm INV Co Ltd скрывает информацию о том, что презервативы Contex делаются не в Великобритании, а в Таиланде и Корее. На попытку сокрытия этой информации указывает использование автором публикации выражения *честно признались* во фразе *в компании «Медком-М» RBC daily честно признались, что <...> их продукция выпускается не в Великобритании, а в Таиланде и Корее.* Иными словами, из текста статьи (из проанализированной аргументации и подзаголовка) следует, что компания AVK Polypharm INV Co Ltd и распространитель презервативов Contex в России компания «Медком-М» вводят в заблуждение потребителя относительно того, что презервативы производятся в Таиланде и Корее, а не в Великобритании. Данная информация является негативной по отношению к компаниям AVK Polypharm INV Co Ltd и «Медком-М».

В спорной публикации содержалась и другая негативная информация в отношении указанных компаний и изделия, которое они производят.

В разобранный выше отрывке текста в качестве экземплификатора использовалось выражение *к примеру* (уравнивающий экземплификатор). Разберем еще один случай экземплификации с лексическим показателем такого же типа — частичей *так:*

Пока следователи не успели подвести итоги обысков и выемок в некоторых банках и коммерческих структурах, через которые, по предварительным данным, муровцы переводили на личные счета деньги за рубеж.

Так, в банке «Плацдарм» оперативники из индивидуальных ячеек (имеющих отношение к фигурантам расследования «дела оборотней») изъяли финансовую документацию на сумму около 100 млн рублей. От каких-либо комментариев по этому поводу представители банка «Плацдарм» отказались.

В первом предложении приведенного фрагмента речь идет о том, что следователи не успели подвести итоги следственных действий в некоторых банках и коммерческих структурах, через которые фигуранты обсуждаемого уголовного дела переводили деньги за рубеж. Иными словами, здесь имеется утверждение о том, что фигуранты уголовного дела переводили деньги за рубеж именно через те банки, в которых проводились следственные действия.

Во втором предложении приводится в качестве примера один из таких банков. На экземплификацию во втором предложении указывает частица *так*, которая использована в значении 'например, к примеру сказать'.²³¹ Примером такого банка во втором абзаце приведенного фрагмента является банк «Плацдарм». Иными словами, из содержания приведенного фрагмента следует, что через банк «Плацдарм» фигуранты уголовного дела переводили деньги за рубеж на свои личные счета. Данная информация имеет вид обязательного следствия из значения первого и второго предложения приведенного фрагмента публикации. Если такое следствие не сделать, что использование частицы *так* в функции приведения примера оказывается семантически аномальным, а текст теряет связность. Тем самым негативная информация о банке «Плацдарм» подана в рассматриваемом фрагменте как имплицитное (скрытое) утверждение. Заметим, однако, что сила этого утверждения несколько снижается из-за оборота *по предварительным данным*, который смещает утверждение в сторону модальности предположения.

²³¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 815.

Экземплификаторы сложным образом взаимодействуют с модальностями — с утверждением и предположением. Правильное разграничение сферы действия модальных слов и экземпляфикаторов для лингвистической экспертизы текста в ряде случаев оказывается чрезвычайно важным²³². Рассмотрим пример такого рода со словами *допустить* (в форме *допустим*) и *взять* в функции экземпляфикации. Эти лексемы употреблены в следующем фрагменте телевизионного интервью, ставшим предметом спора:

Давайте будем ловить тех, кто курицу украл, а тех, кто миллиарды долларов украл, мы не будем. Мы не будем спрашивать. Они сидят во властных структурах эти люди, и о них никто не вспоминает почему-то. А они нанесли миллиарды долларов ущерба. Взять, там, олигархов. Там, допустим, они же работали на должностях. Там, допустим, взять того же Прибыткова. Допустим, он сначала придумал залоговый аукцион, потом пришел в правительство, осуществил все это. Потом лично отвечал за то, чтобы не вернули кредит государству, это вот, эта вот афера века состоялась. И потом опять ушел туда же, откуда пришел, уже теперь, так сказать, владея в течение десяти лет, так сказать, вот тем, что «Сибирским лесоповалом». И вот получается, что он приравнен, по вашей логике, к там постовому милиционеру, который вымогал у гаишника там, который вымогал 100 рублей. Я считаю, что это неправильно. Есть люди, которые нанесли колоссальный ущерб стране и которые действительно надо, вот именно с ними в первую очередь разобраться.

В рассматриваемом фрагменте представлена информация ‘С. Прибытков относится к тем людям, которые украли миллиарды долларов’, информация ‘С. Прибытков относится к тем людям, которые нанесли миллиарды долларов ущерба’. Действительно, в данном фрагменте имеются следующие фразы, существенные для реконструкции имплицитной семантики: *Давайте будем ловить тех, кто курицу украл, а тех, кто миллиарды долларов украл, мы не будем* и *А они нанесли миллиарды долларов ущерба*. Первая фраза *Давайте будем ловить тех, кто курицу украл, а тех, кто миллиарды долларов украл, мы не*

²³² О понятии семантической сферы действия в связи с лингвистической экспертизой см. § 8 главы 4.

будем представляет собой внешне парадоксальный и очевидно ложный тезис, который содержит истинный скрытый тезис 'Надо ловить тех, кто украл миллиарды долларов, а не тех, кто украл курицу'. Второй тезис дан в явном виде 'они нанесли миллиарды долларов ущерба'. Возникает вопрос, что скрывается за местоимениями *они* и *те*. То есть кто украл миллиарды долларов и соответственно нанес миллиарды долларов ущерба?

После введения второго тезиса аргументации следует фраза *Взять, там, олигархов*. Глагол *взять* использован в этом предложении в функции приведения примера. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это значение глагола *взять* толкуется так:

'употр. для выделения того, что, будучи представлено как пример, явится предметом дальнейшего сообщения. *Взять хоть (хотя бы) этот случай: он типичен*'²³³.

Следовательно, под местоимением *они* и *те* в тезисах статьи имеются в виду, в частности, олигархи: это один из примеров лиц, укравших миллиарды долларов и нанесших миллиарды долларов ущерба.

Далее следует фраза *Там, допустим, взять того же Прибыткова. Допустим, он сначала придумал залоговый аукцион, потом пришел в правительство, осуществил все это*. Глагол *допустить* в форме *допустим* может использоваться современном русском языке в различных значениях. Во-первых, он может вводить *допущение* в аргументации. Ср. характерный пример: ***Допустим***, у треугольника все стороны равны, тогда он не может содержать прямой угол. Но это противоречит исходному условию задачи. Следовательно, исходное предположение неверно. В процессе аргументации допущение, вводимое формой *допустим*, верифицируется и получает статус факта или, наоборот, опровергается. В толковых словарях это значение глагола *допустить* толкуется следующим образом: 'Возможно, предположим, что так'²³⁴, 'Предположим, будем считать возможным'²³⁵.

²³³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

Однако идея предположения, допущения выражаемая формой *допустим*, вступает в очевидное противоречие с семантикой глагола *взять*. Этот глагол в инфинитиве вводит конкретно существующий, а не гипотетический пример. Так, по-русски нельзя сказать **взять гипотетический/возможный пример*. Интересно, что другие формы этого глагола могут использоваться для введения гипотетического, реально не существующего примера: фраза *возьмем гипотетический пример* допустима, хотя стилистически также не вполне удачна. Но в спорном контексте использован именно инфинитив.

Форма *допустим* глагола *допустить* используется также в диалоге в значении неохотного признания в чем-л. неприятном для признающего и описывается как частица: — *Ты по-старел. — Допустим, но и ты не помолодел*²³⁶. Однако в спорный контекст не является непосредственным ответом на слова собеседника. По жанру это, скорее, часть монолога — рассуждение. Последовательность *Там, допустим, взять того же Прибыткова. Допустим, он сначала придумал залоговый аукцион, потом пришел в правительство, осуществил все это* не является неохотным признанием в чем-л.

Таким образом, реализуется все-таки первое рассмотренное значение формы *допустим*, описанное в самом общем смысле в словарях как ‘Возможно, предположим, что так’²³⁷, ‘Предположим, будем считать возможным’²³⁸. Возникает вопрос, к чему относится идея возможности и предположения. Поскольку экземплификатор *взять* вводит только конкретный пример, то на содержание самого примера семантика предположения и возможности распространяться не может — иначе возникает смысловое противоречие. Следовательно, идея возможности и предположение относятся к самому факту выбора данного примера. Тем самым предложение <...> *допустим, взять того же Прибыткова* имеет следующую семантику: ‘воз-

²³⁶ ‘Выражает не совсем уверенное подтверждение и готовность возражать’. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

²³⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

²³⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

можно использовать в качестве примера Прибыткова’, ‘возможно проиллюстрировать мой тезис примером Прибыткова’. Аналогичную семантику имеет и фраза *Допустим, он сначала придумал залоговый аукцион, потом пришел в правительство, осуществил все это*. Форма *допустим* вводит здесь не предположение или возможность по отношению к тому, что ‘Прибытков сначала придумал залоговый аукцион, потом пришел в правительство, осуществил все это’, а по отношению к самому выбору ситуации с Прибытковым как примера, иллюстрирующего тезис выступления интервьюируемого экономиста ‘они нанесли миллиарды долларов ущерба’. В такой интерпретации семантического противоречия не возникает.

Замечание. Следует отметить, что последовательность *допустим, взять* встречается в речи значительно реже, чем последовательность *взять, допустим*. Так, в Корпусе текстов русской прозы (около 25 млн словоупотреблений) последовательность *взять, допустим* встретилась три раза (1–3), а *допустим, взять* — только один (4), да и то в контексте спонтанной, неподготовленной речи:

1) Со стороны они выглядели случайными девушками-натуралками со случайными пасынками. Неисправимо, изначально, только механизм непонятен. Вот ***взять, допустим***, Шагала. *Викт. Ерофеев*.

2) Но люблю вместе с тем смиренных страдальцев, что на дыбе только пердят да побрякивают, уважаю, и такого страдальца я за сто англичан ни в жизнь не променяю, ибо мучительство и страдание — богоугодное дело, а англичанин что? — говно, да и только! Или ***взять, допустим***, Елисея-пророка, коего дети дразнили однажды плешивым. Гряди, плешивый!.. Обида невелика: каждому достойному мужу плешь иметь полагается. Шагала. *Викт. Ерофеев*.

3) Поэтому все, что касается самой экономики, производства товаров, работ и услуг все эти люди ярые противники, конечно. А все что касается инфраструктуры экономики, — это принципиально другая ситуация. Если ***взять, допустим***, ...я не знаю что взять. ИНТЕРВЬЮЕР: Транспорт ЭКСПЕРТ: Транспорт. По существующим правилам, допустим, в железнодорожном транспорте, один и тот же вагон может стоить рубль и 1000 рублей. Какой тариф применить, решает человек. *Диалоги о коррупции*.

4) С точки зрения обывателя, да... Обыватель-то видит кто как живет. *Допустим, взять* достаточно бытовой пример, бабушки на лавочке сидят и они знают, что я прокурор в Генеральной прокуратуре, для них это чиновник очень высокого ранга и вот в их представлении. — А почему ты на метро ездишь? — Не положено. — Машину купи. *Диалоги по коррупци.*

Это различие в частоте употребления последовательностей *допустим, взять* и *взять, допустим* вполне объяснимо, если исходить из предложенной выше семантической интерпретации. Действительно, в последовательности *взять, допустим* в начале указывается на введение примера, а лишь потом — на то, что этот пример один из многих возможных. В последовательности *допустим, взять* сразу указывается на гипотетичность, возможность чего-то и лишь потом выясняется, что эта возможность относится к выбору приводимого далее примера. Иными словами, в последовательности *взять, допустим* реализуется стандартная последовательность рассуждения «тема беседы — новое о теме беседы», а в последовательности *допустим, взять* нестандартная, необычная: «новое о какой-то неизвестной теме — тема беседы». Стандартная последовательность соответствует анафорическим отношениям в тексте (*Иван пришел. Он был разгневан*), а нестандартная — катафорическим (*Он был разгневан. Это был пришедший Иван*). Понятно, что отношения катафоры более сложны для восприятия собеседником и используются в коммуникации существенно реже. Этим и объясняется обнаруженное различие в частоте употребления. Следует отметить, что по указанной причине последовательность *допустим, взять* воспринимается как не вполне удачная, как речевая небрежность.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что к числу тех, кто украл миллиарды долларов и нанес ущерб на миллиарды долларов из тезисов аргументации ‘Надо ловить тех, кто украл миллиарды долларов, а не тех, кто украл курицу’ и ‘они нанесли миллиарды долларов ущерба’, относится и С. Прибытков. Тем самым информация ‘С. Прибытков относится к тем людям, которые украли миллиарды долларов’ и ‘С. Прибытков относится к тем людям, которые нанесли миллиарды долларов ущерба’ действительно представлена в приведенном спорном фрагменте как следствия из его семантики.

12.3. Искусственное конструирование аргументации

В рассмотренных выше случаях и тезис, и аргумент (пример) принадлежат одному лицу — аргументирующему. Довольно часто встречаются, однако, случаи, когда контекст аргументации воссоздается искусственно. Дело в том, что не всякое утверждение является тезисом в аргументации. Оно становится таковым только в аргументативном дискурсе, когда говорящий сознательно ставит свое утверждение на обсуждение, под огонь критики участников ситуации и готов приводить аргументы в пользу своей позиции. Один из приемов речевого воздействия заключается в том, что процесс аргументации искусственно конструируется, и обычное утверждение одного лица включается в процесс аргументации²³⁹. Часто для этого используется приведение контрпримера к утверждению, которому приписывается статус тезиса. В упоминавшемся ранее деле, связанном с выборами регионального уровня (см. § 9 главы 3), ведущая телевизионной передачи формирует контекст аргументации, приводя контрпримеры к тому, что изначально тезисом не является:

Березкин. Я же сказал, я — не политик! А вы пытаетесь меня вмешать в политику. Я работаю сегодня.

Ведущая. В числе ярких примеров работы обвал платы за коммунальные услуги, которую власть допустила. <...> Ну и еще в работе есть такие мелочи как систематическое нарушение прав горожан на получение жилищных субсидий, опять же допущены рост цен на хлеб <...>.

В приведенном фрагменте телепередачи утверждение Березкина *Я работаю сегодня* приобретает статус тезиса, поскольку ведущая иллюстрирует это высказывание контраргументами. Она приводит примеры того, как работает Березкин, причем это примеры плохой работы. На то, что ведущая приводит именно примеры, а не высказывания кого-то другого иллюкативного типа, указывает лексический повтор: словоформа *работают* (в реплике Березкина) и выражение *яркий*

²³⁹ Этот прием, по сути, является вариантом приема «введения в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста» — см. § 11 главы 3.

пример работы в непосредственно следующем за репликой Березкина комментарии ведущей. Тем самым в выступлении ведущей Березкин считается ответственным за «обвал платы за коммунальные услуги», за «нарушение прав горожан на получение жилищных субсидий» и т.д. Приводимые примеры работы Березкина характеризуют его как чиновника местной администрации с отрицательной стороны. Между тем речевая реплика Березкина была связана с тем, что он хотел бы отделить свою деятельность от политической.

В рассмотренном случае контекст аргументации сформирован таким образом, что обычное высказывание интерпретируется как тезис. Возможен, однако, случай, когда речевое поведение, помещаясь в контекст аргументирования, приобретает статус примера. В уже обсуждавшихся авторских программах на ОРТ С. Доренко (14.11.1999, 21.11.1999, 28.11.1999 и 05.12.1999) ведущий, дискредитируя адвоката Г. Крылову (см. выше прием «перехода на личности» — раздел 1.1. главы 3), искусственно и при этом довольно искусно комбинирует фрагменты выступления Г. Крыловой в суде и фрагменты интервью со специалистами по сектам А. Дворкиным и Ф. Кондратьевым таким образом, что речевое поведение адвоката становится иллюстрацией тезисов экспертов²⁴⁰:

Галина Крылова. Если не соответствующие действительности, порочащие сведения были распространены в СМИ, суд, определяя размер компенсации, морального вреда, вправе также учесть характер и содержание публикаций.

Александр Дворкин. Потому что действительно, как она себя ведет. И, в конечном итоге, так или иначе, даже люди, которые вроде бы внешне выглядят нормальными, но вот чуть-чуть что-то случается не так, и тут же у них истерическая реакция, истерический срыв, невротическая реакция (с. 7).

В контексте такого комментария (тезиса аргументации) выступление Г. Крыловой воспринимается пример внешне нормального поведения, за которым стоит психическое от-

²⁴⁰ Экспертное заключение по делу «Крылова против Доренко» готовилось автором данной книги совместно с Л. Ивановым и И. Левонтиной. Представленные здесь комментарии отличаются от текста экспертизы, но по сути повторяют ее выводы.

клонение, ненормальность: *чуть-чуть что-то случается не так, и тут же у них истерическая реакция, истерический срыв, невротическая реакция.*

Галина Крылова. Можете ли Вы доказать, что состояние господина Лужкова лично равняется тремстам-четыремстам миллионам долларов? Имеются ли у Вас доказательства этого, помимо своих личных суждений?

Федор Кондратьев. Возникает состояние нарушенного сознания, в результате применения этой методики (с. 7).

Аналогично в данной последовательности эпизодов требование адвоката подтвердить утверждение о наличии у Ю. Лужкова многомиллионного состояния воспринимается как *состояние нарушенного сознания*. Одна из коммуникативных целей С. Доренко заключается в том, чтобы убедить зрителя в психической ненормальности Г. Крыловой. На это «работает» и данный прием управления пониманием. В последнем случае используется еще и языковая игра с различными значениями слова *состояние* — ср. словосочетания *психическое состояние, состояние сознания* (‘Физическое самочувствие, а также расположение духа, настроение’²⁴¹) и *многомиллионное состояние* (‘имущество, собственность’²⁴²).

12.4. Невербальный пример при вербальном тезисе — экземплификация намеком

Текст представляет собой сложное целое, состоящее не только из вербальных, но и невербальных элементов — рисунков, фотографий, схем, таблиц и т.д. В целом ряде случаев понять содержание текста невозможно без смысловой интерпретации его невербальных составляющих, которая может осуществляться только на том или ином метаязыке²⁴³, т.е. в

²⁴¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

²⁴² См.: Указ. соч.

²⁴³ Согласно известному тезису Романа Якобсона, сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы, в частности — метаязыка, добавим мы. См.: Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

вербальной форме. По ряду причин — по большей части прагматического характера — в качестве метаязыка описания невербальных текстовых феноменов в лингвистических экспертизах текста используется естественный язык.

Более подробно проблема экспертного анализа негомогенных текстов с разнородной формой представления содержания обсуждается в главе 5. Здесь же мы рассмотрим любопытный случай аргументирования, в котором тезис представлен вербально, языковыми средствами, а аргумент — пример — дается в виде фотографии. Фотография никак не комментируется, что позволяет говорить о том, что реализуется один из способов управления пониманием и прием речевого воздействия, в основе которого лежат механизмы намека.

В одной из центральных газет была опубликована статья «Финансовые репрессии в действии», посвященная поправкам в Уголовный кодекс, вносимым Комитетом РФ по финансовому мониторингу в правительство. Оценка поправок автором статьи — отрицательная. Основная критика сводится к тому, что Комитет по финансовому мониторингу существенно расширяет круг физических и юридических лиц, обязанных сообщать о совершении крупных сделок. Это, по мнению автора статьи, приведет к необоснованному ужесточению существующих мер контроля и затруднит работу самого Комитета по выявлению действительно опасных случаев «отмывания» денег. Статья сопровождалась иллюстративным материалом — двумя фотографиями, на одной из которых был изображен банк «Доступный кредит». Юридическая служба банка обратилась с иском, в котором утверждалось, что существует смысловая связь между фотографией банка «Доступный кредит» и текстом публикации, причем, сопоставляя текст с фотографией банка, читатель сделает вывод о наличии негативной информации о банке в тексте публикации.

Анализ спорной статьи показал, что упоминаний банка «Доступный кредит» в вербальной части текста статьи нет, при этом слово *банк* использовано дважды. Во-первых, во фразе *Или ограбил гражданин прохожего, положил деньги в банк, а потом перевел их на ваш счет в качестве платы за какую-нибудь услугу — на вас тоже можно заводить уголовное дело.* Данная фраза представляет собой пример, поясняющий мнение Н. Гагарина, старшего партнера адвокатской фирмы «Резник,

Гагарин и партнеры», о том, что принятие предлагаемых поправок позволит карать за малозначительные проступки. В обсуждаемом случае моделируется гипотетическая ситуация, в которой слово *банк* использовано не для уникальной номинации, наименования единственного в своем роде предмета, а как родовое наименование любой организации, занимающейся финансовой деятельностью.

Во-вторых, во «врезке» к статье, имеющей форму справки самой газеты: *Сейчас докладывать финразведке о подозрительных сделках (под них автоматически подпадают все операции на сумму свыше 600 тыс. рублей) обязаны банки, профучастники рынка ценных бумаг, страховые и лизинговые компании.* Очевидно, что данная справка дана с опорой на существующие нормативно-правовые документы, в которых слово *банк* также использовано как родовое наименование.

Отметим, что ни одно из упоминаний о банках не сопровождалось какой-либо оценкой их деятельности в настоящее время — ни положительной, ни отрицательной. В статье не приводились и какие-либо конкретные факты, свидетельствующие о противоправной деятельности банков или какого-либо банка ни в настоящее время, ни в прошлом. Таким образом, можно было сделать промежуточный вывод, что в основном тексте исследуемой статьи (в вербальной части текста) информации о конкретном банке «Доступный кредит» нет.

Иллюстративная часть текста в книгах и печатных СМИ дополняет, объясняет или комментирует содержание публикации. Тем самым иллюстративный компонент текста связан с его содержанием и не является полностью автономным. Особенно очевидной такая связь оказывается в газетах: иллюстрации, будучи составной частью оформления газетного текста, используются для того, чтобы «в <...> удобочитаемом виде донести до читателя содержание Г<азеты>, выделить главное»²⁴⁴.

Исследуемая статья сопровождается двумя иллюстрациями — фотографиями. На одной фотографии изображен чиновник Комитета по финансовому мониторингу В. Зубков, выступающий перед журналистами, а на другой — «Жигули» (8-й

²⁴⁴ См.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981. С. 126.

или 9-й модели), человек в камуфляжной форме с собакой и какое-то здание. О том, что это здание банка «Доступный кредит», говорит надпись над входом, косвенно на это также указывает табличка с явственно читаемым названием улицы и номером дома. Отметим, что на переднем плане второй фотографии находятся автомобиль и человек в камуфляже.

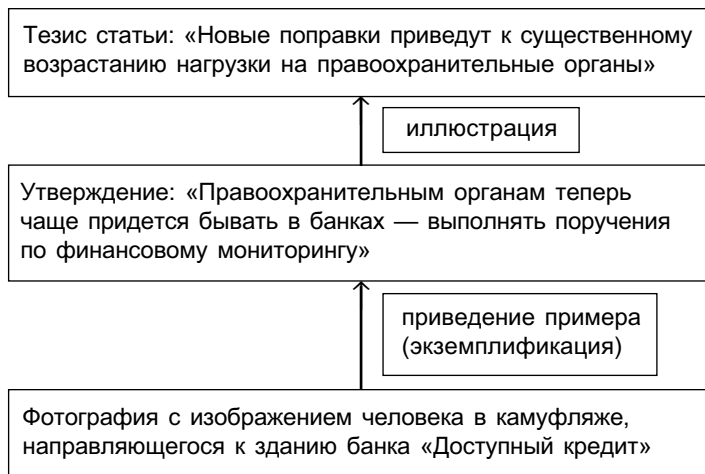
Функция фотографий в рассматриваемом случае очевидна: иллюстрация содержания статьи. Фотография В. Зубкова с подписью «Виктор Зубков не даст «отмыть» россиянам ни копейки» в несколько ироничной манере иллюстрирует позицию Комитета по финансовому мониторингу.

Другая фотография, на которой изображено здание банка «Доступный кредит», является многозначным сообщением. Человек в камуфляжной форме с собакой, направляющийся к зданию банка, может быть, например, и представителем правоохранительных органов, и охранником банка, и кинологом с собакой, вызванным службой охраны банка, и случайным прохожим, и даже одним из клиентов банка. Подпись под фотографией позволяет (в соответствии с принципами организации сообщения как цельного и связного текста) выбрать одну из возможных интерпретаций, а именно: на иллюстрации изображен представитель правоохранительных органов, выполняющий поручения по финансовому мониторингу. Именно такая интерпретация иллюстрации согласуется с основным содержанием текста статьи.

Следовательно, вторая фотография, на которой изображен банк «Доступный кредит», иллюстрирует содержание статьи в несколько ином смысле: это пример в виде визуального образа, передающего представление о деятельности Комитета по финансовому мониторингу. На коммуникативную функцию «экземплификации» (т.е. приведения примера) указывает и подпись к фотографии: «Правоохранительным органам теперь чаще придется бывать в банках — выполнять поручения по финансовому мониторингу». То есть хотя на фотографии можно прочесть название банка, подпись к ней указывает не на данный конкретный банк, а на банки вообще. Именно по этой причине в подписи использована форма множественного числа существительного *банк*: *банки*. Тем самым речь идет не о банке «Доступный кредит» как таковом, а о банках вообще.

Рассматривая смысловую связь второй фотографии и подписи к ней с текстом статьи, можно установить следующее.

Подпись «Правоохранительным органам теперь чаще придется бывать в банках — выполнять поручения по финансовому мониторингу» представляет собой комментарий к одному из тезисов статьи, согласно которому новые поправки приведут к существенному возрастанию нагрузки на правоохранительные органы. Фотография с изображением здания банка «Доступный кредит», в свою очередь, является примером к утверждению, содержащемуся в подписи: человек в камуфляже (предположительно, сотрудник правоохранительных органов) направляется к зданию банка «Доступный кредит» для проведения финансового мониторинга. Графически это можно представить следующим образом:

Поскольку фотография с человеком в камуфляже, направляющимся к зданию банка «Доступный кредит», является примером к утверждению-подписи, следовательно, фотография отражает один из эпизодов деятельности правоохранительных органов по выполнению задач финансового мониторинга.

Напомним, что с языковой точки зрения под «негативной информацией» о физическом и юридическом лице понимается информация, сведения о плохих свойствах, качествах лица,

вызывающих неодобрение и достойных порицания²⁴⁵. Рассмотрим, есть ли основания считать негативной информацию о банке «Доступный кредит», содержащуюся на фотографии, с учетом подписи к ней.

Термин «мониторинг» предполагает смысл ‘наблюдения и оценки чего-л.’. Ср. толкования из современных словарей иностранных слов:

МОНИТОРИНГ [англ. monitoring] — 1) постоянное наблюдение за каким-л. процессом с целью выявления его соответствия ожидаемому результату или первоначальным предположениям, напр. социологический м., м. общественного мнения; 2) наблюдение, оценка и прогноз состояния окружающей среды в связи с хозяйственной деятельностью человека, напр. экологический м.²⁴⁶.

МОНИТОРИНГ, а, м [англ. monitoring] — 1) постоянное наблюдение за каким-л. процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным предположениям 2) наблюдение, оценка и прогноз состояния окружающей среды в связи с хозяйственной деятельностью человека²⁴⁷.

Наблюдение и оценка чего-либо, в частности при финансовом мониторинге — наблюдение за финансовыми операциями физических и юридических лиц, не предполагают, что имеется незаконная деятельность этих лиц. В рассматриваемом случае из содержания текста статьи, подписи к анализируемой фотографии и самой фотографии не обязательно следует, что банк «Доступный кредит» и/или его клиенты занимаются незаконной финансовой деятельностью. То есть эта информа-

²⁴⁵ В толковых словарях русского языка слово *негативный* толкуется через *отрицательный*. Соответственно, *отрицательный* в рассматриваемом значении — это ‘обладающий плохими чертами, качествами’. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 1992, а также ‘плохой по своим качествам, свойствам, вызывающий неодобрение, достойный порицания’, Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

²⁴⁶ См.: *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

²⁴⁷ См.: *Музрукова Т.Г., Нечаева И.В.* Популярный словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Нечаевой. М.: Азбуковник (в печати). Информация с сайта www.slovari.ru.

ция не является частью содержания исследуемой статьи и/или иллюстраций к ней. Действительно, пример финансового мониторинга вовсе не влечет, не предполагает наличия и соответственно выявления противоправной деятельности.

Кроме того, грамматические формы глаголов в выражении *теперь чаще придется бывать в банках — выполнять поручения по финансовому мониторингу*, образующем смысловую основу подписи к фотографии, указывают на те ситуации, количество которых с большой долей вероятности возрастет в будущем. Фотография — это некоторая типовая возможная ситуация.

Таким образом, сопоставление текста статьи «Финансовые репрессии в действии», подписи к фотографии с изображением человека в камуфляже, направляющегося к банку «Доступный кредит», а также самой фотографии показывает, что фотография представляет собой пример к утверждению-подписи «Правоохранительным органам теперь чаще придется бывать в банках — выполнять поручения по финансовому мониторингу». Ни в самой статье, ни в иллюстративных материалах к ней не содержится негативная информация о банке «Доступный кредит».

Разумеется, фотографию и собственно текст анализируемой публикации можно рассматривать как сложный намек на какие-то аспекты деятельности банка, однако с уверенностью вербализовать содержание этого намека не представляется возможным.

12.5. Возможность вербального описания примера при невербальной экзemplификации

Сочетание вербального тезиса и визуально передаваемого примера — случай далеко не уникальный для современных СМИ. Кроме того, визуальная часть совсем не всегда подается в форме сложного намека или других способов косвенной передачи смысла, затрудняющих вербализацию примера. Рассмотрим случай, в котором визуально представляемый пример может быть довольно точно передан речевыми формами.

На канале ОРТ в передаче «Человек и закон» (в 2004 г.) был показан сюжет, посвященный операции спецслужб по

пресечению деятельности нелегальных эмигрантов на территории г. Москвы. В сюжете сотрудники спецслужб проверяют одно из общежитий на Скотопрогонной улице и обнаруживают там нелегальные и полунелегальные цеха по производству продукции различных типов. В какой-то момент камера показывает крупным планом флаконы с косметической продукцией и на одном из флаконов обнаруживается логотип «МИРРА» в этот момент голос за кадром сообщает: *И совсем уж шокирующая находка, на отдельном этаже разместилась парфюмерная фабрика: шампуни, кремы для рук и лица, губные помады, под маркой одной российской известной фирмы. Тут же склад с ингредиентами. По оценке проверяющих большая часть из них тоже левая, контрабандная. В общем, государство в государстве, за одним только исключением: все это предназначено для продажи на московских рынках и в крупных магазинах.*

Фирма «МИРРА», не имея никакого отношения к деятельности нелегальных иммигрантов, подала иск, посчитав, что в сюжете о ней сообщается негативная информация, которая не соответствует действительности. Задача лингвистической экспертизы в данной ситуации заключалась в том, чтобы установить смысловое соотношение между видеобразжением и приведенным текстом «за кадром», а также определить содержание негативной информации, если таковая будет обнаружена, а также форму ее подачи.

Основная проблема в исследовании соотношения между текстом и изображением заключается в том, что если метаязыки для описания семантики текста существуют, то подходы к описанию семантики изображения не разработаны. Понятно, что основой описания семантики изображения должно быть какое-то членение видеоряда на элементарные (или достаточно простые) фрагменты. Общие принципы выделения таких элементарных фрагментов пока не ясны. В рассматриваемом случае общий сюжетный ряд спорного фрагмента передачи был разделен на ряд мини-сюжетов, которые, в свою очередь, разделялись на несколько более дробных видеорядов, связанных общей мини-темой:

- цех по производству одежды;
- мебельный цех;
- цех, где производятся сушилки для полотенец;
- мини-издательство;

- цех по производству пищевой продукции (лаваша, соусы и пр.)
- цех по производству парфюмерной продукции.

Анализ передачи показал, что текстовый фрагмент иллюстрирует последний мини-сюжет передачи — цех по производству парфюмерной продукции. Видеоряд последнего мини-сюжета состоит из следующих частей:

1. общий план: изображение технических емкостей;
2. крупный план: табличка «Цех парфюмерно-косметической продукции»;
3. скользящая камера: коробки с продукцией, этикетки, на которых прочитывается логотип «МИРРА»;
4. крупный план: этикетка крема-лосьона;
5. скользящая камера: канистры с химическими материалами;
6. наезжающая камера: на одной из канистр крупным планом красный ромб «FLAMABLE LIQUID»;
7. скользящая камера: цех по производству трикотажа.

Заметим, что последний компонент видеоряда — цех по производству трикотажа, будучи частью следующего мини-сюжета, вербально иллюстрируется текстом мини-сюжета о производстве парфюмерной продукции, т.е. видеоряд и «текст за кадром» не совпадают по границам.

Анализируемый текстовый фрагмент и видеоряд мини-сюжета о производстве парфюмерной продукции связаны смысловым отношением комментирования, т.е. «закадровый» текст комментирует, раскрывает суть визуальных изображений. Например, когда камера показывает канистры с химическими материалами, звучит текст *Тут же склад с ингредиентами. По оценке проверяющих большая часть из них тоже левая, контрабандная*, поясняющий суть происходящего.

Кроме отношения комментирования, анализируемый текст передает также некоторые второстепенные смыслы: оценку (*И совсем уж шокирующая находка*), информирование (*все это предназначено для продажи на московских рынках и в крупных магазинах*).

Если рассматривать анализируемый фрагмент текста и связанный с ним видеоряд как единый мини-сюжет о производстве парфюмерной продукции, то он входит как составная часть в последовательность мини-сюжетов о нелегальном про-

изготовлении одежды, мебели, пищевой продукции и т.д. Эти мини-сюжеты иллюстрируют одно из основных утверждений передачи «Человек и Закон» или ее тезис, если использовать терминологию теории аргументации: «Незаконные иммигранты занимаются в Москве незаконной деятельностью». В рамках данной смысловой структуры передачи мини-сюжет о производстве парфюмерной продукции оказывается примером такой незаконной деятельности, т.е. между рассматриваемым мини-сюжетом и одним из тезисов передачи «Человек и Закон» «Незаконные иммигранты занимаются в Москве незаконной деятельностью» существует отношение экземплификации (приведения примера).

Следует отметить, что отмеченное несовпадение «закадрового текста» и визуального ряда мини-сюжета оказывается дополнительным фактом в пользу интерпретации мини-сюжета о производстве парфюмерной продукции как одного из примеров незаконной деятельности иммигрантов.

Обратимся теперь к содержанию экземплификации в связи с фирмой «МИРРА». В «закадровом тексте» мини-сюжета речь идет о том, что нелегальные иммигранты производили *шампунь, кремы для рук и лица, губные помады, под маркой одной российской известной фирмы*. Видеоряд мини-сюжета с определенностью указывает на ту фирму, которая имеется в виду диктором: скользящая камера показывает коробки с продукцией, этикетки, на которых легко прочитывается логотип «МИРРА». Соотнесение видеоряда и текста порождает обязательное следствие типа «нелегальные иммигранты производили парфюмерную продукцию под маркой фирмы МИРРА». Если это следствие отсутствует, то функция видеоряда с демонстрацией коробок с продукцией фирмы «МИРРА» и соответствующих этикеток оказывается непонятной, а «закадровый текст» и изображение теряют согласованность и связность. Между тем в семиотическом понимании и вербальный текст, и его визуальная составляющая образуют единую смысловую структуру, для которой свойства семантической согласованности и связанности являются обязательными²⁴⁸.

²⁴⁸ См. по этому поводу, напр.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998; см. также главу 5 настоящей книги.

Следствие ‘нелегальные иммигранты производили парфюмерную продукцию под маркой фирмы МИРРА’ несет негативную информацию о продукции компании «МИРРА», поскольку в передаче было показано, что качество производимых иммигрантами товаров крайне низко (допускаются нарушения технологии, использование недоброкачественного сырья и т.д.). Ср. также фразу из исследованного текстового фрагмента: *Тут же склад с ингредиентами. По оценке проверяющих большая часть из них тоже левая, контрабандная.*

Таким образом, следствие ‘нелегальные иммигранты производили парфюмерную продукцию под маркой фирмы МИРРА’ является обязательным и квалифицируется как скрытое (имплицитное) утверждение.

Приведенный пример с привязкой фирмы «МИРРА» к деятельности незаконных эмигрантов явно не случаен, поскольку в несколько модифицированном варианте он был повторен приблизительно в то же время в программе «Время Московское», посвященной аналогичной проблематике. В передаче раскрывалась деятельность спецслужб по проверке общежития иностранцев на Скотопрогонной улице. Видеоряд спорного фрагмента передачи состоял из следующих частей:

1. крупный план: табличка «Цех парфюмерно-косметической продукции»;
2. крупный план: флакон косметического средства с четко читаемыми надписями «МИРРА», «Зеленый шум»;
3. крупный план: этикетка крема-лосьона с надписями «Пенка для умывания очищает и увлажняет кожу», логотип «МИРРА»;
4. общий вид цеха;
5. коробки с товарами с логотипом «МИРРА».

Текстовый фрагмент отличается от того, который был в передаче «Человек и Закон», голос за кадром говорит: *Кстати, фальшивая парфюмерия, косметика и бытовая химия распространялись не только на вьетнамских рынках. Подпольная продукция продавалась в мелких магазинах, с лотков в метро и, по некоторым данным, даже в популярных московских супермаркетах.* Иными словами, текст прямо не соотносится с изображением. Слова и словосочетания *фальшивая парфюмерия, косметика и бытовая химия, подпольная продукция* употреблены в расширительном смысле, они относятся и к тем флаконам и

продукции фирмы «МИРРА», которые предъявляются в видеоряде, и к многим другим образцам подобной продукции. Таким образом, в данном случае следует говорить об обобщенно-референтном употреблении соответствующих существительных. Иными словами, анализируемый текстовый фрагмент является тезисом, а видеоряд дает пример к этому тезису — один из образцов фальшивой парфюмерии и подпольной продукции.

Итак, текстовый фрагмент *Кстати, фальшивая парфюмерия, косметика и бытовая химия распространялись не только на вьетнамских рынках. Подпольная продукция продавалась в мелких магазинах, с лотков в метро и, по некоторым данным, даже в популярных московских супермаркетах* из передачи «Время Московское» (ТВЦ) представляет собой один из тезисов передачи, а видеоряд дает пример к тезису — один из образцов фальшивой парфюмерии и подпольной продукции. В видеоряде мини-сюжета данной передачи несколько раз показывается продукция фирмы «МИРРА», а именно во второй, третьей и пятой части видеоряда: крупный план: флакон косметического средства с четко читаемыми надписями «МИРРА», «Зеленый шум»; крупный план: этикетка крема-лосьона с надписями «Пенка для умывания очищает и увлажняет кожу», логотип «МИРРА»; коробки с товаров с логотипом «МИРРА».

Сопоставление текста (тезис) и видеоряда (как примера к тезису) порождает следствие вида ‘продукция фирмы МИРРА — пример фальшивой парфюмерии, косметики и бытовой химии, распространяемой на вьетнамских рынках, мелких магазинах, с лотков и в популярных московских супермаркетах’. Данное следствие с очевидностью несет негативную информацию о продукции фирмы МИРРА; на это указывает, например, прилагательное *фальшивый*. Кроме того, данное следствие является обязательным, иначе смысловая связь между изображением (видеорядом) и текстом разрушается. Обязательное следствие ‘продукция фирмы МИРРА — пример фальшивой парфюмерии, косметики и бытовой химии, распространяемой на вьетнамских рынках, мелких магазинах, с лотков и в популярных московских супермаркетах’ квалифицируется как скрытое (имплицитное) утверждение.

Разобранный пример можно отнести к случаям антирекламы, которая стала важной частью маркетинговых стратегий продвижения товаров и услуг на российском рынке.

§ 13. Фершлюгенхаймер, или Ссылка на авторитет

Довольно часто тезис или аргумент в процессе аргументирования вводятся со ссылкой на авторитет: *как показал / говорил / утверждал / отмечал Декарт / Спиноза / Лейбниц / Хинтиikka / Фершлюгенхаймер*. Степень эффективности такого речевого приема управления пониманием в значительной степени зависит от регламентации дискурса, степени его структурированности и обязательности ссылки на авторитет в строго фиксированном месте. Например, 1950-е гг. в школьных сочинениях в заключительной части обязательно предусматривалась ссылка на И.В. Сталина. Понятно, что реальный воздействующий эффект такой ссылки был невелик. Конечно, в общем потоке пропаганды и идеологического воздействия это играло определенную роль, но явно второстепенную. Скорее, ссылка на Сталина в рассматриваемом случае была частью правил оформления дискурсивных единиц — текстов, функционирующих в общественной коммуникации или так или иначе приближенных к ним.

Ссылки на авторитет могут использоваться и как способ отождествления автора текста с группой единомышленников — как в сфере политики, так и в сфере науки. В этом случае воздействующая функция в рассматриваемом понимании также отсутствует или редуцирована. Ср. контексты типа *Основные идеи данной публикации основываются на положениях теории структурного резонанса в непрозрачных средах, разработанной в трудах академика И. Скоробогатова и его учеников*.

Если же дискурс не регламентирует использование ссылок такого рода, то они достаточно эффективны и позволяют использовать авторитет для обоснования тезиса, очевидность которого далеко не ясна. Признанный авторитет «работает» на автора ссылки, позволяя ему сократить или вообще убрать аргументацию в пользу соответствующего положения. Ссылка на авторитет необязательно работает «в лоб». Например, упоминание мало кому известного исследователя с характерной немецкой фамилией Verschlugenheimer укажет на дотошность автора публикации, не пропустившего ни одного релевантного источника. Кроме того, поскольку немецкие ученые славятся своим педантизмом, эта же ссылка косвенно даст понять читателю, что все учтено — ни один из фактов не пропущен,

бесполезно пытаться искать языковые факты, противоречащие положениям автора. Ссылка на отцов церкви в работе о речевом воздействии демонстрирует не столько религиозность автора публикации, сколько высокий уровень проведенного исследования и полное описание истории вопроса.

Наконец, не следует забывать о том, что бывают не только тезисы, но и антитезисы — положения, с которыми спорит аргументирующий в конфликтной коммуникации. Для антитезисов хорошо подходят **негативные авторитеты** или **авторитеты в плохом**. В качества таковых часто фигурируют А. Гитлер, Й. Геббельс, а в соответствующей политической и социальной среде и В. Ленин, М. Горбачев, А. Чубайс и другие политические фигуры. Ссылка на авторитет в плохом часто происходит постфактум — после введения тезиса, что усиливает воздействующий эффект. Именно так, например, построена статья Е. Альбац «Присяга на верность»²⁴⁹, посвященная реакции российской общественности и прежде всего российских СМИ на события ноября 2005 г. во Франции (множественные выступления эмигрантской молодежи, преимущественно арабского происхождения, сопровождавшиеся поджогами автомашин, разгромом магазинов и т.д.). Показывая, что высказывания многих представителей российской общественности имели откровенно фашистский характер, Е. Альбац приводит цитату, но не указывает ее автора:

Для начала — цитата. «Жестокость уважают. Людям необходим всепоглощающий страх. Им необходимо чего-нибудь бояться. Они хотят, чтобы кто-нибудь испугал их и сделал их абсолютно покорными. Чего болтать о жестокости и одновременно негодовать о пытках? Массы хотят их. Они хотят чего-то, что заставит их трепетать от ужаса».

Об авторе пока умолчу, предоставляя возможность читателям догадаться. И хотя автор важен, еще важнее — что именно такая логика, хотя, возможно, и в более обтекаемых выражениях, становится доминантной в высоких кремлевских кабинетах.

Лишь в конце публикации автор раскрывается:

P.S. Автор цитаты — Адольф Гитлер.

²⁴⁹ www.ej.ru, 11 ноября 2005.

Нельзя не согласиться, что такой прием воздействия эффектен и эффективен.

Некоторые из авторитетов амбивалентны — особенно восточные политики типа Мао Цзэдуна. Применительно к последнему персонажу часто отдают должное восточной хитрости и умению говорить парадоксами (*Многие из приверженцев модернизации за время реформ стали, как говаривал Мао, «редисками» — снаружи красными, а внутри белыми, обзаведясь сомнительными связями с промышленно-финансовыми группировками.* Корпус публицистики²⁵⁰) и одновременно ссылаются на пренебрежение жизнью человека, будто бы присущее китайской политической ментальности: *В противном случае придется согласиться с утверждением Мао Цзэдуна: пусть погибнет треть человечества, но оставшаяся часть станет жить более счастливо. Независимая газета.*

В самом общем виде сущность рассматриваемого приема речевого воздействия можно описать следующим образом:

Ссылка на авторитет — как позитивный, так и негативный — позволяет ввести тезис или аргумент в процессе аргументирования, не приводя обоснований их истинности и основываясь на доверии адресата к авторитету как почти идеальному примеру хорошего или плохого.

Ранее, в § 2 главы 2, уже обсуждалась публикация «“Драг-Центр-Торг” отходит на окраины». В статье говорилось о том, эта сеть магазинов якобы продает свои магазины в центре Москвы и перемещается на окраины города. Если бы эта информация соответствовала действительности, то это указывало бы на радикальную смену политики фирмы, на изменение маркетинговой политики: драгоценности для покупателей в спальных районах должны быть совершенно иные, чем для

²⁵⁰ См. также характерный пример: *В годы «культурной революции» в Китае среди наших журналистов-международников высказывания председателя Мао (иногда подлинные, а нередко и придуманные) вытеснили на время анекдоты о Чапаеве и чукчах. Одно из них мне запомнилось своей незатейливостью, простотой и вместе с тем спрятанной глубокой мудростью: «Стол не передвинется, если его не передвинешь».* Независимая газета.

богатых покупателей, совершающих покупки в престижных районах Москвы.

Для обоснования этой идеи в публикации, кроме метафор и других способов воздействия, используются и многочисленные ссылки на авторитет, в рассматриваемом случае — на специалистов по торговле. В тексте весьма незначительной по объему публикации (всего порядка четырех тысяч знаков, включая пробелы) упомянуты шесть (!) экспертов. При этом изложение стоит таким образом, что эксперты по большей части комментируют решение ОАО «Драг-Центр-Торг» о переводе магазинов на окраину города, не обсуждая достоверность информации о существовании самого решения. Иными словами, авторы публикации, беседуя с экспертами, подавали им эту информацию как общеизвестный факт. Такой прием речевого воздействия уже обсуждался выше и был назван «навязыванием пресуппозиции».

Как прием воздействия, аналогичный ссылке на авторитет, можно отнести и большое количество авторов публикации — три журналиста на очень небольшую статью. Вместе с экспертами получается девять человек на 3500 знаков.

§ 14. Снижение силы утверждения — «лексемы-ограничители»

К классу приемов речевого воздействия, связанных с феноменом аргументации, можно отнести также лексемы и словосочетания, которые используются для снижения силы утверждения. В англоязычной лингвистической традиции они называются *hedges*, т.е. «загородки»²⁵¹. По-русски слова такого типа называются «ограничителями».

Ограничители разделяются на несколько групп. Так, **оптимизирующие ограничители**, к которым относятся, в частности, *формально, строго говоря, в определенном отношении, в специаль-*

²⁵¹ Впервые в явном виде на специфическую семантику «слов-загородок» обратил внимание замечательный американский лингвист Дж. Лакофф в работе: *Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics. Dordrecht, 1975. P. 221–271.*

ном понимании, указывают на то, что утверждение характеризуется рядом неточностей, изъянов и говорящий осознает это, однако в данной ситуации утверждение все же остается справедливым. Выражения *по крайней мере, вроде, как бы* и т.п. относятся к **ограничителям силы утверждения**, поскольку они позволяют снять с себя ответственность за высказанный тезис. Еще один класс ограничителей связан с прямым цитированием или косвенной передачей смысла. Для того чтобы противопоставить себя мнению цитируемого лица или как минимум не брать на себя ответственность за сказанное другим человеком, используются выражения *утверждать* (чаще в личной форме 3 л. *утверждает, утверждал, утверждала, утверждают, утверждали*), *подтверждать* (в тех же личных формах), *заявлять* (в тех же личных формах) *по словам, якобы, за что купил — за то и продаю, говорят, слышал* и др. Такие ограничители **ментального размежевания** различны по силе — частица *якобы* относится к числу самых сильных, а глаголы речи *утверждать, заявлять* являются более слабым способом отграничения от мнения.

В лингвистической экспертизе текста анализ лексем-ограничителей проводится, как правило, в совокупности с исследованием других средств речевого воздействия для определения коммуникативной направленности публикации, целей автора текста. Интересна в этом отношении статья «“Драг-Центр-Торг” отходит на окраины», уже несколько раз упоминавшаяся выше — см. раздел 2.2. главы 2, § 11 главы 3. Как уже отмечалось, в статье речь идет о том, что сеть магазинов «Драг-Центр-Торг» якобы продает свои магазины в центре Москвы и перемещается на окраины города. После возмущенного письма директора этой ювелирной сети газета опубликовала ответ под названием «Коммерческая поправка», в которой опровергались некоторые положения предшествующей публикации. Приведем текст «поправки» полностью, поскольку он того заслуживает:

По информации, полученной от ОАО «Драг-Центр-Торг», компания не закрывает торговые точки в центре Москвы и не переносит их в спальные районы. После проведения капитального ремонта вновь откроются магазины на Тверской улице и в Столешниковом переулке. Магазин в Большом Толмачевском переулке сдан в аренду.

Кроме того, ОАО «Драг-Центр-Торг» с 1995 года является собственником своих торговых площадок, за исключением магазина в Карманицком переулке и салона на улице Академика Варги. Поэтому увеличение арендных ставок торговых площадей в Москве не может ухудшить финансовое состояние компании. Ее финансовую состоятельность, в частности, **подтверждает поставщик компании — Московский экспериментальный ювелирный завод «Ювелирпром».**

Оборот ОАО «Драг-Центр-Торг» в 2003 году составил, **по данным компании**, 1291 млн руб., а не 597 млн руб., как указано в статье со ссылкой на данные «Интерфакс-Спарк». **Гендиректор «Драг-Центр-Торга» Алексей Алмазов утверждает**, что информация о приобретении им в 2003 году 40-процентного пакета акций компании у Александра Смоленского не соответствует действительности. Кроме того, **он не подтверждает**, что «Драг-Центр-Торг» владеет пакетом акций московской сети «Ювелир-Эксклюзив» и пакетом акций тульского завода «Сапфир».

В опровержении широко используются ссылки на источник информации и лексемы-ограничители — они выделены полужирным шрифтом. Ссылка на источники и использование лексем-ограничителей позволяют показать, что опровержение основывается на информации, предоставленной самими сотрудниками ОАО «Драг-Центр-Торг». Ср., например, *Оборот ОАО «Драг-Центр-Торг» в 2003 году составил, по данным компании, 1291 млн руб., а не 597 млн руб., как указано в статье со ссылкой на данные «Интерфакс-Спарк».* Тем самым мнения экспертов, изложенные в первой публикации, по сути, не деавируются.

Для создания нужного эффекта автор опровержения использовал глаголы ментального размежевания, указывающие на передачу речи и мнения другого лица. Так, использование глаголов *утверждать* и *подтверждать* дало возможность противопоставить свое мнение мнению автора цитируемых слов, «отграничиться» от них²⁵²: *Гендиректор «Драг-Центр-Торга» Алексей Алмазов утверждает, что информация о приобретении им в 2003 году 40-процентного пакета акций компании у Алек-*

²⁵² Ср. в этой связи стандартизованный комментарий психиатров в карте вполне здоровых пациентов: «Удары головой отрицает».

сандра Смоленского не соответствует действительности. Кроме того, он не подтверждает, что «Драг-Центр-Торг» владеет пакетом акций московской сети «Ювелир-Эксклюзив» и пакетом акций тульского завода «Сапфир»; Ее финансовую состоятельность, в частности, подтверждает поставщик компании — Московский экспериментальный ювелирный завод «Ювелирпром».

Отметим также, что опровержение названо *поправкой*, при этом дважды указывается, что в предшествующей публикации были допущены ошибки и неточности, за которые редакция приносит извинения читателям. Ошибки и неточности делаются неосознанно, тем самым сознательное искажение фактов исключается. Кроме того, слово *поправка* в рассматриваемом контексте имеет значение ‘Краткое дополнение, устраняющее ошибку, неточность’²⁵³. Иными словами, поправка в данном случае — это незначительное изменение, оставляющее основное содержание текста в силе.

Тем самым формальное опровержение, представленное в статье «Бизнес поправка», во многом оказывается не изложением фактов, а изложением мнения ОАО «Драг-Центр-Торг», которому противопоставляется мнение шести экспертов в публикации «“Драг-Центр-Торг” отходит на окраины». Количественное соотношение говорит само за себя.

§ 15. Факторы макроструктуры текста в речевом воздействии

В современном понимании термин «макроструктура» был введен в работах нидерландского специалиста по теории текста Т.А. ван Дейка. Обычно в лингвистике текста и семиотике под макроструктурой текста понимается его формальная и тематическая структура (разделение на отдельные компоненты — заголовков, подзаголовков, названия глав, параграфов и т.д.), которая обеспечивает связность текста как единого образования. Макроструктура, разумеется, связана с сюжетом, поскольку развертывание событий в повествовании отражается в макроструктуре последовательностью расположения компо-

²⁵³ См.: Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

нентов²⁵⁴. Не следует, однако, макроструктуру отождествлять с сюжетом. Макроструктура — это способ оформления и одновременно структурирования содержания текста с использованием как вербальных, так и невербальных средств (разделения фрагментов текста, или элементов его макроструктуры, визуально распознаваемыми изобразительными элементами — отступом, линиями различной толщины и цвета, пробелами, фоном и т.д.).

Макроструктура — это не только форма, но и содержание. Варьирование макроструктуры текста позволяет по-разному описывать одну и ту же ситуацию и соответственно может использоваться как прием управления пониманием. С точки зрения проведения лингвистической экспертизы текста существенно, что элементы макроструктуры могут передавать негативную информацию.

Разберем один примечательный случай. В статье «Продаем славу наложенным платежом», опубликованной в издании «Российская газета» 3 мая 2002 г., поднималась проблема создания и распространения справочных изданий о выдающихся деятелях науки, промышленности, бизнеса и т.д., попасть в которые можно, заплатив некоторую установленную редакционной коллегией сумму. Публикация была явно негативной, а в качестве примера разбиралась энциклопедия «Лучшие люди России».

Иск со стороны редакции «Лучшие люди России» не замедлил себя ждать. Между тем статья в основном тексте не содержала в явном виде негативных сведений об энциклопедии и ее редакции. Форма выражения мнения автора была вполне корректной и основывалась на широком использовании иронии, сложных намеков и других аналогичных по функции риторических фигур. Основная негативная информация о

²⁵⁴ Иногда термин «макроструктура» используется в широком понимании, распространяющемся и на такие феномены, как сюжетные свертки типа «Голый король», «Синяя Борода», «замена Дракона Бургомистром» и т.д., аффективные сюжетные единицы по В.Дж. Ленерту и способы изложения сюжета волшебной сказки — см., напр.: *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Варианты и инварианты текстовых макроструктур. (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990; *Паршин П.Б.* Речевое воздействие // Энциклопедия «Кругосвет», www.krugosvet.ru.

редакции энциклопедии, содержалась не в основной части текста, а в макроструктуре статьи. Макроструктура публикации состояла из следующих компонентов:

- 1) заголовок статьи «Продаем славу наложенным платежом»;
- 2) тема статьи «мошенничество»;
- 3) вводная часть (преамбула), начинающаяся словами «За большие деньги...»;
- 4) основной текст статьи, разделенный на шесть абзацев.

В оригинал-макете газеты название темы статьи с точки зрения топографемии (по месту расположения и способам шрифтового оформления) занимало подчиненное положение: оно было расположено под заголовком с использованием шрифта меньшего кегля и без различения регистра букв. Иными словами, по форме название темы напоминало подзаголовок. Однако с точки зрения семантики функция квалификации содержания описываемых событий в теме (подзаголовке) статьи как мошенничества вполне самостоятельна, хотя и дополняет заголовок.

Отдельные компоненты макроструктуры текста — и особенно заголовок и подзаголовок — могут выполнять функции особого типа речевого акта (макроречевого акта). Например, любой текст, рассматриваемый как совокупность отдельных речевых актов, на более высоком уровне абстракции (на уровне макроречевого акта) может быть угрозой, рекомендацией, предостережением, запретом и т.д.²⁵⁵

В обсуждаемом случае функцию макроречевого акта выполняет тема статьи — «мошенничество». Можно сказать, что это макроречевой акт квалификации, актуализующий соответствующую структуру знаний (фрейм мошенничества) и задающий понимание и интерпретацию деятельности по составлению словарей известных людей России. Понятно, что квалификация деятельности как мошенничества представляет собой

²⁵⁵ О понятии макроречевого акта см. подробнее: *Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 36 и далее. См. также: Баранов А.Н., Сергеев В.М. Проблема моделирования естественной языковой аргументации // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987; Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. докт. дисс. М., 1990.*

негативную информацию о деятельности редакции энциклопедии «Лучшие люди России».

Поскольку тема публикации состоит только из одного слова, существительного *мошенничество*, то в полной форме ему может быть сопоставлен речевой акт квалификации типа *В следующем ниже тексте описывается мошенничество*. Эта фраза является утверждением, следовательно, форма подачи информации — утверждение. Однако поскольку перед нами эллипсис (редуцированная, сокращенная форма), то это утверждение является имплицитным, неявным.

Рассмотренный случай использования макроструктуры текста для передачи негативной информации отнюдь не уникален. Аналогичным образом подана негативная информация об ООО «АН РОСбилдинг» в статье «Больше ниточке не виться. Московской текстильной отрасли приходит конец», опубликованной в «Российской газете» (№ 51 от 19.03.2003). Как и в предшествующем примере, тема статьи отражена в тематической рубрике, названной в данном случае «Скандал». Иными словами, в макроакте квалификации, ситуация, связанная с деятельностью «АН РОСбилдинг», называется *скандалом*. Слово *скандал* толкуется в словарях современного русского языка как ‘Случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участники’²⁵⁶, ‘Случай, происшествие, позорящее его участники’²⁵⁷. Иными словами, скандал предполагает нарушение его участниками норм поведения в обществе. Деятельность «АН РОСбилдинг» рассматривается в статье как причина скандала, а сотрудники этой компании принимают участие в ситуации, описываемой как скандал. Следовательно, рассматриваемый элемент макроструктуры текста — рубрика «Скандал» — передает негативную информацию о компании «Росбилдинг», представленную, как и в предшествующем примере, в скрытой форме.

Речевоздействующим эффектом обладают компоненты макроструктуры, находящиеся даже на самом низком уровне формального структурирования текста — заголовки терми-

²⁵⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

²⁵⁷ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

нальных разделов текста (т.е. конечных разделов, не содержащих других разделов) и окончания, концовки этих разделов. В данном случае действует так называемое «правило края»: информация, расположенная в начале или конце сообщения или изображения оказывается более важной и значимой, чем та, которая располагается в середине²⁵⁸.

Одна из публикаций об известном промышленнике и олигархе Р. Паратове содержала раздел, озаглавленный *Над пропастью, во лжи*. Название основывается на метафоре пропасти и одновременно содержит аллюзию на название известной повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Важнейшая часть обсуждаемого раздела спорной статьи — интервью с Р. Паратовым, которое и заключает раздел:

Поварской: Ну, ты даешь! Когда ты начинал свой алюминиевый бизнес, ты же знал, какие там нравы царили, да? Ты же знал, что цена может быть такой?

Паратов: Ну, опять же, может быть, меня звезда хранит, но мне кажется, что мне никогда не приходилось сталкиваться с такими ситуациями, когда холодок этого ощущения был настолько бы близок, как ты сейчас говоришь.

Поварской: Просто ты гнал прочь от себя такой анализ. Как говорил Крестный отец: «Это мешает бизнесу».

Паратов: **Может быть, как раз наоборот, может, это отнести мне в позитив, что я никогда не допускаю, что я чувствую эту грань и никогда не подхожу так близко к этой пропасти...**

Смысловая связь между заголовком *Над пропастью, во лжи* и словами Р. Паратова *Может быть, как раз наоборот, может, это отнести мне в позитив, что я никогда не допускаю, что я чувствую эту грань и никогда не подхожу так близко к этой пропасти* очевидна: они соотнесены по правилу «края», согласно которому наиболее существенная информация помещается в начале текста и его конце. Заголовок *Над пропастью,*

²⁵⁸ Правило края, или «эффект края», было впервые в явном виде сформулировано немецким психологом Г. Эббингаузом. См. по этому поводу: *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. М., 1998.

во лжи начинает последний раздел статьи, а цитата — заканчивает. Иными словами, пространство над пропастью или около нее интерпретируется в тексте как ложь. На это указывает, в частности, и то, что автор текста использовал словосочетание *во лжи* как уточнение к выражению *над пропастью*: об этом говорит пунктуационное обособление словосочетания *во лжи*. Интересно, что название повести Дж. Сэлинджера такого уточнения не содержит — «Над пропастью во ржи». Следовательно, обособление и уточнение понятия «пропасти» как «лжи» сделано автором публикации сознательно.

К числу сознательных решений автора публикации относится и установление семантической связи между словами Р. Паратова *не подхожу так близко к этой пропасти* и идеей «лжи», для чего как «семантический мостик» и используется название повести Дж. Сэлинджера. Метафора [находится] *во лжи* коммуникативно выделяет очевидную идею: тот, кто находится *во лжи*, лжет или причастен ко лжи (допускает ее, смиряется с ней и пр.). Любое понимание этого метафорического следствия отрицательно характеризует моральный облик «находящегося *во лжи*». Следовательно, в данном фрагменте представлена информация, которую можно реконструировать следующим образом: «Р. Паратов лжет или причастен ко лжи». Форма подачи этой информации — имплицитное (скрытое) утверждение, граничащее, впрочем, с намеком.

Глава 4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

В лингвистической экспертизе используются самые различные методы исследования плана содержания текста — от анализа отдельных лексем до изучения приемов аргументации. Семантический анализ отдельных лексем оказывается насущно необходимым в тех случаях, когда необходимо исследовать объем понятий, стоящих за несколькими словами, когда термин понимается по-разному в различных терминосистемах (например, в разных законодательных актах), когда в специальном тексте (в частности, в законах, подзаконных актах, служебных инструкциях и т.д.) используются наряду с терминами обычные слова литературного русского языка, которые не определяются в рамках специального текста, т.е. относятся к числу лингвистически определяемых терминов (см. главу 1).

Анализ семантики слова предполагает использование специальных семантических метаязыков, разработанных в лингвистической и лексической семантике — языка компонентного анализа²⁵⁹, языка толкований московской семантической школы²⁶⁰, языка смысла типа *lingua mentalis* А. Вежбицкой²⁶¹ или других способов представления семантики языковых выражений²⁶². Семантические метаязыки позволяют представить значение слова в более эксплицитном, явном, очевидном виде и тем самым отразить существующие в лексике смысловые от-

²⁵⁹ См.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1977. С. 496, 497; *Найда Ю.А.* Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983. С. 61–74.

²⁶⁰ См.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974; *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.

²⁶¹ См.: *Вежбицкая А.* Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 225–252.

²⁶² См. обзор метаязыков описания семантики предложения, многие из которых могут использоваться и для семантического анализа лексем в: *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Семантические метаязыки для описания смысла предложения // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1989.

ношения синонимии, квазисинонимии, антонимии, части и целого, рода и вида и др. Исходя из сказанного семантический анализ слова можно определить в общем случае следующим образом:

Семантический анализ слова заключается в представлении плана содержания слова на одном из семантических метаязыков, позволяющих более эксплицитно передать его значение и описать системные отношения с другими словами, связанными с ним отношениями (квази)синонимии, антонимии, части и целого, рода и вида и т.д.

Рамки лингвистической экспертизы текста, однако, существенно ограничивают возможности использования формализованных семантических метаязыков. Это связано с чисто прагматическими причинами: текст экспертизы должен быть по большей части понятен специалисту с гуманитарным образованием. В идеальном случае результаты экспертизы должны быть ясны сторонам, участвующим в судебном процессе. Практика написания лингвистических экспертиз такова, что даже если эксперт использовал в процессе исследования формализованные методы, результат их применения формулируется на литературном русском языке, а чаще всего — на языке, приближенном к языку толкований толковых словарей. Иными словами, в практике лингвистических экспертиз для семантического анализа используются более развернутые, эксплицитные выражения, синонимичные или по крайней мере квазисинонимичные толкуемому, описываемому слову или словосочетанию, однако семантические экспликации, как правило, упрощаются. Таким образом, основным методом семантического анализа слова, используемым в лингвистических экспертизах, оказывается **метод синонимических преобразований**.

По тем же чисто прагматическим причинам при описании семантики слова в заключениях специалистов широко используются словарные источники. Это связано как с тем, что словарные толкования легко проверить сторонам, участвующим в судебном споре, так и с тем, что оригинальный семантический анализ значения слова требует от эксперта достаточно высокой квалификации в области семантики и опыта лексикографических работ. Таким образом, часто в лингвистических

экспертизах используется **метод словарного анализа слова**. Этому методу стороны доверяют, как правило, больше, чем собственному семантическому анализу эксперта. Тем не менее довольно часто приходится прибегать и к оригинальному семантическому исследованию — особенно в тех случаях, когда словарной информации нет или она искажена, неточна, а то и просто устарела. Такие примеры также рассматриваются ниже.

Понятно, что анализ семантики слова встречается почти в любых типах лингвистической экспертизы текста, однако в некоторых случаях он оказывается основным, стержневым методом. Рассмотрим несколько случаев такого рода.

§ 1. «Безлезвенное бритье» — оксюморон как некорректная реклама

Одна из известных фирм, продвигая на рынок косметики новый товар, подготовила ряд рекламных проектов, в основе которых лежала идея «безлезвенного бритья» — так были концептуализованы, т.е. осмыслены кремы и гели, используемые для депиляции. Казалось бы, удачный рекламный ход вызвал недовольство производителей лезвий и других приспособлений для бритья, поскольку оказывалось, что у них появлялся конкурент, выгодно отличавшийся по целому ряду свойств от традиционного метода удаления волос. Закон о рекламе между тем запрещает распространение в рекламных сообщениях недостоверной информации. В связи с этим возник вопрос, можно ли называть бритьем способ удаления волос с помощью химических препаратов — кремов и гелей. Он и лег в основу экспертного заключения.

В толковых словарях современного русского языка слово *бритье* определяется через отсылку к глаголу *брить* как обозначение действия по значению глагола *брить*. В свою очередь, глагол *брить* толкуется как ‘срезать волосы бритвой до корня’²⁶³. Анализ толкований и приведенных в словарях примеров

²⁶³ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985. Аналогичное толкование представлено в словаре Ожегова и Шведовой (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 1992): ‘Срезать (бритвой) волосы до корня’.

употребления глагола *брить* позволяет выделить следующие основные компоненты стандартной ситуации, описываемой этим глаголом:

- 1) субъект действия;
- 2) объект, которым производится действие — инструмент;
- 3) объект, над которым производится действие;
- 4) количество волос, над которыми производится действие.

Перечисленные компоненты толкования глагола *брить* и их возможные реализации в различных контекстах были дополнительно проверены на текстовом массиве Корпуса текстов по современной публицистике (около 25 млн словоупотреблений) и на Корпусе «Русская проза» (около 25 млн словоупотреблений)²⁶⁴.

Анализ контекстов показал, что в качестве субъекта действия выступает человек — лицо, использующее соответствующий инструмент для выполнения данного действия. Ограничений на характер одушевленного субъекта действия обнаружено не было.

В качестве инструмента действия, как правило, выступает бритва, ср. контексты типа (1):

(1) **а.** *Брил* он тупой *бритвой*. Саша больше к нему не пошел, решил отпускать бороду. А. Рыбаков. Дети Арбата. **б.** Аким Акимыч указал мне одного арестанта, военного разряда, который за копейку *брил собственной бритвой* кого угодно и тем промышлял. Ф.М. Достоевский. *Записки из мертвого дома*.

Довольно часто в современной литературе встречается также электробритва и другие острые предметы — например нож, ср. примеры типа (2):

(2) **а.** Она купила самую дешевую *электробритву* и раз в неделю *брила* короткий колючий ежик на голове: рыхлая белая

²⁶⁴ Корпусы разработаны в отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН и могут рассматриваться как репрезентативные для современного русского языка. Более подробно об использовании методов корпусной лингвистики в лингвистической экспертизе текста см. главу 7.

кожа посмуглела, стала плотной, парик уже не мешал на работе. М. Веллер. Приключения майора Звягина. **б.** — *Этим ножом я всегда **брил** бороду Саитбаю. Г.М. Брянцев. Клинок эмира.*

Следовательно, представленные в толковых словарях толкования должны быть уточнены — в качестве инструмента может выступать не только бритва, но и любой предмет с острой режущей кромкой. Электробритва, как известно, также имеет в своем составе такой предмет — один или несколько ножей.

В качестве объекта действия выступают, как правило, борода, усы, реже — волосы на голове и других частях тела человека или животных. Ср. приметы типа (3):

(3) **а. Брил бороду** в ту пору, когда ее все носили, и говорил, что ее брили его духовные предки, римляне, первый народ в мире, создавший науку права; но отпустил бороду, когда она вышла из моды: русскому человеку бриться не надо. М. Алданов. Самоубийство. **б.** Лицом он был хотя и темен, но чист, **брил щеки** и носил усы. Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей. **в.** Полчаса спустя скрипач **брил** Крымова и со смешашей обычно посетителей парикмахерских преувеличенной серьезностью спрашивал, не беспокоит ли Крымова бритва, щупал ладонью — хорошо ли **выбриты крымовские скулы**. В. Гроссман. Жизнь и судьба.

Четвертый компонент толкования — количество волос, над которыми производится действие — связан с первым. Поскольку, как правило, речь идет о бороде, усах и т.п., количество сбриваемых волос должно быть относительно велико. Удаление нескольких «волосинок» нельзя рассматривать как бритье в точном смысле.

Отметим также, что в семантику глагола *брить* включен компонент 'удалить волосы полностью, чтобы их не было видно', что отражается в толкованиях толковых словарей в форме срезать волосы «до корня». В противном случае, если волосы удалены не полностью или не по всей длине, лучше говорить, например, о стрижке.

На основе сказанного можно предложить следующее толкование глагола *брить*:

‘используя предмет с острой режущей кромкой (обычно — бритву), срезать волосы у самого основания (корня), преследуя цель удалить волосы полностью, чтобы их не было видно’.

Соответственно отглагольное существительное *бритье* определяется как ‘процесс использования предмета с острой режущей кромкой (обычно — бритвы) для того, чтобы срезать волосы у самого основания (корня), преследуя цель удалить волосы полностью, чтобы их не было видно’.

Из приведенного толкования видно, что глагол *брить* или отглагольное имя *бритье* в рекламе кремов и гелей, используемых для депиляции, создают эффект оксюморона (внутреннего противоречия), поскольку их применение не предполагает существование ‘предмета с острой режущей кромкой’ типа ножа, лезвия или бритвы. В определенном смысле это, конечно, вводит в заблуждение покупателя, хотя по многим характеристикам напоминает языковую игру.

§ 2. Семантика *компромата*

Из разобранный выше примера становится ясно, что семантический анализ слова в лингвистических экспертизах никогда не проводится «из любви к искусству» и всегда преследует конкретные цели истца, ответчика, дознавателя или судьи. В делах о защите чести и достоинства особое значение приобретают негативные компоненты семантики слов. В одной из экспертиз предполагалось исследование значения слова *компромат* в современном русском языке, точнее — в речевых практиках современной публицистики.

Слово *компромат* является сложным словом, произведенным от словосочетания *компрометирующие материалы*²⁶⁵. По похожей модели образованы сложные слова *химпром* — «химическая промышленность», *сексот* — «секретный сотрудник», *коммунхоз* — «коммунальное хозяйство». Тем самым значение исследуемого слова *компромат* мотивировано двумя производящими по отношению к нему основами: *компрометирующий* и *материалы*.

²⁶⁵ Исследование слова *компромат* основывается на экспертном заключении, написанном совместно с О.М. Грунченко.

Существительное *материалы* в данном случае представлено в значении ‘данные, сведения, источники, служащие основой для чего-л., доказательством чего-л.’²⁶⁶ Причастие *компрометирующие* образовано от глагола *компрометировать* — ‘выставлять в неблагоприятном свете, порочить’²⁶⁷. Следовательно, это определение может рассматриваться как синоним слова *порочащий(-ие)*, которое свидетельствует о негативной содержательной направленности информации, сведений.

Слово *компромат* широко используется в разговорной речи, о чем свидетельствует, например, снабжение его пометой *разг.* (разговорное) в значении ‘то, что компрометирует кого-л., какие-л. документы, факты и др., подрывающие чью-л. репутацию или уличающие кого-л. в совершении проступка, преступления’²⁶⁸. Как легко видеть, семантика данного слова описывается в словарях в виде одного значения.

Изучение контекстов употребления обсуждаемого слова показывает, что оно регулярно используется в современном русском языке для указания на информацию, представленную на тех или иных носителях. В этом случае характерна сочетаемость анализируемого слова с лексемами *статья, газета, журнал, дискета, пленка* и т.п.:

Согласно одной из *компромат-статей*, Марлен Манасов, «называющий себя представителем банка UBS в России», якобы вводит общественность в заблуждение. www.mfd.ru/forum.

Российские собиратели *компромата* собрали коллекцию *фотографий* «Женщин Бориса Березовского». *Фотографии* некоторых из них опубликованы сегодня в российском Интернете. www.vokruginfo.ru/news.

Во Владивостоке изъят тираж *газеты с компроматом* на кандидата в губернаторы Дарькина. www.compromat.ru.

²⁶⁶ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

²⁶⁷ См.: *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998.

²⁶⁸ См.: *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003; см. также: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Противники генпрокурора рассчитывали, что *пленки с «компроматом»* будет достаточно для того, чтобы убедить, а если понадобится — и запугать сенаторов. zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra

На форму представления информации, определяемой как *компромат*, могут указывать образованные от отмеченных выше существительных *газета, журнал* прилагательные — *газетный, журнальный*:

Но, в любом случае, он решил спрятать весь свой *газетно-журнальный компромат* от греха подальше. Никому и в голову не придет искать что-то в спасательной шлюпке... В. Платова. *Корабль призраков*.

Она заявила, что *газетный компромат* не разлучит ее с мужем, «мы одна семья, мы будем отстаивать наши права вместе». www.7news.ru

Вскоре после окончания депутатского мандата он был арестован по подозрению в получении взятки, а десятки *коробок с компроматом* изъяло следствие. www.sobesednik.ru/weekly.

Смысл материального представления информации передается в контексте также отглагольными существительными, указывающими на процесс создания материального носителя информации, ср. примеры следующего типа:

Помимо этого, имеют место использование «административного ресурса для давления на СМИ с целью *публикации компроматов*, а также агитационных материалов в день выборов». Тихомирова подчеркнула, что все заявления о нарушениях рассматривались оперативно и в установленные сроки. vybor.rosbalt.ru

Несомненно, в сознании носителей языка присутствует представление о свойстве информации, которую можно назвать *компроматом* — это прежде всего негативная информация. О таких свойствах информации-компромата говорят контексты, в которых слово *компромат* выступает как квазисиноним словосочетания *негативная информация*:

У нас нет интриг, сбора какой-то *негативной информации, компромата* на первых лиц, как это мы видим у других, где не говорят, что тот или иной лидер с поста ушел, а говорят: «с треском выгнали». church1.narod.ru

Как сообщает РИА «Экспресс», сегодня кандидат в губернаторы Красноярского края Сергей Глазьев прокомментировал информацию о том, что в отношении него в любой момент может быть возбуждено уголовное дело по результатам его деятельности в управлении внешних экономических связей РФ. «Зря стараются, — заявил Глазьев, — потому что никаких оснований для возбуждения дела в прокуратуре по роду моей деятельности быть не может». Причину отсутствия *компромата* Глазьев объясняет тем, что никогда не путал личные интересы с общественными. *politburo.yarsk.ru*

Приведенные контексты употребления слова *компромат*, во-первых, позволяют сделать однозначный вывод о том, что при использовании данного слова имеется в виду негативная, порочащая информация. Поскольку негативная информация становится общеизвестной, то это влечет судебные разбирательства. Во-вторых, проведенное исследование показало, что слово *компромат* регулярно используется с существительными, обозначающими носители информации — *газета, журнал, дискета, пленка* и т.п.

Таким образом, слово *компромат* имеет в современном русском языке следующее значение:

‘негативная информация о ком-л., обнаружение которой (отображение на каком-нибудь материальном носителе — в газете, журнале, листовке и т.п., передача в устной форме и распространение) приведет к тому, что представление об этом человеке в социуме, с которым он связан, ухудшится — вплоть до судебного преследования данного лица’.

Связь с материальным носителем отображается в сочетаемости (*газетный компромат, пленки с компроматом* и т.п.). В контекстах типа *чемоданы компромата* исследуемое слово используется метонимически, обозначая носитель компрометирующей информации. Тем самым слово *компромат* обозначает именно негативную информацию о некотором лице.

§ 3. Семантические отношения между терминами: ‘род — вид’

Один из частых объектов анализа в практике лингвистических экспертиз — термины из Международной классификация товаров и услуг (МКТУ). Эта классификация, официально признанная странами-участниками дипломатической конфе-

ренции в Ницце (соглашения от 1957, 1967 и 1977 г.), предназначена для целей регистрации товарных знаков. Каждая из стран-участниц обязана в официальных публикациях о регистрации знаков указывать номера классов МКТУ, названия которых даны на нескольких языках — в том числе и по-русски.

При регистрации товарных знаков возникает множество коллизий, многие из которых связаны с интерпретацией семантики терминов, называющих соответствующие классы. Так, регистрация одного из товарных знаков потребовала семантического анализа ряда терминологических словосочетаний. Требовалось установить, являются ли термины *дублирование, издание книг, микрофильмирование, обеспечение интерактивное электронными публикациями, перевод с языка жестов, публикации с помощью настольных электронных издательских систем, публикация интерактивная книг и периодики, публикация текстовых материалов (за исключением рекламных)* видовыми по отношению к какому-либо из следующих терминов: *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий?*

Как известно, отношение «род — вид» связывает между собой родовые — более общие — и видовые — более частные понятия, входящие в соответствующие родовые категории. Иными словами, родовидовые отношения — это множественные предикаты, одним из аргументов которых является родовой термин (гипероним), а другими — видовые термины, относящиеся к данному родовому (гипонимы). Например, слово *мебель* представляет собой родовой термин (гиперонимом) по отношению к таким видовым терминам (гипонимам), как *стул, стол, шкаф, табурет* и т.п.

В Госстандарте на разработку информационно-поисковых тезаурусов обсуждаемое отношение определяется следующим образом:

2.5.6.6. Родовидовая связь устанавливается между двумя дескрипторами, если объем понятия нижестоящего дескриптора входит в объем понятия вышестоящего дескриптора²⁶⁹.

²⁶⁹ Тезаурус информационно-поисковый одноязычный. Правила разработки, структура, состав и форма представления. Официальное издание. Государственный комитет СССР по стандартам. М., 1980. Введен в действие с 1982 г.

Рассмотрим с этой точки зрения указанные термины и терминологические словосочетания.

Для термина *дублирование* наиболее близким по значению из списка предполагаемых родовых терминов может быть *обеспечение учебного процесса* или *развлечения*. Согласно «Большому толковому словарю»²⁷⁰, *дублирование* — это отглагольное существительное от глагола *дублировать*, использованного в значении ‘заменять речевую часть звукового фильма новой записью, представляющей собой перевод на другой язык с языка оригинала’ или в значении ‘заменять основного исполнителя в какой-л. роли’. Первое рассматриваемое значение охватывается термином *организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий* и, следовательно, родовидовое отношение имеет место. Однако во втором значении это явно не так, поскольку дублирование (перевод) текста в информационной передаче нельзя отнести ни к *воспитанию*, ни к *обеспечению учебного процесса*, ни к *развлечению*.

То же самое можно сказать о термине *перевод с языка жестов*, который также косвенно (не по значению, а по прагматическим функциям) соотносится с терминами *воспитание*, *обеспечение учебного процесса*, *развлечение*.

Термин *издание книг* по значению также близок терминам *воспитание*, *обеспечение учебного процесса*, *развлечения*. Действительно, книги могут издаваться в воспитательных целях, для обеспечения информационного процесса и для развлечения. Однако в целом термин *издание книг* не может быть видовым ни по отношению к *воспитанию*, ни по отношению к *обеспечению учебного процесса*, ни по отношению к *развлечению*. Объем понятия термина *издание книг* лишь пересекается с объемами понятий упомянутых трех терминов. Кроме того, издание книг, относящихся, например, к области науки, не обязательно связано с обеспечением учебного процесса, поскольку последний опирается на учебники, в которых соответствующий научный материал методически обрабатывается

²⁷⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. У глагола *дублировать* есть и другие значения — ‘выполнять сходную работу’, ‘получать сдвоенный текстильный материал’, однако очевидно, что они не имеются в виду в рассматриваемом контексте.

и переосмысливается. Ср. также издание различных библиографических указателей и справочников, совсем не обязательно связанных с обучением.

Сказанное подтверждается толкованием слова *издание* в толковых словарях русского языка. Так, в «Большом толковом словаре» это слово определяется как отглагольное существительное от первого значения глагола *издавать* — ‘напечатать и выпустить в свет’²⁷¹. Отсюда следует, что *издание книг* — это ‘печатание и выпуск в свет книг’. Иными словами, собственно лингвистическое значение термина *издание книг* вообще не соотносится со значениями терминов *воспитание* (‘процесс систематического, целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях обучения...’²⁷²), *развлечения* (‘то, что развлекает, доставляет удовольствие’²⁷³). То же самое можно сказать и о терминах *обеспечение учебного процесса, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*. Имеющаяся связь — издание книг для воспитания и обучения — относится к сфере прагматики, т.е. практической деятельности в соответствующих областях. Следовательно, по данному выше определению родовидовых отношений в Госстандарте на разработку информационно-поисковых тезаурусов термин *издание книг* нельзя рассматривать как видовой по отношению к терминам *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*.

Термин *микрофильмирование* — изготовление микрофильмов²⁷⁴ — по своему значению относится вероятнее всего к области библиотечного дела и не связан прямо с возможными гиперонимами *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*. Родовым для *микрофильмирования* являются скорее термины *технологии хранения информации, библиотечное дело*.

²⁷¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Отглагольное существительное, образованное от глагола *микрофильмировать* в значении ‘изготовить — изготавливать микрофильмы’. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Термин *обеспечение интерактивное электронными публикациями* имеет прямое отношение к деятельности средств массовой информации, к Интернету. Стоящее за ним понятие не входит в объем понятий терминов *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*. Его родовой термин скорее *информационная деятельность/дело*. В «Большом толковом словаре» слово *публикация* в составе рассматриваемого термина имеет значение ‘то, что опубликовано, напечатано’. Глагол *публиковать* там же определяется как ‘печатать для всеобщего сведения, делать известным путем помещения в печати’. То есть *публикация* — это ‘то, что напечатано для всеобщего сведения, сделано известным путем помещения в печати’. Электронные публикации имеют, по сути, те же функции, но иную форму.

Сопоставление данного толкования с толкованиями терминов *воспитание* (‘процесс систематического, целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях обучения...’²⁷⁵, *развлечения* (‘то, что развлекает, доставляет удовольствие’) показывает, что и здесь нет пересечения значений в собственно лингвистическом смысле. Можно только говорить о пересечении на уровне прагматических следствий (например, обеспечение электронными публикациями для целей обучения). Аналогично доказывается и отсутствие пересечения в значениях с терминами *обеспечение учебного процесса, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*. Следовательно, и в данном случае нет оснований говорить о наличии родовидовых отношений между термином *обеспечение интерактивное электронными публикациями* (как видового) и терминами *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий* (как родовыми).

Выше уже было показано, что термин *публикация* не совпадает по значению с терминами *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий*. Следовательно, приведенная выше аргументация полностью приложима и к терминам *публикации с помощью настольных электронных издатель-*

²⁷⁵ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

ских систем, публикация интерактивная книг и периодики, публикация текстовых материалов (за исключением рекламных). Содержание публикаций — как и издание (см. выше) — может быть связано с текстами самой различной направленности — совсем не обязательно только с *воспитанием, обеспечением учебного процесса, развлечением, организацией спортивных и культурно-просветительных мероприятий.* Иными словами, и здесь можно говорить только о частичной связи соответствующих проблемных областей, а не о родовидовых отношениях между терминами.

Таким образом, проведенный анализ показал, что термины *воспитание, обеспечение учебного процесса, развлечения, организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий* не являются родовыми ни к одному из следующих терминов: *издание книг, обеспечение интерактивное электронными публикациями, публикации с помощью настольных электронных издательских систем, публикация интерактивная книг и периодики, публикация текстовых материалов (за исключением рекламных).*

Термин *дублирование* в значении ‘заменять основного исполнителя в какой-л. роли/ может рассматриваться как видовой по отношению к термину *организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий.*

§ 4. Семантические отношения между словами: пересечение семантики

Задача определения соотношения между значениями различных слов (словосочетаний) возникает в лингвистической экспертизе довольно часто. Например, в одной из публикаций был представлен следующий фрагмент текста:

Как считают оперативники, для юридического прикрытия этих операций руководством банка «Плацдарм» была специально создана посредническая фирма «Интерконсалтинг».

Слово *прикрытие* использовано здесь в значении ‘маскировка’²⁷⁶. Маскируют и скрывают те действия, которые не хо-

²⁷⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

тят обнаружить, сделать известными всем. Понятно, что в сфере финансов к таким действиям относятся незаконные или не вполне законные финансовые операции. Так, странно выглядела бы следующая фраза: *Для юридического прикрытия благотворительных акций банка «Плацдарм» была специально создана посредническая фирма «Интерконсалтинг»*. Следовательно, в рассматриваемом фрагменте содержится информация о том, что руководство банка «Плацдарм» проводило незаконные или не вполне законные финансовые операции, что представляет угрозу для деловой репутации руководства этого банка и, более того, может повлечь судебные преследования.

Ответчик в объяснении на иск заявил, что словосочетание *юридическое прикрытие* является «аналогом» словосочетания *юридическое оформление операций*. Термин «аналог», использованный ответчиком в дискуссии, не вполне ясен. Если под «аналогом» имеется в виду «синоним», то это очевидным образом неверно. Синонимы — это слова совпадающие или очень близкие по значению²⁷⁷. Слово *прикрытие* в спорной фразе использовано в значении ‘маскировка’, т.е. ‘сокрытие каких-то неблагоприятных поступков, действий и т.п.’. Словосочетания *юридическое прикрытие* и *юридическое оформление* пересекаются по значению. Действительно, юридическое прикрытие может заключаться в том, что при этом происходит юридическое оформление документов, однако юридическое прикрытие может заключаться и в консультировании, представлении интересов доверителя, что не обязательно предполагает юридическое оформление документов. С другой стороны, юридическое оформление документов происходит, например, при получении наследства, но это трудно связать с юридическим прикрытием, если только наследство получается с нарушением закона. Наличие семантического компонента значения ‘неблаговидные поступки, действия’ не позволяет считать синонимами рассматриваемые выражения.

²⁷⁷ См.: *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

§ 5. Отождествление ситуации, соответствующей значению слова

Ранее в главе 2 (§ 5) рассматривалась проблема отождествления ситуации, описываемой в различных текстах или их фрагментах. Нечто похожее возникает и применительно к лексическому значению слов — особенно таких слов, семантика которых описывает с достаточной степенью подробности некоторую ситуацию. Так, термин «вымогательство» получает определение в УК РФ, т.е. является юридически определяемым. В делах о защите чести и достоинства иногда возникает необходимость установления того, соответствует ли описанная в тексте ситуация «вымогательству», «даче взятки», «оскорблению» и т.д.

В одной из экспертиз требовалось установить, соответствует ли фраза *Романенко потребовал от него новых денег, не имея на это никаких оснований. При этом в суд с иском Романенко не обращался, каких-либо документов не предъявлял, а свои требования неоднократно сопровождал угрозами по телефону* признакам преступления «вымогательство», описанным в диспозиции ст. 163 «Вымогательство» Уголовного кодекса РФ. Статья 163 УК РФ дает следующее определение вымогательства:

Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Для ответа на поставленный вопрос следует соотнести действия, обстоятельства их протекания и объекты, указанные в тексте УК РФ, с действиями, обстоятельствами их протекания и объектами, в отношении которых они совершаются, упомянутыми в тексте статьи в целом. Фактически это повторение процедуры, предложенной для установления тождества ситуаций, описываемых в разных текстах или их фрагментах (см. выше § 5 главы 2), но в рассматриваемом случае вместо одного из фрагментов текста выступает значение юридически определяемого термина, причем термин указывает не на конкретную, а на абстрактную ситуацию.

Для большей наглядности проведем сопоставление в форме таблицы.

Таблица 7. Сопоставление терминов УК РФ и выражений текста публикации

УК РФ	Текст публикации
1. Действие	
требование	потребовал
передачи	потребовал от него — такой коммуникативный акт предполагает передачу чего-либо
2. Объект	
чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера	от него (т.е. чужих на момент произнесения требования, не своих) новых денег (деньги — разновидность движимого имущества)
3. Обстоятельства совершения действия	
под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких...	свои требования неоднократно сопровождал угрозами по телефону

Кроме того, в тексте статьи подчеркивается, что требования Романенко выдвигал без оснований, не пытался решить вопрос путем обращения в суд.

Сравнение показывает, что между основными компонентами ситуации «вымогательства» в том виде, в котором она

описывается в УК РФ, и компонентами конкретной ситуации в спорном фрагменте статьи имеются очевидные корреляции. Иными словами, есть основания утверждать, что в тексте статьи описываются действия Романенко, сходные с действиями, названными вымогательством в УК РФ, по следующим параметрам: требование передачи чужого имущества (конкретно — денег), наличие угроз. Содержательно конкретизировать, в чем именно заключались угрозы, анализируя текст газетной публикации, не представилось возможным. Однако контекст статьи не исключает толкование части фразы *сопровождал угрозами по телефону*, как угрозу применения Романенко насилия.

§ 6. «При дробности выполнения и сокращения расстояния»: интерпретация лингвистически определяемых терминов в тексте инструкций и подзаконных актов

В Институт русского языка обратился гражданин РФ, ставший инвалидом на военной службе в одной из «горячих точек» современной России. Пытаясь получить от государства, которое он защищал, хоть какие-то льготы, он обратился в соответствующие органы социального обеспечения, где ему объяснили, что, потеряв ногу, он ни на что особенно претендовать не может. В предъявленном ему документе, определяющем степень инвалидности, имелись следующие пункты²⁷⁸:

1.4. Классификации нарушений функций организма по степени выраженности. Комплексная оценка различных качественных и количественных показателей, характеризующих стойкое нарушение функций организма, предусматривает выделение преимущественно четырех степеней нарушений:

- 1 степень — незначительные нарушения функций;
- 2 степень — умеренные нарушения функций;

²⁷⁸ Приложение к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.01.97 № 30, и к постановлению Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 29.01.97 № 1. «Классификация и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы».

3 степень — выраженные нарушения функций;

4 степень — значительно выраженные нарушения функций.

<...>

1.5.2. Ограничение способности к самостоятельному передвижению:

1 степень — способность к самостоятельному передвижению при более длительной затрате времени, подробности выполнения и сокращения расстояния;

2 степень — способность к самостоятельному передвижению с использованием вспомогательных средств и (или) помощью других лиц;

3 степень — неспособность к самостоятельному передвижению и полная зависимость от других лиц.

Чиновники отнесли потерю ноги ко второй степени выраженности нарушения функций, т.е. «умеренные нарушения функций», и к первой степени по ограничению способности к самостоятельному передвижению, т.е. «способность к самостоятельному передвижению при более длительной затрате времени, подробности выполнения и сокращения расстояния». Действительно, ведь одноногий человек способен к самостоятельному передвижению, хотя и тратит на это больше времени и ходит «дробно, сокращая расстояния» (в переводе с чиновничьего сленга на обычный русский язык — *сокращая шагу*). Ну а протез — никак не «вспомогательное средство». Такая, с позволения сказать, лингвистическая аргументация по вполне понятным причинам насторожила молодого человека, и он решил разобраться в возникшей коллизии.

Итак, имеются две основные проблемы. Во-первых, чем отличается вторая степень выраженности нарушения функций, т.е. «умеренные нарушения функций», от третьей — «выраженные нарушения функций». Во-вторых, является ли протез вспомогательным средством или нет или по крайней мере может ли пониматься протез как вспомогательное средство.

Значения словосочетаний *умеренное нарушение функции* и *выраженное нарушение функции* могут быть рассмотрены с двух точек зрения: 1) как терминов в некотором специальном языке (например, в специальном языке медицины для описания расстройств двигательной системы человека) и 2) как слово-

сочетаний общелитературного языка (лингвистически определяемых терминов). В первом случае значение анализируемых словосочетаний должно регламентироваться правилами использования соответствующего специального языка и пояснениями к употреблению соответствующих терминов. Иными словами, интерпретация значения этих выражений как специальных терминов требует обращения к общей системе классификации, принятой в данном специальном языке.

Однако таких инструкций нет. Следовательно, с этими словосочетаниями следует поступать как с лингвистически определяемыми терминами, и для пояснения их значений могут использоваться толковые словари современного русского языка²⁷⁹. Сопоставление двух рассматриваемых словосочетаний показывает, что входящие в них слова *нарушение* и *функция* используются в следующих значениях. Слово *нарушение* обозначает процесс, в результате которого возникают проблемы, мешающие 'нормальному состоянию, развитию чего-н.'²⁸⁰, а также результат этого процесса. Слово *функция* используется в значении 'работа производимая органом, организмом'²⁸¹. Иными словами, *нарушение функции* означает «проблемы, мешающие нормальной работе органа, организма». Наиболее существенной частью сравниваемых словосочетаний являются определения *умеренный* и *выраженный*. Причастие *умеренный* в современном русском языке значит: 'не слишком большой по размеру, количеству, силе и т.п.'²⁸². Причастие *выраженный* используется в тех случаях, когда признак, свойство обнаруживает себя каким-либо внешним проявлением, ср. толкование глагола *выразить*: 'показать, обнаружить каким-л. внешним проявлением'²⁸³.

²⁷⁹ Заметим также, что привлечение информации о значении слов или словосочетаний специального языка в общелитературном языке допустимо также в такой ситуации, когда эти слова или словосочетания не получают достаточно точного определения в рамках соответствующего специального языка.

²⁸⁰ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2000.

²⁸¹ Там же.

²⁸² *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

²⁸³ Там же.

Следовательно, словосочетание *умеренное нарушение функции* в современном русском языке означает: ‘не слишком большие по силе, степени проблемы, мешающие нормальной работе органа, организма’, а словосочетание *выраженное нарушение функции* — ‘проблемы, мешающие нормальной работе органа, организма, которые обнаруживают себя внешним проявлением’. Понятно, что отсутствие ноги еще как ‘обнаруживает себя внешним проявлением’. Иными словами, потеря ноги совершенно адекватно описывается словосочетанием *выраженное нарушение функции*.

Обратимся ко второй проблеме — соотношению семантики слова *протез* и значения словосочетания *вспомогательное средство*.

Согласно словарю Ожегова и Шведовой, *протез* — это ‘**приспособление**, изготовленное в форме какой-н. части тела или дублирующее утраченный орган’. С другой стороны, в том же словаре слово *средство* толкуется как ‘орудие (предмет, **совокупность приспособлений**) для осуществления какой-н. деятельности’. В Русском семантическом словаре слову *средство* дается такое определение: ‘Предмет, **приспособление (несколько приспособлений)** для осуществления каких-н. действий’²⁸⁴. Иными словами, и в значение слова *протез*, и в значение слова *средство* входит общий компонент смысла ‘приспособление/совокупность приспособлений’.

В значение слова *вспомогательный* входит компонент смысла ‘помощь’: ‘служащий для оказания помощи, поддержки; подсобный’²⁸⁵. Поскольку, согласно определению слова *протез*, это приспособление ‘дублирует утраченный орган’, следовательно, протез также ‘помогает, оказывает помощь’, полностью или частично выполняя функцию отсутствующего органа или части тела.

На основании сказанного можно сделать вывод, что слово *протез* в современном русском языке может пониматься в значении словосочетания *вспомогательное средство*. Проведенное исследование показывает, что установленная чиновниками степень инвалидности совершенно не соответствует содер-

²⁸⁴ См.: Русский семантический словарь. Т. 2. М., 2000.

²⁸⁵ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1985.

жанию закона (в данном случае — подзаконного акта) и должна быть пересмотрена с учетом результатов проведенного семантического анализа.

§ 7. Семантическое поле ‘вреда’: анализ одного подмножества терминов терминосистемы российского законодательства

Использование близких по значению слов в одном законе или в ряде законодательных актов и текстах инструкций без внутреннего юридического определения стало бичом современного российского законодательства. Чаще всего ситуация усложняется тем, что группа квазисинонимичных терминов (слов с близкими значениями, входящих в одно семантическое поле) состоит из единиц, часть из которых юридически определяется, а часть — нет.

Одна из очень сложных экспертиз была связана с семантическим полем лексем *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери* и *вред*. Проведенное в рамках экспертизы исследование показало, что эти слова, будучи важными терминами современного законодательства, часто понимаются в разных смыслах в разных документах. Кроме того, в различных документах разные термины используются как близкие по значению слова. Понятно, что такая терминосистема существенно осложняет применение законов.

7.1. Семантика слов *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери* и *вред* в литературном русском языке — нетерминологическое употребление

Экспертиза состояла из нескольких вопросов. Для начала следовало установить значение обсуждаемых слов в литературном русском языке:

Каково значение слова «*убытки*» в современном литературном русском языке? Как оно соотносится со значениями слов «*ущерб*», «*утрата*», «*потери*», «*вред*»?

В качестве исходного источника лексикографического анализа были взяты толкования указанных слов в существующих

словарях. В толковых словарях современного русского языка слово *убытки* представлено в исходной форме единственного числа и толкуется как ‘материальный ущерб, потеря’²⁸⁶.

В словарных дефинициях слова *ущерб* в явном виде обращается внимание на то, что ущерб может быть моральный и материальный: ‘материальные и моральные потери, урон’²⁸⁷. Ср. примеры типа *материальный и моральный ущерб, нанести ущерб самолюбию*. В малом академическом словаре в толковании слова *ущерб* делается упор на лицо, которому этот ущерб причинен: ‘потери, причиненные кому-л.; урон’²⁸⁸. Самая широкая интерпретация данного слова с использованием близких по значению слов представлена в словаре Ожегова и Шведовой: ‘потеря, убыток, урон’²⁸⁹.

Слово *утрата* в первом значении рассматривается как существительное, образованное от глагола *утратить* ‘лишиться чего-л.; перестать обладать чем-л.; потерять’²⁹⁰. Иными словами, первое значение слова *утрата* определяется как ‘ситуация, когда кто-то лишился чего-л., перестал обладать чем-л.; потерял что-л.’. Первое значение слова *утрата* иллюстрируется примерами типа *утрата трудоспособности, утрата ценностей*. Второе значение анализируемого слова представлено в примерах типа *тяжелая утрата, наука понесла тяжелую утрату*. Второе значение толкуется как ‘потеря, урон, ущерб’²⁹¹.

Слову *потери* во множественном числе сопоставлены два основных значения. Во-первых, это ‘выбывшие из строя во время боя или войны живая сила и техника’ и, во-вторых, ‘количество чего-л. неиспользованного по назначению, беспо-

²⁸⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988; Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

²⁸⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

²⁸⁸ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

²⁸⁹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

²⁹⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

²⁹¹ Там же.

лезно растраченного, пропавшего²⁹². В единственном числе (*потеря*) данное слово толкуется как существительное, образованное от глагола *потерять* (в первом значении), т.е. ‘ситуация, когда кто-л. лишился кого-, чего-л. по небрежности или роняя, оставляя неизвестно, где’²⁹³, а также как ‘то, что утрачено, пропало’²⁹⁴.

Существительное *вред* толкуется максимально обобщенно: ‘порча, ущерб’²⁹⁵.

По толкованиям словарей видно, что слова *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери*, *вред* тесно связаны между собой по смыслу. Действительно, *убытки* — это ‘материальный ущерб, потеря’, *ущерб* — ‘материальные и моральные потери, урон’, *утрата* — ‘ситуация, когда кто-то лишился чего-л., перестал обладать чем-л.; потерял что-л.’, *потери* — ‘количество чего-л. неиспользованного по назначению, бесполезно растраченного, пропавшего’ или ‘ситуация, когда кто-то лишился чего-л., перестал обладать чем-л.; потерял что-л.’, а *вред* — ‘порча, ущерб’. По приведенным толкованиям выстраивается следующая смысловая цепочка: *убытки* определяются через *ущерб*, *ущерб* — через *потери*, *утрата* — через ‘прекращение обладания чем-л.’, *потери* — также через ‘прекращение обладания чем-л.’ (‘то, что утрачено, пропало’), а *вред* — через ‘ущерб’. Поскольку и *потери* и *утрата* — это прекращение обладания чем-л., то *ущерб* — это тоже какой-то вид ‘прекращения обладания чем-л.’ (как было показано выше, *ущерб* толкуется в словарях через ‘потери’). В силу того, что *убытки* толкуются через ‘ущерб’, то, следовательно, и *убытки* предполагают ‘прекращение обладания’ (ведь *ущерб* толкуется через ‘потери’, а *потери* — через ‘прекращение обладания’). Наконец, *вред* определяется через ‘ущерб’, который, как было показано выше, тоже связан со смыслом ‘прекращение обладания’.

На основании сказанного можно сделать вывод, что в основе всей смысловой цепочки, объединяющей рассматривае-

²⁹² См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

мые слова, лежит компонент смысла ‘прекращение обладания чем-л.’. Понятно, что каждое из рассматриваемых слов обладает и своей спецификой в связи с этой общей идеей. Имеющиеся толкования в толковых словарях современного русского языка не отражают, однако, всей специфики семантики слов данной группы. Это связано с тем, что во многих словарях как приём толкования используются близкие по значению слова (синонимы), что приводит к возникновению «логического круга», когда в толковании слова *A* используется слово *B*, а в толковании слова *B* используется слово *A*. Например, в словаре Ожегова и Шведовой слово *ущерб* интерпретируется как ‘потеря, убыток, урон’, а *убыток* — как ‘потеря, ущерб, урон’. Существенно осложняет выявление значения слова отсылка к близкому по значению глаголу. Например, в том же словаре первое значение слова *потеря* объясняется через отсылку к глаголу *терять*. Реконструкция значения существительного *потеря* из значения глагола *потерять* не всегда проста и самоочевидна. Это требует формулировки более точных толкований слов указанной группы.

Рассмотрим контексты употребления слов данной группы, для того чтобы более точно определить имеющиеся сходства и различия.

В Корпусе текстов по современной публицистике²⁹⁶ содержится порядка 800 употреблений слова *убытки*, относящихся как к одушевленным, так и неодушевленным субъектам, ср. (1):

- (1) **а.** Затем для пассажирских перевозок: неделю назад назначенный министр путей сообщения не мог не напомнить уважаемым членам правительства, какие *убытки* понесут путейцы в этом году от пассажирских перевозок. *Московские Новости*; **б.** В результате этих мер РФ несет ежегодно *убытки* в размере более 1 млрд долл. *Сегодня*; **в.** Только прямые *убытки* от аварии, по

²⁹⁶ Имеется в виду Корпус текстов по современной публицистике (порядка 25 млн словоупотреблений), созданный в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН под руководством автора. Более подробно о возможностях использования корпусной лингвистики в лингвистической экспертизе текста см. главу 7.

предварительным подсчетам, уже составили не менее 3 млн долларов, косвенные же вообще пока никто не считал. *Сегодня.*

Выявленные контексты употребления слова *убытки* довольно однородны по семантике и могут быть описаны следующим толкованием:

Убытки кого-л. = 'денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу, возникшего из-за прекращения обладания этим лицом каким-л. материальным ресурсом'.

Участник ситуации — «лицо», которому причиняется вред, может персонифицироваться и замещаться финансовым институтом, государством, хозяйствующим субъектом и т.д.

Слово *ущерб* в Корпусе текстов по современной публицистике представлено более чем 2000 употреблений. Контексты употребления этого слова более разнообразны по семантике. Их можно разделить на несколько базовых групп. Основная группа — это контексты, в которых описывается сама ситуация нанесения ущерба, включающая инициатора этой ситуации, характер ущерба и того, кому причиняется ущерб, ср. контексты типа (2):

- (2) **а.** В то же время в документе уделено значительное внимание обеспечению духовного здоровья общества и ставится заслон на пути распространения в России тоталитарных сект, наносящих физический и нравственный *ущерб* населению. «Российские вести»; **б.** Президент заявил, что разделяет беспокойство Патриарха по поводу проникновения в Россию различного рода сект, наносящих нравственный, моральный и физический *ущерб* духовному здоровью граждан. «Российские вести»; **в.** Введение подобной меры в Госкомэкологии объясняют тем, что в 1997 г. *ущерб*, нанесенный государству от браконьерства осетровых, составил полтора триллиона рублей. *Независимая газета.*

Вторая группа — словосочетание *в ущерб*, которое используется для описания ситуации, в которой одно свойство (характеристика) подавляет другое:

- (3) а. В начале XX века, к примеру, спрос публики позволял певцам демонстрировать свои вокальные чудеса и вольности в *ущерб* музыке. «Независимая газета»; б. Ему приходится постоянно подавлять свои эмоции, чтобы чего-то добиться, пусть и в *ущерб* своему здоровью. *Независимая газета*.

Наконец, в последнем типе употреблений *ущерб* понимается как «недостаток»:

- (4) Может быть, у «пула» есть один *ущерб* — это игра только для высоких профессионалов. Чтобы играть «пул», надо уметь придать своему шару вращательное движение. Этому невозможно научиться, разве что в утробе матери. *Независимая газета*.

Первая группа употреблений — контексты типа (2) — является с семантической точки зрения базовой:

Ущерб = ‘вред, нанесенный некоторому лицу в результате действий другого лица, приведших к тому, что первое лицо перестало обладать каким-л. материальным или нематериальным ресурсом’.

В качестве лица, наносящего вред, и лица, которому наносится вред, могут выступать не только одушевленные существа, но и политические, финансовые и государственные институты, а также абстрактные силы (например, природные)²⁹⁷.

Слово *утрата* представлено в Корпусе текстов по современной публицистике более чем 1000 употреблений. Контексты употребления этого слова относятся к широкому классу сущностей — от предметов до абстрактных категорий типа свойств, способностей, суверенитета и пр. Ср. примеры группы (5):

²⁹⁷ Значение словосочетания *в ущерб* формируется в тех случаях, когда лица в базовом толковании «замещаются» свойствами, характеристиками ситуации и ее компонентов. Ущерб как недостаток предполагает модификацию базового толкования в сторону ‘отсутствия некоторого важного свойства’, а не его ‘потери’.

- (5) а. Список этих *утрат* огромен, большинство из пропавших предметов навсегда исчезают с глаз широкой публики. О некоторых становится известно только тогда, когда полиция обнаруживает пропажу, — так случилось, например, с трехтонной порфирной колонной, непонятно каким образом вывезенной с археологической площадки развалин терм Каракаллы. *Сегодня*; б. Да, *утрата* Белоруссией статуса государства-субъекта международного права неизбежна, в случае ее объединения с Россией, в случае ее — опять давайте называть вещи своими именами — вхождения в состав России. *Известия*; в. Наилучшей иллюстрацией этого как раз и является *утрата* тем или иным обществом идеальных целей (а следовательно — и целостности) и абсолютизация в нем исключительно прагматических средств своего существования. *Независимая газета*.

С учетом проанализированных контекстов употребления слову *утрата* можно сопоставить следующую семантическую интерпретацию:

Утрата = ‘потеря некоторым лицом возможности взаимодействия с кем/чем-либо из-за исчезновения этого кого — или чего-либо (в том числе качества, способности, свойства и т.п.), рассматриваемых как материальная или нематериальная ценность, что оценивается этим лицом отрицательно’.

Из толкования видно, что слово *утрата* связано с идеей ‘прекращения обладания чем-л.’ через смысловой компонент ‘потери возможности взаимодействия с кем/чем-л.’. Компонент ‘потеря возможности взаимодействия с кем/чем-л.’ более широк по семантике и, включая случаи ‘прекращения обладания чем-л.’, охватывает и контексты типа *Смерть Анатолия Георгиевича Бочарова — огромная утрата для тех, кто его знал, и еще большая для тех, кому уже не суждено с ним встретиться*. Понятно, что в последнем примере трудно говорить о ‘прекращении обладания’ в точном смысле.

Как и в предшествующих рассмотренных случаях, лицо, ‘потерявшее возможность взаимодействия’, часто понимается

расширительно и относится к юридическим лицам, политическим субъектам и т.д.

Случаи использования слова *потери* (именно в форме множественного числа) разделяются на два больших типа контекстов. Первый тип, который подробно не рассматривается из-за его нерелевантности для последующих вопросов экспертного заключения, это контексты типа *Общие потери военнослужащих, по данным независимых источников, в 1996 г. составили более двух тысяч человек*. «Независимая газета». Как уже отмечалось выше, в толковых словарях этот тип употреблений толкуется как ‘выбывшие из строя во время боя или войны живая сила и техника’.

Второй тип употреблений относится к вреду, который может возникнуть из-за прекращения обладания широким классом сущностей, ср. примеры типа (6):

- (6) а. В случае если бы требования российских контрольных органов были удовлетворены, американская казна понесла бы ощутимые *потери*, исчисляемые не одним десятком миллионов долларов. *Независимая газета*; б. Причем многим понятно, что присоединение к «большой семерке» является частью опосредованной компенсации, выдаваемой Москве за определенные *потери* в геополитическом плане, которые она понесла в последнее время. *Независимая газета*; в. «Когда его привезли к лучшим специалистам в Германии и доктор перед операцией мелом начертил на теле пациента два варианта надрезов, объясняя ему выгоды и *потери* от каждого варианта, последние силы не выдержали», — поведал корреспонденту «Сегодня» один из сотрудников центра. *Сегодня*.

В примере (6а) речь идет о финансовом ресурсе, в (6б) — геополитическом, а в (6в) — о физическом здоровье человека.

В самом общем смысле контекстам типа (6) можно сопоставить следующее толкование:

Потери = ‘вред, нанесенный некоторому лицу из-за того, что это лицо перестало обладать каким-л. материальным или нематериальным ресурсом’.

Разумеется, лицо также может пониматься в контекстах расширительно.

Слово *вред* по своему значению оказывается очень абстрактной и обобщенной категорией, на что указывает тот факт, что это слово прямо или косвенно входит в толкование всех предшествующих слов. В косвенной форме оно входит в толкование слова *утрата*. Действительно, если кто-л. или что-л. рассматриваются как ценность и некто потерял возможность взаимодействия с этой ценностью, что оценивается отрицательно, то это является видом вреда для соответствующего лица. Более точно следует сказать, что ситуации, описываемые словами *утрата* и *вред* пересекаются и соответственно пересекаются их значения. Чем менее конкретен ресурс, чем меньше оснований видеть во взаимодействии с чем-л. идею владения, принадлежности, тем меньше оснований использовать для описания таких ситуаций слово *вред*. С учетом сказанного слово *вред* можно протолковать следующим образом:

Вред — это ‘что-л. плохое, произошедшее с материальными или нематериальными ресурсами (в самом широком понимании) некоторого лица, вне зависимости от того, кто инициировал это плохое, от характера воздействия, условий протекания и т.д.’

Проведенный семантический анализ позволяет утверждать, что рассмотренные слова — *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери*, *вред* — имеют несомненный общий смысловой компонент — идею «плохого» по отношению к лицу или неодушевленному субъекту. Самое общее по семантике среди данного списка слов — это слово *вред*. Все указанные слова могут использоваться в ситуациях, когда вред, наносимый некоторому лицу, связан с прекращением обладания чем-л., каким-л. ресурсом.

Убытки — это денежное выражение вреда, возникшего из-за прекращения обладания каким-л. материальным ресурсом. *Ущерб*, в отличие от *убытков*, это такой вред, который связан не только с материальными, но и нематериальными (например, духовными) ресурсами, причем *ущерб* предполагает наличие субъекта или силы, которые несут ответственность за ситуацию нанесения вреда. Ситуации, описываемые словом *убытки*, могут включать такого субъекта, однако это

не обязательно, ср. во фразе *железнодорожная отрасль в прошлом году понесла убытки* — лицо, виновное в этом, не указано и, возможно, даже не предполагается, а во фразе *железнодорожная отрасль в прошлом году понесла ущерб* имеется в виду некто, кто несет ответственность за ущерб (допустил его причинение или непосредственно причинил).

Утрата — это оцениваемая отрицательно потеря возможности взаимодействия с некоторой ценностью (в частности, из-за прекращения обладания ею). В ряде случаев она рассматривается как вред. Наконец, *потери* — это те же убытки, но не обязательно в денежном выражении. Кроме того, использование слова *потери* не обязательно связано именно с материальным вредом. То есть и в этом отношении слово *потери* шире по семантике, чем слово *убытки*.

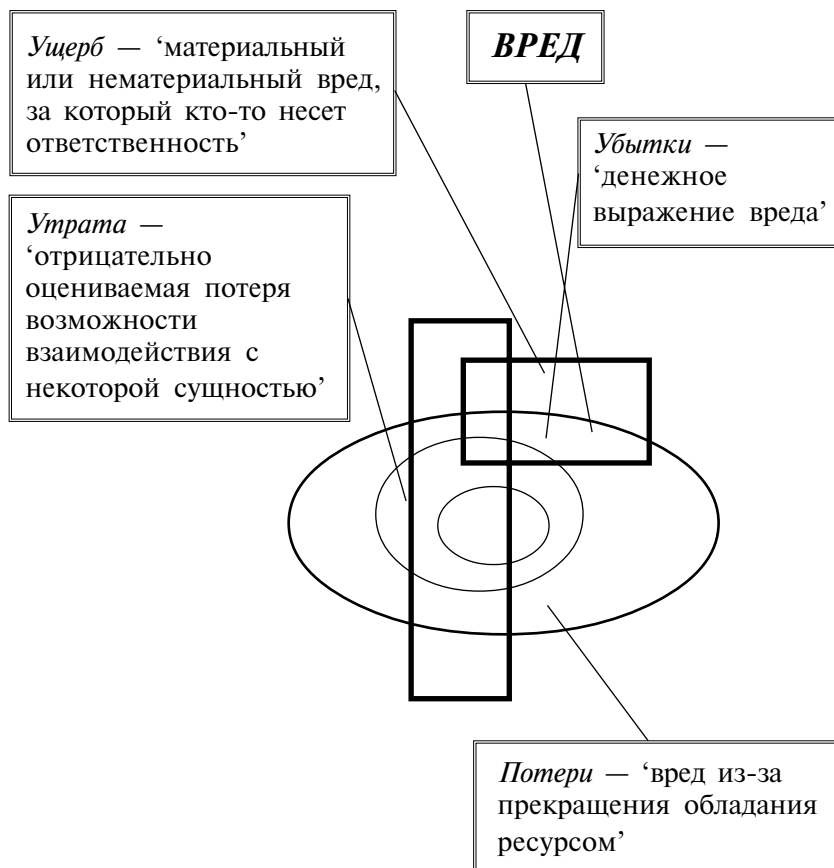
Резюмируя данную часть анализа, можно сказать, что слово *убытки* тесно связано со всеми другими проанализированными словами. Поскольку слово *вред* входит в толкование слова *убытки*, то убытки — это вид вреда. Значения слов *убытки* и *ущерб* пересекаются. С одной стороны, ущерб — более общая категория, так как ущербом описываются и ситуации, когда субъект несет убытки (материальный ущерб в денежном выражении), так и ситуации морального ущерба. С другой стороны, семантика слова *ущерб* предполагает наличие субъекта (абстрактной силы), ответственного за ущерб. Слово *убытки* существование такого субъекта не предполагает, но и не отменяет.

Значения слов *убытки* и *утрата* также пересекаются. Поскольку утрата связана с прекращением обладания чем-л. и поскольку в качестве этого чего-л. в случае утраты выступает ценность, которая может иметь и денежное выражение, то многие ситуации утраты описываются одновременно и словом *убытки*. Соотношение значений между словами *убытки* и *потери* может быть охарактеризовано как включение: слово *потери* является более общей категорией по отношению к убыткам и включает, кроме всего прочего, и нематериальные ресурсы.

Наконец, проведенное исследование показывает, что *убытки*, *ущерб*, *утрата* (в части употреблений), *потери* можно рассматривать как **виды вреда**, если под последним понимать широкий класс случаев, когда что-л. плохое происходит с материальными или нематериальными ресурсами (в самом ши-

роком понимании) некоторого субъекта, вне зависимости от того, кто инициировал это плохое, от характера воздействия, условий протекания.

Если использовать теоретико-множественную метафору, т.е. описывать значение как множество описываемых ситуаций, то семантику проанализированных слов графически можно отразить следующим образом:

7.2. Семантика выражения *фактические потери* как термина

Проведение семантического анализа слов *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери* и *вред* позволяет перейти к изучению особен-

ностей их употребления и их семантики как терминов в текстах законов и инструкций. Вторым поставленным вопросом звучал следующим образом:

В каком значении употреблено слово **«фактический»** в словосочетании **«фактические потери»** в пункте 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам»?

В толковых словарях современного русского языка прилагательное *фактический* толкуется как ‘характеризующий истинное событие, происшествие, явление’, ‘характеризующий реальность, действительность’, ‘действительный, соответствующий фактам’²⁹⁸; ‘отражающий действительное состояние чего-н., соответствующий фактам’²⁹⁹. В качестве примеров приводятся словосочетания типа *фактические данные, фактическое положение дел, фактический брак* (официально не зарегистрированные брачные отношения). В большинстве толкований повторяется смысловой компонент ‘соответствие фактам, реальности/действительности’.

В п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» прилагательное *фактический* употреблено в следующем контексте:

<...> 4 группа — безнадежные ссуды (вероятность возврата практически отсутствует, ссуда представляет собой *фактические*³⁰⁰ потери банка).

Прилагательное *фактический* в словосочетании *фактические потери* использовано в значении потери, ‘подтвержденные фактами; соответствующие реальности/действительности’. То есть потери, которые уже имеются; реальные потери. В рас-

²⁹⁸ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1984.

²⁹⁹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³⁰⁰ Здесь и далее, если не оговорено обратного, выделено автором.

сма­три­вае­мом до­ку­мен­те при­ла­гатель­ное *фак­ти­че­ский* в сло­во­со­че­та­нии *фак­ти­че­ские по­те­ри* про­ти­во­пос­та­влено при­ла­гатель­ному *воз­мож­ные* в сло­во­со­че­та­нии *воз­мож­ные по­те­ри*. На­при­мер, *Об от­ка­зе в удо­влет­во­ре­нии заяв­ле­ния о при­зна­нии не­за­кон­ным пун­кта 1.2 в ча­сти слов «ре­зерв на **воз­мож­ные по­те­ри** по ссу­дам фор­ми­ру­ет­ся за счет от­чис­ле­ний, от­но­си­мых на рас­хо­ды бан­ков»*³⁰¹. По­сколь­ку при­ла­гатель­ное *воз­мож­ный* тол­ку­ет­ся как ‘та­кой, ко­то­рый может про­изой­ти, слу­чить­ся’³⁰², то вы­вод о том, что при­ла­гатель­ное *фак­ти­че­ский* в сло­во­со­че­та­нии *фак­ти­че­ские по­те­ри* ука­зы­вает на смы­сл ‘по­те­ри, ко­то­рые уже име­ют­ся; ре­аль­ные по­те­ри’, по­лу­чает до­пол­ни­тель­ное под­твер­жде­ние в тек­сте рас­сма­три­вае­мого до­ку­мен­та.

Ины­ми сло­ва­ми, зна­че­ние при­ла­гатель­ного *фак­ти­че­ский* в рас­сма­три­вае­мом кон­тек­сте Ин­струк­ции № 62а от 30 ию­ня 1997 г. ЦБ РФ «О по­ря­дке фор­ми­ро­ва­ния и ис­поль­зо­ва­ния ре­зерва на воз­мож­ные по­те­ри по ссу­дам» не пре­тер­пело су­ще­ствен­ных из­ме­не­ний по срав­не­нию со зна­че­нием это­го при­ла­гатель­ного в об­ще­ли­тератур­ном язы­ке.

Та­ким об­ра­зом, при­ла­гатель­ное *фак­ти­че­ский* в сло­во­со­че­та­нии *фак­ти­че­ские по­те­ри* ис­поль­зо­вано в п. 2.7. Ин­струк­ции № 62а от 30 ию­ня 1997 г. ЦБ РФ «О по­ря­дке фор­ми­ро­ва­ния и ис­поль­зо­ва­ния ре­зерва на воз­мож­ные по­те­ри по ссу­дам» в зна­че­нии по­те­ри, ‘под­твер­жен­ные фак­та­ми; со­от­вет­ст­вую­щие ре­аль­но­сти/дей­стви­тель­но­сти’, т.е. уже име­ю­щие­ся, ре­аль­ные по­те­ри.

7.3. Слова *убытки* vs. *потери* как термины

В сле­ду­ю­щем во­про­се тре­бо­ва­лось ус­та­но­вить зна­че­ния слов *убытки* и *потери* как тер­ми­нов, ис­поль­зу­ю­щих­ся в раз­лич­ных за­ко­но­датель­ных ак­тах:

В ка­ком зна­че­нии упо­тре­бле­но сло­во *убытки* в сле­ду­ю­щих до­ку­мен­тах: ста­тьи 15 и 16 ГК РФ, по­ста­новле­ние плену­ма № 6 ВС РФ и плену­ма № 8 ВАС РФ от 1 ию­ля 1996 г. «О не­ко­то­рых

³⁰¹ См.: Ре­ше­ние Вер­хов­но­го Су­да РФ от 29.08.2002 № ГКПИ 02-969.

³⁰² См.: Боль­шой тол­ко­вый сло­варь рус­ско­го язы­ка / Под ред. С.А. Куз­не­цова. СПб., 2000.

вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», статьи 239 (абзац 3), 255 ГК РФ, — а также слово *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» в словосочетаниях *фактические потери, потери по ссудам*? Как соотносятся их значения в рамках указанных текстов?

В ст. 15 ГК РФ слово *убытки* употреблено в следующих контекстах:

1. Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему *убытков*, если законом или договором не предусмотрено возмещение *убытков* в меньшем размере.

2. Под *убытками* понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими *убытками* упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Слово *убытки* в ст. 15 ГК РФ получает определение как термин специального подязыка, т.е. это юридически определяемый термин. Как следует из ответа на первый вопрос, общезыковое значение слова *убытки* — это ‘денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу...’. В ст. 15 ГК РФ это слово употреблено в том же значении. С одной стороны, речь идет о денежном выражении вреда. На это указывают следующие факторы контекста. Во-первых, использование в п. 1 ст. 15 ГК РФ слова *возмещение* (в словосочетании *возмещение убытков*), связанного в данном значении с денежной компенсацией. Действительно, хотя реально возмещение убытков может производиться и в неденежной форме (например, услугами или товарами), адекватность возмещения определяется через денежный эквивалент. Во-вторых, наличие в п. 2 ст. 15 ГК РФ лексем *расходы* и *доходы* (в словосочетании *неполученные доходы*). Согласно толковым словарям *расходы* — это ‘деньги, рас-

ходуемые на что-л.; затраты, издержки (в денежном выражении)³⁰³, а *доходы* — это ‘деньги или материальные ценности, получаемые государством, учреждением или частным лицом от какого-л. рода деятельности’³⁰⁴.

В п. 2 ст. 15 ГК РФ в терминологической дефиниции слова *убытки* используются не только слова *расходы* и *доходы*, указывающие на денежное выражение вреда, но упоминается утрата или повреждение имущества лица как вид убытков. Весьма вероятно, что и в этом случае подразумевается денежное выражение утраты и повреждения имущества. Иными словами, в первом абзаце п. 2 ст. 15 ГК РФ имеется коммуникативное опущение (эллипсис) фразы *денежное выражение*, поскольку в п. 1 обсуждаемой статьи речь идет о возмещении убытков, что предполагает их (убытков) денежное выражение и в полной мере согласуется с общеязыковым пониманием слова *убытки*. В противном случае текст ст. 15 ГК РФ мог бы оказаться внутренне противоречивым. Первый абзац п. 2 ст. 15 ГК РФ содержит перечень ситуаций, которые законодатель относит к *убыткам*, но при этом понимание *убытков* как ‘денежного выражения вреда’ не меняется.

Кроме того, в смысле ‘денежного выражения вреда’ употреблено слово *убытки* и во втором абзаце п. 2 ст. 15 ГК РФ: <...> *требовать возмещения наряду с другими убытками* <...>. Терминологические системы — а в обсуждаемом случае мы имеем дело именно с терминологией языка права — в нормальном случае не допускают многозначности терминов, да еще в одном контексте.

Положения ст. 15 ГК РФ о возмещении убытков имеют определяющее значение для ст. 16 ГК РФ, предусматривающей возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления, поэтому в контексте ст. 16 ГК РФ слово *убытки* употреблено как термин в том же значении, что и в ст. 15 ГК РФ:

Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц

³⁰³ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

³⁰⁴ Там же.

этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

В постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» слово *убытки* встречается в четырех текстовых фрагментах. Рассмотрим их последовательно.

Фрагмент 1

2. <...> В названных случаях гражданами и юридическими лицами на основании статей 15 и 16 ГК могут быть предъявлены требования о возмещении *убытков*, вызванных в том числе необоснованным взиманием экономических (финансовых) санкций.

В данном фрагменте речь идет об убытках, и в том числе убытках, вызванных необоснованными финансовыми санкциями. Следовательно, и здесь используется значение слова *убытки* как ‘денежного выражения вреда, нанесенного некоторому лицу...’.

Фрагмент 2

10. При разрешении споров, связанных с возмещением *убытков*, причиненных гражданам и юридическим лицам нарушением их прав, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Во фрагменте 2 указывается, что возмещение убытков предполагает также учет расходов, понесенных соответствующим лицом (через категорию ‘ущерба’). Поскольку значение слова *расходы* прямо связано с деньгами (расходы как ‘деньги, расходуемые на что-л.; затраты, издержки (в денежном выражении)’), то и слово *убытки* в данном контексте использовано в уже упоминавшемся значении.

Фрагмент 3

12. В случае предъявления гражданином или юридическим лицом требования о возмещении *убытков*, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, необходимо иметь в виду, что ответчиком по такому делу должны признаваться Российская Федерация, соответствующий субъект Российской Федерации или муниципальное образование (ст. 16 ГК РФ) в лице соответствующего финансового или иного управомоченного органа.

Во фрагменте 3 использовано словосочетание *возмещение убытков*, значение которого, как было уже показано выше, в любом случае предполагает оценку в денежном выражении (эквиваленте). Следовательно, слово *убытки* здесь также имеет значение 'денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу ...'.

Фрагмент 4

49. При рассмотрении дел, связанных с возмещением *убытков* причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 15 ГК РФ подлежат возмещению как понесенные к моменту предъявления иска *убытки*, так и расходы, которые сторона должна будет понести для восстановления нарушенного права.

Во фрагменте 4 на использование слова *убытки* в обсуждаемом значении указывает и словосочетание *возмещение убытков*, и слово *расходы*. Дополнительно это подтверждается самой синтаксической конструкцией *подлежат возмещению как <...> убытки, так и расходы <...>*, которая включает ряд категорий — *убытки, расходы* — соотносимых со сказуемым *подлежат возмещению*.

В ст. 239 (абзац 3) и 255 БК РФ слово *убытки* также употреблено в сочетании *возмещение убытков*:

<...> *возмещение убытков*, причиненных физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов <...> (ст. 239 БК РФ), <...> *возмещения убытков*, причиненных физическому или юридическому

лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов <..> (ст. 255 БК РФ), что также указывает на значение «денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу ...».

Как было показано выше в ответе на первый вопрос, слово *потери* в современном русском языке является более общей категорией по отношению к *убыткам*: оно связано не только с денежным выражением вреда и включает, кроме всего прочего, нематериальные ресурсы. Терминологическое употребление может, однако, отличаться от общеязыкового. В контекстах употребления слова *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» следует обратить внимание на те признаки контекста, которые указывают на идею денежного выражения вреда и на материальные ресурсы — точнее, на вред, причиненный в финансовой области. Рассмотрим использование слова *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам». Слово *потери* использовано в этом документе порядка 80 раз. Подавляющая часть примеров приходится на использование слова *потери* в составе словосочетания *потери по ссудам*. Ср. типичные примеры:

Об отказе в удовлетворении заявления о признании незаконным пункта 1.2 в части слов «резерв на возможные *потери по ссудам* формируется за счет отчислений, относимых на расходы банков» см. Решение Верховного Суда РФ от 29.08.2002 № ГКПИ 02-969.

Ссудная задолженность безнадежная и/или признанная нерезальной для взыскания <*> по решению Совета директоров или Наблюдательного совета банка списывается с баланса банка за счет резерва на возможные *потери по ссудам* (счета по учету резерва на возможные потери по ссудам), а при его недостатке списывается на убытки отчетного года — с отнесением на балансовый счет № 70209 «Другие расходы».

Слово *ссуда* определяется толковыми словарями как «заём, предоставленный какой-л. организации или отдельному

лицу'³⁰⁵. Слово *заём*, в свою очередь, интерпретируется как 'Получение, взятие (денег, ценностей и т.п.) на определенных условиях'³⁰⁶. Отсюда следует, что в словосочетаниях *фактические потери*, *потери по ссудам* слово *потери* понимается в значении 'вред финансового характера', причем общий контекст Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» указывает именно на денежное выражение этого вреда, ср. типичные терминологические сочетания *списывать с баланса банка, отнесение на балансовый счет, резерв на возможные потери по ссудам*. Очевидно, что все эти терминологические сочетания предусматривают денежное выражение вреда. На основе сказанного можно сделать вывод, что в контекстах использования словосочетаний *фактические потери*, *потери по ссудам* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» слово *потери* используется в том же значении, что и слово *убытки* в ст. 15 и 16 ГК РФ, в постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г., т.е. в значении 'денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу вследствие прекращения обладания материальным ресурсом, в частности, невозвращенными денежными средствами'.

(1) <...> 4 группа — безнадежные ссуды (вероятность возврата практически отсутствует, ссуда представляет собой фактические *потери* банка).

В примере (1) слово *потери* в словосочетании *фактические потери банка* употреблено **в том же значении**, что и слово *убытки* в рассматриваемых документах. На это указывают слова *ссуды*, *возврат [ссуды]*, поскольку они, как было показано выше, предполагают денежную оценку вреда.

В прочих контекстах употребления слово *потери* не входит в состав словосочетаний *фактические потери*, *потери по ссудам*, однако во всех случаях в примерах использования слова

³⁰⁵ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

³⁰⁶ Там же.

потери присутствуют слова и словосочетания, которые указывают на вред, относящийся к сфере финансов, и его денежное выражение. В качестве примера приведем фразу (2).

(2) Резерв на возможные потери по ссудам используется только для покрытия непогашенной клиентами (банками) ссудной задолженности по основному долгу. За счет указанного резерва производится *списание потерь* по нереальным для взыскания ссудам банков.

В данном примере существительное *списание*, образованное от глагола *списать* в значении 'документально оформляя, записать как израсходованное или негодное; записать в расход'³⁰⁷, а также финансовые термины *резерв*, *ссуды* указывают на финансовый характер вреда и его денежное выражение.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абзац 3), 255 БК РФ слово *убытки* употреблено в значении, идентичном общеязыковому, поскольку в анализируемых документах речь идет о '*денежном выражении вреда*, нанесенного некоторому лицу, возникшего из-за прекращения обладания этим лицом каким-л. материальным (финансовым) ресурсом'. Семантический анализ контекстов употребления слова *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» показал, что оно используется для обозначения вреда, относящегося к сфере финансов, и исчисляемого в денежной форме.

Следовательно, слово *убытки* в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абзац 3), 255 БК РФ и слово *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирова-

³⁰⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

ния и использования резерва на возможные потери по ссудам», в словосочетаниях *фактические потери, потери по ссудам* употребляются **в одном и том же значении**, т.е. в значении ‘денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу вследствие прекращения обладания материальным ресурсом, в том числе денежными средствами, в связи с их невозвращением по ссудам’.

7.4. Слова *потери* vs. *утрата* как термины

В четвертом вопросе сопоставление семантики терминов данной группы продолжается. Термин *потери* сопоставляется с термином *утрата* в текстах инструкции ЦБ и в ст. 15 Гражданского кодекса РФ:

Как соотносятся по значению слово *потери*, словосочетание *фактические потери* в контексте п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» и слово *утрата* в контексте статьи 15 ГК РФ?

Как было показано выше при ответе на предшествующий вопрос, слово *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» используется в значении ‘вред, возникший из-за прекращения владения кем-л. материальным (в том числе финансовым) ресурсом, выраженный в денежной форме’. В том же значении это слово использовано и в п. 2.7. — см. разбор примера (1) в ответе на третий вопрос.

Слово *утрата* встречается в п. 2 ст. 15 ГК РФ:

2. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, *утрата* или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Пункт 2. ст. 15 ГК РФ определяет понимание слова *убытки* как термина специального (юридического) языка. Денежная оценка *утраты* в п. 2 ст. 15 ГК РФ отнесена к *убыткам*, при этом *утрата* может относиться к любому имуществу, а не только к денежным средствам. Как *потери*, *фактические потери*, так и *утрата* в рассматриваемых контекстах описывают ситуацию прекращения владения ресурсом, однако в терминологическом употреблении потери относятся только к финансовым ресурсам. Иными словами, *потери* представляют собой вид *утрат* с точки зрения контекста п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам». Следовательно, *потери* и *утрата* в рассматриваемых контекстах представляют собой слова близкие по значению, а именно: *потери* является видом *утрат*.

Значение слова *потери* и словосочетания *фактические потери* в контексте п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» описывают вид утрат в контексте ст. 15 ГК РФ. Это такие потери, которые связаны с прекращением обладания денежными средствами.

Таким образом, ситуации, описываемые словом *утрата* (в сочетании *утрата... имущества*) в ст. 15 ГК РФ, **включают** подмножество ситуаций, которые могут быть названы словом *потери* (в сочетании *фактические потери*) в п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам».

7.5. Слова *ущерб vs. вред vs. потери* в терминологических употреблениях

В пятом вопросе семантический анализ связан с выявление специфики употребления терминов «ущерб», «вред» и «потери» в законодательных актах, текстах постановлений Верховного суда и Арбитражного суда РФ и инструкциях ЦБ РФ:

Как соотносятся по значению слово *ущерб* (в словосочетании *реальный ущерб*) в контексте статьи 15 ГК РФ и постановления

плenums № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», со словом *вред* в контексте статей 1069 и 1071 ГК РФ? Как соотносятся по значению слово *ущерб* в указанных документах и слово *потери* (в словосочетаниях *фактические потери* и *потери по ссудам*) в п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам»?

Из ответа на первый вопрос следует, что слово *ущерб* в современном русском литературном языке понимается как ‘вред, нанесенный некоторому лицу в результате действий другого лица, приведших к тому, что первое лицо перестало обладать каким-л. материальным или нематериальным ресурсом’. Рассмотрим, каково значение этого слова в ст. 15 ГК РФ и постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В ст. 15 ГК РФ слово *ущерб* встречается в следующем контексте:

2. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (*реальный ущерб*), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Словосочетание *реальный ущерб* употреблено в рассматриваемом случае в скобках, имеющих пояснительное значение³⁰⁸. Скобочная конструкция относится по смыслу к предшествующей фразе *расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества*. Тем самым

³⁰⁸ О функциях скобок см. подробнее: *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. С. 125.

ущерб в рассматриваемой статье интерпретируется как расходы лица по восстановлению нарушенного права, утрата или повреждение его имущества. Очевидно, что данная интерпретация отличается от общеязыкового употребления, поскольку охватывает не только вред, нанесенный лицу в результате действий другого лица, но и расходы, понесенные для устранения этого вреда (денежное выражение вреда). При этом важнейший компонент языкового значения слова *ущерб* сохраняется: и расходы лица по восстановлению нарушенного права, и *утрата* имущества предполагают прекращение обладания имуществом, а порча (повреждение) имущества связана с прекращением обладания теми или иными полезными свойствами этого имущества.

В тексте постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» слово *ущерб* относится к денежному выражению вреда, нанесенному некоторому лицу:

10. При разрешении споров, связанных с возмещением убытков, причиненных гражданам и юридическим лицам нарушением их прав, необходимо иметь в виду, что в состав *реального ущерба* входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК).

В рассматриваемом фрагменте постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» ущерб определяется в терминах *расходов*, которые в толковых словарях определяются как ‘деньги, расходуемые на что-л.; затраты, издержки (в денежном выражении)’³⁰⁹. Иными словами, в тексте постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

³⁰⁹ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

ущерб интерпретируется как убытки. Это также отличается от общеязыкового значения данного слова, но вполне соответствует употреблению данного слова в ст. 15 ГК РФ, где реальный ущерб связывается с расходами лица и с утратой и порчей его имущества.

Важно отметить, что хотя в п. 10 постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» к реальному ущербу утрата и повреждение имущества в явном виде не отнесены, это подразумевается, поскольку п. 10 постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» только уточняет и комментирует то, что относится к реальному ущербу. На уточнение реального ущерба в смысле п. 2 ст. 15 ГК указывает и имеющая в пункте 10 постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» ссылка на ст. 15 ГК РФ. Так как смысловой компонент ‘утрата и повреждение имущества’ не противоречит употреблению слова *ущерб* в постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (т.е. этот компонент, хотя и не упоминается, но подразумевается в тексте), следовательно, есть основания утверждать, что оно употребляется в рассматриваемых текстовых фрагментах синонимично.

Как показано в ответе на первый вопрос, значение слова *вред* является абстрактной категорией и охватывает широкий класс случаев, когда нечто плохое случается с материальными или нематериальными ресурсами (в самом широком понимании) некоторого лица, вне зависимости от того, кто инициировал это плохое, характера воздействия, условий протекания и т.д. В этом смысле ущерб — это вид вреда. Тем самым слова *ущерб* и *вред* в определенных контекстах могут употребляться синонимично, если семантика контекста конкретизирует вид вреда, сведя его к идее ущерба в смысле ст. 15 ГК РФ и постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от

1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» Рассмотрим с этой точки зрения контексты использования слова *вред* в ст. 1069 и 1071 ГК РФ.

В ст. 1069 ГК РФ слово *вред* употребляется в следующем контексте:

Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. *Вред* возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В приведенном текстовом фрагменте слово *вред* использовано вместе со словом *возмещение*, значение которого, как уже было показано в ответе на третий вопрос, предполагает идею денежной компенсации или эквивалентного обмена на основе денежной оценки. На денежное выражение вреда в рассматриваемой статье указывают также словосочетания *казна Российской Федерации* и *казна субъекта Российской Федерации*.

Смысл 'возмещения вреда' представлен также и в ст. 1071 ГК РФ:

В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный *вред* подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с пунктом 3 статьи 125 настоящего Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

На это указывает словосочетание *возмещение за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации*. Следовательно, в ст. 1069 и 1071 ГК РФ слово *вред* предпола-

гает денежную оценку того плохого, что случилось с некоторым субъектом. Если сравнить данное употребление слова *вред* с семантикой слова *ущерб* в ст. 15 ГК РФ, и в постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», то обнаруживается, что они описывают ситуации, в которых идет речь о денежном выражении, денежной оценке чего-то плохого, что причиняется субъекту. Понятно, что ситуации утраты или повреждения имущества, относящиеся к реальному ущербу в ст. 15 ГК РФ и не отвергаемые в постановлениях пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», также могут описываться словом *вред*. В ситуациях, когда идет речь о денежном выражении, денежной оценке чего-то плохого, причиняемого субъекту, различия в значениях слов *ущерб* и *вред* часто исчезают, поскольку в контекстах в явной или неявной форме представлен субъект, ответственный за что-то плохое, причиняемое некоторому лицу. Такой субъект упоминается и в анализируемых контекстах, ср. упоминающиеся в ст. 1069 ГК РФ *незаконные действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов*). Тем самым слова *ущерб* и *вред* в анализируемых контекстах используются синонимично.

В ответе на третий вопрос показано, что слово *потери* в терминологическом употреблении в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» используется для обозначения вреда, относящегося к сфере финансов, и исчисляемого в денежной форме. Как было показано выше, в рассматриваемых документах слово *ущерб* также относится к вреду, исчисляемому в денежной форме. Кроме того, слово *ущерб* как термин описывает и случаи утраты и повреждения имущества. Отсюда следует, что *ущерб* охватывает случаи, описываемые словом *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам», имея более широкую семантику, поскольку относится и к ситуациям *утраты* и по-

вреждения имущества. Тем самым *потери* в терминологическом употреблении (в словосочетаниях *фактические потери* и *потери по ссудам*) являются *видом ущерба*.

Проведенный семантический анализ показал, что в ст. 1069 и 1071 ГК РФ слово *вред* использовано синонимично слову *ущерб* в ст. 15 ГК РФ и постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Оба эти слова описывают ситуации, когда речь идет о расходах, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно произвести для восстановления нарушенного права, а также о повреждении или утрате имущества.

Отсюда следует, что *фактические потери* и *потери по ссудам* в контексте Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» относятся к классу ситуаций, описываемых словом *ущерб* в обсуждаемых документах. Иными словами, в исследованных документах *фактические потери* и *потери по ссудам* — это вид *ущерба* в терминологическом употреблении.

7.6. Слова *вред* vs. *убытки* в терминологических употреблениях

На следующем этапе семантического анализа (при ответе на шестой вопрос) сопоставлялись, с одной стороны, употребления термина *вред* в различных текстах законодательных актов, а с другой — употребления как термина слова *убытки*:

Как с языковой точки зрения соотносятся значение слова *вред* в контексте статьи 53 Конституции РФ, статей 1069, 1071 ГК РФ и значение слова *убытки*, которое у него имеется в статьях 15 и 16 ГК РФ, Постановлении Пленума № 6 ВС РФ и Пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», статьях 239, 255 БК РФ?

В ответе на первый вопрос было показано, что слово *вред* в современном русском языке охватывает широкий класс случаев, когда нечто плохое случается с материальными или не-

материальными ресурсами (в самом широком понимании) некоего лица, вне зависимости от того, кто инициировал это плохое, характера воздействия, условий протекания и т.д. В ст. 53 Конституции РФ обсуждаемое слово появляется в следующем контексте:

Каждый имеет право на возмещение государством *вреда*, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Характер вреда в данном фрагменте тексте не уточняется, однако словосочетание *возмещение вреда* указывает на тот вред (материальный и нематериальный), который может быть оценен в денежной форме. В любом случае, если и есть изменение собственно лингвистического значения слова *вред* в рассматриваемой статье Конституции РФ, то оно весьма незначительно.

Как было показано в ответе на пятый вопрос, в ст. 1069 и 1071 ГК РФ слово *вред* предполагает денежную оценку того плохого, что случилось с некоторым субъектом. На денежное выражение вреда в рассматриваемых статьях указывают словосочетания *казна Российской Федерации* и *казна субъекта Российской Федерации*; *возмещение за счет казны Российской Федерации*, *казны субъекта Российской Федерации*.

Статья 1069 ГК РФ

Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. *Вред* возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Статья 1071 ГК РФ

В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный *вред* подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской

Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с пунктом 3 статьи 125 настоящего Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Выделяя общую часть значения слова *вред* в рассматриваемых фрагментах текста, можно сделать вывод, что оно используется для обозначения таких ситуаций, когда некоторое лицо (в данном случае — государство в лице его представителей) делает что-то плохое другому лицу (в данном случае — гражданину или юридическому лицу), причем это плохое предполагает денежную оценку.

Перейдем к слову *убытки*. Как показано в ответе на третий вопрос, слово *убытки* употреблено в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абзац 3), 255 БК РФ в значении ‘денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу, возникшего из-за прекращения обладания этим лицом каким-л. материальным (финансовым) ресурсом’. Наличие в толковании значения слова *убытки* слова *вред* говорит о том, что убытки — это вид вреда. Это подтверждается и рассматриваемыми употреблениями слова *вред*: действительно, прекращение обладания материальным ресурсом — это вид плохого. Следовательно, ситуации, обозначаемые словом *убытки* в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абзац 3), 255 БК РФ являются строгим подмножеством ситуаций, обозначаемых словом *вред* в ст. 53 Конституции РФ, а также в ст. 1069 и 1071 ГК РФ.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что значение слова *вред* в контексте ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 и 1071 ГК РФ **включает** значение слова *убытки*, которое это слово имеет в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абз. 3), 255 БК РФ, в том смысле, что ситуации, обозначаемые словом *убытки*, являются строгим подмножеством ситуаций, обозначаемых словом *вред*.

7.7. Слова *потери* vs. *убытки* vs. *вред* в терминологических употреблениях

Ответы на поставленные ранее вопросы позволили подойти к главной проблеме экспертного заключения:

Как соотносятся между собой значение слова *потери* (в словосочетаниях *фактические потери*, *потери по ссудам*) в контексте пункта 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам», значение слова *убытки* в контексте статей 15 и 16 ГК РФ, Постановления Пленума № 6 ВС РФ и Пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», статей 239 (абзац 3), 255 БК РФ и значение слова *вред* в контексте статьи 53 Конституции РФ, статей 1069 и 1071 ГК РФ, с учетом ответов на поставленные вопросы?

В ответе на третий вопрос было показано, что в контексте ст. 15 и 16 ГК РФ, в постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абз. 3) и 255 БК РФ слово *убытки* использовано в значении ‘денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу, возникшего из-за прекращения обладания этим лицом каким-л. материальным (финансовым) ресурсом’ и тем самым синонимично слову *потери* в п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам».

В ответе на четвертый вопрос показано, что значение слова *потери* и словосочетания *фактические потери* в контексте п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери

по ссудам» описывают **вид утрат** в контексте ст. 15 ГК РФ. Это такие потери, которые связаны с прекращением обладания денежными средствами.

А из ответа на пятый вопрос видно, что *фактические потери* и *потери по ссудам* — это вид *ущерба* в терминологическом употреблении.

Поскольку слово *ущерб* использовано в определении слова *убытки* в п. 2 ст. 15 ГК РФ, то ситуации, описываемые словосочетаниями *фактические потери* и *потери по ссудам* в обсуждаемых контекстах являются строгим подмножеством ситуаций, описываемых словом *убытки*. Иными словами, *фактические потери* и *потери по ссудам* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» — это **вид убытков** в терминологическом употреблении.

В ответе на шестой вопрос показано, что значение слова *вред* в контексте ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 и 1071 ГК РФ с языковой точки зрения включает значение слова *убытки*, которое это слово имеет в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абз. 3), 255 БК РФ, в том смысле, что ситуации, обозначаемые словом *убытки*, являются строгим подмножеством ситуаций, обозначаемых словом *вред*. Поскольку слова *потери* и *убытки* в рассматриваемых документах синонимичны (при понимании *убытков*, близком к общеязыковому), то из этого следует, что и ситуации, описываемые словом *потери* в обсуждаемых контекстах, также являются строгим подмножеством ситуаций, описываемых словом *вред*.

Таким образом, слово *вред* в анализируемых документах (ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 и 1071 ГК РФ) **включает** по своей семантике значения слов *потери* (в словосочетаниях *фактические потери*, *потери по ссудам*) в контексте п. 2.7. Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» и *убытки* в контексте ст. 15 и 16 ГК РФ, постановления пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»,

ст. 239 (абз. 3), 255 БК РФ в том смысле, что ситуации, описываемые словами *потери* и *убытки* в обсуждаемых употреблениях являются строгим подмножеством ситуаций, описываемых словом *вред*.

Слово *потери* в Инструкции № 62а от 30 июня 1997 г. ЦБ РФ «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» в словосочетаниях *фактические потери*, *потери по ссудам* описывает вид *убытков* в ст. 15 и 16 ГК РФ, постановлении пленума № 6 ВС РФ и пленума № 8 ВАС РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 239 (абз. 3), 255 БК РФ, при этом слова *потери* и *убытки* употребляются в одном и том же значении, т.е. в значении ‘денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу вследствие прекращения обладания материальным ресурсом, в том числе денежными средствами, в связи с их невозвращением по ссудам’.

Очевидно, что теоретико-множественное отображение терминологических употреблений слов *вред*, *потери* и *убытки* существенно отличалось бы от схемы в разделе 7.1.

§ 8. Семантическая сфера действия

Термин «сфера действия» используется в логике по отношению к операторам — и шире предикатам — влияющим на отдельные части пропозиции или на всю пропозицию в целом. Обычно говорится, например, что оператор общего отрицания имеет в своей сфере действия всю пропозицию: \neg (Петр пришел), т.е. ‘Петр не пришел’ а оператор частного отрицания имеет в сфере действия только отдельные части пропозиции, ср. \neg (Петр) пришел, т.е. ‘Пришел не Петр’. В записи сфера действия предиката обычно помечается скобками — прямыми или круглыми.

В логике не делается различия между синтаксической и семантической сферой действия. Между тем для слов естественного языка это разграничение весьма существенно. Синтаксическая сфера действия характеризует то, что относится к синтаксическим валентностям слова, а семантическая — то, что заполняет его семантические валентности. Известно, что

состав синтаксических и семантических валентностей слов часто не совпадают. Например, частица *да* в так называемом «выделительном» значении в контекстах типа *Да отстань ты от меня!*, *Да что с ним разговаривать!* синтаксически имеет только одну валентность — на предложение, которое оно начинает, т.е. *Да [отстань ты от меня]!*, *Да [что с ним разговаривать]!* Между тем семантическое описание, толкование этой частицы в рассматриваемом значении требует еще выделения валентности на предшествующий текст, в которую попадает описание тех или иных событий, которые оцениваются говорящим как нарушающие те или иные правила ведения беседы. Так, в диалоге — *Не могу, совсем засыпаю!* — *Да подожди ты, не спи, лучше поговорим, успеем спать!* — *Да отстань ты, у меня прямо глаза слипаются!* говорящий, используя частицу *да*, указывает на то, что попытки собеседника продолжить общение рассматриваются им как неуместные, нарушающие правила общения. Адекватное толкование частицы *да* в рассматриваемом значении невозможно без определения ее семантической сферы действия, распространяющейся не только на то высказывание, в которое она входит, но и на предшествующий контекст³¹⁰. Предшествующий текст попадает в семантическую сферу действия частицы *да* и при использовании ее для выражения согласия на просьбу или предложение: — *Можно я загляну к тебе сегодня?* — *Да, конечно.*

Выявление сфер действия оказывается существенным в целом ряде экспертиз, в которых возникают разночтения — различные понимания одного и того же фрагмента текста. Чаще всего речь идет именно о семантической сфере действия, поскольку синтаксическая сфера действия с точки зрения понимания очевидным образом занимает подчиненное положение по отношению семантической. Кроме того, проблема с семантической сферой действия возникает преимущественно в тех случаях, когда в предложении представлены частицы, предлоги, союзы, а также водные слова и обороты.

³¹⁰ См. подробнее о семантике частицы *да* в рассматриваемом значении в: Баранов А.Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы *да*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 751. Тарту, 1987.

Определение семантической сферы действия необходимо, например, для квалификации способа подачи информации — как утверждения, предположения, мнения и т.д. Например, в одной из публикаций, посвященных деятельности банка «Плацдарм», содержался следующий фрагмент:

Заинтересовавшись АКБ «Плацдарм», сыщики установили, что на протяжении последнего времени банк через компании «Линтол», «Воя», «Матони», «Атона», «Сян-Го» и офшорные банки «Секонд Хэнд банк корпорэйшен», «Антарктида-банк», «Манада банк» (как утверждают спецслужбы, якобы они были созданы руководством банка «Плацдарм») регулярно переводили за границу денежные средства сомнительного происхождения различных коммерческих предприятий. По оценкам спецслужб, ежемесячный объем таких переводов составлял не менее 60 млн долларов. Как считают оперативники, для юридического прикрытия этих операций руководством АКБ «Плацдарм» была специально создана посредническая фирма «Интерконсалтинг».

Ответчик (журналист и редакция газеты) в возражении на иск заявил, что в данном фрагменте нет утверждений о нарушении АКБ «Плацдарм» действующего законодательства, несоблюдении деловой этики, общепринятых норм поведения в предпринимательской деятельности и т.п. Семантический анализ фрагмента и определение семантических сфер действия некоторых входящих в него лексических единиц показывал, что это не так.

Первая фраза фрагмента представляет собой сложноподчиненное предложение с вводной конструкцией в скобках. Синтаксически вводная конструкция и сложноподчиненное предложение независимы друг от друга. В придаточном изъяснительном сложноподчиненного предложения (*на протяжении последнего времени банк через компании «Линтол», «Воя», «Матони», «Атона», «Сян-Го» и офшорные банки «Секонд Хэнд банк корпорэйшен», «Антарктида-банк», «Манада банк» регулярно переводили за границу денежные средства сомнительного происхождения различных коммерческих предприятий*) сообщаются сведения в форме утверждения со ссылкой на правоохранительные органы. Ссылка содержится в главной части сложноподчиненного предложения (*Заинтересовавшись АКБ «Плацдарм», сыщики установили, что...*).

Во вводной конструкции также содержится ссылка на правоохранительные органы (*как утверждают спецслужбы*) и, кроме того, при изложении информации использована частица *якобы*, которая позволяет автору текста выразить сомнение в излагаемой в предложении информации.

Слово *якобы* действительно передает сомнения говорящего относительно содержания сказанного³¹¹. Однако в зависимости от положения этой частицы в структуре предложения область сомнения говорящего меняется. Например, во фразе **Якобы** Виктор говорил, что он не придет на работу из-за болезни говорящий вообще сомневается в том, что Виктор сказал данную фразу, т.е. в семантической сфере действия частицы *якобы* оказывается вся фраза. Если слово *якобы* переместить в состав придаточного предложения — например, так *Виктор говорил, что он якобы не придет на работу из-за болезни* — то сомнения говорящего относятся не к тому, что Виктор именно так объяснял свое отсутствие на работе, а к истинности этого объяснения. В скобочной конструкции с *якобы* обсуждаемого фрагмента спорной публикации мы сталкиваемся именно со вторым случаем: *якобы* там введено в состав придаточного предложения. Отсюда следует, что автор текста передает свои сомнения относительно истинности того, что ‘названные компании были действительно созданы руководством банка «Плацдарм»’, однако при этом автор текста подает как фактическую информацию то, что ‘спецслужбы утверждают, что названные компании созданы руководством банка «Плацдарм»’. Иными словами, информация ‘спецслужбы утверждают, что компании «Линтол», «Воя», «Матони», «Атона», «Сян-Го» и офшорные банки «Секонд Хэнд банк корпорэйшен», «Антарктида-банк», «Манада банк» были созданы руководством банка «Плацдарм»’ подана в форме утверждения.

Как мнение может быть квалифицировано только отношение автора статьи к той информации, которую сообщают в данном случае спецслужбы. Подчеркнем, что предложение, выражающее мнение помещено в скобки. С пунктуационной точки зрения предложения в скобках сообщают дополнительную информацию и синтаксически никак не связаны с той

³¹¹ Более подробно о семантике частиц *мол* и *якобы* см.: Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

фразой, в которую входят. Например, скобочная конструкция может быть легко удалена из предложения без нарушения его грамматической правильности. Это означает, что частица *якобы* в любом случае не распространяет свое действие за пределы скобочной конструкции.

Последнее и предпоследнее предложения анализируемого фрагмента текста являются утверждениями (*ежемесячный объем таких переводов составлял не менее 60 млн долларов и для юридического прикрытия этих операций руководством АКБ «Плацдарм» была специально создана посредническая фирма «Интерсонсалтинг»*) и содержат отсылки к источнику информации (*по оценкам спецслужб и как считают оперативники*).

Иными словами, можно сделать вывод, что анализируемый фрагмент текста включает следующие утверждения:

- (1) ‘на протяжении последнего времени банк «Плацдарм» через компании «Линтол», «Воя», «Матони», «Атона», «Сян-Го» и офшорные банки «Секонд Хэнд банк корпорэйшен», «Антарктида-банк», «Манада банк» регулярно переводили за границу денежные средства сомнительного происхождения различных коммерческих предприятий’;
- (2) ‘ежемесячный объем таких переводов составлял не менее 60 млн долларов’;
- (3) ‘для юридического прикрытия этих операций руководством АКБ «Плацдарм» была специально создана посредническая фирма «Интерсонсалтинг»’;
- (4) ‘компании компании «Линтол», «Воя», «Матони», «Атона», «Сян-Го» и офшорные банки «Секонд Хэнд банк корпорэйшен», «Антарктида-банк», «Манада банк» были созданы руководством банка «Плацдарм»’.

Во всех случаях утверждения содержат ссылку на источник информации — правоохранительные органы.

Кроме того, рассмотренный фрагмент содержит скобочную вводную конструкцию, в которой выражается мнение (точнее даже «сомнение») автора статьи в связи с утверждениями спецслужб о том, что упомянутые компании (см. п. 4) были созданы руководством банка «Плацдарм».

Чаще всего необходимость определения сферы действия возникает именно в связи с использованием частиц, которые зачастую допускают многозначность и в силу этого затрудняют

понимание текста. В той же статье о деятельности банка «Плацдарм» привлёк внимание истцов фрагмент с частицей *еще*:

После этого налоговой полицией Центрального округа Москвы было возбуждено уголовное дело № 876523 за уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах. Президенту банка «Плацдарм» Леониду Баркасову еще инкриминировали контрабандную поставку из-за рубежа автомобиля «мерседес», но это обвинение позже сняла Московско-Смоленская транспортная прокуратура.

Истцы посчитали, что из приведенного фрагмента следует, что уголовное расследование в рамках дела № 876523 проводится и в отношении Л. Баркасова. Ответчик это оспаривал, утверждая, что вторая фраза данного фрагмента используется автономно, т.е. частица *еще* просто указывает на перечисление различной информации.

Предложения в приведенном фрагменте следует в тексте непосредственно друг за другом. Второе предложение содержит частицу *еще*, которая и определяет его прочтение и понимание. Согласно современным представлениям, частица *еще* в рассматриваемом примере может иметь следующие два значения³¹²: 1) ‘то же лицо, что и ранее сделало что-то другое или относительно того же, что и ранее, сделано что-то другое’ (*Володя надел пальто, а потом еще и теплую шапку.*); 2) ‘сделано то же, что и ранее или похожее на то, что было сделано ранее’ (*Сначала выступал Виктор, потом стал еще говорить Григорий.*). Различие между пониманием 1 и пониманием 2, в частности, в сферах действия частицы *еще*. Приведенный фрагмент и ближайший контекст статьи не дают возможности установить точно, какое конкретно значение имеется в виду. Рассмотрим и то и другое понимание.

В первом понимании речь идет о том, что субъект, относительно которого совершается действие или который совершает действие остается тем же самым. В этом случае реконструируемое значение спорного фрагмента будет приблизительно таково: ‘налоговая полиция возбудила уголовное дело № 876523

³¹² См. подробнее: *Баранов А.Н.* О семантике лексемы *еще* // Семантика служебных слов. Пермь, 1982.

против Баркасова за уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах; **тому же** Баркасову инкриминировали контрабандную поставку автомобиля «мерседес»'. В этом случае *еще* указывает на то, что субъект остается одним и тем же, а действия, совершаемые относительно этого субъекта, различаются. Следовательно, уголовное расследование в рамках дела № 876523 проводится в отношении Баркасова. Здесь сфера действия по сходству распространяется на Баркасова.

При втором прочтении *еще* указывает на идентичность или сходство действий, т.е. в сфере действия по сходству оказываются действия, а не Баркасов: 'возбудили уголовное дело № 876523 и вдобавок возбудили уголовное дело в отношении Баркасова, т.е. инкриминировали ему контрабандную поставку автомобиля «мерседес»'. В этом случае использование *еще* ничего не говорит о том, против кого было возбуждено уголовное дело № 876523. Однако анализ более широкого контекста статьи в (частности врезки к публикации) показывает, что уголовное дело № 876523 возбуждено в отношении руководства банка «Плацдарм». Поскольку Баркасов, будучи президентом этого банка, естественно входит и в его руководство, то уголовное дело возбуждено и против него.

Таким образом, при любом распределении семантических сфер действия частицы *еще* в рассмотренных значениях спорный фрагмент содержит информацию о том, что расследование в рамках дела № 876523 проводится в отношении Баркасова — прямо или косвенно (как президента банка).

Еще один пример использования понятия семантической сферы действия в лингвистической экспертизе связан с использованием частицы *также*. В уже упоминавшемся деле Некоммерческого партнерства «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков» (см. § 6 главы 2) одним важнейших пунктов спора был следующий абзац:

Также действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека», напр. ст. 18 «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов».

Этот абзац вводится частицей *также*, которая имеет довольно сложную семантику. Словарное описание значения этой частицы явно недостаточно, хотя и в самом общем смысле верно, ср. типичное толкование 'Выражает добавление'³¹³. Особенность частицы *также* в том, что она связывает по смыслу две синтаксических составляющих (два фрагмента предложения). Кроме того, она еще и «отсылает» к семантике предшествующего высказывания или целого фрагмента текста. Иными словами, эта лексическая единица имеет множественные сферы действия. Для разбираемого примера в огрубленном виде можно сказать: частица *также* указывает на то, что вводимая ею синтаксическая составляющая является новой, а та составляющая, которая ей предшествует, сообщает старую, уже известную информацию³¹⁴. Ср. *Петр засмеялся. [Засмеялся]_{известное} также [и Роман]_{новое}*.

Таким образом, можно считать, что в обсуждаемом случае частица *также* вводит абзац *действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствующих некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека» <...>* как новую информацию. А старая информация в данном предложении опущена, но представлена в предшествующем абзаце, начинающемся словами *Эти слова депутата, как я считаю, выглядят...* (см. Приложение 2). Тем самым в сферу действия частицы *также* по левой (опущенной) составляющей попадают слова со значением предположения: *как я считаю*. То есть восстанавливается следующая форма:

³¹³ См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³¹⁴ См. подробнее: Ковачева Н.Н. О некоторых случаях употребления *тоже* и *также* // Очерки по методике преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во УДН, 1964. Вып. 2; Богуславский А. К вопросу о вторичном обозначении определенного содержания в русском связном тексте // НДВШ. Филол. науки. 1969. № 6; Падучева Е.В. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: Взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // Предварительные публикации Ин-та рус. яз. АН СССР. М., 1974. Вып. 55; Гирке В. К вопросу о функциях слов *и, тоже, также* // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. См. близкие выводы для аналогичных английских форм *also* и *all so* в: Boguslawski A. ALSO from ALL SO: On a set of particles in service of efficient communication // Journal of Pragmatics. 1986. № 10.

[я считаю]_{известное} также [действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека» <...>]_{новое}. В этом случае обсуждаемый абзац должен рассматриваться как выражение мнения.

Возможна, однако, и другая интерпретация, при которой составляющая *действия депутата городской Думы Мамалыги В.* интерпретируется как старое, поскольку и ранее шла речь о действиях этого лица. Тогда распределение сфер действия частицы *также* будет таково: *Также* [действия депутата городской Думы Мамалыги В.]_{известное} [не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека» <...>]_{новое}. При таком понимании частица *также* расположена в синтаксической позиции, не вполне для нее типичной, но вполне допустимой, ср. *Петр засмеялся. Также* [засмеялся]_{известное} [*и Роман*]_{новое}. В таком случае сфера действия *также* не затрагивает слова, указывающие на выражение мнения, и тогда негативная информация 'действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека» <...>' вводится в форме утверждения³¹⁵.

Таким образом, высказывание *Также действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека»...* в одном понимании представляет собой выражение мнения И.И. Ватниковой, содержащегося и в предыдущем абзаце *Эти слова, как я считаю, выглядят как нарушение Конституции России <...>*, но в другом понимании при передаче соответствующей негативной информации имеет форму утверждения. Основная задача лингвистической экспертизы заключается в выявлении возможных пониманий спорных фрагментов текста.

§ 9. Анализ семантики служебных слов в финансовых документах

Из предшествующего параграфа видно, что наиболее сложные случаи анализа семантики предложения и текста связаны со служебными словами — частицами, союзами и

³¹⁵ Имеются и другие понимания, принципиально не отличающиеся от уже обсужденных: при них, как и в рассмотренных случаях, речь идет либо о мнении, либо об утверждении.

предлогами. Это касается не только семантической сферы действия, но и интерпретации прагматических особенностей употребления этих единиц. В финансовых документах — расписках, отчетности различного рода, договорах, векселях и т.п. — практически любые нюансы значения могут оказаться чрезвычайно существенными.

В обсуждаемом ниже примере анализируются не только семантические, но и прагматические особенности употребления предлога *через* во временном значении. В разбираемом случае было необходимо установить, в какой промежуток времени совершается некоторое событие после указанного интервала в конструкциях типа *через день/месяц/год*. Кроме того, поскольку правила употребления некоторых устойчивых выражений, используемых в текстах векселей, прямо указаны в инструкциях, следовало установить, имеет ли обсуждаемая конструкция семантику специального термина или она должна интерпретироваться как словосочетание общелитературного языка. Отдельная проблема заключалась в том, что с чисто прагматической точки зрения для иллюстрации анализа следовало по возможности использовать данные толковых словарей. Между тем известно, что служебная лексика описана в толковых словарях по большей части крайне неудачно.

Вопрос экспертизы формулировался довольно сложно и включал необходимые ссылки на документы, регламентирующие использование векселя как официального жанра финансового документа³¹⁶:

Каково значение и употребление в речевой практике предлога *через* в синтаксической конструкции *через четыре года*, в том числе значение предлога *через* в конструкции *через три года от даты предъявления* в тексте простого векселя, учитывая, что речь идет о сроке платежа, как его определяет глава V «О сроке платежа» раздела I «О переводном векселе» и раздел II «О простом векселе» Положения о переводном и простом векселе, введенного в действие Постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 г. № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе»?

³¹⁶ В примере использованы материалы лингвистического заключения, написанного при участии О.М. Грунченко.

Предлог *через* в современном русском языке имеет ряд значений, большинство из которых относится к пространственной семантике. Употребления предлога *через* во временном значении семантически являются производными от пространственных. В контекстах с временной семантикой (типа *через несколько минут, через два часа, через месяц после чего-л.*) предлог *через* имеет следующее значение:

‘указывает на срок, промежуток времени по истечении которого, спустя который происходит, совершается что-л.’³¹⁷.

При наличии в контексте слов с семантикой повторения предлог *через* во временных употреблениях указывает на то, что некоторое действие, событие совершается через фиксированные промежутки времени: *принимать лекарство через каждые три часа*³¹⁸.

Очень существенно для понимания временных контекстов с предлогом *перед* название того временного отрезка, после которого происходит, случается что-л. Это слово *минута* в выражении *через несколько минут, час* в словосочетании *через два часа, месяц* в конструкции *через месяц после чего-л.* Назовем это слово «счетным словом». С семантической точки зрения предлог *через* указывает на то, что некоторое событие происходит именно после прохождения некоторого периода времени, которое указывается счетным словом, но не позже, чем еще один промежуток времени, обозначаемый тем же счетным словом. То есть фраза *Иван пришел через час* значит ‘Иван пришел после того, как миновал час, но не позже, чем миновал еще один час’, предложение *Петр позвонил через десять минут после моего прихода* значит ‘Петр позвонил после того, как миновали десять минут, но не позже, чем миновала еще одна минута, т.е. 11 минут’.

Прагматические условия употребления предлога *через* во временном значении накладывают, однако, определенные ог-

³¹⁷ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988. Похожие толкования дают и другие словари, ср. ‘Спустя какое-н. время’ в словаре *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 1992.

³¹⁸ ‘Повторяя что-л. по истечении какого-л. промежутка времени’. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988; ‘Повторяя в регулярные промежутки (времени <...>’. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М., 1992.

раничения на собственно значение этого предлога. В практике словоупотребления отмечена следующая закономерность: действие совершается в промежуток времени, сопоставимый с названным в счетном слове, но, как правило, меньший, чем указанный в счетном слове. Причем, если в случае с конструкцией *Выстрел раздался через секунду*, речь идет о действии, совершившемся в следующую секунду, очень быстро, практически мгновенно, т.е. интервал времени после секунды вполне может быть близок секунде, то чем больше интервал времени, названный счетным словом, тем меньше вероятность, что событие произойдет по истечении почти всего последующего промежутка времени. Например, фраза *Через три месяца я ухожу в отпуск* понимается, как указание на выход в отпуск с точностью нескольких дней после истечения трех месяцев. Вряд ли говорящий произнесет данное выражение, если он уходит в отпуск через три месяца и, например, 25 дней. Иными словами, значение предлога *через* допускает такое понимание, но, если это оказывается коммуникативно-важным, прагматические условия использования языка заставляют говорящего выбрать в этом случае фразу типа *Я ухожу в отпуск почти через четыре месяца*.

Временная корректировка при большом временном отрезке, фиксируемым счетным словом, действует и в противоположную сторону: фраза *Через пару веков о нем и не вспомнят* вряд ли будет понята как указание на то, что человека забудут в первый же день по истечении двухсот лет. Иными словами, чем больше временной отрезок, тем больше погрешность. Можно сказать *Через три года она уволилась*, даже если прошло три года и два месяца. Но вряд ли в последнем случае погрешность составит более шести месяцев (обычно тогда говорят: *через три с половиной года*), тем более — почти целый год. Между тем, если временной отрезок незначителен — секунда, минута, час — то такое вполне возможно (см. выше разбор примера *Выстрел раздался через секунду*).

Отметим также, что возможно метафорическое использование предлога *через* со счетными словами, указывающими на небольшие промежутки времени (*секунда, минута*) или, наоборот, указывающими на значительные временные отрезки — *год*. Ср. примеры типа *Через секунду буду у тебя!*, *Через минуту я освобожусь* или *Жди его — он через сто лет придет!* В примерах та-

кого типа конструкции с *через* указывают, соответственно, на смыслы 'быстро' и 'долго'. Понятно, однако, что спорное словосочетание *через три года от предъявления [векселя]* не может рассматриваться как пример использования предлога *через* в метафорическом значении, поскольку в специальных текстах появление метафоры такого типа не допускается или по крайней мере сильно ограничивается.

В ситуациях общения, в которых абсолютная точность не является определяющей, описанное выше обиходно-бытовое использование предлога *через* для указания на период с относительной точностью типично.

В ситуациях, где точность — необходимое условие успешности деятельности (например, при запуске спутника), время указывают иначе, чтобы исключить возможность неправильного понимания, например: *19 часов 45 минут 34 секунды*.

Для конкретизации, уточнения времени в разговорной речи используются разговорные словосочетания *день в день, час в час, минута в минуту* и т.п.: *Отдашь мне долг через три года день в день*.

В рамках специальных терминосистем, профессиональных подязыков понимание временных конструкций может быть определено соглашением, договором, законом или традицией. Например, если человек с определенным графиком работы (с 10.00 до 18.00) сообщает, что ждет прихода клиента *через день*, то клиент поймет это как предложение прийти через день в рабочее время, то есть с 10.00 до 18.00, а не с 00.00 до 24.00. Но если час конкретно не назван, то клиент вправе прийти и в 10.00, и в 10.30, и в 12.40 и т.п.

Таким образом, собственно **лингвистическое** значение конструкции *через три года от предъявления [векселя]* может быть описано, как 'в момент времени после предъявления векселя, который охватывает промежуток времени в три года, но меньше промежутка времени в четыре года'. С учетом прагматических факторов, конструкция *через три года* может указывать и на меньший промежуток времени, например, в промежуток времени от трех лет и от трех лет и до полугода и т.д. Такими прагматическими факторами могут быть традиция, принятые в профессиональном сообществе «неписаные» правила и т.п.

В терминологическом употреблении или в ситуациях общения, где важна особая точность, конструкция *через три*

года может использоваться для указания на конкретный момент времени с точностью до дня, однако это требует дополнительного указания, фиксации в языковой форме в соглашении, договоре между сторонами.

Теперь перейдем к терминологическому употреблению предлога *через* в текстах векселей в конструкции *через три года от даты предъявления*. Анализ показывает, что ст. 75 Положения о переводном и простом векселе, утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе», содержит перечень компонентов макроструктуры текста простого векселя (наименование «вексель», обещание оплатить определенную сумму, указание срока платежа и т.д.), определяющих вексель как официальный жанр финансовых документов. В соответствии со ст. 77 указанного положения, к простому векселю применяются, поскольку они не являются несовместимыми с природой этого документа, постановления, относящиеся к переводному векселю и касающиеся, в том числе, срока платежа (ст. 33–37). При этом ст. 33 Положения о переводном и простом векселе утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе», которая определяет перечень языковых форм, используемых для назначения срока платежа, на который может быть выдан переводной вексель (*по предъявлении; во столько-то времени от предъявления; во столько-то времени от составления; на определенный день*), не включает конструкций, в которых употребляется предлог *через*. Данный предлог используется в постановлении ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе» только один раз в ст. 22. в следующем контексте: *Он может воспретить в векселе предъявление его к акцепту, если только дело не идет о переводном векселе, который подлежит оплате у третьего лица, или о векселе, который подлежит оплате в ином месте, чем место жительства плательщика, или о векселе, который подлежит оплате **через** определенный срок по предъявлении*. Статья 22 не содержит никаких специальных оговорок или комментариев, которые можно было бы использовать для уточнения границ временного интервала, обозначаемого счетным словом *год*. Следовательно, предлог *через* в конструкции

через три года от даты предъявления должен пониматься в своем общеязыковом значении, т.е. так, как он используется в литературном русском языке.

Отсюда следует очевидный вывод: предлог *через* во временном значении относится к лингвистически определяемым категориям. Собственно семантическая часть значения конструкции *через три года от предъявления [векселя]* описывается как 'в момент времени после предъявления векселя, который охватывает промежуток времени в три года, но меньше промежутка времени в четыре года'. Конструкция *через три года от предъявления [векселя]* может указывать и на меньший промежуток времени, однако это требует специального указания, фиксации или пояснения. Как было показано выше, по прагматическим основаниям этот промежуток времени вряд ли почти достигает года, поскольку в противном случае это соответствовало бы выражению *почти через четыре года*. Следовательно, сформулированное толкование значения спорной фразы должно быть дополнено вероятностным компонентом 'и, скорее всего, меньше промежутка времени, который можно было бы назвать *почти через четыре года*'.

§ 10. Прихватить — семантическое изыскание в области криминальной клептомани

Синонимия — одно из фундаментальных свойств естественного языка. Использование синонимов, а точнее квазисинонимов, т.е. слов с близкими, хотя и не совпадающими значениями, позволяет не только разнообразить стиль, но и избегать возможной ответственности за сказанное. Впрочем, далеко не всегда.

В одной из центральных газет была опубликована критическая статья известного экономиста о приватизации 1990-х гг., в которой говорилось о деятельности тоже известного, но бизнесмена С. Прибыткова в период его нахождения на государственной службе. Для описания его деятельности использовался глагол *прихватить*:

Более того, не исключена ситуация, когда скоро таким же образом придется выкупать «Сибирский лесоповал», прихваченный в свое время Прибытковым при прямом участии Моха и Чубатого

(очевидно, на теплую память о своей деятельности на посту вице-преьера).

В приведенном фрагменте обнаруживается информация (2) ‘С. Прибытков с помощью Моха и Чубатого неправым путем получил в собственность «Сибирский лесоповал»’. Компонент ‘неправым путем получил’ в реконструированной негативной информации связан с семантикой глагола *прихватить*. В толковых словарях современного русского языка у глагола *прихватить* выделяются следующие значения:

ПРИХВАТИТЬ 1. кого-что. Схватив, сжать. *П. драчуна за локти.* **2.** кого-что. Застать, застигнуть (разг.). *Путников прихватила метель.* **3.** кого-что. Взять с собой (разг.). *П. еды на дорогу.* **4.** что или чего. Достать, приобрести (разг.). *П. денег в долг.* **5.** что. Прикрепить, закрепить слегка или наскоро (разг.). *П. чемодан ремнём. П. оторвавшийся карман.* **6.** (1 и 2 л. не употр.), что. Повредить морозом, а также вообще подморозить, заморозить (разг.). *Цветы прихватило (безл.) заморозками. Прудок прихвачен льдом.* **7.** (1 и 2 л. не употр.), кого-что. О боли, болезни: внезапно поразить (прост.). *Живот прихватило (безл.).*³¹⁹

В Малом академическом словаре структура значений у обсуждаемого глагола несколько иная, однако основные значения сохранены, хотя описаны несколько по-иному:

ПРИХВАТИТЬ 1. Захватить, схватить что-л. или кого-л. за что-л., придерживая, удерживая. *[Мельник] увидел, что черт уже прихватил шинкаря за длинную фалду. Короленко, Судный день.* **2.** (кого-что и чего). Взять, забрать с собой с какой-л. целью, попутно, между прочим. — *Каширин вздумал проехать домой в Тясьминку, так и меня прихватил. Фет, Ранние годы моей жизни.* **3.** также без доп. Разг. Слегка заморозить, подморозить, сковать льдом (о морозе, холоде и т.п.). *Легкий морозец прихватил лужи тонким иглистым ледком. Б. Полевой, Горячий цех.* **4.** Прост. Поразить кого-л., внезапно появиться у кого-л. (о болезни). — *Вторую неделю проживаемся*

³¹⁹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

на пристани... — спокойно отвечал мужик, переминаясь. — Обносились, хлебушка нет... двое из артели-то в лежку лежат: огневица прихватила. Мамин-Сибиряк, Бойцы. 5. Разг. Застать, застичь (о плохой погоде). — Ты отлежись у нас в будке, потом поедешь. Тебя же дождь в пути прихватит, измокнешь и вовсе сляжешь. Шолохов, Поднятая целина³²⁰.

Очевидно, что в спорном контексте не может реализоваться первое значение глагола *прихватить* — ‘Схватив, сжать’ (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), ‘Захватить, схватить что-л. или кого-л. за что-л., придерживая, удерживая’ (Малый академический словарь). Дело в том, что оно относится только к конкретным предметам и объектам. Об этом говорят и приводимые в словарях примеры: *П. драчуна за локти; [Мельник] увидел, что черт уже прихватил шинкаря за длинную фалду*. Между тем в спорном фрагменте речь идет не о предмете, а об огромном комбинате, который физически невозможно схватить рукой и сжать.

По той же причине нельзя говорить о реализации значения ‘Прикрепить, закрепить слегка или наскоро’ (значение 5 по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой): его можно использовать только по отношению к относительно небольшим предметам, которые в результате эксплуатации, неправильного использования, частичного выхода из строя получают выступающие части, мешающие нормальной деятельности человека. То есть это может быть чемодан, карман пиджака, пальто, брюк и т.п.: *Прихватить чемодан ремнём; Прихватить оторвавшийся карман*.

Не реализуются в обсуждаемом контексте и те значения *прихватить*, которые связаны с погодными условиями и болезнью — ‘Слегка заморозить, подморозить, сковать льдом (о морозе, холоде и т. п.)’, ‘Застать, застичь (о плохой погоде)’ (Малый академический словарь), ‘Повредить морозом, а также вообще подморозить, заморозить’ (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), ‘Застать, застигнуть’ (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), ‘О боли, болезни: внезапно поразить’ (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), ‘Поразить кого-л.,

³²⁰ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

внезапно появиться у кого-л. (о болезни)’ (Малый академический словарь). Действительно, в спорном контексте говорится о промышленном комбинате, а не о погоде или болезни.

Больше подходит по семантике значение ‘Достать, приобрести’ (значение 4 по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). Действительно, из иллюстративного примера — *Прихватить денег в долг* — следует, что оно используется по отношению к какому-либо ресурсу, а в спорном случае речь идет о промышленной компании, рассматриваемой как ресурс, как источник возможного дохода, выгоды. Однако в спорном контексте ничего не говорится о покупке со стороны С. Прибыткова (предположительно, «выкупать» должно государство), а глагол *приобрести* в толковании рассматриваемого значения используется именно в этом смысле (а не в значении ‘стать, превратиться’, ср. *книга приобрела законченную форму*).

С другой стороны, глагол *достать* обладает весьма общим значением — ‘Получить, раздобыть’³²¹. В какой-то мере он описывает и семантику употребления глагола *прихватить* в спорном контексте: <...> «*Норильский никель*», *прихваченный в свое время Прибытковым при прямом участии Моха и Чубатого*. Однако в анализируемом контексте имеются еще, по крайней мере, два компонента смысла, которые не отражаются семантикой глагола *достать*. Во-первых, действие, описываемое глаголом *прихватить*, осмысливается в спорном контексте как вторичное, дополнительное. В качестве основного имеется в виду какое-то другое, в явной форме не названное. Во-вторых, в качестве основного действия выступает уход откуда-либо. Из общего контекста статьи и обсуждаемой ситуации можно предполагать, что основное действие — это уход С. Прибыткова из правительства. На последнее косвенно указывает фраза *очевидно, на теплую память о своей деятельности на посту вице-преьера*.

В приведенных словарных статьях глагола *прихватить* имеются значения, которые отражают и первый, и второй аспект употребления глагола *прихватить* в спорном фрагменте: ‘Взять с собой’ (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), ‘Взять, забрать с собой с какой-л. целью, попутно, между прочим’ (Малый академический словарь).

³²¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Указанное значение реализуется во фразах типа *Прихватить еды на дорогу; Каширин вздумал проехать домой в Тясьминку, так и меня прихватил*. Соответствует ли оно значению глагола *прихватить* в спорном предложении? Соответствует, однако отражает семантику не в полной мере. Действительно, в спорном контексте речь идет не просто о людях, еде и пр., а о промышленном комбинате, рассматриваемом как ресурс, который ранее не принадлежал С. Прибыткову, а был государственным. Из контекста статьи следует, что комбинат был залогом (вероятно, одним из залогов) кредита, полученного государством у ряда банков, причем С. Прибытков отвечал за возврат этого кредита: *он [С. Прибытков] лично, будучи вице-премьером, решал судьбу невозвращенного вовремя кредита. В результате чего успешно овладел «Сибирским лесоповалом»*. В словаре под редакцией С.А. Кузнецова такие употребления определяются как ‘унести, похитить’³²². Такое значение рассматриваемого глагола широко представлено в современной публицистике:

Руководители некоторых заводов и фабрик бросили свои коллективы на произвол судьбы и на казенных машинах рванули на восток, кое-кто при этом **прихватил** заводскую кассу. Общая газета.

Четвертая мозаика «Обоняние и осязание» исчезла еще в начале войны, до того как Янтарная комната попала в руки немцев. Нотариус Манхард Кайзер утверждает, что его клиенту она досталась от отца, который служил в вермахте на Ленинградском фронте и был водителем санитарной машины. Транспорт с Янтарной комнатой попал под обстрел советской артиллерии, и в суматохе он **«прихватил»** мозаику в качестве сувенира. Итоги.

Вообще, если кто-то наступал на колхозника, который **прихватил** что-нибудь из колхоза, то разборки особых не будет. Нужно поймать его с поличным. А на это власти не идут, потому что все друг друга в поселке знают и враждовать не хотят. Знамя.

Семантически данные контексты аналогичны спорному: имеется некоторая собственность, ресурс, ценность которые берутся субъектом на не вполне законных (или совершенно

³²² См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

незаконных) основаниях, когда субъект уходит откуда-то, покидает какое-либо место: в первом примере руководители заводов и фабрик сбежали, взяв с собой кассу; во втором примере отец Манхарда Кайзера взял не принадлежащую ему мозаику и сбежал в Германию; в третьем примере колхозник, уходя с работы, взял какую-то, не принадлежащую ему собственность из колхоза.

С учетом сказанного, употребление глагола *прихватить* в спорном контексте описывается следующим образом:

прихватить что-л. = ‘уходя откуда-л., попутно взять что-л., принадлежащее другому лицу, в свою собственность, не имея на то права’.

Слово *попутно* передает в толковании второстепенность совершенного действия³²³.

Приведенное толкование объясняет появление в реконструируемой негативной информации компонента ‘неправовым путем получил’. Действительно, если кто-л. берет ‘принадлежащее другому лицу в свою собственность, не имея на то права’, то это нарушает какие-то нормы, принятые в обществе, а в ряде случаев и действующее законодательство.

§ 11. Суперлатив, элатив и семантика превосходства

Указание на максимальную степень проявления, реализации какого-то признака или параметра, относится к оценочным смыслам. **Суперлатив** — превосходная степень — всегда предполагает реальное или гипотетическое сравнение одной сущности с другими рядоположенными сущностями по выбранному признаку (основанию сравнения). Так, словосочетание *высочайшая вершина мира* означает, что названная таким образом горная вершина по признаку высоты превосходит все прочие горные вершины. Если речь идет о планете Земля, то очевидно, что такой вершиной является гора Джомолунгма. В рассмотренном примере не возникает сомнений в уникаль-

³²³ Контексты типа *Президент Бидстед, пообщавшись с русскими партнерами, стал «новым люксембуржцем», прихватил 2 миллиона долларов и ушел в бега*, Известия, следует рассматривать как иронию, поскольку похищенная сумма денег далеко не «второстепенна».

ности сущности, в названии которой присутствует превосходная степень прилагательного. Но выражения, указывающие на максимальную или значительную степень проявления признака, ведут себя далеко не всегда так регулярно и предсказуемо. Например, номинация *величайший поэт* с равным правом может относиться и к А.С. Пушкину, и к В.В. Маяковскому, и к Джорджу Байрону. В этом случае мы имеем дело с **элативом**, т.е. со значением максимальной или большой степени проявления признака, которое не влечет идею уникальности объекта и допускает наличие других объектов с такой же (или даже большей) степенью проявления признака.

Разграничение суперлативной и элативной семантики оказывается весьма значимым в сфере рекламы, поскольку рекламный дискурс существенно ограничен по содержательным и формальным параметрам³²⁴. Так, в ст. 5 Федерального закона «О рекламе» (от 13 марта 2006 г.) отмечается, что не допускается недобросовестная реклама, которая «содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами» (п. 2 ст. 5), а также недостоверная реклама, которая содержит информацию о не соответствующих действительности сведениях «о преимуществах рекламируемого товара перед находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами» (п. 3 ст. 5). Понятно, что суперлатив влечет явное или скрытое сравнение с другими существующими товарами или услугами. Рекламный текст типа *Наша страховая компания является самой надежной в сфере медицинских услуг* предполагает, что все прочие страховые компании в области медицинского страхования менее надежны. Если у рекламирующей себя страховой организации нет соответствующих доказательств, то сравнение будет некорректным и/или недостоверным, что может повлечь ответные действия института, регулирующего данную область практической деятельности (например, Федеральной антимонопольной службы).

Указание на превосходство товара или услуги над аналогичными предложениями, имеющимися на рынке, — это

³²⁴ См. по этому поводу также раздел 2.5. главы 2.

классическая стратегия позиционирования, т.е. создания в сознании адресата представления об объекте рекламирования. Существующие законодательные ограничения отчасти заставляют копирайтеров (авторов рекламных текстов) использовать различные косвенные, завуалированные способы указания исключительность, превосходство. Однако «запретный плод» оказывается слишком сладким, что приводит к судебным делам и появлению лингвистических экспертиз, в которых анализируются выражения с соответствующей семантикой. Как следует из приведенных выше примеров, можно выделить две основных группы единиц с семантикой, указывающей на высокую (или максимальную) степень проявления признака: это выражения с **суперлативом** и **элативом**. Первая группа исключает существование других сущностей с аналогичной (или большей) степенью проявления признака, а вторая — не исключает. Выражения с суперлативом не могут использоваться в рекламном дискурсе, если нет объективных подтверждений полного превосходства рекламируемого товара или услуги по соответствующему параметру (признаку), а вторые — могут. Рассмотрим с этой точки зрения два выражения — *номер один (№ 1)* и *лидер (в чем-л.)*³²⁵.

При оформлении пакета сока «Фруктовая радость», выпускаемого компанией «Сок в охотку», было использовано выражение *Сок № 1 в мире*. Обсуждаемый фрагмент оформления помещен на одной из граней четырехгранной призмы, форму которой имеет пакет сока «Фруктовая радость». На грани призмы сверху вниз расположены следующие существенные элементы:

- наименование (товарный знак) «Фруктовая радость», выполненный акцидентной гарнитурой и отделенный от последующего текста графическим элементом в виде оттененной двойной вогнутой полосы;
- надпись *100%*;
- надпись *Из тропических фруктов*, выполненная гарнитурой с засечками типа Times (с тенью);

³²⁵ В анализе семантики слов *лидер* и его производных, а также выражения *номер один (№ 1)* использовались экспертизы, написанные автором совместно с О.М. Грунченко.

— стилизованное изображение зеленого листка, на котором размещена надпись *Сок № 1 в мире*, выполненная рубленной гарнитурой;

— рекламный текст, описывающий достоинства сока «Фруктовая радость», выполненный рубленной гарнитурой.

Цвет текста — оттенки зеленого на бело-зелено-желтом фоне с осветленным изображением листьев ананаса; надпись *Сок № 1 в мире* — выворотка белым на насыщенном зеленом фоне стилизованного листка.

С семантической точки зрения словосочетание *Сок № 1 в мире* представляет собой результат процедуры оценивания, формирующей некий условный рейтинг, в котором соку «Фруктовая радость» присвоен *№ 1*. Сразу следует отметить, что контекст не позволяет судить о том, кто выступает в качестве стороны, проводившей оценивание — потребители, представители профессионального сообщества, торговые организации и т.п.

Процедура оценивания включает в себя следующие основные части: (i) оцениваемые (сравниваемые объекты); (ii) основание для сравнения (параметр, свойство, по которому происходит оценка); (iii) выбранное значение параметра, свойства³²⁶.

Рассмотрим последовательно, как в анализируемой фразе *Сок № 1 в мире* выражаются указанные выше составляющие процедуры оценивания.

В качестве сравниваемых объектов выступают соки. Причем с одной стороны — сок «Фруктовая радость». Следует оговориться, что, так как последовательность текстовых фрагментов, размещенных на упаковке, не отнесена к конкретному соку, находящемуся в ней (томатному, мультифруктовому, апельсиновому и т.п.), можно сделать вывод, что объектом сравнения является совокупность соков, выпускаемых под маркой «Фруктовая радость», а значит, любой сок из этой продуктовой линейки. А с другой стороны — некие неназванные соки, выпускаемые в мире.

Основание для сравнения в анализируемой фразе не эксплицировано, т.е. явно не указано. Теоретически, поскольку

³²⁶ См. обсуждение процедуры оценивания в: *Ивин А.А. Основания логики оценок*. М., 1971.

речь идет о соке как товаре, сравниваться могут самые разнообразные характеристики и их сочетания: потребительские свойства сока (например, содержание витаминов и микроэлементов, экологическая чистота, особенности воздействия на потребителя), объемы продаж, темпы роста спроса, распространенность на рынке и т.д.

Выбранное значение эксплицитно не указанного параметра является при этом максимальным. Это следует из значения последовательности знаков № 1 — *номер один*. Ср. значение, приведенное для словесного эквивалента этой последовательности знаков «Большим толковым словарем русского языка»: *номер один* — ‘о **самом** важном, значительном в данный момент’³²⁷. Похожим образом толкуется это словосочетание и в других словарях, ср. *номер один* — ‘**самый** главный или первостепенный’³²⁸, *номер один кто-что* — ‘о ком-, чем-л. **самом** важном в данный момент, о чем-л. первоочередном’³²⁹. Иными словами, если в качестве основания для сравнения подразумевается содержание витаминов и микроэлементов, то самое большое в сравнении с другими соками, если темпы продаж — то самые высокие по сравнению с темпами продаж других соков и т.д.

Чтобы уточнить значение выражения *номер один (№ 1)* в анализируемом случае, рассмотрим примеры употребления конструкции «*X — Y № 1 (номер один) в мире*», где *X* — имя собственное, *Y* — родовое наименование. Проведенный анализ контекстов использования указанной конструкции в текстах русскоязычного Интернета и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) позволил выявить примеры двух типов. В первом случае основание для сравнения эксплицитно указывается в ближайшем контексте. Ср. примеры 1(а–в):

- (1) а. **Тушь супер-объем GREAT LASH. Тушь № 1 в мире.**
Это самая продаваемая тушь в мире: каждые две секун-

³²⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.

³²⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³²⁹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

ды покупается одна тушь супер-объем ГРЭЙТ ЛЭШ. <http://www.dc.ua>. б. Как известно, самая распространенная фамилия в России — Иванов. Но известно ли вам, какая фамилия является самой распространенной в мире? Лично я только сегодня узнал ответ на этот вопрос, на сайте Ask.Yahoo. Оказывается, **фамилией номер один в мире по количеству людей носящих ее**, является китайская **Чанг (Chang или Zhang)**. В мире насчитывается 100 млн(!) Чангов. <http://www.internet-business.ru/blog>

В примере (1а) в явном виде указан параметр сравнения, по которому осуществляется оценка, — это продаваемость конкретной продукции. По этому параметру тушь GREAT LASH абсолютно превосходит другие марки. В примере (1б) основание для сравнения также эксплицировано: фамилия номер один — это фамилия, которую носит больше всего людей на планете.

Во втором случае основание для сравнения в самом контексте в явном виде не указывается, речь идет об общей положительной оценке чего-либо или кого-либо (примеры 2а–в). В каждом случае с большей или меньшей степенью определенности можно сделать вывод об основании для сравнения, учитывая семантику лексического компонента *Y* — родового наименования в составе синтаксической конструкции.

- (2) а. Марка джина и коктейлей Gordon-s принадлежит британской компании **Diageo, производителю алкоголя № 1 в мире**. <http://www.alcosoft.ua>. б. Впервые за долгие десятилетия **американский концерн Boeing** вынужден отойти с позиции **авиастроителя № 1 в мире**. <http://www.rbcdaily.ru>. в. **Архитектор номер один в мире — лорд Норман Фостер** — в Москве. www.kvadroom.ru

В примере (2а) можно лишь предполагать с учетом семантики слова *производитель*, что речь идет об ассортименте товара и/или количестве производимой алкогольной продукции. В любом случае подразумевается, что конкретная компания превосходит других производителей алкогольной продукции. В примере (2б) имеется в виду общая положительная оценка концерна Boeing как самой лучшей авиастроительной компа-

нии. В примере (2в) в качестве объекта оценки выступают профессиональные качества некоторого лица, по которым оно является самым лучшим в мире, т.е. опять-таки присутствует общая положительная оценка.

Кроме того, семантика выражения *номер один* зависит от общих семантических характеристик существительного, которое оно определяет. Так, при квалификации конкретных существительных (называющих предметы, лиц) имеется в виду либо общая оценка (*автомобиль номер один* — автомобиль, получающий максимальное значение параметра оценивания по общей оценке «хорошо», т.е. нечто вроде «самый хороший»), либо частная (*бритва номер один по эргономичности использования*, т.е. нечто вроде «самая лучшая бритва по удобству эксплуатации»). Применительно к абстрактным существительным спектр значений оказывается шире. Например, *проблема номер один* — это «самая важная проблема», поскольку «хороших проблем» не бывает (ср. *вопрос номер один, тема номер один*).

Таким образом, семантика выражения *номер один* определяется следующими факторами:

- 1) наличием-отсутствием в контексте указания на основание для сравнения (параметр оценки);
- 2) общими семантическими характеристиками определяемого слова.

В рассматриваемом случае фраза *Сок № 1 в мире* помещена среди рекламно-информационных материалов, расположенных на пакете сока «Фруктовая радость». Текст рекламы таков:

Компания «Сок в охотку» — мировой лидер в производстве соков. Соки и нектары под маркой «Фруктовая радость» продаются на четырех континентах, и во все мире являются стандартом сока высокого качества. Соки «Фруктовая радость» дарят Вам наслаждение великолепным вкусом лучших фруктов, наполняют Ваш день энергией и здоровьем. Начните свой день с сока «Фруктовая радость»!

Из приведенного контекста нельзя сделать однозначный вывод, какое свойство имеется в виду при оценке в выражении *Сок № 1 в мире*. Из данного выражения и рекламного текста следует, что объектом сравнения является сок «Фруктовая

радость» (точнее, неназванные соки, образующие товарную линейку марки «Фруктовая радость», включающую в себя и тот сок, на упаковке которого размещен текст), с одной стороны, и множество других соков — с другой. Слово *сок* в данном случае называет напиток, а также метонимически указывает на напиток, содержащийся в соответствующем пакете. В любом случае в рассматриваемом контексте это не абстрактное понятие типа проблема, теория, идея. Значит, выражение *№ 1* в анализируемом случае передает значение максимума положительной оценки, а фраза *Сок № 1 в мире* использована в значении ‘самый лучший среди других соков в мире’.

Таким образом, словосочетание *Сок № 1 в мире*, размещенное на пакете сока «Фруктовая радость», передает идею абсолютного превосходства соков продуктовой линейки, выпускаемой под данной торговой маркой, над иными соками, выпускаемыми во всем мире. При этом свойства, параметры, по которым производится оценивание, в явном виде не названы, не указаны и те, кто осуществляют оценку. Отсюда следует, что анализируемое словосочетание представляет собой **суперлатив**, использование которого в рекламном дискурсе законодательно ограничено, т.е. требует экспликации параметров оценки и тех, кто проводит оценку. Иными словами, нужны доказательства.

По-другому ведет себя слово *лидер* и его лексические производные, которые довольно часто используются в рекламе. Предметом одного из разбирательств оказалась фраза *Система ЗОЛОТОЕ КОПЫТО 15 лет лидерства*, представленная в рекламе компьютерной справочной системы по скачкам. Возник вопрос, используется ли в данной фразе слово *лидерство* в значении суперлатива или элатива?

Слово *лидерство* толковыми словарями русского языка определяется через указание на производящее, мотивирующее слово — ‘положение, поведение лидера’. Тем самым, чтобы определить значение слова *лидерство*, надо выяснить, каково значение слова *лидер*. Толковые словари русского языка выделяют у слова *лидер* несколько значений:

ЛИДЕР 1. Вождь, руководитель политической партии, общественно-профессиональной организации (полит.). *Лидеры партии. Профсоюзные лидеры.* **2.** Лицо, идущее первым в каком-н. состоя-

зании (спорт.). *Лидер турнира*. **3.** На гонках, преимущественно велосипедных — лицо, едущее впереди гонщика и тем невольно побуждающее его ускорять движение (спорт.)³³⁰.

ЛИДЕР 1. Глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации или вообще какой-н. группы людей; человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-н. коллективе. *Политический лидер*. **2.** Спортсмен или спортивная команда, идущие первыми в состязании. *Лидер турнира. Гонка за лидером* (в велоспорте: вслед за идущим впереди мотоциклом). **3.** Корабль, возглавляющий колонну, группу судов³³¹.

ЛИДЕР [от англ. leader — ведущий, руководитель]. **1.** Глава, руководитель политической партии, профсоюза, какого-л. коллектива. *Лидеры парламентских фракций. Лидеры социал-демократической партии*. **2.** Спортсмен или команда, идущие первыми в каком-л. состязании. *Лидер шахматного турнира. Команда вышла в лидеры. Лидер выиграл очередной матч. Гонка за лидером* (велогонка, в которой перед каждым велосипедистом едет мотоциклист (лидер), преодолевающий сопротивление воздуха и способствующий увеличению скорости велосипедиста). **3.** *Мор.* Устарелое название лёгкого крейсера или эскадренного миноносца, идущего первым в кильватерной колонне³³².

Аналогичный набор значений слова *лидер* представлен и в других словарях. Приведем здесь лишь те значения, которые дополнительно выделяются у рассматриваемого слова:

- ‘одуш., психол. Член группы — игровой, производственной и т.п., занимающий в ней ведущее положение; противоп. *аутсайдер*³. *Он прирожденный лидер*³³³.

В этом случае речь идет сразу о двух связанных вещах — о психологическом типе человека и его ролевом статусе. Ср. *Оба мальчика по натуре лидеры; Эта тройца — лидеры класса; Все*

³³⁰ См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. II. М., 1938.

³³¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³³² См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986; Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

³³³ См.: *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

утверждали, что он, бесспорно, пойдет далеко — прирожденный лидер. Л. Зорин, Трезвенник.

- ‘О том, что занимает первенствующее положение в какой-л. сфере общественной жизни. *Лидер общественного мнения*’³³⁴.
- ‘Компания, занимающая ведущее положение в производстве какого-л. товара или на рынке товара’³³⁵.

Если отвлечься от устаревших и специальных употреблений и попытаться обобщить имеющиеся значения, то у слова *лидер* можно выделить следующее «прототипическое значение» (в духе Grundbedeutung по Р. Якобсону):

‘Некто или нечто, имеющий очень высокие показатели по каким-то существенным параметрам и в силу этого рассматривающийся как эталон для множества аналогичных сущностей’.

Семантический компонент ‘эталон для множества аналогичных сущностей’ указывает на то, что лидер не может существовать автономно, в отрыве от некоторого релевантного множества людей, организаций, компаний и т.д. *Политический лидер* — это человек, принадлежащий политической партии, политическому движению, социальной группе. *Компания-лидер* — это компания, обладающая характеристиками (значениями параметров), выделяющими ее на фоне других компаний по производительности труда, качеству продукции, внедрению инноваций и т.д.

Семантика компонента ‘эталон’ указывает на то, что совокупность значений тех или иных важных параметров желательна для соответствующего релевантного множества, признается как позитивный, положительный фактор. В специальных употреблениях этот элемент значения может быть основой для формирования переносного значения: ср. *Гонка за лидером* (в велоспорте).

Поскольку в исследуемой фразе речь идет о компьютерной программе, то значение слова *лидер* модифицируется следующим образом: ‘компьютерная программа, имеет очень высокие показатели по каким-то существенным параметрам и в

³³⁴ См.: Толковый словарь русского языка. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2001.

³³⁵ См.: *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

силу этого рассматривается как эталон для других аналогичных компьютерных программ'. Соответственно, слово *лидерство* для данного случая можно истолковать как нечто вроде 'наличие у компьютерной программы очень высоких показателей по каким-то существенным параметрам и рассмотрение ее в силу этого как эталона для других аналогичных компьютерных программ'.

Компонент толкования 'наличие у компьютерной программы очень высоких показателей по каким-то существенным параметрам' указывает на то, что словам *лидер* и *лидерство* свойственна семантика лексических единиц с высокой степенью проявления признака. Однако семантический компонент 'эталон' не предполагает единственности соответствующей сущности-эталона, хотя и не отменяет ее, т.е. идея 'единственности, уникальности' не содержится в семантике слова *лидер* и его производных. В силу этого слова *лидер* и *лидерство* могут употребляться в значении суперлатива. Это может быть, например, в контексте указания на положение высшего должностного лица (главы государства, фракции, партии): *Лидеру «Родины» Дмитрию Rogozину пришлось оставить свой пост; Лидерству Сильвио Берлускони пришел конец — на очередных парламентских выборах безоговорочную победу одержал Романо Проди.*

Однако весьма часто исследуемые слова используются и для передачи семантики элатива, на что эксплицитно указывает контекст. Так, все высшее политическое и государственное руководство может быть названо *лидерами*: *Значит ли это, что вся ответственность лежит на лидерах? Такова была логика Нюрнбергских процессов, которые судили только руководителей нацистского государства.* А. Эткинд, Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт. В спорте также часто говорят не об одном *лидере*, а о нескольких *лидерах*, целой *группе лидеров*: *По затяжному подъему за лидерами несло уже не менее двух десятков машин, и, стало быть, не менее двух десятков гонщиков, кроме Ханта, Портаго и Лучникова, стали свидетелями трагедии.* В. Аксенов, Остров Крым.

При использовании слов *лидер* и *лидерство* по отношению к компаниям или персонифицированным товарам семантика неуникальности (элативности) встречается довольно часто:

- (3) а. Производственно-торговая фирма «Радикал» предлагает комплекс услуг в сфере строительства, реконструкции и эксплуатации автозаправочных станций. Мы работаем с **финскими компаниями, являющимися лидерами рынка оборудования и строительства АЗС.** www.ptti.ru б. Главными подопытными кроликами были избраны сети стандарта GSM двух компаний — **«Вымпелком» (марка «Би Лайн»)** и **«Мобильные ТелеСистемы» (МТС).** Независимые исследователи установили, что ни одна из сетей не идеальна, но степень удаления от идеала у них обеих примерно одинакова. Как сообщил председатель совета Общества потребителей мобильной связи Павел Виг, в западном и восточном секторах Московской области сети **обоих лидеров рынка** продемонстрировали примерно одинаковое качество связи. www.DINFORM.ru в. Открыть сеть закусочных способна фирма с крупным капиталом, а таковых в нашей стране практически нет. Поэтому **лидерство** на рынке FAST FOOD в обозримом будущем скорее всего сохраняют **западные компании** с их отлаженной системой контроля и высокими технологиями. *Итоги.* г. К сожалению, Handelsblatt не указывает, по каким критериям был проведен рейтинг. Однако **лидерство в нем государственных компаний стран третьего мира** позволяет предположить, что решающими были объем продаж, прибыль либо иные чисто финансовые показатели. *Коммерсантъ-Daily.*

Анализ практики словоупотребления позволяет заключить, что в количественном отношении группы компаний, организаций, которые могут быть названы *лидерами*, чаще всего насчитывают от 2 до 5–7 единиц, в редких случаях больше.

Как показал анализ семантики слов *лидер* и *лидерство*, существуют контексты, в которых констатация лидерства одной компании влечет уникальность, т.е. передается семантика суперлатива. Это характерно для ситуаций, когда множество компаний, о которых идет речь, состоит всего из двух элементов — компании А (лидер) и компании В. Однако на рынке компьютерных справочных систем по скачкам ситуация выглядит принципиально по-другому. На этом рынке в дей-

ствительности представлено не две системы («Золотое Копыто» и «Счастливая Уздечка»), а больше десятка программ разных фирм-разработчиков. Поскольку при этом количественные и качественные показатели деятельности компаний «Золотое Копыто» и «Счастливая Уздечка» превосходят показатели всех остальных разработчиков, само по себе слово *лидерство*, употребленное по отношению к одной из них (в рассматриваемом случае — к системе «Золотое Копыто»), не предает семантику суперлатива, указывающего на ее абсолютное превосходство над другими системами. В контексте данного рекламного объявления речь идет о том, что это одна из эталонных систем на рынке компьютерных справочных систем по скачкам. Тем самым использование слова *лидерство* в спорном контексте не нарушает ограничений, налагаемых на рекламный дискурс действующим законодательством.

С семантической точки зрения выражения, относящиеся к суперлативами, должны содержать в своей семантике указание на то, что значение соответствующего параметра является не просто значительным или максимальным, а превосходит значения данного параметра у всех других элементов релевантного множества.

Практика экспертиз в сфере рекламы дает примеры и более сложных случаев, когда семантика слова, связанного с выражением максимальной степени проявления какого-л. параметра (признака), оказывается противоречивой. Одни аспекты семантики указывают на суперлатив, а другие — на элатив. Поскольку рекламный дискурс актуализует различные стороны плана содержания языкового знака — от актуального значения до пресуппозиций и внутренней формы, то обсуждение таких случаев представляет особый интерес. Примером такого рода может служить фраза «*Ароматная корочка. К пиву нет закуски приятней!*» в рекламном ролике соленых сухариков³³⁶.

Как уже отмечалось выше, в современной семантической теории значение языкового выражения трактуется как сложный феномен, включающий в себя несколько различных се-

³³⁶ Данный фрагмент, посвященный исследованию выражения *нет X-а P-ее*, возник в результате обсуждения особенностей использования суперлатива и элатива в рекламном дискурсе с П.Б. Паршиным.

мантических слоев. В разных теориях они описываются по-разному и для их описания применяется разная терминология. В наиболее общем случае принято различать **(1) внутреннюю форму языкового выражения**³³⁷, иногда (в особенности в случае языковых форм с идиоматичной семантикой) называемую также **буквальным значением**, **(2) актуальное значение выражения** и его **(3) прагматическое**, или **контекстуальное, значение**. В последнем случае часто говорят о **смысле** слова или языкового выражения, т.е. о той информации, которая связывается в сознании человека со словом или языковым выражением, когда он произносит или воспринимает их в конкретном типе дискурса³³⁸. Исследование фразы *К пиву нет закуски приятней!* с точки зрения выражения семантики суперлатива или элатива требует анализа всех указанных аспектов (слоев) плана содержания.

Начнем с **внутренней формы** спорной фразы. К внутренней форме языкового выражения относят способ указания на актуальное значение, зафиксированный в его форме. Так, две фразы *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* указывают на Венеру, но способ указания различен: в первом случае указание производится через отсылку к факту появления соответствующей звезды утром, а во втором — вечером. При этом актуальное значение указанных фраз оказывается как бы идентичным — ‘Венера’.

В современных исследованиях по лексической семантике показано, что внутренняя форма языкового выражения влияет на его актуальное значение и тесно связана с ним. Существенно, что для различных типов лексики значимость внутренней формы и ее влияние на актуальное значение различна. В общем случае, чем слабее внутренняя форма ощущается носителем языка, тем в меньшей степени она влияет на актуальное значение. Так, для слов с «мертвой» внутренней фор-

³³⁷ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 12.

³³⁸ Там же. С. 13. Иногда в план содержания языкового выражения включают также разнообразные ассоциативные смыслы разной степени общезначимости. Некоторые из них имеют статус так называемых коннотаций и воспринимаются носителями языка одинаково (например, негативная оценочная коннотация существительного *террорист* или коннотация педантичности и аккуратности у слова *немец*); другие в силу своей вариативности и неоднозначности восприятия адресатом должны исследоваться специальными экспериментальными методиками.

мой — таких как *стол, живот, чернила, свет* — влияние внутренней формы можно считать крайне незначительным — практически отсутствующим. Однако в выражениях с прозрачной, хорошо ощущаемой внутренней формой ее следы обнаруживаются в актуальном значении довольно отчетливо. Особенно это характерно для фразеологизмов — устойчивых неословных выражений, обладающих той или иной степенью идиоматичности (см. выше § 1 главы 2).

Так, на первый взгляд, идиомы *на каждом шагу* и *на каждом углу* в пространственном значении синонимичны, однако это далеко не так. Если речь идет не о городе, поселке или другом населенном пункте, а о незаселенном пространстве, то идиому *на каждом углу* употребить нельзя: *Лес на горе стал реже и сквозил теперь до самого поля, на каждом шагу/*на каждом углу торчали пни и пенки, недалеко от дороги валялись уже почерневшие и потрескавшиеся, не впрок заготовленные жерди*. Невозможность использования *на каждом углу* в данном примере связана с тем, что внутренняя форма идиомы *на каждом углу* прозрачна и, являясь частью плана содержания или семантики в широком понимании, влияет на употребление³³⁹.

Исследуемое выражение — точнее, его вторая часть *К пиву нет закуски приятней!* — представляет собой фразеологизм. Точнее говоря, это так называемая фразеосхема, образованная по образцу *нет X-а P-ее*, где *P* — это некоторое свойство, присущее *X-у* (это свойство обозначается во фразеосхеме определением, выраженным прилагательным в сравнительной форме)³⁴⁰. Реализацией данной фразеосхемы являются также выражения типа *Нет Петра умнее, Нет девушки красивее, Нет книги интереснее, Нет работы легче, Нет истории занимательней*. Семантику внутренней формы фразеосхем такого типа можно описать так:

‘*X* обладает свойством *P* в такой большой степени, что нет другого *Y-а*, обладающего данным свойством в большей степени’.

³³⁹ См. подробнее: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН СЛЯ. Т. 57. № 1. 1998.

³⁴⁰ В несколько ином смысле этот термин понимается Д.Н. Шмелевым. См.: Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. 2-е изд. М., 2006. Ср. примеры других фразеосхем *X он и в Африке X; всем X-ам X; X как X*.

Иными словами, внутренняя форма исследуемого выражения [*«Ароматная корочка»*]. *К пиву нет закуски приятней!* толкуется следующим образом: ‘Соленые сухарики под названием «Ароматная корочка» обладают свойством быть приятным в качестве закуски к пиву в такой большой степени, что нет других сухариков, обладающих этим свойством в большей степени’.

Данная экспликация (пояснение) внутренней формы выражения *К пиву нет закуски приятней!* не содержит семантического или логического запрета на существование других сухариков, обладающих свойством ‘быть приятным в качестве закуски к пиву’ в той же высокой степени. Иными словами, с точки зрения внутренней формы спорное выражение следует интерпретировать как **элатив**.

Перейдем к **актуальному значению фразы** [*«Ароматная корочка»*]. *К пиву нет закуски приятней!* Актуальное значение слова — это то, что обычно и называется просто значением или «лингвистическим значением». Фразеосхема *нет X-а Р* [где *Р* определение в сравнительной форме] имеет семантику суперлатива — превосходной степени. Ср. характерные контексты: *В нашей жизни ничего **нет важнее** любви к близким*; «*У нас **нет важнее** сегодня задачи, чем поднять село*», — сказал Александр Лукашенко; ***Нет лучше** времени, чем школьные годы*; *И, потеряв это все, расхаживая в поношенном пиджаке задрюканного философа, скажу — ничего **нет лучше** жизни*. Фраза *У нас **нет важнее** сегодня задачи, чем поднять село* значит ‘поднять село является для нас самой важной задачей’; предложение *В нашей жизни ничего **нет важнее** любви к близким* означает, что ‘самое важное в жизни человека — это любовь к ближним’, фраза ***Нет лучше** времени, чем школьные годы* означает, что ‘самое лучшее время в жизни человека — это школьные годы’. Соответственно, фраза *ничего **нет лучше** жизни* значит ‘жизнь — это самое лучшее’³⁴¹.

³⁴¹ Такой же вывод был в свое время сделан Ю.Д. Апресяном: «Если, например, *самый В-й* = ‘такой В-й, что более В-го не существует’, а *нет* = ‘не существует’, то становится понятно, почему предложение *Нет дела более трудного, чем составления словаря* [рассматриваемая фразеосхема представлена здесь в более развернутом виде, ср. возможное *Составление словаря. Нет дела труднее*. — А.Б.] синонимично предложению *Составление словаря — самое трудное дело*». Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 113.

Хотя внутренняя форма исследуемого выражения не включает наличия сухариков, обладающих свойством ‘быть приятным в качестве закуски к пиву’ в столь же сильной степени, актуальное значение оказывается гиперболизированным, т.е. в актуальном значении выбирается максимальная степень проявления признака, исключая наличие других сухариков с такой же степенью проявления указанного свойства. Таким образом, актуальное значение исследуемого выражения представляет собой результат риторического преобразования — гиперболы, порождающей **суперлатив**.

Как было отмечено выше, имеется и еще один аспект семантики исследуемого выражения — его **прагматическое, или контекстуальное, значение**. В литературе по семантике слов, указывающих на максимальное значение признака (в частности ограничительных частиц типа *только*), неоднократно отмечалось, что предложения типа *Иван смотрит только итальянские фильмы*, *Роман пьет только молоко*, *Валентин не спал всю ночь*, *Виктор курит исключительно Мальборо* не исключают того, что Иван в какой-то момент не мог посмотреть другой, не итальянский фильм, что Роман не пьет воду, что Валентин не мог все же на какой-то краткий период времени уснуть, что Виктор не мог в исключительной ситуации воспользоваться сигаретами другой марки³⁴².

³⁴² Ср. следующие замечания И.М. Богуславского: «Все они [частицы с «ограничительной» семантикой. — А.Б.] обладают одним важным свойством: в естественном языке они употребляются совсем не так строго, как в логическом. <...> Предложение *Я помню только сад* не следует понимать так, будто говорящий всерьез утверждает, что ничего, кроме сада, в его памяти не сохранилось, хотя буквальный смысл этого предложения именно таков». *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985. С. 83–84. Похожим образом ведет себя и союз *или*: в логике ему соответствует дизъюнкция (истинную и тогда, когда верно и *X*, и *Y*), а в естественном языке такое понимание конструкций с *или* хотя и не запрещено, но крайне необычно, см. по этому поводу: *Санников В.З.* Семантика и прагматика союза *или* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985. С. 140. Аналогично условное предложение в естественном языке чаще всего понимается не как импликация, а как эквиваленция: ср. *Если будет хорошая погода, то мы пойдем гулять*. В последнем случае подразумевается, что ‘если плохая, то не пойдем’ — при том, что в случае логической импликации последний вывод неверен.

Это относится и к большинству гипербол: будучи преувеличениями, прагматически они означают лишь значительную степень проявления признака. Рассмотрим характерные примеры с исследуемой фразеосхемой:

- (4) а. Ничего **нет интереснее**, чем рассказывать человеческие истории и через них — что происходило со страной. б. Если [автомобиль нужен] для удовлетворения своих собственных внутренних амбиций — то **нет лучше BMW**. в. Когда тяжелеет затылок и что-то начинает давить, щемить, теснить в груди, не знаешь — сердце это болит или душа, **ничего нет лучше**, как выйти в сад, полный свежей зелени, света и блеска. г. Для России **нет более актуальной, нужной и, главное, многообещающей** национальной идеи, чем идеология конституционализма.

Фактически в приведенных примерах представлены оценки, причем оценки субъективные, тесно связанные как с намерениями говорящего, так и с конкретной ситуацией. В примере (4а) оценка максимальной «интересности» рассказа историй людей, конечно же, носит гиперболический характер — очевидно, что есть и другие, как минимум, не менее интересные дела. Аналогичным образом удовлетворение собственных амбиций для разных людей может достигаться самыми разнообразными способами — вовсе не обязательно через покупку BMW (пример 4б). В примере (4в) условие обретения душевного равновесия, конечно же, не обязательно связывается с прогулкой по саду — это один из хороших способов, но совсем не единственный. Наконец, в последнем примере (4г) исключительная актуальности идеологии конституционализма опять-таки может рассматриваться только как заявка на дискуссию, а вовсе не как истина в последней инстанции.

Смещение семантики превосходной степени в сторону просто ‘высокого качества товара/услуги’, т.е. в сторону элатива, типично для рекламного дискурса. Так, рекламные тексты *Blelnd-a-med. Стоматологи свидетельствуют: лучшей защиты от кариеса не существует, Нет более эффективного и безо-*

*пасного средства, чем детский «Тайленол»*³⁴³ понимаются в контексте рекламы как привычная гипербола, т.е. преувеличение, за которым стоит утверждение о высоком качестве товара. Из сказанного следует, что прагматическое значение исследуемой фразы [*«Ароматная корочка»*]. *К пиву нет закуски приятней!* — это указание на высокие потребительские качества сухариков «Ароматная корочка», не исключающее существование и других сухариков со столь же хорошими потребительскими качествами.

Выбор более сложной — идиоматичной — формы выражения (в частности, рассмотренной фразеосхемы) вместо более простой (обычного суперлатива со словом *самый*) представляет собой усложнение коммуникации, требующее от адресата определенных усилий при понимании. Последнее обеспечивает более эффективное усвоение получаемой информации, основанное на принципе приватизации знания (см. главу 3). Это объясняет довольно широкое использование данной конструкции в рекламной практике.

Проведенный анализ показывает, что существуют конструкции с семантикой значительной степени проявления признака, которые в точном смысле не относятся ни к суперлативу, ни к элативу. По ним должны приниматься отдельные — «штучные» — решения, учитывающие как их актуальное значение, так и особенности внутренней формы и прагматическое значение в конкретном типе дискурса.

³⁴³ См.: *Пирогова Ю.К.* Скрытые и явные сравнения: к вопросу о границах правды и лжи в рекламе // *Рекламный текст. Семиотика и лингвистика.* М., 2000. С. 91.

Глава 5. НЕСТАНДАРТНЫЕ ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕКСТ С НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

В широком понимании текст необязательно должен состоять из слов естественного языка. Иными словами, текст не обязательно результат, продукт деятельности языка как системы. Даже если не говорить о таком широком понимании текста, как мира, восходящем к И. Канту, текстом часто считается результат функционирования любого семиозиса — семиотической системы или комплекса связанных между собой семиотических систем. Хотя в прототипическом понимании хочется считать текстом только семантически связную последовательность высказываний, объединенную каким-то общим содержанием, реально то, что мы готовы назвать текстом, очень часто включает такие компоненты, которые не имеют ничего общего со словами и предложениями. Это могут быть рисунки, фотографии, диаграммы, таблицы и т.д. Кроме того, опасность подстерегает сторонника узкого понимания текста (как чисто вербального) и с другой стороны: буквы также представляют собой изображения, а стилистически однородная совокупность букв-изображений формирует гарнитуру. Между тем известно, что различные гарнитуры обладают своей ореольной семантикой³⁴⁴. Иными словами, письменный текст всегда включает невербальную смысловую составляющую — пусть и весьма неопределенную. Даже если отвлечься от письменного текста, то и голос человека — бас, баритон, тенор и пр. — несвободен от семантических ассоциаций³⁴⁵, да и звучащая речь имеет план выражения, форму — совокупность сложно организованных звуковых волн.

В современной лингвистике текст понимается преимущественно в широком смысле, что в целом соответствует семио-

³⁴⁴ См. по этому поводу, в частности: *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемике // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989.

³⁴⁵ См. уже упоминавшуюся книгу о семантике голоса: *Сомова Е.Г.* «Я увидел это по радио» (звуковая метафора в радиоречи). Краснодар, 2002.

тическому подходу. В одном из определений текст соотносится с «объединенной смысловой связью последовательностью знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность»³⁴⁶. Кроме того, под текстом понимается «осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в т.ч. обряд, танец, ритуал»³⁴⁷. Знак может быть как вербальным, так и невербальным³⁴⁸. Таким образом, совокупность вербальных и невербальных знаков может быть текстом, если эти знаки объединены смысловой связью и составляют единое целое.

Печатный текст по большей части (а если учесть семантику шрифта, то всегда) представляет собой органичное соединение вербального и невербального. Очень часто изображение оказывается частью вербального текста, дополняя и уточняя его. Выше уже были разобраны примеры использования изображения для введения примера к тезису аргументации — для экземплификации (см. разделы 12.2, 12.5 главы 3). Здесь рассматриваются еще два способа речевого воздействия, основывающиеся на эксплуатации визуальной составляющей текста, которые дополняют классификацию приемов речевого воздействия, предложенную в главе 3. Кроме того, в настоящей главе обсуждаются сложные случаи интерпретации семантики и прагматики вербальной составляющей текста, определяемые его невербальным, визуальным компонентом.

§ 1. Визуальная персонификация как прием управления пониманием

Основные приемы речевого воздействия и управления пониманием были рассмотрены выше в главе 3. Многие из них основываются на сочетании визуальной и вербальной составляющей текста. В частности, визуальная часть текста — изоб-

³⁴⁶ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, словарная статья термина «текст», с. 507.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ О невербальных — визуальных — кодах см., напр.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998. С. 121 и далее.

ражение, фотография и т.д. — часто используется для приведения примера в аргументации (для экземплификации). Рассмотрим здесь пример управления пониманием, в котором визуальная часть превалирует. Это случай, когда фотография или другое изображение человека иллюстрируется текстом статьи или интервью, т.е. речь идет о **визуальной персонификации**³⁴⁹. Использование такого приема воздействия позволяет прямо или косвенно перенести на данное лицо положительную или отрицательную информацию, которая сообщается в соответствующей публикации. Сущность этого приема можно определить следующим образом:

Визуальная персонификация представляет собой прием управления пониманием и онтологизации знания, основывающийся на сочетании изображения человека с текстом, в котором так или иначе упоминается данное лицо, и который позволяет связать с этим человеком позитивные или негативные характеристики обсуждаемых в тексте событий и их участников, перенеся на него часть ответственности за эти события.

Типичный пример визуальной персонификации представлен в деле о статье, в которой содержалась негативная информация о деятельности банка «Плацдарм». Эта публикация предварялась фотографией президента этого банка Л. Баркасова. Возник вопрос о существовании смысловой связи между фотографией президента банка и содержанием самой статьи, а также о том, наносит ли ущерб деловой репутации Л. Баркасова помещение его фотографии в начале спорной статьи.

Фотография к статье — это иллюстративный материал. Как известно, иллюстративная часть текста в книге и печатных СМИ не является полностью автономной и всегда дополняет, объясняет или комментирует содержание публикации. Так, в энциклопедическом словаре «Книговедение» подчеркивается, что иллюстрация «является восполнением текста, словесной информации», что она может быть «объективным,

³⁴⁹ Исследование приемов воздействия такого типа в рекламе и теории пропаганды см., напр.: *Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В., Байбакова В.Б.* Политическая реклама. М., 1999.

точным истолкованием текста», а с другой стороны — «преследовать самые различные цели его видоизменения, подчеркивать желательные или нежелательные его черты»³⁵⁰. Иными словами, в любом случае иллюстративный компонент текста связан с его содержанием. Особенно очевидной такая связь оказывается в газетах: иллюстрации, будучи составной частью оформления газетного текста, используются для того, чтобы «в <...> удобочитаемом виде донести до читателя содержание Г<а-зеты>, выделить главное»³⁵¹.

Именно такую функцию выполняет и фотография президента банка «Плацдарм» Л. Баркасова в начале спорной статьи. С точки зрения оформления фотография помещена под заголовком статьи и открывает ее первую колонку. Непосредственно под фотографией помещен следующий текст: *Президент банка «Плацдарм» Леонид Баркасов, судя по всему, ничего не знает о расследовании, проводимом правоохранительными органами.* От текста статьи фотография отделена тонкой плашкой, идентичной по силе выделения плашкам, разделяющим колонки публикации. Выбранный способ подачи иллюстрации, с одной стороны, связывает фотографию со всей статьей — за счет горизонтальной разделительной плашки, а с другой — с началом текста статьи. Последний эффект возникает потому, что фотография «вверстана» в начало первой колонки текста, а не дана над несколькими колонками, как, например, заголовок.

Смысловая связь фотографии и текста публикации подерживается не только самим оформлением, но и содержанием: в статье речь идет о банке «Плацдарм», а на фотографии изображен его президент. На смысловую связь с текстом статьи указывает и фраза, помещенная непосредственно под фотографией: *Президент банка «Плацдарм» Леонид Баркасов, судя по всему, ничего не знает о расследовании, проводимом правоохранительными органами.*

Таким образом, фотография Л. Баркасова, помещенная в начале статьи, связана по смыслу с ее содержанием.

При решении вопроса о том, наносит ли ущерб деловой репутации Л. Баркасова помещение его фотографии в начале упомянутой статьи, следует в целом оценить направленность

³⁵⁰ См.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981. С. 205–206.

³⁵¹ Там же. С. 126.

обсуждаемой публикации, в частности имеется ли в публикации негативная информация о Л. Баркасове и/или о деятельности возглавляемого им банка. Анализ показывает, что рассматриваемая статья относится к жанру «журналистского расследования», для которого характерно выявление скрытых и не всегда законных действий отдельных лиц, партий, организаций, хозяйствующих субъектов и т.д. В данном случае распространяются сведения о том, что банк «Плацдарм» участвует в операциях по вывозу капитала (рубрика, под которой опубликована статья, так и называется «вывоз капитала»), причем законность этих операций в статье ставится под сомнение. Как показывает изучение текста, в статье приводятся сведения о том, что против руководства банка «Плацдарм» и против Л. Баркасова возбуждены уголовные дела в связи с уклонением от налогов. Помещение фотографии Л. Баркасова в начале статьи создает такой смысловой эффект, при котором читатель приписывает Баркасову всю негативную информацию, содержащуюся в тексте, причем это относится как к тем сведениям, которые распространяются о нем, так и обо всем банке в целом. Иными словами, используется прием визуальной персонификации.

С точки зрения структуры текста визуальная персонификация тесно связана в рассматриваемом случае с классической последовательностью развертывания сюжета «завязка — развитие сюжета — развязка». Заголовок статьи «Орловские бомжи ворочали миллионами долларов, сами о том не догадываясь» вместе с фотографией Л. Баркасова образуют завязку. Завязка как структурный элемент сюжета осложнена подписью: *Президент банка «Плацдарм» Леонид Баркасов, судя по всему, ничего не знает о расследовании, проводимом правоохранительными органами.* Читатель ожидает в развитии сюжета и развязке получить объяснение появлению фотографии и подписи. Действительно, естественно предполагать, что опубликованный в газете текст осмыслен, следовательно, читатель ищет в нем комментарии к интриге. Он обнаруживает, во-первых, описание уголовного расследования, возбужденного относительно банка «Плацдарм», его руководства (и президента в частности) и, во-вторых, описание каких-то явно противозаконных действий других лиц и организаций, которые в статье связываются с деятельностью банка «Плацдарм».

Первый вывод, который делает читатель, — это некомпетентность президента банка «Плацдарм» Л. Баркасова, который не знает, что в отношении его банка (и его самого) ведется уголовное расследование. Второй вывод, который сделает читатель: президент банка «Плацдарм» Л. Баркасова отлично все знает, но делает вид, что не знает, поскольку не хочет ничего объяснять общественности. И в первом и во втором случае наносится ущерб деловой репутации Л. Баркасова.

Таким образом, если негативная информация о Л. Баркасове и деятельности банка «Плацдарм» не соответствует действительности, то сам факт помещения фотографии Л. Баркасова в начале данной статьи наносит ущерб его деловой репутации и может служить основой иска по ст. 152 ГК РФ.

§ 2. Визуальная верификация знания

Как известно, наибольшая часть информации поступает человеку по визуальному каналу восприятия. Именно поэтому человек склонен в большей степени доверять увиденному, чем услышанному. Эта особенность верификации знания лежит в основе приема речевого воздействия.

Прием визуальной верификации знания заключается в использовании изображения (фотографии, рисунка и т.д.) одного или нескольких актантов обсуждаемой ситуации (человека, объекта) для придания достоверности утверждениям об этой ситуации, которые содержатся в тексте.

Разумеется, далеко не всегда иллюстративный материал в публикации играет роль инструмента речевого воздействия в указанном выше понимании. Часто фотография — это просто **способ управления вниманием и соответственно пониманием**. Именно в этом случае понятие приема речевого воздействия и способа управления пониманием не совпадают. Иллюстративный материал значительно чаще используется как инструмент привлечения внимания (ср. англ. термин *eye-stopper* — «способ остановить взгляд»). Кроме того, сама внутренняя форма термина «иллюстративный материал» указывает на еще

одну важную функцию — иллюстративную, поясняющую. Таким образом, прием визуальной верификации знания нельзя рассматривать как корректный способ управления пониманием — он используется намеренно и с осознанием того, что, усиливая достоверность текста виртуально, он отнюдь не усиливает ее реально.

Типичный пример использования визуальной верификации представлен, например, в уже обсуждавшейся статье ««Драг-Центр-Торг» отходит на окраины». В этой публикации фотография в сочетании с текстом используется для придания правдоподобия содержанию текста — тезису о том, что «Драг-Центр-Торг» из-за неуспешности бизнеса вынужден продавать свои магазины в центре города. На фотографии представлен один из магазинов «Драг-Центр-Торг», находящийся, судя по виду, в историческом центре Москвы. Дом, в котором расположен магазин, выглядит весьма солидно и по архитектурным формам, напоминающим стиль модерн, относится к началу XX в. Это иллюстрация того, что теряет «Драг-Центр-Торг» — респектабельный центр Москвы, богатых покупателей и т.д. Фотография весьма косвенно связана с содержанием, однако сам факт ее появления добавляет достоверности основному тезису публикации.

§ 3. *Знай наших!* — выражение чувства удовлетворения и законной гордости или призыв к просвещению?

Разбираемый пример относится к экспертизам товарных знаков — области, в которой нет мелочей, или области, в которой любая мелочь может стать существенной.

Суть дела заключалась в следующем. На банке напитка «Fruttola» была помещена фраза *знай наших*. Претензия заключалась в том, что эта фраза была ранее закреплена как слоган в составе сложного товарного знака другого производителя, причем именно в функции фразеологизма³⁵². Между тем выражение *знай наших* может использоваться не только как фразеологизм в значении ‘выражение говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак

³⁵² Экспертиза проводилась автором совместно с О.М. Грунченко.

превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет’, но и как свободное словосочетание — императив-рекомендация, коммуникативная цель которого заключается в том, чтобы рекомендовать адресату пополнить свои знания о конкретной группе лиц, с которыми говорящий себя отождествляет. Для того чтобы определить, в какой функции использовано спорное выражение, следовало рассмотреть функцию фразы *знай наших* в более широком контексте. Следовательно, надо было, во-первых, определить, можно ли рассматривать сочетание изображения и следующих фраз: *знай наших, собери команду!* и информацию о футболисте Викторе Бухайло, помещенных на банке, как текст. И после этого уже дать ответ на вопрос, в каком значении употреблено выражение *знай наших*.

Экспертизы по товарным знакам, как правило, начинаются со словесного описания объекта исследования. В рассматриваемом случае объект исследования состоит из металлической банки и нанесенной на нее этикетки. Банка имеет вид металлического цилиндра с технологическим сужением к доньшку и к крышке. Сужения симметричны. На условной передней части банки, чуть ниже середины помещена фотография футболиста В. Бухайло. Фотография обрамлена светлым ореолом, постепенно переходящим в фоновый красный цвет банки. Под фотографией располагается текст «ЗНАЙ НАШИХ», набранный одной из типовых рубленых заголовочных гарнитур и дополнительно выделенный курсивом. Непосредственно над фотографией расположен товарный знак «Fruttola», причем фотография В. Бухайло находится под первым словом товарного знака. Правее от фотографии, под вторым словом товарного знака размещены следующие фразы:

Виктор Бухайло [крупный кегль, полужирный шрифт, курсив]

Амплуа: Защитник [полужирный шрифт, курсив]

Дата рождения: 14.10.69 [полужирный шрифт, курсив]

Клуб: «Овьедо» Испания [полужирный шрифт, курсив]

Игр за сборную России: 93 [полужирный шрифт, курсив]

Ниже приводится личная подпись футболиста. Чуть правее от подписи и под нею находится стилизованное изображение летящего футбольного мяча. Полет мяча передает белая неровная полоса, начинающаяся под текстом «ЗНАЙ НАШИХ» и

обрамляющая мяч. Полоса утончается от начала к середине этикетки (к концу текста «ЗНАЙ НАШИХ») и утолщается по мере приближения к мячу.

На технологическом сужении банки, находящемся ближе к крышке, над товарным знаком находится фраза «СОБЕРИ КОМАНДУ!», набранная гарнитурой, аналогичной гарнитуре выражения «ЗНАЙ НАШИХ» и имеющей такие же выделения — крупный заголовочный кегль, курсив.

Этикетка с правой стороны ограничена изображением товарного знака «Fruttola», помещенного вертикально во всю длину цилиндра банки³⁵³.

Этикетка на исследуемой банке напитка «Fruttola» представляет собой единую композицию, образованную фразами, графическим оформлением фраз и изображением (фотографией футболиста, летящим мячом). На это указывают следующие факторы.

Во-первых, товарный знак, фотография, изображение мяча и фразы **равновесны** (сбалансированы). Товарный знак на этикетке сбалансирован изображением летящего мяча. Фотография сбалансирована последовательностью выражений «Виктор Бухайло / Амплуа: Защитник...». Фраза на сужении банки «СОБЕРИ КОМАНДУ!» сбалансирована фразой «ЗНАЙ НАШИХ». Визуально между компонентами этикетки отсутствуют значительные пустоты.

Во-вторых, компоненты этикетки **соразмерны**, т.е. в них повторяются общие компоненты, которые позволяют зрителю установить единство целого. К общим повторяющимся компонентам следует отнести сходство в оформлении фраз (общие гарнитуры и способы выделения для фрагментов «СОБЕРИ КОМАНДУ!» и «ЗНАЙ НАШИХ»).

В-третьих, компоненты этикетки **соподчинены**, будучи связаны близкими смысловыми функциями — информационно-познавательной (иллюстративной) и рекламной. Все компоненты этикетки так или иначе связаны с этими функциями: фотография дает визуальное представление о футболисте, последовательность фраз справа от фотографии выполняет информационную функцию, стилизованное изображение мяча является визуальным знаком общей темы этикетки, то-

³⁵³ Фотографии банки представлены в Приложении 3.

варный знак «Fruttola» идентифицирует продукт, а фразы «ЗНАЙ НАШИХ» и «СОБЕРИ КОМАНДУ!» представляют, соответственно, информационно-познавательную («ЗНАЙ НАШИХ» — информировать покупателя о составе сборной России по футболу) и рекламную функцию («СОБЕРИ КОМАНДУ!» — призыв купить аналогичный продукт с изображением других членов команды).

Равновесность, соразмерность и соподчиненность компонентов этикетки указывают на единое композиционное решение и позволяет рассматривать этикетку как единое целое³⁵⁴.

В начале данной главы отмечалось, что в современной лингвистической теории текст рассматривается как сложное образование, состоящее из вербальных и невербальных элементов. Совокупность вербальных и невербальных знаков может быть текстом, если эти знаки объединены смысловой связью и составляют единое целое. Как было показано выше, компоненты этикетки — как фрагменты текстов, так и образные составляющие — представляют собой единое целое, которое объединено информационно-познавательной (иллюстративной) и рекламной функциями. Следовательно, изображения и фразы «ЗНАЙ НАШИХ» и «СОБЕРИ КОМАНДУ!» на этикетке исследуемой банки напитка «Fruttola» представляют собой единый текст в широком, семиотическом, понимании.

Выражение *знай наших* может функционировать в языке как свободное глагольное словосочетание или как фразеологизм. В первом случае значение словосочетания выводится из прямых значений слов, которые его образуют, во втором — все выражение приобретает целостное фразеологическое значение, т.е. значение, которое не выводится из простой суммы прямых значений составляющих его слов. Для того чтобы определить, какое именно употребление имеет место в обсуждаемом примере, рассмотрим подробнее выражение *знай наших* как фразеологизм и как свободное сочетание слов в их прямых значениях.

При определении функционирования какого-то выражения как фразеологизма или как свободного словосочетания

³⁵⁴ См. по этому поводу: Гончарова Н.А. Композиция и архитектура книги // Книга как художественный предмет. М., 1990. С. 303 и далее.

учет контекста и ситуации общения, как правило, оказывается решающим — за исключением случаев создания намеренной (например, игровой) многозначности. Например: фраза *Держи карман шире!* — ‘выражение несогласия с предположением или утверждением собеседника о том, что ожидания относительно кого-л./чего-л. оправдались, в форме притворного предложения получше приготовиться к получению материального ресурса, для чего, впрочем, нет никаких оснований’ утрачивает значение фразеологизма в контексте *Держи карман шире, я тебе семечек насыплю*. Или: *закройте рот* в значении ‘замолчите’ утрачивает фразеологическое значение, если адресована врачом-стоматологом пациенту, находящемуся в момент речи в зубоврачебном кресле.

Фразеологизм *Знай наших!* толкуется во Фразеологическом словаре под редакцией А.И. Молоткова следующим образом: ‘Вот мы какие, вот с кем имеете дело. Выражение чувства удовлетворения, гордости или самодовольства; похвальба, бахвальство’³⁵⁵. Во фразеологическом словаре Р.И. Яранцева его значение определяется как: ‘Выражение похвалы, бахвальства <...>, как правило, после успешно законченного дела, победы, какого-л. успеха’³⁵⁶.

Очевидно, что существенным при употреблении этого фразеологизма в речи является идея ‘выражения говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет’, ср. примеры следующего типа:

- (1) Мы слушали музыку Шнитке. Директор присоединился к нам, а когда музыка смолкла, он со слезами умиления произнес фразу, впоследствии ставшую в нашей компании крылатой: «Ну, чем не Вивальди?» И понимающе подмигнул: мол, **знай наших!** *Искусство кино*.
- (2) Встретив меня, тётя Таля засуетилась, но больше уж руками да языком, ноги худо действовали, однако стопку водки в полстакана объёмом хлопнула в честь гостя и

³⁵⁵ См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994.

³⁵⁶ См.: Яранцев Р.И. Русская фразеология. М., 1997.

поцеловала доньшко с закоренелой лихостью: **«Знай наших!»** В. Астафьев.

- (3) Вообразил: Колька идет по томилинскому детдому, а на поясе у него, словно гранаты-лимонки, кочаны кукурузные висят! И папаха на затылке! **Знай наших!** С гор вернулись. А. Приставкин.

В близкой функции обсуждаемое выражение используется в качестве заголовков газетных заметок, названий рубрик, конкурсов и пр. Ср. (4)–(6):

- (4) **ЗНАЙ НАШИХ** 10 тысяч американцев и даже дочку президента Перу в 25-м марафоне Нью-Йорка победила наша соотечественница Людмила Петрова. Марафонцы пробежали 26,2 мили, что и составляет марафонские 42 км, по Бруклинскому мосту и по всем пяти районам Нью-Йорка. *Огонек*.
- (5) **ЗНАЙ НАШИХ!** Европа рукоплещет депутату чувашского парламента! В немецком Мюнхене завершился чемпионат Европы по легкой атлетике. На эти престижные соревнования собрались лучшие спортсмены континента. Среди них были и пятеро представителей Чувашии. О ходе чемпионата в течение всей прошлой недели широко информировали все средства массовой информации. Наша знаменитая на весь мир Елена Николаева — депутат Государственного Совета Чувашской Республики третьего созыва. http://www.gs.chuvashia.com/republic/2002_59
- (6) В кинотеатре «Родина» со 2 по 10 января пройдет увлекательный кинопраздник **«Знай наших»**. Юные зрители увидят состязания любимых героев из русских киносказок и боевиков. *Санкт-Петербургские Ведомости*.

В приведенных выше примерах контекст актуализует фразеологическое значение выражения *знай наших* при помощи соответствующих лексических средств: фразой *Ну, чем не Вивальди?* — в примере (1); выражением *с закоренелой лихостью* — в примере (2); фразой *И папаха на затылке!* — в примере (3) и т.д. В анализируемом же случае интерпретация выражения *знай наших* как фразеологизма не поддерживается семантикой контекста.

Отсюда следует, что на рассматриваемой этикетке выражение *знай наших* используется в прямом значении. Значение свободного словосочетания непротиворечиво согласуется с другими частями текста на этикетке, в частности с фразой *Собери команду!*

На прямое значение выражения *знай наших* указывает также употребление формы повелительного наклонения глагола *знай* в значении 'сделай так, чтобы иметь сведения о ком-либо, чем-либо', что мотивировано наличием на этикетке сведений, которые могут явиться новыми для потребителя. Предполагается, что потребитель, возможно, не знает ничего или почти ничего о составе сборной России по футболу и биографиях ее игроков, а так как данная информация представляется автору сообщения (в данном случае этикетки) важной, он предоставляет ее потребителю для ознакомления. Новые сведения, присутствующие в анализируемом тексте, четко структурированы, разбиты на смысловые блоки: образительные — летящий мяч, который позволяет определить вид спорта (речь идет не о шахматах или биатлоне), портрет футболиста в форме (род занятий данного человека — не бизнес или искусство), подпись футболиста; а также вербальные компоненты — фамилия и имя футболиста, его дата рождения, амплуа, клуб, количество матчей, сыгранных за сборную России. Как можно предположить, рекламная стратегия предполагала подготовку этикеток с соответствующими блоками для каждого из игроков сборной России. В совокупности эти этикетки, стимулируя покупку напитка, одновременно позволяли составить целостное представление о сборной: возрасте игроков, количестве игр, проведенных каждым из них за сборную России, иностранных и отечественных клубах, в которых спортсмены играют в данный момент и т.д.

Использование местоимения *наши* в значении «соотечественники» также находит подтверждение в тексте: речь идет об игроках сборной России, а не какой-то другой страны³⁵⁷.

Кроме того, на этикетке фраза *знай наших* сопоставлена с фрагментом текста *Собери команду!*, так как, во-первых, оба текстовых фрагмента сходно оформлены графически (общие

³⁵⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

гарнитуры и способы выделения — см. выше); во-вторых, эти фразы соподчинены по смыслу. Первая фраза *Собери команду!* представляет собой повелительное предложение со значением ‘покупай напиток в банках (рекламная функция) с изображением других членов сборной команды России по футболу’. В этом контексте последующая фраза *Знай наших* (информационно-познавательная функция) интерпретируется не как фразеологизм, как свободная последовательность слов в прямых значениях: ‘Узнай всех членов нашей сборной по футболу’ или ‘познакомься со всеми членами нашей сборной по футболу’.

Разумеется, нельзя исключить и возможность использования языковой игры, когда на прямое значение обсуждаемого выражения накладывается еще и идиоматическое — ‘выражение говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет’. Однако, учитывая результаты выступления российской команды в чемпионате мира по футболу 2003 г., это вряд ли релевантно, — ни о каком превосходстве не может быть и речи.

Таким образом, проведенное исследование показало, что изображение и текст на этикетке банки представляют собой единое целое. Изобразительная (невербальная) часть этикетки и ее вербальная часть — фразы *Знай наших* и *Собери команду!* — являются единым текстом в семиотическом понимании, который имеет рекламную и информационно-познавательную функции. Фраза *знай наших* на этикетке использована в прямом значении, а не в значении фразеологизма, т.е. имеет в контексте семантику ‘сделай так, чтобы узнать всех членов сборной России по футболу’ или ‘познакомься со всеми членами сборной России по футболу’.

§ 4. Метафора похорон и кощунство

Невербальная, визуальная метафора в сочетании с вербальным текстом часто используется в СМИ для создания игровой ситуации, в рамках которой негативная информация о том или ином лице — физическом или юридическом — теряет остроту, становится менее серьезной, будучи перенесенной из реального мира в другое концептуальное измерение. Имен-

но поэтому адекватным ответом на игру будет такая же игра, на насмешку — ответная насмешка, на смеховую издевку — ответный издевательский смех. Борьба со смехом обычными средствами, как правило, не приносит желаемого результата.

В газете «Шатурский Вестник» (№ 25 (333) от 28 июня 2002 г.) появляется публикация, первая страница которой представляет собой коллаж: изображение надгробной доски с фотографией одного из местных чиновников А.А. Парвицкого и текстом «Они похоронили снижение цен на коммунальные услуги». На стилизованной надгробной доске упомянуты фамилии и других чиновников. А.А. Парвицкий обращается в суд с иском о том, что в публикации распространены сведения о его смерти, причем в кощунственной форме. В исковом заявлении спорный коллаж назван «оскорбительным» («оскорбительная публикация», «оскорбительный снимок», «за эту оскорбительную и безнравственную публикацию»), а ответчик обвиняется в том, что он «в неприличной форме» унижил честь и достоинства истца. Иными словами, речь идет о ст. 130 УК РФ. В лингвистической экспертизе предполагалось установить, распространены ли в спорном коллаже сведения о смерти А.А. Парвицкого и если да, поданы ли они в кощунственной форме.

Действительно, статья открывается полосой, на которой представлен коллаж, сочетающий изображение (рисунок, фотографию) и текст. На рисунке передан в прямой проекции плоский прямоугольный объект, по некоторым признакам напоминающий табличку, устанавливаемую на надгробных сооружениях или на стене колумбария. В центре рисунка, чуть ближе к верхнему краю, помещена фотография мужчины в костюме с галстуком, помещенная в овальную рамку. Над фотографией размещен текст: «Они похоронили снижение цен на коммунальные услуги». Текст набран прописными буквами. Под фотографией находится текст «Парвицкий Аркадий Аркадьевич 20 июня 2002 года». Текст разделен на три строки (фамилия, имя и отчество, дата). Слева внизу в две колонки перечислено 11 фамилий. Справа внизу находится текст «Вечная память», набранный заглавными буквами, полужирным шрифтом и крупным кеглем; чуть ниже приводится текст «от благодарных шатурян», также набранный заглавными буквами. Все тексты набраны рубленой гарнитурой с варьированием

кегля и использованием различных способов графического выделения (прописные — строчные буквы; размер кегля; жирность). Плоский объект, напоминающий надгробную доску, играет роль темного фона. В качестве выделяемой части фигурирует фотография мужчины в овальной рамке и фрагменты текста³⁵⁸.

Плоский прямоугольный объект, представленный в коллаже, обладает сходством с табличкой, устанавливаемой на надгробных сооружениях или на стене колумбария. На это указывают некоторые свойства изобразительного и графического характера, общие для подобного рода табличек и изображенного плоского объекта. К таковым свойствам можно отнести следующие:

1. Воспроизведение огранки, характерной для надгробной таблички, по краям прямоугольного объекта.
2. Изображения головок четырех шурупов в углах прямоугольного объекта, с помощью которых табличка крепится к надгробному сооружению (памятнику).
3. Размещение фотографии мужчины в овальной рамке, являющееся стандартом для фотографий усопшего на керамической подложке, прикрепляемых на таблички того типа, который напоминает изображение на коллаже.
4. Текст под овальной фотографией — фамилия, имя и отчество.
5. Выражение «Вечная память», представляющее собой стандартную формулу христианского ритуала погребения и часто воспроизводимую на надгробных сооружениях.

Плоский прямоугольный объект имеет, однако, и такие характеристики, которые явно отличают его от надгробной доски или таблички. К ним относятся следующие свойства:

6. Указание лишь одной даты под фотографией в овальной рамке, тогда как в нормальном случае на над-

³⁵⁸ Последующий материал основывается на заключении, написанном совместно с П.Б. Паршиным.

гробной доске (табличке) приводятся две даты: дата рождения и дата смерти, причем чаще всего в некотором специальном формате, который является указанием на то, что приведенные две даты следует рассматривать именно как даты жизни погребенного. В тех случаях, когда одна или обе даты остаются неизвестными, об этом обычно специально упоминается на надгробной доске (табличке). Указание одной лишь даты смерти характерно лишь для краткого некролога, которым рассматриваемый коллаж не является ни по каким признакам.

7. Наличие одиннадцати фамилий в левом нижнем углу плоского прямоугольного объекта. Можно было бы считать, что это братская могила, однако выделение одного из умерших как главного, а прочих — как второстепенных вряд ли можно считать нормальным для российской традиции погребения усопших.
8. Отсутствие какой-либо символики, характерной для надгробных сооружений или табличек (например, отсутствует изображение креста или его нерелигиозных аналогов — звезды и пр.).
9. Наличие в самой верхней части представленного на коллаже объекта и, что существенно, **над** овальной фотографией мужчины, текста «Они похоронили снижение цен на коммунальные услуги». Из этого текста следует, что объектом погребения, понимаемого в переносном смысле ('предание забвению'³⁵⁹), было снижение цен на коммунальные услуги, а теми лицами, к которым относится местоимение «они» и которые осуществили погребение, естественно считать людей, перечисленных ниже поименно. Это объясняет наличие более чем одной фамилии на коллаже, расположение фамилий под сообщением о действии, произведенном носителями этих фамилий, а также выделение одной из фамилий по принципу наибольшей ответственности и/или наиболее активного участия в совершенном действии. В противном случае остается

³⁵⁹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

непонятным, к чему относится местоимение «они». Таким образом, содержание текста полностью противоречит интерпретации плоского прямоугольного объекта как надгробной доски (таблички) кого-либо из перечисленных на ней лиц; напротив, оно содержит указания на то, что данный объект может рассматриваться как метафорическое надгробие реформы ЖКХ.

10. Многозначность формулы «Вечная память», которая в переносном смысле может относиться к реформе ЖКХ. Знакомство с последующим текстом, со статьей «Жилищно-коммунальная реформа не пройдет» приводит читателя к однозначному выводу, что имеется в виду именно это понимание.
11. Общий контекст газетного номера: в частности центральный по значимости заголовок на первой полосе, предшествующий даже названию газеты: «Жилищно-коммунальная реформа не пройдет», который отсылает читателя к статье с одноименным названием.

Таким образом, можно констатировать, что на анализируемой полосе имеются противоречащие друг другу факторы: с одной стороны, имея в виду свойства 1–5, читатель может сделать вывод о том, что А.А. Парвицкий умер, а плоский объект прямоугольной формы — надгробная табличка (доска) на его могиле. С другой стороны, свойства 6–11 с определенностью указывают на то, что о смерти А.А. Парвицкого речи не идет и что на первой полосе представлен не снимок надгробного сооружения, а коллаж, цель которого состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя к главной теме номера — обсуждению в местном Совете депутатов проблем жилищно-коммунальной реформы. С целью привлечения внимания авторами публикации были использован прием, хорошо известный в рекламной практике — так называемый «триггер», или «ай-стоппер» (англ. *eye-stopper*, «способ остановить взгляд»). В качестве такой яркой, «цепляющей взгляд» детали сообщения иногда выступает и нечто такое, что может вообще не иметь никакого отношения к теме сообщения³⁶⁰. Все то, что от-

³⁶⁰ См. об этом, напр.: Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 2003. С. 266.

носится к смертям, в особенности смертям известных лиц, в повседневной жизни практически всегда выполняет функцию такого «триггера».

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *сведения* в интересующем нас значении — это ‘известия, сообщения’³⁶¹. Очевидно, что в точном смысле исследуемая первая полоса газеты «Шатурский Вестник» не содержит ни известий, ни сообщений о факте смерти А.А. Парвицкого. Можно, однако, говорить о том, что информация о смерти А.А. Парвицкого представлена на полосе в скрытой, неявной (имплицитной) форме. В этом случае речь идет о тех выводах, которые может сделать читатель при беглом взгляде на первую полосу газеты. Однако эти выводы противоречат факторам, перечисленным выше в пунктах 6–11. Принципиально важно, что эти последние факторы являются более существенными, чем факторы 1–5, поскольку та часть информации, которая представлена в 6–11, является явной, эксплицитной. В первую очередь это касается фактора 10: текст *Они похоронили снижение цен на коммунальные услуги* в явном виде содержит сведения, информацию о том, что в газете речь идет об отказе властей снизить цены на коммунальные услуги.

Таким образом, в коллаже на первой полосе газеты «Шатурский Вестник» (№ 25 (333) от 28 июня 2002 г.) имеется информация, которая при беглом взгляде на коллаж может послужить основанием для ошибочного вывода о смерти А.А. Парвицкого. Эта информация, однако, не является явным, эксплицитным утверждением о смерти указанного лица. При сколько-нибудь внимательном рассмотрении коллажа и тем более при знакомстве с той статьей, к которой он отсылает, становится очевидной ошибочность первоначального вывода. Признанию его истинным противоречат не только особенности изображения, но и текст коллажа, который не может быть правильно понят (не может быть установлено, к кому относится местоимение «они») без осознания того, что перечисленные в коллаже лица, в том числе и А.А. Парвицкий, являются субъектами некоторого метафорического похоронного процесса. Кроме того, исследованный коллаж содер-

³⁶¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

жит сведения об отказе властей — и в частности А.А. Парвицкого — снизить цены на коммунальные услуги. Поскольку первая информация (о смерти Парвицкого) является имплицитной, получаемой путем вывода, ошибочность которого при знакомстве с текстом коллажа сразу же становится очевидной, а вторая (об отказе властей снизить цены на услуги) — явной, то она более значима для общего понимания коллажа. Иными словами, скрытая информация о смерти Парвицкого однозначно понимается как игровой прием привлечения внимания к публикации и визуального развития метафоры похорон жилищно-коммунальной реформы.

Вторая часть экспертного исследования должна ответить на вопрос о том, подана ли имплицитная информация о смерти А.А. Парвицкого в кощунственной форме. Если некто, зная о том, что какой-то человек жив, сообщает другим лицам о его смерти (пусть даже в скрытой, неявной форме), это может затрагивать религиозные чувства лица, объявленного умершим, и его близких, наносит ему моральный ущерб и, конечно, это противоречит моральным нормам общества. Поскольку религиозные и моральные нормы — это то, что почитается в обществе, то информацию о смерти живого человека уместно рассматривать как кощунство. Ср. определение *кощунства* как 'глумления, надругательства над кем-чем-н. почитаемым, над святыней'³⁶².

Рассматриваемый случай не подпадает, однако, под сформулированное общее правило. Для оценки с данной точки зрения анализируемого коллажа следует обратиться к общему контексту его использования в газете.

Противоречия в интерпретации (понимании) первой полосы обсуждаемого выпуска газеты «Шатурский Вестник» указывают на то, что в основе используемого в коллаже приема привлечения внимания читателя лежит игра. Это связано с тем, что одним из типичных приемов формирования игровой ситуации оказывается создание многозначности — вплоть до противоречия³⁶³. Понимание игры как важнейшего способа ос-

³⁶² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³⁶³ См. по этому поводу, напр.: Баранов А.Н. Язык как игра: жаргон и превращенная реальность // И. Юганов, Ф. Юганова. Русский жаргон 1960–90-х годов: Опыт словаря. М., 1994.

мысления и интерпретации человеком действительности и формирования культуры обосновывается Й. Хейзингой в его фундаментальном труде «Человек играющий»³⁶⁴. Игра — типичный прием привлечения внимания к той или иной обсуждаемой проблеме в современных СМИ. Широко используется игра и в рекламе, поскольку, по формулировке крупнейшего современного специалиста по семиотике У. Эко, «объявление тем больше привлекает внимание, чем больше нарушает принятые коммуникативные нормы, перестраивая таким образом систему риторических ожиданий»³⁶⁵. Нарушение коммуникативных норм (принципов общения), однако, не обязательно влечет за собой нарушение моральных норм или религиозных установлений.

Как известно, игра оказывается важнейшей частью такого сложного феномена народной культуры, как карнавал. Во время карнавала снимаются многие культурные и религиозные запреты и это происходит во многом благодаря игре, поскольку по своему содержанию и функции игра противопоставлена реальности и выводит за рамки этических оценок многие формы обычно табуированного поведения (ср. по этому поводу исследование карнавала как феномена культуры в работах М.М. Бахтина³⁶⁶).

В рассматриваемом случае мы также имеем дело с игрой, и в силу сказанного анализируемый коллаж, хотя он и способен инициировать ошибочный вывод о смерти А.А. Парвицкого, не может рассматриваться как кошунство: читатель по очевидным противоречиям между факторами 1–5 и 6–11 сразу осознает игровую сущность выбранного приема подачи информации. Сказанное можно перефразировать неформально следующим образом: вряд ли можно предположить, что кто-то всерьез станет рассматривать спорный коллаж в газете как сообщение о смерти А.А. Парвицкого, да еще и в кошунственной форме. Следовательно, содержащуюся в опубликованном коллаже скрытую информацию о смерти А.А. Парвицкого

³⁶⁴ См.: Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992.

³⁶⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1997.

³⁶⁶ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

нельзя рассматривать как кощунство, поскольку она имеет ярко выраженную игровую форму.

В исковом заявлении спорный коллаж назван «оскорбительным» («оскорбительная публикация», «оскорбительный снимок», «за эту оскорбительную и безнравственную публикацию»), а ответчик обвиняется в том, что он «в неприличной форме» унижил честь и достоинства истца. Действительно, оскорбление — это умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Однако в коллаже (который является, вопреки утверждению истца, не «снимком» не существующей в природе надгробной плиты, а некоторым художественным объектом — как бы ни оценивать его художественную значимость) отсутствуют неприличные (табуированные) слова и/или изображения, а информация о смерти А.А. Парвицкого, как было показано выше, в игровом контексте не может рассматриваться как кощунство.

В требуемом истцом тексте опровержения коллаж назван «публикацией». Между тем он представляет собой лишь часть публикации. В целом публикация состоит из коллажа на первой полосе и собственно текста статьи на пятой полосе той же газеты. В контексте всей статьи игровая природа коллажа еще более очевидна, что снимает саму постановку вопроса о кощунственной форме информации о смерти А.А. Парвицкого³⁶⁷.

³⁶⁷ Для полноты картины отметим, что формулировка *Редакция газеты приносит свои глубокие извинения Парвицкому А.А.*, на которой настаивал истец, не соответствует нормам сочетаемости слов в русском языке (*извинения* не бывают *глубокими*), а также стилистике искренних извинений (в них инициалы не принято ставить после фамилии).

Глава 6. РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИЗЫВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

Дела о разжигании межнациональной розни, о пропаганде расовой нетерпимости, экстремизме, насильственном изменении конституционного строя тесно связаны категорией «призыва». Между тем в литературе по лингвистической семантике понятие призыва до сих пор не имеет достаточно подробного описания, которое можно было бы использовать в экспертизе текста. Призыв отражает определенное коммуникативное намерение говорящего, и следовательно, категорию призыва следует рассматривать прежде всего в теории речевых актов.

§ 1. Призыв как речевой акт, типы речевого акта призыва

Призыв — это особый тип речевого акта (РА), коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов, — ‘Я хочу, чтобы ты сделал Р’³⁶⁸.

Типы побудительных речевых актов весьма разнообразны и задаются соответствующими глаголами речи: приказ (от *приказывать*), распоряжение (от *распоряжаться*), предложение (от *предложить*), приглашение (от *пригласить*), просьба (от *просить*), увещевание (от *увещевать*), угроза (от *угрожать*), предупреждение (от *предупредить*), запрещение (от *запрещать*) и т.д. Они используются для передачи несколько отличающихся друг от друга коммуникативных намерений. Так, РА приказа отражает высокую степень воздействия на адресата и требует безусловного исполнения, а речевые акты совета, приглашения оставляют за адресатом свободу в принятии решения, причем совет совершается в первую очередь в пользу адресата. Очевидно, что РА побуждения в ряде случаев предусматривают специфические отношения между участниками ситуации общения. Так, военный приказ возможен только в

³⁶⁸ См.: Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 251–275.

ситуации, когда отдающий приказание наделен правом это делать, а адресат военного приказа находится в системе соответствующих социально-экономических отношений. При этом центральная часть коммуникативного намерения побуждения остается общей для всех типов побудительных РА.

Очевидно, что призыв, будучи особым типом РА, имеет свои характерологические особенности, отличающие его от других типов побуждений. Обычно при более подробной характеристике указанных подтипов РА, входящих в какой-то большой тип, учитывают следующие противопоставления:

- отношения между говорящим и адресатом;
- отношения между говорящим, адресатом и третьими лицами;
- отношение говорящего к тому, что должно быть сделано;
- отношение адресата к тому, что должно быть сделано.

Кроме того, речевые акты характеризуются особыми условиями успешности, выполнение которых делает процесс общения непротиворечивым, осмысленным и способствующим достижению понимания.

Замечание 1. В традиционной логике, преимущественно, изучались т.н. суждения — речевые акты, квалифицируемые обычно в грамматической традиции как повествовательные предложения или утверждения. Аппарат истинностных оценок — «истина» vs. «ложь» относился именно к суждениям. Попытка распространения истинностных оценок на вопросы и побуждения привела к введению в рассмотрение совершенной новой категории — категории «успешности» РА. Действительно, оценить истинность требования или вопроса затруднительно. Речевой акт оказывался успешным в том случае, если его коммуникативная функция распознавалась адресатом и говорящий получал реакцию, предусматриваемую данным типом РА. В этом смысле, например, отказ на приглашение прийти в гости указывал на успешность приглашения, поскольку отказ, как и согласие, представляют собой регламентированные (предусмотренные) речевые реакции на приглашение.

В литературе по теории речевых актов говорится о различных условиях успешности РА. Так, для РА обещания выделяются следующие условия:

- **Условие пропозиционального содержания:** Произнося свое высказывание, говорящий сообщает информацию о своем действии в будущем.
- **Подготовительные условия:** 1) говорящий в состоянии совершить это действие; 2) говорящий считает, что слушающий хотел бы, чтобы говорящий совершил это действие; 3) слушающий действительно хотел бы, чтобы говорящий совершил это действие; 4) ни говорящий, ни слушающий не считают очевидным, что действие будет совершено само по себе — без соответствующего РА говорящего.
- **Условие искренности:** говорящий действительно намерен выполнить действие, о котором он говорит.
- **Существенное условие:** говорящий произнесением данного РА берет на себя обязательства выполнить действие.

Речевой акт призыва, в отличие от РА требования, вопроса, обязательства и др., не был подробно описан в имеющейся литературе в терминах условий успешности. Между тем интерпретация смысла призыва в первую очередь должна предусматривать выявление его условий успешности. Для выявления условий успешности призыва естественно рассмотреть те контексты, в которых сами участники коммуникации квалифицируют, определяют те или иные случаи использования языковых форм как призывы. Это контексты **аутореферентного** употребления языка³⁶⁹.

К контекстам аутореферентного употребления относятся такие случаи, когда соответствующий речевой акт обсуждается или комментируется говорящим: это ситуации одновременного использования естественного языка и как языка-объекта, и как метаязыка, ср., например, *Художественно оформлен-*

³⁶⁹ В узком понимании аутореферентные (или в другом написании «автореферентные») употребления в ряде случаев относят только к эксплицитным перформативам, т.е. речевым актам типа: *Я требую, чтобы вы освободили помещение!*, *Я прошу вас остаться!* (см., напр., Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 262), однако распространение данной категории на все метаязыковые употребления языковых форм вполне последовательно и уместно. Дело в том, что появление перформатива в эксплицитной перформативной формуле, по сути, является метаязыковым комментарием.

ные плакаты «Смерть жидам!» — это **прямой призыв** к поджогам и убийствам. Квалификация самим говорящим плаката как «прямого призыва» направлена на само высказывание и в этом смысле «аутореферентна». Контекстами аутореферентного употребления являются также и словарные дефиниции типа *Воззвание* — это обращение с призывом к кому-н³⁷⁰ (см. также ниже).

Анализ контекстов аутореферентного употребления РА призыва должен позволить, во-первых, определить основные характеристики этого типа РА, отличающие его от других типов побуждений, и, во-вторых, выявить внутреннюю классификацию РА призыва — центральных примеров и типов, находящихся на периферии РА призыва и часто сходных с другими побудительными РА и с другими РА вообще.

Замечание 2. Такой способ определения РА призыва основывается на представлении о том, что типы РА соответствуют глаголам речи — приказ (*приказывать*), вопрос (*спрашивать*), отказ (*отказывать*), возражение (*возражать*) и т.д. Однако такой подход оказывается ущербным с точки зрения типологии: приходится считать, что РА как семантическая категория не универсален и каждый язык обладает своим уникальным набором речевых актов, «привязанных» к системе глаголов речи. Впрочем, основные типы РА — утверждение, требование (повеление), вопрос — достаточно универсальны. Интересно, что, по некоторым данным, в американской культуре общения призыв, а также замечание как речевые акты практически отсутствуют³⁷¹.

Рассмотрим указанные типы контекстов и постараемся выделить существенные семантические и прагматические характеристики призыва — как фиксирующиеся в условиях успешности, так и иные свойства призывов, связанные, например, с особенностями их передачи в дискурсе.

Начнем с аутореферентных употреблений, поскольку в них носители языка в явном виде обращают внимание на семантические и прагматические особенности употребления призывов.

³⁷⁰ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³⁷¹ Такое мнение высказывается в кн.: *Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной.* Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. Здесь же отмечается, что американская традиция устной коммуникации более толерантна, чем русская.

1.1. Контексты аутореферентного употребления РА призыва

Глагол *призывать* в одном из значений используется для реализации речевых актов, которые естественно назвать призывами:

- (1) **ПРИЗВАТЬ 2.** Обратиться к кому-л. с требованием, просьбой принять участие в каком-л. деле, присоединиться к какой-л. деятельности. *Призвать к защите родины. Призвать на борьбу с эпидемией. ? Станиславский призвал актера жить на сцене, жить, ища большую правду и передавая ее зрителям. А.Н. Толстой, Гений его живет. Правительство Советского Союза мощным голосом призвало к всеобщему и вечному миру, всеобщему и полному разоружению всех армий! Чижевский, Вся жизнь*³⁷².

Приведенные примеры представляют РА призыва, который является видом побуждения ('обратиться к кому-л. с требованием, просьбой') принять участие в общественно значимой деятельности (в приводимых примерах говорится о защите родины, борьбе с эпидемией, борьбе за мир и т.п.). Адресат призыва имеет обобщающий характер — общество или его неопределенная часть, народы мира и пр. Аналогичное использование глагола *призывать* и соответствующего ему существительного *призыв* обнаруживаются и в прессе:

- (2) **а.** В заявлении саммита содержится *призыв* к большей стабильности и безопасности в районе Балтийского моря и отмечается прогресс, достигнутый тремя прибалтийскими странами. *Сегодня*; **б.** Не случайно лейтмотивом первой послевыборной речи Клинтона был *призыв* к республиканскому конгрессу «отложить межпартийные распри и работать вместе ради будущего Америки». *Завтра*; **в.** «Главное, чтобы процесс пошел вновь», — *призвал* к миру Клинтон почти горбачевской фразой, которая, впрочем, Нетаньяху не убедила. *Итоги*; **г.** Эрхард, как это подтвердилось позже, удивительно корректно вычислил

³⁷² См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

общую сумму задолженности рейха в сумме 400 млрд рейхсмарок, предложил своим агонизировавшим заказчикам выход: переход — от национал-социализма, к рыночной экономике после войны, и призвал к проведению денежной реформы. *Московские новости*.

В некоторых примерах группы (2) идет речь не об общественно-значимой деятельности, а о ценностях, таких как стабильность и безопасность (2а), единство и будущее Америки (2б), мир (2в). Заметим, однако, что упоминание ценностных категорий предполагает опять-таки деятельность по достижению этих ценностей. Иными словами, *призыв к большей стабильности и безопасности* — это политические действия, направленные на достижение стабильности и безопасности, под фразой *отложить межпартийные распри и работать вместе ради будущего Америки* имеется в виду деятельность, направленная на достижение единства и обеспечение позитивно оцениваемого будущего и т.д. Иными словами, упоминание ценностных категорий имеет характер смысловых «сверток», похожих на синтаксические номинализации типа *принятие закона, отказ от соглашения, просьба о содействии*.

По сравнению с примерами группы (1), в группе (2) обнаруживаются контексты с более конкретным адресатом. Так, в примере (2б) — это республиканский конгресс, а в примере (2в) — Нетаньяху (возможно, что в число адресатов входят и другие политики Израиля).

Очевидно, что примеры группы (1) и (2) образуют центральную группу контекстов того, что естественно назвать речевым актом призыва. Вряд ли призывами в указанном смысле можно считать такие примеры аутореферентного употребления существительного *призыв* и глагола *призывать*, как (3), (4), (5) и (6).

- (3) **Горько!** — возглас гостей на свадьбе, призывающий молодых поцеловаться³⁷³.
- (4) **2.** Звуки, словами, которыми призывают, зовут для чего-л. *Услышать призыв о помощи.* □ *Никто не является на*

³⁷³ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

*мой крик и призывы. С. Аксаков, Детские годы Багрововнука. В соседней комнате послышался голос Хаджи-Мурата. Элдар тотчас же узнал призыв хозяина и — поспешно пошел в гостиную. Л. Толстой, Хаджи-Мурат*³⁷⁴.

- (5) **ПРИЗВАТЬ 1.** Позвать, потребовать или пригласить прийти, явиться куда-л., зачем-л. <...> □ *Лизавета Григорьевна ушла в свою комнату и призвала Настю. Пушкин, Барышня-крестьянка*³⁷⁵.
- (6) *Когда-нибудь и мне придется умирать, Обступят все друзья больничную кровать, И, вспомнив, что среди них нет друга одного, Последней волею я призову его. Шефнер, Друг детства.* || Потребовать, назначить к несению военной службы. *В тот же вечер Григория призвали, и ночью он уехал на фронт. Чаковский, Это было в Ленинграде*³⁷⁶.

Действительно, в примере (3) реализуется нечто вроде ритуального акта, сопровождающего свадебное застолье, ср. некоторую неестественность фразы — *Горько, горько!! — раздались призывы родственников, друзей и знакомых, пришедших на свадьбу.* Более правильно было бы сказать *раздались крики, закричали* и т.п. В примере (4) представлена просьба о помощи, в контекстах типа (5) — предложение что-л. сделать, а контексты типа (6) привязаны к ситуации смерти кого-л. и, как и пример (3), представляют ритуализованный акт — просьбу прийти для последнего прощания перед смертью.

Сравнение контекстов группы (1) и (2), с одной стороны, и контекстов типа (3)–(6) позволяет выделить характерологические особенности РА призыва. Хотя во всех случаях речь идет о побуждении, содержание побуждения в примерах (1) и (2) существенно отличается от контекстов (3)–(6). Содержание побуждения в (1) и (2) — это **выполнение адресатом некоторого действия, рассматриваемого как часть общественно-значимой деятельности.** В ряде случаев это упоминание ценностных кате-

³⁷⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же.

горий, определяющих целенаправленную деятельность человека: ср. стабильность и безопасность (2а), единство и будущее Америки (2б), мир (2в).

В контекстах группы (1), (2) обнаруживаются ограничения на участников речевого акта призыва по сравнению с группой (3)–(6). Во всех примерах группы (3)–(6) участники РА призыва — говорящий и адресат — это частные лица, а в примерах (1), (2) — это политики (Клинтон, Нетаньяху, Эрхард), общественные деятели (Станиславский), государственные институты (правительство СССР), политические, общественные организации, международные собрания, съезды и форумы (саммит), а также общество и его части. Иными словами, участники РА призыва — это **политические субъекты или конкретные лица, осмысляемые как представители политических субъектов**.

Очевидна и еще одна особенность РА призыва в рассматриваемом понимании. Как следует из выделенных признаков этого типа речевого акта, **он представляет собой часть общественно-политической коммуникации**. Указанные характерологические черты РА призыва можно обобщить следующим образом:

- (i) Содержание РА призыва: побуждение выполнить некоторое действие, рассматриваемое как часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов;
- (ii) Участники РА призыва: политические субъекты или конкретные лица, осмысляемые как представители политических субъектов;
- (iii) Речевой акт призыва представляет собой часть общественно-политической коммуникации.

С учетом сказанного, условия успешности РА призыва можно сформулировать следующим образом:

- **Условие пропозиционального содержания:** описание будущего действия (действий) адресата, рассматриваемого как часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов.
- **Подготовительные условия:** 1) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь; 2) действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует; 3) говорящий и адресат являются

политическими субъектами или лицами, которые представляют политических субъектов; 4) речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации; 5) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего РА говорящего.

- **Условие искренности:** говорящий действительно хочет, чтобы действие было совершено и общественно значимая деятельность выполнена, а идеалы достигнуты.
- **Существенное условие:** произнося высказывание, говорящий выражает желание, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие, рассматриваемое как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов.

1.2. Общий инвариант призыва, призывы инклюзивного и эксклюзивного действия

Выделенные характерологические особенности РА призыва и условия успешности позволяют сформулировать определение этого типа речевого акта:

Призыв — это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации.

Разумеется, приведенное определение РА призыва и сформулированные условия успешности очерчивают центральную часть того множества речевых актов, которые естественно назвать призывами, или классическими призывами. Однако эта центральная часть негомогенна. В ней выделяются виды призывов, которые, как кажется, с равным правом относятся к центру обсуждаемой категории.

Рассматривая соотношение между говорящим и адресатом при произнесении РА побуждения, легко заметить, что далеко не всегда они противопоставлены по отношению к предполагаемому действию (деятельности). Так, в примерах *Призвать к защите родины*; *Призвать на борьбу с эпидемией* не предполагается, что сам говорящий не будет защищать родину или бороться с эпидемией. С другой стороны, призыв Клинтона *к республиканскому конгрессу «отложить межпартийные распри»* предполагает, что будущую деятельность будут выполнять конгрессмены демократической и республиканской партии. Иными словами, здесь говорящий исключает себя из адресатов призыва. Призыв, не исключаяющий говорящего из будущей деятельности, будем называть **призывом инклюзивного действия**, а призыв, исключаящий говорящего из числа адресатов, — **призывом эксклюзивного действия**.

Отношение говорящего к предстоящей деятельности называется весьма существенным и с грамматической точки зрения. Грамматические формы побуждения в русском языке часто оказываются противопоставлены по данному параметру. Так, грамматическая форма императива 1 л. мн. числа часто имеют семантику «совместного действия», ср. *пойдемте в кино, давайте напишем ему письмо*, что проявляется и в призывах, ср. *Превратим Москву в образцовый коммунистический город!*; *Догоним и перегоним Америку!* (см. подробнее ниже раздел 3.3.2.).

Еще раз отметим, что нет оснований считать какой-либо из этих призывов более центральным примером призыва — вместе они образуют ядро рассматриваемой категории речевых актов.

Следует отметить еще одно свойство «эталонных» призывов, т.е. призывов, относящихся к центру этой категории РА. В отличие от обычных побуждений, призыв не требует немедленного выполнения и, скорее, является рекомендацией к поведению, основанной на тех или иных морально-этических, идеологических, ценностных категориях. Например, призывы *Вперед, к победе коммунизма!*, *Превратим Москву в город-сад!* не предполагают немедленного совершения каких-либо действий. Эта особенность семантики «эталонных» призывов косвенно отражается в семантической интерпретации призыва в компоненте 'или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы'.

1.3. Призыв-лозунг

Феномен общественно-политической коммуникации довольно сложен и состоит из ряда коммуникативных сфер, многие из которых еще нуждаются в исследовании. Одна из таких областей — это лозунговая коммуникация. Некоторые примеры призывов, близких к лозунговой коммуникации, были приведены выше в контекстах (1) *Призвать к защите родины, Призвать на борьбу с эпидемией*. В примерах группы (7) приводятся определения призывов, характерных именно для лозунгов:

- (7) **ПРИЗЫВ 2.** Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование.³⁷⁷
- (8) **3.** Обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование; лозунг. *Первомайские призывы ЦК КПСС. ? В это время на всю страну прошумел призыв партии: послать 25 000 добровольцев-рабочих в деревню! Горбатов, Донбасс.*³⁷⁸

Призывы-лозунги имеются в виду и в примере (9):

- (9) **3. ПРИЗЫВ, -а, м. 2.** Лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую идею, политическое требование. *Призывы на страницах газет, на плакатах.*³⁷⁹

Действительно, лозунги довольно часто передают то, что мы назвали бы типичным примером призыва: *На баррикады!*³⁸⁰; *Все на борьбу с Колчаком!*; *Долой ПУГОЯЗА!* (Пуго и Язова — лозунг времен ГКЧП); *Никакой поддержки временному прави-*

³⁷⁷ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³⁷⁸ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.

³⁷⁹ См.: Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

³⁸⁰ Ср. еще один характерный контекст автонимного употребления такого рода в уже цитировавшемся словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «*На баррикады!* (призыв к вооружённой борьбе)» из словарной статьи на слово *баррикада*.

тельству!; Выполним пятилетку за три года! Будучи использованы в лозунговой форме, призывы данного типа, как и виды призывов, рассмотренные выше, апеллируют к некоторой общественно-значимой деятельности, актуальной для данного социума и часто основанной на ценностных категориях. Иными словами, лозунги актуальны в конкретной ситуации общения и ценностно ориентированы. Например, призывы к борьбе с Колчаком, свержению ГКЧП непосредственно связаны с ценностью свободы, а призыв к выполнению пятилетки в три года ценностно мотивирован идеей благосостояния, победы социализма в экономическом соревновании с капитализмом и т.д.

Заметим, что не все лозунги являются призывами. Так, лозунг *Слава КПСС!* выражает одобрение по отношению к политическому субъекту, лозунг *Со Святой Пасхой, дорогие москвичи!* имеет коммуникативное намерение поздравления, а лозунги *Да здравствует Россия!; Да здравствует национальное возрождение русского народа!* скорее характеризуются иллюзией заклинания. Здесь рассматриваются лозунги, которые имеют иллюкативную силу призыва.

Важно отметить также, что лозунговая коммуникация, по сравнению с другими типами общественно-политической коммуникации, предполагает две важные особенности. Во-первых, лозунги в целом могут формировать систему, но не связный текст. Многие лозунги, рассмотренные выше — в особенности в примерах группы (2) — часто включены в обычный связный текст. Так, контекст (2а) *В заявлении саммита содержится призыв к большей стабильности и безопасности в районе Балтийского моря и отмечается прогресс, достигнутый тремя прибалтийскими странами* указывает на то, что призыв (может быть даже в форме лозунга) — это часть заявления саммита, но множество лозунгов не дает связного текста. Например, призывы-лозунги к Первомайскому празднику, регулярно публиковавшиеся в советское время в газете «Правда», не образовывали связного текста, хотя и представляли некоторую систему, мотивированную идеологически и политически. Призывы-лозунги, будучи нанесены на плакаты, транспаранты и растяжки, функционируют относительно автономно, не формируя связного текста в обычном понимании.

Во-вторых, с содержательной точки зрения они представляют собой смысловую свертку, за которой стоит существенное политическое содержание — часть программы партии, оценка политической ситуации политическим субъектом и т.д. В этом смысле призыв-лозунг — это своеобразный маркер, с помощью которого происходит идентификация, в том числе самоидентификация, политического субъекта и по которому узнается политический субъект³⁸¹.

В-третьих, в лозунговой коммуникации субъект часто деперсонифицирован столь же сильно, как и адресат: действительно, нельзя же считать автором лозунга того, кто несет транспарант с соответствующим высказыванием. Вряд ли субъектом лозунга является и конкретный автор, «придумавший» его. Лозунговая коммуникация — это коммуникативное взаимодействие между политическими субъектами даже в большей степени, чем у классических лозунгов, представленных в примерах (1), (2).

Наконец, еще одна особенность призывов-лозунгов — это преимущественно инклюзивная интерпретация призыва. Иными словами, лозунговая коммуникация по большей части предполагает, что и сам говорящий входит в число адресатов — лозунг адресован и ему тоже³⁸². Разумеется, это не исключает особых случаев лозунгов, адресованных конкретному лицу, ср., например, лозунг времен перестройки *Послушай, Миш, не трогай Ельцина, какой ни есть, а он за нас!* Очевидно, однако, что такие призывы-лозунги относятся к «периферийным» случаям лозунговой коммуникации.

³⁸¹ Ср. в этой связи известную работу В.И. Ленина «О лозунге Соединенные Штаты Европы», в которой обсуждаются основания использования этого лозунга в конкретной политической ситуации на фоне других лозунгов — в частности, призыва к социалистической революции, лозунга «Рабоче-крестьянское правительство» и пр. Интересно, что политическая дискуссия имела вид «борьбы» лозунгов, определявших ближайшие и перспективные политические цели и идентифицировавших участников политического процесса.

³⁸² Подробнее об особенностях лозунговой коммуникации см.: *Баранов А.Н.* Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2; *Левин Ю.И.* Семиотика советских лозунгов // Ю.И. Левин Поэтика. Семиотика: Избранные труды. М., 1998.

Призывам, реализующимся в лозунгах, можно дать следующую интерпретацию:

Призыв-лозунг — это отдельный, не формирующий связный текст речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие (совокупность действий) или учитывать в повседневном поведении некоторые идеалы, осмысляемые как центральная и важнейшая часть деятельности некоторого политического субъекта, идентифицирующая этого субъекта как такового, причем чаще всего и говорящий и адресат, будучи политическими субъектами, деперсонифицированы, а говорящий, как правило, не исключает себя из числа адресатов речевого акта.

Материальные носители речевых актов лозунговой коммуникации — это плакаты, транспаранты, растяжки, билборды и другие средства наружной рекламы. Лозунги могут иметь и устную форму реализации, если они скандируются участниками демонстрации, митинга, собрания и т.д.

1.4. Призыв-апелляция

Еще один вид призыва — это **призывы-апелляции**. В толкованиях слова *апелляция* также часто встречается слово *призыв*:

(10) **АПЕЛЛЯЦИЯ 2.** Обращение с просьбой, с призывом о чём-н. (книжн.). *А. к общественному мнению.*³⁸³

Аналогичные употребления обнаруживаются и в прессе:

(11) **а.** Сторонники компании заинтересованы в повышении цен на акции (они знают, что проект вряд ли будет рентабельным, и потому им особенно важно взвинтить цены). Противники стремятся эти цены снизить. Главным сред-

³⁸³ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

ством борьбы становится *апелляция к общественному мнению*. Выпускаются бесконечные брошюры — в ту пору средство более мобильное и популярное, чем газетные статьи. С обеих сторон задействованы блистательные перья, нанятые соответствующими финансистами, чьи деньги как раз и возвращаются на бирже. Итоги; б. Первая и последняя экскурсия в Приморье, организованная в 1994 году специально для журналистов «выбороссами» из команды Гайдара и Чубайса, была попыткой распространить принципы демократии — гласность, *апелляция к общественности* — на политику. Корпус публицистики³⁸⁴.

Действительно, апелляция к общественному мнению или к значимому политическому субъекту во многих отношениях сходна с призывом, в том числе с призывами-лозунгами. Во-первых, адресатом апелляции в этом случае выступает общество (точнее, его активная, заинтересованная часть) или значимый политический субъект. Во-вторых, апелляция актуальна и касается насущных проблем общества. Апелляция к общественному мнению или значимому политическому субъекту, как и классические призывы и призывы-лозунги, предполагает, что затрагиваемая проблема важна и актуальна для многих. Наконец, апелляция к общественному мнению часто также ценностно ориентирована, иными словами, она рассматривается как общественно-значимый акт или общественно-значимая деятельность. Кроме того, и призыв-лозунг, и призыв-апелляция сходны и в том, что они относятся к сфере общественно-политической коммуникации.

³⁸⁴ Следует отличать употребления данного типа от контекстов, в которых слово *апелляция* используется в значении ‘обращение к некоторой ценности, аргументу в споре’: *При этом следует заметить, что **апелляция к общественным интересам** может быть понята и поддержана субъектами Федерации лишь при условии обретения ими той степени самостоятельности, которая давала бы возможность проявления инициативы в реализации форм жизни, исторически свойственных данному народу. Независимая газета; Поэтому, должно быть, об интеллигенции толкуют сегодня с надрывом, с обидой на общественное недопонимание, но и с гордостью, опять же с **апелляцией к традициям, к великомученикам**. Московские новости.*

Между призывом-апелляцией и другими случаями призывов имеются, однако, и важные различия. Так, апелляция всегда предполагает наличие конкретного субъекта — того, кто апеллирует, причем это может быть как политический субъект, так и частное лицо. Между тем в лозунговой коммуникации как говорящий, так и адресат часто деперсонифицированы (см. выше).

Апелляция, в отличие от призыва-лозунга, ограничена и в семантико-прагматическом содержании. Она предполагает существование некоторой предыстории развития коммуникации, во время которой выясняется, что между физическим лицом и другим физическим лицом или политическим субъектом не удастся достичь соглашения. Иными словами, речь идет о разрешении какого-то спора. При использовании призыва-апелляции общество рассматривается как судья, который должен разрешить конфликт, решить проблему. Призыв-лозунг в этом отношении не ограничен и может относиться к самым разнообразным коммуникативным ситуациям. Из требования предыстории следует, что если призыв-лозунг представляет собой единичный речевой акт, не включенный в связный текст, то призыв-апелляция, как правило, представляет сложный текст, частью которого и являются один или несколько более простых призывов.

Назовем апелляции к общественному мнению — **призывами-апелляциями**. Призывы-апелляции специфичны и в том отношении, что их использование предполагает наличие третьих лиц — тех, с кем не удалось договориться. Весьма часто — особенно в переговорной коммуникации — призывы-апелляции к общественности или значимому политическому субъекту служат инструментом воздействия на противоположную переговорную сторону.

Замечание 3. Один из древнейших примеров зафиксированной переговорной коммуникации — «Мелосский диалог» Фукидида — содержит прямую рекомендацию избегать призывов-апелляций во время ведения переговоров о судьбе Мелоса между мелосцами и афинянами³⁸⁵.

³⁸⁵ См.: *Олкер Х.Р.* Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.

На основании сказанного призыву-апелляции можно дать следующее толкование:

Призыв-апелляция — это речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, обращенный к адресату — обществу, социальной группе или значимому политическому субъекту, — с целью побудить его выступить в качестве судьи в споре между говорящим и другим частным лицом или политическим субъектом, причем в качестве косвенного адресата речевого акта выступает это частное лицо или политический субъект, а разрешение конфликта рассматривается как общественно значимое действие.

1.5. Призыв-обращение

Еще один тип РА призыва обнаруживается в контекстах типа (12):

- (12) **а. ОБРАЩЕНИЕ** Призыв, речь или просьба, обращённые к кому-н. *О. к народу. Выступить с обращением. Ожегов и Шведова, 1992; б. ОБРАЩЕНИЕ*, -я, ср. **4.** Официальный призыв, речь к широкой аудитории, к народу. *Предвыборное о. кандидата. Еженедельное о. президента. Выпустить о. Выступить с обращением. Русский семантический словарь, 1998; в. ОБРАЩЕНИЕ 3. Призыв, речь или просьба, направленные к кому-н. *О. к народу. Выступить с обращением. Русский семантический словарь, 1998; г. ОБРАЩЕНИЕ 3. Просьба, призыв, речь, обращенные к кому-, чему-л.; воззвание. *Обращение Всемирного Конгресса сторонников мира. Штабной пидсарь. Пестрых — выстукивал обращение штаба бригады к пластунскому полку. Вс. Иванов, Гибель Железной.***

Примеры группы (12) представляют такое понимание призыва, фиксированное в языковом сознании носителей русского языка, которое характеризует контексты типа *обращение к народу, выступить с обращением, Обращение Всемирного Конгресса сторонников мира*. О том, что часто это вид призыва, говорит, как и в предшествующих случаях, присутствие слова *призыв* как элемента метаязыка в словарных описаниях указан-

ных контекстов. Этот вид призыва можно назвать **призыв-обращение**. Данному виду призыва присущи свои особенности. Если призывы-лозунги чаще всего в качестве адресата имеют деперсонифицированную инстанцию (рабочий класс, интеллигенция, народ, народы мира, прогрессивное человечество и т.п.), то для призывов-обращений типично присутствие конкретного адресата — чаще всего политического субъекта. В этом смысле контекст (Зг), в котором приводится пример из Вс. Иванова — обращение штаба бригады к пластунскому полку — воспринимается несколько необычно, впрочем, в этом можно видеть типичную для революции тенденцию к гипертрофированию политической жизни и замены ею других сфер существования, что было прекрасно отражено в произведениях А. Платонова. Армия не оказалась исключением. Кроме командного состава, в армии был создан политический состав, осуществлявший политический контроль над военными действиями. Коль скоро наступление — это не только военный, но и политический акт, то и призыв-обращение к наступающему полку вполне уместен.

Второе существенное отличие призыва-обращения в его большей структурной сложности. В отличие от призыва-лозунга, рассматриваемый тип призыва представляет собой связанный текст, который как целое и называется «обращение», при этом в него входят призывы, которые структурно более просты, поскольку состоят из одной фразы — классические призывы, призывы-лозунги. Так, в призыве-обращении «Обращение к правительству России о внесении в список официальных праздников России “Дня программиста”» представлено как минимум два призыва:

Обращение к Правительству России

Предложение о внесении в список официальных праздников России новой записи — «День программиста»

<...>

Наверняка слово «программирование» и все, с ним связанное, ассоциируется у обычного человека только с персональным компьютером, однако это не так. Практически каждое электронное устройство — от пульта дистанционного управления для телевизора до сложных промышленных станков с программным управлением — в свое время прошли через руки специалистов по

программированию. Мы ежечасно сталкиваемся с плодами трудов того, что сделал программист. <...>

Труд программистов в полной мере способствовал использованию многих достижений современной науки, но официального профессионального праздника, отражающего высокую важность данной профессии, до сих пор не существует.

Значение профессии программиста в повседневной жизни трудно переоценить. Этот род деятельности становится всё более массовым и в то же время символизирует авангард современного общества. Давайте сделаем то небольшое, что позволит высказать нам своё признание программистам, — подарим им профессиональный день. Пусть страна знает своих героев! *Корпус публицистики.*

Структурно более простые призывы вводятся в тексте приведенного призыва-обращения формами *давайте* и *пусть*: *Давайте сделаем то небольшое, что позволит высказать нам своё признание программистам — подарим им профессиональный день и Пусть страна знает своих героев!* Приведенный пример показывает, что призыв-обращение — это одна из форм организации призыва в рамках текста.

Отметим, что, как и в случае лозунгов, далеко не все обращения являются призывами. Так, обращение может сообщать о намерении автора совершить какое-то общественно значимое действие, оно может иметь своей целью дать оценку тем или иным событиям. Здесь предметом рассмотрения являются именно призывы-обращения.

На основании сказанного призыв-обращение можно оп-ределить следующим образом:

Призыв-обращение — это сложный речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, представляющий собой связный текст, содержащий структурно более простые призывы, который предназначен для конкретного адресата — общества, социальной группы или значимого политического субъекта — и имеет цель побудить его выполнить действие (совокупность действий), рассматриваемое как важная часть общественно-полезной деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы.

1.6. Призыв-воззвание

Некоторые случаи использования воззваний также близки по своим свойствам речевому акту призыва-обращения, ср. (13):

- (13) **ВОЗЗВАНИЕ** Обращение с призывом к кому-н. *В. к народу*³⁸⁶.
- (14) **ВОЗЗВАНИЕ 2.** Документ, содержащий обращение общественной организации с призывом к массовой аудитории. *В. к народу. Листовки с воззванием партии. Разослать в. комитета*³⁸⁷.
- (15) **ВОЗЗВАНИЕ 1.** Призыв, побуждающее обращение ко многим³⁸⁸.
- (16) **ВОЗЗВАНИЕ 2.** Устное или письменное обращение к массам³⁸⁹.

В словарных толкованиях (15) и (16) из «Русского семантического словаря» Н.Ю. Шведовой призывы-воззвания и воззвания других иллокутивных типов противопоставлены. К первым отнесены только побуждения: «Призыв, побуждающее обращение ко многим».

Из приведенных словарных материалов видно, что основное отличие призыва-воззвания от призыва-обращения заключается, во-первых, в том, что в качестве адресата выступают довольно большие и аморфные группы людей, а не политические субъекты типа партий, правительств или организаций (ср. аномальность фраз **воззвание к Совету Федерации, *воззвание к руководству завода, *воззвание к профсоюзному комитету*) и, во-вторых, в том, что воззвание — это формальный документ, написание которого требует соблюдения каких-то норм и правил.

Очевидно, например, что далеко не всякий политический субъект может быть автором воззвания. Тем самым, определение призыва-воззвания имеет следующий вид:

³⁸⁶ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³⁸⁷ См.: *Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой.* М., 1998.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ См.: *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой.* М., 1986.

Призыв-воззвание — это сложный речевой акт в рамках общественно-политической коммуникации, представляющий собой связный текст, составленный с учетом определенных правил и содержащий структурно более простые призывы, который предназначен для деперсонифицированного адресата — общества, социальной группы или значимого политического субъекта — и имеет цель побудить его выполнить действие, рассматриваемое как важная часть общественно полезной деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы.

Таким образом, среди призывов выделяются **классические призывы**, к которым относятся, в частности, **призывы инклюзивного и эксклюзивного действия, призывы-лозунги и призывы-апелляции**, а также структурно более сложные призывы, к которым относятся **призывы-обращения и призывы-воззвания**.

Ниже в табл. 8 даются в обобщении некоторые содержательные характеристики РА призыва.

Таблица 8. Свойства видов речевого акта призыва в сопоставлении

Виды РА призыва	Структурная сложность	Включенность говорящего	Смысловая свертка	Функция идентификации политического субъекта	Деперсонификация говорящего и/или адресата	Обязательность наличия третьей стороны
Призывы инклюзивного действия	0	инклюзивность	0	0	0	0
Призывы эксклюзивного действия	0	эксклюзивность	0	0	-	0
Призывы-лозунги	простые	преимущественно инклюзивность	+	+	+	0
Призывы-апелляции	сложные	эксклюзивность	0	0	говорящий конкретизирован	+
Призывы-обращения	сложные	0	0	0	типично присутствие конкретного адресата	0
Призывы-воззвания	сложные	0	0	0	деперсонификация адресата	0

§ 2. Грамматические характеристики призывов

Стандартная грамматическая форма побуждения — это 2 л. ед. или мн. число повелит. накл.: *Беги!*, *Читайте!*, *Рисуй!* Такая же грамматическая форма побудительного наклонения используется и в классических призывах: *Стой — страна рабочих и крестьян.*⁸⁹⁰, *Дерьмократы всех мастей, Убирайтесь из властей.*⁸⁹¹, *Борис — не бойсь.*⁸⁹², *Брось, Миша, Вальку валять.*⁸⁹³; *Правительство, дай работу!* Данная грамматическая форма используется в первую очередь для призывов эксклюзивного действия, при этом она вполне естественна в остальных типах призывов: призывов-лозунгов, призывов-апелляций, призывов-обращений и призывов-воззваний.

Так, призывы-лозунги *Превратим Москву в образцовый коммунистический город!* или *Догоним и перегоним Америку!* имеют грамматическую форму императива 1 л. мн. числа. Данное значение императива тесно связано с формой множественного числа и называется в Академической грамматике «формами повелительного наклонения совместного действия типа *пойдем(те)*, *давай(те) напишем*³⁹⁴». Очевидно, что такая грамматическая форма императива характерна в первую очередь для классических призывов инклюзивного действия.

Аналогичные призывы инклюзивного действия вводятся и при помощи вспомогательного глагола *быть* в форме 1 л. мн. числа: *Будемте людьми!*; *Будемте великодушны!*; *Будем верны Отечеству!* Призывы эксклюзивного действия могут вводиться вспомогательным глаголом *быть* в форме 2 л. ед. и мн. числа: *Будьте верны и непорочны!*; *Будьте верны присяге!*; *Будьте осторожны на железнодорожных путях!*

Указанные формы повелительного наклонения совместного действия не вводят только призывы эксклюзивного дей-

³⁹⁰ Призыв на листовке 1941 г., обращенной к солдатам вермахта, на русском и немецком языках.

³⁹¹ Призыв-лозунг эпохи перестройки.

³⁹² Призыв-лозунг эпохи перестройки: под «Борисом» имеется в виду Борис Ельцин.

³⁹³ Призыв-лозунг эпохи перестройки: под «Валькой» имеется в виду министр финансов В.С. Павлов.

³⁹⁴ См.: Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. § 1544.

ствия; в остальных типах призывов форма повелительного наклонения совместного действия вполне уместна.

Как видно из приведенных примеров, самые распространенные грамматические формы призывов одновременно являются и формами побуждения других типов. Тем самым речевые акты призыва с грамматической точки зрения трудно дифференцировать от других побуждений, что неудивительно, поскольку призыв — это вид речевого акта побуждения. Перечисленные грамматические формы регулярно используются и для введения побуждений в широком смысле. Это объективная проблема, касающаяся не только призывов. Весьма здравое рассуждение по этому поводу находим в Академической грамматике: «Значение собственно побуждения может конкретизироваться как требование, просьба, совет, увещание, мольба. Все эти оттенки в грамматике не могут быть исчислены, так как они не имеют специальных формальных средств своего выражения»³⁹⁵.

Дифференциация между призывами и другими побуждениями в случае совпадения грамматических форм требует в первую очередь анализа лексического состава предположительного призыва и изучения ситуации его употребления. При исследовании таких форм побуждения следует определить, какой характер деятельности имеется в виду — общественная значимость деятельности, достижение целей, реализующих ценностные установки общества или каких-то политических субъектов. Важным признаком классических призывов следует считать их включенность в политическую коммуникацию — распространение через СМИ, произнесение политическими субъектами или их представителями на митингах, собраниях и других общественных мероприятиях.

Тем не менее некоторые формальные показатели призывов все-таки имеются. Поиск формальных показателей иллокутивной силы призыва можно начать не с самого частого, но совершенно очевидного случая: наличие эксплицитной перформативной формулы призыва, т.е. использование глагола *призывать* в 1 л. (ед. или мн. числа) настоящего времени. Ср. примеры типа *Мы призываем всех москвичей прийти на Пушкинскую площадь и...; Спокойно, товарищи! Я призываю вас к*

³⁹⁵ См.: Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. § 1942.

спокойствию... Мне кажется, сейчас нельзя никого выводить. Это непонятно будет, получится так, что только сделали сообщение и началась расправа. Корпус публицистики; *Я выступаю против плохой Советской власти. Поэтому **призываю** всех военнопленных вступить в мою армию — вы будете обуты, одеты, накормлены...* Корпус публицистики; *Призываю депутатов с пониманием отнестись к создавшейся ситуации и поддержать мою позицию.* Корпус публицистики; *Мы **призываем** русских и чеченских матерей объединиться и найти понимание и поддержку российской и чеченской сторон* Корпус публицистики; ***Призываю** всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет.* Выступление на митинге.

Такая формула с определенностью указывает на наличие призыва. Заметим, что введение общего отрицания в эксплицитную перформативную формулу снимает иллокуцию призыва: *Я **не призываю** немедленно вводить новые законы о сексуальном преследовании подчиненных по западному образцу.* Независимая газета; *Я **не призываю** к пересмотру итогов приватизации...* Огонек. Это относится только к эксплицитной перформативной формуле и не отменяет возможность появления в призывах отрицания, ср. *Не позволим обманывать стариков и пенсионеров!*

Эксплицитная перформативная формула может использоваться для введения призывов как инклюзивного и эксклюзивного действия. Менее типична она для призывов-лозунгов, хотя часто встречается в составе призывов-апелляций, призывов-обращений и призывов-воззваний.

К другим формальным показателям иллокутивной силы призыва относятся некоторые глаголы в фиксированных грамматических формах. Так, вводит РА призыва грамматическая форма 2 л. ед. числа глагола *давать*: *Даешь пятилетку в два года!; Даешь новую жизнь!; Даешь прямой эфир!; Даешь политкорректность!; Даешь Днепрогэс и Магнитку!* В этой же функции может использоваться и форма *давай/давайте*: *Давайте налаживать сотрудничество!; Давайте уйдем от конфронтации!; Давайте быть начеку!* Очевидно, что такие формы чаще всего используются как призывы-лозунги инклюзивного действия, но вполне сочетаются и с призывами-апелляциями, призывами-обращениями.

Форма *долой!* вводит призывы-лозунги инклюзивного действия: *Долой царя!*; *Долой Ельцина!*; *Долой «чернуху» в кино и на телевидении!*; *Долой сионистское телевидение!*; *Долой Лужкова с парохода современности!*; *Долой и Правительство и купленную им Думу. Социализм или Смерть*³⁹⁶; *Долой советскую власть*.³⁹⁷; *Долой Гайдара, грабителя старушек и шахтеров!*; *Долой литераторов беспартийных!* *Долой литераторов сверхчеловеков*.³⁹⁸; *Долой оккупационный московский режим*.³⁹⁹ Особенность призывов-лозунгов рассматриваемого типа заключается в том, что они в принципе не предусматривают упоминания актанта ситуации или инстанции, осуществляющей требуемое действие, а само действие носит совершенно неспецифицировано. В призыве *Долой Ельцина* не указывается конкретная деятельность; скорее, речь идет о любой возможной деятельности, способствующей уходу Ельцина с поста президента. Коммуникативный центр в призывах-лозунгах такого типа находится на объекте, сущности, испытывающей соответствующее действие. В силу этого призывы-лозунги с формой *долой!* во многом напоминают выражение оценки политического субъекта, общественного феномена или политического акта/действия.

Довольно часто классические призывы и призывы-лозунги вводятся частицами, при этом смысловой глагол используется в форме 3 л. ед. и мн. числа. Так, РА призыва вводят, например, частицы *пусть* и *пускай*: *«Пусть правительство перестанет разбазаривать деньги налогоплательщиков», — раздался призыв из зала; Пусть народ решает!*; *Пусть берут столько суверенитета, сколько смогут унести!*; *Пусть правительство думает о народе!* В той же функции может использоваться форма *вон* и частица *да*: *Жуликов — вон! Верните наши деньги!*; *Содружеству да!* Чаще рассматриваемые частицы вводят призывы эксклюзивного действия (ср., впрочем, *Содружеству да!* — типичный пример призыва инклюзивного действия), реже формы с *пусть* и *пускай* обнаруживаются в составе призывов-апелляций и призывов-обращений.

³⁹⁶ Лозунг национал-большевиков.

³⁹⁷ Лозунг Демократического союза Новодворской в период кризиса 1993 г.

³⁹⁸ Призывы-лозунги, сформулированные В.И. Лениным.

³⁹⁹ Призыв-лозунг региональных избирательных кампаний середины—конца 1990-х гг.

Существенным грамматическим признаком призывов следует считать использование номинализаций и форм, близких по своим семантическим свойствам к номинализациям. Например, в призыве-лозунге *Никакой поддержки временному правительству!* представлено отглагольное существительное *поддержка*, которое является номинализацией — смысловой сверткой ситуации, в которой кто-то поддерживает кого-то. Опускание актантов ситуации для призывов совершенно естественно, поскольку, как было показано выше, адресат и отправитель речевого сообщения в случае большинства призывов деперсонифицированы, обобщены и аморфны. Использование в контексте призывов придает свойства номинализаций и тем именам, которые изначально ими и не были, ср. в призыве *Смерть немецким оккупантам!* представлена форма *смерть*, которая в рассматриваемом употреблении, в контексте призыва, получает отчетливые характеристики номинализации: понятно, что в анализируемом призыве имеется в виду призыв к советскому народу, бойцам Красной Армии уничтожать немецких оккупантов. Ср. другие лозунги с номинализациями и формами, аналогичными номинализациям: *Смерть жидам!*, *Смерть врагам народа!*, *Смерть троцкистско-бухаринским шпионам!*; *Рыночным ценам — рыночную зарплату!*

Номинализации используются в первую очередь в призывах-лозунгах, однако они вполне уместны и в других типах призывов, за исключением призывов эксклюзивного действия. Последнее объясняется тем, что номинализации, элиминируя актантов ситуации из эксплицитной формы высказывания, затрудняют разделение отправителя речевого сообщения и его адресата, совершенно необходимое для призывов эксклюзивного действия. Действительно, если, например, из-за использования номинализации в призыве все оказываются адресатами, а кто автор призыва — не вполне ясно, то призыв эксклюзивным быть не может по определению, поскольку эксклюзивный призыв исключает автора (отправителя) из числа адресатов действия, которое должно быть выполнено, рекомендовано к выполнению и т.п.

«Наведение» семантики номинализации, свойственной призывам, позволяет использовать для призывов такие формальные показатели, которые априори трудно соотнести с семантикой призывов. Так, некоторые призывы вводятся предло-

гом к: *К делу!*, *К оружию!*, *К барьеру!*, *К ответу!*, *Банду Ельцина к суду!* Все использованные в этих лозунгах существительные — *дело*, *оружие*, *барьер*, *ответ*, *суд* — не относятся к числу номинализаций, однако, как и номинализации, представляют собой семантические свертки более развернутых ситуаций: оружие ← кто-то берет оружие и использует его против кого-то; барьер ← участники дуэли сходятся к барьеру; ответ ← кто-то отвечает за что-то; суд ← кто-то судит кого-то за что-то. Данная особенность призывов допускает и альтернативное описание: можно считать, что это метонимическое обозначение соответствующей ситуации через ее важный компонент. Существенную роль в призывах данного типа играет императивная интонация. Грамматические формы такого рода типичны для всех типов призывов, за исключением призывов эксклюзивного действия.

Семантику призыва в ряде случаев передают инфинитивные предложения — опять-таки в сочетании с императивной интонацией, ср. примеры типа *Не отступать!*; *Не трусить!*, а также именные предложения *Хлеба и зрелищ!*; *Свободу угнетенным труженикам Туркестана!*; *Свободу узникам совести!* Впрочем, именные предложения сходны с номинализациями — см. выше.

Еще один формальный показатель призывов — отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией: *Ни шагу назад — позади Москва!*; *Нет диктату олигархического капитализма!*; *Никакой поддержки временному правительству!*; *Не отдадим завоеваний революции!*; *Не позволим разбогатеть не крови народа!*; *Не позволим задушить свободную школу!*; *Не позволим разрушить армию, даешь военный бюджет в три раза больше!*; *Социальные гарантии не на словах, а на деле.* Отрицание часто сопровождается номинализациями (*поддержка*, *диктат*, *социальные гарантии*). Как и в случае номинализации, побуждения с таким формальным показателем встречаются во всех видах призывов, за исключением призывов эксклюзивного действия.

Таким образом, исследование формальных характеристик речевых актов в ряде случаев позволяет сделать правдоподобные предположения о наличии в тексте призывов. Однако анализ грамматических форм позволяет это сделать только в отношении явных, эксплицитных призывов. Между тем извест-

но, что многие типы РА имеют косвенные формы выражения. Так, речевой акт *Не могли бы вы мне передать соль?* по грамматической форме является вопросом, однако используется как просьба. Действительно, ответ *Да* и отсутствие невербальной реакции (передача соли) указал бы на некооперативность собеседника и сделали бы просьбу неуспешной. Аналогично фраза *Завтра нам всем рано вставать* в ситуации позднего застолья формально является утверждением, но по сути представляет собой побуждение или просьбу. К косвенным формам выражения иллокутивной семантики призыва можно отнести, например, использование модальных глаголов с семантикой долженствования типа *необходимо, следует, требуется, нужно*. Ср. *Нужно уступать места старшим!* в значении ‘Уступайте места старшим!’, *На переходе требуется внимание!* в значении ‘Будьте внимательны на переходе!’. Имеются и другие косвенные способы выражения призывов, которые невозможно определить по формальным грамматическим характеристикам слов. Эти способы очень плохо изучены в лингвистике — один из них разбирается в следующем разделе.

§ 3. Факторы, влияющие на квалификацию побуждения как призыва

Обнаружение формальных показателей призыва не освобождает от необходимости проведения семантического анализа соответствующего речевого акта. Выделенные семантические и прагматические характеристики РА призыва задают основные направления такого исследования.

3.1. Выявление и оценка пропозиционального содержания призыва

Как было показано выше, пропозициональное содержание призыва — это описание будущего действия (действий) адресата, рассматриваемого как часть общественно значимой деятельности. К пропозиции относится та часть плана содержания высказывания (речевого акта), которая касается соответствия высказывания действительности, но не связана с коммуникативными намерениями говорящего. Иными словами, утвержде-

ние *Петр читает*, вопрос *Петр читает?* и побуждение *Петр, читай!* имеют одну и ту же пропозицию ‘Петр читает’.

Выделение пропозициональной части призыва предполагает, во-первых, оценку того, является ли пропозиция описанием будущих действий адресата и, во-вторых, относятся ли эти действия к общественно-значимой деятельности. Так, призыв *Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет*⁴⁰⁰ содержит несколько пропозиций. Одна из них, довольно сложная по структуре, представляет интерес в связи с обсуждаемой проблематикой разжигания межнациональной розни и свержения существующего строя: ‘казаки, армия, ФСБ, милиция выходят вместе с говорящим и лицами, с которыми он себя отождествляет, 7 октября на какое-то массовое мероприятие вышвыривают из Кремля «этих негодяев», кладут президента на рельсы’. Содержание пропозиции действительно описывает будущие действия адресата призыва — казаков, армии, ФСБ и милиции. Описываемая деятельность является массовой (в ней участвует много людей) и общественно значимой, поскольку касается лиц, находящихся в Кремле (Администрация Президента РФ?) и самого Президента РФ.

Рассмотрим другой пример, осложненный тем, что анализ пропозиции требует исследования семантики использованной в призыве метафоры: *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обопрись на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия*⁴⁰¹. Слово *ружье* использовано в рассматриваемом контексте метафорически (точнее, используется метонимический перенос) и означает ‘оружие’, соответственно выражение *обопрись на него* [ружье] означает ‘используй оружие’⁴⁰². Тем самым пропозиция данного призыва имеет следующий вид: ‘армия и флот использует оружие для защиты народа’. На митинге речь идет о действии в

⁴⁰⁰ Выступление на митинге в Самаре М.В. Филина 7 октября 1998 г.

⁴⁰¹ Выступление на митинге в Самаре А.М. Макашова 7 октября 1998 г.

⁴⁰² См. выше также главу 2, раздел 2.3.

конкретный актуальный момент времени в рамках внутривнутриполитической ситуации, а не о деятельности армии и флота вообще по защите страны от внешней военной угрозы. Как и в предшествующем случае описывается будущая деятельность адресата (армии и флота), которая значима для общества.

Еще более сложный случай представляют собой контексты непрямого призыва. В таких ситуациях выделение пропозициональной составляющей хотя и затруднительно, но совершенно необходимо для квалификации соответствующего фрагмента текста как скрытого призыва. В обращении А. Масхадова к Европарламенту содержится следующая фраза *хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на скорейшее признание вами геноцидом войну, навязанную Чечне путинским режимом*⁴⁰³. Оборот *хочется верить, что кто-то вправе надеяться на признание кем-л. чего-л.* не имеет прямого значения как такового. Действительно, ситуация, когда кто-то не верит, но хочет верить в то, что кто-то другой вправе надеяться на какое-то действие адресата прагматически весьма нетривиальна: соответствующая ситуация в действительности вряд ли возможна. Иными словами, речь идет о риторической фигуре, прагматическая сущность которой заключается в том, чтобы описать свое гипотетическое когнитивное состояние — желание, чтобы адресат выполнил некоторое действие. С формальной точки зрения описание своего желания, чтобы некто сделал что-л., более вежливо, чем прямое требование сделать это, поскольку исключается прямое вторжение в личную сферу адресата. Если же при описании желания используются ссылки на право, если желание формулируется одним лицом, но касается интересов другого лица, то форма побуждения становится максимально толерантной по отношению к адресату.

Иными словами, рассматриваемая фраза представляет собой скрытое побуждение, хотя по форме это речевой акт более общей семантики — выражение желания. Пропозициональное содержание побуждения таково: «Европарламент признает геноцидом войну в Чечне»⁴⁰⁴. Описываемое положение

⁴⁰³ Газета «Право-защита», № 2 (59), апрель 2004 г.

⁴⁰⁴ Заметим, что дополнительно в данной фразе содержится presupпозиция «путинский режим навязал Чечне войну», то есть реализуется прием речевого воздействия «навязывание presupпозиции».

дел представляет собой будущее действие адресата, которое, разумеется, общественно значимо, поскольку представляет собой международный политический акт. Разумеется, анализа пропозициональной части призыва недостаточно. После выявления пропозиции необходимо последовательно исследовать другие условия успешности призыва — подготовительные условия, условие искренности и существенное условие.

3.2. Выявление и оценка подготовительных условий призыва

Подготовительные условия призыва заключаются в том, что: 1) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь; 2) действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует; 3) говорящий и адресат являются политическими субъектами или лицами, которые представляют политических субъектов; 4) речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации; 5) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего РА говорящего.

Собственно, лингвистические методики исследования не дают возможности дать оценку всем подготовительным условиям. Так, оценить, в состоянии ли адресат совершить действие, о котором идет речь, можно на основании знаний о мире, а не на основании знаний о языке. Аналогично, выполнено ли действие, о котором речь идет в призыве, или нет — это тоже не вполне лингвистическая компетенция. Не относятся к собственно лингвистическим знаниями и знания о том, будет ли совершено соответствующее действие без побуждения. Иными словами, оценка подготовительных условий 1, 2 и 5 не вполне в компетенции лингвиста и требует консультации политологов. Но это теоретически. Что касается практики, то для очень многих реальных случаев вполне достаточно того, чтобы эксперт-лингвист реально жил в обществе, дискурс которого исследует. Так, очевидно, что подготовительные условия призыва 1, 2 и 5 для рассмотренных выше призывов выполняются:

(17) Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из

Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет — казаки, армия, ФСБ, милиция выходят 7 октября вместе с говорящим и лицами, с которыми он себя отождествляет, в принципе в состоянии совершить требуемое действие; требуемое на момент речи не имеет места; не очевидно, что без призывов к указанным адресатам желаемая деятельность будет выполнена;

(18) — Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, опорись на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия — армия и флот в принципе в состоянии защитить народ, армия и флот пока не защищает народ (напомним, речь идет о действиях во внутривластной ситуации), без призывов к армии и флоту не очевидно, что они сами сделают требуемое;

(19) <...> *хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на скорейшее признание вами геноцидом, войны, навязанную Чечне путинским режимом* — Европарламент в состоянии (имеет право) признать чеченскую войну геноцидом; чеченская война не признана геноцидом; без призывов к Европарламенту не очевидно, что признание будет сделано.

Следует иметь в виду, что невыполнение подготовительных условий 1, 2 и 5 приводит к неуспешности самого акта призыва, но не «отказывает» призыву в его иллокутивном содержании. Несколько иная ситуация с подготовительными условиями 3 и 4. Дело в том, что они определяют не только успешность-неуспешность призыва, но и содержание призыва как соответствующего типа речевого акта. (Аналогичный статус имеет и условие пропозиционального содержания.) Действительно, даже очевидный формальный призыв к уничтожению евреев, обращенный электриком Петровым к его жене на кухне, вряд ли может рассматриваться как призыв в рассматриваемом понимании. Иными словами, невыполнение ограничения на статус лица, являющегося говорящим и адресатом, а также на характер речевого акта как части общественно-политической коммуникации «нивелирует» призыв до предложения выполнить странное действие, что может быть

расценено как неадекватное поведение (ср. призыв *Свободу узникам совести!* в контексте любовного свидания), как шутка (ср. призыв *Пьянству бой!* в ситуации коллективного употребления спиртного), как маркер принадлежности к социальной группе (ср. призыв — *Долой жидо-масонов!* в функции приветствия).

Оценка третьего подготовительного условия РА призыва предполагает на первом этапе выявление говорящего и адресата. В уже рассмотренных случаях в качестве говорящего призыва *Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет* выступает М.В. Филин, а в качестве адресата казаки, армия, ФСБ, милиция. Важно иметь в виду, что выступление на митинге (а данный призыв был произнесен на митинге) часто имеет **актуального** и **виртуального адресата**. Актуальный адресат — это те люди, которые пришли на митинг, а виртуальный — те, которые отсутствуют на митинге, но упоминаются в призыве как адресаты. Иными словами, для рассматриваемого случая следует выделять актуального адресата — участники митинга — и виртуального адресата — казаки (не пришедшие на митинг), армия, ФСБ, милиция. На втором этапе оценки третьего подготовительного условия следует оценить статус говорящего и адресата. М.В. Филин является политиком, а казаки (не пришедшие на митинг), армия, ФСБ, милиция, хотя и не относятся формально к политическим субъектам, оказываются таковыми в кризисных политических ситуациях. Иными словами, подготовительное условие 3 для рассматриваемого речевого акта выполняются.

Подготовительное условие 4 обращает внимание на условия произнесения (шире — порождения) речевого акта. Поскольку исследуемый призыв произносился политиком на митинге, данный речевой акт следует рассматривать как часть общественно-политической коммуникации. Следовательно, и третье подготовительное условие речевого акта призыва выполняется. Кроме митингов и собраний, к общественно-политической коммуникации относится речевая деятельность, представленная в средствах массовой информации, в электронных СМИ, в Интернете на сайтах, являющихся аналогами печатных изданий или таких информационных изданий, которые не имеют печатных вариантов (типа gazeta.ru).

В качестве говорящего призыва *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обоприь на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого*, армия выступает А.М. Макашов, актуальным адресатом данного речевого акта являются участники митинга, а виртуальным — армия и флот. А.М. Макашов входил в рассматриваемый период в число политиков федерального уровня, а армия и флот, как и в предшествующем случае, не будучи формально политическими субъектами, становятся ими в период общественно-политических кризисов. Произнесение обсуждаемого призыва на митинге, статус говорящего и адресата как политических субъектов позволяет отнести исследуемый речевой акт к сфере общественно-политической коммуникации. Тем самым третье и четвертое подготовительные условия данного призыва выполняются.

Наконец, автором призыва *хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на скорейшее признание вами геноцидом, войну, навязанную Чечне путинским режимом* является А. Масхадов, а адресатом — Европейский парламент. Очевидно, что и автор, и адресат принадлежат к числу политических субъектов. Текст с данным обращением как минимум опубликован в газете общественно-политической направленности. Следовательно, данный речевой акт представляет собой часть общественно-политической коммуникации. Отсюда следует, что третье и четвертое подготовительные условия речевого акта призыва для исследуемого речевого акта выполнены.

3.3. Выявление и оценка условия искренности призыва

Искренность призыва относится к числу таких условий успешности, которые не меняют статус призыва как такового, но делают соответствующую речевую деятельность успешной или неуспешной. Искренность говорящего не может определяться методами лингвистического исследования. Обычно коммуникация на естественном языке предполагает, что участники искренни в своих речевых действиях. Эта предпосылка столь же существенна, как, например, условие осмысленности речевого общения⁴⁰⁵. Проверить искренность говорящего

⁴⁰⁵ См.: *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

можно лишь экстралингвистическими методами. Иногда текст позволяет сделать вывод о неискренности, однако это скорее исключение, чем правило. Иными словами, оценивая условие искренности, лингвист может оценить его справедливость только по наличию скрытых или явных противоречий, при этом в любом случае неискренность «призывающего» не отменяет сам факт призыва, хотя и делает призыв неуспешным.

3.4. Выявление и оценка существенного условия призыва: заключительная часть анализа призыва

Существенное условие призыва заключается в том, что, произнося высказывание, говорящий выражает желание, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие, рассматриваемое как важная часть общественно значимой деятельности. Фактически данное условие представляет концентрированное выражение коммуникативной направленности призыва. Его выполнение основывается на оценке формальных, грамматических способов выражения призыва (см. выше раздел 3.3.2), а также на оценке пропозиционального содержания, подготовительных условий и условия искренности (см. пункты А, Б и В данного раздела). Так, фраза *Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет* содержит перформативную формулу призыва с глаголом *призывать* в 1 л. ед. числа настоящего времени (в значении актуального момента времени), что является эксплицитной формой выражения призыва. Кроме того, как было показано выше, для данной фразы выполняются пропозициональное условие, условия назначения и, вероятно, условие искренности (поскольку противоречий данной фразе в стенограмме выступления не обнаружено). Отсюда следует, что реализуется и существенное условие призыва. Тем самым рассматриваемая фраза является призывом. Если быть более точным, то данную фразу следует квалифицировать как призыв инклюзивного действия. На включенность говорящего в действие указывает самоотождествление говорящего с группой людей, которые должны принять участие в предполагаемом действии (*выйти с нами*).

Фраза *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обопришь на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия* содержит стандартную грамматическую форму побуждения, типичную и для призывов. В проделанном выше анализе было показано, что для рассматриваемой фразы выполняются пропозициональное условие, условия назначения. Поскольку противоречий данной фразе в стенограмме выступления не обнаружено, то, вероятно, что выполняется и условие искренности. Следовательно, выполняется и существенное условие призыва. Тем самым рассматриваемая фраза является призывом. Более точная квалификация данной фразы позволяет отнести ее к призывам эксклюзивного действия, поскольку адресатом призыва совершить действие выступают армия и флот.

Наконец, фраза *хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на скорейшее признание вами геноцидом, войну, навязанную Чечне путинским режимом не содержит явных формальных показателей побуждения и тем самым призыва. Тем не менее анализ показал, что в ней смысл побуждения выражается косвенным образом — через риторическую фигуру хочется верить, что кто-то вправе надеяться на признание кем-л. чего-л. Кроме того, было показано, что для рассматриваемой фразы выполняются пропозициональное условие и условия назначения. Анализируемая фраза является частью обращения А. Масхадова к Европарламенту. Исследование текста обращения показало, что явных и скрытых противоречий между интенцией данной фразы и текстом обращения в целом нет. Иными словами, вероятно, что и условие искренности также выполняется. Следовательно, данная фраза представляет собой косвенную (скрытую) форму призыва. Более точно данный призыв квалифицируется как часть призыва-обращения, поскольку он входит как часть в текст, представляющий собой по форме и содержанию обращение одного политического субъекта другому.*

§ 4. Выявление призывов с различным содержанием (пропозициональным содержанием)

Коммуникативная направленность призыва и типы призывов были подробно рассмотрены в предшествующем разделе.

Согласно теории речевых актов любой речевой акт включает иллокутивную составляющую, отражающую коммуникативную направленность высказывания, и пропозициональную составляющую, связанную с отображением в высказывании некоторого положения дел — ситуации. Применительно к речевому акту призыва в характеристику пропозиционального содержания входит описание того, что предположительно должен совершить адресат призыва. Изучение содержания (пропозициональной составляющей) призыва необходимо при анализе текста в лингвистических экспертизах, поскольку данный термин используется в ряде законов РФ. Так, в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»⁴⁰⁶ в ст. 1 дается определение экстремистской деятельности, согласно которому экстремистской деятельностью признаются, в частности, публичные призывы к осуществлению деятельности следующих видов:

- к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- к подрыву безопасности Российской Федерации;
- к захвату или присвоению властных полномочий;
- к созданию незаконных вооруженных формирований;
- к осуществлению террористической деятельности;
- к возбуждению расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- к унижению национального достоинства;
- к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- к пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

⁴⁰⁶ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, принят Государственной Думой 27 июня 2002 г.

Кроме того, экстремистской признается деятельность, связанная с «пропагандой и публичным демонстрированием нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» (ст. 1 п. 2). Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской символики и атрибутики в точном смысле не относится к лингвистической проблематике. Это скорее область семиотики (в широком смысле), истории, культурологии и в какой-то степени этнографии.

В УК РФ, в ст. 290 (пп. 1, 2), предусматривается наказание за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ:

1. Публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации — наказываются штрафом в размере от пятисот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до семи месяцев, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, — наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Предусматривается наказание и за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ).

Пропозициональное содержание призывов указанных типов семантически разделяется на три основных группы. Первая группа — призывы к насильственным действиям, вторая — призывы к возбуждению национальной розни и к унижению национального достоинства, третья — призывы к пропаганде исключительности и превосходства. Рассмотрим возможность разработки исследовательской процедуры обнаружения и оценки призывов с указанным содержанием и проиллюстрируем, как такая процедура может работать на конкретных примерах.

4.1. Призывы к насильственным действиям

Прилагательное *насильственный* толкуется в словарях современного русского языка как ‘Осуществляемый путём насилия, принуждения’⁴⁰⁷. В свою очередь, существительное *насилие* интерпретируется как ‘Применение физической силы’ и ‘Принудительное воздействие на кого-л.’⁴⁰⁸. Тем самым содержание призывов к насильственным действиям заключается в описании ситуации, когда кто-л. совершает действия по отношению к кому-л./чему-л., предусматривающие применение физической силы или принуждения. (Разумеется, при этом должна реализовываться и иллокутивная семантика призыва, описанная выше в § 1.) Заметим, что в рассматриваемом случае использование физической силы также имеет насильственный характер, т.е. предполагает, что имеется противодействие и нежелание выполнить то, для чего физическая сила применяется.

Анализ текстов, содержащих призывы к насильственным действиям, предполагает (i) выявление иллокутивной составляющей призыва (см. выше 3.3), (ii) анализ содержания предполагаемого действия, прежде всего, использование физической силы или принуждения; (iii) выявление адресата действия; (iv) выявление того, на кого или на что направлено действие (объекта действия). Компоненты (ii)–(iv) процедуры обнаружения и оценки призыва соответствуют основным частям ситуации произнесения РА призыва, а компонент (i) отражает коммуникативное намерение говорящего.

Очевидно, что существует множество возможностей языкового описания действий. Исчислить эти возможности даже относительно полно не представляется возможным. Ясно, что каждый вид призыва к действиям связан с определенной лексикой. Так, призывы, направленные «на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности России и подрыв безопасности России» могут содержать такие лексические формы, как *автономия*, *независимость* (ср. *независимость Приамурья*), *самостоятельность*, *исключительность*, *са-*

⁴⁰⁷ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984.

⁴⁰⁸ Там же.

мобитность, достаточность, новая конституция, конституция X-а (например, *конституция Татарстана*). С другой стороны, «призывы к действиям, направленным на создание незаконных вооруженных формирований и осуществление террористической деятельности» могут включать такие «ключевые» слова и словосочетания, как *дружина, оружие, взять в руки оружие, автомат, стрелять, расстрелять, защитить себя, охранять, уничтожить, выгнать, убрать* и т.д. Призывы к действиям, «направленным на возбуждение социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию» могут быть связаны с использованием слов *богач, олигарх, бить, уничтожать, сажать в тюрьму, война*. Так, весьма популярный в свое время призыв-лозунг *Мир хижинам — война дворцам!* включает диагностическое слово *война*. Но это совершенно не обязательно: **набор «ключевых» лексем далеко не всегда предсказывает содержание призыва**. Отметим, однако, что создание тезауруса диагностических ключевых слов существенно упростило процедуру выявления призывов различных типов. Кроме того, это дало бы возможность проводить автоматический мониторинг дискурса. Лингвистические и компьютерные технологии такого мониторинга уже разработаны и имеются соответствующие прототипы⁴⁰⁹.

Рассмотрим примеры анализа призывов обсуждаемого типа, проведенного по указанной выше схеме.

В конце 1990-х гг. получила довольно широкую известность политическая деятельность генерала А.М. Макашова. Несколько его выступлений с соратниками — М.В. Филиным, В.М. Гунько, Э.В. Лимоновым и А.А. Марковым — привлекли внимание общественности и вызвали скандал, инициировавший проведение нескольких экспертиз по текстам и видеозаписям выступлений. В частности, одно из выступлений А.М. Макашова содержало следующий фрагмент:

Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обопрись на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия. *Митинг 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади.*

⁴⁰⁹ См., напр.: *Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А.* Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры. М., 2004.

(i) По всем формальным признакам в рассматриваемом фрагменте представлен призыв. Действительно, использованы глаголы в форме повелительного наклонения во 2 л. ед. числа: *вспомни, обопришь, защити*. Говорящий — политик; побуждение адресовано армии, которая, тем самым, вводится в политику и также рассматривается как политический субъект. Коммуникация происходит на митинге. Иными словами, это часть общественно-политической коммуникации.

(ii) Более сложно в данном случае выявить содержание действия, описываемого в призыве. Дело в том, что действие в обсуждаемом отрывке выступления передано метафорой, причем множественной метафорой. С одной стороны, это метафора персонификации — *Армия и флот, ты вспомни <...>, обопришь <...> и защити <...>*, т.е. армия и флот осмысляются как лица или как одно обобщенное лицо (пункт iii анализа). С другой стороны, здесь использована метонимия, поскольку слово *ружье* подразумевает оружие. Иными словами, часть используется вместо целого. Наконец, в анализируемом отрывке обнаруживается метафора-намека — *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье*. Во многих случаях намек — это то содержание, которое необязательно прочитывается адресатом. Однако в рассматриваемом случае мы имеем дело не с истинным, или сложным, намеком, а с намеком регулярным, содержание которого довольно просто реконструируется (см. выше § 7 главы 3). Он построен по следующей стандартной схеме:

‘напоминание кому-л. того, что этот некто имеет X, эквивалентно указанию этому лицу на необходимость использования X-а’.

Ср. типичные ситуации использования такого намека: — *Головоломка-то простая, вспомни, что у тебя есть еще шнурок*, т.е. ‘используй шнурок’, *Ежели чужие руки тебя одолеют, вспомни, что у тебя еще есть свои ноги*, т.е. ‘используй ноги — убегай!’.

С учетом сказанного содержание призыва в рассматриваемом случае заключается в том, чтобы использовать оружие для защиты народа. Однако это не полный анализ. Что имеется в виду в данном случае под фразой *защити народ*? Из выступления А.М. Макашова следует, что правительство Б.Н. Ельцина проводило антинародную политику. Об этом, в частности, свидетельствует следующая фраза А.М. Макашова на том же ми-

тинге: *Нас настолько обманывают, нас настолько оглуляют этим телевидением. Я был в Сталинграде, метровыми буквами на заборе тракторного завода написано: «Русский, выключи телевизор». Будем книги читать наших классиков — Пушкина, но не слушать эту наглуую ложь. <...> Они били по Советскому Союзу, по нашему сознанию, они били по всему то, что называется Российским, Русский. Нам нужно сопротивляться.* Тем самым защита народа с помощью армии предполагает использование оружия против правительства, шире — власти. Окончательный вид реконструированного содержания призыва имеет приблизительно следующий вид: ‘армия использует оружие против правительства/власти’ (пункт **iv** анализа). Очевидно, что использование оружия относится к числу насильственных действий.

Рассмотрим еще один — более очевидный — пример из выступления на том же митинге сторонника А.М. Макашова — М.В. Филина:

Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет.

(i) В данной фразе имеется явное побуждение, выраженное эксплицитной перформативной формулой — глаголом *призывать* в личной форме 1 л. ед. числа настоящего времени. Как и в предшествующем случае, говорящий является политиком. Побуждение адресовано казакам, армии, ФСБ и милиции, которые рассматриваются как политические субъекты (пункт **iii** анализа). Исследуемая фраза произносится на митинге. Тем самым, это часть общественно-политической коммуникации.

(ii) В отличие от предшествующего случая, содержание призыва выявляется существенно проще. Действительно, *выйти [на улицы] 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев* однозначно указывает на совершение насильственных действий (*вышвырнуть* — ‘Выгнать, заставить уйти откуда-н.’⁴¹⁰) по отношению к *негодяям*, находящимся в Кремле. Под последними имеются в виду администрация Президента РФ, включая са-

⁴¹⁰ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

мого Президента, а шире — вся власть в целом, поскольку Кремль часто символизирует все ветви власти (пункт **iv** анализа). Последнее понимание наиболее вероятно, поскольку в предшествующей фразе говорится *Пора встать всем нормальным людям, патриотам и смести этот поганый режим*.

Таким образом, содержание призыва в рассматриваемом случае заключается в том, чтобы совершить насильственные действия по отношению к Администрации Президента РФ, включая самого Президента, а шире — по отношению ко всей власти, для ее смены.

Интересный случай косвенного призыва представлен в выступлении на том же митинге В.М. Гунько:

Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи».

Здесь представлен вариант косвенного призыва, реализующегося через регулярный намек следующего вида: ‘здравницы в честь людей, следующих некоторому призыву-лозунгу, эквивалентны призыву следовать этому призыву-лозунгу’. Ср. примеры типа *Да здравствуют люди, которые живут одной идеей «Помоги себе сам!»*.

Дальнейшие шаги анализа данного призыва очевидны, за исключением того, что объект действия, описываемого в призыве, опущен. Для его реконструкции необходимо провести анализ текста стенограммы выступления и определить, что митинг в целом направлен против существующей власти. Кроме того, необходимо проанализировать стандартную ситуацию использования формы *К оружию!* как военного приказа, от которого, собственно и произошел рассматриваемый призыв-лозунг.

4.2. Призывы к действиям, направленным на возбуждение розни (расовой, национальной и религиозной), на унижение национального достоинства

4.2.1. Оценочно-немотивированные призывы

Исчислить все возможности передачи пропозициональной семантики призывов, связанных с возбуждением расовой, на-

циональной и религиозной розни, как и в предшествующем случае, не представляется возможным. Достаточно грубо содержание призывов рассматриваемого типа можно разделить на две группы. В первом случае сам призыв не содержит мотивации действий по отношению к адресату. В таких призывах описывается само действие и указывается референтная группа (адресат). К призывам такого рода можно отнести, например, *Россия для русских!*; *Кавказцев — на Кавказ!*; *Мигранты — вон из России!*; *Жена иностранца? Вон из России!*; *Чечню и чеченцев — вон из России!*; *Выгнать евреев с телеканалов!*; *Богатства России — русским!* Такие призывы по способу выражения содержания коммуникативного намерения можно назвать **оценочно-немотивированными**. Действительно, в самом призыве нет слов с оценочной составляющей. Названия национальностей или групп национальностей — *кавказцы, русские, чеченцы, евреи* — не содержат оценки и не обладают какими-то специфическими стилевыми свойствами. Трудно назвать оценочными и выражения *мигранты* и *жена иностранца*.

Для призывов такого рода существен анализ предикации — действия, выполнение которого предполагается призывом, и самого адресата действия. Предикация в рассматриваемых случаях **контрастивна**, т.е. в ситуации (контексте) использования соответствующих призывов обязательно имеется национальная, расовая и/или религиозная группа, на которую данная предикация не распространяется. Так, призыв-лозунг *Выгнать евреев с телеканалов!* предполагает, что представители других национальностей должны продолжать работать на телеканалах (или участвовать в работе телевизионных программ — в зависимости от понимания лозунга). В призыве-лозунге *Россия для русских!* предполагается, что остальные национальности не могут претендовать на жизнь в России и/или на использование ее ресурсов и возможностей.

Контрастивность предикации основывается на существовании как минимум двух актантов ситуации — адресата призыва и другого актанта, которого не затрагивает действие предикации призыва. Если актант один и он исчерпывается адресатом или если он представляет собой обобщенную номинацию, то предикация теряет контрастивность, ср. *Все на борьбу с Колчаком!*; *Каждой семье — отдельную квартиру!* Интересно, что попытка преобразования хорошо известного призы-

ва с контрастивной предикацией в неконтрастивную может оказаться неуспешной в силу «интертекстуальности» последнего, ср. *Россия для россия!* даже при обобщенном актанте понимается в смысле противопоставления иностранцам/негражданам или, как минимум, в смысле противопоставления стандартному лозунгу — *Россия для русских!*

Оценочно немотивированные призывы могут иметь форму смысловых сверток, ср. формы типа *Чемодан, вокзал, Россия!* Анализ таких призывов требует привлечения структур знаний, стоящих за элементами редуцированного означающего. Так, лозунг *Чемодан, вокзал, Россия!*, призывающий русскоязычное население Эстонии возвращаться на этническую родину, связан с процедурным фреймом ПЕРЕЕЗДА (с одного места жительства на другое), основными смысловыми точками которого (или частями алгоритма) являются «сбор вещей (чемодана) → посадка на транспортное средство, предполагающая приезд на вокзал → прибытие на место назначения — в рассматриваемом случае — в Россию». Даже в «свернутом» виде данный лозунг сохраняет контрастивную интерпретацию: призыв уехать касается только русскоязычного населения.

4.2.2. *Оценочно-мотивированные призывы*

Другая стратегия формирования призывов к возбуждению национальной, расовой и религиозной розни основывается на эксплицитном противопоставлении нескольких национальных, расовых и религиозных групп. Слово *рознь* толкуется в словарях через синонимы ‘вражда, распря’⁴¹¹. Тем самым слово *рознь*, во-первых, содержит в своей семантике идею различия. Типичный способ говорить о различиях — это приписывание разных характеристик указанным типам сообществ. Однако слово *рознь* указывает не только на различие, но и на противопоставление национальных, расовых и религиозных групп. Действительно, слово *вражда*, через которое толкуется слово *рознь*, описывает такие отношения между людьми, которые ‘проникнуты неприязнью, взаимной ненавистью’⁴¹². Наиболее

⁴¹¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

⁴¹² Там же.

очевидный способ создания противопоставления — это приписывание отрицательных характеристик одним сообществам и положительных характеристик — другим. Пропозициональное содержание призыва часто обосновывается, мотивируется отрицательными оценками расовой, национальной или религиозной группы. К призывам такого рода относятся, например, лозунги *Очистим страну от черножопой мрази!; Таджики изнасиловал 7-летнюю девочку. Звереныши — вон из Москвы!; Гнать хачиков, азеров и прочее дерьмо!; Жиды, убирайтесь!; Чеченская мафия — вон из Москвы!; Вон из Москвы, хохлацкие уроды!; В помойку вонючих корейцев, китайцев и прочих азиатов, жрущих собачатину*. В приведенных примерах негативный оценочный компонент значения присутствуют в таких словах, как *черножопый, мразь, звереныши, хачик, азер, дерьмо, жиды, мафия* и т.д. Анализ таких лозунгов в рамках лингвистической экспертной деятельности предполагает как первый шаг изучение языковых средств передачи негативной оценки.

В лексике русского языка имеется целый арсенал средств передачи негативной оценки. К ним относятся, в частности, слова, имеющие стилистические пометы *нецензурное, бранное, неприличное*. Проблема заключается в том, что нормативные словари русского языка традиционно не включают нецензурную лексику из-за сильной табуированности этого слоя лексики. Потому, хотя это и кажется очевидным, доказать принадлежность того или иного обценного слова к числу нецензурных довольно сложно. В этом случае приходится обращаться не к нормативным словарям, а к словарям сленгов, жаргонов, словарям ругательств и нецензурной лексики⁴¹³. Согласно существующей не столько лексикографической, сколько лексикологической практике, к нецензурным словам отнесены несколько непроизводных слов, задаваемых списком⁴¹⁴, а также слова и словосочетания, производные от них.

Бранные слова — это слова, относящиеся к сниженному слою лексики, однако, в отличие от нецензурных, не имею-

⁴¹³ См., напр.: *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М., 1985; *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика (веселый словарь народных выражений). М., 2005; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

⁴¹⁴ *Х., п..., е..ть, з...па.*

щие абсолютного запрета на употребление. Они допускаются, например, в частном общении. Впрочем, использование бранных слов в общественной коммуникации также осуждается по моральным соображениям. Эти слова фиксируются словарями литературного языка с пометой *бранное, грубое*. Кроме того, в самой словарной статье этих слов часто содержатся указания на особый характер их употребления в речи: на коммуникативную цель обидеть или оскорбить адресата. К бранным, согласно данным словарей, относятся, например, слова *жопы, сволочь, скотина* (о человеке), *ублюдок, сука* (о человеке), *холуй, старый хрен* и т.п.⁴¹⁵

Помета *неприличное* в разных словарных изданиях конкурирует с пометой *бранное*. Кроме того, неприличными являются в официальной ситуации общения разговорные сниженные слова или слова, передающие презрительное отношение к собеседнику. Неприличные с точки зрения стилистики слова и выражения также осуждаются в обществе с точки зрения моральных норм. К неприличным относятся некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козел*), неологизмы, образованные в результате языковой игры и содержащие аллюзию на обценные и бранные слова (например, *дерьмократ*) и некоторые другие типы лексем⁴¹⁶.

Для отрицательной оценки часто используются альтернативные по отношению к нейтральным номинации национальностей и групп национальностей: *хачики* — вместо *армяне*, *азеры* — вместо *азербайджанцы*, *чурки* — вместо *уроженцы Средней Азии*, *жиды* — вместо *евреи* и т.д. В лексическом значении названий такого типа фиксирована отрицательная оценка. Ср. примеры призывов, приведенные выше, ср. также *Чурок черножопых метлой гнать из России, выучили на свою голову!; Закрыть Москву от азеров и чурок!; Чурки, вон из моего родного города!!*

⁴¹⁵ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992; *Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова.* СПб., 2001.

⁴¹⁶ Некоторые из них обсуждаются в кн.: *Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С.* Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. С. 329 и далее.

Особый интерес в этом отношении представляет номинация *жид* (*жиды*), часто используемая в публичных дискуссиях по национальным отношениям, ср. *Жиды прочь из славянских стран!*; *Быть русским означает — бить русских жидолизов!*; *Жиды, вон из России!*; *Зарегистрировать всех жидов и жидолизов!*; *Советы без жидов!*

Часто ответчики, привлекаемые за использование данной номинации, оспаривают ее негативно-оценочный статус. Стандартная аргументация в пользу того, что ничего отрицательного слово *жид* не содержит, сводится к следующим положениям:

- 1) слово *жид* — исконный общеславянский термин для обозначения евреев или лиц иудейского вероисповедания;
- 2) слово *жид* часто употребляется в произведениях русской классической литературы (в художественных произведениях, публицистике и письмах Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского);
- 3) слово *жид* представляет собой презрительное наименование евреев, а не оскорбительное (часто со ссылкой на словарь В.И. Даля);
- 4) в составе народов России нет этноса, именуемого словом *жиды*;
- 5) следовательно, слово *жид* не является оскорбительной номинацией евреев.

Первый аргумент — исторический и не относится к современному русскому языку. Известно, что с течением времени слова часто меняют свои значения и стилистический регистр использования. Так, слова *отморозок*, *стрелка*, *беспредел*, относившиеся изначально к уголовному языку (фене), стали широко употребляться в публицистике в период перестройки и практически изменили свои стилистические характеристики. Тем самым исторические аргументы первого типа не имеют силы при оценке негативной окраски слова *жид* в современном русском языке.

В качестве обоснования возможности нейтрального со стилистической точки зрения использования слова *жид* часто приводится аргументация, что именно так это слово исполь-

зовалось во времена Державина, Пушкина, Достоевского (см. аргументы второго типа). Это не в полной мере соответствует действительности. Хотя такое употребление и допускалось, оно все равно имело уничижительный оттенок. Приведем характерный пример из дневников А.С. Пушкина:

Один из арестантов стоял опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле, и с виду настоящий *жид* — я и принял его за *жида*⁴¹⁷, и неразлучные понятия *жида* и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. А.С. Пушкин. *Из автобиографических записок. Встреча с Кюхельбекером.*

В приведенном контексте слово *жид* в явном виде ставится в один ассоциативный ряд со словом *шпион*, что мотивирует резко отрицательную реакцию автора текста. Нельзя, однако, отрицать и того, что название *жид* в эпоху Пушкина было почти стандартной номинацией евреев, ср. — *Незнакомец, с ужасными проклятиями отослал спать старосту Трифона и земского Авдея, отложил чтение письма до завтрашнего дня и пошел в приказную избу, куда жид понес за ним и его маленькой чамодан.* А.С. Пушкин «История села Горюхина».

В современном русском языке нейтральный стилистический оттенок слова *жид* окончательно утрачен, а бранное употребление приобрело агрессивную окраску под влиянием разнообразных социально-политических факторов, способствовавших распространению антисемитизма в бывшем СССР. Для иллюстрации этого приведем высказывание лауреата Нобелевской премии русского поэта Иосифа Бродского: «...В печатном русском языке слово «еврей» встречалось так же редко, как «пресущствление» или «агорафобия». Вообще по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни... Помню, что мне всегда было проще со словом «жид»: оно явно оскорбительно...» И. Бродский. Меньше единицы.

⁴¹⁷ Здесь и далее выделено мною.

Толковые словари современного русского языка также указывают на то, что слово *жид* стилистически окрашено, т.е. не относится к нейтральной лексике, слово *жид* используется в значении ‘еврей *грубое, бранное и презрительное*’:

ЖИД (*дореволюц.*) 1. В устах антисемитов — еврей (*презрит.*). 2. *перен.* В кругах антисемитов — скряга (*простореч. бран.*). [Первонач. не имело презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер]⁴¹⁸.

ЖИД *Разг. Уничж.* Презрительное, бранное название еврея⁴¹⁹.

ЖИД *Разг.-сниж.* Презрительное название еврея⁴²⁰.

Отсюда следует, что слово *жид* содержит очевидную отрицательно-оценочную составляющую. Согласно В.В. Виноградову, слово *жид* приобрело презрительную, уничижительную, бранную, явно негативную окраску из-за влияния церковнославянской традиции, обвинявшей иудеев в том, что они не приняли учения Христа, а его самого предали и распяли. Кроме того, в новое время в Европе евреи занимались банковским делом, ростовщицеством и перекупкой, отсюда появление образа еврея — жадного скряги, кровопийцы, живущего за счет других⁴²¹.

В связи с употреблением обсуждаемого слова часто отмечается также (третий аргумент), что в словаре В.И. Даля слово *жид* квалифицируется как презрительная номинация, а не оскорбительная⁴²². Но выражение презрения в любом случае предполагает негативную оценку лица, называемого *жидом*, ср. *пре-*

⁴¹⁸ См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.

⁴¹⁹ См.: Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 1998.

⁴²⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

⁴²¹ См. об этом: Из истории русских слов. М., 1993. С. 69–72; Виноградов В.В. История слов. М., 1994. С. 162–165.

⁴²² «Жид, Презрит. название еврея. || Скупой, скряга, корыстный скупец||». *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. I. СПб., М., 1903. Заметим, кстати, что расстановка стилистических помет принадлежит не В.И. Далю, а редактору указанного издания — Бодуэну де Куртене.

зрительный — это ‘выражающий презрение’, а *презрение* — ‘чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-то, чему-л.’⁴²³. Кроме того, в советское время в «фото-механических» воспроизведениях первого издания словаря В.И. Даля словарная статья на слово *жид* часто просто исключалась. На соответствующей полосе оставались графические следы цензурного изъятия: статья *жид* отсутствовала, а интерлиньяж — расстояние между строками — на этой полосе ощутимо увеличивался⁴²⁴. Объяснение такого нетривиального цензурного кошунства над памятником русской культуры лежит на поверхности: слово *жид* в советское время однозначно воспринималось как неприличное, ругательное.

Ничего удивительно нет в том, что в официальном списке наций, национальностей и народностей России нет номинации *жиды* (четвертый аргумент). Это связано с тем, что данное слово в современном русском языке содержит очевидную негативную оценочную составляющую. Точно также среди официальных названий национальных и этнических групп нет номинаций *чучмеки, татарва, армяшки, черножопые* и т.п.⁴²⁵

Стратегия построения оценочно-мотивированных призывов заключается в том, что сначала за счет отрицательной (или положительной) оценки формируется противопоставление между двумя (или более) сообществами (религиозными, национальными и пр. группами), при этом отрицательные характеристики приписываются с помощью слов сниженного

⁴²³ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

⁴²⁴ На это обратил мое внимание В.И. Беликов.

⁴²⁵ Приведенный анализ оценочной семантики слова *жид* представляет собой расширенный вариант аргументации, изложенной в моей совместной экспертизе с Ю.А. Сафоновой по делу А.М. Макашова. Указанная экспертиза была комиссионной и включала психологическую, социологическую и пр. части, написанные другими экспертами. Лингвистическая часть этой экспертизы воспроизводится в: Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. М., 2001. С. 51. Другие части этого заключения, насколько мне известно, нигде не публиковались, хотя сопоставление выводов различных экспертов по данному делу представляло бы несомненный интерес.

слоя лексики, а также с помощью лексем, содержащих в своем значении отрицательный компонент значения (слова типа *хачик, азер, жид*). Далее отрицательная (или положительная) оценка используется для мотивации действия (шире — поведения), к которому призывает говорящий. Схематически эту стратегию можно описать следующим образом:

- приписывание отрицательной (положительной) оценки группе людей, сформированной по этническому, национальному или религиозному принципу →
- противопоставление данной группы другим группам по указанной оценке →
- описание действия, которое надо выполнить по отношению к отрицательно (положительно) оцениваемой группе →
- мотивация действия оценкой (факультативно).

Чаще всего в призывах используются отрицательные оценки (ср. призывы типа *В помойку вонючих корейцев, китайцев и прочих азиатов, жрущих собачатину!*), однако возможно и использование положительной оценки. В этом случае и действие оказывается несколько иным — выполняемым в «пользу» положительно оцениваемой группы, либо направленным против негативно оцениваемой группы: *Великий русский народ восстань и сбрось с себя уродливых инородцев!* В приведенном примере призыва положительная оценка русского народа (об этом говорит прилагательное *великий*) обосновывает, хотя и в неявной форме, то, что требуется в призыве: комплекс действий против не-русских — *инородцев*, оцениваемых отрицательно (ср. прилагательное *уродливый*). Дополнительно следует отметить наличие в призыве-лозунге метафоры персонификации: русский народ осмысляется как богатырь, который встает — *восстает* — и сбрасывает с себя нечто мелкое — насекомых, лилипутов, карликов и т.п. Метафора позволяет существенно усилить противопоставление национальных групп — «русские vs. не русские», превратив его в непреодолимое противоречие («богатырь/герой vs. насекомые/лилипуты/карлики»).

Анализ оценочно-мотивированных призывов предполагает обязательную квалификацию оценки как контрастной или

неконтрастивной⁴²⁶. Частая ошибка при исследовании призывов такого рода — игнорирование неконтрастивного статуса оценки. Так, высказывание *чеченский народ — самобытный и уникальный* само по себе не может рассматриваться как фраза, направленная на возбуждение национальной розни, поскольку априори нельзя сказать, что другим национальностям приписываются отрицательные оценки. Соответствующий вывод можно сделать только при анализе всего текста, в котором употреблена данная фраза.

Приведенная стратегия формирования призыва может реализоваться в пределах одного лозунга — см. примеры приведенные выше. Разумеется, последовательность операций в этом случае не соблюдается — порождается уже результат. Однако довольно часто такая стратегия используется для формирования структуры аргументации целого текста. Рассмотрим некоторые примеры такого рода.

4.2.2.1. Тексты, основанные на стратегии оценочно-мотивированных призывов

В рамках политической дискуссии, развернувшейся за пост мэра Москвы осенью 2003 г., один из кандидатов в основу своей кампании положил аргументацию националистического содержания. Два его выступления (на телевидении и на радио) по инициативе другого претендента были исследованы с точки зрения наличия в них призывов направленных на возбуждение национальной розни⁴²⁷.

Исследование стенограмм выступлений показало, что они построены по логике оценочно-мотивированных призывов. В начале в них обсуждаются негативные характеристики лиц различных национальностей, проживающих в Москве. Таковы, например, два приводимых ниже фрагмента выступлений.

⁴²⁶ Точнее следовало бы говорить о «рестриктивной» и «нерестриктивной» оценках. В английском языке рестриктивные придаточные определительные выделяются запятыми, а нерестриктивные — нет. Иными словами, в ряде языков это не только чисто семантический, но и грамматический феномен. В дальнейшем для простоты используется термин «контрастивная» и «неконтрастивная» оценка.

⁴²⁷ Рассматривается реальный случай и реальные контексты употребления, однако фамилии политиков опущены.

И сейчас у нас, вероятно, последний шанс сохранить его [Москву. — А.Б.] русским городом и остановить колонизацию нашей земли выходцами с Кавказа и Средней Азии. Попытка последняя, и уже на следующих выборах основной электорат будут составлять не русские и даже не белые будут гости, которые из гостей превращаются в наглых, озверевших хозяев. Я говорю, конечно же, не обо всех азербайджанцах и чеченцах, но о подавляющем их большинстве, потому что я лично не знаю чеченцев, которые работают на заводах и трудятся на полях, наверное, такие есть, но их мало. Я в основном знаю сытых, наглых, жестоких, довольных чеченцев разъезжающих в Мерседесах и занимающихся бандитизмом, грабежом и вымогательством. И кто бы ни говорил, что это разжигание межнациональной розни — это просто правда и констатация факта. *Выступление на телевидении.*

В приведенном фрагменте представлено несколько отрицательных характеристик, относящихся к представителям ряда национальностей. В глагольной фразе *превращаются в наглых, озверевших хозяев* прилагательное *наглый* означает ‘дерзко беззастенчивый, бесстыдный’⁴²⁸, ‘крайне дерзкий и бесстыдный; нахальный’⁴²⁹. Определение *озверевший*, образованное от глагола *озвереть*, синонимично прилагательному *озверелый* и имеет в той же фразе значение ‘жестокий, злой как зверь’⁴³⁰, ‘пришедший в ярость, в бешенство’⁴³¹. Эти характеристики указывают на нарушение моральных норм общества, а в ряде случаев могут указывать и на противоправную деятельность. Тем самым они являются отрицательными характеристиками. Поскольку под *гостями* в рассматриваемом фрагменте имеются в виду выходцы с Кавказа и Средней Азии, то отрицательные характеристики *наглый* и *озверевший* относятся к национальностям, проживающим в этом регионе — осетинам, чеченцам, ингушам и т.д.

⁴²⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁴²⁹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁴³⁰ Толкование прилагательного *озверелый* по: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁴³¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

Уточняя адресат отрицательных характеристик, выступающий замечает: *Я говорю, конечно же, не обо всех азербайджанцах и чеченцах, но о подавляющем их большинстве, потому что я лично не знаю чеченцев, которые работают на заводах и трудятся на полях, наверное, такие есть, но их мало.* Отсюда следует, что указанные отрицательные характеристики относятся именно к представителям национальностей, а не к преступникам, бандитам, морально нечистоплотным людям, вне зависимости от национальности, к которой они принадлежат.

В этом же фрагменте представлено выражение *сытые, наглые, жестокие, довольные чеченцы*. Прилагательное *наглый* было уже проанализировано выше, и было показано, что оно указывает на свойства, осуждаемые в обществе по моральным соображениям. Прилагательное *жестокий* в рассматриваемом контексте имеет значение 'крайне суровый, безжалостный, беспощадный'⁴³², т.е. оно также указывает на характеристики, осуждаемые с точки зрения общественной морали. Иными словами, отрицательные свойства, как и в предшествующем случае, приписываются представителям конкретной национальности — чеченцам.

В дальнейшем говорящий уточняет свое отношение к чеченцам как к национальности, квалифицируя их как лиц, занимающихся *бандитизмом, грабежом и вымогательством*: *Я в основном знаю сытых, наглых, жестоких, довольных чеченцев разбегжающих в Мерседесах и занимающихся бандитизмом, грабежом и вымогательством.* Иными словами, чеченцам как национальности приписывается бандитизм, грабеж и вымогательство, что не только осуждается по моральным соображениям, но и представляет собой противоправные действия, преследуемые по закону.

Рассмотрим второй фрагмент:

И эти конфликты, которые искусственно насаждаются в Москве за счет перенаселения сюда различных торговцев и, не побоюсь этого слова, бандитов. Посмотрите, взять чеченцев. Где вы здесь видели стариков-чеченцев? Это молодняк, здоровые, сильные, злые, в основном обстрелянные парни. *Выступление на радио.*

⁴³² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992; *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.*

Здесь по отношению к неназванным представителям различных национальностей использовано слово *бандиты*. В современном русском языке слово *бандит* значит ‘участник банды, вооруженный грабитель’⁴³³. В обсуждаемом фрагменте бандитами названы *различные торговцы*, приехавшие в Москву. Следовательно, конкретно национальность не названа. Однако последующее предложение представляет собой пример, иллюстрацию предшествующего тезиса, относящегося к *бандитам*: *Посмотрите, взяли чеченцев*. И глагол *посмотреть* (в форме *посмотрите*), и глагол *взять* указывают на то, что далее приводится пример *бандитов*, в качестве которого выступают представители чеченской национальности, приехавшие в Москву. Глагольная форма *взять* в данном контексте имеет значение ‘употребляется при указании на что-л. требующее внимания, рассмотрения’⁴³⁴, т.е. это показатель приведения примера — экземплификатор. Негативно-оценочная номинация *бандиты*, отнесенная, в частности, и к московским чеченцам, развивается и уточняется в последующем предложении: *Это молодняк, здоровые, сильные, злые, в основном обстрелянные парни*.

Таким образом, можно констатировать, что в исследованных стенограммах по отношению к выходцам с Кавказа (чеченцам), азербайджанцам и неназванным национальностям Средней Азии использованы отрицательные характеристики. На это указывают прилагательные *наглый, озверевший, жестокий*, а также существительные *бандит, бандитизм, грабеж и воровство*. Эти отрицательные характеристики первоначально контрастивны только имплицитно: явных оценок русским не дается, но положительная оценка следует, например, из фразы *И сейчас у нас, вероятно, последний шанс сохранить его [Москву. — А.Б.] русским городом*. Действительно, если русские оцениваются говорящим отрицательно, то указанная цель не имеет смысла.

В более явном виде противопоставление между различными национальностями вводится после первичных негативных

⁴³³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

⁴³⁴ Там же.

оценок, а сами оценки становятся эксплицитно контрастивными. Негативные оценки служат обоснованию и развитию тезиса о противопоставлении между русскими как титульной нацией и нерусскими национальностями, живущими в Российской Федерации. Это противопоставление прослеживается в различных высказываниях. Например, в высказывании (1) русский мэр противопоставляется нерусскому (противопоставление «русский — нерусский»):

- (1) Я вас призываю, посерьезнее отнеситесь к этим последним выборам, когда мы можем выбрать русского мэра. *Выступление на телевидении.*

В высказывании (2) русские дети противопоставляются азербайджанским и чеченским детям (противопоставление «русский — нерусский»), русские и чеченцы противопоставляются по месту жительства:

- (2) <...> меня беспокоит судьба моих детей, а не судьба азербайджанских, чеченских детей, у них есть свои родители. И чеченцу Господь уготовил, знаете ли, жить в городах Чечни, а мне, русскому — в Центральной России. Это не моя воля, это — воля Божья. *Выступление на радио.*

На важность противопоставления русских как нации и нерусских национальностей указывает также частое употребление местоимений *мы, наши* в значении ‘представители русской национальности’: *Потому что это наша земля, это наш город, это Москва. Это не Баку, не Фергана и не Грозный.* Выступление на радио; *У нас сейчас, собственно, последний шанс остановить этот беспредел, то есть у нас просто берут и забирают нашу землю, наш город, наши дома, наших женщин, наших детей.* Выступление на радио.

Компоненты, члены противопоставления «русские как титульная нация — нерусские национальности, живущие в РФ» характеризуются выступающим различно. Нерусские национальности оцениваются негативно. По отношению к выходцам с Кавказа (чеченцам), азербайджанцам и неназванным национальностям Средней Азии используются определения

наглый, озверевший, жестокий, а также существительные *бандит, бандитизм, грабеж и вымогательство*.

После предварительной аргументации, представленной выше, вводятся призывы к действиям в отношении нерусских национальностей:

И у нас сейчас не остается, дорогие мои соотечественники, времени, нам нужно не запрещать их въезд, а начинать их выселение на основе действующего законодательства, потому что большинство полученных прописок получено преступным путем, через взятки. *Выступление на телевидении.*

В данном фрагменте описывается желаемое действие, которое следует совершить: предлагается выселять представителей нерусских национальностей. Поскольку речь идет о публичной коммуникации, говорящий — политический субъект (кандидат на пост мэра), адресат (соотечественники) имеет обобщающий характер и данный акт рассматривается как часть политической дискуссии, то рассматриваемое побуждение является классическим призывом инклюзивного действия (говорящий не исключает себя из числа адресатов). Интересно, что поскольку призыв обосновывается ссылкой на действующее законодательство, то его нельзя рассматривать как призыв к противоправным действиям. При этом призыв дополнительно мотивирован в том же фрагменте отрицательной оценкой: *потому что большинство полученных прописок, получено преступным путем, через взятки.*

4.3. Призывы к действиям, направленным на пропаганду исключительности и превосходства

Содержание призывов к пропаганде исключительности и превосходства одной группы граждан над другой по религиозным, расовым, национальным и социальным основаниям, как и в предшествующем случае, основывается на введении контрастивной оценки, предполагающей явное или имплицитное противопоставление одной группы другой. Анализ случаев данного типа предполагает (i) выявление этой оценки и (ii) демонстрацию того, что оценка является контрастивной. Соот-

ветственно, если в отношении одной группы используется положительная оценка, то в отношении другой — отрицательная, и наоборот.

Следует отметить, что призывы к пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в точном смысле практически не встречаются (п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»). Действительно, призывы рассматриваемого типа должны были бы иметь приблизительно такой вид: *Покажем всем агрессивность кавказцев!, Убеждайте всех, что русские — пьяницы и бездельники!* В имеющихся материалах, как правило, **обнаруживаются случаи пропаганды превосходства или неполноценности как таковой, но никак не призывы к такой деятельности** (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»). Иными словами, вместо приведенных призывов, в общественно-политической коммуникации чаще встречаются лозунги типа *Кавказцы — бандиты!* или *Русские — алкоголики и бездельники!* Рассмотрим некоторые случаи такого рода.

В книге Севастьянова А.Н. «Национал-демократия или новый реализм»⁴³⁵ имеются контексты, в которых отрицательная оценка религии влечет отрицательную оценку верующих соответствующего вероисповедания — вплоть до характеристики их как неполноценных. Ср. следующий фрагмент:

Христианство сегодня — это религия умиротворения, уступок, утешения, компромиссов, религия «подставления левой щеки» взамен ударенной правой. Это религия ослабленных, больных, вырождающихся народов <...>. Севастьянов А.Н. Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996. С. 83.

В данном отрывке содержится, во-первых, отрицательная оценка христианства и, во-вторых, христиан. Отрицательная оценка христиан передана прилагательными *больной, вырождающийся*. Эти прилагательные передают отрицательную оценку того, к кому относятся: *больной* — ‘страдающий болезнью

⁴³⁵ См.: Севастьянов А.Н. Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996.

<...>; неестественный, ненормальный⁴³⁶, *вырождающийся* — ‘ухудшившийся в своей природе <...>; утративший способность к дальнейшему развитию’⁴³⁷. Больной, вырождающийся человек в том или ином отношении оказывается неполноценным. Тем самым христиане оцениваются в обсуждаемом фрагменте как неполноценные. Поскольку христианство — это религия больных, вырождающихся народов, то это косвенно отрицательно характеризует и саму религию. Данную отрицательную оценку христианства следует квалифицировать в рассматриваемом контексте как обязательное следствие, поскольку контекст содержит последовательность оценочных слов *умиротворение, уступка, компромисс, расслабленный* и т.п.

Идея неполноценности христиан представлена и другом фрагменте анализируемого издания:

«Христос терпел и нам велел», — *любимая поговорка раба*. Севастьянов А.Н. Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996. С. 83.

В рассматриваемом фрагменте христиане характеризуются как «рабы». Слово *раб* в переносных употреблениях имеет следующее значение ‘тот, кто слепо и подобострастно исполняет волю другого’, ‘тот, кто целиком подчинил чему-л. свою волю, свои поступки’⁴³⁸. Слепое и подобострастное исполнение чужих желаний, подчинение чужой воле осуждается в обществе по моральным соображениям. Кроме того, человек, слепо исполняющий желания других, подчиненный воле других, также оказывается неполноценным. Иными словами, и здесь христиане описываются как неполноценные люди.

В книге Севастьянова А.Н. отрицательно оцениваются и национальности:

<...> Россия и русские, как и любая колониальная страна и любой колониальный народ, должны иметь максимум храмов и минимум очагов просвещения. *Севастьянов А.Н. Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996. С. 76.*

⁴³⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Там же.

Слово *колониальный* в современном русском языке означает относящийся к 'стране, насильственно захваченной и эксплуатируемой империалистическим государством (метрополией), лишенной политической и экономической самостоятельности'⁴³⁹. Если русские — это «колониальный народ», то это означает, что русские живут в стране, которая насильственно захвачена, что они лишены политической и экономической самостоятельности и т.д. Следовательно, в рассматриваемом фрагменте речь идет о русских как о национальности, этнической группе и им дается отрицательная оценка, причем эта оценка опять-таки прямо связана с идеей неполноценности, поскольку несамостоятельный народ, зависящий от «захватчиков», не может быть полноценным.

Еще один пример, относящийся к многим национальностям:

В христианском раю, если мы попробуем себе его вообразить, окажется не только социальный сброд (состоящий зачастую из самых сомнительных личностей, успевших в последний момент жизни принести покаяние), но и сброд национальный. Эфиопы и немцы, евреи и хорваты, армяне и курды, ливанцы и индейцы Патагонии... и множество представителей других — едва ли не всех мыслимых — народов и наций. *Севастьянов А.Н. «Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996. С. 87.*

Слово *сброд* в толковых словарях современного русского языка толкуется как 'люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам'⁴⁴⁰. Контекст употребления данного слова показывает, что и сам автор текста прекрасно понимает семантику данного слова и использует слово *сброд* совершенно целенаправленно: 'состоящий зачастую из самых сомнительных личностей'. Кроме того, в толковом словаре слово *сброд* имеет стилистическую помету *презр.*, т.е. слово, выражающее презрение говорящего по отношению к кому-л. Следовательно, нации и национальные образования — эфиопы

⁴³⁹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

⁴⁴⁰ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 699.

и немцы, евреи и хорваты, армяне и курды, ливанцы и индейцы Патагонии — оцениваются резко отрицательно. Как и в предшествующем случае, сброд — разложившиеся, преступные и антиобщественные элементы — не может быть признан как сообщество полноценных граждан.

Приведенные отрицательные оценки религиозных групп и национальностей контрастивны: в анализируемой книге представлены ровно противоположные — положительные оценки А. Гитлера и немцев, ставших, по утверждениям Севастьянова А.Н., в период господства фашизма полноценной нацией:

Всего за пять лет пребывания у власти Гитлер:
впервые в истории <...> по-настоящему объединил Германию;

восстановил полномочия Германии в Рейнской зоне <...>;
<...> уничтожил унижительный и разорительный для Германии Версальский договор <...>;
<...>.

Не менее благотворными для немцев были и внутренние, социально-экономические перемены, достигнутые Гитлером:

практически было покончено в кратчайшие сроки с 7-миллионной безработицей <...>;

Но, возможно, самым главным достижением Гитлера было достижение нематериальное: *немцы почувствовали себя единой нацией, сплоченной и могущественной, талантливой, трудолюбивой, здоровой, организованной, имеющей по заслугам великое будущее*. Севастьянов А.Н. Национал-демократия, или Новый реализм. М., 1996. С. 26–27.

На положительную оценку, похвалу (возможно, восхваление) указывает в данном случае словосочетание *самое главное достижение Гитлера*, а также прилагательные *единый, сплоченный, могущественный, талантливый, трудолюбивый, здоровый, организованный* и причастный оборот *имеющей по заслугам великое будущее*, относящиеся к немцам как к нации.

Таким образом, в исследованной публикации были обнаружены **(i) отрицательные оценки христиан, а также целого ряда национальностей**, в которых подчеркивается их неполно-

ценность в том или ином отношении. При этом было показано, что **(ii) негативная оценка является контрастивной** и противопоставляется положительным оценкам А. Гитлера, его деятельности и позитивной оценке немецкого народа в период правления А. Гитлера.

Как показывает приведенный материал, определение пропозиционального содержания призыва оказывается далеко не тривиальной задачей и не может быть в полной мере формализовано. Тем не менее было показано, что в процедуре обнаружения содержания призывов выделяются несколько этапов, или шагов, которые можно рассматривать как часть формализованной процедуры семантического анализа. Объективизация выявления семантики призывов возможна именно на пути создания и отработки такой процедуры. Такая процедура должна быть «поддержана», с одной стороны, созданием тезауруса лексем, типичных при выражении того или иного содержания побуждения (выраженного в призыве), а с другой — изучением косвенных способов выражения призыва и инвентаризацией продуктивных языковых механизмов, связанных с непрямой передачей иллокутивной семантики призыва.

Глава 7. ТЕХНОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОРПУСЫ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

Любое лингвистическое исследование предполагает использование языковых данных — контекстов употребления тех или иных выражений, фрагментов звучащей речи и т.д. Чем больше анализируемый материал, тем выше достоверность выводов, тем шире сфера действия выявленных закономерностей. В этом отношении лингвистический анализ текста (в широком понимании) для целей лингвистических экспертиз не является исключением. Более того, в отличие от обычного лингвистического исследования, требование обоснованности для экспертизы оказывается не только одним из принципов научности, но и основным условием ее проведения, поскольку ее результаты могут быть положены в основу судебного решения. К лингвистической экспертизе текста в полной мере приложим принцип Гиппократа — не навреди. Если исследование не обосновано достаточным лингвистическим материалом, то его вообще нельзя проводить, в крайнем случае выводы должны быть скорректированы с учетом недостаточности исходных данных.

Иными словами проблема использования языковых данных для лингвистической экспертизы текста оказывается столь же актуальной, как и для задач теоретической лингвистики.

Хотя в традиционной лингвистике обращалось существенное внимание на полноту материала языкового исследования, общие принципы сбора данных разработаны не были. Некоторые соображения высказывались в рамках полевой лингвистики, занимающейся, в частности, изучением неописанных или плохо описанных языков и диалектов⁴⁴¹. В настоящее время в связи с развитием новых информационных технологий и технических средств (компьютерных систем, систем связи, систем мультимедиа) сбор языковых данных значительно облегчился, хотя и не упростился. Так, поскольку компьютерные технологии широко используются в печатном деле и в сред-

⁴⁴¹ См. по этому поводу, напр.: *Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.

ствах массовой информации, стало возможным получение в электронном виде текстовых материалов большинства крупных газет и журналов. Имеются довольно продуктивные устройства сканирования текста (сканеры) и эффективные программы расшифровки графической информации («картинки» текста) в собственно текстовый формат (текст как совокупность графем).

Налицо колоссальный технологический рывок вперед. Многие издательства используют для составления словарей специально подготовленные корпуса текстов. Таков, например, Бирмингемский корпус английского языка и соответствующая ему база данных, созданные как источники для подготовки англоязычных словарей издательства COLLINS⁴⁴².

Этот технологический рывок породил, однако, другие — не менее серьезные — проблемы, существенно осложняющие использование языкового материала как для чисто научных, так и научно-практических целей (в частности, для целей лингвистической экспертизы текста). Дело в том, что чрезмерный объем изучаемых данных может и затруднить описание исследуемого феномена. Такой эффект возникает в двух случаях: во-первых, когда информации слишком много⁴⁴³, и во-вторых, когда выбранный языковой материал искажает реальную картину функционирования языка относительно описываемого феномена. При наложении первой и второй ситуации — и материал слишком велик, и он не отражает реальный узус — результаты исследования практически не поддаются никакой разумной оценке. Заметим, что перечисленные проблемные ситуации не исключение, а рутинная практика современной лингвистики. В этом смысле остроумная метафора У. Фрэнсиса,

⁴⁴² См., напр., один из словарей этой серии: *Collins COBUILD English language dictionary*. London and Glasgow, 1987.

⁴⁴³ Например, изучение функционирования выражения *по крайней мере* в художественных произведениях Ф.М. Достоевского требует анализа более чем 500 употреблений этого грамматического фразеологизма. Между тем представление о реальной картине употребления появляется после просмотра первых 70–80 контекстов. Остальной материал не дает практически ничего нового. См. по этому поводу: *Баранов А.Н. Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (по крайней мере vs. по меньшей мере в художественных текстах Достоевского)* // Слово Достоевского. М., 1996.

сравнившего процесс формирования корпуса с попыткой вычерпывания ведром океана, не кажется значительным преувеличением⁴⁴⁴.

Встает задача разработки общих принципов построения лингвистических корпусов данных с использованием современных компьютерных технологий. Рассмотрим ряд существенных тем корпусной лингвистики, связанных с использованием корпусов текстов в лингвистической экспертизе. Начнем с типологии корпусов текстов.

§ 1. Элементы типологизации корпусов текстов: фундаментальные корпусы текстов; динамические/мониторные vs. статические корпусы; исследовательские корпусы vs. иллюстративные корпусы; авторские корпусы

Под корпусом текстов в корпусной лингвистике понимается такая совокупность данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, какие-то полные фрагменты макроструктуры текстов заданной проблемной области⁴⁴⁵.

Фундаментальные корпусы отражают состояние языка в целом, а не каких-то его отдельных фрагментов, подсистем, подязыков. Из фундаментальных корпусов наиболее известен Брауновский корпус американского варианта современного английского языка, создававшийся в Брауновском университете США в 1962–1963 гг. под руководством Нельсона Фрэнсиса. Объем корпуса около 1 млн словоупотреблений. Корпус состоит из 500 текстов, каждый из которых включает 2000 словоупотреблений. Тексты охватывают 15 различных жанров американского английского: газетные статьи (репортажи, передовицы, обзоры); религиозную литературу; профессиональную литературу; научно-популярную литературу; беллетристику; образцы деловой прозы (в том числе правительственные

⁴⁴⁴ См.: *Фрэнсис У.Н.* Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии, М., 1983. С. 337.

⁴⁴⁵ См. по этому поводу: *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. 2-е изд. М., 2003. С. 115 и далее.

документы); научную литературу; художественную прозу; детективы и научную фантастику; приключенческую литературу и вестерны; романтическую литературу; юмористические истории и рассказы.

По приведенному описанию структуры Брауновского корпуса хорошо видно, что фундаментальные корпуса универсальны в том смысле, что включают самые различные сферы употребления языка, хотя ориентация на литературный язык (а не, скажем, на территориальные диалекты или социальные жаргоны) и в этом случае очевидна. Тенденция к универсальности была в определенном смысле продолжена другим типом корпусов — **динамическими**, или **мониторными**, корпусами (см. ниже).

В России в настоящее время осуществляется несколько проектов по созданию фундаментальных корпусов. Некоторым приближением к фундаментальным корпусам можно считать несколько корпусов текстов, созданных в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. К ним относится Корпус текстов по современной публицистике (порядка 25 млн словоупотреблений), Корпус «Русская проза» (60–90 годы) (порядка 25 млн словоупотреблений) и Корпус «Русский детектив» (порядка 15 млн словоупотреблений). Создающийся в настоящее время «Национальный корпус русского языка» по замыслу в полной мере отвечает задачам и масштабам фундаментального корпуса, однако доступны в режиме on-line его фрагменты⁴⁴⁶. В перспективе этот корпус должен стать мощным средством исследования русскоязычного дискурса.

Первоначально корпуса текстов создавались как статические образования, отражающие определенное временное состояние языковой системы. Типичными представителями этого вида корпусов являются авторские корпуса — коллекции текстов писателей. Однако значительная часть теоретических и прикладных задач требует выявления функционирования языковых феноменов на временной шкале — например, изменения значения слов, частоты использования тех или иных синтаксических конструкций и пр. Для отражения временного аспекта проблемной области была разработана новая технология

⁴⁴⁶ См. сайт www.ruscorpora.ru.

построения и эксплуатации **динамического корпуса** текстов. В имеющейся литературе такие корпуса получили также название **мониторных**. Особенность создания (сборки) мониторных корпусов заключается в том, что они не предполагают раз и навсегда заданного набора текстов. В течение заранее фиксированного промежутка времени происходит обновление и/или дополнение множества текстов корпуса.

Специфика эксплуатации динамического корпуса состоит в том, что пользователь при проведении исследования может выделить из генерального корпуса рабочий корпус, включающий лишь часть текстов генерального корпуса. Как динамический корпус строился, например, Бирмингемский корпус английского языка.

Возможности использования фундаментальных и динамических корпусов текстов для задач лингвистической экспертизы текста очень разнообразны, и вряд ли их можно априори все исчислить. Укажем лишь некоторые:

- датировка времени создания текста (широкий класс экспертиз, в том числе автороведческие);
- проверка устойчивости (повторяемости, общепринятости) словосочетания, номинации (экспертизы товарных знаков, патентоведческие экспертизы);
- анализ значения слова в его реальных употреблениях, при отсутствии словарной информации или недостаточности словарных данных (широкий класс экспертиз, в том числе экспертизы по делам о защите чести и достоинства, о разжигании межнациональной розни, патентоведческие экспертизы);
- выявление частоты употребления отдельных значений слова — в том числе с учетом временных характеристик (автороведческие экспертизы, экспертизы о защите чести и достоинства, экспертизы о разжигании межнациональной розни);
- выявление типичных следствий из метафоры, характерных для определенного подъязыка (дела об оскорблении и защите чести и достоинства, экспертизы о разжигании межнациональной розни);
- формирование частотных словников, фрагментов частотного словаря для выбранных лексем (широкий класс экспертиз, в том числе автороведческие экспертизы).

Исследовательскими называются такие корпусы, которые предназначены преимущественно для изучения различных аспектов функционирования языковой системы. Они строятся не *post factum* — после проведения какого-либо исследования, а до его проведения. Этот тип корпусов данных, как правило, ориентирован на широкий класс лингвистических задач. Неспецифицированность задачи требует при построении исследовательских корпусов использовать пропорциональное сужение, являющееся наиболее простым способом обеспечения репрезентативности (см. ниже). Впрочем, чаще всего используются методы достижения репрезентативности, связанные с подробной параметризацией текстов проблемной области.

Исследовательские корпусы широко используются в практике лингвистических экспертиз и шире — при криминалистическом исследовании текста. В частности, они могут формироваться для экспертиз по установлению авторства текста. В этом случае формируется **объектный корпус** (текст, авторство которого должно быть установлено), а также различные **фоновые корпусы** (подмножества текстов, с которыми происходит сравнение объектного корпуса). Метод формирования исследовательских корпусов может использоваться и в других типах криминалистического исследования текста. Например, при выявлении типа подъязыка, на котором написан текст, и соответственно профессиональной, региональной (ср. диалектную речь, в отличие от литературного языка) принадлежности автора; при определении его стилистических характеристик, существенных для установления степени образованности автора текста.

Исследовательские корпусы используются также при анализе текста в патентном деле. Например, употребительность той или иной номинации может быть проверена только на материале достаточно репрезентативного корпуса соответствующего подъязыка.

Иллюстративные корпусы создаются после проведения научного исследования: их цель не столько выявить новые факты, сколько подтвердить и обосновать уже полученные результаты. Такие корпусы не являются слепком, правильным (с точки зрения статистики) отображением проблемной области. Они включают лишь то, что достаточно для иллюстрации описываемого феномена. Типичный пример иллюстративного корпуса представлен в «Путеводителе по дискурсивным словам

русского языка»⁴⁴⁷, где семантический анализ частиц и выделенные значения сопровождаются значительным текстовым материалом, позволяющим читателю проверить предложенные семантические интерпретации. Для иллюстративных корпусов не обязательно выполнение требования репрезентативности (по крайней мере, пропорциональной репрезентативности — см. ниже, § 3 данной главы).

Иллюстративные корпусы также привлекаются в исследовании текста для криминалистических целей, однако область их применения ограничена доказательством и иллюстрированием полученных результатов. Наиболее важной такая задача оказывается при изложении результатов проведенной экспертизы. Например, доказательство употребительности использования некоторого слова в определенном значении может сопровождаться выборкой примеров из текстов СМИ. Эта выборка и образует иллюстративный корпус. Значение иллюстративных корпусов трудно переоценить в судебном процессе при аргументации позиции сторон.

Для научных и практических целей (в частности, для преподавания иностранных языков) формируются корпусы параллельных текстов. По своей структуре это подмножество текстов на языке-источнике и одно или несколько подмножеств текстов, которые являются переводами текстов языка-источника на языки-цели. Например, английский текст «Alice in Wonderland» и его переводы на немецкий, французский и русский языки могут формировать такой корпус или быть частью большего корпуса параллельных текстов⁴⁴⁸.

Теоретически можно представить себе экспертную проблему, задачу криминалистического исследования текста, для выполнения которой был бы необходим параллельный корпус текстов. Однако реально такие задачи в практике встречаются довольно редко. Например, в одном из дел, связанных с за-

⁴⁴⁷ См.: Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

⁴⁴⁸ См. пример параллельного корпуса текстов и программы его обработки в: Groß A., Mißler B., Wolff D. MULTICONCORD: Ein multilinguales Konkordanz-Programm // Kommunikation und Lernen mit alten und neuen Medien. Forum angewandte Linguistik, Band 30, Peter Lang, Frankfurt am Mein etc., 1996.

щитой чести и достоинства, в качестве основного текста, к которому апеллировал истец, выступал русский перевод официального письма, написанный в оригинале на финском языке. Понятно, что перевод далеко не всегда адекватно передает форму и содержание исходного документа, его языковые и коммуникативные особенности. Между тем форма выражения весьма существенна при выявлении того, как подана некоторая информация — как утверждение или как предположение. Использование параллельного корпуса позволило бы в случаях такого рода по объективным критериям (в частности, по критериям частотности) определять адекватность перевода исходному тексту. Заметим, впрочем, что в любом случае использование перевода как основы для иска в делах о защите чести и достоинства весьма проблематично.

Особое место среди рассмотренных видов корпусов занимают **авторские корпусы** — коллекции текстов одного автора. В настоящее время имеются авторские корпусы произведений У. Шекспира, Г. Гейне, К. Крауса⁴⁴⁹ и ряда других европейских классиков. В России создан полный корпус произведений Ф.М. Достоевского (включая переписку и публицистику). Авторские корпусы необходимо использовать при установлении авторства текста. Понятно, что установление авторства по отношению к произведениям классической литературы — задача не столько судебная и криминалистическая, сколько культуроведческая, хотя и здесь имеются прецеденты (см., например, незатихающую дискуссию об авторстве «Тихого Дона»⁴⁵⁰). Интересно, что в большинстве случаев исследователи не используют чисто лингвистические методы определения авторства, комбинируя лингвистический и литературоведческий анализ. Привлечение к анализу авторского корпуса текстов в этом случае совершенно необходимо.

Отметим, что формирование авторского корпуса при проведении автороведческой экспертизы является необходимым

⁴⁴⁹ Авторский корпус текстов К. Крауса создан в Австрийской академии наук.

⁴⁵⁰ См. по этому поводу: *Кацис Л.* Шолохов и «Тихий Дон»: проблема авторства в современных исследованиях. (К 70-летию первой публикации романа) // Новое литературное обозрение. 1999. № 36; *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001.

(хотя и недостаточным) условием получения достоверного результата. В этом случае авторский корпус выступает одновременно и как исследовательский (см. выше).

В качестве особого источника текстовых корпусов следует упомянуть и русскоязычный Интернет, в котором на различных сайтах сосредоточено огромное количество текстов на русском языке. По сути, это динамический гипертекст, находящийся в состоянии постоянного изменения. Связи между сайтами и текстами устанавливаются как самими создателями (жесткие связи), так и поисковыми машинами на сайтах типа Rambler, Google и Yandex (гибкие связи). Использование этих источников оказывается довольно продуктивным при проведении лингвистических экспертиз самых различных типов. Некоторой проблемой оказывается достижение, точнее обоснование, репрезентативности. Дело в том, что, несмотря на огромный объем текстовой информации, получаемой при поиске контекстов употребления слов и словосочетаний на поисковых машинах, ее нельзя считать результатом случайного выбора. Известно, что поисковые машины специальным образом организуют информацию, ориентируясь как на существующие заказы от держателей и пользователей сайтов, так и на принципы собственной информационной политики. В первом случае при запросе пользователя на те или иные слова он в качестве первых ссылок получает те ссылки, которые были «заказаны». Например, на запрос «детское питание» пользователь в первой десятке результатов поиска получит те компании, которые заплатили за это. Во втором случае могут игнорироваться целые группы тематических сайтов.

Поскольку информационная политика поисковых сайтов представляет собой коммерческую тайну, обосновать репрезентативность выборки довольно трудно. Впрочем, очевидно, что для многих собственно лингвистических задач (в том числе и задач лингвистической экспертизы текста) факторы «информационного заказа» и «информационной политики» являются внешними и по большей части могут быть оценены как случайные возмущения. Кроме того, сравнение результатов поиска по разным поисковым машинам может помочь скорректировать информационные искажения. Заметим, однако, что такая корректировка необходима далеко не для всех экспертных задач лингвистического анализа текста.

§ 2. Типология корпусов текстов, учитывающая задачу выявления индивидуальных особенностей автора текста

Класс автороведческих экспертиз предъявляет специфические требования к корпусам текстов. Автороведческие экспертизы можно условно разделить на две большие группы:

- 1) автороведческие экспертизы по установлению авторства⁴⁵¹;
- 2) автороведческие экспертизы по выявлению социальных, интеллектуальных, образовательных, эмоциональных и др. характеристик автора.

Первый тип экспертиз можно назвать **собственно автороведческими**, а второй — **портретными**, поскольку совокупность интеллектуальных, социальных и эмоциональных характеристик автора создают его «портрет», или «лицо»⁴⁵².

Собственно авторские экспертизы предполагают создание и использование, как минимум, следующих корпусов: 1) авторского корпуса (корпуса, авторство которого следует установить); 2) двух или более сопоставительных корпусов; 3) фонового корпуса. Авторские, сопоставительные и фоновые корпуса характерны для таких проблемных ситуаций, которые можно назвать «сравнение по образцу» и «конкуренция образцов»:

Сравнение по образцу: Имеется пример текста (текстов) некоторого автора *X*. Необходимо установить, является ли он и автором некоторого другого текста (текстов).

Конкуренция образцов. Имеются образцы текстов авторов *X*, *Y*, *Z*. Необходимо установить, кто из них является автором текстов T_1 , T_2 , ..., T_n .

Фоновый корпус в экспертизах сравнения по образцу и конкуренции образцов используется для контроля достоверности получаемых результатов.

⁴⁵¹ Экспертизы по установлению авторства сами по себе довольно разнообразны и требуют различных методик исследования. Так, установление авторства существенно отличается от установления соавторства, не решены проблемы разграничения соавторства и редактуры текста — не в последнюю очередь потому, что это не чисто лингвистические, а скорее социальные и культурные феномены.

⁴⁵² Ср. близкие, хотя и не идентичные понятия *face* и *social face* в дискурс-анализе и этнометодологии.

Специфика авторских экспертиз заключается в том, что для каждого случая строятся свои корпуса, которые, быть может, за исключением фонового корпуса, неприменимы к другим случаям.

Составление портрета автора текста относится к числу важнейших задач криминалистического исследования текста. Однако теоретическое и практическое обеспечение портретных экспертиз оставляет желать лучшего, хотя в последнее время ведутся исследования лингвистических коррелятов социального статуса автора текста, его образовательного уровня, пола, места жительства и происхождения, а также других характеристик — вплоть до анализа психологического и эмоционального состояния⁴⁵³. В основу этих исследований часто кладут теорию языковой личности, развиваемую Ю.Н. Карауловым⁴⁵⁴.

Кроме чисто теоретических аспектов портретных экспертиз, существенную проблему представляет их лингвистическое обеспечение и, в частности, корпусная поддержка. Для лингвистического обеспечения автороведческих экспертиз такого рода необходимы корпуса следующих типов:

- корпуса, отражающие региональные/диалектные особенности функционирования русского языка (к настоящему времени таких корпусов нет; имеются лишь достаточно обширные фонотеки диалектной речи, например, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН); такие корпуса необходимы для установления происхождения и/или места жительства автора текста;

⁴⁵³ См. по этому поводу: *Йокояма О.* Когнитивный статус гендерных различий в языке и их когнитивное моделирование // *Wiener Slawistischer Almanach*, München, Sonderband 55 (2002) X–XX. С. 29–40; *Ермолаев А.К.* Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы: Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 1999; *Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского стиля письма // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*: Сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 446. Москва, 1999. С. 44–60.

⁴⁵⁴ См.: *Каменская О.Л.* Теория языковой личности — инструмент гендергетики // *Доклады Второй Международной Конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация»*, МГЛУ, Москва, 22–23 ноября 2001 г. М.: МГЛУ, 2002. С. 184–188.

- корпусы, отражающие специфические половые характеристики автора (к настоящему времени таких корпусов нет); такие корпусы необходимы для установления пола автора текста;
- корпусы, отражающие профессиональные навыки автора текста (в точном смысле к настоящему времени таких корпусов нет; некоторым слабым аналогом может служить разбиение текстов по функциональным стилям — публицистика, научная литература, художественная литература, жаргоны и т.д., однако для русского языка сейчас есть лишь три достаточно представительных корпуса, отражающих некоторые жанровые характеристики текстов, которые могут использоваться в соответствующих исследованиях; это уже упоминавшиеся Корпус текстов современной публицистики, Корпус «Русская проза» (60–90 гг.) и Корпус «Русский детектив», созданные в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН; кроме того, здесь же имеется корпус газетных текстов конца XX в.;
- корпусы, отражающие временное измерение развития русского языка (к настоящему времени таких корпусов нет; в перспективе такая задача ставится создателями Национального корпуса, о котором шла речь выше); такие корпусы необходимы для установления времени создания текста, а также для определения предположительного возраста автора текста;
- корпусы, отражающие уровень образования автора (к настоящему времени таких корпусов нет); понятно, что корпусы такого рода необходимы для определения степени образованности автора текста;
- типология ошибок, фиксированная в корпусе текстов; анализ ошибок позволяет определять как уровень образования автора текста, так и некоторые черты его психологического и эмоционального состояния (к настоящему времени таких корпусов нет).

Приведенные данные определенно указывают основное направление исследований в области автороведческих портретных экспертиз — это построение репрезентативных корпусов, содержащих лингвистические корреляты различных харак-

теристик автора: от социальных до характеристик психологического и эмоционального состояния. Перейдем к проблеме репрезентативности корпуса.

§ 3. Проблема репрезентативности корпуса

Использование корпусов текстов допустимо лишь в том случае, если они репрезентативны, т.е. отражают важнейшие, существенные характеристики проблемной области — множества текстов соответствующего подъязыка. Количественная (стохастическая) модель репрезентативности может быть различной. Под **пропорциональной репрезентативностью** понимается способность корпуса текстов отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области. Другими словами, относительная частота явления в корпусе должна быть близка относительной частоте в проблемной области. Это требование ориентирует «сборщика» корпуса текстов на специализацию разрабатываемого продукта по уровневой тематике: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, текстовые и пр. корпуса.

Например, текстовые корпуса должны содержать в соответствующей пропорции тексты с базовыми, наиболее типичными макроструктурами, имеющимися в данной проблемной области. С другой стороны, лексические корпуса должны включать выбранные исследователем поля лексических единиц. Стремление к репрезентативности налагает определенные ограничения на единицы хранения корпуса: если для морфологии достаточно словосочетаний и отдельных предложений (для языков с развитой морфологией), то для собственно текстовых корпусов единицами хранения должны быть целые тексты и по возможности целые фрагменты их макроструктур.

Репрезентативность не исчерпывается перечисленными параметрами. Так, в каждом конкретном случае может оказаться необходимым учесть стилистическую, временную, авторскую и другие составляющие текстового массива проблемной области.

Пропорциональная репрезентативность достигается **пропорциональным сужением** проблемной области. В этом случае

можно говорить о «пропорциональной стратегии» организации корпуса текстов. Возьмем грубый пример. Пусть в проблемной области содержится 20 контекстов, а в корпусе данных должна быть четвертая часть — 5 контекстов. Контексты являются примерами реализации различных синтаксических феноменов — в десяти контекстах представлены простые предложения, а в восьми — сложные. В двух последних контекстах содержатся примеры так называемой парцелляции. В корпусе данных один контекст соответствует четырем контекстам проблемной области. Это означает, что при пропорциональном сужении в четыре раза контексты парцелляции не попадают в корпус данных. Соотношение между корпусом данных и проблемной областью при пропорциональном сужении называется **порогом отображения**. Чем выше порог, тем больше вероятность, что какие-то феномены проблемной области, обладающие сравнительно низкой частотой, не попадут в корпус данных.

Требование адекватного отображения может быть нарушено, если цель исследования заключается не столько в оценке частотности того или иного явления, сколько в изучении множества уже выделенных языковых структур. Для таких задач более разумно и экономично использовать иллюстративные корпуса текстов (см. выше).

Еще один способ достижения репрезентативности — это **стратифицированная выборка** (stratified sampling), при которой в корпусе учитываются все типы текстов проблемной области, но при этом каждый тип представлен одним и тем же объемом данных. По такому принципу организован, например, ставший уже классическим Брауновский корпус американского варианта английского языка. Как показывает практика использования таких корпусов, для некоторых задач они оказываются вполне репрезентативными.

Поскольку достижение репрезентативности корпуса тесно связано с теми задачами, для которых предназначен корпус, то для фундаментальных корпусов пропорциональное сужение или стратифицированная выборка неприемлемы. Дело в том, что фундаментальные корпуса предназначены для широкого круга задач, причем часто совсем не лингвистических. Фундаментальные корпуса часто используются в политологии, социологии, дискурс-анализе, этнометодологии и ряде других научных дисциплин и практических сфер деятельности.

Кроме того, пропорциональное сужение проблемной области предполагает проведение непосредственных количественных замеров, т.е. оценку вероятности появления тех или иных языковых феноменов. Часто это практически невозможно из-за большого объема данных проблемной области. Тогда используются косвенные методы достижения репрезентативности. Они не дают стопроцентного результата, однако позволяют максимально учесть все релевантные явления проблемной области, даже если при этом нет гарантии отражения относительной частоты изучаемого феномена. Такие методы достижения репрезентативности называются **классификационными**. Они связаны с **параметризацией** проблемной области, т.е. с выявлением потенциально существенных характеристик текстов. При параметризации определяется максимальное количество предположительно релевантных параметров, образующих матрицу сочетаний значений признаков, в которой исчисляются все возможные комбинации значений параметров. На каждую допустимую комбинацию параметров в проблемной области отыскивается пример, который и вводится в корпус. Часто для оценки существенности параметров проблемной области привлекается экспертная оценка. У. Фрэнсис, описывая историю создания Брауновского корпуса, отмечает, что на этапе планирования работ было собрано совещание известных экспертов в области конструирования корпусов (в нем принимали участие Р. Куирк, Ф. Гоув, Дж. Кэррол), на котором были сформулированы основные принципы параметризации проблемной сферы и структура корпуса⁴⁵⁵.

Использование классификационных методов достижения репрезентативности позволяет сформулировать, например, следующие релевантные параметры для корпуса газетных заголовков:

- 1) временной параметр (дата $d_1 \dots d_n$);
- 2) рубрика газеты («Передовые статьи», «Письма с мест», «Культура», «Спорт» и т.д.);

⁴⁵⁵ См.: *Фрэнсис У.Н.* Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 344 и далее.

3) синтаксическая структура заметки («Повествовательное предложение», «Вопросительное предложение»; «Номинативное предложение» и т.д.);

4) наличие в составе заголовка идиомы;

5) наличие-отсутствие языковой игры и другие возможные параметры.

Все допустимые комбинации значений параметров задают клетку матрицы, которую заполняет заголовок, найденный в проблемной области. Например, заголовок в корпусе может иметь в этом случае такой набор значений параметров: $\langle d_i$; «Письма с мест»; «Повествовательное предложение»; «Без идиом», «Без языковой игры» $\{...\}$.

Однако чаще всего практикуется технологически наиболее простой способ достижения репрезентативности — **сплошной отбор данных**, который требует последующей оценки репрезентативности. При сплошном отборе в корпус последовательно помещаются все релевантные явления проблемной области, которые представляют интерес в связи с предполагаемым назначением корпуса или задачами исследователя. Основная трудность применения технологии сплошного отбора данных заключается, во-первых, в том, что оценка репрезентативности делается *post factum* и, во-вторых, в том, что способы оценки репрезентативности корпуса невозможно предсказать, они непосредственно зависят от тех феноменов, которые собираются в корпус.

Для исследовательских корпусов и корпусов, представляющих отдельные фрагменты функционирования языковой системы, достаточно перспективным представляется развитие стохастических моделей репрезентативности (об одной такой модели — пропорциональном сужении — говорилось выше). Другая стохастическая модель — это методика последующей оценки репрезентативности, основанная на идее **накопления и коррекции** относительной частоты языкового феномена X , достигаемая в процессе сплошного отбора контекстов появления этого феномена. Предположим, что явление X в проблемной области имеет относительную частоту F_m . Пусть в некоторой выборке примеров A_j этот феномен получает частоту F_1 , которая, разумеется, в общем случае отличается от частоты F_m , но тогда следует ожидать, что при тех же принципах отбора примеров при дальнейшем накоплении материала, равном вы-

борке примеров A_2 , в результирующей выборке $A_1 + A_2$ относительная частота F_2 будет в большей степени приближаться к F_m . Конечно, это не обязательно произойдет сразу на втором замере в выборке $A_1 + A_2$. В общем случае это может произойти на n -м замере в выборке $A_1 + A_2 + \dots + A_n$. С какого-то момента, когда относительная частота феномена X начинает приближаться к относительной частоте этого феномена в проблемной области, т.е. с замера n , различие между относительными частотами F_n, F_{n+1}, F_{n+2} и т.д. будет все больше уменьшаться. Иными словами, разница между числами последовательности $Q_n (= F_n - F_{n-1}), Q_{n+1} (= F_{n+1} - F_n), Q_{n+2} (= F_{n+2} - F_{n+1})$, характеризующими различия в относительной частоте между замерами, начиная с замера n , будет становиться всё меньше и меньше.

Графически это будет передаваться движением кривой к некоторому пределу (относительной частоте феномена X в проблемной области — F_m). Возможные возмущения могут быть связаны с различиями в принципах отбора феномена X или принципах отбора текстов в корпус, которые неизбежны для тех случаев, когда корпус собирается разными исследователями. С практической точки зрения данная модель оценки репрезентативности — **модель накопления и коррекции** — означает, что выявление тенденции движения кривой замеров к стабилизации, к некоторому пределу в виде горизонтали, проведенной на оси значений на графике от точки 0, будет свидетельствовать о достижении по крайней мере относительной репрезентативности корпуса⁴⁵⁶.

Корпусные технологии обработки данных представляют собой новый способ организации и проведения лингвистических исследований, в том числе экспертного характера, который повышает степень объективности получаемых результатов и облегчает работу лингвиста. Обратимся к требованиям, которые предъявляются пользователем к корпусу текстов.

⁴⁵⁶ Пример использования такой методики оценки репрезентативности см. подробнее в работе: *Баранов А.Н.* Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафористики) // Международный семинар «Диалог-2001». М., 2001.

§ 4. Требования, предъявляемые к корпусу текстов с точки зрения пользователя

Корпус текстов, будучи отражением проблемной области, должен совмещать, с точки зрения пользователя, самые противоречивые требования. Поскольку последовательное соблюдение любого из требований приводит к разрушению корпуса как такового, необходимо соблюдение баланса между ними. То, как создатель корпуса старается совместить, учесть различные требования, формирует стратегию построения корпуса.

Репрезентативность как одно из требований была обсуждена выше. К другим требованиям относятся полнота, экономичность и структуризация материала корпуса.

Полнота. Репрезентативность корпуса указывает на то, что единицы проблемной области отражаются пропорционально в корпусе данных, но при определенном пороге некоторые релевантные явления пропадут, исчезнут из корпуса. Полнота требует учета релевантных явлений, даже если это не соответствует идее пропорционального сужения. Требование полноты совершенно необходимо в тех случаях, когда лингвист — конструктор корпуса приблизительно знает, что ему искать. В такой ситуации исследовательский корпус может приобрести те или иные черты иллюстративного корпуса.

Экономичность. Корпус текстов должен экономить усилия исследователя при изучении проблемной области. В частности, он должен быть не просто строгим подмножеством текстов проблемной области, но по возможности существенно отличаться от нее по объему. В общем случае чем более «экономичен» корпус, тем выше порог отображения. В то же время для исследовательских корпусов экономия не может проводиться в ущерб репрезентативности: статистические пропорции должны быть адекватно отображены, если это не оговорено специально.

Структуризация материала. Определение единиц хранения корпуса не должно быть непосильной задачей для пользователя. Желательно сопоставить корпусу опись данных, в которой единицы хранения характеризуются по тем параметрам, которые могут оказаться важными и в то же время простыми и понятными для пользователя.

В ряде случаев на состав единиц хранения налагаются существенные ограничения. Если единицей хранения оказывает-

ся фрагмент текста (предложение или группа связанных между собой предложений), то важно, чтобы он был **самодостаточным**. Последнее означает, что он не должен содержать неоднозначности любых типов, в частности, местоимений, для которых невозможно восстановить антецедент, ссылок на другие фрагменты текста и пр. В тех случаях, когда единицы хранения включают случаи языковой игры, связанной с неоднозначностью, рамки контекста должны быть таковы, чтобы пользователь мог легко определить, что речь идет о языковой игре, а не об ошибке в вычленении единицы хранения. Разумеется, это не очень существенно для корпусов, отражающих морфологические или фонетические особенности проблемной области.

Еще одно требование к корпусу текстов — наличие программного обеспечения, позволяющего обрабатывать языковые данные. Рассмотрим это требование более подробно.

§ 5. Программы компьютерной поддержки корпусов

Корпус текстов как таковой не представляет существенного интереса для конечного пользователя, поскольку извлечение информации из корпуса (обработка данных) требует использования специальных компьютерных программ. Действительно, ручная обработка больших массивов текстов, да еще и по различным параметрам, настолько трудозатратна, что ее в подавляющем большинстве случаев нельзя серьезно рассматривать как реальную задачу. Комплекс программ по обработке текста в самом простом случае должен обеспечивать функции составления конкордансов, статистической инвентаризации, автоматической словарной обработки (составление полных и частичных словариков по различным основаниям — по частоте, по алфавиту и пр.) и лемматизации⁴⁵⁷. Как минимум корпус должен быть «прозрачен» для компьютерной обработки (отсутствие переносов, лишних пробелов и пр.)⁴⁵⁸.

⁴⁵⁷ Под лемматизацией в корпусной и компьютерной лингвистике понимается процедура сведения словоформ слова к его словарной форме (например, сведение словоформ *стола*, *столу*, *столами*, *столах* и т.д. к исходной форме *стол*).

⁴⁵⁸ Ср. формальные требования к представлению текстов в Машинном фонде русского языка в кн.: *Андрющенко В.М.* Концепция и архитектура машинного фонда русского языка. М., 1987.

Имеющиеся компьютерные программы, ориентированные на обработку корпуса текстов, строятся по двум основным стратегиям. В первом случае программа порождает для текста комплекс указателей, в частности, указатель словоформ, в котором для каждой словоформы указывается адрес в тексте. В дальнейшем при составлении конкордансов программа оперирует не столько текстом как таковым, сколько указателями к нему. Типичный пример программ такого типа — программные пакеты UNILEX (Машинный фонд русского языка)⁴⁵⁹, а также американские программы ETC и WORD CRUNCHER (более поздняя версия пакета ETC; компания Electronic Text Corporation и Brigham Young University)⁴⁶⁰. В Великобритании используется аналогичный по функции пакет OCP (Oxford Concordance Program), а в Германии — программа TEXT-PACK⁴⁶¹. При второй стратегии для поиска необходимых контекстов программа каждый раз последовательно просматривает текст, маркируя те фрагменты, которые удовлетворяют поисковому заданию (такова, например, программа DIALEX-DIAWIN, разработанная в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН⁴⁶²). Достоинства и недостатки первой и второй стратегии связаны с двумя факторами: с необходимостью предварительной обработки корпуса (подготовки его к составлению конкордансов) и с объемом корпуса. Первая стратегия (программы типа UNILEX) предполагает предварительное разбиение текстов на модули и составление больших указателей, что, разумеется, требует значительного рабочего времени и наличия больших ресурсов памяти.

Совершенно иная ситуация с программами, работающими по второй стратегии (программы типа DIALEX): указатели, которые они строят по корпусу текстов, являются вре-

⁴⁵⁹ См.: *Мошковиц Ж.Г.* Автоматическая лексическая система Унилекс-2. М., 1989.

⁴⁶⁰ См.: *WordCruncher*. WC Index Text Retrieval Software. Brigham Young University, 1989; *WordCruncher*. WC View Text Retrieval Software. Brigham Young University, 1989.

⁴⁶¹ Распространяется организацией Zentrum für Umfragen, Methoden und Analysen — ZUMA (г. Мангейм, Германия).

⁴⁶² См.: *Исаев И.А.* Опыт автоматизации лексикографических исследований. Система DIALEX // Слово Достоевского. М., 1996.

менными и уничтожаются по мере выполнения алгоритма. Они не требуют предварительной обработки корпуса, членения текстов на отдельные модули и т.п. Но программы такого рода должны использовать очень продуктивные подпрограммы обработки текста, поскольку каждый поиск предполагает сплошной просмотр корпуса. Фактически программы типа DIALEX состоят из «кирпичиков» — очень продуктивных программ-перекодировщиков типа «FT». Основной недостаток второй стратегии заключается в том, что значительное увеличение массива текстов в корпусе существенно замедляет работу программы. В настоящее время эта пороговая величина находится на уровне 100 мегабайт. После прохождения этого порога более разумно использовать программы типа UNILEX, работающие при составлении конкордансов не с текстами как таковыми, а с указателями к ним. Очевидно, однако, что разметка 80–100 мегабайтного корпуса и составление к нему указателей потребует значительного времени.

В настоящее время в Институте русского языка используется новая программа обработки корпусов — «КСИ» (автор — М.Н. Михайлов). Она представляет собой программный блок-надстройку над базой данных ACCESS. Обработка корпуса в этой программе сводится к составлению таблицы-указателя словоформ. Далее программная оболочка позволяет строить запросы на языке SQL и тем самым производить поиск в корпусе по одной или нескольким словоформам. Один из вариантов этой программы имеет блок лемматизации, что существенно упрощает процедуру поиска глагольных форм.

Особого программного обеспечения требуют корпуса параллельных текстов. Программа MULTICONCORD позволяет строить конкордансы и устанавливать соответствия между фрагментами оригинального текста и его переводами на другие языки⁴⁶³. В настоящее время MULTICONCORD работает с корпусом из шести языков — английский, немецкий, французский, греческий, итальянский и датский (текст на исходном языке и пять текстов на целевых языках). Для разных

⁴⁶³ См.: *Groß A., Mißler B., Wolff D.* MULTICONCORD: Ein multilinguales Konkordanz-Programm // *Kommunikation und Lernen mit alten und neuen Medien. Forum angewandte Linguistik, Band 30*, Peter Lang, Frankfurt am Mein etc., 1996.

текстов целевые языки и языки-источники варьируются. Корпус параллельных текстов полностью интегрирован в программу. Он включает разнообразные литературные тексты — романы, драмы, короткие рассказы, а также публицистику, информационные тексты, анекдоты. Программа дает возможность производить поиск по разным языкам, разным словам, словоформам и словосочетаниям. Ср. фрагмент поиска на английский глагол *look* в оригинальном тексте «Alice in Wonderland» и его лексические эквиваленты в переводе на немецкий язык:

<p>First, she tried to look down and make out what she was coming to, but it was too dark to see anything;</p>	<p>Als erstes spahte sie in die Tiefe hinab, um zu erkennen, was ihr dort bevorstand, aber es war so dunkel, daß man nichts sehen konnte;</p>
<p>It was as much as she could do, lying down on one side, to look through into the garden with one eye;</p>	<p>Wenn sie sich seitlich hinlegte, konnte sie mit einem Auge gerade noch in den Garten hinausblicken, aber mehr auch nicht, und dorthin zu gelangen war aussichtsloser denn je;</p>

Результаты поиска могут сортироваться по объему, алфавиту, по произведениям, авторам и т.д.

Технология составления и обработки параллельных корпусов может найти применение в некоторых видах экспертиз, связанных с разрешением споров об авторстве текста — когда речь идет о прямых заимствованиях без ссылки на источник (о плагиате). Сопоставление двух текстов — текста, в котором обнаружилось заимствование, и текста, который был источником заимствования, — оказывается весьма эффективным при использовании программ типа MULTICONCORD.

В заключение перечислим основные функции программного обеспечения, необходимые для обработки корпуса и использования корпусных технологий в криминалистической экспертизе текста:

- составление конкордансов по указанному слову или набору слов, словоформ; варьирование параметров выдаваемого контекста (длина контекста, положение в нем

- искомого слова и т.д.); выполняется стандартными существующими программами;
- лемматизация; выполняется некоторыми существующими программами;
 - возможности автоматического или полуавтоматического аннотирования корпуса; выполняется некоторыми существующими программами;
 - аннотирование применительно к задаче отождествления значения слова, а также к задачам определения тех или иных индивидуальных особенностей автора текста; в настоящее время программ такого рода нет;
 - составление словариков по текстам с указанием абсолютной и относительной частоты употребления лексем/ словоформ; выполняется стандартными существующими программами;
 - организация конкордансов в формате базы данных; выполняется некоторыми существующими программами.

§ 6. Использование корпусов текстов в исследовании семантики слов и словосочетаний при лингвистической экспертизе текста

Как было сказано выше, корпуса текстов могут использоваться в проведении лингвистических экспертиз различных типов. Корпусные технологии обработки данных позволяют проводить исследование семантики слов и словосочетаний, при этом корпуса текстов привлекаются на различных этапах исследования семантики лексических единиц и устойчивых словосочетаний (в том числе фразеологизмов). Рассмотрим эти этапы и проиллюстрируем их конкретными примерами.

6.1. Уточнение словарного толкования слова и выявление условий нейтрализации значений лексем

Словарные издания (в частности, толковые словари русского языка) не всегда точно и с достаточной полнотой отражают особенности значения и употребления лексем. Для некоторых экспертных задач этого оказывается достаточно, однако

в целом ряде случаев приходится проводить дополнительные исследования значения и сочетаемости слов. Репрезентативные корпуса текстов незаменимы для углубленного анализа семантических и синтаксических характеристик лексем и словосочетаний. В частности, корпуса текстов позволяют уточнять толкования слов, которые даются в толковых словарях современного русского языка. Рассмотрим один характерный пример.

В одном из дел о защите чести и достоинства обсуждалась правомерность использования слова *обыск*, употребленного Г. Резником в телевизионном интервью для описания ситуации осмотра сотрудниками СИЗО адвоката Артюховой. Истцы (сотрудники СИЗО) предъявили Г. Резнику судебный иск на основании того, что они проводили не обыск, а досмотр. То есть ситуация обыденного использования языка в интервью была переинтерпретирована истцами как ситуация использования специального юридического языка. Возник вопрос о значении этих слов в современном русском языке, о возможности нейтрализации их значений, а также об условиях нейтрализации — факторах контекста и семантики.

В толковых словарях современного литературного русского языка слова *обыск* и *досмотр* толкуются следующим образом:

Обыск = ‘Официальный осмотр кого-чего-н. с целью найти и изъять предметы, документы, которые могут иметь значение для следствия’⁴⁶⁴.

Обыск = ‘Официальный осмотр кого-, чего-л. представителями органов власти с целью найти укрываемое, незаконное и т.п.’⁴⁶⁵

Обыск = ‘Официальный осмотр кого-, чего-л. с целью найти укрываемое, незаконное и т.п.’⁴⁶⁶

Досмотр спец. = ‘Проверочный осмотр’⁴⁶⁷.

⁴⁶⁴ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

⁴⁶⁵ См.: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

⁴⁶⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁴⁶⁷ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Досмотр = 1. 'Действие по знач. глагола *досмотреть*'. *Поручить досмотр за детьми*. 2. *Спец.* 'Проверочный осмотр.' *Таможенный досмотр*⁴⁶⁸.

Глагол *досмотреть*, в свою очередь, толкуется так:

1) 'Просмотреть до конца, до какого-л. предела.' *Досмотреть пьесу до второго действия*. 2) 'Последить за кем-, чем-л., ухаживая заботясь и т.д.' *Мы за ним [отцом] досмотрим*. 3) *Спец.* 'Произвести досмотр' (во 2 знач.) *Досмотреть товары на границе*⁴⁶⁹.

Иными словами, по данным толковых словарей, первое значение слова *досмотр* — это нечто вроде 'просмотр чего-л. до конца', второе — 'слежение за кем-л. и забота о нем', а третье — 'проверочный осмотр'.

Сопоставление словарной информации о семантике слов *обыск* и *досмотр* показывает, что исследуемые слова отличаются по следующим основным смысловым компонентам:

1) 'официальность' (*обыск* — официальный, а *досмотр* — не обязательно)⁴⁷⁰;

2) 'наличие актуальной цели найти что-л.' (*обыск* всегда предполагает актуальную цель найти что-то, а *досмотр* — не обязательно).

Смысловой компонент 'официальности' отсутствует в толкованиях слова *досмотр* из-за возможности использования этого слова в значениях 1 и 2, т.е. соответственно 'просмотр чего-л. до конца', второе — 'слежение за кем-л./чем-л. и забота'. Однако интуитивно кажется, что в первом значении слово *досмотр* в современном литературном языке не используется, ср. явно неправильные русские выражения **досмотр фильма*, **досмотр журнала*. И действительно, в 217 употреблениях дан-

⁴⁶⁸ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1985.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Такой смысловой компонент выделяется в толковых словарях в связи с тем, что в них в качестве первого выделяется то значение слова *обыск*, которое представляет собой наивное переосмысление соответствующей юридической категории. Вообще говоря, слово *обыск* используется и применительно к «неофициальному» осмотру, ср. примеры типа *Протоколы негласных обысков*; *Проснувшаяся вытащила из-под подушки дамскую сумочку и учинила в ней небольшой обыск*. Впрочем, это несущественно для данного исследования.

ного слова в Корпусе текстов по современной публицистике, включающем порядка 25 млн словоупотреблений, данное значение слова *досмотр* вообще не было обнаружено.

Второе значение обсуждаемого слова, реализующееся в сочетаниях с предлогом *за*, в корпусе представлено в примерах типа *досмотр за пленниками*, *досмотр за строительством*, *досмотр за хозяйством*. В этих употреблениях смысл ‘официальности’ отсутствует. Всего в Корпусе текстов по современной публицистике обнаружено 8 примеров употребления слова *досмотр* в данном значении.

Наибольшее количество употреблений слова *досмотр* приходится на значение ‘проверочный осмотр’ — 209 контекстов. Во всех этих случаях либо речь идет о таможенном/пограничном досмотре, либо о досмотре кого-либо или чего-либо представителями правоохранительных органов:

- (1) Были попытки самостоятельного ухода с рейда, минуя **таможенные досмотры**, турецких и украинских кораблей, неоднократные факты браконьерства в водах России и Грузии. *Независимая газета*.
- (2) Грузинские пограничники приступили к **досмотру** российских военных самолетов и вертолетов. *Сегодня*.
- (3) 14 октября 1993 года Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности РФ провело **досмотр** офисов трапезниковского СП. *Московский комсомолец*.
- (4) Ничего похожего у него при себе не было и поэтому пришлось подвергнуться унижительной процедуре **досмотра**, в результате — на свет был извлечен нож, что на сугубо милицейском языке облекалось в формулу «Ст. 218 ч. 2 УК РФ» — ответственность за ношение холодного оружия без соответствующего разрешения. *Собеседник*.

Примеры (1)–(4) показывают, что в них смысл ‘официальность’ присутствует. Это связано с тем, что процедура досмотра в примерах (1)–(4) регламентирована и определяется какими-то (не указанными) документами, что и предусматривает официальность проведения досмотра.

На основании сказанного можно сделать вывод, что толкования толковых словарей неточны в том смысле, что слово

досмотр не употребляется в значении ‘просмотр чего-л. до конца’.

Смысловой компонент ‘официальность’ осмотра разделяет значение слово *обыск* и второе значение слова *досмотр* (‘слежение за кем-л./чем-л. и забота’). При этом смысловой компонент ‘официальность’ осмотра не дифференцирует (не различает) смысл слова *обыск* и третье значение слова *досмотр* (‘проверочный осмотр’). Они различаются другим смысловым компонентом — ‘наличие актуальной цели у того, кто совершает осмотр’. Этот компонент в той или иной степени присущ всем ситуациям использования слова *обыск*. Ср. следующие контексты:

- (5) Очень скоро об этом узнал весь город, и полиции только и осталось, что прийти к малолетнему фальшивомонетчику с **обыском**. *Известия*.
- (6) Но в последний день июля к нему в офис и на квартиру нагрянули с **обыском**, и банкир понял, что неприятности приходят не с бухты-барахты, а по заранее утвержденному графику. *Общая газета*.
- (7) К помощнику атамана в Ищерской приехали с **обыском** из Грозного. То ли милиция, то ли служба безопасности. Вроде рацию искали, пулеметы. «Да если бы у меня пулемет был, вы бы ко мне во двор не зашли». *Итоги*.

Во всех этих случаях в явном виде присутствует намерение, цель найти что-то, уже известное тому, кто ищет. Замена слова *обыск* на *досмотр* в примерах (5)–(7) не запрещена, но дает стилистически не вполне адекватные выражения: ^{??}*приехали с досмотром из Грозного*, ^{??}*на квартиру нагрянули с досмотром*, ^{??}*прийти к малолетнему фальшивомонетчику с досмотром*.

С другой стороны, анализ контекстов употребления слова *досмотр* показывает, что он включает смысловой компонент ‘регламентированности процедуры осмотра’, что необязательно для слова *обыск*. Отсюда закрепившееся в употреблении использование слова *досмотр* по отношению к пограничному и таможенному осмотру людей и грузов: таможенный и пограничный контроль столь сильно регламентированы, что именно для них используется слово *досмотр*. Использование слова *обыск* в этих случаях семантически неудачно, ср. [?]*таможенный*

обыск, пограничный обыск. Заметим, что если *досмотр* относится к деятельности правоохранительных органов — милиции, ФСБ и т.п., то слово *обыск* и в этих ситуациях оказывается вполне уместным, ср. возможность замены слова *досмотр* на слово *обыск* в примере (4): (4') *Ничего похожего у него при себе не было и поэтому пришлось подвергнуться унижительной процедуре обыска, в результате — на свет был извлечен нож, что на сугубо милицейском языке облекалось в формулу «Ст. 218 ч. 2 УК РФ» — ответственность за ношение холодного оружия без соответствующего разрешения.* Возможность взаимозамены слов в одном и том же контексте без видимого изменения смысла результирующего выражения является важным аргументом в пользу признания их синонимичности в соответствующих условиях употребления.

С учетом сказанного толкования словарей следует уточнить следующим образом:

Обыск = 'Официальный осмотр кого-, чего-л. представителями правоохранительных органов с целью найти укрываемое, недозволенное и т.п.'

Досмотр₁ = 'слежение за кем-л./чем-л., предполагающие оказание помощи в необходимых случаях.'

Досмотр₂ = 'Регламентированный специальными документами официальный осмотр кого-л. или чего-л. таможенниками, пограничниками или представителями правоохранительных органов.'

Проведенный семантический анализ указанных слов показывает, что различие в значениях слова *обыск* и слова *досмотр* в первом значении ('слежение за кем-л./чем-л., предполагающие оказание помощи в необходимых случаях') столь велико, что они не могут употребляться синонимично, ср. невозможность выражений **обыск за пленниками, *обыск за строительством, *обыск за хозяйством* при норме *досмотр за пленниками, досмотр за строительством, досмотр за хозяйством.*

Совершенно иная ситуация со вторым значением слова *досмотр*. Смысловые компоненты, различающие слово *обыск* и слово *досмотр* во втором значении, не исключают друг друга, т.е. возможны ситуации, когда различия в семантике перестают играть роль и нейтрализуются. Как следует из сформулированных толкований, значения слов *обыск* и *досмотр₂* различаются следующими смысловыми компонентами:

- 1) 'Регламентированность осмотра' (дифференциальная⁴⁷¹ характеристика слова *досмотр*₂);
- 2) 'Проведение осмотра таможенниками, пограничниками или представителями правоохранительных органов' (дифференциальная характеристика слова *досмотр*₂);
- 3) 'Наличие актуальной цели найти что-л.' (дифференциальная характеристика слова *обыск*).

Первый компонент не запрещает использование слова *обыск*, поскольку обыск также может подробно регламентироваться теми или иными документами, хотя это и не указывается в явном виде в лексическом значении слова *обыск* как лексической единицы литературного русского языка.

Второй смысловой компонент нейтрализуется в конкретной описываемой ситуации: когда осмотр производится представителями правоохранительных органов.

Наконец, третий смысловой компонент не запрещает использование слова *досмотр*, поскольку досмотр вполне допустим и в тех ситуациях, когда лицо, проводящее осмотр, ищет что-л. целенаправленно.

Следовательно, контексты синонимичного использования слов *обыск* и *досмотр*₂ — это ситуации, когда проводится осмотр лица (лиц) в соответствии с некоторыми документами (инструкциями) представителями правоохранительных органов с целью найти что-л. укрываемое, незаконное и т.п. В качестве примера синонимичного использования слов *обыск* и *досмотр* можно привести следующие контексты:

- (8) 14 октября 1993 года Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности РФ провело **досмотр/обыск** офисов трапезниковского СП. *Московский комсомолец*.
- (9) Ничего похожего у него при себе не было и поэтому пришлось подвергнуться унижительной процедуре **досмотра/обыска**, в результате — на свет был извлечен нож, что на сугубо милицейском языке облекалось в формулу «Ст. 218 ч. 2 УК РФ» — ответственность за ношение хо-

⁴⁷¹ Под дифференциальной характеристикой имеется в виду сема, реализующаяся для данного слова в противопоставлении с другим словом, данной семы не имеющим.

лодного оружия без соответствующего разрешения. *Собеседник*.

Из сказанного следует, что в ситуации осмотра сотрудниками СИЗО адвоката Артюховой различия между значением слова *обыск* и семантикой второго значения слова *досмотр* нейтрализовались, стали несущественными. С точки зрения норм литературного русского языка эта ситуация в обыденной коммуникации, в текстах средств массовой информации может описываться и словом *досмотр*, и словом *обыск*. Требовать четкого разграничения этих слов в литературном языке как терминов права все равно, что требовать употребления в литературном языке идиомы *черная дыра* только по отношению к космическим феноменам определенного типа.

Эту идею можно сформулировать и несколько по-иному: судебная претензия была необоснованна с лингвистической точки зрения в силу того, что истцы интерпретировали интервью по телевидению как пример использования специального юридического языка, между тем очевидно, что язык современных СМИ предполагает использование общелитературного языка. В противном случае общественная коммуникация окажется недоступной для понимания подавляющему большинству населения, что, разумеется, совершенно недопустимо⁴⁷².

6.2. Определение значения свободного словосочетания

Толковые словари содержат информацию о значении и употреблении слов или устойчивых словосочетаний, семантика которых образована по нерегулярным правилам (фразеологизмов различных типов). В лингвистической экспертизе текста в целом ряде случаев возникает необходимость реконструкции семантики свободных словосочетаний. Эта задача усложняется еще и тем, что толковые словари не только почти не отражают свободную сочетаемость слов, но и часто не очень точно описывают значение отдельных лексем (см. только что рас-

⁴⁷² Судебная история этого дела довольно своеобразна: суд первой инстанции признал аргументы ответчика справедливыми и отказал в иске, однако вышестоящая инстанция отменила это решение.

смотренный пример со словами *обыск* и *досмотр*). Привлечение корпусных технологий, в частности, использование программ, позволяющих обрабатывать корпуса и строить конкордансы употребления слов, дает возможность более точно описать сочетаемость и тем самым проводить анализ семантики свободных словосочетаний.

В приводимом ниже примере речь идет об интерпретации семантики словосочетаний *координация деятельности предприятий*, *координация предпринимательской деятельности* в связи с правомочностью применения соответствующих нормативных документов. Подчеркнем, что в подобных случаях лингвистическая экспертиза не устанавливает правила применения законов, однако она вправе эксплицировать (сделать очевидным и ясным) значения слов, входящих в тексты законов, если они не определяются как термины в рамках того или иного нормативного документа.

Один из вопросов, поставленных перед экспертами, касался того, предполагает ли значение слова *координация* в современном русском языке в словосочетаниях типа *координация деятельности предприятий*, *координация предпринимательской деятельности* наличие физического или юридического лица, которое, будучи облечено соответствующими полномочиями, осуществляет руководство работой других физических или юридических лиц.

Слово *координация* определяется в толковых словарях русского языка через отсылку к значению глагола *координировать* — как действие по значению глагола *координировать*. В свою очередь, глагол *координировать* толкуется следующим образом:

Координировать = ‘Согласовать (-вывать), установить (-навливать) целесообразное соотношение между какими-н. действиями, явлениями’⁴⁷³.

Координировать = ‘Согласовать (согласовывать), привести (приводить) в соответствие (какие-л. действия, явления и т.п.)’⁴⁷⁴.

Анализ приведенных дефиниций показывает, что толковые словари выделяют два основных смысловых компонента

⁴⁷³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1992.

⁴⁷⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

значения глагола *координировать* и, соответственно, существительного *координация*:

- 1) 'установление связей между какими-то действиями, явлениями для достижения определенных целей';
- 2) 'наличие субъекта, устанавливающего связи между действиями, явлениями'.

Иными словами, из словарных определений следует, что в ситуации, описываемой словом *координация*, имеется некоторый субъект, который устанавливает связи между действиями или явлениями. Из приведенных толкований нельзя, однако, сделать вывод, что этот субъект (а) облечен соответствующими полномочиями и что этот субъект (б) осуществляет руководство работой других физических или юридических лиц. Подчеркнем, что приведенные толкования не противоречат ни (а), ни (б). Иными словами, речь может идти о спецификации (уточнении) семантики слова *координация* в конкретном контексте. Согласно поставленному вопросу, в рассматриваемом случае контекст ограничен сочетанием с существительным *деятельность: координация деятельности*.

Толковые словари не позволяют получить ответ на вопрос о значении словосочетания *координация деятельности*, поскольку они не отражают всей существенной сочетаемости лексем. (Это, впрочем, и не входит в их задачу.) Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к представительному корпусу текстов современного русского языка и провести семантический анализ типовых контекстов употребления словосочетания *координация деятельности*, которые можно там обнаружить.

Упомянутый выше Корпус текстов по современной публицистике может считаться репрезентативным для языка российской публицистики 1995–2004 гг. Поиск контекстов употребления словосочетаний *координация деятельности* и *координация предпринимательской деятельности* в этом корпусе позволил выявить 121 контекст. Ниже приводятся типичные контексты использования указанного словосочетания:

- (10) Этим документом предусматривается, в частности, создание специальной совместной межпалатной комиссии, которая займется *координацией деятельности* по сближению национальных законодательств, выработкой пра-

вовых механизмов для успешного политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества между Россией и Киргизией. *Независимая газета*.

- (11) Он поручил Правительству РФ в месячный срок образовать комиссию под председательством первого вице-преьера — министра топлива и энергетики Бориса Немцова «для *координации деятельности* по отработке механизмов реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства». *Российские вести*.
- (12) Есть в постановлении и пункт о необходимости *координации деятельности* всех органов, ведающих контролем за исполнением федерального бюджета, использованием государственной собственности, а также средств государственных внебюджетных фондов. Но координатором, по мнению парламентариев, должна быть именно Счетная палата. *Московские новости*.
- (13) В соответствии с этим проектом будет создана правительственная комиссия по *координации оперативно-розыскной деятельности* против организованных преступных групп и коррупционеров. *Сегодня*.
- (14) Как сказано в уставе обществ с ограниченной ответственностью, они объединились в ассоциацию «Мегаполис-Инвест» «в целях *координации предпринимательской деятельности* на основе объединения материальных, финансовых и трудовых ресурсов, а также для защиты прав и представительства интересов «участников». *Эксперт*.

Анализ примеров (10)–(14) показывает, что использование словосочетания *координация деятельности* предполагает наличие субъекта (физического или юридического лица, государственного института и пр.), который имеет соответствующие полномочия для согласования деятельности других субъектов. Так, в примере (10) — это «специальная межпалатная комиссия», в примере (11) — «комиссия под председательством Б. Немцова», в примере (12) — «Счетная палата», а в примере (13) — «правительственная комиссия». Этот субъект в примере (14) назван «координатором». В примере (14) представлено словосочетание *координация предпринимательской деятельности*. В качестве координатора различных обществ с ог-

раниченной ответственностью в примере (14) выступает ассоциация «Мегаполис-Инвест». Во всех рассмотренных случаях координатор наделяется специальными полномочиями для осуществления согласования деятельности различных субъектов.

Привлечение репрезентативного корпуса позволило установить, что существительное *координация* в сочетаниях *координация деятельности* и *координация предпринимательской деятельности* предполагает наличие в описываемой ситуации субъекта — физического или юридического лица, — которое, будучи облечено соответствующими полномочиями, осуществляет руководство работой других физических или юридических лиц.

6.3. Оценка употребительности слова или словосочетания в определенном значении в современном русском языке

Словари в принципе не могут дать представление об употребительности слова в том или ином значении, поскольку структура словарной статьи традиционно не включает этот тип информации. Между тем данные такого рода существенны для многих видов лингвистических экспертиз — особенно связанных с регистрацией и охраной торговых и товарных марок, знаков.

6.3.1. «Открытое письмо»

В разбираемом ниже примере речь идет о значении словосочетания *открытое письмо* в связи с его использованием как товарной марки. Вопрос касался того, используется ли в современном русском языке словосочетание *открытое письмо* в значении ‘открытка’.

В Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой слово *открытка* в первом значении толкуется как ‘Специальная почтовая карточка для открытого письма’⁴⁷⁵. Здесь же в словарной статье прилагательного *открытый* приводится фразеологизм *открытое письмо* в двух значениях ‘незапечатываемая почтовая карточка, на одной стороне которой пишется адрес, а на дру-

⁴⁷⁵ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

гой — собственно письмо’ и ‘письмо к кому-л., публикуемое в газете, журнале’. Иными словами, словосочетание *открытое письмо* в значении ‘открытка’ в словаре А.П. Евгеньевой рассматривается как часть современного русского языка.

Заметим, однако, что первое издание словаря под ред. А.П. Евгеньевой относится к 60-м годам XX в. Первые листы и макет словаря появились в 1955 г. Это значит, что словарные материалы, на которых основан указанный словарь, относятся в лучшем случае к 50-м годам, а в большинстве случаев — к еще более раннему времени. Исследование более поздних по времени словарей русского языка показывает, что норма меняется и словосочетание *открытое письмо* теряет первое значение — ‘открытка’. Так, в словаре Ожегова и Шведовой 1992 г. *открытое письмо* толкуется уже как ‘письмо публицистического характера, публикуемое в печати’⁴⁷⁶. Значение ‘открытка’ у него уже не фиксируется. Интересно, что в толковании слова *открытка* ссылка на ‘открытое письмо’ в этом значении сохраняется, хотя и с пояснением: ‘Почтовая карточка для открытого (без конверта) письма’⁴⁷⁷. Пояснение в скобках явно ориентировано на современного читателя, для которого, по мнению составителя, термин *открытое письмо* в значении ‘открытка’ уже не вполне понятен.

Гипотеза о том, что словосочетание *открытое письмо* в русском языке конца XX — начала XXI в. не используется в значении ‘открытка’, подтверждается тремя проведенными экспериментами. В первом эксперименте было исследовано употребление словосочетания *открытое письмо* в Корпусе текстов по современной публицистике (90 годы XX в.), во втором — в Корпусе русской прозы (60–90 годы XX в.) и в третьем — в подмножестве текстов русскоязычного Интернета с использованием поисковых машин сайтов *rambler.ru* и *yandex.ru*. Рассмотрим результаты этих экспериментов.

Эксперимент 1

При исследовании Корпуса текстов по современной публицистике было выявлено 170 контекстов использования сло-

⁴⁷⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁴⁷⁷ Аналогичное толкование обнаруживается и в справочном издании: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

восочетания *открытое письмо*. Из них 167 контекстов — это примеры использования обсуждаемого словосочетания в значении ‘письмо публицистического характера, публикуемое в печати’. Приведем типичные примеры:

- (15) **а.** Мы сейчас *пытаемся* докричаться до президента. Просим защиты. **Открытые письма** печатаем. А что за эту защиту потребует с нас в уплату власть? Не заплатим ли мы ей дороже, чем ЛУКОЙЛу? Те ведь требуют только не трогать их самих да еще «согласовывать» все, что касается нефтяных сюжетов. **Итоги.** **б.** В этих страстях вокруг национальной идеи особенно показательна полемика, развернувшаяся вокруг **открытого письма** Никиты Михалкова президенту Ельцину. Письмо это озаглавлено «Выбор — после выборов» и имеет подзаголовок «О новом предназначении президента России». *Советская Россия.*

В трех примерах (16а, б, в) словосочетание *открытое письмо* используется в значении ‘открытка’, однако это либо цитация из прессы начала XX в. (16а), (16б), либо пример содержит пояснения и отсылку к предшествующей эпохе, как в (16в):

- (16) **а.** «Ввиду того что появившиеся в большом количестве в продаже **открытые письма** с изображением кредитных билетов всех достоинств могут послужить поводом к мошенническим проделкам и найти себе сбыт среди малограмотного населения, с.-петербургский градоначальник предлагает приставам принять самые энергичные меры к изъятию из продажи помянутых **открытых писем**, с привлечением виновных в изготовлении их и распространении к законной ответственности». *Санкт-Петербургские ведомости*, 5 (18) сентября 1907 года. **б.** Там же стоит довольно крупная надпись по-русски: «Всемирный почтовый союзъ. Россія. **Открытое письмо**». Так может быть именно из-за этих слов сотрудники датской почты и решили в 1909 году, что открытка должна быть направлена в Россию? Где же она могла так долго находиться в нашей стране, пережившей первую мировую войну, потрясения 1917 года, гражданскую войну, сталинские реп-

рессии, нашествие фашистской Германии и другие катаклизмы? Ответа на этот вопрос пока нет. *Известия*. в. Вот еще черта былого времени, сейчас основательно забытая: **открытые письма** (открытки), оперативно откликавшиеся на события общественной жизни. Выпускали такие открытки двух видов: фотографии с мест событий (громких похорон, небывалых снегопадов, визитов высоких гостей) и — рисованные шуточные шаржи. *Санкт-Петербургские ведомости*.

Из примера (16в) видно, что носитель русского языка конца XX — начала XXI в. не знает значения термина *открытое письмо* как ‘открытки’, иначе комментарий был бы неуместен. О том же говорит и общая частотность использования в публицистике исследуемого словосочетания в значении ‘письмо публицистического характера’ (167 контекстов).

Эксперимент 2

Анализ Корпуса русской прозы 60–90 годов XX в. (около 25 млн словоупотреблений), позволил выявить 23 контекста использования словосочетания *открытое письмо*, причем 21 употребление — в значении ‘письмо публицистического характера’. Ср. примеры (17а, б).

- (17) а. Иногда диссиденты устраивали по вечерам складчину, приносили кто бутылку водки, кто кусок колбасы, кто торт, и стол их был таким же неизысканным, как они сами. Спорили о судьбах России, обсуждали какие-то **открытые письма**, читали стихи, чаще всего плохие, высокопарные, гражданской направленности. *Войнович В. Монументальная пропаганда*. б. Я писал свои статьи в «Русское Дело», когда там работал, за два-три часа, и напечатал их за полгода больше двадцати. Она — сейчас уже осень — до сих пор не может написать по просьбе того же Чарльза из «Вилледж Войс» статью-пояснение к нашему с Александром **открытому письму** редактору «Нью Йорк Таймз». Нужно делать хорошо, говорит она, не нужно спешить, и не делает ничего. А ведь мы с ней одинаково больны, я, пожалуй, больше. *Лимон Э. Это я — Эдичка*.

Лишь в двух примерах исследуемое словосочетание использовано в значении 'открытка', причем в обоих случаях оно обозначает реалию ушедшей эпохи:

- (18) а. Открытки тогда назывались по их полной функции — **открытое письмо**, *poste-carte*, тогда не принято было от вороватой почты, от соблазна соседей, с которыми делишь почтовый ящик, или от любознательной письмоносицы прятать эти открытки в почтовые конверты. Да и почта, судя по штемпелям, работала побыстрее. *Есин С. Бег в обратную сторону, или Эсхатология*. б. Но дальше шли просто вырезки из старых газет, в том числе из таких, о которых я прежде никогда не слышала: «Биржевые ведомости», «Земщина», «Газета Копейка». Вырезки были наклеены вдоль, во всю длину столбцами, но кое-где и поперек, например: «Экспедиция Татаринова. Покупайте **открытые письма!** 1) Молебен перед отправлением. 2) Судно «Св. Мария» на рейде». *Каверин В. Два капитана*.

Эксперимент 3

В третьем эксперименте проводился анализ подмножества текстов русскоязычной части Интернета. Использование поисковой машины сайта Рамблер (по состоянию на 18.06.03) выявило документов 989 353 на 68 473 сайтах. Исследование первых 200 вхождений термина *открытое письмо* показало, что в 199 случаях он используется в значении 'письмо публицистического характера, публикуемое в печати'. Ср. характерные сочетания: *текст открытого письма Бориса Березовского Российскому союзу промышленников и предпринимателей; открытое письмо всем саентологам СНГ; открытое письмо государственных служащих аппарата Уполномоченного по правам человека Президенту Российской Федерации*.

Лишь в одном случае данное словосочетание использовано в значении 'открытка', однако и в этом примере речь идет о названии издательства, выпускающего открытки — ср. (19). Отметим, что если бы словосочетание *открытое письмо* воспринималось современным носителем языка в значении 'открытка', то его использование в качестве названия издательства

вызвало бы как институциональные, так и чисто языковые проблемы⁴⁷⁸.

(19) Поздравительные открытки издательства «**Открытое письмо**». www.otkrytka.ru

Аналогичную картину обнаруживают материалы, полученные с помощью поисковой машины Yandex.ru. Всего было установлено 199 714 сайтов, на которых в документах использовалось исследуемое словосочетание. Анализ первых 200 употреблений показал, что почти во всех из них (198 контекстов) представлено значение ‘письмо публицистического характера, публикуемое в печати’: *многие известные петербуржцы обратились с **открытым письмом** к журналистам Санкт-Петербурга; профессор Городского университета Нью-Йорка Клэй Ширки обратился к ведущим мировым производителям вычислительной техники с **открытым письмом**; Представители Красноярской угольной компании обратились с **открытым письмом** к руководству страны.*

В двух примерах словосочетание *открытое письмо* использовано в значении ‘открытка’ (20а, б), причем в обоих случаях функционально это названия — альбома открыток и издательства:

(20) а. Оригинальный альбом уникальных старинных открыток 1906–1916 годов **ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО** www.postcard.narod.ru б. «**Открытое письмо**» является российским издательством поздравительных открыток. www.otkrytka.ru

Проведенные эксперименты с корпусами текстов российской публицистики, художественной литературы и русскоязычной части Интернета позволяют сделать вывод о

⁴⁷⁸ См. рассмотрение комплекса лингвистических и семиотических проблем при переименовании столицы Казахстана в Астану (дословно ‘столица’) в ст.: *Баранов А.Н.* «Акмола/Астана» как элемент политического новояза (Особенности политического дискурса в связи с провозглашением новой столицы Казахстана) // Перенос столицы Казахстана в зеркале прессы и комментариях аналитиков. М., 1998. С. 106–118.

том, что словосочетание *открытое письмо* не употребляется в современном русском языке в значении 'открытка'. На основании имеющихся данных можно предположить, что выражение *открытое письмо* стало терять это значение в 50-е годы XX в.

6.3.3. «Детский мир»

К этому же классу случаев относятся лингвистические экспертизы, в которых устанавливается частота употребления словосочетания в различных значениях. Как правило, такие экспертизы необходимы для регистрации и охраны товарных знаков и товарных марок.

Например, в одной из экспертиз был поставлен вопрос о том, в какой мере словосочетание *детский мир* используется в современном русском языке как имя собственное, которое именуется единственным, уникальным в своем роде объектом. Или же оно используется преимущественно для именованья ряда объектов (магазинов), указывая только на специфику их ассортиментов. Если возможно и первое, и второе употребление, то необходимо было определить, в какой пропорции они распределены.

Для исследования были привлечены уже упоминавшиеся корпуса по современному русскому языку — Корпус текстов по современной публицистике и (порядка 25 млн словоупотреблений), Корпус «Русская проза» (60–90 гг.) (порядка 25 млн словоупотреблений). Как показал анализ, в Корпусе текстов по современной публицистике представлено 39 контекстов употребления словосочетания *детский мир*, а в Корпусе «Русская проза» (60–90 годы) — 25. Из 29 употреблений в Корпусе текстов по современной публицистике на контексты использования исследуемого выражения в качестве имени собственного приходится 25 контекстов, а из 25 употреблений в Корпусе «Русская проза» (60–90 годы) — 23. Иными словами, данное словосочетание в письменном варианте современного русского языка используется преимущественно как имя собственное. Все множество употреблений словосочетания *детский мир* как имени собственного разбивается на две больших группы. Первый тип употребления — наименование магазинов с детским ассортиментом товаров, причем не только детских ве-

щей, но и детских книг, звукозаписей и т.п. — ср. примеры типа (21). Второй тип — наименование уникального магазина «Детский мир», расположенного в г. Москве или других городах — ср. примеры типа (22).

(21) а. Сегодня основной клиент фабрики — **сеть магазинов «Детский мир»**. Туда отгружаются валенки для малышей и детей школьного возраста. Для сегодняшнего дня цена на валенки просто смехотворная. Современная русская публицистика; *Московский комсомолец*. б. В 1965 году фирма становится детской, включив в себя филиалы — **специализированные магазины «Детский мир»**. Современная русская публицистика; *Санкт-Петербургские ведомости*. в. Полное ощущение карнавала: дедушка-сексолог, противник мастурбации как таковой, показался мне ряженым подростком, прикинувшем **в каком-нибудь «Детском мире»** бороду и очки. Когда дедушка возопил, что огромной потерей для культуры явилась мастурбация Гоголя (!), а немецкий нацизм проистек из онанирования Адольфа Гитлера, я наконец поняла, в какие благословенные времена мы жили совсем недавно. Современная русская публицистика; *Новая газета*.

(22) а. А, кроме того, знание психологии соотечественников: ведь для многих жителей бывшего СССР по-прежнему соблазнительна пересадка в Москве, где сохранились старые диковинки — ГУМ, ЦУМ, **«Детский мир»**, и одновременно появились новые — например, «Макдоналдс». А авиакомпании лишняя точка на карте никогда не помешает. Современная русская публицистика; *Итоги*. б. Опять началась долгая тряска в кузове; я заснул, а проснулся на несколько секунд уже в Москве, когда в брезентовой щели мелькнули — будто из какого-то далекого школьного лета — арки **«Детского мира»**. Русская проза (60–90 гг.); *Пелевин В. Омон Ра*. в. Не исключено, что в намечающемся конфликте между ДЛТ (филиалом которого является **«Детский мир»**) и теми, кто претендует на пустующие газоны, администрация будет опять-таки на стороне мелкорозничной торговли. Понять руководителей района можно: ведь каждый метр

площади, отданный предпринимателям под торговые зоны, приносит определенный доход. И он, естественно, выше именно там, куда покупатели уже «протоптали тропу», отправляясь за нужными покупками. Современная русская публицистика; *Санкт-Петербургские ведомости*.

Распределение контекстов употребления исследуемого словосочетания в значениях ‘уникальный магазин’ и ‘типовой магазин, торгующий детскими товарами’ по корпусам текстов таково:

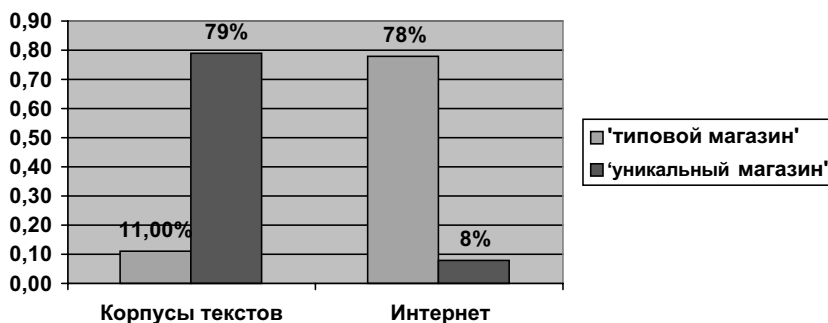
- Корпус текстов по современной публицистике: ‘типовой магазин’ — 7 (порядка 17,9%), ‘уникальный магазин’ — 28 (порядка 72%);
- Корпус «Русская проза» (60–90 гг.): ‘типовой магазин’ — 0, ‘уникальный магазин’ — 23 (92%).

Отсутствие примеров использования данного словосочетания в значении ‘типовой магазин’ в Корпусе «Русская проза» несколько неожиданно, однако его можно в определенной степени объяснить ориентацией художественной прозы на «столичный мир». В подавляющем количестве случаев контексты использования словосочетания *детский мир* принадлежат авторам, проживающим в Москве.

Распределение употреблений словосочетания *детский мир* в рассматриваемых значениях по данным корпусов таково: «типовой магазин» — 7 (порядка 11%), ‘уникальный магазин’ — 51 (порядка 79%).

Совершенно иное распределение дает подмножество русскоязычных текстов Интернета. Здесь на значение ‘типовой магазин’ (правда, расширенное до семантики ‘рубрика сайта’, ‘торговый сайт с ассортиментом детских товаров’) приходится порядка 78% употреблений, а на ‘уникальный магазин’ — только порядка 8%. Иными словами, картина обратная той, которую дают указанные корпуса текстов. Опять-таки это объясняется очевидной «ориентацией на столицу» центральной прессы и художественной литературы. Интернет в этом отношении оказывается более демократичным и более объективным источником информации. В сравнении полученные результаты по корпусам публицистики и художественной литературы, с одной стороны, и Интернету — с другой, показаны в табл. 9.

Таблица 9. Полученные результаты в сравнении (корпусы публицистики и художественной литературы vs. подмножество русскоязычных текстов Интернета)

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что наибольшая часть употреблений словосочетания *детский мир* в письменном варианте современного русского языка приходится на функцию имени собственного, причем в Интернете чаще всего (порядка 78%) данное словосочетание используется в значении 'типовой магазин' (сайт, рубрика сайта), а в газетных текстах и художественной литературе — в значении 'уникальный магазин'. Очевидно, что априори предсказать такое распределение значений у данного словосочетания было невозможно.

6.4. Оценка наличия компонента значения в семантике языкового выражения

Во многих случаях лингвистическая экспертиза текста требует установления наличия или отсутствия в плане содержания слова тех или иных смысловых компонентов. Например, в одном из случаев истец утверждал, что использование по отношению к нему выражения *плод безумного/больного/болезненного воображения X-а* указывает на то, что он сумасшедший, а это унижает его честь и достоинство. Привлечение выборки примеров из репрезентативного корпуса текстов позволяет подтвердить или опровергнуть это утверждение.

Выражение *плод безумного/больного/болезненного воображения* представляет собой устойчивую метафору, ставшую в современном русском языке фразеологизмом. Как известно, внутренняя форма метафоры, фиксированная во фразеологизме, может влиять на его актуальное значение, однако это происходит далеко не всегда⁴⁷⁹. В Корпусе текстов по современной публицистике представлено 17 примеров употребления этого выражения, причем ни в одном из них не подразумевается психическое заболевание. Ср. характерные контексты:

- (23) Некоторые части внутренних войск передавались в оперативное подчинению Вооруженным силам, у нас находились в подчинении части и подразделения Российской армии, к которым мы относились, как к своим. Проблем между офицерами, генералами армии и МВД не существует, это **плод больного воображения**. *Независимая газета*.
- (24) И этот кто-то блокирует разрешение кризиса, цена которому, повторюсь, один звонок президентов друг другу или полет на два часа в Минск министра иностранных дел России или вице-преьера РФ по делам СНГ, а то и чиновников рангом ниже. Может быть, все это — **плод моего болезненного воображения**? Но тогда опять и опять: чем же объяснить поразительную, шокирующую, ничем не мотивированную пассивность Москвы, никак не менее Минска заинтересованную в союзнических отношениях двух стран? *Независимая газета*.
- (25) Вообще, женщина модерна — мистификация, **плод болезненного воображения художников**. *Итоги*.

Действительно, в примере (23) речь идет о некорректном, с точки зрения автора текста, описании журналистами отношений между армией и МВД, проблемы между ними названы *плодом больного воображения* (видимо журналистов). Очевидно, однако, что при этом не подразумевается, что журналисты непременно психически больны. В контексте (24)

⁴⁷⁹ См. подробнее: *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1998. № 1.

данная идиома использована автором текста по отношению к самому себе, что опять-таки не предполагает, что сам автор считает себя больным. Аналогично в примере (25) под плодом болезненного воображения художников опять-таки понимается, скорее всего, не болезнь, а некоторая буйность фантазии, свойственная представителям этой профессии.

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что фразеологизм *плод безумного/больного/болезненного воображения X-а* не предполагает, что *X* обязательно психически болен. Следовательно, основания для предъявления претензий у истца отсутствуют.

6.5. Раскрытие эллипсиса

В целом ряде случаев в исследуемом тексте встречается сокращенный (эллиптический) вариант устойчивого выражения. Часто автор текста сознательно использует эллиптический вариант, стремясь избежать возможного судебного преследования, т.е. эллипсис используется как прием речевого воздействия на адресата. При привлечении корпусов текстов лингвистическая экспертиза текста может доказать, что используемое словосочетание представляет собой эллипсис и тем самым опущенная часть словосочетания подразумевается.

Так, в одной из публикаций журналист использовал в заголовке и в тексте статьи словосочетание *организованная группировка: В Рязани появилась новая организованная группировка: полсинаутовские*⁴⁸⁰. Ответчик утверждал, что поскольку слово *преступный* в словосочетании отсутствует, то к нему не могут быть предъявлены какие бы то ни было претензии. Между тем в языке современной российской публицистики это словосочетание по большей части употребляется с определением *преступный*. То есть словосочетание *организованная группировка* понимается носителем русского языка, живущим в современной России, как *организованная преступная группировка*.

Для подтверждения этого вывода были осуществлены два эксперимента. В первом эксперименте в Корпусе текстов со-

⁴⁸⁰ См. разбор других аспектов этого дела выше в § 1 главы 2 и § 1 главы 3.

временной русской публицистики (порядка 25 млн словоупотреблений) был проведен поиск на словосочетание *организованная группировка* во всех вариантах (и при дистантном расположении существительного и прилагательного, и при их нахождении в непосредственном контакте — контактное расположение). В результате поиска выявлено 35 контекстов употребления этого словосочетания, причем ни одного примера на контактное расположение не обнаружено. Из 35 выявленных контекстов 33 — это употребления со словом *преступный* — *организованная преступная группировка*, ср. примеры типа *Местная организованная преступная группировка, считается одной из самых мощных. Известия; Каждую смену грузчиков опекала своя организованная преступная группировка. Итоги.*

В двух контекстах использованы другие прилагательные — *строительный* и *вооруженный*, однако контекст с определенностью указывает на то, что речь идет либо о незаконных военных формированиях, граничащих с преступными, либо именно о преступных группировках:

- (26) <...> на не контролируемой абхазами территории действуют хорошо **организованные вооруженные группировки**, борющиеся с Сухумом. По мнению российских миротворцев, если бы не их присутствие, то этот район мгновенно был бы занят абхазскими вооруженными формированиями. *Независимая газета.*
- (27) Герман давал «строителям» пустые бланки «авизо» с тем, чтобы они проставили в них суммы в 100 миллионов, пообещав с каждой операции пять процентов в качестве вознаграждения. Вместо этого российские партнеры вписывали в «авизовки» по 700–800 миллионов, сто из них потом «честно» отдавали Герману, из которых получали свои «законные» пять процентов. Когда настало время делить заработанную тайком от Германа прибыль, **организованная строительная группировка** распалась на четыре группы, каждая из которых занялась переправкой денег за рубеж. *Известия.*

Очевидно, что в примере (26) речь идет о незаконных вооруженных формированиях, а в примере (27) — излагаются подробности аферы с авизо, приведшей к краже огромной суммы

денег из российского бюджета. Иными словами, во всех этих случаях имеются в виду именно преступные группировки.

Таким образом, эксперимент подтвердил первоначальную гипотезу о том, что словосочетание *организованная группировка* представляет собой эллипсис и понимается в современном языке российской публицистики как «организованная преступная группировка».

Первый эксперимент был дополнен вторым экспериментом, проведенным на подмножестве текстов русского Интернета. Он несколько отличался от первого: поскольку в первом эксперименте не было обнаружено контекстов контактного расположения исследуемых слов (т.е. собственно эллиптические контексты отсутствовали), то во втором эксперименте исследовались только эллиптические конструкции.

Процедура эксперимента свелась к тому, что с помощью поисковой программы сервера google.ru был проведен поиск контекстов употребления словосочетания *организованная группировка* во всех грамматических формах. Всего было обнаружено 2750 употреблений. После анализа первых 100 употреблений было установлено, что в 95% случаев речь шла именно о преступных группировках, ср. контексты (28а, б):

- (28) а. Казанская организованная *группировка* в Москве была сформирована в 1989 году. К 1992 году группировка насчитывала около 100 боевиков. www.compromat.ru/main/mafiamsk/kazanskie.htm; б. Он также подчеркнул, что эта *организованная группировка* была тщательно законспирирована. Замгенпрокурора охарактеризовал ее членов как «профессионалов с волчьей жестокостью и неистребимой жадой к деньгам», что, по его словам, «было главным мотивом преступлений». www.zerkalonedeli.com/nn/show/380/33757/

Оставшиеся пять процентов пришлось на контексты, в которых в стилистических целях (юмор, ирония, насмешка) обыгрывается выражение *организованная преступная группировка*. Ср. примеры (29а, б):

- (29) а. Что-то я убежал далеко вперед. Потому как до этого были ясли, детский сад (наверное, это место лучше было назвать детский ад)... И тут случилось несчастье.

Здесь надо сделать маленькое отступление. Если вы не помните, детский сад — это хорошо **организованная группировка** с продуманной иерархией. Я не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что самым низшим звеном в этой иерархии были 4 группы «воспитанников» под кодовыми названиями «младшая», «средняя», «старшая» и «подготовительная». А. Сафин; homepages.irk.ru/antonys/other/about.htm б. Боевая комсомольская дружина (БКД) — **организованная группировка** из числа туповатых «правильных» студентов-комсомольцев, выполнявшая ментовские функции на территории студенческих общежитий. Не мудрено, что их называли (как и ментов) «козлами». www.disco80.ru/index.php?an=enciclopedia80&page=3

Дополнительным аргументом в пользу такого понимания словосочетания *организованная группировка* был сам текст статьи, в котором присутствовала лексика, характерная для преступного мира — *поставить на счетчик* и т.п.

§ 7. Использование корпусов в экспертизе семантики текста

Целый ряд экспертных исследований текста требует анализа не отдельных слов и словосочетаний, а всего текста в целом. Проведение таких работ без использования корпусных технологий либо практически невозможно, либо оказывается очень затратным.

7.1. Контент-анализ в оценке плана содержания текста

Одна из корпусных технологий анализа семантики целого текста основывается на положениях контент-анализа. Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним — количественным — характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста — его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т.д.⁴⁸¹ С помо-

⁴⁸¹ См. по этому поводу, в частности: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2003. С. 247–271.

шью контент-анализа можно получить информацию и об особенностях его воздействия на адресата (читателя).

Задачи и первого, и второго типа довольно часто встречаются в практике лингвистических экспертиз. В рассматриваемом ниже примере по делу «газета Мегаполис-Экспресс vs. продюсеры/сценаристы фильма «Москва» возник вопрос об отрицательном воздействии текста, который произносят персонажи фильма, на зрителя. Этот психологический по сути вопрос имеет, однако, и чисто лингвистический аспект. Исследование частоты употребления негативно окрашенной лексики в сценарии фильма по сравнению со стандартной частотой употребления лексики этого типа в представительном корпусе современного русского языка позволяет сделать некоторые выводы об особенностях воздействия фильма на зрителя.

Для определения характера воздействия сценария фильма на зрителя был проведен эксперимент по изучению частоты использования отрицательно окрашенной лексики в сценарии фильма «Москва» в сравнении с частотой появления этой лексики в обычной речевой практике — по крайней мере в той степени, в которой это отражает современная художественная литература. Имеются в виду ругательства (как obscene, так и обычные) и слова с выраженными отрицательно-оценочными компонентами смысла — типа *бандит, большой, плохой, плохо, опасно* и пр. Список отрицательно-оценочной лексики был сформирован на основе анализа генерального словника сценария. Далее была установлена абсолютная частота использования каждой из соответствующих лексем, а также общая абсолютная и относительная частота — см. табл. 1. Относительная частота вычислялась как отношение абсолютной частоты к общему количеству вхождений всех словоформ в текст сценария (всего в сценарии зафиксировано 15 290 вхождений словоформ)⁴⁸².

На втором этапе эксперимента аналогичная процедура была проделана для того же списка слов, но в Корпусе «Русская проза» (60–90 годы), который включает порядка 25 млн словоупотреблений — см. результаты в табл. 10.

⁴⁸² В словник включены и ремарки. Содержательно это объясняется тем, что ремарки в некоторой мере (хотя, разумеется, и не полностью) отражают визуальную составляющую кинофильма, что немало важно для анализа рассматриваемого типа.

Таблица 10. Соотношение частот отрицательно окрашенной лексики в тексте сценария кинофильма «Москва» и «Корпусе художественной литературы конца XX в.»

Лексема	Частота в сценарии	Частота в корпусе худ. литературы
Бандит	2	1408
Беспомощный	2	244
Бля	2	264
Б..дб ⁴⁸³	7	84
Боль	1	3816
Больно	2	1925
Вонь	1	276
Вонять	1	319
Всхлипывать	1	344
Гибнуть	1	332
Говно	6	600
Грустный	2	899
Депрессия	5	151
Дико	2	431
Дура	4	1187
Дурак	2	3217
Дурдом	1	86
Е..ный	1	74
Жопа	1	434
Задница	1	505
Затраживать	2	1
Злобно	1	372
Идиот	2	1387
Инфантильный	1	34
Катастрофически	1	56
Козёл	2	307
Мазохизм	1	27
Монстр	1	293
М..ак	1	193
М..ацкий	1	8
М..ило/м..ила	1	55

⁴⁸³ Только в значении междометия.

Н..бывать	3	2
Ненавидеть	1	1578
Неприятнь	1	279
Неприятный	1	1171
Обмануть	2	1798
Одиночество	1	1287
Окровавленный	1	226
Опасно	1	710
Ос.....деть	1	2
О..еть	1	37
Пи..еть	1	11
Плакать	4	3406
Плохо	3	4721
Плохой	6	2583
Похуистика	1	0
Просратья	1	26
Противно	7	542
Раздражение	1	686
Рвота	1	111
Рехнуться	1	107
Страх	1	4385
Страшно	4	3143
Страшный	4	4956
Сумасшедшая	4	237
Трагически	1	104
Трахать/трахаться	8	202
Ужас ⁴⁸⁴	1	631
Умереть	3	2321
Унижать(ся)	2	314
Унизительно	1	91
Унизить	4	140
Фальшивый ⁴⁸⁵	3	638
Х..	2	605
Чудовище	1	623
Шизофреник	2	266
Шпана	1	158
Общая частота	140	57426
Относительная частота	0,009156	0,002413

⁴⁸⁴ Только как частица-наречие.

⁴⁸⁵ Поиск в корпусе на псевдооснову *фальшив-*.

Как было указано выше, Корпус «Русская проза» (60–90 годы) можно считать представительным для языка современной русской прозы и по соображениям объема, и по количеству представленных в нем авторов. Кроме того, он включает и ту литературу, в которой используется нецензурная лексика, в частности произведения В. Сорокина («Норма», «Тридцатая любовь Марины», «Сердца четырех», «Очередь», «Голубое сало»), Э. Лимонова и ряда других авторов, склонных к употреблению обсценных слов и выражений.

Сравнение относительных частот употребления отрицательно окрашенной лексики в тексте сценария и эталонном корпусе показывает, что в тексте сценария она используется значительно чаще: в 3,79 раза (0,009156/0,002413). Отсюда можно сделать вывод, что по крайней мере по данному параметру текст сценария кинофильма «Москва» оказывает на зрителя более негативное воздействие, чем обычные тексты художественной литературы.

Корпусные технологии позволяют упростить и алгоритмизировать некоторые процедуры исследования семантики слов, словосочетаний и целых текстов при лингвистических экспертизах текстов различных типов. Приведенные примеры использования корпусов текстов иллюстрируют возможности корпусной лингвистики при исследовании различных объектов экспертно-лингвистического анализа и при выполнении следующих процедур:

Объекты исследования лингвистических экспертиз	Процедуры анализа, используемые в лингвистических экспертизах
семантика слова семантика словосочетаний (устойчивых и свободных)	<ul style="list-style-type: none"> • построение толкования (семантической экспликации) и определение значения; • уточнение словарного толкования; • оценка употребительности языкового выражения в определенном значении; • определение условий нейтрализации значения; определение наличия семантического компонента в толковании; • раскрытие эллипсиса
семантика целого текста	определение характера воздействия текста на читателя

Кроме того, корпусные технологии применимы при подтверждении или опровержении фиксированной в словаре сочетаемости слова; определении не фиксированной в словаре сочетаемости слова; разрешении противоречий в словарных интерпретациях значений слов.

Глава 8. CASE STUDIES: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА В КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ

Стратегия изложения материала в этой книге не предполагает полного изложения экспертиз. Это объясняется различными соображениями и в первую очередь тем, что для лингвиста, интересы которого лежат в сфере лингвистической семантики и теории текста и который хочет получить некоторую сумму знаний о лингвистической экспертизе текста, предпочтительно изложение, идущее от важных категорий законодательства и языковых феноменов, часто исследуемых в экспертизах. Само по себе предъявление текстов экспертиз преимущественно дает представление о формальной структуре текста заключения (впрочем, и это довольно важно). Языковые факты разбросаны по текстам экспертиз весьма прихотливым и непредсказуемым образом. Однако для некоторых экспертиз разумно сделать исключение: прежде всего для тех, которые имели значительный общественный резонанс.

В этом разделе помещены тексты двух экспертиз — официальная лингвистическая экспертиза по делу Баяна Ширянова (Кирилла Воробьева) и заключение специалиста по делу Ф.Б. Киркорова. Разумеется, тексты не приводятся идентично соответствующим документам — сняты различные формальные пункты, в необходимых случаях даны дополнительные комментарии.

§ 1. Дело Баяна Ширянова

Как известно, дело Баяна Ширянова было начато по инициативе «Идущих вместе» и во многом носило черты пиаровской акции. Отметим, что пиаровские возможности судебного процесса в полной мере использовались обеими сторонами. Хотя все произведения Баяна Ширянова были объявлены порнографией, прокуратура конкретно предъявила претензии к книге «Срединный пилотаж». Дело продолжалось очень долго, было назначено несколько экспертиз — разных по качеству и выводам. Приводимая экспертиза является одной из них. Проблема экспертного исследования заключалась, как

это часто бывает, в терминологии, с одной стороны, и в существенных формальных ограничениях работы эксперта, поставленных следователем, — с другой.

Термин «порнография» не определяется в законодательстве, и в силу этого квалификация спорных материалов как порнографических представляет существенные трудности. Рамки официальной экспертизы были ограничены несколькими фрагментами текста «Срединного пилотажа», а содержание формулировалось в двух вопросах:

1) Имеет ли представленный на экспертизу текст книги Баяна Шириянова «Срединный пилотаж» (М.: Зебра Е, ЭКС-МО, 2002, 304 с.) признаки порнографии (в частности на страницах 96–98, 103, 118–119, 259), если да, то по каким признакам?

2) Возможно ли описание быта наркоманов другой лексикой, иными языковыми приемами, чем в тексте книги Баяна Шириянова «Срединный пилотаж»?

Ответ на первый вопрос зависит от того, какое определение порнографии используется при анализе спорного текста. Как известно, порнография представляет собой сложный социально-культурный феномен, лишь часть которого может быть рассмотрена с собственно лингвистических позиций с использованием научных знаний о принципах организации и функционирования языковой системы. В тексте постановления следователя, на основании которого проводилась экспертиза, были приведены следующие три определения порнографии:

- (i) ПОРНОГРАФИЯ — непристойность, крайняя циничность в изображении чего-либо, связанного с половыми отношениями⁴⁸⁶.
- (ii) ПОРНОГРАФИЯ — вульгарно-натуралистическое, непристойное изображение половой жизни в литературе <...>⁴⁸⁷.
- (iii) ПОРНОГРАФИЯ — соблазнительное изображение непристойных сцен для разжигания низменных инстинктов <...>⁴⁸⁸.

⁴⁸⁶ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987.

⁴⁸⁷ См.: Советский Энциклопедический Словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1990.

⁴⁸⁸ См.: Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1987.

Методика исследования строилась следующим образом. Из приведенных определений выбирались важные характеристики порнографии, которые можно условно использовать как критерии для анализа текста спорного произведения. Это, во-первых, параметр «непристойности/циничности» (определения i–iii) и, во-вторых, параметр «натуралистичности» (определение ii), в-третьих, параметр «наличия соблазна», шире — «разжигания низменных инстинктов» (определение iii) и, наконец, в-четвертых, «изображение чего-то связанного с половой жизнью» (определения i, ii и частично iii).

Опираясь на определения данных параметров (точнее, соответствующих им слов) в словарях современного русского языка, а также на знания эксперта в области семантики, можно было дать оценку лингвистической составляющей феномена порнографии в обсуждаемом тексте. Это относится к параметрам «непристойности/циничности», «натуралистичности» и «изображение чего-то связанного с половой жизнью». Параметр 3 — «наличие соблазна» как коммуникативной установки автора — в рассматривавшемся случае не мог быть установлен чисто лингвистическими методами. Здесь требовалось привлечение специалиста в области сексопатологии или психологии. В силу сказанного третий параметр выводился за рамки обсуждения.

Заметим, однако, что в современной законодательной, научной и публицистической литературе по проблемам порнографии представлены и другие определения данного феномена. Так, в одобренном Думой законе «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера», который был отклонен Президентом РФ, к порнографии относится изображения и описания секса с малолетними (педофилия), с телами умерших (некрофилия), с животными (зоофилия), а также насильственных действий сексуального характера⁴⁸⁹. Иными словами, к порнографии в не вступившем в силу зако-

⁴⁸⁹ Проект Федерального закона «Об ограничениях оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в РФ» (первое чтение в Думе); «О государственном регулировании и контроле за оборотом продукции сексуального характера» (второе чтение в Думе).

не относятся преимущественно сексуальные перверсии уголовно-наказуемого характера, что противоречит интуитивному представлению о порнографии. Так, далеко не все порнографические журналы публикуют фотографии (тексты), в которых отражается перечисленные выше типы сексуального поведения. При этом соответствующие журналы менее или более порнографическими не становятся. Совершенно обычный сексуальный контакт может быть представлен порнографически и не порнографически. В этом смысле определения 1–3 интуитивно более адекватны.

В современной феминистской литературе (в первую очередь в западной) феномен порнографии связывается с «субординацией (подчинением) женщин через сексуально очевидные недвусмысленные картинки и слова», при этом «субординация» понимается как «активная практика, помещающая кого-либо в неравное положение или позицию меньшей власти»⁴⁹⁰. Очевидно, что данное определение выводит за рамки порнографии изображение и описание мужского гомосексуализма, случаев активного поведения женщины в сексуальных отношениях с мужчиной и многое другое. Опять же подчеркнем, что и такое сексуальное поведения может быть изображено и/или описано вербально порнографически и не порнографически.

Иными словами, поскольку более точного определения порнографии нет, естественно ограничиться приведенными тремя словарными определениями порнографии.

Заметим, что определение iii учитывает принципиально важный, конституирующий признак порнографии — «наличие соблазна»/«разжигание низменных инстинктов». Если не учитывать данный признак, то многие картины Сальвадора Дали, Г. Климта, О. Родена, Р. Магритта, фотографии Х. Ньютона⁴⁹¹, литературные произведения Г. Миллера легко отнести к порнографическим.

⁴⁹⁰ Воронина О.А. Гендерная экспертиза Законодательства РФ о средствах массовой информации. М. 1998; Itzin C. A Legal Definition of Pornography // Pornography: Women Violence and Civil Liberties. A radical New View. Ed. by Catherine Itzin. Oxford Univ. Press, 1992.

⁴⁹¹ Многие серии фотографий этого мастера основаны на совершенно другой идее: представить обнаженное тело предельно несексуально — как обычную одежду человека, совершенно уничтожив представление об интимности.

Рассмотрим последовательно указанные в первом вопросе фрагменты текста с точки зрения выбранных из определений параметров.

Фрагмент № 1 (с. 96–98)

Слово *непристойность* в современном русском языке выражает свойство быть ‘крайне неприличным, предосудительным’⁴⁹². Другими словами, можно сказать, что непристойность — это общественное поведение человека и результаты такого поведения, которые нарушают моральные нормы, принятые в данном обществе. С идеей нарушения моральных и нравственных запретов связано и значение слова *цинизм*: ‘пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности’⁴⁹³, а также ‘грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности’⁴⁹⁴.

Параметр «непристойности/циничности», как ясно из сказанного, следует анализировать не столько по отношению к описываемым событиям, сколько к способу их описания, представления в тексте. Во фрагменте № 1 описывается половой акт между героем обсуждаемой книги по кличке Спонсор и его знакомой Риной, при котором присутствует один из главных персонажей Шантор Червиц. Исследуя параметр «непристойности/циничности», следует поставить вопрос, нарушает ли выбранный способ вербального описания полового акта во фрагменте № 1 моральные нормы, принятые в обществе? На это с определенностью можно ответить положительно, поскольку в анализируемом фрагменте используется нецензурная лексика (*х.. — сосание х.., е..ть — Е.. меня, милый!, п.... — Порви мою п.... на клочки*), а также описываются такие подробности протекания полового акта, которые следует рассматривать как «грубую откровенность, бесстыдство» (*Спонсор повалился навзничь на диван и прохрипел: — Минет!.. Красавица сразу же стала стягивать с него штаны. <...> Спонсор несколько первых минут великолепного, судя по звукам, сосания его х..*

⁴⁹² См.: *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁴⁹³ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁴⁹⁴ См.: *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

смотрел на Шантора Червица. <...> — Возьми меня! Е.. меня, милый! Вздрючь меня! Порви мою п...у на клочки! и т.д.).

Параметр «натуралистичности» описания заключается в том, что описание характеризуется чрезмерным «вниманием к <...> деталям, отсутствием обобщений»⁴⁹⁵. Как проявления параметра «натуралистичности» следует интерпретировать такое описание/изображение ситуации, в котором обращается преимущественное внимание на ее физиологические стороны. Это особенно важно для рассматриваемого случая, поскольку порнография предполагает преимущественное отображение физиологических особенностей сексуальных отношений. «Натуралистичность» и «физиологичность» анализируемого текста обнаруживается в следующих примерах:

- (1) Спонсор несколько первых минут великолепного, судя по звукам, **сосания его х...**⁴⁹⁶ смотрел на Шантора Червица.
- (2) <...> вскоре Спонсор расслабился, начал постанывать и, наконец, видимо кончив, заорал во всю глотку. **Красавица забулькала, закашлялась, видимо, захлебнувшись обильной кончиной.**

Выше уже отмечалось, что определить значение параметра «наличия соблазна»/«разжигания низменных инстинктов» чисто лингвистическими методами не представляется возможным. Параметр «изображения чего-то связанного с половой жизнью» очевидным образом выполняется, поскольку в рассматриваемом фрагменте описывается половой акт.

Таким образом, с точки зрения определений порнографии i, ii во фрагменте № 1 представлено порнографическое описание сексуальных отношений. Установить, соответствует данный случай порнографии в смысле определения iii в рамках чисто лингвистического исследования в рассматриваемом случае, невозможно.

Фрагмент № 2 (с. 103)

В данном фрагменте описан половой акт между второстепенными персонажами книги Баяна Шириянова, которые названы в тексте «Детина 1» и «Детина 2». По параметру «непри-

⁴⁹⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. II. М., 1986.

⁴⁹⁶ Здесь и далее выделения тексте сделаны экспертом.

стойности/циничности» представленный в книге способ описания полового акта, оценка способа описания, как и в предшествующем случае, положительная. Текст описания полового акта нарушает моральные нормы, принятые в обществе. На это указывает использование нецензурной лексики (х. — *сосут* <...> *друг у друга х.*; х..*есосание*), наличие фрагментов, которые можно расценить как «грубую откровенность, бесстыдство»: <...> *двое Детин лежат на диване в позе 69 и сосут, закатывая глаза и похрюкивая от удовольствия, друг у друга х...*

Анализируемый фрагмент обнаруживает элементы «натуралистичности» и «физиологичности» описания. К ним относятся следующие фразы:

- (3) <...> двое Детин лежат на диване в позе 69 и сосут, закатывая глаза и **похрюкивая от удовольствия, друг у друга х...**
- (4) <...> частично все еще раскрашенный **обсосанный х.. Детины 1 вонзился без вазелина в очко Детины 2.** Минут через пять они поменялись местами. **Следом опять взаимное х..сосание...**

Определить значение параметра «наличия соблазна»/«разжигания низменных инстинктов», как и в предшествующем случае, невозможно. На вопрос о реализации параметра «изображения чего-то связанного с половой жизнью» следует ответить утвердительно.

Экспертная оценка фрагмента № 2 аналогична оценке фрагмента № 1: с точки зрения определений порнографии i, ii во фрагменте № 2 представлено порнографическое описание, а соответствие определению 3 установить чисто лингвистическими методами невозможно.

Фрагмент № 3 (с. 118–119)

Фрагмент № 3 является стилистически и содержательно иным текстом, нежели первые два фрагмента. Со стилистической точки зрения на этих страницах представлен римейк библейского текста, в котором персонаж по имени Семарь-Здрахарь выступает в функции Христа мира наркоманов. При этом хотя и используется нецензурная лексика (х., х..*во, ни..ец, ни...-ый*), она сочетается с устаревшей (часто библейской) лекси-

кой типа *отроковица, ибо, семя* (в значении «сперма»). Синтаксически абзацы фрагмента в подавляющем большинстве случаев начинаются с союза *и* в сочетаниях *И стал..., И понял..., И решил..., И дошло...,* что с очевидностью следует рассматривать как стилизацию под библейский текст. Для целей стилизации используются и прописные буквы в местоимениях (*Он, Свой*). Описание половых актов во фрагменте № 3 очень кратки и опять-таки стилизованы (*И вошел Он в нее х..м Своим*). Игровая составляющая текста ощущается читателем очень ясно, что снижает запрет на использование обсценной (нецензурной) лексики.

Как известно, игра оказывается важнейшей частью такого сложного феномена народной культуры, как карнавал. Во время карнавала снимаются многие культурные и религиозные запреты и это во многом благодаря игре, поскольку по своему содержанию и функции игра противопоставлена реальности и выводит за рамки этических оценок многие формы обычно табуированного поведения (ср. по этому поводу исследование карнавала как феномена культуры в работах М.М. Бахтина⁴⁹⁷). Обесценные и стилизованные под жаргон римейки священных и культурно значимых текстов типичны для фольклорной традиции — в особенности для современной городской фольклорной культуры⁴⁹⁸.

В силу сказанного фрагмент № 3 нельзя рассматривать как «непристойное/циничное» описание сексуальных отношений. Отрицательно следует ответить и на вопрос о «натуралистичности/физиологичности» представленного описания. Следовательно, вне зависимости от того, есть ли в обсуждаемом фрагменте коммуникативная цель возбуждения у читателя «соблазна», он не может считаться порнографическим описанием ни в рамках определений порнографии i, ii, ни в духе определения iii.

Фрагмент № 4 (с. 259)

Рассматриваемый фрагмент состоит из части абзаца (начало которого находится на предшествующей странице) и трех

⁴⁹⁷ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁴⁹⁸ См., напр., принадлежащий Митькам римейк Нового завета (Баранов А.Н. Жаргон в контексте постмодернизма // Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997).

кратких последующих абзацев. Он не представляет собой законченного описания каких-либо событий, в нем отсутствует описание сексуальных отношений. Идиома *ни х..*, употребленная в контексте <..> *нету тут ни х.. морали!*, имеет значение 'указание на отсутствие даже минимального количества чего-либо или следов какого-либо действия или состояния'⁴⁹⁹. Поскольку описания сексуальных отношений нет, а это является важнейшей частью всех определений порнографии, то рассматриваемый фрагмент нельзя рассматривать как порнографию.

Ответ на второй вопрос о возможности описания быта наркоманов другой лексикой и языковыми средствами, отличающимися от тех, которые использованы в тексте книги Баяна Шириянова «Срединный пилотаж», определяется теми целями и задачами, которые ставил перед собой автор текста. Если считать, что одна из важнейших художественных задач автора заключалась в том, чтобы отразить функционирование языка наркоманов, то другими языковыми средствами это сделать невозможно. С чисто научной точки зрения данный текст Баяна Шириянова (К.Б. Воробьева), по крайней мере, частично можно рассматривать как важнейший источник информации о дискурсе наркоманов. Очевидно, однако, что данная задача не была для автора самой важной, поскольку она не была последовательно проведена и решена на протяжении всего текста анализируемого произведения. Так, как было показано выше, фрагмент № 3 представляет собой стилизацию под Библию, а во фрагменте на с. 252–259 (главка «вырезка абсцесса») описание событий стилизовано под волшебную сказку: ни то ни другое не может рассматриваться как пример реального дискурса наркоманов. Впрочем, наличие таких стилистических контрастов, судя по всему, входило в художественную задачу автора.

Разумеется, русская литература знает примеры художественного описания быта и жизни низов общества без использования грубой, тем более обценной (нецензурной) лексики. Таковы, например, многие романы Ф.М. Достоевского, известный роман А.И. Куприна «Яма» о жизни проституток. Можно предположить, что автор исследуемого произведения

⁴⁹⁹ См.: *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика. М., 1995. С. 53.

ставил перед собой иные художественные задачи по сравнению с Ф.М. Достоевским, и А.И. Куприным.

Резюмируя, можно сказать, что описание быта наркоманов другими языковыми и художественными средствами возможно, однако для этого автор должен ставить перед собой иные творческие задачи.

Общие выводы проведенной экспертизы сводятся к следующему. С точки зрения определений порнографии i, ii во фрагментах № 1, 2 представлено порнографическое описание сексуальных отношений. По крайней мере для разбираемых фрагментов установить, соответствуют ли они определению порнографии в смысле определения iii, в рамках чисто лингвистического исследования невозможно. Во фрагментах № 3, 4 с точки зрения определений i–iii порнографического описания не обнаружено.

В связи со сделанным выводом следует отметить, что, по мнению эксперта, для отнесения какого-либо текста к порнографическому весьма существенно наличие параметра «соблазна», точнее — «разжигания низменных инстинктов» (разумеется, наряду с параметрами «непристойности/циничности» и «натуралистичности/физиологичности»). Иными словами, определения порнографии i и ii явно неполны.

Наконец, ответ на последний вопрос сводится к тому, что описание быта наркоманов другими языковыми и художественными средствами возможно, однако оно предполагает, что автор художественного произведения ставит перед собой иные творческие задачи, чем те, которые имел в виду К.Б. Воробьев.

§ 2. Дело Ф.Б. Киркорова

На пресс-конференции в Ростове-на-Дону Ф.Б. Киркоров, отвечая на вопрос местной журналистки, крайне негативно отозвался как о заданном вопросе, так и об его авторе. Ответ Ф.Б. Киркорова содержал нецензурную лексику и выражал явное неуважение к журналистке. Был подан иск по ст. 130 ч. 2 УК РФ («Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации»). Основная коллизия данного дела, вызвавшая бурное обсуждение СМИ, заключалась в оче-

видном расхождении между законодательством и естественной логикой человека — носителя русского языка⁵⁰⁰. Термины законодательства, точнее, стоящие за ними понятия, отличаются от слов литературного языка и связанными с ними представлениями. Выше уже было показано, что такие слова, как *убытки, ущерб, потери, вред*, понимаются в языке законодательства не так, как в обычном русском языке (см. выше § 7 главы 4). Это относится и к термину *оскорбление*, и такому же слову литературного языка в нетерминологическом употреблении.

Действительно, представим себе такую ситуацию. К чиновнику в собесе приходит пожилой человек для получения какой-то справки. Он ждет в очереди несколько часов, а когда заходит в кабинет, то чиновник (точнее, чиновница) в ответ на предъявляемые совершенно законные претензии не предлагает ему даже сесть, а подписанную справку роняет на пол — намеренно или нет, установить невозможно. Является ли это оскорблением? В обычном смысле, несомненно, да. Подпадает ли это под действие 130 ст. УК? Конечно, нет.

В ст. 130 УК РФ говорится, что оскорбление — это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Комментируя данную статью УК, авторы одной из первых монографических работ по лингвистическим экспертизам отмечают:

Здесь [в статье 130 УК. — А.Б.] присутствуют два признака: а) направленность на унижение чести и достоинства и б) неприличная форма. Строго говоря, предполагается еще один признак, в тексте статьи прямо не указанный, — это умышленный характер деяния. <...> Как мы видели выше, понятие унижения чести и достоинства субъективно и юридически точно неопределимо. Трудно, хотя и возможно установить умышленность оскорбления. И наконец, столь же туманно, как мы увидим далее, понятие «неприличной формы»⁵⁰¹.

⁵⁰⁰ Разумеется, были и другие, чисто прагматические факторы, обусловившие столь резкую реакцию, о которых, однако, не имеет смысла говорить в рамках данной работы.

⁵⁰¹ *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Умышленность оскорбления отмечается также в комментариях к УК: «*Субъективная сторона* данного преступления может быть выражена лишь *в прямом умысле*. Виновный осознает, что совершает действия, унижающие честь и достоинство другого человека, и желает совершить эти действия»⁵⁰². В последующем, обсуждая понятие «неприличной формы», авторы приходят к заключению, что разумного определения этого понятия нет. Даже, казалось бы, бесспорное утверждение комментатора УК о том, что к неприличным относятся нецензурные выражения и сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами, вызывает у авторов сомнение. Они указывают на речевую практику «дружеских ласковых матюков», а сравнение с А. Гитлером, по их мнению, вряд ли будет воспринято негативно нынешним президентом Белоруссии⁵⁰³.

Преувеличение авторов очевидно. Конечно, есть ситуации снижения степени табуированности нецензурной лексики в контексте языковой игры — в шутках, анекдотах и т.д. Табуированность обцененной лексики и вовсе исчезает в некоторых видах дискурсов — в армейской речи, в речи строителей (вообще не очень ясно, есть ли в России хоть одно здание, построенное без «матюков»), во многих «чатах» русскоязычного Интернета (впрочем, в некоторых чатах это, наоборот, демонстративно запрещено). В этих ситуациях брань во многом играет роль маркера принадлежности к социуму. Однако суть проблемы остается, причем дело не только и не столько в оценке использующихся лексем как неприличной формы выражения, но и в сущности, особенностях речевого поведения, квалифицируемого как «оскорбление».

Первый вопрос, поставленный перед экспертом в связи с иском, поданным против Ф.Б. Киркорова, формулировался следующим образом:

Предполагает ли оскорбление какого-л. лица приписывание ему каких-либо характеристик? Какова цель оскорбления?

⁵⁰² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1997. С. 292.

⁵⁰³ См.: *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Указ. соч. С. 16.

Ответ на него предусматривает анализ оскорбления как особого типа речевого акта, что по понятным соображениям не было последовательно прописано в ст. 130 УК — нельзя же ввести в законодательство всю лингвистику, философию, этику и психологию.

С семантической точки зрения оскорбление содержит два важнейших компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика (вне зависимости от того, соответствует это реальности или нет). Во-вторых, эта отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. К неприличным относятся обценные (нецензурные) слова и устойчивые обороты (идиомы), некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козел*), неологизмы, образованные в результате языковой игры и содержащие аллюзию на неприличные или обценные слова (например, *дерьмократ*) и некоторые другие типы лексем⁵⁰⁴.

С точки зрения теории речевых актов оскорбление представляет собой особый тип речевого акта, использование которого предполагает выполнение целого ряда условий⁵⁰⁵. Условие назначения речевого акта является важнейшим условием, в котором отражается коммуникативная направленность речи говорящего, его коммуникативные цели на данном этапе беседы.

Речевой акт оскорбления по своим свойствам близок и акту утверждения, и акту побуждения. С актом утверждения его сближает наличие условий назначения 'данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении вещей' и 'характеристика вводится в общее поле зрения говорящего и слушающего'. Вводя негативную характеристику слушающего в общее поле зрения участников ситуации общения, говорящий, не может не адресовать эту информацию слушаю-

⁵⁰⁴ Некоторые из них обсуждаются в кн.: *Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С.* Цена слова. М., 2001. С. 329 и далее. Более подробную классификацию лексических единиц, связанных с негативной оценкой адресата содержит в: *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. С. 65 и далее.

⁵⁰⁵ В теории речевых актов такие условия называются «условиями успешности». См. подробнее, напр.: *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

щему, поскольку она прямо его касается. Тем самым условие назначения речевого акта оскорбления выглядит следующим образом: 'негативная характеристика вводится в общее поле зрения говорящего и слушающего и приписывается слушающему'. Понятно, что любой речевой акт адресован слушающему, однако в случае оскорбления негативная характеристика не просто ему адресована, но «замарывает» его, угрожая его общественному лицу. Угроза общественному лицу составляет еще одну часть условия назначения речевого акта оскорбления.

С другой стороны, в классическом виде оскорбление предусматривает реакцию адресата. Так, публичное оскорбление словом или действием предполагает вызов на дуэль, защиту собственного достоинства в суде и даже выяснение отношений в брутальном формате. В самом минимальном случае в качестве ответа ожидается какая-то вербальная реакция. Игнорирование оскорбления адресатом приводит к тому, что его статус в социальной иерархии (собственное достоинство) оказывается под угрозой. В этом отношении оскорбление похоже на речевые акты побуждения: оскорбляя, говорящий, во-первых, стремится добиться какой-то реакции от адресата оскорбления, а ее отсутствие интерпретирует как слабость. Во-вторых, при оскорблении говорящий хочет подтвердить или повысить свой статус и одновременно понизить статус адресата.

Таким образом, оскорбление как речевой акт обязательно направлено на конкретное лицо — адресата оскорбления. То есть речевой акт оскорбления требует использования соответствующих выражений, направленных (адресованных) конкретному лицу. Кроме того, речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику (одну или несколько).

Комментарий. Так выглядел ответ на первый вопрос. Его выводы в полной мере согласуются с имеющейся литературой в области права. Такие важные свойства оскорбления, как наличие отрицательной оценки и направленность на конкретное лицо отмечается, например, в аналитических материалах о практике применения в судах ст. 130 УК: «Обязательным условием оскорбления в любом случае должна являться отрицательная оценка того или иного лица», при «унижении чести и достоинства личности в любой из

указанных форм (письменное и устное оскорбление. — А.Б.) происходит отрицательная оценка человека»⁵⁰⁶. Близкое по смыслу положение содержится в комментариях к ст. 21 Конституции РФ (о достоинстве личности): «Оскорбление непосредственно направлено на унижение личного достоинства человека»⁵⁰⁷. Как отмечают авторы уже упоминавшейся работы по лингвистическим экспертизам, «понятие оскорбления не сводится к употреблению неприличной формы: оно предполагает также направленность на конкретное лицо (адресата)». В этом же исследовании предлагается «различать инвективную и неинвективную лексику, т.е. такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает»⁵⁰⁸. Более точно следует сказать, что есть **инвективные** и **неинвективные употребления** обценной и другой негативно-оценочной лексики. А еще точнее, есть употребления негативно-оценочной лексики в речевом акте оскорбления и в других типах речевых актов. Оскорбление как речевой акт или инвективные употребления негативно-оценочной лексики требуют негативной оценки и направленности на конкретное лицо. Второй вопрос заключения касался уже конкретных фраз.

Приписываются ли какие-то характеристики И. Ароян в следующих фразах из пресс-конференции Киркорова:

1) **Ф. Киркоров:** <...> Меня раздражают Ваша розовая кофточка. Ваши сиськи и Ваш микрофон.

2) **Ф. Киркоров:** А? Да мне... да мне по-х..., как Вы напишете... Так же, как и Вы... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!

⁵⁰⁶ *Завидов Б.Д.* Уголовно-правовой анализ преступлений против чести и достоинства личности. Материал от 2004 года // Справочно-правовая система «Гарант».

⁵⁰⁷ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. Институт законодательства и сравнительного правоведения. М., 1994.

⁵⁰⁸ *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. С. 29.

3) **И. Ароян** (*презрительно*): А вы научитесь себя вести. «Звезда». **Ф. Киркоров** (*рифмуя*): да... П....!

Во фразе (1) **И. Ароян** не приписывается никаких отрицательных характеристик. Действительно, то, что **И. Ароян** носит розовую кофточку, держит в руках микрофон и т.д., само по себе нельзя рассматривать как отрицательные характеристики. Коммуникативная направленность данной фразы — выражение субъективной реакции **Ф.Б. Киркорова** на это (в данном случае — реакции раздражения).

Во фразе (2) **Ф. Киркоров**: *А? Да мне... да мне по-х.., как Вы напишете... Так же, как и Вы... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!* говорящий (**Ф.Б. Киркоров**) приписывает **И. Ароян** отрицательную характеристику — непрофессионализм. Для выражения этой характеристики используется слово литературного русского языка — *непрофессионал* (в формах *непрофессионалов, непрофессионалам*). Обсценная идиома *по х..* не приписывает **И. Ароян** никаких отрицательных характеристик: она в данном фрагменте употреблена в значении ‘все равно, не интересно, безразлично’ (см. подробнее ниже).

Во фразе (3) **И. Ароян** (*презрительно*): *А вы научитесь себя вести.* «Звезда» **Ф. Киркоров** (*рифмуя*): *да... П....!* использование слова *п....* допускает две различных интерпретации. В первом случае **И. Ароян** приписывается некоторая характеристика, и она выражена в неприличной форме. Во втором случае речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом *звезда*. Поскольку высказывание состоит из одного слова и следует после частицы *да*, употребленной в значении согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду — приписывание характеристики или языковая игра. В данном случае говорящий может сам проинтерпретировать свое коммуникативное намерение.

Комментарий. Итак, единственная очевидная обнаруженная инвектива — это косвенно выраженная отрицательная оценка во фразе **Ф.Б. Киркорова** *Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!* Вывод по третьей фразе требует уточнения. Языковая игра, основанная на рифме, есть в любом случае. Вопрос в том, сопровождается ли

она еще и негативной оценкой и направленностью этой оценки на И. Ароян. Вопрос мог бы быть снят при исследовании видеозаписи пресс-конференции, однако подробная официальная экспертиза с анализом видеоматериалов, с сопоставлением вербального и невербального поведения участников (типичный способ исследования речевого общения в дискурс-анализе) не была назначена.

Третий вопрос заключения относился к семантике обценной идиомы *по х..*, использованной во фразе (2):

Какovo значение идиомы *по х..* в современном русском языке и в каком значении употреблена эта идиома во фразе *А? Да мне... да мне по-х.., как Вы напишете... Так же, как и Вы...* Можно ли считать, что оно используется для оскорбления адресата данной реплики?

Идиома *по х.. (кто-л./что-л. кому-л.)* употребляется в современном русском языке в значении 'кто-либо/что-либо совершенно не затрагивает субъекта, потому что он волевым усилием исключает это из своей личной сферы'⁵⁰⁹. Именно это значение реализуется и во фразе *А? Да мне... да мне по-х.., как Вы напишете... Так же, как и Вы...* В этом случае говорящий дает понять адресату, что он 'исключает то, что напишет адресат, из своей личной сферы', т.е. Ф.Б. Киркорову безразлично, что о нем напишет журналистка. Продолжение фразы *Так же, как и Вы...* указывает на то, что говорящему безразлична и сама журналистка.

Отсюда следует, что фразу *А? Да мне... да мне по-х.., как Вы напишете... Так же, как и Вы...* нельзя рассматривать как оскорбление. Действительно, в ней непосредственно адресату не приписывается никаких отрицательно оцениваемых характеристик.

Замечание. В данном месте коллизия между обыденной логикой и моральными нормами, с одной стороны, и законодательством очевидна. Законодатель сформулировал ст. 130 УК об оскорблении таким образом, что оскорбительная для многих людей ситуация сквернословия квалифицируется как хулиганство, но отнюдь не как оскорбление в смысле ст. 130. Семантика использованной в данном контексте идиомы такова, что она не предусматривает прямую

⁵⁰⁹ См.: *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика. М., 1995. С. 46.

негативную оценку адресата. Похожий случай — поведение пьяного пассажира в метро, который в сердцах матерится, уронив свою шапку на далекий от чистоты пол вагона.

Наконец, вопрос, связанный с двойственным пониманием фрагмента (3):

Как характеризуется употребление слова *п...* в следующем контексте: **И. Ароян** (*презрительно*): А вы научитесь себя вести. «Звезда». **Киркоров** (*рифмуя*): да... П....!

Как было показано выше (см. ответ на второй вопрос), слово *п...* в контексте **И. Ароян** (*презрительно*): *А вы научитесь себя вести*. «Звезда». **Киркоров** (*рифмуя*): *да... П....!* может пониматься в двух смыслах. При первом понимании И. Ароян в неприличной форме приписывается некоторая характеристика. Во втором понимании речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом *звезда*, при этом обмен репликами напоминает ситуацию «вялой перебранки», ср. — *Когда же ты, наконец, блин, вынесешь мусор? — Мусор-х..сор*. В последнем случае участники ситуации общения скорее выражают неудовольствием друг другом, чем обмениваются взаимными оскорблениями. Поскольку речевой акт Ф.Б. Киркорова состоит из одного слова и следует после частицы *да*, употребленной в значении реакции-согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду — приписывание характеристики или языковая игра и вялая перебранка. Это тот случай, когда говорящий может сам пояснить то, что он имел в виду.

Замечание. Как уже было уточнено выше, языковая игра, основанная на рифмовании слов, в любом случае есть. Вопрос лишь в том, приписывается ли негативная оценка именно И. Ароян. По предоставленной стенограмме пресс-конференции принять окончательное решение было невозможно.

Пятый вопрос касался стилистической характеристики слова *сиськи*:

Можно ли квалифицировать слово *сиськи* в следующем ниже контексте как неприличное?

Ф. Киркоров (*обращаясь к И. Ароян*): Я не хочу, чтобы Вы меня фотографировали. Вы мне надоели. Меня раздражают Ваша розовая кофточка. Ваши сиськи и Ваш микрофон.

Слово *сиська* квалифицируется в толковых словарях русского языка как просторечие⁵¹⁰. Во фрагменте **Ф. Киркоров** (*обращаясь к И. Ароян*): *Я не хочу, чтобы Вы меня фотографировали. Вы мне надели. Меня раздражают Ваша розовая кофточка. Ваши сиськи и Ваш микрофон* слово *сиськи* употреблено с той же стилистической окраской. Заметим, что изменение стилистических характеристик слов в принципе возможно, но это очень редкий случай и зависит скорее не от контекста, а от значения. Так, идиома *сумасшедший дом* в значении ‘место пребывания и лечения сумасшедших’ относится к нейтральному слою фразеологизмов, а в значении ‘беспорядок’ — к идиомам разговорного стиля речи. В данном случае значение слова *сиська* не меняется и сохраняет свои стилистические характеристики.

Замечание. После ответа на вопрос № 2 определение стилистической принадлежности обсуждаемой лексики не имеет решающего значения. Действительно, фрагмент с данным словом передает раздражение Ф.Б. Киркорова (см. выше), оценки личности И. Ароян нет (хотя косвенная оценка и возможна). Тем самым и выяснение формы выражения теряет смысл.

Шестой — последний — вопрос был связан с метафорой подворотни, использованной Ф.Б. Киркоровым:

Каково значение слова *подворотня* в следующем контексте:

Ф. Киркоров: <...> На пресс-конференцию к звездам нужно приходиться подготовленными, а не так, как вы — вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду.

Можно ли считать, что оно используется для оскорбления адресата данной реплики?

Слово *подворотня* в рассматриваемом контексте употреблено как метафора. Как известно, метафора представляет собой способ осмысления одной сущности в терминах другой, в основе которого лежит идея сходства, уподобления одной сущности — другой⁵¹¹. В тексте метафоры имеют различные ме-

⁵¹⁰ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.

⁵¹¹ См.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 27; *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

тафорические следствия, которые определяются сущностью ситуации общения. Так, метафора народ/общество — это стадо в примерах из современной публицистики обращает внимание на идею ‘несамостоятельности, пассивности’, поскольку знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров — как прототипический вариант для европейской культуры) управляется пастухом. Ср. следующий пример:

Анализ [экономики] основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь *бессловесным стадом* для экспериментальных губительных игр «верхов». *Молодая Гвардия, 01.12.90.*

В спорном фрагменте слово *подворотня* как метафора может влечь различные следствия: от приписывания крайне негативных свойств (подворотня как место обитания социально отверженных слоев общества) до сопоставления с поклонницами, ожидающими артиста у запасного выхода из театра. Многообразие метафорических следствий не позволяет однозначно указать на то или иное понимание.

Замечание. Само по себе слово *подворотня* не относится к числу неприличных. Иными словами, метафора подворотни может рассматриваться как оскорбление только в контексте явного следствия, включающего очевидное бранное, неприличное или обценное выражение. Например, слово *проститутка*. Очевидно, однако, что при негативном понимании обсуждаемой метафоры с тем же успехом можно предположить и другие варианты негативно-оценочных лексем, обозначающих представителей низов общества, обитающих «в подворотнях» — *пэтэушница, бомжиха, алкоголичка* и пр. Разумеется, они несут явный негативный компонент, но квалифицировать их как «неприличную форму выражения» все-таки нельзя. Неопределенность семантического следствия оказывается в данном случае решающим фактором при оценке рассматриваемой метафоры: она не может рассматриваться как оскорбление в смысле ст. 130 УК РФ.

В результате проведенного анализа обнаруживается, что как оскорбление может рассматриваться фрагмент (3) с эле-

ментами языковой игры (рифмование). Этот фрагмент многозначен, и по стенограмме выступления невозможно определенно сделать вывод, что оскорбление в смысле ст. 130 УК РФ имело место. Очевидно, однако, что речевое поведение Ф.Б. Киркорова в рассматриваемой ситуации нарушает «неписанные законы» — моральные нормы, принятые в обществе. И в этом смысле оно оскорбительно. Различие терминологического употребления слова *оскорбление* и его нетерминологического аналога — слова литературного русского языка — хорошо иллюстрируется употреблением наречия *оскорбительно*, которое очень часто используется для квалификации ситуаций нарушающих какие-то моральные нормы, но при этом терминологического смысла оскорбления оно не несет. Ср. примеры из современной художественной литературы:

Как держать себя в таких случаях: пройти мимо, сделав вид, что не узнали, — протвоекестественно, но естественно ли здороваться, не будет ли это принято за подобострастие, не получим ли мы в ответ безразличный взгляд и **оскорбительно**-вельможный кивок? *В. Тендряков. На блаженном острове коммунизма.*

Румата **оскорбительно** засмеялся. — Возьмите, — сказал он, косясь на окно. — Взять его! *А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом.*

Нет, меня никогда не пугала мысль быть тем, что сейчас нелепо и **оскорбительно** называют «матерью-одиночкой». Главное — быть матерью! *Ю. Герман. Я отвечаю за все.*

Понятно, что в описываемых здесь ситуациях не идет речи об оскорблении в терминологическом смысле законодательства, хотя смех Руматы во втором примере с очевидностью имеет коммуникативную цель унижить тех, кто хочет его арестовать, но это не очевидное приписывание негативной характеристики в неприличной форме.

Аналогично ведет себя и слово *оскорбление* как единица литературного языка:

В сущности, товарищ из райцентра, не признав родства с дядей Мексутом, нанес ему смертельное **оскорбление**. Но дядя Мексут сдержался. Он ничего никому не сказал, а только поймал свою лошадь и уехал в Мерхеулы. *Ф. Искандер. Сандро из Чегема.*

— Отправляй свою бетономешалку! — кричит кто-то Захарову. Тот высовывается из кабины и грозит кулаком, для вертолетчика «бетономешалка» такое же **оскорбление**, как для моряка «дырявое корыто». — От винта! Толпа распадается, вертолетная площадка пустеет. К нам, бормоча на ходу проклятья, с грозным видом направляется Мурат. *В. Санин. Белое проклятье.*

<...> однажды вождь западников пренебрежительно отозвался о русском квасе. Хотя квас в Партграде давно исчез, вождь славянофилов заявил, что он такое **оскорбление** русского национального достоинства стерпеть не может. *А. Зиновьев. Катастрожка.*

Очевидно, что ни непризнание родства, ни название вертолета *бетономешалкой*, ни пренебрежительная оценка русского кваса не могут рассматриваться как оскорбления с точки зрения УК РФ. Следовательно, в **русском языке слово оскорбление и наречие оскорбительно используется по отношению к гораздо более широкому классу ситуаций, чем это предусматривает термин «оскорбление» в ст. 130 УК РФ.** Конечно, толковые словари русского языка не истина в последней инстанции, но и они в качестве первого значения слова *оскорбление* дают ссылку — действие по значению глагола *оскорбить* ‘крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства’. То есть формулируется значение, которое охватывает и терминологические, и нетерминологические употребления слова *оскорбление*. Ясно, что и стоящая за нетерминологическими употреблениями слова *оскорбление* понятийная категория шире по семантике, чем соответствующий термин права. Естественная, или обыденная, логика, в основе которой лежат особенности чисто языковой категоризации реальности и понятийной сферы, собственно, и была причиной разразившегося скандала. Были, разумеется, и другие причины — правовая необразованность, неворстуженное отношение к Филиппу Бедросовичу, мертвый новостной сезон и многое другое (в том числе особенности социально-политической ситуации). Впрочем, все это выходит за предметную сферу данной книги.

Особая проблема — правильно ли сформулирована обсуждаемая статья УК РФ. Действительно, если оскорбление в смысле данной статьи и оскорбление в обыденном сознании

столь сильно различаются, то не следует ли модифицировать — улучшить, уточнить, сделать более ясной — формулировку самой статьи? Вопрос риторический, и адресовать его можно только законодателю. Следует, однако, иметь в виду, что стремление включить в законодательство все моральные нормы вряд ли приведет к желаемому результату. **Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и общественной коммуникации.** Непожатие руки часто куда эффективнее, чем судебный приговор — в том числе и для рассматриваемого случая.

В последующем, обсуждая с различными лингвистами и правоведами дело Ф.Б. Киркорова, автор натолкнулся на еще одно интересное соображение, которое поначалу трудно было счесть релевантным в рамках лингвистической экспертизы текста злосчастной пресс-конференции. Один весьма поднатопивший коллега, ментально потрепав автора по плечу, сказал: «Старик, ты там перемудрил. Любое научное слово в твоём тексте воспринималось как хорошо проплаченная отмазка звезды. Никто поэтому даже не заметил, что ты допустил возможность наличия оскорбления. Ты бы лучше по-простому написал — не подумайте, мол, плохого, это у них там, у звезд эстрады, так принято говорить, это у них речекряк такой». Иными словами, нормы речевого общения различаются для каждой социальной группы, и в данной социальной группе это речевая норма — дискурсивная практика. Автор не согласился с правомерностью такого аргумента. Действительно, перенос дискурса одного типа в дискурс совершенно другого типа, вот так сразу, не говоря худого слова — вернее, очень даже говоря — вполне тянет на 130-ю статью. Ср., например, фраза *Эй ты, м..ак, куда лестницу-то дел?* в контексте строительного ремонта или при обращении старослужащего к «черпаку» смотрится совершенно органично, однако в университетской библиотеке с древними высокими стеллажами, требующими использования лестницы (такие еще очень даже сохранились), вряд ли будет признана уместной и при наличии свидетелей может повлечь соответствующие правовые последствия.

Между тем действительно такой аргумент реально использовался в аналогичном деле. С.Ю. Сададьский в интервью

«Презирая смерть, или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь»⁵¹² назвал известную певицу А.А. Мухамедову (театральный псевдоним «Азиза») *б...ю*, причем, в отличие от разобранного случая, контекст употребления этого слова не оставлял никаких сомнений — было и приписывание отрицательной характеристики, и оценка личности. Фраза выглядела так: *Во время застолья Игорь признался, что ему очень нравится Азиза... Поэтому, узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой б...ю*. Авторы официальной экспертизы в качестве основного аргумента выдвинули следующий: читатели данной газеты относятся к людям специфической субкультуры, они ждут именно таких выражений, это для них норма. Вывод экспертизы был таков:

Сам стиль «Экспресс-газеты» и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово *б...ь* для круга читателей «Экспресс-газеты» не бранное, а свое, «житейское», находящееся на самой грани просторечной лексики⁵¹³.

В результате певице в иске было отказано: прокуратура дело прекратила. Интересно, какое решение принял бы суд, если бы прокуратура довела дело до логического конца. Была бы возможность сравнить судебную практику. В принципе, судебное дело «Ароян против Киркорова» и несостоявшееся дело «Мухамедова против Сададьского» в существенных чертах очень близки. Более того, в случае с певицей А. Мухамедовой оскорбление куда более очевидно. Правда, ролевая структура дел совершенно другая: в деле Азизы хотя и оскорблена женщина, она — певица, а не журналистка. Случай Азизы был практически проигнорирован и СМИ, и общественностью.

⁵¹² См.: Экспресс-газета. № 3. 1998.

⁵¹³ Авторы экспертизы Ю.А. Сафонова (ГЛЭДИС) и Н.А. Фатеева (ИРЯ РАН). Текст этой экспертизы полностью воспроизведен в *Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С.* Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. С. 29–33.

Наконец, тему можно закончить последними строками из комментария Андрея Черкизова на «Эхе Москвы» по поводу дела Ф.Б. Киркорова (20 июля 2004 г.), фактически воспроизводящими этот, как оказалось, неубиенный, хотя и теоретически сомнительный аргумент:

<...> другой эксперт по делу против Киркорова профессор Баранов из Института русского языка РАН считает, что слово «сиськи» вполне допустимо в обиходной речи. Но я вполне могу предположить, что дама-журналистка предпочла бы слово «грудь» или, к примеру, «молочная железа». В любом случае — это только и только ее проблема. Так что дело не в словах. **Дело — в поведении, в отношении к собеседнику. И дело в собеседнике — знаешь ведь, с кем разговариваешь! Хочешь рисковать — рискуй. Такая у нас профессия**⁵¹⁴.

⁵¹⁴ Выделено мною. — *А.Б.*

О ЖАНРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (вместо заключения)

Довольно часто приходится слышать, что прототипом экспертного заключения в лингвистической экспертизе текста является научная работа, научное исследование, проделанное языковедом. Опыт автора и материал данной книги показывают, что это далеко не так. Действительно, в основе экспертизы всегда лежит научное исследование, однако экспертное заключение представляет собой совершенно особый жанр, существенно отличающийся как от квалификационных работ типа диссертаций, так и от типичных инновационных научных изысканий — будь они инициированы пытливым умом лингвиста или самой логикой развития языкознания.

Первое отличие чисто прагматическое. Научные работы в точном смысле адресованы научному же сообществу. Адресатом лингвистической экспертизы текста выступают как конкретные физические лица, так и соответствующие институциональные структуры — суд, прокуратура, различные федеральные агентства и ведомства, международные организации. Очевидно, что текст экспертизы должен упрощаться и модифицироваться, для того чтобы он мог быть хотя бы потенциально понят теми, кто не имеет специального лингвистического образования. Это тем более существенно, что по большей части и суд, и спорящие стороны априори считают себя специалистами в родном языке — просто на основании того, что они являются его носителями⁵¹⁵. В такой ситуации словари оказываются единственным относительно доступным источником знаний о языке для неспециалистов и инструментом доказательства. Это объясняет широкое использование в заключениях при обосновании позиции эксперта словарной информации (см. приводившиеся в книге материалы). Отсюда и необходимость полного воспроизведения техники анализа, подробной аргументации каждого шага исследования, что создает для лингвиста впечатление чрезмерной лапидарности изложения,

⁵¹⁵ Ср. характерное полемическое высказывание одной из сторон в деле «Арьян против Киркорова»: «Все мы — носители русского языка и знаем значение слов на “х” и “п”».

объяснения очевидного. Между тем многие лингвистические экспертизы по понятным причинам — прежде всего из-за существующего конфликта интересов истца и ответчика — как раз **посвящены доказательству очевидного**. Более того, часто оказывается, что очевидное доказать сложнее всего.

Разумеется, в степени упрощения следует соблюдать разумные границы. Одна из возможностей сохранения специальной терминологии в тексте заключения — использование системы сносок, в которых даются необходимые пояснения для случаев очевидного упрощения метаязыка исследования или полученных результатов.

Языкознание, как известно, включает в себя много разнообразных дисциплин, отличающихся как методами исследования, так и предметом анализа. Так, фонетика и фонология используют методы анализа речевого сигнала, разрабатываемые в области физики звука, а в лингвистической семантике широко применяется инструментарий описания семантики языковых выражений, заимствованный из логики, философии, а также сферы когнитивной науки и искусственного интеллекта. В синтаксической теории используются формальные грамматики и т.д. Такой широкий разброс тематики и исследовательского инструментария требует специализации: большинство лингвистов работает в каком-то конкретном и относительно гомогенном направлении. Проблемы, обсуждаемые в лингвистических экспертизах, игнорируют междисциплинарные рамки, причем не только внутри лингвистики, но и между различными науками. Отсюда частая необходимость проведения комиссионных экспертиз — исследований с участием как лингвистов, так и специалистов по психологии, социологии, психолингвистики и т.д. Лингвистические экспертизы очень часто оказываются головоломными задачами, требующими от лингвиста владения самыми различными навыками — от семантического анализа слова до семиотической интерпретации взаимоотношения текста с изображением и исследования особенностей использования гарнитур в товарных знаках.

Продолжая предшествующую мысль, можно сказать, что **лингвистическая экспертиза по жанру и духу похожа на лингвистические задачи** (задачи лингвистических олимпиад), сконструированные, правда, не изощренным умом исследователя, а

самой жизнью — возникшие как результат противоречий в законах, столкновения интересов различных общественных групп, конкретных людей, инициированные самой сложностью и противоречивостью функционирования естественного языка — в данном случае русского — в современном обществе.

Таким образом, лингвистическая экспертиза текста — это приложение лингвистических знаний, требующее оптимизации используемого концептуального аппарата, разумного ограничения объекта исследования, и специфической формулировки выводов, учитывающей конфликтность ситуации и претензии сторон, в том числе на знание русского языка. Именно эти аспекты теории и практики лингвистических экспертиз и обсуждались в данной книге — хотелось бы надеяться, что безрезультатно.

Литература

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999.

Бл. Августин. Исповедь. Часть 1. Кн. 12. 2-е изд. Киев, 1901.

Аверьянова Т.В. Судебные экспертизы. Курс общей теории. М., 2006.

Андрющенко В.М. Концепция и архитектура машинного фонда русского языка. М., 1987.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М., 1969.

Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Баранов А.Н. О семантике лексемы *еще* // Семантика служебных слов. Пермь, 1982.

Баранов А.Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.

Баранов А.Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы *да*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога. // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 751. Тарту, 1987.

Баранов А.Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). М., 1990.

Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1990.

Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Баранов А.Н. Язык как игра: жаргон и превращенная реальность // И. Юганов, Ф. Юганова. Русский жаргон 1960–90-х годов: Опыт словаря. М., 1994.

Баранов А.Н. Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (*по крайней мере* vs. *по меньшей мере* в художественных текстах Достоевского) // Слово Достоевского. М., 1996.

Баранов А.Н. Жаргон в контексте постмодернизма // И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997.

Баранов А.Н. «Акмола/Астана» как элемент политического новояза (Особенности политического дискурса в связи с провозглашением новой столицы Казахстана) // Перенос столицы Казахстана в зеркале прессы и комментариях аналитиков. М., 1998.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2000 (2-е изд. — 2003).

Баранов А.Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорики) // Международный семинар «Диалог-2001». М., 2001.

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33–43.

Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1998. № 1.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН. СЛЯ. 1998. Т. 57. № 1.

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // Новое в жизни, науке, технике; сер. «Наука убеждать: риторика». М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Воскрешение метафоры // А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. № 3.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантические метаязыки для описания смысла предложение // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1989.

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3.

Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемки // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990.

Баранов А.Н., Плуменя В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Баранов А.Н., Сергеев В.М. Проблема моделирования естественноязыковой аргументации // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987.

Баранов А.Н., Сергеев В.М. Естественно-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988.

Барт Р. Мифологии. М., 1996.

Батов В.И., Сорокин Ю.А. Атрибуция текста на основе формальных характеристик // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34. № 1.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. М., 1988.

Бернет Дж, Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход». СПб., 2001.

Беседы о Вахтангове. М.; Л., 1940.

Бове К., Аренс У. Современная реклама. Тольятти, 1995.

Богданова Е. Практика советской жалобы в постсоветской действительности: трансформация и преемственность / Фонд Либеральная миссия // liberal.ru/article_print.asp?Num=333.

Богуславский А. К вопросу о вторичном обозначении определенного содержания в русском связном тексте // НДВШ. Филол. науки. 1969. № 6.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. М., 2001.

Василий Буй. Общепенная идиоматика как объект лингвистического описания // Василий Буй. Русская заветная идиоматика. М., 1995.

Василий Буй. Русская заветная идиоматика. М., 1995.

Василий Буй. Русская заветная идиоматика (веселый словарь народных выражений). М., 2005.

Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225–252.

Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 251–275.

Виноградов В.В. История слов. М., 1994.

Воронина О.А. Гендерная экспертиза Законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998.

Ворончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов // Семиотика и искусствоведение. М., 1972.

Галяшина Е.И. и др. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. М., 2004.

Гирке В. К вопросу о функциях слов *и, тоже, также* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985.

Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М., 1998.

Гловинская М.Я. Словарная статья глагола *жаловаться*₂ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. первый. М., 1997.

Гончарова Н.А. Композиция и архитектоника книги // Книга как художественный предмет. М., 1990.

Городецкий Б.Ю., Раскин В.В. Методы семантического исследования ограниченного подъязыка. М., 1971.

Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. трудов. МГЛУ. Вып. 446. М., 1999.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. I. СПб., 1903.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Дейк Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предрассудков // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 294–300.

Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В., Байбакова В.Б. Политическая реклама. М., 1999.

Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.

Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против чести и достоинства личности. Материал от 2004 года // Справочно-правовая система «Гарант».

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. М., 2003.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1971.

Из истории русских слов. М., 1993.

Исаев И.А. Опыт автоматизации лексикографических исследований. Система DIALEX // Слово Достоевского. М., 1996.

Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. М., 1999.

Йокояма О. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их когнитивное моделирование // Wiener Slawistischer Almanach, München, Sonderband 55 (2002) X–XX.

Каменская О.Л. Теория языковой личности — инструмент гендергетики // Доклады Второй Международной Конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». МГЛУ. Москва, 22–23 ноября 2001 г. М: МГЛУ, 2002.

Картер Г. Эффективная реклама. М., 1991.

Кацис Л. Шолохов и «Тихий Дон»: проблема авторства в современных исследованиях. (К 70-летию первой публикации романа) // Новое литературное обозрение. 1999. № 36.

Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.

Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII, М., 1986.

Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1981.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5.

Ковачева Н.Н. О некоторых случаях употребления *тоже* и *также* // Очерки по методике преподавания русского языка иностранцам. Вып. 2. М.: Изд-во УДН, 1964.

Комментарий к Конституции Российской Федерации. Институт законодательства и сравнительного правоведения. М., 1994.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1997.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1996.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э. Хемингуэя) // Филологические науки. 1974. № 1.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1977.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.

Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Ю.И. Левин. Поэтика. Семиотика: Избранные труды. М., 1998.

Левонтина И.Б. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2.

Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М., 2001.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939.

Музрукова Т.Г., Нечаева И.В. Популярный словарь иностранных слов: около 5000 слов / Под ред. И.В. Нечаевой. М.: Азбуковник (в печати). Информация с сайта www.slovari.ru.

Макаров А.Г., Макарова С.Э. Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001.

Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Мошкович Ж.Г. Автоматическая лексическая система Унилекс-2. М., 1989.

Музыкант В.Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике: Учебное пособие. М., 2001.

Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983. С. 61–74.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Олкер Х.Р. Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986.

Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж, 2001.

Падучева Е.В. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: Взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // Предварительные публикации Ин-та рус. яз. АН СССР. Вып. 55. М., 1974.

Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Паршин П.Б. Речевое воздействие // Энциклопедия «Кругосвет», www.krugosvet.ru.

Пирогова Ю.К. Скрытые и явные сравнения: к вопросу о границах правды и лжи в рекламе // Рекламный текст. Семантика и лингвистика. М., 2000.

- Плевако Ф.Н.* Избранные речи. М., 1993.
- Политическое консультирование / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1999.
- Пропт В.* Морфология сказки. Л., 1928.
- Резник Г.М., Скловский К.И.* Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006.
- Решенкин А., Павлов Н.* О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник ВАС РФ. 2001. № 7.
- Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
- Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. М., 1998.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М., 2000.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. III. Имена существительные с абстрактным значением. М., 2003.
- Санников В.З.* Семантика и прагматика союза *или* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985.
- Семиотика и искусствоведение. М., 1972.
- Серио П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337–383.
- Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
- Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.
- Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.

Советский Энциклопедический Словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1990.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1987.

Сомова Е.Г. «Я увидел это по радио» (звуковая метафора в радиоречи). Краснодар, 2002.

Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986.

Тезаурус информационно-поисковый одноязычный. Правила разработки, структура, состав и форма представления. Официальное издание. Государственный комитет СССР по стандартам. М., 1980. Введен в действие с 1982 г.

Теория метафоры. М., 1990.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1, 2. М., 1935, 1938.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складчиковской. М., 2001.

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М., 2002.

Утехин И. Из наблюдений за поэтикой жалобы // *Studia Ethologica*. СПб., 2004.

Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 2003.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб., 1994.

Фрэнсис У.Н. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.

Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992.

Цвик Л.В. Реклама как вид журналистики: Учебное пособие. М., 2001.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2003.

Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004». М., 2004.

Шинкарев В.Н. Митьки. М.: ИМА-пресс, 1990.

Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Вып. 3. СПб., 1919.

Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. 2-е изд. М., 2006.

Шипова Е.А. Классификация, семантические и прагматические функции намека в дискурсе российской публицистики. Дипломная работа. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2006 (рукопись).

Щеглов Ю.К. Семиотический анализ одного типа юмора // Семиотика и информатика. Вып. 6. Грамматические и семантические проблемы. М., 1975.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. М., 1997.

Boguslawski A. ALSO from ALL SO: On a set of particles in service of efficient communication // Journal of Pragmatics. 1986. № 10.

Collins COBUILD English language dictionary. London and Glasgow, 1987.

Daneš F. Semantyczna i tematiczna struktura zdania i tekstu // Tekst i jezyk problemy semantyczne. Wrocław: Ossolineum, 1974. V. XXXVI.

Groß A., Mißler B., Wolff D. MULTICONCORD: Ein multlinguales Konkordanz-Programm // Kommunikation und Lernen mit alten und neuen Medien. Forum angewandte Linguistik, Band 30, Peter Lang, Frankfurt am Main etc., 1996.

Foucault M. L'ordre du discours. Paris, 1971.

Itzin C. A Legal Definition of Pornography // Pornography: Women Violence and Civil Liberties. A radical New View. Ed. by Catherine Itzin. Oxford Univ. Press, 1992.

Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers. SMIL, 1977, № 3.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics. Dordrecht, 1975. P. 221–271.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 54.

Lubensky S. Random House Russian-English dictionary of idioms. Random House, N.Y., 1995.

Ross J.R. On declarative sentences // R. Jacobs, P. Rosenbaum eds. Readings in English transformational grammar. Waltham (Mass.) etc., 1970. P. 222–272.

Russell B. On Denoting // Mind. 1905. № 14. P. 479–493.

Skalička V. Text, Kontext, Subtext. «Slavia pragensia», III — Philologica, 3, 1961.

Untersuchungen zur Rechtslinguistik. Interdisziplinäre Studien zu praktischer Semantik und Strukturierender Rechtslehre in Grundlagen der juristischen Methodik. / Müller, Friedrich (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1989.

WordCruncher. WC Index Text Retrieval Software. Birgham Young University, 1989.

WordCruncher. WC View Text Retrieval Software. Birgham Young University, 1989.

ПОЗИЦИЯ

Президенту Российской Федерации

В.В. Путину

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ!

Мы, работники ОАО «Волга», объявляем о своей готовности к началу акций протеста против нового руководства нашего предприятия, реализуя право, данное нам статьей 31 Конституции Российской Федерации. Мы доведены до отчаяния сложившейся на предприятии ситуацией, и иного выхода у нас не остается.

На сегодняшний день ОАО «Волга» принадлежит около 30% российского производства газетной бумаги. ОАО «Волга» расположено на берегу реки Волги в Балахнинском районе, в 30 км от Нижнего Новгорода. Предприятие имеет почти 80-летнюю историю и является одним из флагманов отрасли.

С начала перестройки на комбинате сменилось множество хозяев, но мы всегда были уверены в завтрашнем дне благодаря стабильному росту производства, востребованности и конкурентоспособности нашей продукции. Кроме того, профсоюзный комитет всегда добросовестно выражал интересы трудящихся, а коллективный договор на нашем предприятии являлся одним из лучших в отрасли.

Ситуация резко изменилась с приходом на ОАО «Волга» в феврале этого года нового хозяина. Обещания нового председателя совета директоров Шалвы Петровича Бреуса поначалу внушали оптимизм, равно как и новый состав менеджмента, и назначение нового и.о. генерального директора Наумовой Н.Ю. Однако инвестиции в производство, сохранение численности рабочих, выплата 13-й зарплаты — все это так и осталось пустыми обещаниями.

Более того, несмотря на коллективный договор, трудовому коллективу было заявлено, что зарплата в скором времени будет сокращена на 40%. Новый московский менеджмент во главе с г-ном Бреусом решил также, что мы, работники комбината, «все бездельники», и объявил о грядущем сокращении рабочих мест как минимум на 20%. При этом руководство предприятия никоим образом не волнует, что 20% — это более 700 человек, которые не смогут прокормить свои семьи, своих детей, поскольку предприятие является градообразующим.

На фоне заверений руководства о том, что экономия на заработной плате является для предприятия экономически обоснованной, совершенно абсурдным выглядят расходы на содержание нового менеджмента. Руководство ОАО «Волга», например, считает возможным оплачивать еженедельные поездки менеджеров на выходные в Москву на выделенных иномарках. Трудовому коллективу непонятно, как чрезмерная забота о благосостоянии менеджеров соотносится с такими мерами, как, например, отмена работы предприятия в выходные дни. Очевидно, что потери предприятия в связи с простоем оборудования в выходные дни несопоставимы с сэкономленными на зарплате деньгами.

Поскольку недовольство, высказываемое работниками предприятия, руководством предприятия безапелляционно встречает предложения уволиться или перейти на низкооплачиваемую работу, нам остается либо привлечь в создавшейся ситуации внимание высшего руководства страны, либо приступить к акциям протеста. Градус напряженности на ОАО «Волга» в данный момент достиг предела, и возникновение волнений на предприятии может крайне неблагоприятно сказаться на социальной обстановке в целом районе. ОАО «Волга» исторически является градообразующим предприятием, поэтому нестабильная обстановка здесь несет угрозу масштабного социального кризиса, а также опасность падения доверия к социальной политике государства.

Мы обращаемся к Вам, Владимир Владимирович, как к гаранту стабильности в обществе, с целью привлечь Ваше внимание к кризисной ситуации, сложившейся на некогда благополучном и перспективном предприятии по вине недобросовестного отношения руководства ОАО «Волга» к таким понятиям, как нормы Трудового кодекса РФ, конституционные права по отношению к трудовому коллективу.

Мы просим Вас разобраться в ситуации и защитить права простых тружеников — граждан России. Это единственный способ сохранить оказавшуюся под угрозой социальную и экономическую стабильность в Балахнинском районе Нижегородской области.

Трудовой коллектив ОАО «Волга»

Приложение 2

Некоммерческое партнерство «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков»

Реквизиты

Адрес

Зам. председателя городской Думы

Копии: депутату городской Думы Мамалыге В.

председателю областной Думы

председателю городской Думы

прокурору

Доклад-уведомление.

Уважаемый Модест Родмонгович,

хочу сообщить Вам о следующей ситуации.

25.08.05 в организацию — Некоммерческое партнерство «Итурупский центр распространения Учения свободных каменщиков» (ИЦ РУСК) пришел депутат городской думы и генеральный директор фирмы недвижимости «КРОТ» Мамалыга Вольдемар.

Он заявил, что пришел как депутат.

В его сообщении содержалась следующая угроза, что он хочет, чтобы мы выехали из этого помещения, он не хочет, чтобы в его округе и в здании были спорные секты и спорная религия, чтобы мы или тихо отсюда выезжаем или нас закроют. Есть люди в Москве бизнесмены, которые хотят купить здание, им не нужны сомнительные организации на их территории, что он уже выгнал одну фирму с пятого этажа и нас выгонит.

Он говорил, что Россия — это православие, все остальное сомнительное.

На мой вопрос: «А если бы это были католики, вы бы их выгнали?» Депутат Мамалыга Вольдемар ответил, что да, что он защищает права большинства, а большинство населения города — православие — 80%, а все остальное...

Депутат В. Мамалыга заявил, что он может хоть завтра собрать митинг 500 человек под лозунгом «Закройте секту», повесить табличку у себя на кабинете «Борец с сектами», и это сыграет ему на имидж. Может пойти на ТВ <...>, и к следующим выборам ему не надо будет ничего делать, чтобы его выбрали. <...>

Депутат Мамалыга В. заявил, что нас очень просто выгнать, чтобы мы выезжали из его округа, ехали на улицу Свободы, где сидят сомнительные организации.

Эти слова депутата, как я считаю, выглядят как нарушение Конституции России в статье 19. «2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, ...отношения к религии, убеждений...»;

в статье 28 «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними»; <...>

Также действия депутата городской Думы Мамалыги В. не соответствуют некоторым статьям «Всеобщей декларации прав человека», напр. ст. 18 «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов»; <...>

Депутат городской Думы Мамалыга Вольдемар нарушил мои конституционные права.

Насколько мне известно, депутат избран народом, и он призван защищать права народа.

Я надеюсь, что этот досадный инцидент будет урегулирован, и к депутату будут приняты этические меры, и мое заявление не останется без внимания.

С уважением, председатель правления ИЦ РУСК
Ватникова Ирина Исмаиловна
Подпись

Приложение 3.

Передняя и боковая стороны объекта исследования — банки напитка Frutcola

Предметный указатель

В указателе представлены основные понятия, используемые в лингвистической экспертизе текста. Учитываются не все случаи упоминания соответствующих категорий, а только наиболее существенные. Страницы с определениями или подробным обсуждением терминов выделены полужирным шрифтом.

А

авторитет → *приемы речевого воздействия*
автороведческая экспертиза → *экспертиза*
авторский корпус текстов → *корпус текстов*
адресат 53, 122, 152, 156, 158, 164, 167, 172, 193, 222, 238, 250, 416, 418—420, 424, 425, 428—432, 444, 445, 469, 541, 542, 544
• актуальный **444**, 445
• виртуальный **444**, 445
актант 130—132, 137, 395, 436, 437, 455, 456
актанты номинализации → *номинализация*
актуальное значение [фразеологизма] **47**, **48**, 59, 66—68, **384**, 386, 387, 518
актуальное членение 129, 240, 241
актуальный адресат призыва → *призыв*
альтернативная номинация → *номинация*
альтернативный вопрос → *вопрос*
аллюзия **215**, 216, 231, 297, 458, 540
аналоги предположения/мнения 40, 55
антиреклама 286
антитезис 288
антонимия 176, 300
аргумент (в аргументации) 19, 120, 184, 23, 249—**250**—251, 253—255, 259—263, 265, 273, 276, 287, 289, 426
аргументация 7, 11, 19, 35, 184, 185, 226, 249, **250**—253, 256—262, 264—266, 269, 272—274, 284, 287, 290, 295
• диалектическая а. **251**
• логическая а. **251**
• обратная а. **250**

• порождающая а. **251**
• простая а. **250**
• прямая а. **250**
• сложная а. **250**
• эмоциональная а. **251**
ассерция 40
ассерторическое суждение → *суждение*
аутореферентное употребление (языковых форм) 206, **414**—417
аффективные сюжетные единицы 294

Б

бранная лексика **457**, 458
бранные слова → *бранная лексика*
Брауновский корпус текстов → *корпус текстов*
буквальное значение 384

В

вариативная интерпретация действительности (ВИД) 19, 145, 146, 175—**176**—177, 251
введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста → *приемы речевого воздействия*
введение в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд → *приемы речевого воздействия*
вводные слова 33, 39, 187, 189, 263, 354—356
вербализуемая информация → *информация*
вербально-визуальная экспертиза → *экспертиза*
видеоряд 15, 96, 98, 99, 25, 282—286
визуальная персонификация → *приемы речевого воздействия*
визуальная верификация знания → *приемы речевого воздействия*
виртуальный адресат призыва → *призыв*

внутренняя форма 48, 57—59, 61, 64, 66—68, 80, 104, 221, 383—**384**—387, 395, 518
вопрос 26, 34, 35, 38, 39, 40, 50, 51, 91, 176, 197—199, 202, 203, 219—221, 223, 224, 241, 257, 439
• альтернативный в. **51**, 198
• риторический в. 34, **35**, 44, 50, **51**, 91, 202, 224, 257
выбор единицы измерения → *приемы речевого воздействия*
вымогательство 86, **314**—316, 466, 467, 469

Г

гипербола 72, 387—389
гипероним 308, 310
гипертекст 483
гипоним 308
грамматики сюжетов 137, 140

Д

денотативные дескрипторы **88**—90
дескрипторная теория метафоры 72, **88**—90
дескрипция 30, 116, 118, **119**, 121, 123—129
определенная д. **119**, 121, 123, 125, 126, 128, 129
обобщенная д. **125**, 128
«джинса» (скрытая реклама, product placement) 148, 149, 238
диалектическая аргументация → *аргументация*
диктум 26, 36
динамический корпус текстов → *корпус текстов*
дискурс 7, 75, 91, 102—108, **145**—**147**—148, 150, 167, 178, 229, 238, 250, 253, 262, 287, 372, 373, 378, 383, 388, 451, 536, 539, 550
аргументативный д. 262, 273
политический д. 102, 104, 105, 130, 146, 176, 178, 238, 250, 253, 451, 513
рекламный д. 91, 108, 148, 150, 197, 372, 373, 378, 383, 388
дискурсивная метафора → *метафора*
дискурсивная практика 107, **145**—148, 150, 157, 166, 168, 237, 550, 557
дискурсивная экспертиза → *экспертиза*

дискурсивный статус текста 149
доказательство «от противного» 256, 264

Ж

жалоба (как речевой акт и речевой жанр) 151, 160—**165**—169, 171—173

З

«Замазывание», или введение в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд → *приемы речевого воздействия*
знание 49, 97, 111, 112, 175, 176, 193, 200, 201, 208, 215, 216, 218, 221—224, 228, 238, 250, 295, 392, 395—397, 442, 456

И

идиоматичность 56, 93, 384, 385, 389, 557
идиостиль **147**
иллокутивная сила 19, 26, 28, 30
иллокутивное вынуждение 37, 241, 558
иллюстративный корпус текстов → *корпус текстов*
императив 15, 397, 412, 421, 433, 438
импликация 40, 42, 55, 60, 69, 183, **200**—202, 387
• узкая импликация **200**
• сентенциальная импликация **200**, 201
• широкая импликация **201**
• модельная импликация **201**
имплицитная информация → *информация*
имплицитное утверждение 26, 48, 78, 193, 256, 267, 285, 286, 298,
инвективное употребление (обсценной и бранной лексики) **542**
инициативная экспертиза → *экспертиза*
интертекстуальные метафоры 101, 103, 105, 106
информация 17, **22**—**25**, 29, 30, 32, 33, 35, 40, 41, 44—50, 53, 55, 60, 62, 65, 67, 74, 76, 81, 176, 183, 188, 193, 198, 199, 215, 218, 222, 229, 298, 354, 355, 359, 360, 384, 408, 409
вербализуемая и. 44, 45, **46**, **47**, 53
имплицитная и. **41**, 44, **46**, 49, 53, 201, 409

невербализуемая и. 44, 45
обязательная и. 41, **47**
факультативная и. 41, 44, **46**, 204
эксплицитная и. 17, 74
исследовательский корпус текстов →
корпус текстов
истинностная оценка («истина» vs.
«ложь») 29, 32, 413
истинный намек → *намек*
источник (метафорической проекции)
73, 74, 88
исходное предположение (установка)
вопроса **197**—199, 257

К

квазисиноним 25, 176, 306, 366
квазисинонимия 300
классические призывы (речевые акты)
→ *призыв*
классификационные методы (достиже-
ния репрезентативности) → *репре-
зентативность корпуса текстов*
(*данных*)
когнитивные основания речевого воз-
действия **175**
коллокация 93, 94, 132, 232
комиссионная экспертиза → *экспертиза*
коммуникативное высвечивание смыс-
ла 73, 115, 202,
коммуникативное намерение 16, 25,
26, 36, 39, 53, 97, 147, 148, 150,
155—157, 177, 220, 412, 413, 423,
430, 439, 450, 455, 543
коммуникативные основания речево-
го воздействия **177**
коммуникация 12, 40, 116, 146, 155,
156, 158, 175, 176, 178, 194, 197,
199, 200, 221, 225, 272, 288, 391,
415, 425, 426, 434, 504,
• лозунговая к. **422**—424, 427
• политическая/общественно-поли-
тическая к. 12, 146, 153, 167, 287,
419, 420, 422, 428, 430, 432. 442—
445, 458, 469, 470, 504, 550
• рекламная к. 152
компонентный анализ → *семантичес-
кий метаязык*
конвенциональная метафора → *мета-
фора*
констатив **28**, 30

контекстуальное значение **384**, 387
контраргумент 264, 265
косвенный речевой акт 219—221
констативные высказывания 28, 30
контент-анализ 522, 523
контрастивность (предикации, оценки,
свойства, характеристики) 31, 455,
456, 463, 464, 467, 469, 473, 474
корпус текстов 17, 18, 475—**477**—498,
505, 517, 519, 522, 523, 526
• авторский к.т. 477, 478, **482**—484
• Брауновский к.т. 477, 478, 488, 489
• динамический к.т. 477—**478**—479,
483
• иллюстративный к.т. 477, **480**,
481, 488, 492
• исследовательский к.т. 477, **480**,
483, 490, 492
• мониторинговый к.т. 478, **479**
• объектный к.т. **480**
• параллельный к. 481, 482, 495, 496
• статический к.т. 477
• фоновый к.т. **480**, 484, 485
• фундаментальный к.т. **477**—479,
488
крылатые слова 215

Л

лексическая семантика 18, 216, 299,
384
лексемы-ограничители (hedges) 234,
290—292
• ментального размежевания о. **291**,
292
• оптимизирующие о. **290**
• силы утверждения о. **291**
лингвистика текста 134, 240, 244, 293
лингвистическая семантика 17, 18, 48,
134, 191, 412, 528, 554
лингвистическая прагматика 7, 17, 18,
56
лингвистически определяемые терми-
ны → *термины*
лингвистическое консультирование **10**,
12
лингвостилистическая экспертиза →
экспертиза
логическая аргументация → *аргумента-
ция*
логический круг (в толковании) 323

М

- макроструктура 47, 137, 166, 167, 169, 240, **293—294**—296, 365, 487
макротип речевого акта 171
максимы речевого общения (максимы Грайса) 178
метаграфемика 146, 235, 390
метафора 17, 45, 57, **71**—91, 94, 95, 97, 100, 104—108, 133, 177, 202—204, 290, 297, 298, 403, 409, 440, 452, 463, 479, 518, 540, 546, 547
• дискурсивные м. 100, **103, 106**, 107
• конвенциональные м. 73, **76**, 81, 82, 84, 103
• невербальные м. **114**—116
• новые м. **75**
• оживление м. 80
• прецедентные м. **100—101**—103
• стертые м. **76**, 83, 84
• творческие м. **75**, 83
метафорическая проекция 74, 75, 88, 203, 404
метаязык 6, 18, 21, 134, 275, 276, 282, 299, 300, 414, 428, 554
метод накопления и коррекции → *репрезентативность корпуса текстов (данных)*
метод синонимических преобразований 176, 185, 225, **300**
метод словарного анализа слова **301**
метонимия/метонимический перенос 87, 95, 307, 378, 438, 440, 452
метонимический перенос → *метонимия*
механизмы вариативной интерпретации действительности → *вариативная интерпретация действительности*
мини-сюжет → *сюжет*
мнение 25, 27, 29, **31—35**, 37, 40, 149, 179, 213, 222, 354, 355, 360, 426, 427
модель мира 24, 25, 32, 53, **175**, 198, 201, 221, 222, 224, 250
модель накопления и коррекции 490, **491**
модельная импликация → *импликация*
модус 26, 36
мониторный корпус текстов → *корпус текстов*
морфологическая экспертиза → *экспертиза*

Н

- навязывание пресуппозиции → *приемы речевого воздействия*
намек 42, 80, 88, 96—98, 205—208, 211—214, 216, 220, 222, 229, 275, 276, 298, 452
• истинный н. 45, 97, **207**, 208, **215**—217, 221, 222
• продуктивный н. **216, 218**, 219, 221, 222, 452, 454
• регулярный н. **216—218**—219, 221, 222, 452, 454
• сложный н. **207**, 208, **215**, 216, 221, 222, 281, 294
намерение 16, 25, 26, 36, 39, 53, 97, 98, 147, 148, 150, 155—157, 177, 208, 388, 412, 413, 423, 430, 439, 450, 455, 522, 542, 543
наследование модальностей [в тексте] 36—**37**—38
натуралистичность 530, 533, 537
невербализуемая информация → *информация*
невербальная метафора → *метафора*
невербальная экземплификация → *экземплификация*
негативный авторитет **288**
нейнвективное употребление (обсценной и бранной лексики) **542**
нейро-лингвистическое программирование 175
неполная номинация → *номинация*
непристойность 233, 529, 530, 532, 537
нецензурная лексика 58, 457, 526, 532, 534, 535—537, 539, 540
нецензурные идиомы → *нецензурная лексика*
нецензурные слова → *нецензурная лексика*
новая метафора → *метафора*
номинализация 95, **130**—132, 176, 255, 417, 437, 438
• актанты н. 130, 132, 437
• скрытая н. **132**
номинация 45, 82, 116—118, 124, 129—131, 137, 138, 141, 142, 146, 178, 180, 198, 202, 230, 231, 236, 244—246, 248, 372, 455, 458—462, 467, 479, 480
• альтернативная н. 116, 117, 124, 125, 127, 129

- неполная н. 116, 117, 123
 - полная н. 117, 124, 129
- нюсмейкер **122**, 123

О

- обобщенная дескрипция → *дескрипция*
образ 68, 93, **108—113—114**, 153, 154, 157, 278
- обратная аргументация → *аргументация*
- обценные слова/идиомы, обценная лексика → *нецензурная лексика*
- объектный корпус корпус текстов → *корпус текстов*
- обязательная информация → *информация*
- обязательное следствие → *следствие*
- ограничители → *лексемы-ограничители*
- оживление метафоры → *метафора*
- оксюморон 105, 106, 301, 304
- онтологизация (знания) 97, **175**, 223, 250, 392
- определенная дескрипция → *дескрипция*
- ореольная семантика 390
- оскорбление (в том числе как речевой акт) 4, 5, 7, 57—59, 103, 236, 442, 479, 537—**539—540—541—542**, 544—551
- основания/предпосылки речевого воздействия **175—177**
- остранение формы 226
- официальные экспертизы → *экспертизы*

П

- параметризация проблемной области **480**, **489**
- патентоведческая экспертиза → *экспертиза*
- перформатив 28, 30, 31, 414
- перформативная приставка **36**, 37, 39
- перформативный анализ 36, 39
- план содержания 40, 64, 384
- побуждение (речевой акт) 150, 153, 165, 412—416, 418, 419, 421, 433, 434, 438—441, 447, 453, 469, 474, 540, 541
- повествовательное предложение 27, 28, 31, 32, 39
- подготовительные условия (речевого акта) 166, 171, 414, 419, 442—446
- позиционирование 115, 373

- политический субъект 76, 90, 91, 115, 155, 156, 158, 202, 423—432, 447, 452, 469

политическое консультирование **10**

- полная номинация → *номинация*
- полнота корпуса текстов 492
- порнография 4, 5, 7, 14, 16, 528—**529—530—531**, 533—537
- порог отображения **488**, 492
- порождающая аргументация → *аргументация*
- портретная экспертиза → *экспертиза*
- пословицы 56, **68**, 69
- постановка в отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд → *приемы речевого воздействия*
- постановка в отрицательно оцениваемый контекст → *приемы речевого воздействия*
- почерковедческая экспертиза → *экспертиза*
- правило края **297**
- правило наследования модальностей 37, 38
- правовая экспертиза → *экспертиза*
- предположение 17, 25—27, 31—40, 55, 179, 187, 191, 213, 222—228, 234, 267, 268, 270, 271, 354, 359, 482
- перлюкутивный эффект 97
- подтекст **42**, 97
- прагматическое значение **384**, 387, 389
- превосходная степень → *суперлатив*
- пресуппозиция 40, 48—**49—50—51**, 62, 64—66, 176, 187, 191—**192—197**, 199—201, 203, 227, 290, 383, 441
- пресуппозиция/исходное предположение альтернативного вопроса 198
- прецедентная метафора → *метафора*
- приватизация знания 49, **176**, 201, 208, 222, 389
- прием визуальной верификации знания → *приемы речевого воздействия*
- приемы речевого воздействия
- введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста **237**, 238, 273
 - введение в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд 45, **180**
 - визуальная верификация знания **395**, 396

- визуальная персонификация 391, **392**, 394
 - выбор единицы измерения 189—**191**
 - «замазывание», или введение в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд 179, **180**, 184, 185, 186, 188, 193, 199
 - использование сентенциальных и модельных семантических импликаций 201
 - концентрированного повторения информации п. 185, 222, 224, 236
 - метафора (как прием воздействия) 202—204
 - навязывание пресуппозиции 49, 97, 176, 187, 191, **193**, 194, 199, 201, 290, 441
 - намек (как прием воздействия) 205, 214, 222
 - после, значит, вследствие 258
 - постановка в отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд/контекст 179, **180**, 181, 184, 186, 188, 199
 - смена противоположных модальностей 226
 - сокрытие жанра (дискурсивного типа) текста 238, **239**, 248
 - ссылка на авторитет 287—**289**—290
 - ссылка на неизвестный источник **236**
 - установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью **188**, 193
 - экземплификация (как средство воздействия) → *экземплификация*
 - языковая игра (как средство воздействия) → *языковая игра*
 - Argumentum ad hominem **184**, 185
 - приемы управления пониманием **174**, 190, 193, 197, 200, 201, 222, 239, 261, 275, 276, 287, 294, 391, 392, **395**
 - приказ (речевой акт) 412, 413, 415, 454
 - призыв (речевой акт) 16, 18, 19, 87, 412—**419**—**420**—474
 - актуальный адресат п. **444**, 445
 - виртуальный адресат п. **444**, 445
 - инклюзивного действия п. (речевой акт) **421**, 432, 433, 435, 436, 446, 465
 - классические п. **420**, 426, 429, 432—434, 436, 469
 - оценочно-мотивированный п. **456**, 462—464
 - оценочно-немотивированный п. 454, **455**
 - призыв-апелляция (речевой акт) 425—**428**
 - призыв-воззвание (речевой акт) 431, **432**
 - призыв-лозунг (речевой акт) 217, 422—**425**—427, 429, 430, 432, 433, 435—438, 451, 454—457, 463, 464
 - призыв-обращение (речевой акт) 428—**430**—431, 447
 - эксклюзивного действия п. (речевой акт) 420, **421**, 432, 433, 435—438, 447
 - продуктивный намек → *намек*
 - пропозиция **26**, 30, 32, 33, 36, 40, 41, 43, 44, 47, 48, 59, 87, 184, 352, **439**, **440**
 - пропорциональная репрезентативность → *репрезентативность корпуса текстов (данных)*
 - пропозициональное содержание 87, 166, 171, 414, 419, 439, 441, 443, 446—449, 457, 474
 - пропорциональное сужение → *репрезентативность корпуса текстов (данных)*
 - простая аргументация → *аргументация*
 - профилирование свойств/семантики/смысла 73—75, 06, 116, 202—204
 - прототипическое значение 380
 - процедура оценивания 374, 378
 - прямая аргументация → *аргументация*
- ## Р
- регулярный намек → *намек*
 - реклама 91—93, 108, 123, 148, **150**—157, 159, 160, 174, 153—157, 159, 160, 174, 178—180, 182, 238, 248, 301, 372, 383, 410, 425
 - имиджевая р. 150, 153, 156, 157, 159
 - политическая р. 45, 150, 155—157, 159

- скрытая р. → «джинса»
- социальная р. 150, 153, 154, 156, 157, 159, 160
- товаров и услуг р. 151, 153, 157, 159

рекламный текст 91, 123, 151, 152, 157, 179, 197, 373, 374

рекламная функция (текста) 249, 403

рекомендация 15, 68, 97, 99, 100, 295, 397, 421, 427

рема (предложения-высказывания) 129, 240, 241

репрезентатив **31**

репрезентативность корпуса текстов (данных) 480, 481, 483, **487—492**

- классификационные методы (достижения р.) **489**
- метод накопления и коррекции 490, **491**
- пропорциональная р. 481, **487**
- пропорциональное сужение 480, 488—490, 492
- сплошной отбор данных 490
- стратифицированная выборка **488**

рестриктивный (об оценке) 464

референт 116, 117, 124—126, 128

референция 28, 116, 119, 130, 236

речевое воздействие 41, 45, 49, 70, 72, 91, 174—298, 395, 441

речевой жанр 17, 145, **147**, 160, 161, 166, 169, 172

риторический вопрос → *вопрос*

С

сведения 17, 22—**24**—25, 41, 42, 46, 76, 89, 160, 165, 173, 213, 279, 294, 305, 314, 394

свертка (сюжетная/семантическая/смысловая) 95, 294, 424, 432, 437, 438

связность (текста) 55, 77, 131, 202, 208, 210, 218, 240, 241, 253, 256, 284, 293

семантическая сфера действия 187, 193, 196, 227, 268, **352—356**, 358—361, 387, 475

семантический анализ 6, 14, 18, 64, 68, 70, 71, 73, 109, 112, 134, 176, 235, **299—300—301**, 304, 320, 328, 330, 347, 354, 439, 474, 481, 502, 506, 554

семантический метаязык 18, 134, **275**, 276, 282, **299**, 300

семантическое следствие → *следствие*

семиотика 240, 293, 410, 449

сентенциальные импликации → *импликация*

сигнификативные дескрипторы **88**

синоним 93, 176, 305, 313, 323, 366, 456

синонимия 16, 300, 366

синтаксическая сфера действия 353

скрытая номинализация → *номинализация*

скрытая реклама («джинса») → «джинса»

скрытое утверждение → утверждение

следствие 40, 49, **51**, 53, 55, 60, 61, 69, 73, 97, 102, 106, 107, 131, 197, 200, 230, 253, 257, 267, 547

- обязательное следствие 49, 51, 53, 76, 79, 82, 230, 253, 257, 260, 267, 286, 471
- следствие из метафоры **73—80**, 82—85, 86, 91, 106—108, 298, 479
- факультативное следствие **53**, 55, 79

сложная аргументация → *аргументация*

сложный намек → *намек*

соблазн 530, 531, 533—535, 537

сокрытие жанра (дискурсивного типа) текста → *приемы речевого воздействия*

сплошной отбор данных → *репрезентативность корпуса текстов (данных)*

ссылка на авторитет → *приемы речевого воздействия*

статический корпус текстов → *корпус текстов*

стертая метафора → *метафора*

стилистические пометы 103, 235, 457, 461, 472

стратифицированная выборка (stratified sampling) → *репрезентативность корпуса текстов (данных)*

суждение **27**, 29, 31, 32, 413

- ассерторическое с. **27**

сфера действия 187, 193, 198, 227, 268, **352—361**, 387

ссылка на неизвестный источник → *приемы речевого воздействия*

суперлатив (семантика превосходной степени) **371**—373, 378, 381, 383, 384, 386, 387, 389
существенное условие (речевого акта) 166, 172, 414, 420, 442, 446, 447
сюжет 102, 112, 122, 137, 140, 141, 216, 282, 293, 294, 394
• мини-сюжет 15, 282—284, 286

Т

творческая метафора → *метафора*
тезис (аргументации) 19, 35, 120, 226, **249**, **250**, 252—263, 265, 266, 269, 271, 273—276, 279, 281, 284, 286—289, 291, 391, 396, 467
текстологическая экспертиза → *экспертиза*
тема (предложения-высказывания) 129, 241, 272
тема (текста или его фрагмента) 47, 224, 262, 293, 295, 296
теория аргументации 7, 19, 284
теория лингвистических экспертиз 13
теория определенных дескрипций 119, 121
теория речевого воздействия 19, 174, 175
теория речевых актов 7, 18, 23, 26, 28, 97, 412, 413, 448, 540
термины 23, 25, 27, 32, 88, 97, 133, 145, 174, 280, 293, 294, 299, 307—313, 317, 318, 334, 352, 395, 504, 505, 509, 511, 412, 529, 538
• лингвистически определяемые т. **20**—22, 299, 316, 318, 366
• юридически определяемые т. (термины законодательства) 20, 21, 314, 315, 320, 330—334, 339—341, 343, 346, 347, 361, 448, 504, 538, 549
тест на [общее] отрицание **50**, 193, 195
топографемика 295
топографематический 240, 242, 243

У

узкие импликации → *импликация*
управление пониманием 174, 190, 193, 194, 197, 200, 201, 203, 222, 239, 261, 275, 276, 287, 294, 391, 392, 395

условия успешности (речевого акта) 23, 165, 171, 178, 413—415, 419, 420, 445, 540
условие искренности (речевого акта) 166, 172, 414, 420, 442, 445—447
установка (вопроса) **197**—220
установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью → *приемы речевого воздействия*
утверждение 17, 19, 22, 23, 25—**32**, 35—40, 43, 50, 53, 91, 92, 128, 179, 184, 191, 192, 202, 213, 222, 231, 267, 268, 273, 279, 281, 290, 291, 296, 298, 354—356, 360, 395, 400, 408, 413, 415, 439, 482, 540
• имплицитное/скрытое у. 40, **41**, 43, 44, **47**—51, 60, 65, 78, 131, 183, 193, 195, 197, 201, 202, 232, 253, 256, 285, 286
• эксплицитное/явное у. 40, **41**, 44, 49, 63, 183, 192

Ф

факультативная информация → *информация*
факультативное следствие → *следствие*
физиологичность 533—535, 537
фонетическая экспертиза → *экспертиза*
фоновый корпус текстов → *корпус текстов*
фрагментарности метафорического структурирования **74**, 75
фразеологизм 15, 17, 35, 47, **56**—70, 385, 386, 399—401, 403, 476, 497, 504, 508, 518, 519
фразеосхема 385, 386, 388, 389
фрейм 222, 295, 456
фундаментальный корпус текстов → *корпус текстов*

Х

холистическая экспертиза → *экспертиза*

Ч

частная экспертиза → *экспертиза*

Ш

широкая импликация → *импликация*

Э

- экспертиза (лингвистическая экспертиза текста) 3, 4, 17, 56, 130, 222, 517, 528, 554, 555
- автороведческая э. 6, 11, 15, 479, 482, 484—486
 - вербально-визуальная э. 14, 15
 - дискурсивная э. 16
 - звучащей речи э. 7, 14
 - инициативная э. 13
 - комиссионная э. 13, 14, 462
 - лингвостилистическая э. 16
 - морфологическая э. 16
 - официальная э. 13
 - патентоведческая э. 16
 - письменного текста э. 14
 - портретная э. 484, 485
 - почерковедческая э.
 - правовая э. 16
 - текстологическая э. 16
 - фонетическая э. 16
 - холистическая э. 16
 - частная э. 16
 - юридическая э. 16
- экспертиза письменного текста → *экспертиза*
- экспертизы звучащей речи → *экспертиза*
- Экземплификаторы **260**, 261, 270
- выделения э. **261**
 - нейтральные э. **261**
 - умолчания э. **261**
 - уравнивающие э. **261**, 266
- экземплификационное множество 260
- экземплификация (приведение примера) 15, **260**, 261, 263, 265, 267, 275, 278, 279, 281, 284, 391, 392
- невербальная э. **281**
- экономичность корпуса текстов 492
- эксплицитная информация → *информация*
- эксплицитная перформативная формула 29, 31, 36, 43, 414, 435
- эксплицитное утверждение → *утверждение*
- элатив 371—**372**—373, 378, 381, 383, 384, 386, 388, 389

эмоциональная аргументация → *аргументация*

‘эталон’ (как элемент семантического метаязыка) 380, 381, 383

эффект края 397

Ц

цель (метафорической проекции) 73, 74, **88**

цельность (текста) 240, 242, 391

циничность 529, 530, 532, 534, 537

Ч

черный пиар 135, 182

Ю

юридическая экспертиза → *экспертиза*

юридически определяемые термины → *термины*

юрислингвистика 10, 11

Я

языковая игра 70, 71, 82, 100, **228**—**229**—232, 234, 236, 275, 403, 458, 490, 493, 539, 540, 543, 545, 548

языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (языковые механизмы ВИД) 19, 175—**176**—177, 251

языковые основания речевого воздействия **176**

явное утверждение → *утверждение*

А

Argumentum ad hominem → *приемы речевого воздействия*

G

Grundbedeutung 380

Н

hedges 290

Е

eye-stopper 395, 407

Р

product placement 149

Указатель языковых форм

В данном указателе представлены упоминаемые и анализируемые в книге слова, фразеологизмы и метафоры. Метафоры выделены малыми прописными буквами. В тех случаях, когда языковая форма исследуется и как обычное выражение, и как метафора, в указателе повторяются оба варианта. Например, *Иуда* как имя собственное и *Иуда* как метафора. В ряде случаев указывались не все случаи вхождения соответствующей языковой формы, а только наиболее существенные.

А

авгиевы конюшни 215
азер 457, 458, 463
акулы империализма/капитализма 107
акулья хватка 107, 108
а именно 261, 262
алкоголичка 547
[А] не Р ли? 34—36
армяшка 462

Б

бандит 78, 82, 230, 466, 467, 469, 470, 523, 524
бандитизм 132—134, 466, 467, 469
банк 267, 276—281, 354, 355—358
банкротство 131
барон 78, 79
барон-разбойник 78, 128, 129, 217
бедствие 78, 79
без пяти минут (кто-л.) 70, 81, 82, 230
больной 470, 471, 523
бомжиха 547
браконьерство 123
брить 301—304
бритье 301—304

В

важность 94
важный 94, 97
версия 38, 226—228
вероятно 33, 187
вести двойную игру 67
взять (как экземплификатор) 261, 268—272, 466, 467
взять вот (как экземплификатор) 261
взять хоть (как экземплификатор) 261
видимо 33

возмещение 333—336, 343, 345—348
возможно 33, 187, 204, 227, 228, 234
война 451
война 85, 88, 89, 451
война законов 88
вон 435, 436, 440, 446, 447, 455, 457, 458, 459
в определенном отношении 290
вор 63
воровать 53, 120, 121, 179, 189
ворон ворону глаз не выклюет 69
воспитание 125, 126, 308—312
вот 202, 227, 228, 261, 262, 271
в первую очередь 261
вражда 4, 448
враньё 231, 232
вред 164—166, 168, 170—173, 314, 315, 320, 322, 324, 325, 327—330, 333, 334, 336—352, 538
вроде 291
всем X-ам X 358
вспомогательное средство 317, 319
в частности 22, 261
Вы 245, 246
выведение 131
вымогательство 86, 136, 314—316, 465—467, 469
выраженный 316—319
вырождающийся 470, 471
выйти сухим из воды 47, 60, 61, 63—65, 67

Г

гидра империализма 106
гипотеза 38
говорят 204, 227, 291
грабеж 132, 243, 466, 467, 469

Д

да (в «выделительном» значении) 353, 556

давайте! 421, 430, 435

дашь! 435, 438

дать взятку (кому-л.) 15, 54, 76

демянова уха 215

держать... на цепи (кого-л.) 104

Держи карман шире! 400

дерьмо 457

дерьмократ 433

детский мир 514—517

долгой! 422, 436, 444

допустим 268—272

дорожить 94

досмотр 498—504

досмотреть 499

достоинство 233—235

доходы 21, 333, 334, 340, 342, 369

драгоценный 94

дублирование 308, 309, 312

дублировать 309

думать 33, 37, 224, 223

ДУНОВЕНИЕ СВЕЖЕГО ВЕТРА 91, 93—100, 109

Е

е..ть 457, 524, 532, 533

единый 473

еще 223, 224, 357, 359, 556

Ж

жалоба 161—169, 173

жаловаться 163

железный занавес 106

жестокий 465—467, 469

жид 415, 437, 444, 457—463

живот 385

жопа 458, 524

жулик 63, 436

З

задеть честь (кого-л.) 235

заём 337, 338

закрывать глаза (на что-л.) 69, 193

заниматься бандитизмом 132, 133, 465, 466

заниматься браконьерством 132

заниматься контрабандой 132

запрещать 412

запустить руки в (чьей-л.) карман 62

захват 60, 132—134, 448, 449

захватить 134, 367, 368

за что купил — за то и продаю 291

заявлять 291

звереныши 457

здоровый 466, 467, 473

Знай наших! 15, 396, 401

значительный 93, 94, 97

зрительные представления 111

И

и 359, 535, 559

ибо 535

Иван, не помнящий родства 103

и другие - и др. 261

издание книг 308, 309, 310, 312

или 387, 563

иметь большое значение (для чего-л.) 93, 94, 96—100

информация 24, 25, 32

и прочее — и пр. 261, 457

и прочие — и пр. 261

испокон веков/веку/века 48, 67

история с дурным запахом 81

итак 271

и так далее — и т.д. 261

Иуда 102, 103, 235, 236

Иуда 102, 103, 235

К

казаться 33

как бы 291

как кажется 33, 187

[как] с цепи сорваться 104

как то: 139, 262

когда (союз) 195, 196

козел 458, 524

колониальный 471, 472

компромат 304—307

компрометирующие материалы 304, 305

констатировать 31

контрабанда 132

координация 505—508

координация деятельности 505—508

координировать 505, 506

К оружию! 217, 221, 438, 454

кошунство 403, 409, 410, 411, 462

к примеру 261, 263, 266, 267, 325, 552

куратор 83
курировать 83

Л

легенда 38
лидер 373, 377—382
лидерство 378, 381—383
ловить рыбку в мутной воде 63, 67
лукавить 232
лукавство 231, 232

М

маньяк 88—90
материалы 304, 305
мафия 457
мелочно 232
мертвые души 101
микрофильмирование 308, 310
много значить 93
многозначительный 93, 94
могущественный 473
мониторинг 280, 281
может быть 33, 234, 297
мошенник 63
мошенничество 47, 295, 296
мочь 38, 39, 219, 220, 439
мразь 457
мужское достоинство 233
мы 468

Н

наверное 33, 39, 466
наглый 465—467, 469
называть вещи своими именами 132, 133
на каждом шагу 385
на каждом углу 385
намек 205, 207
например 261, 262
нанести урон имиджу (кого-л.) 235
народ/общество — это стадо 547
на руку (кому-л.) 35
нарушение 318, 319
насилие 450
насильственный 450
нахождение в воде 61
наш 468
не видно ни зги 48, 67
негативная информация 64, 69, 79, 81, 84, 117, 126, 131, 183, 184, 187,

262, 266, 282, 294, 296, 306, 307, 360, 392, 394, 395, 403
негативный 180
недружественное поглощение 133, 210, 211
недружественный захват 133
немалый 94
немец 384
непристойность 529, 532
нет X-а P-ее 383, 385, 386
не хухры-мухры 48, 67
Ни стыда, ни совести! 59
ни х.я 536
номер один (№ 1) 373—377
ну 261, 262

О

обеспечение интерактивное электронными публикациями 308, 311, 312
обеспечение учебного процесса 308—312
оборотень в погонах 81, 82, 230
образ (кого-л./чего-л.) 109—113
образ дома 110, 113
образ любимой 110, 112
образ человека 109, 110, 112, 113
общество — это стадо 547
объект-предмет 89
обуть (в значении 'обмануть') 189
обыск 86, 135, 136, 138, 182, 498, 499, 501—505
одурочить 67, 68
озверевший 465, 467, 469
озверелый 465
озвереть 465
опасно 523, 525
организация спортивных и культурно-просветительных мероприятий 308—312
организованная преступная группировка 71, 519—521
организованный 38, 71, 180, 198, 199, 473, 507, 519—522
оружие 89
оскорбительно 548, 549
оскорбление 314, 538, 548, 549
оставить с носом 67, 68
остракизм 132
открытка 508—510
открытое письмо 508—514

отмазать 65, 66
отнять 53
отрицательный 280, 463
отроковица 535
отход 84, 85
отходить 84, 238, 289, 293, 396
офигеть 231
охота 86

П

патологическое вранье 231, 232
перевод с языка жестов 308, 309
ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД РАБОЧЕГО КЛАССА 106
персонификация 391, 392, 394, 452, 463
п...а 532, 533, 543, 545
пи...ый 535
п...ец 535
пиррова победа 215
пистолет в РУКАХ МАНЬЯКА 88—90
плод безумного/большого/болезненно-
го воображения 57, 517—519
плохо 523, 525
повесить на шею (кого-л. кому-л.) 62
по-видимому 32, 33
по всей вероятности 33
поглощение 133, 211
подавление 131
подвергать остракизму 132
подворотня 546, 547
подворотня 546
подозревать 34
подставной 101, 102, 139—141, 143
подтверждать 291—293
под шумок 63
по информации из осведомленных кру-
гов 236
поймать/схватить за руку (кого-л.) 65,
66
по крайней мере 234, 291, 476, 556
по мнению X-а 34
по нашим оценкам 187
по непроверенной информации 236
по оценке X-а 236
пожалуй 33
Политический СУБЪЕКТ/ГОСУДАРСТВЕН-
ный институт — это убийца 90
поправка 291, 293
по предварительным данным 267
по предположению X-а 34
попутно 367, 369, 371

порочащий 305
посадить... на цепь (кого-л.) 104
по словам 291
по слухам 236
посмотрите 467
по сообщениям прессы 236
потери 21, 320—322, 327—333, 337—
342, 346, 347, 350—352, 358
похороны 404—406, 408, 411
превращаться (из Y-а в Z-а) 129
предложить 412
(пред)полагать 34, 412
предположение 38
представление (о ком-л./чем-л.) 109—
112
представлять (кого-л./чего-л.) 111
предупреждать 412
прежде всего 261
презрение 462
презрительный 461
преступный мир 90
приватизация 131
пригласить 412
признаться (в чем-л.) 264
призрак 100
призыв 416, 417, 428
призывать 416, 417, 434, 446, 453
приказывать 412, 415
прикрытие 312, 313
прихватить 366—371
проделка 84
пропасть 297
просить 412
простимулировать (кого-л.) 54
проститутка 547
протез 317, 319
процедура выборов — это пистолет 89
публиковать 311
пустой буфет 83, 84
пускай 436
пусть 430, 436
пэтэушница 547

Р

раб 471
разбойник 71, 78, 79, 129, 214
разбойники (грабители) с большой
дороги 71
развлечения 308—312

размывание 131
распоряжаться 412
расходы 333—336, 342
рознь 456
ружье 87, 217—221, 440, 445, 447, 452

С

сброд 472
сведения 23—25
свинья 458, 540
сволочь 82, 458
семя 535
сиська 545, 546, 552
скандал 47, 63, 296
склизко 232
скотина (о человеке) 458
скупка 131
слуховые представления 111
слышал 292
смерть! 115, 116, 415, 437
сойти с рук 60, 61
состояние 275
сплоченный 473
спрашивать 415
ср. — сравните 261
средство 317, 319
ссуда 337
становится (Z-ом) 129
старый хрен 458
стенания 163
стимулировать (кого-л.) 54, 55
стол 75
стол заказов 75, 76
строго говоря 290
судя по всему 33
сука (о человеке) 458
сумасшедший дом 546

Т

так 261, 266, 267
талантливый 473
татарва 462
темная история 81
темный след 82
террорист 384
только 387
точнее 261
триумф 84
трудолюбивый 473
трюк 83, 84

У

убийца 89, 90
ублюдок 458
убытки 20, 320—324, 328—330, 332—
336, 338—339, 341, 347, 349, 350—
352, 538
увещевать 412
угон 244, 246
угрожать 412
[Уж] не P ли? 36
украсть 53
умеренный 318
уродливый 463
утверждать 30, 31, 291, 292
утверждение 30
утрата 320—322, 325, 326, 328—330,
340, 341, 343
утратить 321
уходить 85
учитель 76, 77
ущемить достоинство (кому-л.)/(кого-л.)
233—235
ущерб 320—325, 328—330, 341—344,
346, 347, 351, 538

Ф

факт 227, 228
фактические потери 330—333, 338,
340—342, 347, 350—352
фактический 331, 332
фальшивый 285, 286, 525
фокусник 80
фокусник 80
формально 290
функция 318, 319

Х

хачик 457, 458, 463
холуй 458
хоть 261, 262, 269
хочется верить 441, 443, 445, 447
х..во 534
х.. 58, 59, 525, 532, 534—536, 542—544

Ц

цены нет (кому-л./чему-л.) 94
цепной пес 100, 104—106
цепной пес демократии 100, 104—106
цинизм 532
цыплят по осени считают 68

Ч

человек с ружьем 87
черная дыра 504
черножопый 457, 458, 462
через (временные употребления) 361—
366
что охраняешь — то имеешь 68
чурка 458
чучмек 462

Э

эксплуатировать самолюбие (кого-л.)
235
эпопея 94

Ю

юридическое оформление 313
юридическое прикрытие 313

Я

якобы 291, 355, 356
янычар 203, 204

Е

Eyes Wide Shut 105

U

unfriendly takeover 133

X

X как X 385
X он и в Африке X 385

W

watchdog of democracy 104—10

Оглавление

Предисловие юриста	3
От автора	6
Введение	10
Глава 1. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА	
С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ	20
§ 1. Постановка проблемы	20
§ 2. Лингвистические определяемые термины: «сведения», «информация», «утверждение»	22
§ 3. Утверждение как особый тип коммуникативного намерения	26
§ 4. Утверждение как модальность, проблема наследования модальности в тексте	36
§ 5. Имплицитные способы выражения утверждения, аналоги предположения	40
Глава 2. ФЕНОМЕНЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ	
ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА	56
§ 1. Фразеологизмы	56
§ 2. Метафоры	71
2.1. Следствия из метафоры и профилирование (коммуникативное высвечивание) смысла	73
2.2. Метафора в заголовке	84
2.3. «Человек с ружьем» — метафора и выявление пропозиционального содержания призыва	87
2.4. «Пистолет в руках маньяка» — проблема определения того, что характеризует метафора	88
2.5. «Дуновение свежего ветра...» — возможности использования метафоры в рекламном тексте	91
2.6. «Цепной пес демократии» в интертекстуальном измерении: прецедентные и дискурсивные метафоры	100
2.7. «Образы физических лиц в возрасте до 35 лет» — законодательные ограничения рекламного дискурса	108
2.8. Невербальные метафоры	114
§ 3. Референция: установление референта по неполной и альтернативной номинации	116
3.1. Пример 1. «Потанин» — неполная номинация олигарха	117
А. Лингвистический аспект	118
Б. Экстралингвистический аспект	122
3.2. Пример 2. «Тушинская четверка» как альтернативная номинация олигархов	124
§ 4. Референция: установление актантов номинализации	130

§ 5. О стратегии отождествления альтернативных описаний ситуации	134
§ 6. Дискурс, речевой жанр	145
6.1. Пример: определение дискурсивного статуса текста	149
6.2. Речевой жанр жалобы в делах о защите чести и достоинства	160

Глава 3. ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА	174
§ 1. «Замазывание», или Введение в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд	179
1.1. «Argumentum ad hominem», или Переход на личности	184
1.2. «Тень на плетень», или Недоказанность как виновность	186
§ 2. «Ad Нос’овый негатив»: установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью	188
§ 3. «Ящик водки» — выбор единицы измерения как инструмент речевого воздействия	189
§ 4. Навязывание пресуппозиции	191
§ 5. Семантическая импликация как инструмент управления пониманием	200
§ 6. «Янычары семьи» — метафора и речевое воздействие	202
§ 7. Намек	205
§ 8. «Неутомимый Долдон, или Рассказки запросто»: прием концентрированного повторения информации	222
8.1. «Он еще жив?», или Как вопрос становится ответом	223
8.2. «Версия, опирающаяся на факты», или Как предположение сделать фактом, — дезориентация адресата повторяющейся сменой противоположных модальностей	226
§ 9. Языковая игра как средство воздействия	228
§ 10. «По слухам» — ссылка на неизвестный источник	236
§ 11. Введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста	237
§ 12. Аргументация	249
12.1. Post hoc est propter hoc — после значит вследствие	258
12.2. Экземплификация в аргументации	260
12.3. Искусственное конструирование аргументации	273
12.4. Невербальный пример при вербальном тезисе — экземплификация намеком	275
12.5. Возможность вербального описания примера при невербальной экземплификации	281

§ 13. Фершлюгенхаймер, или ссылка на авторитет	287
§ 14. Снижение силы утверждения — «лексемы-ограничители»	290
§ 15. Факторы макроструктуры текста в речевом воздействии	293

Глава 4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА В ЭКСПЕРТНОЙ

ПРАКТИКЕ	299
§ 1. «Безлезвенное бритье» — оксюморон как некорректная реклама	301
§ 2. Семантика <i>компромата</i>	304
§ 3. Семантические отношения между терминами: 'род — вид'	307
§ 4. Семантические отношения между словами: пересечение семантики	312
§ 5. Отождествление ситуации, соответствующей значению слова	314
§ 6. «При дробности выполнения и сокращения расстояния»: интерпретация лингвистически определяемых терминов в тексте инструкций и подзаконных актов	316
§ 7. Семантическое поле 'вреда': анализ одного подмножества терминов терминосистемы российского законодательства	320
7.1. Семантика слов <i>убытки</i> , <i>ущерб</i> , <i>утрата</i> , <i>потери</i> и <i>вред</i> в литературном русском языке — нетерминологическое употребление	320
7.2. Семантика выражения <i>фактические потери</i> как термина	330
7.3. Слова <i>убытки</i> vs. <i>потери</i> как термины	332
7.4. Слова <i>потери</i> vs. <i>утрата</i> как термины	340
7.5. Слова <i>ущерб</i> vs. <i>вред</i> vs. <i>потери</i> в терминологических употреблениях	341
7.6. Слова <i>вред</i> vs. <i>убытки</i> в терминологических употреблениях	347
7.7. Слова <i>потери</i> vs. <i>убытки</i> vs. <i>вред</i> в терминологических употреблениях	350
§ 8. Семантическая сфера действия	352
§ 9. Анализ семантики служебных слов в финансовых документах	360
§ 10. <i>Прихватить</i> — семантическое изыскание в области криминальной клеptomании	366
§ 11. Суперлатив, элатив и семантика превосходства	371

Глава 5. НЕСТАНДАРТНЫЕ ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕКСТ С НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ	390
§ 1. Визуальная персонификация как прием управления пониманием	391
§ 2. Визуальная верификация знания	395
§ 3. <i>Знай наших!</i> — выражение чувства удовлетворения и законной гордости или призыв к просвещению?	396
§ 4. Метафора похорон и кощунство	403
Глава 6. РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИЗЫВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА	412
§ 1. Призыв как речевой акт, типы речевого акта призыва	412
1.1. Контексты аутореферентного употребления РА призыва	416
1.2. Общий инвариант призыва, призывы инклюзивного и эксклюзивного действия	420
1.3. Призыв-лозунг	422
1.4. Призыв-апелляция	425
1.5. Призыв-обращение	428
1.6. Призыв-воззвание	431
§ 2. Грамматические характеристики призывов	433
§ 3. Факторы, влияющие на квалификацию побуждения как призыва	439
3.1. Выявление и оценка пропозиционального содержания призыва	439
3.2. Выявление и оценка подготовительных условий призыва	442
3.3. Выявление и оценка условия искренности призыва	445
3.4. Выявление и оценка существенного условия призыва: заключительная часть анализа призыва	446
§ 4. Выявление призывов с различным содержанием (пропозициональным содержанием)	447
4.1. Призывы к насильственным действиям	450
4.2. Призывы к действиям, направленным на возбуждение розни (расовой, национальной и религиозной), на унижение национального достоинства	454
4.2.1. Оценочно-немотивированные призывы	454
4.2.2. Оценочно-мотивированные призывы	456
4.2.2.1. Тексты, основанные на стратегии оценочно-мотивированных призывов	464
4.3. Призывы к действиям, направленным на пропаганду исключительности и превосходства	469

Глава 7. ТЕХНОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОРПУСЫ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА	475
§ 1. Элементы типологизации корпусов текстов: фундаментальные корпусы текстов; динамические/ мониторные vs. статические корпусы; исследовательские корпусы vs. иллюстративные корпусы; авторские корпусы	477
§ 2. Типология корпусов текстов, учитывающая задачу выявления индивидуальных особенностей автора текста	484
§ 3. Проблема репрезентативности корпуса	487
§ 4. Требования, предъявляемые к корпусу текстов с точки зрения пользователя	492
§ 5. Программы компьютерной поддержки корпусов	493
§ 6. Использование корпусов текстов в исследовании семантики слов и словосочетаний при лингвистической экспертизе текста	497
6.1. Уточнение словарного толкования слова и выявление условий нейтрализации значений лексем	497
6.2. Определение значения свободного словосочетания	504
6.3. Оценка употребительности слова или словосочетания в определенном значении в современном русском языке ...	508
6.3.1. «Открытое письмо»	508
6.3.3. «Детский мир»	514
6.4. Оценка наличия компонента значения в семантике языкового выражения	517
6.5. Раскрытие эллипсиса	519
§ 7. Использование корпусов в экспертизе семантики текста	522
7.1. Контент-анализ в оценке плана содержания текста	522
 Глава 8. CASE STUDIES: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА В КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ	528
§ 1. Дело Баяна Ширянова	528
§ 2. Дело Ф.Б. Киргорова	537
 О ЖАНРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (вместо заключения)	553
Литература	556
Приложение 1	567
Приложение 2	569
Приложение 3	571
Предметный указатель	572
Указатель языковых форм	581

Учебное издание

Баранов Анатолий Николаевич

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА
(теоретические основания и практика)
Учебное пособие

Оформление обложки — *И.А. Баранов*

Подписано в печать 17.10.2012.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru. Web Site: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90